

Роберт Макнамара

Вглядываясь в прошлое

ТРАГЕДИЯ И УРОКИ
ВЬЕТНАМА

ЛАДОМИР

РОБЕРТ С. МАКНАМАРА

Вглядываясь в прошлое

ROBERT S. McNAMARA

In Retrospect

The Tragedy and Lessons of Vietnam

with Brian VanDeMark

РОБЕРТ С. МАКНАМАРА

Вглядываясь в прошлое

Трагедия и уроки Вьетнама

Научно-издательский центр
«Ладомир»
Москва

Перевод с английского *Е.А. Любимовой*
Научный редактор *В.А. Мазинг*
Оформление *А.П. Зарубина*

This translation published by arrangement
with Crown Publishers, a division of Random House, Inc.,
and with Synopsis Literary Agency

ISBN 5-86218-433-3

Copyright © 1995 by Robert S. McNamara.
© А.И. Уткин. Статья, 2004.
© Е.А. Любимова. Перевод на русский язык, 2004.
© А.П. Зарубин. Оформление, 2004.
© НИЦ «Ладомир», 2004.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается.*

Содержание

<i>А.И. Уткин. Последний рыцарь Камелота</i>	7
Предисловие	35
Глава 1. Мой путь в Вашингтон. <i>9 июня 1916 года – 20 января 1961 года</i>	39
Глава 2. Первые годы. <i>19 января 1961 года – 23 августа 1963 года</i>	62
Глава 3. Драматическая осень 1963 года. <i>24 августа – 22 ноября 1963 года</i>	83
Глава 4. Время перемен. <i>23 ноября 1963 года – 29 июля 1964 года</i>	119
Глава 5. Тонкинская резолюция. <i>30 июля – 7 августа 1964 года</i>	154
Глава 6. Выборы 1964 года и их результаты. <i>8 августа 1964 года – 27 января 1965 года</i>	170
Глава 7. Решение об эскалации. <i>28 января – 28 июля 1965 года</i>	192
Глава 8. Рождественская пауза в бомбардировках. Неудачная попытка приступить к переговорам. <i>29 июля 1965 года – 30 января 1966 года</i>	230
Глава 9. Проблемы становятся все труднее. <i>31 января 1966 года – 19 мая 1967 года</i>	254
Глава 10. Отчуждение и уход. <i>20 мая 1967 года – 29 февраля 1968 года</i>	293
Глава 11. Уроки Вьетнама	337
Вместо эпилога. Ядерные кризисы 60-х годов и их уроки для XXI века	354
Послесловие	364

Приложения

Персоналии	369
Литература	380
Список сокращений в постраничных примечаниях	383
Именной указатель	384
Указатель географических названий	394
Предметный указатель	399

Последний рыцарь Камелота

Двое из самых могущественных представителей противоположных мировых лагерей восхитились им прилюдно. Вице-президент Линдон Джонсон, услышав речи Роберта Макнамары, министра обороны в администрации Джона Кеннеди, потрясенный его интеллектом и блеском, бросился к своему ментору сенатору Сэму Рэйберну со словами, что самое сильное впечатление на первом заседании кабинета министров на него произвел «этот парень из компании “Форд”»¹. Своего рода «вице-президент» Л.И. Брежнев А.Н. Косыгин был так впечатлен Макнамарой, что в 1967 году, во время встречи с президентом Джонсоном, остался в Глассборо еще на один день, чтобы услышать аргументы американского министра обороны относительно стабилизирующего воздействия потенциальной возможности «взаимного гарантированного уничтожения» и ненужности национальных систем противоракетной обороны. Возвратившись в Москву, Косыгин спросил на заседании политбюро: «Есть ли такие специалисты и у нас?»

Эти суждения прошли проверку временем. Когда современные историки обращаются к эре Кеннеди — Джонсона, то в качестве трех самых талантливых людей называют советника по национальной безопасности Макджорджа Банди, министра юстиции Роберта Кеннеди, брата президента Джона Кеннеди, и министра обороны Роберта Макнамару, чьи мемуары вы, читатель, держите сейчас в руках. Это своеобразная летопись драматической по характеру эпохи, написанная с точки зрения одного из главных творцов истории той поры.

До Пентагона

Роберт Макнамара родился в Сан-Франциско в 1916 году. Фамилия его матери, Стрэйндж, вошла в его полное имя — Роберт Стрэйндж

---

¹ Старый скептик постарался остудить выпускника техасского педагогического колледжа Джонсона: «Ну, Линдон, ты, может быть, и прав, и эти парни очень умны, как ты и говоришь, но мне было бы спокойнее, если б хотя бы один из них избирался когда-нибудь пусть и на пост всего лишь местного шерифа». — *Примеч. А.И. Уткина.*

Макнамара. Поскольку же английское слово «стрейндж» означает «странный», это стало впоследствии бесценным подарком для фельетонистов и критиков. Отцу Макнамары, торговцу обувью, при рождении сына было 50 лет. Он был католиком, а жена — протестанткой. Это помогло Роберту в 1964 году, когда президент Джонсон решил взять его к себе в качестве вице-президента: как высказался один из специалистов, «протестанты будут думать, что он протестант, а католики, что он католик». Семья переехала в Окленд, славившийся своей школьной системой, и не зря. Даже через сорок лет учителя средней школы с удовольствием вспоминали своего воспитанника. Его поведение было примерным, и он к тому же очень любил читать. Роберт Макнамара в юности буквально расточал энергию, был членом всех возможных клубов. Но тест на умственные способности показывал в те времена, что они лишь ненамного превышали норму. В общем, очень яркий ученик, но не ярко выраженный талант. Макнамара учился в Калифорнийском университете в Беркли, когда тот превращался в великий учебный центр. Наибольших успехов здесь он достиг в математике, решал задачи так быстро, что у него оставалось много времени для чтения книг. Трудно было представить, что он сделает блестящую карьеру в бизнесе. Он тогда не проявлял своей организаторской воли, и казалось, что из него выйдет хороший преподаватель. Его хобби стал альпинизм, его личным девизом были дисциплина, воля и рациональность. За Беркли последовала Гарвардская школа бизнеса.

Макнамара не был представителем классического американского истеблишмента. Его путь наверх связан со знакомством с Робертом Ловеттом во время службы в военно-воздушных силах США в годы Второй мировой войны. Когда новоизбранный президент Кеннеди спросил Ловетта, кто мог бы возглавить Министерство обороны, тот немедленно назвал имя Макнамары. До 1947 года о нем практически не знал никто за пределами семьи. А в 1947 о нем написал в журнале «Форчун» Роберт Ловетт. Кеннеди позвонил Макнамаре в штаб-квартиру «Форд мотор компани», по существу, не зная о нем ничего, хотя они встречались мельком во время предвыборной кампании, поскольку отделение Демократической партии в Мичигане было одним из самых мощных отрядов Кеннеди внутри этой организации. Макнамара олицетворял тип либерального бизнесмена — человека широкого умственного горизонта, подлинного интеллектуала. Макнамару вызвали в Вашингтон, и его встретил Кеннеди, который был под таким большим впечатлением от личного знакомства с ним, что сразу предложил ему на выбор пост министра финансов или обороны. Министерство финансов мало интересовало Макнамару. Он спросил у одного из людей Кеннеди, что делает министр финансов, и тот ответил, что Министерство финансов ведаёт процентными ставками. «В качестве президента “Форд мотор компани” я больше этим занимался, чем министр финансов», — заметил Макнамара. Финансы были для него скучны. Куда больше его

прельщало руководство военной машиной всей страны. Военное хозяйство Министерства обороны точно было больше, чем компания «Форд», и потолок власти здесь был, соответственно, невероятно высок.

Характерен первый вопрос Макнамары, обращенный к Кеннеди: «Правда ли то, что вы сами написали “Примеры мужества”, получившие Пулитцеровскую премию?» Кеннеди заверил его, что это правда (теперь-то мы точно знаем, что Кеннеди говорил неправду). Макнамара несколько в прямолинейной манере высказал сомнения по поводу подготовленности Джона Кеннеди к посту президента. Кеннеди ответил, что школы президентов не существует. Макнамара просил у Кеннеди о нескольких своих людях. Весь этот разговор понравился Джону Кеннеди. Макнамара не терял времени даром, стремясь как можно быстрее обрести то же самое, что больше всего ценил и сам Кеннеди, а именно ясность. С предложением Кеннеди Макнамара отправился к своему боссу Генри Форду II. Тот, хотя и не хотел этого, расстался с президентом своей компании. А Макнамара начал немедленно звонить всем прежним министрам обороны и всем известным специалистам в военном деле: он, как всегда, брал быка за рога. Окружение Кеннеди делало ясное различие между теми, кто добивается некоего поста, и теми, кому этот пост предлагается. Самоконтроль, дисциплина, энергия Макнамары произвели на всех наилучшее впечатление. И Макнамара собрал самую эффективную команду, которую когда-либо видел Пентагон.

«Новый Камелот»

Восхитительное то было время. Пока республиканская администрация 1950-х годов, возглавлявшаяся вечно играющим в гольф Эйзенхауэром, пребывала в полусонном состоянии, Джон Кеннеди собрал тех, кого он называл «лучшими и самыми яркими» в Соединенных Штатах. Центральное место в его команде занимали Макджордж Банди, Дин Риск, Артур Шлезингер, Теодор Соренсен, Пьер Сэлинджер, Аверелл Гарриман, генерал Максвелл Тэйлор, Билл Мойерс, макротеоретик Уолт Ростоу. Почти каждый из них имел за плечами блестящую карьеру, книгу, написанную им лично (даже министр почт Э. Дэй, и тот преуспел на «писательской» стезе), и пользовался в стране широкой известностью. Все они были врагами традиционализма и архаики, отличались несклонным к компромиссам характером и придерживались собственных взглядов на вещи.

Особенно выделялся в этом кругу внимательный, рассудительный, трезво-проницательный, математически точный в деталях и всеохватно-понимающий общий замысел молодой человек с очками во много диоптрий — министр обороны США Роберт Макнамара. Окруженный

графиками, обращенный к нарождающейся тогда компьютерной технике, вечно оперирующий словами «системный анализ», обладатель могучего, холодного, здравого рассудка, Роберт Макнамара отражал эпоху восхода на американский политический Олимп группы тех блестящих молодых людей, которых окрестили «новым Камелотом»¹, где королем Артуром был Джон Кеннеди, а плеяда рыцарей вокруг него, казалось, не знала непреодолимых препятствий ни в знаниях, ни в проницательности, ни в искусстве организации, ни в мужестве.

Кеннеди не сразу нашел себе в 1960 году министра обороны. Прежде всего, это должен был быть первоклассный менеджер: пятнадцать лет назад в пахнущем свежей краской Пентагоне работали 150 сотрудников Министерства обороны США, а теперь в Военном ведомстве насчитывалось 20 тысяч чиновников. Только что избранный президент Кеннеди спросил одного из своих политических наставников, бывшего замминистра обороны Ловетта, какими качествами должен обладать министр обороны США. Ловетт ответил после паузы: «Здравым скептицизмом, приверженностью к определенным ценностям и пониманием приоритетности проблем». Два собеседника обозрели мир бизнеса, доступных интеллектуалов, финансовые круги. Им нужен был, помимо прочего, человек с очевидными амбициями, честолюбивый и самостоятельный. Оба пришли к выводу, что высшим критериям отвечает лишь возглавляющий автомобильную компанию «Форд» Роберт Макнамара. Ловетт работал с Макнамарой в годы Второй мировой войны и составил о нем самое благоприятное впечатление: дисциплинированный, обладающий огромными аналитическими способностями, энциклопедически образованный руководитель, объем знаний которого поразал каждого.

Переезд из Детройта в Вашингтон означал для Макнамары потерю трех миллионов долларов в год: пост президента «Форд мотор компани» был гораздо более оплачиваемой должностью, чем министра обороны. Но Макнамара всегда любил власть больше, чем деньги. Конечно же, как он говорил, «власть для хороших дел».

Три качества

Трудолюбие, самоотверженность, лояльность — эти три качества, которые американцы ценят более всего, были присущи ему в высшей степени.

Однажды журналист спросил Макнамару, кто его друзья, с кем он отдыхает, в чьей компании хотел бы выпить пива. Макнамара ответил: «Я люблю семью Кеннеди». Теперь Макнамара еще более сближается

---

¹ Камелот — резиденция героя народных преданий короля бриттов Артура, борového с англосаксонскими завоевателями (V–VI вв.). — *Примеч. ред.*

с кланом Кеннеди. Он безоговорочно спешит в их родовое имение Хай-янис-Порт, когда с сенатором Эдвардом Кеннеди происходит несчастье и близ моста Чапаквиддик гибнет девушка. Уже тогда на него смотрели как на человека, делающего невозможное — гасящего одновременно два кризиса: кубинский и вьетнамский.

Складывается личность, формируется образ. Именно тогда мир начинает узнавать его по многочисленным фотографиям в прессе и по телепередачам. Даже просто слушая Макнамару, невозможно было вообразить его толстым, неподтянутым, рыхлым. Его фирменным знаком становятся очки без оправы, ясный и четкий взгляд сквозь них, тщательно зачесанные назад волосы, стройная фигура, подтянутость. Казалось, он — само воплощение американской энергии, целеустремленности, того, что называется «American drive» — «американским стилем». Всем своим поведением он показывал, что для него нет пределов, что именно такие люди, как он, послали Армстронга и Олдрина на Луну. Всегда рациональный, всегда владеющий своими эмоциями, он являл собою тип пуританина, для которого нет преград.

Его ум, аналитичный, склонный к точным наукам, производил впечатление. Нигде Макнамара не чувствовал (и не демонстрировал) большей силы, чем в мире статистики и графиков. Однажды на восьмом часе просмотра слайдов, иллюстрирующих поставки вооружений во Вьетнам, он остановил проектор: «Восемьсот шестьдесят девятый слайд противоречит одиннадцатому». Возвратили указанный слайд: министр оказался прав. «В нем всегда слышны щелчки компьютера», — говорил восхищавшийся им президент Джонсон.

Он твердо держится заранее согласованного расписания. Очень бережет свое время, ни секунды не задерживается после брифинга или выступления. Ленч в пределах десяти минут примерно часа в два. Никакого пустого философствования. Никому не позволено владеть или злоупотреблять его временем. Как и докладывать ему устно. Объяснение: «Я читаю быстрее, чем они говорят». Стоит кому-либо отвлечься и нарушить это правило, как его встречает отчужденный взгляд всемогущего министра, в котором Америка нуждается все больше. Генерал Максуэлл Тэйлор (военный идеолог администрации Кеннеди) вспоминает, как он пришел к министру обороны несколько раньше условленного срока. Министр был один, но специально стал выжидать, чтобы принять генерала именно в назначенное время. Время было для него «дороже, чем деньги, время было действием». Кто напрашивался на долгий разговор, мог рассчитывать только на перелет по маршруту Вашингтон — Гонолулу или Вашингтон — Сайгон.

Что характерно, овладевающий все большим влиянием министр никогда не распространялся на тему политической власти, никогда не выказывал своей жажды в отношении этого великого яда. Теперь, когда нам доступны воспоминания не только самого Макнамары, но и

всей современной ему плеяды политиков, мы видим неоспоримые свидетельства действия этого яда. Особенно это касается периода, ознаменованного переходом власти от Кеннеди к Джонсону, и последних лет Джонсона, когда нужно было выбирать между Джонсоном и Робертом Кеннеди. Выросший в обстановке безжалостной конкуренции великой автомобильной тройки Детройта («Дженерал моторс», «Форд» и «Крайслер»), Макнамара оказался достаточно хорошо подготовленным к битвам в политических джунглях Вашингтона. Идеалистически настроенные его сотрудники были поражены оборотной стороной постоянной битвы за политическое выживание. Политической невинности и идеализму места здесь было мало.

Всемогущество

Каждое историческое явление имеет свою высшую точку развития. История американской внешнеполитической экспансии также имела свой апогей. Он пришелся на время пребывания у власти демократов в первой половине 60-х годов. Нельзя сказать, что ранее Америка была значительно слабее, но нельзя и не отметить, что два явления отличаются 1961–1964 годы от предшествующего периода: во-первых, в эти годы в США произошел огромный прирост стратегического потенциала, и, во-вторых, Вашингтон был готов к тотальному интервенционизму, ставшему главенствующей доктриной, в пределах всего мира. В первой половине указанного десятилетия США превосходили СССР по числу средств доставки ядерных боезарядов в 10 раз, а к концу его это превосходство было потеряно. В начале десятилетия валовой национальный продукт США втроекратно превосходил совокупный западноевропейский и японский, а через 15 лет показатели сравнялись. В начале 60-х годов десятки новых государств лишь «стучались в двери» ООН, а через десятилетие возникли их мощные организации — «Группа 77», движение неприсоединения и Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК). Америка не стала слабее позднее, напротив, в абсолютных показателях она стала сильнее. Но исчезли «пиковые приметы» американского всемогущества: США потеряли ядерную монополию, СССР добился к концу 60-х годов примерного стратегического паритета, а сами Соединенные Штаты после 1965 года, когда они крепко увязли в развязанной ими войне в Индокитае, уже не могли говорить о помощи «всем и повсюду», — они стали постигать ту истину, что тотальный интервенционизм не только чреват опасностями, но попросту невозможен: еще одного Вьетнама Америка уже вынести не смогла бы.

Именно в это время в Пентагон въехал министр, которому впервые за много лет ничего не нужно было объяснять. Это был пик американского всемогущества. Советский Союз еще не достиг паритета, соот-

ношение в стратегических силах между Вашингтоном и Москвой было 10:1. На США приходилось почти 40 процентов мирового валового продукта, Западная Европа была лишь в самом начале своей интеграции, Япония еще не поднялась, Китай бился в конвульсиях «культурной революции», Индия проходила тест на выживание. Соединенные Штаты сформировали стратегическую триаду: они уже создали основной стратегический бомбардировщик наших дней — «В-52», в океанскую пучину опустили стратегические подводные лодки «Поларис», запускающие баллистические ракеты из подводного положения, на боевое дежурство встала тысяча межконтинентальных баллистических ракет (МБР) «Минитмен». Вашингтон вооружился неуязвимыми стратегическими боевыми средствами глобального радиуса действия, в то время как Организация Североатлантического договора (НАТО), «договор о взаимном сотрудничестве и безопасности» с Японией на Дальнем Востоке и Организация Центрального договора (СЕНТО) на Юге служили мощной опорой возглавляемым Соединенными Штатами обычным вооруженным силам. Из окна своего кабинета в самом большом здании мира — Пентагоне — внимательный молодой человек смотрел на мир фактически с чувством собственного *всемогущества*.

Первое, что сделал Роберт Макнамара на посту министра обороны, — это потребовал увеличения численности межконтинентальных баллистических ракет (МБР) с 450 до 950. Президент Кеннеди спросил своего министра: «Боб, почему девятьсот пятьдесят?» На что Макнамара ответил, что Конгресс, находящийся под впечатлением успехов СССР в космосе, не согласится на меньшую цифру.

Итак, министр обороны США Р. Макнамара требовал доведения числа МБР до 950, Объединенный комитет начальников штабов — строительства 3000 МБР. Это были фантастические цифры, не все они были одобрены, но Военное ведомство США получило за первую половину 60-х годов невиданные дотоле средства: только за период между 1961 и 1964 годами военный бюджет был увеличен на 13 процентов (с 47,4 млрд до 53,6 млрд долларов). К 1967 году число МБР возросло в пять раз (с 200 единиц, имевшихся во времена Эйзенхауэра, до 1000). При Кеннеди подводный флот получил 41 атомную подводную лодку типа «Поларис», которые были способны осуществить запуск 656 ракет стратегического назначения. 600 стратегических бомбардировщиков вошли в состав военно-воздушных сил созданной при Кеннеди стратегической триады.

Нужен ли был Америке такой стратегический арсенал? Выступая перед редакторами и издателями агентства ЮПИ в 1967 году, Р. Макнамара объяснил мотивы грандиозного стратегического строительства следующим образом. Когда администрация Кеннеди пришла к власти, Советский Союз обладал «очень небольшим оперативным арсеналом межконтинентальных ракет», но СССР имел, мол, возможность «очень существенно увеличить этот арсенал», и эта-то гипотетическая возмож-

ность была взята за основу национальной стратегии США. У американской стороны, признает Р. Макнамара, «не было никаких доказательств того, что Советы в реальности планируют полное использование этой возможности». Отталкиваясь от априорного, абсолютно надуманного аргумента, Соединенные Штаты пошли на колоссальное развитие стратегических сил. Внешнюю политику администрации Кеннеди можно понять, лишь учитывая тот факт, что во время его президентства создавалась гигантская военная машина, совершался грандиозный стратегический бросок, опираясь на который, амбициозный американский президент хотел сохранить прежние позиции Америки в мире.

Уже осенью первого года пребывания Дж. Кеннеди в Белом доме (1961 г.) американские спутники-разведчики подтвердили, что Соединенные Штаты значительно опережают СССР по числу межконтинентальных баллистических ракет. США признали этот факт в октябре 1961 года. Тем не менее исключительный по масштабам рост стратегических вооружений происходил с невиданной интенсивностью. Неужели проводники американской имперской политики не понимали, что стратегический рынок Америки не окажется безнаказанным, не пройдет бесследно и вынудит к развитию вооружений и противостоящую сторону? К. Кейзен, сотрудник Совета национальной безопасности, близкий к М. Банди, убеждал президента Кеннеди, что «отсутствие великодушия будет иметь неизбежным следствием вынесение гонки вооружений на более высокий уровень».

Залив Свиней

Черчиллевское «grace under pressure» — «проявление мужественного и привлекательного мастерства даже вопреки мертвящему давлению обстоятельств» — было общим лозунгом кеннедиевской группы государственных деятелей — Макнамары в первую очередь. Его умственный взгляд переходил от Долины Кувшинов в Лаосе к Заливу Свиней на Кубе, а оттуда — к дельте Меконга, и всюду методический ум искал способ максимально эффективного приложения сил, противился панике, мобилизовывал силы для минимизации ущерба, искал выход из трудностей, не допуская умственной декомпрессии. Его характер делал пост министра обороны более важным в правительстве Кеннеди — Джонсона, чем какой-либо другой. По существу, Макнамара взял на себя значительную долю функций государственного секретаря (занимавший этот пост Дин Раск быстро понял, что не может сопротивляться Макнамаре) и часть функций советника по национальной безопасности (Макджордж Банди, состоявший в данной должности, сопротивлялся, но и он часто отступал перед самым влиятельным министром кабинета).

Заминка в его карьере — фиаско в Заливе Свиней, куда американцы попытались высадить десант и где Фидель Кастро проявил себя уверенным лидером Кубинской революции. Именно это и побудит Макнамару приложить все силы к тому, чтобы сделать из Вьетнама площадку для общеамериканского и личного реванша.

Карибский кризис

Тремя главными проблемами, с которыми столкнулся Макнамара во время своей министерской карьеры, стали Куба, стратегические аспекты отношений с Советским Союзом и, наконец, Вьетнам. Именно кубинская проблема породила наиболее яркий эпизод в его политической жизни — Карибский кризис в октябре 1962 года.

Советско-американская гонка вооружений привела мир к грани самоуничтожения — и к процессу разрядки международной напряженности, или детанта, когда обе сверхдержавы заглянули за грань самоубийства и, уstraшенные, начали этот процесс. Вьетнам символизировал стремление Америки установить всемирный контроль и, расколов страну, привел Соединенные Штаты к пониманию невозможности глобального контроля. Вьетнамское фиаско на тридцать лет сделало непопулярной имперскую самоуверенность, погубило целое поколение американских политиков, вызвало невероятные внутренние конвульсии и массовый пересмотр мировидения. Роберт Макнамара находился в центре всех трех процессов. Пройдет время, и многие иллюзии потускнеют, однако факт остается фактом: начиная с января 1961 года он творил историю. Этим и интересны его воспоминания — воспоминания свидетеля колоссальных явлений, изменивших Америку и мир.

У администрации Кеннеди было желание добиться быстрого успеха в решении «кубинской проблемы». Как могли США смириться с фактом существования страны, находившейся в 90 милях от их территории и не признававшей американского господства в Западном полушарии? Еще в ходе предвыборной кампании 1960 года Кеннеди призывал к «серьезному наступлению» на Кубу. Впоследствии Дж. Кеннеди проклинал экспертов из Центрального разведывательного управления и Объединенного комитета начальников штабов, предсказывавших восстание населения против Фиделя Кастро сразу же после высадки кубинских контрреволюционеров, поддерживаемых американцами. Согласно сделанному впоследствии его же собственному признанию, «неодобрение им плана вторжения было бы воспринято как признак слабости, что явно не соответствовало общей линии поведения администрации».

События показали, что влияние США в мире может ослабнуть не только от бездействия, но и от непродуманной активности. Серьезным

испытанием президентского варианта стратегии глобальной экспансии стал так называемый Карибский кризис (октябрь 1962 г.).

Напомним, что в ответ на размещение американских ракет средней дальности (класса «Юпитер») близ советских границ — в Турции, Италии и Англии — Советский Союз по согласованию с правительством Кубы начал установку там сходных ракет. Это вызвало пароксизм страха у американского руководства. В ходе этого кризиса Вашингтон показал себя готовым на все, включая ядерный конфликт. Готовность администрации Кеннеди пойти на риск ядерной войны должна была предполагать, что установка советских ракет меняет стратегический баланс между США и СССР. Но как согласовать с этой оценкой мнение ЦРУ и Объединенного комитета начальников штабов, выраженное еще до начала Карибского кризиса, что американские ракеты среднего радиуса в Турции и Италии не влияют на общий стратегический баланс? Даже тайно созданный совет — «исполнительный комитет» Совета национальной безопасности — пришел к выводу, что ракеты на Кубе не меняют стратегического баланса. Советник и главный составитель речей Кеннеди, его биограф Т. Соренсен оценивал ситуацию таким образом: «Не вызывает сомнений, что эти размещенные на Кубе ракеты, взятые сами по себе, на фоне всего советского мегатоннажа, который мог бы обрушиться на нас, не меняли стратегического баланса фактически... Но баланс мог бы существенно измениться по своей видимости, в вопросах же национальной воли и мирового лидерства такие видимости влияют на реальность». Как пишет по этому поводу американский историк С. Амброуз, «самый серьезный кризис в истории человечества разразился по вопросу о видимости. Мир подошел вплотную к тотальному уничтожению из-за вопроса о престиже».

Один из высших чинов Министерства обороны США предложил президенту Кеннеди забыть о ракетах на Кубе, игнорировать их, так как они не представляют собой дополнительной угрозы Америке и не нарушают общего баланса, благоприятного для США. Дж. Кеннеди ответил, что обязан действовать, ибо в противном случае ему угрожает импичмент — лишение его президентского поста. Президент выступил по национальному телевидению 22 октября 1962 года и объявил о блокаде Кубы (предложение об этом отстаивалось Р. Макнамарой). Все это показывает, что американская правящая элита находилась в состоянии невероятного опьянения своей мощью. Годы упоения всемогуществом были, правда, довольно короткими. Карибский кризис, последовавший за событиями на Плайя-Хирон, положил начало процессу отрезвления. Он имел определенное просветительское значение — содержал момент приближения к пониманию истины ядерного века: в современном ядерном конфликте не может быть победителей, и дипломатия должна помнить, что ее ошибки могут иметь фатальные последствия.

Столкнувшись с угрозой ядерной катастрофы в октябре 1962 года, Кеннеди осознал, что подобную цену не стоило платить даже за глобальное влияние. Будучи преданным политике интервенционизма, отнюдь не разделяя идеи изоляционизма и ограничения имперских притязаний, Дж. Кеннеди все же пришел к выводу, что абсолютное отставание превосходства повсюду может вовлечь США в самоубийственный ядерный конфликт, привести к национальной катастрофе.

Для Белого дома стало очевидным, что нагнетание враждебности в отношении социалистического мира не всегда служит американским интересам, наоборот, оно может способствовать отчуждению обеспокоенных нейтралов, отходу от США союзников, уstraшенных подобными действиями. Исторические уроки все же начали давать свои результаты. Стало предельно ясно, что «кризисное регулирование является слишком опасным делом и события могут развиваться слишком быстро».

В 1963 году была установлена прямая линия связи между Белым домом и Кремлем. В том же году Соединенные Штаты пошли на важный шаг — ограничение испытаний ядерного оружия. Договор об ограничении испытаний означал, что американская сторона увидела ту реальность, которую она прежде откровенно игнорировала: увеличение количества ядерных боезарядов не укрепляет безопасность США. В этот период американская сторона сделала беспрецедентные шаги: поддержала вместе с Советским Союзом в ООН резолюцию, запрещающую размещение ядерного оружия в космосе, подписала соглашение о продаже СССР зерна. Особенно существенное значение имел заключенный в Москве в августе 1963 года Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой, ставивший реальную преграду на пути совершенствования ядерного оружия, оберегавший экологическую среду и в целом служивший целям достижения взаимного доверия трех подписавших его сторон — СССР, США и Англии. Белый дом при Кеннеди в период между октябрём 1962 и ноябрём 1963 года взял курс на то, чтобы охранять американские интересы, в частности, блокированием пути к разрушительному советско-американскому конфликту и созданием в третьих странах дополнительных «прокладок» между внешнеполитической деятельностью США и советскими внешнеполитическими интересами. В речах президента прозвучали идеи, означавшие, что в понимании американским руководством своих интересов появился важный новый элемент: слепая враждебность к СССР может в кризисной ситуации погубить и глобальную зону влияния, и саму Америку.

Возглавляемый Дж. Кеннеди круг политиков на рубеже 1962–1963 годов как бы открыл для себя тот все усложняющийся мир, в котором прямолинейные силовые действия могут дать необратимые негативные результаты. Нужно отдать должное дальновидности Дж. Кеннеди,

который, пройдя через период самоуверенности и силовой дипломатии, обрел опыт и публично усомнился в универсальном значении американского образа жизни для мира, где большинство населения «не являются белыми... не являются христианами... и ничего не знают о системе свободного предпринимательства или подлинном юридическом процессе». На своей последней пресс-конференции президент проявил понимание сложности осуществления опеки над огромными территориями развивающихся стран: «Эти страны бедны, они пронизаны националистическим духом, они горды, они во многих случаях радикально настроены. Я не думаю, чтобы угрозы, исходящие с Капитолийского холма, приносили те результаты, на которые мы часто надеемся... Я думаю, что это очень опасный, лишенный равновесия мир. Я думаю, что мы должны сосуществовать с ним».

Одним из наиболее важных результатов Карибского кризиса было осознание опасности распространения ядерного оружия. В начале 60-х годов ядерным оружием обладали четыре державы — СССР, США, Англия и Франция, на подходе к ядерному порогу находилась КНР. Дальнейшее распространение ядерного оружия, с одной стороны, сужало зону действия Вашингтона и, с другой, таило в себе возможность превращения обычных конфликтов в ядерные. США приложили в 1962 году значительные усилия, чтобы замедлить развитие ядерных программ Англии и Франции — союзников, на которых Вашингтон мог оказывать давление. Дж. Кеннеди увидел еще одну особенность ядерного века: распространение ядерного оружия грозило подорвать исключительное положение самих США в области ядерных вооружений. Рассмотрим этот важный для понимания внешнеполитической стратегии США вопрос.

Самый влиятельный министр

В конце 1963 года Р. Макнамара становится наиболее влиятельным членом кабинета, в сферу его ответственности попадает и значительная доля решений при выработке внешнеполитического курса США. Госсекретарь Раск уходит в тень Макнамары. В Вашингтоне уже открыто говорили, что в следующей администрации Макнамара будет государственным секретарем. С весны 1963 года все основные вашингтонские решения, касающиеся действий США во Вьетнаме, идут строго через министра обороны Макнамару. В споре гражданских и военных лиц по поводу Вьетнама именно Макнамара становится арбитром. Его главные козыри — выкладки военных аналитиков, безупречные цифры в качестве наиболее веских аргументов. Его престиж, достигая апогея, становится непререкаемым. Администрация гордится своим министром-интеллектуалом, человеком бесстрашным, достойным, мужест-

венным. Он, не колеблясь, возражает, если обстоятельства диктуют того, даже самому президенту.

По мере роста значимости Вьетнама Макнамара берет ответственность за выработку адекватной стратегии на себя. Его самолет летает стремительно в Сайгон и обратно, в Вашингтон, на этом пути официальная Америка определяет вехи своей политики во Вьетнаме. Отныне спокойная уверенность Макнамары — это залог уверенности Вашингтона. Всякий в американской столице знал, что на самом важном фронте американской дипломатии и военной политики за дело отвечает самый талантливый министр.

Макнамара достаточно рано осознал важность «public relations» — отношений со средствами массовой информации — для создания необходимого имиджа. Он сознательно избрал Адама Ярмолинского ответственным за данную сферу: связи последнего в либеральных кругах смягчали практически неизбежные удары прессы и электронных медиа. Никто не может отрицать, что, пребывая в мире своих собственных ценностей, он руководствовался своими собственными добрыми намерениями. У Макнамары было ярко выраженное чувство служения обществу. Он отдавал делу, которому верил, всего себя.

Груз ответственности не мог не оказывать на него влияния, как ни старался Макнамара это скрыть. Во сне он скрипел зубами, врачи уже привыкли к частым визитам своего высокопоставленного пациента. Кто-то попытался сравнить его с Бэббитом¹ Синклера Льюиса, но сравнение не прижилось: он реагировал человеческое, ярче, непосредственнее. Он рано ложится спать и рано встает, завтракать предпочитает на работе, ест очень умеренно и не любит коктейль-пати. Его имидж немыслим без обывного для него рабочего места — письменного стола, сосредоточенного взгляда в документы, на графики, в статистические справки. У него колоссальное хозяйство — министерство с бюджетом в 85 млрд долларов, самый большой в мире арсенал ядерного оружия, самая разветвленная в мире сеть военных анклавов и баз.

Вьетнам

Макнамара немного знал о специфике Азии, но не было уже специалиста лучше него, знающего о двух вещах: о технологических процессах в сфере военного строительства и о том, как управлять бюрократией. Технократ из автомобильной корпорации, занимающей второе место в мире по объему производства, становится воплощением эффективности в военной и внешнеполитической сфере. Он как бы даже символизировал собой декларированную Джоном Кеннеди спо-

---

¹ Герой одноименного романа С. Льюиса (1922). — *Примеч. ред.*

способность «справиться с любым кризисом, вынести любую ношу». Битву с партизанами в джунглях Южного Вьетнама он воспринял как операцию по спасению гибнущей промышленной компании, которой требуются эффективный менеджмент и мудрая стратегия. Теперь в решении внешнеполитических проблем он полностью подчинил себе военную касту, что само по себе было невиданным достижением. Его военные бюджеты воспринимались как воплощение здравого смысла, эффективности и оптимальной платы за имперскую политику.

Вьетнам надолго становится одним из главных объектов его внимания. В апреле 1961 года Макнамара в Сайгоне выслушал военных и дипломатов. Если Южный Вьетнам и Таиланд — главные ворота для Америки в Азии, а Лаос — краеугольный камень этих ворот, то встает основной вопрос: что будут делать Москва и Пекин в случае, если коммунисты Индокитая запросят их о помощи? Невероятно многое из определяющего будущее зависело от человека в очках, который, по свидетельствам очевидцев, погрузился в самую длительную из виденных ими пауз. Начиная с этой паузы, Соединенные Штаты вторгаются в сферу массовой помощи проамериканскому режиму Южного Вьетнама. Окончательное решение правительства Соединенных Штатов было принято под воздействием личного меморандума Макнамары, адресованного президенту Кеннеди 8 ноября 1962 года. Смысл его состоял в том, что, в случае если Америка не предоставит правительству Южного Вьетнама достаточной военной помощи, Ханой и коммунистические партизаны возобладают, Китай сможет оказать Северу прямую помощь и позиции США в Азии будут подорваны. «Я считаю, — писал он, — что американские наземные силы в Юго-Восточной Азии должны составить минимум шесть дивизий, что равняется примерно 205 тысячам человек». Проблема Вьетнама отныне становится Немезидой Макнамары как самого блестящего менеджера 1960-х годов.

На ранней стадии конфликта во Вьетнаме, когда взвешивалось, во что обойдется для США участие в нем, цифры не казались имперским политикам внушительными. Госсекретарь Раск подсчитал, что для подавления освободительного движения в Греции пришлось потратить 50 тысяч долларов на каждого партизана. Во Вьетнаме, заявил госсекретарь, «ради достижения победы допустимо израсходовать любую сумму». В ноябре 1964 года, на относительно еще ранней стадии войны, У. Ростоу писал: «На этом этапе истории мы являемся величайшей державой в мире, если будем вести себя как величайшая мировая держава». В 1965 году Р. Макнамара указал Объединенному комитету начальников штабов, что при планировании операций не следует думать об экономике, что «ассигнования на Вьетнам неограничены. Ни при каких обстоятельствах отсутствие денег не должно быть препятствием».

Впоследствии президент Л. Джонсон полностью разделит эти взгляды: «Самое процветающее общество на земле может позволить себе

расходовать сколько угодно». Представители военно-воздушных сил заверяли, что месяц интенсивных бомбардировок территории Демократической Республики Вьетнам приведет к победе. Советник по национальной безопасности М. Банди пришел к выводу, что достаточно будет трех месяцев бомбардировок. 2 марта 1965 года американские бомбардировщики нанесли удар по плотинам в ДРВ. На традиционных встречах по вторникам со своими главными помощниками президент Л. Джонсон лично определял цели для бомбардировочной авиации. Самым убедительным собеседником за столом был министр Р. Макнамара.

Американская сторона игнорировала попытки решения конфликта мирным путем. Летом 1964 года с обращением о созыве международной конференции по Вьетнаму выступили СССР, ДРВ, КНР, Франция, Лаос, Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама и генеральный секретарь ООН У. Тан. В ответ американцы увеличили контингент своих войск с 16 до 21 тысячи человек: дальнейшее увеличение уже могло быть квалифицировано как ведение войны, а не просто «посылка советников». В августе 1964 года, воспользовавшись сфабрикованным предлогом — имевшим якобы место неспровоцированным нападением северовьетнамцев в Тонкинском заливе на американские корабли, президент Л. Джонсон получил от Конгресса «карт-бланш» на эскалацию военных действий во Вьетнаме. Конгресс давал главе исполнительной власти полномочия предпринять «все необходимые меры» для «отражения любого вооруженного нападения» на американские вооруженные силы. Так называемая Тонкинская резолюция единогласно была принята в Палате представителей (за нее проголосовали 416 членов палаты, голосов против не было). В Сенате за резолюцию было подано 88 голосов, против — два. Путь к эскалации был открыт. Аргументы просты: поражение США во Вьетнаме приведет к быстрому упадку американского влияния в мире и дезинтеграции сферы влияния, что грозит появлением множества «вьетнамов» на периферии американской зоны. У. Ростоу заметил, например: «Если мы не сокрушим противника здесь, то вскоре будем вынуждены встретиться с ним в Таиланде, Венесуэле и других местах».

Стоимость войны во Вьетнаме быстро возрастала и вскоре стала весьма ощутима даже для бюджета богатейшей страны капиталистического мира. Военные расходы на операции во Вьетнаме составили: 9,4 млрд долларов в 1965/66 финансовом году, 19,7 — в 1966/67 и 22,4 — в 1967/68. Социальные программы «великого общества» (проекты внутренних реформ, предусматривавшихся Л. Джонсоном) были принесены в жертву вьетнамской войне, результатом чего явились невиданный разлад в американском обществе в конце 60-х годов и инфляция.

С июня 1965 года американские войска стали вести войну против патриотических сил в Южном Вьетнаме. Численность армии США во

Вьетнаме достигла 125 тысяч человек. На пресс-конференции, проходившей 10 июля 1965 года, президент Джонсон заявил, что предела количеству американских войск, необходимых для победы во Вьетнаме, нет. Вьетнам нельзя было терять потому, считали в Вашингтоне, что это якобы могло повлиять на целостность глобальной американской зоны влияния и всю систему зависимых от США стран. При самых различных обстоятельствах президент Л. Джонсон не устал напоминать соотечественникам, что «мы с 1959 года не потеряли ни одной союзной нации». Американская элита в порыве самоослепления действительно решила «заплатить любую цену» за свои позиции на узкой полоске Азиатского материка. Заметим, что до второй половины 60-х годов расширение зоны американского влияния, американских обязательств рассматривалось Вашингтоном как естественное и практически не встречало оппозиции внутри страны.

Начиная со второй половины 60-х годов в правящих кругах стало созревать убеждение в необходимости различать существенное и второстепенное, выделить действительно первостепенные по значимости для США регионы, форпосты и отделить их от зон, значение которых менее существенно. Вьетнам способствовал развитию этого процесса, как ничто иное. Уже в 1968 году Государственный департамент начал «неблагодарную» работу по определению более или менее важных для США районов мира. «Ограничение» было новым понятием для тех, кто готов был в 1961 году «заплатить любую цену». Америка бросила на решение вьетнамской проблемы огромные материальные силы. Численность войск в 1968 году значительно превысила 500 тысяч человек. Главный вопрос, вставший перед американским руководством, состоял, по определению известного американского историка Р. Такера, в выборе: «империя или обычная нация». Л. Джонсон и Р. Макнамара выбрали первое, и в середине 60-х годов с ними было согласно большинство американцев. Это большинство еще верило в имперскую роль Америки, в необходимость охранять все аванпосты.

Сомнения охватили президента Л. Джонсона в феврале 1968 года, когда главнокомандующий американскими войсками во Вьетнаме генерал Уэстморленд в дополнение к находящейся в его распоряжении более чем полумиллионной армии запросил еще 206 тысяч солдат. Лишь с помощью семисоттысячной армии обещал Уэстморленд «усмирить» Вьетнам. Но для этого нужно было призвать на действительную службу резервистов. Возникла необходимость в мобилизации в ситуации, когда непосредственно территории США никто не угрожал.

Почему американцы во Вьетнаме пошли на крайние меры? К началу 60-х годов американские правящие круги зашли в тупик. В подготовленном в 1962 году для президента аналитическом документе Совета национальной безопасности говорилось: «Значительные потери территории или ресурсов сделают для США более сложным достиже-

ние цели создания того вида мирового окружения, какое они желают, породят пораженчество среди правительств и народов в некоммунистическом мире и вызовут разочарование внутри США». Америка не имела права проигрывать, не имела права отступать, что могло привести к подрыву национального самосознания американского народа и веры в США союзников, — высокомерие здесь достигло своего пика. Такая посылка привела к нелепой и страшной в своей трагичности ситуации: вдали от американских берегов Соединенные Штаты сконцентрировали почти все, что могли, стремясь к самоубийственной цели — «ни за что не уступить», хотя отступление в данном случае означало лишь признание за вьетнамским народом того права, которое американцы считают первым и самым священным для себя, — права на самоопределение.

Большинство американского общества поддерживало войну во Вьетнаме по меньшей мере до февраля 1968 года. На протяжении нескольких месяцев, до национального вьетнамского праздника Тет, Вооруженные силы США прилагали огромные усилия по овладению контролем над Южным Вьетнамом. В США возникла уверенность, что перелом наступил, «дело сделано». Однако с наступлением праздника Тет Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама широким наступлением опрокинул все надежды интервентов и их пособников. Парадокс, но президент Джонсон считал, что в проведении своей вьетнамской политики он нажимает на тормоз, а не на акселератор. Лишь потери, понесенные во Вьетнаме, фиаско 1968 года да потрясающие свидетельства очевидцев, журналистов и политиков, выступивших критиками вьетнамской авантюры, вызвали крах экспансионистской психологии. В умах ряда американских стратегов просветление началось уже в 1966 году. Выступая перед сенатским Комитетом по международным отношениям, Дж. Кеннан утверждал: «Наш престиж в глазах мира будет больше в том случае, если мы решительно и мужественно отойдем с неразумных позиций и не будем упорно преследовать экстравагантные и ничего не обещающие цели».

По мере того как США все больше увязали во Вьетнаме, круг политиков и советников, поддерживавших линию Джонсона — Макнамары, сужался. Один за другим уходили наиболее приближенные советники Кеннеди, либералы, профессора университетов из северо-восточных штатов. За ними потянулись старые приверженцы Джонсона. Даже у таких самоуверенных и хладнокровных деятелей администрации, как Р. Макнамара, война во Вьетнаме начала вызывать в 1966–1967 годах серьезную озабоченность. За безоговорочное продолжение войны во Вьетнаме выступали только «ястребы» типа братьев У. и Ю. Ростоу. К марту 1968 года Л. Джонсон оказался в изоляции в собственной партии, в кругу прежних единомышленников, и вынужден был 30 марта 1968 года заявить о своем выходе из политической игры,

об отказе баллотироваться на президентский пост во второй раз. Он совершил ошибку, направив огромные американские ресурсы к цели, достижение которой не укрепляло, а ослабляло США. Поэтому Америка Дж. Кеннеди отвернулась от Л. Джонсона.

«Ястребы», понятное дело, по ходу эскалации во Вьетнаме все более расходились с «голубями». Что примечательно: «голубям» было трудно представить себе степень «ястребиности» Макнамары, и министр терял их уважение довольно медленно. Замгоссекретаря Джордж Болл, числившийся в «голубях», из себя выходил, чтобы убедить своих либеральных друзей в жесткости позиции фордовского рыцаря либерального «Камелота». Только изданные позже мемуары Р. Макнамары окончательно развеяли все иллюзии.

У него были качества, которые устрашают по любым критериям. Речь идет не только о Вьетнаме, речь идет о большой имперской стратегии. Ради этого дела он мог сделать то, чего не позволял себе в личной жизни. Он мог исказить факты, мог позволить придать событиям фальшивый акцент, он мог выступать сторонником дела, в которое верил уже чисто механически. Нередко он прокладывал дорогу за счет своих коллег. Даже симпатизирующие Макнамаре деятели этой эпохи говорят, что твердо знали, когда он начинал лгать. Его голос поднимался на неестественную высоту, его речь становилась более быстрой, чем обычно, он произносил фразы с излишней настойчивостью. Его лояльность не всегда была лояльностью в общепринятом смысле. Часто она обуславливалась корпоративным менталитетом. Он относился к должности как к нечто более важному, чем личность, которая эту должность олицетворяла. Он был воплощением либеральных противоречий своей эпохи, выразившихся в данном случае в открытом конфликте между добрыми намерениями и вольным, слишком вольным использованием данной ему власти. Творить добро и обладать властью — довольно сложное дело. Макнамара был одним из многих, кто пал жертвою противоречия этих двух вещей. Выйдя из ада своих последних вашингтонских лет, он увидел цену своей политике. Особенно наглядно это произошло в Гарварде, где радикально настроенные студенты с яростью встретили главного архитектора Вьетнама: министр едва избежал физической расправы. Но и профессора Гарварда спрашивали его, какой из двух Макнамар является истинным: тот, который говорил об универсальных ценностях, или тот, который послал два миллиона американских солдат во Вьетнам.

Исходя из опыта войны во Вьетнаме, Конгресс США принял Акт о прерогативах в военной области, обязавший Президента США давать отчет о действиях в срок, не превышающий 30 суток после вовлечения Вооруженных сил США в военные действия. Так сработал инстинкт самосохранения, так более дальновидные идеологи американской экспансии хотели обезопасить себя.

Почему американцы не пришли к выводу о необходимости выхода из Вьетнама раньше? Почему в американской политической стратегии исчезла гибкость? Ответ сложен, если обращаться к деталям, и относительно прост, если мы выявим главное. В Вашингтоне откровенно боялись, что поражение США во Вьетнаме будет означать непоправимый удар по американскому влиянию во всем мире, потрясет всю систему внешнеполитических связей США. Со слепым упорством лучшие умы американской правящей элиты поставили себя, свои политические судьбы и огромный американский арсенал на защиту простой идеи: коль скоро зона влияния США в мире перестает расширяться, она начинает уменьшаться. Страх перед нисхождением, закатом, перед эпохой исторического отступления вызывал у вашингтонских стратегов готовность прилагать немыслимые усилия, чтобы только избежать «катастрофы».

Следует сказать также следующее. Никогда американская дипломатия не отличалась такой стойкой верой в то, что в основу внешней политики США положены научные методы, как в 60-х годах. В Пентагоне в 1966 году был создан Отдел системного анализа. В его обязанности вменялся учет всех возможных факторов, что позволило бы избежать непредвиденного поворота событий и держать процесс проведения внешней политики под постоянным контролем. Наукообразная фразеология о математически точном восприятии мира и выборе оптимальной реакции на перемены в нем чрезвычайно характерна для времени Кеннеди—Джонсона. Технократы типа Р. Макнамары обращались к компьютерной технике. Образ ученого в роли дипломата, доктора наук на посту министра или известного историка в должности советника стал приметой тех лет. Президенты Кеннеди и Джонсон, несомненно, гордились образованностью своих министров. Питомцы Гарварда и Массачусеттского технологического института относились к методам анализа, использовавшимся их предшественниками, людьми Трумэна и Эйзенхауэра, как к топорным. Имперская политика в 1961—1968 годах приобрела вид упражнения в интеллектуальной игре, требовавшей учета всех факторов, качественных параметров и количественных оценок и нахождения оптимального и беспримысленного решения.

Сложные методы подсчета в главных своих выводах по существу затаивали простой факт: мир не удовлетворен существующим положением, народы требуют справедливости, своего права на самостоятельное развитие и готовы ради торжества этого права пойти на жертвы. И у сил национального освобождения был могучий союзник — социалистический лагерь. В случае с Вьетнамом Вашингтон недооценил значение международной солидарности с борьбой вьетнамского народа за независимость. Здесь не сумели учесть фактора бескорыстной помощи Советского Союза, оказанной жертве американской агрессии, и поддержки Вьетнама со стороны других социалистических стран. Неуме-

ние видеть мировой революционный процесс во всей его широте обусловило серьезнейшие просчеты американской внешнеполитической стратегии. Ошибкой дипломатии Вашингтона в 60-х годах была переоценка американских возможностей в мире. Формально США готовы были ради обороны своей мировой зоны влияния вести «две с половиной войны»: одну в Европе, против СССР, одну в Азии, против КНР, и «половинную» в любом другом месте земного шара. На практике даже война во Вьетнаме (та самая «половинная» война) оказалась камнем преткновения. Полумиллионная армия, исключительно сложная современная техника не принесли Вашингтону победу, не предоставили США возможность закрепиться на небольшой полоске азиатского побережья. Это значило, что время стало работать против глобальной экспансии США.

Мировой банк

В 1968 году Макнамара простился с президентом Джонсоном и возглавил Мировой банк. Он взялся за работу, прямо противоположную предшествовавшей. Вместо величайшей в истории военной машины теперь в его руках были колоссальные средства, способные оказать помощь в строительстве целого нового мира. Вьетнам стал в его жизни своеобразным водоразделом. И не только в его. Все вокруг говорило о периоде до и после. Довьетнамская благодушествующая Америка уже никогда не будет похожа на расколотую и озлобленную нацию, перенесшую травму Вьетнама. Психика Макнамары стала жертвой величайшего предприятия его жизни. Президент компании «Форд» и президент Международного банка реконструкции и развития — два разных человека, и 57 тысяч погибших во Вьетнаме — это та плата, которую затребовало имперское мышление первого.

В самой семье Макнамары раскол разделил два поколения. В 1960-е годы Макнамара наращивал военную мощь в джунглях Вьетнама, а в 1970-е годы одним из лидеров движения «писников»¹ в Калифорнии был его младший сын Крэйг.

По-своему Роберт Макнамара, при всей его внешней сухости, был эмоциональным человеком. Он плакал на церемонии прощания со своими сотрудниками. Друзья беспокоились за его физическое и психическое состояние: война во Вьетнаме нанесла по его психике тяжелейший удар. Роберт Кеннеди возмущался: «Почему его зовут компьютером, а все мои сестры мечтали бы сидеть рядом с ним за обедом?» Он знал, что такое внимательность и чуткость: после Чапаквиддика к семейству Кеннеди, кроме Макнамары, никто из мужчин не приехал.

¹ «Писники» (производное от *англ.* peace — мир) — сторонники мира. — *Примеч. ред.*

И когда аура покинула «Камелот», друзья, разочарованные и исполненные горечи, постарались в своих суждениях — в статьях и книгах — быть милостивыми к Макнамаре, — пока он сам не вынес себе довольно жестокий приговор в мемуарах.

Жестокий суд истории

Макнамара признается, что писать эту книгу никогда не входило в его планы. По-видимому, сыграли свою роль общественный интерес к соответствующей проблематике, больная совесть и методический склад ума. Не забудем и о массовых публикациях прежде секретных материалов: автор получил возможность, не доверяя своей памяти, сверяться с самыми важными документами эпохи. Важно указать, что данная книга вовсе не содержит просьбы о прощении. Эта работа — яркая апология того курса, которым Роберт Макнамара следовал сорок с лишним лет назад. Да, автор признает ряд ошибок, но не «*mea culpa*»¹ смысл его работы. Автор в своей гордости и сегодня склонен к самопрощению, что вызывает немалое возмущение на родине автора.

Основное признание автора: «Я всегда считал, что любая проблема может быть решена, но теперь, столкнувшись с вопросом, касавшимся национальной гордости и человеческих жизней, прихожу к выводу, что все куда сложнее». Администрация Кеннеди подошла к Вьетнаму «с недостаточными знаниями, малым опытом и упрощенными представлениями». Она стала жертвой «невинности и самоуверенности». Вашингтон недооценил национальное чувство вьетнамцев и переоценил возможности компрадоров. Перед резким расширением боевых действий в июле 1965 года следовало бы устроить в США общенациональные дебаты. Макнамара признает недостаточность трезвого анализа. Он сожалеет об упущенных возможностях начать переговоры с противной стороны раньше. Военные и гражданские в США недооценили способности и возможности Северного Вьетнама, как и Национального фронта освобождения, их решимость и жертвенность. Мешали «нескончаемый поток проблем», не оставлявший времени для хладнокровного анализа, и отсутствие квалифицированных, опытных специалистов.

Мемуары Макнамары вызвали в США значительный общественный отклик. Но общая их судьба оказалась незавидной, самый важный элемент этого отклика был далеко не комплиментарным в отношении автора воспоминаний. Главное: до их выхода в свет Роберт Макнамара воспринимался если и не сочувственно как действующее лицо драмы, в ходе которой Америка потерпела первое в своей истории воен-

¹ «Моя вина» (лат.) — слова из католической молитвы. — *Примеч. ред.*

ное поражение, то как одна из жертв этой драмы. Мемуары же показали автора хладнокровным архитектором вьетнамской эпопеи, превратившим критическое чутье и долг перед нацией остановить кровопролитие в той точке, когда понятие «победа» потеряло смысл и продолжение конфликта обернулось холодным восприятием дальнейшей гибели американских солдат, увеличением того списка, что начертан на мемориале жертвам вьетнамской войны в Вашингтоне. Если министр обороны, как он сам, без принуждения и подвоха, признается в своих воспоминаниях, уже в 1965 году начал терять веру в победное для Америки завершение вьетнамской войны, то почему не ушел со своего поста, почему не постарался сберечь многие тысячи жизней своих молодых соотечественников, которые по зову сердца и из чувства долга пошли в джунгли Вьетнама и нашли там могилу?

Смерч горечи пронесся по американским журнальным рецензиям, вольно или невольно упрекавшим автора. Сказалось ли макнамаровское прямотушение, его стремление спрямить кривые линии, его вера, что истина существует, что эту истину скрывают лишь ложь и умолчание? Единожды солгав, кто же тебе поверит и в остальных еще ждущих ответа вопросах исполненного конвульсий периода американской истории? Очевидцы и критики немедленно осудили экс-министра за искажение исторической истины и ложное обвинение других при рассмотрении ряда наиболее важных моментов. Приведем некоторые характерные примеры оценок и упреков в адрес вызвавших волну споров мемуаров Макнамара.

- Макнамара объясняет вьетнамскую трагедию недостатком соответствующих знаний у экспертов. Он, собственно, выражает сомнение в существовании подлинно аналитических оценок. Но загнанные макнамаровским «всезнанием» буквально в подполье специалисты критической в отношении вползания во вьетнамскую трясиину школы немедленно назвали имена и аргументы противников авантюры. Ведь на самом деле Государственный департамент имел целый ряд подобных специалистов. Эксперты по Китаю (А. Уайтнинг, профессиональный дипломат Э. Райс, бывший консул в Гонконге М. Грин) и специалисты по Вьетнаму (П. Каттенберг из Йельского университета и сотрудник аналитической службы Госдепартамента Л. Саррис) высказывали мнения, которые министр обороны Макнамара просто игнорировал. Эти специалисты в один голос утверждали, что проблема не решается военным путем, что увеличение американского контингента лишь усугубляет положение, но их трезвый голос не был услышан. Ныне, вопреки утверждениям мемуаров Макнамара, практически каждый может ознакомиться с трезвыми предупреждениями специалистов.

Я помню долгие беседы с тогдашним заместителем госсекретаря по дальневосточным вопросам Р. Хилсменом в его уютной квартире на Манхэттене рядом с Колумбийским университетом, когда хозяин приводил множество примеров направления Макнамаре этих отрезвляющих оценок. Вывод, к которому Макнамара приходит сегодня, — что не следовало делать Вьетнам заглавной проблемой Америки, — предлагался ему в то критическое время многократно. Хилсмен сам предоставлял Макнамаре подобные меморандумы, равно как это делали Р. Кеннеди, Дж. Болл и другие.

- Макнамара утверждает, что чиновники второго, или «непервого», и среднего звена в отсутствие в Вашингтоне первых лиц проводили маловразумительную и по существу безрассудную политику, примером которой может служить свержение южновьетнамского президента Нго Динь Зьема. Макнамара указывает пальцем на А. Гарримана, Г.-К. Лоджа, М. Форрестала и Р. Хилсмена. Но он умалчивает о том, что известный меморандум указанных лиц обсуждался в Овальном кабинете президента 26 августа 1963 года и министр обороны Макнамара голосовал *за* него. В мемуарах Макнамары даже не упоминается, что названные выше лица выступали против бомбардировок Северного Вьетнама и отправления регулярных американских войск в Южный Вьетнам. Именно Макнамара стоял в 1965–1967 годах за силовое решение.
- Президент Джонсон в 1967 году, после первых же сомнений, выраженных ключевым министром, послал Макнамару (чтобы тот молчал «в нужном духе») в Мировой банк, и тот провел там много счастливых лет — именно тогда, когда потери американцев во Вьетнаме удвоились. Почему молчал этот ведавший международными делами чиновник?
- Макнамара поставил вопрос лояльности выше вопроса служения своей стране и тем самым завел Америку в непроходимые джунгли. А какова его лояльность в отношении истины, конституции, благополучия нации? Почему не сработали внутренние позывы, которые могли бы уберечь нацию от саморазрушительного курса?

Спор вызвали и некоторые другие моменты мемуарного текста, но мы должны видеть то главное, что породили эти воспоминания: очень многие ветераны этой войны, родители и родственники погибших, прочитав книгу, пришли в негодование оттого, что кровавые усилия хладнокровно названы ошибкой. У них не вызывают восторг пресловутое хладнокровие Макнамары и его почти религиозное рвение найти истину вне зависимости от степени ее горечи. Они видят преступную легкость и отсутствие ответственности. Отсутствие широкого видения разворачивавшейся драмы и недостаточно бережное отношение к человеческим жизням. И они правы.

Частично извиняющим Макнамару обстоятельством является то, что альтернативой его несколько прямолинейным поискам исторической истины являются отказ от этих поисков и нежелание извлечь уроки для будущего. Лучше искать истину, чем заведомо схоронить ее в могиле. Макнамара решил внести свой вклад в обсуждение столь острой и горькой для США проблемы ради того, чтобы извлечь уроки. Интеллектуальное высокомерие неприемлемо в деле, затрагивающем человеческие судьбы.

Мы с этой книгой получаем редкую возможность увидеть не только агонию великой страны, но и недостаточную эффективность страхующих общественных механизмов, обманчивую незыблемость макрообъяснений и общих принципов. Ведь Макнамара действовал в русле национальной традиции и в данном конкретном случае наследовал Эйзенхауэру, Даллесу, стоя рядом с Кеннеди и Джонсоном и передавая драму Вьетнама Никсону и Киссинджеру (еще 19 тысяч убитых американцев). Как учитывать жестокий опыт, как учиться, переступая табу и устоявшиеся представления? Живя в стране, которая с огромным трудом накапливает исторический опыт, в стране, где синдром, подобный вьетнамскому, стал частью национальной судьбы, мы обязаны видеть и знать, как другие воспринимают драму человеческих ошибок и ищут способы подстраховать себя от них в будущем.

А.И. Уткин

Вглядываясь
в прошлое

*Памяти Марджи,
одного из лучших божьих созданий.
От общения с ней жизнь становилась богаче.
Эта женщина давала мне силы и
радовала на протяжении всех сорока лет нашей
совместной жизни.*

Предисловие

Писать эту книгу никогда не входило в мои планы.

Хотя на протяжении четверти века меня часто просили изложить собственные взгляды на войну во Вьетнаме и тем самым сделать их достоянием гласности, я не решался на это, опасаясь показаться чересчур эгоистичным, отбивающимся от критических стрел в свой адрес или — что еще хуже — мстительным. А может быть, я колебался еще и потому, что признаваться в собственных ошибках нелегко. Но со временем все-таки захотелось рассказать правду. Я вовсе не желал излагать историю своей жизни, скорее, видел свою задачу в том, чтобы поведать американцам, почему в те годы их правительство и их лидеры вели себя именно так, а не иначе и какие уроки можно извлечь из нашего опыта.

Мои коллеги в администрациях Кеннеди и Джонсона были поистине выдающейся командой: молодые, энергичные, образованные, трезвомыслящие, настоящие патриоты Соединенных Штатов. И как же эта команда «лучших и блестящих», как нас тогда с легкой иронией принято было именовать, могла допустить подобную ошибку во Вьетнаме?

Об этом до сих пор еще не сказано.

Но почему об этом надо сказать сейчас? Почему после стольких лет молчания я убедил себя в необходимости высказаться? Причин тут немало. Главная из них в том, что мне больно наблюдать, с каким цинизмом и даже презрением относятся многие люди к нашим политическим институтам и их лидерам.

Подобное отношение возникло не случайно, ему способствовал целый ряд факторов: Вьетнам, Уотергейт¹, скандалы, коррупция. Но я

---

¹ Имеется в виду так называемое «Уотергейтское дело» в США, или расследование событий, связанных с противозаконными действиями «Комитета Республиканской партии по переизбранию президента» в период избирательной кампании 1972 г. (попытка

тем не менее не считаю, что политическое руководство Америки выказывало в те годы явную некомпетентность, пренебрегало своими прямыми обязанностями и проявляло полнейшее безразличие к нуждам и чаяниям избравшего его народа, которому было подотчетно. Я также не верю, что лица, стоявшие во главе страны, действовали хуже зарубежных государственных деятелей того же ранга или тех же управленцев из частного сектора. Да, наши политики оказались далеко не совершенными, но люди вообще несовершенны. Мы нередко допускали существенные промахи, но ошибки эти не были преднамеренными и в основном совершались в самом искреннем стремлении сделать все как можно лучше.

Размышления обо всем этом лишь усугубляли мою прямо-таки болезненную нерешительность, ощущавшуюся всякий раз, как только речь заходила о необходимости вновь обратиться к столь трудной теме. Многие политические лидеры и ученые в Соединенных Штатах и за рубежом и по сей день полагают, что на деле война во Вьетнаме лишь помогла расширить коммунистическое влияние в Юго-Восточной Азии. Еще некоторые утверждают, что она ускорила завершение «холодной войны». Но мне известно также и то, что эта война причинила Америке колоссальный вред. И тут нет никаких сомнений. Никаких. Хочу посмотреть на Вьетнам с современной точки зрения, не преуменьшая ни собственных ошибок, ни заблуждений других политиков. Хочу показать, какой тяжелейший груз ответственности лег тогда на наши плечи, а также честно признаться в отсутствии у нас в ту пору необходимых знаний.

Я хочу вписать события во Вьетнаме в исторический контекст.

Мы, члены администраций Кеннеди и Джонсона, участвуя в принятии решений по Вьетнаму, полагали, что действуем, руководствуясь национальными принципами и традициями. Наши решения вырабатывались в соответствии с этой системой ценностей.

Однако мы ошибались, чудовищно ошибались. И должны объяснить будущим поколениям, почему это произошло.

Я искренне верю, что в допущенных серьезнейших просчетах повинны не ценности, коими мы руководствовались, и не наши намерения, а лишь собственные наши представления о происходящем и личные наши способности. Заранее говорю об этом, поскольку сознаю, что попытаюсь я только оправдать или объяснить с сугубо рационалистических позиций как свои собственные действия, так и поступки других

установить подслушивающее устройство в штаб-квартире Демократической партии в отеле «Уотергейт» в Вашингтоне) и многочисленными нарушениями законности (подкуп, угрозы, лжесвидетельства и т. д.) со стороны должностных лиц Белого дома. Президент Р. Никсон из опасения быть обвиненным в причастности к «Уотергейтскому делу» и привлечения к ответственности в порядке импичмента в августе 1974 г. вышел в отставку. — *Примеч. ред.*

политиков, и мои заметки будут восприняты с недоверием и изрядной долей цинизма. А между тем именно этот цинизм и ослабил тогда патриотические силы страны: народ перестал поддерживать своих лидеров, а если и поддерживал, то без особого рвения — и это в тот самый момент, когда политикам для успешного решения сложнейших проблем как в Америке, так и за ее пределами поддержка со стороны народа была просто необходима.

Хочу, чтобы американцы поняли, почему мы совершили ошибки, и извлекли из них урок. Надеюсь, что смогу сказать: «Вьетнамский опыт не прошел даром, и все полезное и конструктивное в нем можно использовать и сегодня и завтра». Для нации это единственный путь преодоления прошлого. Древнегреческий драматург Эсхил писал: «Наградой страданий является опыт». Так пусть же он станет непреходящим наследием Вьетнама.

Нелегко расставить все на свои места в столь запутанной головоломке, как Вьетнам. Обдумывая структуру этих воспоминаний, я намеревался написать правдивый рассказ о своем семилетнем пребывании на посту министра обороны, представив тем самым возможность читателям взглянуть на происходившие события и принятые решения в более широком историческом плане. Однако вместо этого я предпочел ограничиться только Вьетнамом. Подобный подход позволил проследить этапы развития нашей политики, что в любом ином варианте было бы нереально.

Разумеется, мой выбор был сопряжен с опасностью встать на путь излишнего упрощенчества. И поэтому, чтобы избежать соответствующих упреков в свой адрес, кое-что поясню. Одной из причин того, что администрации Кеннеди и Джонсона не сумели выработать правильный, рациональный подход к основным вопросам, касающимся Вьетнама, стало невероятное многообразие и сложность проблем, с которыми довелось тогда столкнуться. Говоря иначе, мы были вынуждены решать великое множество вопросов, но в сутках лишь двадцать четыре часа, и часто попросту не хватало времени обдумать все до конца.

Такая ситуация вовсе не была чем-то необычным ни для администраций, членом которых я был, ни для Соединенных Штатов в целом. И хотя она повторялась во все эпохи и в большинстве стран, ее изучению, насколько я могу судить, никогда не уделялось должного внимания. Поскольку же существовавшая в ту пору проблема дефицита времени не изжита и по сей день, при формировании правительства и планировании его деятельности необходимо учитывать и наличие этого важного фактора.

По-моему, мемуаристы слишком часто полагаются на собственную память. И при всей искренности своих намерений невольно вспоминают лишь то, что хочется помнить: то, что, по их мнению, должно было случиться, хотя на самом деле все происходило вовсе не так. Пытаясь свести к минимуму эту по-человечески объяснимую опасность, я пользовался, насколько было возможно, документами той поры: не просто механически включил в книгу множество освещающих те или иные события документов и свидетельств, но постарался организовать материал так, чтобы он более соответствовал правде истории. Для тех, кто решит, будто я сознательно выпятил тот или иной аспект в ущерб другому, могу честно сказать, что данное изложение событий, основанное на всей доступной сегодня информации, представляется все-таки наиболее достоверным. Моей целью отнюдь не являлось оправдание допущенных просчетов. Скорее, хотелось показать природу сделанных ошибок, вскрыть их причины, чтобы избежать повторения подобного в будущем.

Вьетнам и участие в войне оказали глубокое влияние на судьбу моей семьи, но подробно рассказывать об этом не хотелось бы. Мне всегда трудно открыто говорить о личных переживаниях, по натуре я человек довольно замкнутый. К тому же частная жизнь кого бы то ни было неприкосновенна и не терпит постороннего вмешательства. Есть другие, более конструктивные способы поведать американцам о вьетнамском опыте, чем демонстрация собственной гордости, успехов, разочарований и неудач.

Размышляя о Вьетнаме, я часто думал о строках из стихотворения, которое Марджи читала мне тридцать лет назад, в те радостные и вдохновенные дни, когда президент Кеннеди только что вступил в должность. Этот отрывок из «Маленького Гиддинга» Т.-С. Элиота привлек мое внимание и надолго запомнился мне:

Мы будем скитаться мыслью
И в конце скитаний придем
Туда, откуда мы вышли,
И увидим свой край впервые¹.

Я до сих пор не прекратил свои поиски, так и не зная поныне, чего же ишу. Но теперь, во время этого путешествия в глубь истории и своего прошлого, я многое понял и открыл для себя. Надеюсь, что сейчас я вижу Вьетнам более ясно, чем в 60-е годы. И это для меня та самая точка отсчета в познании.

Как же произошло все случившееся? Какие уроки мы сможем извлечь из нашего опыта?

---

¹ Пер. А. Сергеева.

ГЛАВА 1

Мой путь в Вашингтон

9 июня 1916 года — 20 января 1961 года

Две дороги проходят в лесу.
Я выбрал не столь проторенную,
И в этом вся суть.

Роберт Фрост. Нехоженная дорога¹

День, последовавший за инаугурацией Джона Ф. Кеннеди, был одним из знаменательнейших в моей жизни, и я мог только гордиться случившимся. 21 января 1961 года, в четыре часа, я вместе с девятью коллегами — членами нового кабинета находился в Восточном крыле Белого дома, где нас привели к присяге. Мы стояли полукругом за хрустальным канделябром напротив председателя Верховного Суда Эрла Уоррена, облаченного в черную мантию. Я принес присягу вместе с другими новыми членами администрации, а президент, госпожа Кеннеди, представители руководства Конгресса и члены наших семей наблюдали за нами. Затем президент подошел и поздравил нас.

Я стал восьмым по счету и самым молодым министром обороны. Но, хотя мне было только сорок четыре года, я отнюдь не являлся самым молодым из членов кабинета: президенту было сорок четыре года, а Роберту Кеннеди — тридцать пять лет. Подобно большинству собравшихся, я вырос в эпоху между двумя мировыми войнами и, как молодой офицер, участвовал во Второй. Президент Кеннеди знал, что я мог бы поставить на службу Военному ведомству ту же технику управления, что применяется и в мире бизнеса: ведь в годы войны мне, как и многим моим товарищам по Гарвардскому университету, довелось заниматься статистическим контролем. Я был до глубины души взволнован тем, что страна вновь призвала меня служить ее интересам.

Мой путь в Восточное крыло начался в Сан-Франциско. Первое детское воспоминание о городе было очень ярким: тогда он просто взорвался от радости тысячами фейерверков. Это произошло 11 ноября 1918 года, в День примирения. Мне исполнилось два года. Город праздновал не только окончание Первой мировой войны: разделяя убежденность президента Вудро Вильсона, все верили в то, что Соединенные Штаты и их союзники выиграли последнюю войну в истории и отныне на земле воцарится мир.

Конечно, они заблуждались. XX век уже готовился стать самым кровавым в истории человечества. За это столетие на нашей планете в войнах было убито 160 миллионов человек.

---

¹ Пер. Е. Любимовой.

Меня можно назвать одним из последствий бума деторождения времен Первой мировой войны. И в 1922 году, когда я впервые пошел в школу, для резко возросшего числа учащихся уже не хватило помещений. Мой класс занимался в деревянном сарае. Условия были убогими, зато с учительницей нам повезло. В конце месяца она давала упражнения-тесты, а после рассказывала нас в соответствии с их результатами. Ученик, получивший высшую отметку, занимал переднюю парту в первом ряду.

Было решено, что это место займу я. Большинство учащихся нашего класса по своему происхождению принадлежали к англосаксам-протестантам, однако моими соперниками, претендовавшими на роль первого ученика, были все же не они, а китайцы, японцы и евреи. После каждой недели напряженных занятий я проводил субботние и воскресные дни в играх с моими друзьями, жившими по соседству, тогда как остальные претенденты отправлялись в национальные школы, где изучали свои родные языки и приобщались к древним и сложным культурам. Они возвращались в школу по понедельникам с твердым намерением победить своего одноклассника-ирландца. Рад сказать, что это им редко удавалось.

Мое желание достичь совершенства в учебе связано с тем, что ни моя мать, ни мой отец не закончили колледж (отец так и не дошел до восьмого класса). Родители были уверены, что я восполню упущенное ими, и их решимость во многом сформировала мою жизнь.

Каждый человек, оглядываясь назад и вспоминая прошлое, — а мой путь оказался долгим, ибо насчитывает уже семьдесят восемь лет, — может определить события, повлиявшие на его характер и сделавшие его именно таким, а не иным. Я хочу назвать три подобных события.

Одним из них была Великая депрессия — небывалый экономический кризис. Я закончил школу в 1933 году. В это время почти двадцать пять процентов взрослых мужчин стали жертвами безработицы. Отец одного из моих школьных друзей покончил с собой, осознав, что не сможет прокормить семью. Другая моя приятельница, девушка из состоятельной семьи, вступила в ряды Коммунистической партии.

Ожесточенные забастовки стали привычным явлением. В 1934 и 1936 годах, во время забастовок на западном побережье, на крышах домов в прибрежном районе Сан-Франциско установили пулеметы, чтобы помешать обстрелу доков. Однажды на Маркет-стрит я увидел, как здоровенный рабочий избивал человека, которого счел за штрейкбрехера. Он сбил его с ног, повалил на землю, и, подмяв под себя, вывернул ему колено, и с силой сдвигал плечи и шею так, что тот почти задохнулся и хрустнули кости. Жестокость этой сцены потрясла меня.

Да и я лично, на собственном опыте, смог ознакомиться с теми условиями, которые сами подстрекают к бунту и насилию, когда летом 1935 года по направлению профсоюзного бюро по найму вышел в море,

чтобы заработать деньги на обучение в колледже в следующем семестре. Я плавал обычным моряком на грузовом судне «Питер Керр». Мне платили лишь двадцать долларов в месяц, в отсеках не было свежей воды, кровати кишели насекомыми, — как-то утром я насчитал у себя на ноге девятнадцать следов от укусов, — пищу было просто невозможно есть: я находился в отличной физической форме, когда ступил на борт злосчастного судна, но за время плавания потерял тринадцать фунтов. Однако благодаря этому нелегкому испытанию я проникся сочувствием к не состоящим в профсоюзах наемным работникам и сохранил это чувство по сию пору. Работая в автомобильной промышленности, я восхищался профсоюзными лидерами вроде Уолтера Рейтера, а когда я служил в Пентагоне, пытался добиться назначения Джека Конвея, занимавшего руководящую должность в одном из профсоюзов работников указанной выше отрасли — «Юнайтед ауто уоркерс», моим заместителем по кадрам.

Второе и третье важнейшие события в моей жизни взаимосвязаны. Это поступление в Калифорнийский университет в Беркли и знакомство с Маргарет. В Калифорнию я отправился потому, что именно там находился тот единственный первоклассный университет, учебу в котором я мог оплатить. Плата составляла пятьдесят два доллара в год. Беркли открыл для меня совершенно новый, неведомый мир — мир истории, идей, этических и моральных ценностей, познаний и интеллектуальной закваски. Его президент Роберт Гордон Спроул и его непосредственный руководитель Монро Дейч добились невозможного: хотя университет находился в полной финансовой зависимости от консервативных законодательных учреждений этого по преимуществу аграрного штата, Спроулу и Дейчу удалось создать в вверенном их попечению учебном центре либеральную атмосферу духовной свободы и дискуссий. За четыре года, проведенные в его стенах, я познал основы справедливости, свободы, соотношения прав и обязанностей. Верность усвоенным там принципам я сохранил на всю жизнь.

Пребывание в Беркли определило мою дальнейшую судьбу и в другом отношении. Поселившись в студенческом общежитии, я в первые же недели встретился с Маргарет Маккинстри Крэйг, блестящей, привлекательной, живой и энергичной молодой женщиной из Аламеда, штат Калифорния. Семь лет спустя мы поженились. Марджи внесла в мою жизнь равновесие, радость и одухотворенность. Она заслужила от меня все возможные похвалы. Ей была свойственна врожденная мудрость, равно как и теплота, открытость, любезность, общительность. Неудивительно, что она пользовалась всеобщей любовью. Без нее моя жизнь не была бы столь полной.

Я выбрал экономику как основной предмет, а философию и математику — как дополнительные дисциплины, и в то же время я еще не думал о том, где и кем буду работать по окончании вуза (почему же

меня так привлекала экономика, нетрудно понять, учитывая обстановку того времени). Однако определяющими моментами в моем образовании стали тем не менее занятия философией и математикой. Курсы по этике помогли мне сформировать систему ценностей, изучение логики выработало привычку к точности и даже жесткость мышления. Преподаватели математики приучили меня видеть в ней процесс мышления — язык, способный выразить многие, если не все, формы человеческой деятельности.

Это было открытие. Вплоть до нынешнего дня я рассматриваю количественные показатели как язык, позволяющий придать мироустройству определенный смысл. Конечно, в нем нет ничего общего с проблемами морали, красоты или любви, и все же, пытаясь бороться с бедностью и бюджетным дефицитом или предотвратить провал некоторых национальных оздоровительных программ, мы слишком уж часто пренебрегаем столь мощным оружием.

Еще одним фактором, оказавшим большое влияние на мою дальнейшую жизнь, были занятия в Корпусе подготовки офицеров запаса, хотя в ту пору я вряд ли это понимал. Университет в Беркли существовал на общественные пожертвования, так что каждый студент должен был посвятить военной подготовке как минимум два года. Я предпочел бы четырехлетнюю морскую программу, но на флот меня не взяли из-за неважного зрения. И в результате два года я провел в упомянутом корпусе.

Вскоре я понял, что никто не относился к военному делу всерьез. Мои однокурсники и я воспринимали занятия по военному делу как бесполезный ритуал, ненужный для нашей жизни. В день нашего последнего парада, пройдя торжественным маршем перед президентом университета, мы с радостью побросали наземь наши ружья: к черту все это! Конечно, несколько лет спустя у нас появились все основания гордиться поколением кадровых военных, таких как Джордж Маршалл, Хэп Арнольд, Макс Тэйлор и Дуайт Эйзенхауэр. Они не прерывали боевой подготовки в период, когда это считалось не слишком нужным. Независимо от того, был ли или нет экономический кризис, люди типа Макса Тэйлора могли бы выйти в отставку и сделать карьеру еще до Второй мировой войны. Однако они предпочли служить своей стране на военном поприще. И когда настало время, спасли ее. Мы в вечном долгу перед ними.

После Беркли я поступил в Гарвардскую высшую школу управления торгово-промышленной деятельностью, или, короче, просто в Школу бизнеса. Мне хотелось овладеть искусством ведения дел, что позволило бы в будущем найти хорошую работу. Многие на нашем факультете считали, что цель бизнеса заключается исключительно в

том, чтобы делать деньги. Но несколько человек, в том числе мой профессор по финансовому контролю Росс Дж. Уокер и профессор по маркетингу Эдмунд П. Лернд, смотрели на вещи шире. Они говорили нам, что бизнесмены должны служить обществу, равно как и своим партнерам и инвесторам, а компания может получать прибыли, одновременно выполняя социальные обязательства. Я хорошо запомнил любимую фразу Уокера и Лернда и часто думал о ней: «Между мягким сердцем и твердым рассудком нет никакого противоречия». Это стало ведущим принципом в моей жизни.

Хотя мне нравилось в Гарварде, я тем не менее тосковал по Калифорнии. Закончив учебу в 1939 году, я сразу отправился домой, в Сан-Франциско, и нашел там работу, дававшую мне 125 долларов в месяц. Следующим летом Дин Уоллес Донхем, декан из Школы бизнеса, предложил мне место младшего преподавателя в этом учебном заведении.

Декану нужен был немедленный ответ — академический год начинался через шесть недель, — но я сказал ему, что решение зависит не от меня одного. Я пояснил, что ухаживаю за молодой женщиной. Если она согласится стать моей женой, то я вернусь в Гарвард, в ином же случае откажусь от этого предложения. В ту пору у Марджи еще не кончились каникулы, и она с матерью и тетей путешествовала по стране. Я нашел их в Ассоциации молодых христианок в Балтиморе. Мы разговаривали по телефону-автомату. Марджи приняла предложение выйти за меня замуж. По пути в Калифорнию она поняла, что для подготовки к свадьбе осталось слишком мало времени, и отправила мне телеграмму из Ред-Уинга, штат Миннесота: «Должна заняться свадебными приглашениями и заказать кольца с гравировкой наших имен. Каково твое среднее имя?» — «Стрэйндж», — ответил я ей в телеграмме, сообщая девичью фамилию моей матери. «Не важно, что оно странное, — откликнулась Марджи в новой депеше. — Каково же оно?»

Мы заняли однокомнатную квартиру в Кембридже¹, где мыли посуду в ванной, и более года жили так счастливо, как могли только мечтать. 31 октября 1941 года у нас появился первый ребенок.

А через пять недель после этого радостного события Япония напала внезапно на Перл-Харбор. В начале 1942 года Школа бизнеса подписала контракт с военно-воздушным корпусом Армии США о подготовке специалистов в области статистического контроля непосредственно для военной авиации, быстро наращивавшей боевую мощь. Заметим в связи с этим, что, когда в Европе стали претворяться в жизнь планы блицкрига, или «молниеносной войны», в нашем распоряжении находилось менее 1800 самолетов и всего 500 пилотов. После вторжения Гитлера во Францию в мае 1940 года президент Рузвельт обратился с

¹ Имеется в виду город в США, в котором находится Гарвардский университет — *Примеч ред*

призывом о производстве как минимум 50 тысяч самолетов в год. Практически за очень короткие сроки армии предстояло решить одну из самых масштабных и сложных национальных задач, и она обратилась в Гарвард за помощью.

Разработчиком программы статистического контроля для авиации был энергичный и исключительно талантливый молодой человек — Чарлз Б. «Текс» Торнтон. Он сотрудничал с Робертом А. Ловеттом, помощником заместителя министра обороны, ведавшим во время войны авиацией. Ловетт оказался в сложнейшем положении. Как один из крупнейших нью-йоркских банкиров, он понимал первостепенное значение информации для хорошего менеджмента. Но унаследованный им от предшественников военно-воздушный корпус, сам по себе небольшой, был к тому же децентрализован, и, фактически не имея надежной статистики, Ловетт просто не знал, с чего начинать планирование и как взять все под свой контроль.

Однако Торнтон быстро наладил систему первичного контроля. С тех пор во время вылетов американской авиации служащие, прикрепленные к подразделениям, должны были регулярно фиксировать данные относительно состояния самолетов (готовность к бою, потребность в ремонте, неисправности), личного состава (форма подготовки, потери, необходимость пополнения), ситуации с боевыми операциями (количество вылетов, характер заданий, атакованные объекты, степень успеха, потери в живой силе и технике и т. д.). Собрав подобные отчеты, командование могло составить полную картину операций на данное время, а также определить степень нехватки американской авиации в любом уголке мира. Торнтону не интересовало создание империи мелких чиновников, его подход был гораздо сложнее и тоньше. Он считал, что системность и информированность способны помочь нам победить в войне. Таков был, по мнению «Текса», основной принцип, определяющий значимость статистического контроля, и я считал для себя честью стать членом его команды.

Мои коллеги и я желали оказать активную помощь в подготовке и проведении военных операций. Поэтому мы приняли предложение Дина Донхема и начали вести занятия по этой программе. В первые месяцы 1943 года Министерство обороны попросило меня и другого молодого преподавателя, Майлса Мейса, принять непосредственное участие в сражениях, присоединившись к VIII воздушной армии США, только что дислоцированной в Англии. Хотя мы начали это сотрудничество как гражданские консультанты Военного ведомства, нам ясно дали понять, что в будущем мы станем выполнять поручения уже в качестве боевых офицеров.

Майлс и я получили освобождение от военной службы, поскольку преподавали в армейской школе и, кроме того, у нас были маленькие дети. И все же мы согласились поехать. Я никогда бы не отважился на

подобный шаг, не поддержи меня в этом Марджи. Преисполненная энтузиазма, она, не задумываясь, отпустила меня, хотя и сознавала, что, возможно, приносит себя в жертву. В самом деле, если бы я погиб, она бы в материальном отношении оказалась в более чем сложном положении. Последняя проблема, понятно, требовала безотлагательного решения, и мои товарищи по работе, зная, что я должен был отправиться в Лондон самолетом компании «Пан-Америкэн клипсер», настоятельно рекомендовали мне обзавестись страховкой, так как летать в ту пору было далеко не безопасно (кстати, тот самый самолет, который доставил меня в Англию, разбился во время следующего рейса, уже по пути в Лиссабон). Я так и поступил, застраховав свою жизнь на десять тысяч долларов, для чего мне пришлось занять на первый взнос у декана Школы бизнеса сто долларов.

Занимаясь в течение трех последующих лет внедрением программы, я побывал во многих местах в такой примерно последовательности: Англия, Канзас, Индия, Китай, Вашингтон (федеральный округ Колумбия), Тихий океан, Огайо. Хотя методы Торнтона не всегда находили точное применение, в ряде случаев они кардинально меняли ситуацию. За участие в программе я был награжден орденом Доблестного Легиона, врученным мне лично генералом Арнольдом, начальником штаба ВВС, когда в январе 1946 года я вышел в отставку в звании подполковника.

В день празднования победы в августе 1945 года Марджи и я оказались в местном госпитале ВВС в Дейтоне, штат Огайо. У нас обоих обнаружили полиомиелит. Мою болезнь никак нельзя было назвать тяжелой, и шесть недель спустя мне удалось полностью вылечиться. А вот Марджи разболелась всерьез, и врачи даже говорили, что она на всю жизнь останется прикованной к постели. В ту осень декан Медицинской школы Гарварда помог мне устроить Марджи в одну из лучших ортопедических клиник — в детскую больницу в Балтиморе. Благодаря интенсивному лечению и заботам врачей, а также своей незаурядной силе воли и жизнерадостности Марджи была спасена. Но лечение обошлось нам очень и очень дорого.

Тем временем у «Текса» Торнтона возник новый проект: он задумал собрать команду ветеранов и продолжить сотрудничество с ними в мирной жизни. Мы должны были найти крупную компанию, нуждающуюся в реорганизации и модернизации. Это позволило бы обеспечить достойной работой всю нашу группу. Подобный дерзкий план был весьма характерен для «Текса». Когда он предложил мне присоединиться к команде и стать в ней его помощником, я категорически отказался. И объяснил ему, что хотел бы вернуться вместе с Марджи в Гарвард.

«Текс» принялся уговаривать меня с присущей ему настойчивостью. В конце концов он прямо заявил, прибегнув к аргументу, которого я никак уже не смог бы проигнорировать:

— Боб, ты же сам понимаешь, что не сможешь вернуться в Гарвард. Тебе никак не удастся оплатить медицинские счета Марджи.

Он полагал, что дело сдвинулось с мертвой точки, поскольку он нашел могущественного спонсора — Генри Форда II, недавно сменившего своего деда, основателя крупнейшей в мире автомобильной монополии, на посту президента «Форд мотор компании». Я по-прежнему считал план «Текса» полной утопией, но ответил ему, что подумаю и, возможно, соглашусь, если мы оба отправимся во владения Форда в Мичигане, встретимся с молодым Фордом и услышим от него, что он желает с нами работать и готов использовать нас в полной мере.

Через несколько недель, в ноябре 1945 года, мы, все еще в военной форме, прибыли в Дирборн, штат Мичиган. Нам удалось встретиться с Фордом и вице-президентом его компании Джоном Бугасом, отвечавшим за производственные отношения. Прежде Джон был агентом ФБР и возглавлял отделение этой организации в Детройте. Старший Форд нанял его в начале 1940-х годов для охраны своих внуков и правнуков — Генри Форда II и его детей: подобно многим богачам, Форд был до глубины души потрясен похищением малолетнего ребенка Линдберга¹ за несколько лет до того.

Нравы в компании показали мне довольно грубыми и жесткими. Впоследствии Джон рассказал нам о Гарри Беннетте, морском стрелке, участвовавшем в парадах. Став телохранителем внуков Форда, он постепенно сосредоточил в своих руках немалую власть, и у него появился даже свой офис в полуподвале главного административного здания. Однако стиль его жизни и поведение не изменились. Ему нравилось держать заряженный пистолет в ящике стола, и порой, когда к нему приходил кто-нибудь, он стрелял в стену так, чтобы пуля пролетала над плечом посетителя. В 1943 году молодой Генри решил избавиться от услуг Беннетта и попросил Джона сообщить тому об увольнении. Джон долго думал, как это сделать. Перед тем как отправиться в офис Беннетта, он взял свой пистолет и зачехленное фэбээровское ружье, на случай если тот решит его пристрелить. Но расставание прошло вполне мирно.

После войны Джон решил, что сможет стать одним из руководителей компании и у него нет или почти нет достойных соперников. Среди тысячи служащих Форда, занимавших высокие посты, насчитывалось не более дюжины выпускников колледжей. И когда наша группа появилась у Форда, он отнесся к нам как к опасным конкурентам.

---

¹ Имеется в виду американский летчик Чарлз Огастус Линдберг (1902–1974), совершивший в 1927 г. первый беспосадочный полет через Атлантический океан (из США во Францию). — *Примеч. ред.*

И был очень встревожен. Во время этой встречи он долго молчал, затем наконец произнес:

— Ну что же, Генри, если хочешь нанять этих парней...

Генри осадил его:

— Джон, сколько раз тебе говорить, что хочу их нанять. Вопрос закрыт.

Однако, по мнению Джона, вопрос отнюдь не был закрыт. Стоило нам только приступить к работе в Дирборне в конце января, как он тотчас же распорядился направить нас, новых служащих, на огромный завод Форда в Ривер-Рудже — местечке примерно в миле от города. Там мы узнали, что должны в течение двух дней пройти тестирование. Нам предложили едва ли не все известные мне типы тестов, призванные выявить такие показатели, как уровень интеллектуального развития, умение работать, свойства характера, способность быть лидером, — список можно еще продолжить. Было очевидно, что Джон искал любые возможности для придинок, желая убедить Генри в том, что тот ошибался.

После того как мы успешно справились с тестами, — например, мои показатели, судя по объяснениям специалиста в области производственной психологии, оказались весьма высокими, — компания согласилась использовать нас как квалифицированных исполнителей. Возвращаясь к тестам, добавлю еще, что лишь недавно мне стали известны конкретные данные, свидетельствующие о том, сколь достойно выдержала испытание вся наша группа. Четверо из нас за способность к конструктивному мышлению получили оценку в одну сотую процента, и ровно такой же коэффициент был присвоен всей нашей десятке за практицизм в суждениях. Таким образом, попытки Джона саботировать распоряжение Форда закончились полным провалом¹.

За нашу молодость и умение принимать нужные решения нас окрестили в компании «вундеркиндами». Мы внесли явный диссонанс в патриархальную культуру фордовской индустрии и чем-то даже шокировали окружавших нас служащих. А для нас самих настоящим шоком стала «автомобильная культура». Большинство членов нашей группы старалось держаться особняком, не вливаясь в сложившийся в Детройте специфический социум. И хотя служащие высшего ранга жили в богатых пригородах Гросс-Пойнт или Блумфилд-Хиллз, двое из нас выбрали Анн-Арбор, где находился Мичиганский университет, чтобы воспитывать детей в соответствующем окружении.

Наши политические взгляды также были нетипичны для служащих автомобильной компании. Вскоре я выяснил, что в функции Джона Бутаса входил сбор средств у высокооплачиваемых сотрудников Форда на нужды Республиканской партии. Я отказался вносить эти пожерт-

¹ См.: *Byrne J.A. The Whiz Kids*. N. Y.: Doubleday, 1993. P. 98

ования. После того как в начале 50-х годов я стал главой «Форд дивиден» — самого крупного филиала фордовской компании, он вновь обратился ко мне с просьбой пожертвовать средства для республиканцев, собрав их примерно у 1100 высокооплачиваемых работников моего подразделения. Я опять ответил отказом.

Мало того, я тогда же направил всем своим служащим письма, в которых заявил, что мы живем в демократической стране и наша политическая система основана на здоровой конкуренции двух партий, зависящих от частных пожертвований. Надеюсь, что они, подобно мне, оказывают финансовую поддержку той или иной партии. Если они желают помогать демократам, продолжал я, то могут делать это, направляя деньги на имя мистера такого-то, а пожертвования республиканцам нужно отправлять через мистера Бугаса. Никто при этом не должен знать, какой именно партии помогает служащий. Таково было мое разъяснение, и оно не улучшило отношение ко мне со стороны многих коллег.

Конфликт не имел никакого практического значения, поскольку я был связан с Генри Фордом II устной договоренностью: если я приношу прибыль компании, то вправе жить, как мне заблагорассудится. «Вундеркинды» добросовестно выполняли предложенные им при найме условия. На протяжении следующих пятнадцати лет шестеро из нас заняли высокие посты в компании (двое даже стали президентами). За это время ее доходы начали стремительно расти. Мы вновь отвоевали себе огромный рынок, потерянный ранее в конкуренции с «Дженерал моторс». Стоимость сбыта резко увеличилась.

«Текс» Торнтон не остался вместе с собранной им группой: он продержался у Форда менее двух лет, а потом рассорился с Льюисом Крузо, вице-президентом, ведавшим финансовыми вопросами. Я тоже мог бы рассориться с кем-то из руководства, ибо мои взгляды не совпадали с воззрениями большинства служащих компании и отрасли в целом по таким важнейшим и крайне спорным вопросам, как техника безопасности, использование функционального дизайна, экономия в операциях и сокращение отходов производства. Однако мне удалось поладить с коллегами. И поскольку я добивался высоких результатов в работе, меня неоднократно продвигали по службе.

Летом 1960 года Эрнест Брич, второй человек в компании после самого Форда II, решил уйти от него. В июле Генри, Джон Бугас и я отправились в Западную Германию, чтобы посетить наш филиал, находившийся в Кельне. Однажды, проведя весь вечер в городе, мы вернулись в гостиницу в два часа ночи. Лифт остановился на этаже, где жили мы с Джоном, и мы уже собирались выйти, когда Генри, номер которого находился этажом выше, вдруг сказал, обращаясь ко мне:

— Боб, пойдем выпьем на ночь по рюмочке.

— Я не хочу пить на ночь, — ответил я. — Я собираюсь спать.

— Генри, я составляю тебе компанию, — предложил Джон.

— Я не приглашал тебя, — возразил Генри. — Я пригласил Боба.

Я, уступая, отправился с Генри. Когда мы остались одни, он предложил мне стать президентом компании. Я сказал, что мне нужно об этом подумать, посоветоваться с Марджи и я дам ему ответ через неделю. Прошла неделя, и я согласился. А формально был избран членами правления в конце октября.

В четверг 8 декабря 1960 года, спустя семь недель после вступления в должность президента «Форд мотор компани», я выехал рано утром из дома в Анн-Арборе и направился в мой офис в Дирборне. По дороге я остановился на заводе в Ривер-Рудже, и, когда наконец прибыл на место примерно в половине одиннадцатого, моя секретарша Вирджиния Маршалл передала мне длинный список телефонных звонков. Я попросил впредь связывать меня со всеми, кто позвонит, даже если кому-то вздумается вдруг просто на что-то пожаловаться. Потом, так и не заглянув в список, я вернул его:

— Итак, приступайте.

Через полчаса она объявила:

— С вами хочет поговорить Роберт Кеннеди.

Я никогда не видел его прежде (а через семь лет я помогал нести его гроб к могиле на Арлингтонском кладбище) и понятия не имел о причине его звонка, но вскоре все выяснилось.

— Новый президент будет очень признателен, если вы встретитесь с нашим шурином Сарджентом Шрайвером, — сказал он.

Я ответил ему, что с удовольствием увижусь со Шрайвером, — хотя не был с ним знаком и совершенно не представлял, почему он хочет со мной встретиться, — и предложил повидаться с ним в следующий вторник.

— Нет-нет, — возразил Роберт Кеннеди. — Он хочет увидеться с вами сегодня.

Я посмотрел на часы. Было уже одиннадцать.

— Назовите подходящее время, и он к вам подъедет, — предложил он.

И я сказал:

— В четыре часа.

Ровно в четыре Сардж Шрайвер появился в моем кабинете. Он начал разговор со слов:

— Новый президент поручил мне предложить вам пост министра финансов.

— Да вы с ума сошли! — удивился я. — У меня нет для этого никакой подготовки.

— Если вы твердо стоите на своем, — продолжил Сардж, — то я уполномочен передать вам другое пожелание Джека Кеннеди¹. Он хочет, чтобы вы заняли пост министра обороны.

---

¹ По-видимому, Джона Кеннеди называли в кругу семьи Джеком. — *Примеч. пер.*

— Абсурд какой-то! — воскликнул я. — Для этого я тоже совершенно не гожусь.

— В таком случае президент выражает надежду, что вы согласитесь встретиться с ним завтра в Вашингтоне, — упорствовал Сардж.

Я не мог отказаться.

Офис Генри Форда был расположен рядом с моим. После ухода Сарджа я направился к нему, желая передать наш разговор и заверить его, что ничего путного из этого не получится. Однако Генри только что вылетел в Нью-Йорк. Я распорядился выделить мне самолет компании, чтобы встретиться с ним до того, как я увижусь на следующий день с новым президентом. Когда я рассказал ему о сделанных мне предложениях, Генри был явно ошеломлен, но я подчеркнул, что мой визит в Вашингтон ровным счетом ничего не изменит.

На следующий день я встретился с новым президентом Кеннеди в его особняке на энской улице в Джорджтауне. На улице у трехэтажного кирпичного здания толпились фотографы, радиожурналисты и телевизионщики с камерами. Сотрудники службы безопасности незаметно от них провожали посетителей в дом с заднего входа.

Поздоровавшись со мной за руку, президент спросил, согласен ли я стать министром обороны. Я ответил ему то же, что и Сарджу:

— У меня нет соответствующей подготовки.

— А у кого она есть? — произнес Кеннеди.

Я не понял, что его вопрос носил риторический характер, и предложил сохранить это место за нынешним министром обороны Томасом Гейтсом. Утром по дороге в Джорджтаун я наведлся в Пентагон, чтобы выяснить, хотел бы Том, которого я знал по работе в бумажной компании «Скотт пэйпер» — мы были там директорами в разное время, — войти в состав новой администрации. Он дал понять, что хотел бы.

Президент никак не прокомментировал мои слова. Отвергнув утверждение о моей неподготовленности, он лишь сухо заметил, что школ для министров обороны не существует, как нет и школ по подготовке президентов. Он попросил меня обдумать его предложение и снова встретиться с ним в следующий понедельник.

Я согласился, но сказал, что, уверен, ответ будет таким же.

Почему Кеннеди, став президентом, решил предложить мне министерский пост? Я не могу точно поручиться, но думаю, что этим я обязан в первую очередь Бобу Ловетту, знавшему о моей репутации у Форда и моей службе в армии, и Джону Кеннету Голбрейту, экономисту-либералу из Гарварда. Я познакомился с Кеном, ставшим затем моим близким другом, во время одной из поездок в Детройт в середине 1950-х годов. Он занимался исследованием корпоративного правления и выдвинул меня, потому что слышал о менеджере автомобильной компании, казавшемся в Детройте белой вороной. А я уже давно восхищал-

ся его книгами и всегда усмехался, вспоминая фразу Кена из «Общества процветания»: «Заурядности, ведущие заурядностей»¹.

Позднее Кен признался, что это он предложил мою кандидатуру, поскольку считал: президенту нужны бизнесмены с новаторскими идеями. Партийные пристрастия практически не были с этим связаны. Подобно многим, Кен, вероятно, думал, что я был республиканцем. В прессе меня также время от времени называли таковым, потому что, впервые зарегистрировавшись в Калифорнии в период выборов, в двадцать один год, я проголосовал за республиканцев. Тогда я сделал свой выбор по той простой причине, что за них голосовал мой отец.

Уик-энд мы с Марджи провели, обсуждая предложение Кеннеди. Мы переговаривали с нашими тремя детьми, объяснив им, что если я уйду от Форда, то наше финансовое положение существенно изменится. Мой оклад был невысок, но я получал немалую прибыль, пользуясь своим правом покупать акции по льготной цене, так что в целом мой годовой доход превышал 400 тысяч долларов (примерно два миллиона по нынешним временам). Если я приму предложение Кеннеди, то стану получать только 25 тысяч долларов в год.

Ребят это не особенно беспокоило. Марджи хотела лишь того, чего хотел я сам. И в воскресенье, сидя в нашем кабинете, мы решили: я должен принять предложение, если чувствую, что справлюсь с работой.

Мы также говорили о том, к каким последствиям приведет мое назначение. Нам были ясны только две вещи. Во-первых, я должен буду завоевать доверие у высших чинов Министерства обороны — у самых доблестных представителей нации, независимо от их партийных пристрастий, чтобы как-то компенсировать собственную неопытность. И, во-вторых, мне следовало также понять, что у меня не останется свободного времени для участия в социальной жизни Вашингтона. Я не имел ни малейшего представления, как повести себя в подобной ситуации. Но ведь, в конце концов-то, речь не шла о заключении контракта с президентом.

Пока мы разговаривали, началась сильная метель. Внезапно я подумал: «Почему бы не позвонить сейчас президенту и не сказать, что из-за погоды я не смогу прибыть в Вашингтон и задержусь на день-другой, а тем временем отправить ему письмо с объяснением моей позиции?»

Я набрал номер, который он дал мне, но президента в Вашингтоне не оказалось. Наконец я связался с ним в Палм-Биче. Новый президент спокойно отнесся к отсрочке и сказал, что в Вашингтоне тоже обильный снегопад и он не вернется туда до завтрашнего дня.

Я не знал, дойдет ли до него мое письмо и как его следует передать. И решил оставить его у себя в кармане, отправившись на встречу с ним во вторник. Появившись на той же энской улице, я вновь вошел в дом

---

¹ Перефразировка знаменитого изречения: «Слепые, ведущие слепых». — *Примеч. пер.*

с заднего входа. Президент и Роберт Кеннеди сидели на диване. Я устроился на стуле напротив них и начал разговор. Я сказал, что изложил все свои соображения в письме и, возможно, для понимания сути моего отношения к предложению президента ему стоит с ними ознакомиться.

Он так и сделал и затем без каких-либо комментариев передал письмо брату, который бегом прочел его и вернул Джону. Президент спросил брата:

— Ну и что ты думаешь?

— Я думаю, это великолепно, — отозвался Роберт Кеннеди.

— Я придерживаюсь того же мнения, — заметил президент. — Давайте объявим о нашем решении.

Он взял лист бумаги и набросал текст краткого выступления. Затем мы прошли на балкон и обратились к стоявшим внизу телевизионщикам и представителям прессы. Так Марджи и дети узнали, что мы переезжаем в Вашингтон.

Генри и его мать миссис Эдсел Форд были в настоящем шоке, услышав о моем решении. Я объяснил, что, хотя по-прежнему глубоко им признателен и сохраняю верность интересам семьи Фордов и «Форд мотор компании», долг перед родиной, призвавшей меня служить ее интересам, для меня превыше всего. Они восприняли мои слова с пониманием, но миссис Форд была очень огорчена. Ей всегда казалось, что ее свекор Генри Форд стал причиной смерти ее мужа, заставив его вплотную заняться делами компании: работа эта требовала такого напряжения сил, что в итоге погубила его. Так оно и было на самом деле. Она искренне надеялась, что ее сына не постигнет подобная участь, и считала меня его верным защитником.

Через несколько дней после того, как я согласился стать министром обороны и приступить к работе, я вернулся в Вашингтон и начал собирать команду высших чиновников для моего ведомства. У нас не было помещения, секретарей, других служащих, мы еще не получили разрешения на переезд, и я занимал апартаменты компании «Форд мотор» в отеле «Шорехэм». Я начал с составления списка людей, отвечающих моим требованиям, касавшимся прежде всего уровня интеллекта, образования и опыта. А после принялся обзванивать своих потенциальных сотрудников, которых мне рекомендовали Ловетт, Голбрейт и Джон Макклой, нью-йоркский адвокат и видный представитель истеблишмента восточных штатов. На каждого из этих кандидатов я завел по несколько — от трех до пяти — карточек и внес туда все сведения, которые только удалось мне собрать о них.

После множества проверок и перекрестных опросов я при активной поддержке Сарджа Шрайвера и его коллеги Адама Ярмолински, который впоследствии стал в Пентагоне моим помощником по особым поручениям, отобрал тех, с кем собирался поговорить поподробнее.

После всех этих собеседований я долго обдумывал, кого из них можно рекомендовать президенту для дальнейшего представления их в Конгрессе. Скажу сразу, что президент Кеннеди не вычеркнул ни одного из отобранных мной кандидатов.

В результате была сформирована уникальная по своим достоинствам группа, равной которой не было еще в министерстве. В частности, в нее входили такие замечательные люди, как Харолд Браун, Джозеф Калифано, Джон Коннелли, Пол Нитце и Сайрус Вэнс. Впоследствии каждый из этих пяти человек благодаря лишь собственному таланту и усердию дослужился до поста министра.

Занимаясь подбором сотрудников, я открыл нечто новое в самом себе: оказалось, я что-то смыслю в людях. Я смог также лучше узнать и президента Кеннеди. Он обещал предоставить мне полное право назначать на ключевые посты людей, которых я сам подбираю, руководствуясь исключительно их деловыми и человеческими качествами. И сдержал свое слово.

Вскоре после переезда в Вашингтон я услышал о том, что Франклин Рузвельт-младшего прочат на пост министра ВМС. Я никогда не встречался с ним, но все, что я знал об этом человеке, вызывало глубокие сомнения в его профессиональной пригодности для подобного поста, и я не придавал значения поступавшим сообщениям. Мне даже не приходило в голову, что Ф.-Д. Рузвельт-младший, желая последовать по стопам отца, успел уже договориться с президентом Кеннеди и сам или с помощью друзей организовал утечку этого предложения в прессу.

Спустя четыре или пять дней после того, как президент одобрил ряд моих назначений, он позвонил мне:

— Боб, ты еще никого не откомендовал на пост министра ВМС. У тебя есть какие-то соображения?

— Вы правы, — отозвался я. — Мне еще не удалось подыскать подходящего кандидата.

— Ты не думал о Франклине Рузвельте-младшем?

— Я слышал, что это имя не раз упоминалось, — ответил я. — Но, на мой взгляд, он всего лишь плейбой и никак не соответствует такому посту.

— Ладно, но ты хоть встречался с ним?

Когда я сказал, что не встречался, президент заметил:

— Тебе не кажется, что вы должны повидаться, прежде чем ты вынесешь окончательное суждение?

Соглашаясь с ним, я пообещал, что так и сделаю.

Я вспомнил, что Рузвельт был дилером «Фиата», — как-то мне попалась газетная заметка об этом, — и я стал искать номера «Фиата» на желтых страницах телефонного справочника. Я позвонил ему, представился и попросил явиться ко мне. Думаю, он тут же повесил трубку и выехал. После нашей встречи я перезвонил президенту.

Не скрывая своего тревожного ожидания, Кеннеди спросил:

— Ну, и что ты думаешь?

— Я думаю, что он плейбой и совершенно неподготовлен для этой должности, — откликнулся я.

После долгой паузы президент произнес:

— Боб, ты бывал когда-нибудь на предвыборных собраниях избирателей-демократов в Западной Вирджинии?

Я сказал ему, что в бытность свою в Детройте имел лишь весьма поверхностное представление о сути избирательной кампании. И это было так. Однако я понимал, что его победа в предварительных выборах в Западной Вирджинии стала поворотным пунктом и проложила ему дорогу в Белый дом. Ведь именно тогда, победив протестанта Хьюберта Хэмфри, Кеннеди опроверг распространенное мнение, будто католик никогда не сможет добиться президентского поста.

— Ясно, — коротко заметил он. — А ты знаешь, как все это вышло?

Когда я признался ему в своем неведении, он пояснил:

— Ведущую роль в моей победе сыграл Франклин Рузвельт-младший.

Позднее я узнал, что Рузвельт намеренно распространял слухи, будто Хэмфри в годы Второй мировой войны уклонялся от военной службы.

— Пусть так, — отозвался я. — Но все равно у него нет должной квалификации для поста министра ВМС.

Пауза опасно затянулась, и мне уже начало казаться, что она так никогда и не закончится. Потом президент, вздохнув тяжело, проговорил:

— Полагаю, я должен подыскать ему какое-то другое место.

Впоследствии он назначил Рузвельта заместителем министра торговли. Именно такой откровенный обмен мнениями сблизил меня с Кеннеди.

Я по-прежнему не мог решить, кто должен стать министром ВМС, когда на Рождество отправился вместе с семьей покататься на лыжах. И все же я приближался к ответу на этот вопрос, пока наконец, находясь еще в Аспене, не сделал предварительный выбор. Позвонив президенту, которого опять разыскал во Флориде, я сказал, что после долгих размышлений остановился на кандидатуре Джона Б. Коннелли-младшего.

— Ну что же, это интересно, — откликнулся он. — Признаюсь честно, я о нем не думал. Но здесь есть два человека, которые, возможно, знают Коннелли лучше, чем я. Изложи им свои соображения и выясняй, что они скажут. А потом я вновь свяжусь с тобой.

Я спросил, кто они, и он пояснил:

— Новый вице-президент Джонсон и спикер Рэйберн.

Я был настолько зелен и неопытен, что не сразу понял шутку Кеннеди. Джонсон и Рэйберн, подобно Коннелли, являлись уроженцами

Техаса и знали своего земляка не хуже, чем его родной отец. В сущности, это Коннелли организовал кампанию Джонсона в Лос-Анджелесе в 1960 году, когда тот пытался соперничать с Кеннеди как второй кандидат от демократов. Некоторые считали, что Коннелли распространял также слухи, будто Кеннеди страдает болезнью Эдисона.

Когда Джонсон и Рэйберн подошли к телефону, то не стали ни на чем настаивать. Они выслушали мой рассказ, изложили мне свои доводы и вновь передали трубку президенту. Он сказал:

— Боб, я в восторге.

Это было еще до того, как я принял окончательное решение.

Президент не мог пожаловаться на мой выбор. Коннелли сделался одним из его и моих активнейших сторонников. Мы сожалели о его отставке два года спустя, когда он ушел, чтобы принять участие в выборах губернатора Техаса, завершившихся его победой.

Меня до сих пор изумляет, что моя наивность не вызвала никакого раздражения у президента Кеннеди, даже когда формы ее проявления могли бы откровенно смутить иного высшего руководителя. В период избирательной кампании 1960 года основным вопросом было так называемое ракетное отставание. Кеннеди утверждал, что президент Эйзенхауэр пренебрегал нашей ядерной обороной и в результате Советский Союз достиг количественного превосходства в большинстве видов современного наступательного вооружения и в межконтинентальных ядерных баллистических ракетах (МБР). Это обвинение основывалось на секретном докладе службы безопасности ВВС, который попал к президенту благодаря бывшему министру военно-воздушных сил сенатору Стюарту Саймингтону, демократу из штата Миссури. Оба они не знали, что Центральное разведывательное управление было несогласно с выводами ВВС (в то время не существовало никакой процедуры для анализа противоречивших друг другу утверждений).

Как только я появился в Пентагоне, то сразу попытался определить истинные масштабы этого разрыва и способы его преодоления. Мой заместитель Розуэлл Гилпатрик и я проводили целые дни вместе с заместителем начальника штаба ВВС по безопасности. Мы лично просмотрели сотни фотографий советских ракетных установок, о которых шла речь в докладе ВВС.

Делать какие-либо выводы на основании снимков было не так-то легко, но в конце концов мы все же пришли к заключению, что ЦРУ оказалось право, а ВВС ошиблись. Разрыв действительно существовал, но в нашу пользу!

Как раз тогда, 6 февраля 1961 года, мой пресс-секретарь Артур Сильвестер сказал:

— Боб, ты еще не встречался с журналистами. Тебе надо это сделать.

Я ответил ему, что не имею ни малейшего представления о вашингтонской прессе и вообще не готов к встрече с газетчиками.

— Не беспокойся, — принялся он меня уговаривать. — Они хорошие ребята и отнесутся к тебе, как надо.

На самом же деле это были настоящие акулы, каковыми они себя и называли.

Я, уступая, согласился встретиться с ними сразу после полудня в конференц-зале рядом с моим кабинетом. Журналисты столпились в зале, двери были закрыты, и Артур действовал, согласно установленным правилам. Я полагал, что встреча не будет освещаться в печати, но Артур ясно сказал, что журналисты смогут публиковать все, что услышат, но при условии, что не станут приписывать свой текст непосредственно мне. В тот раз я так и не понял, в чем состоит это различие.

Первый заданный мне вопрос звучал так:

— Господин министр, вы занимаете этот пост уже три недели. Что вы можете сказать о разрыве в численности ракет?

Я ответил, что сразу же, как только стал министром, приступил к изучению этого вопроса и установил, что если разрыв и существует, то в нашу пользу.

Журналисты чуть не вышибли дверь, бросившись к телефонам. Я и сейчас помню шокирующие заголовки в вышедшей в тот же день «Вашингтон ивнинг стар». На следующее утро в «Нью-Йорк таймс» вся эта история красовалась на первой полосе. Республиканцы и в Конгрессе, и по всей стране грозно протестовали. Лидер сенатского меньшинства Эверетт Дирксен, республиканец из штата Иллинойс, потребовал моей отставки и, — вероятно, придя в раж, — начал настаивать и на перевыборах президента.

Я отправился к президенту Кеннеди.

— Господин президент, я пришел в правительство, чтобы помочь вам, — начал я, — а добился лишь призывов к вашему уходу с высшего поста. Сам я полностью готов к отставке.

— Да ладно, Боб, забудь об этом, — сказал Кеннеди без тени раздражения или гнева. — Мы основательно влипли, но такое может с каждым случиться, все мы порой обжигаемся. Выброси это из головы. Все постепенно уляжется.

Так оно и вышло, но я не в силах вычеркнуть из памяти великодушия президента, простившего мне мою глупость.

К тому времени я составил список с более чем ста вопросами, которые, на мой взгляд, следовало изучить и по которым, соответственно, мне хотелось бы получить исчерпывающие докладные записки. В самом министерстве мой документ именовали с иронией «девятьюстами девятью тромбонами». Он охватывал всю сферу деятельности Министерства обороны. В нем рассматривались, в частности, угрозы, с которыми мы только что столкнулись, силовые структуры, способные им проти-

востоять, и потребности в основных системах вооружения, а также давалась оценка нашего плана нанесения по противнику ядерного удара.

Помимо всего прочего список «девятиности девяти тромбонов» явился реальным свидетельством того, что мы намерены держать под контролем работу всего министерства. К 1961 году, за 15 лет после начала «холодной войны», число служащих Военного ведомства возросло настолько, что его даже стали сравнивать порой с бегемотом. На оборону работало 4,5 миллиона человек: 3,5 миллиона людей в военной форме и еще миллион штатских. По числу занятых Пентагон, таким образом, превосходил двадцать пять, а то и тридцать крупнейших корпораций, вместе взятых. Его годовой бюджет — 280 млрд долларов в 1994 году — также был больше национальных бюджетов любой из ведущих стран НАТО — союзниц США. Пентагон имел дело с огромными транспортными комплексами, телекоммуникациями, снабженческими и ремонтными службами и, само собой разумеется, с армиями, военно-морскими и военно-воздушными силами, включая, конечно, и ядерный арсенал.

В Конституции говорится, что Вооруженные силы США находятся под гражданским контролем. Это означает, что президент и министр обороны несут ответственность за всю сферу деятельности Военного ведомства. Но фактически каждый из моих предшественников приступал к работе, не скрывая своих амбиций, однако по прошествии времени обнаруживал вдруг, что его затягивает гигантская бюрократическая машина, не оставляющая времени на размышления. Кончалось тем, что они обращались к бюрократам старого образца, генералам и адмиралам, консультируясь с ними по вопросам бюджета, материального обеспечения, стратегии, а иногда даже и политики, не понимая самой сути проблем, — и все потому, что военный истеблишмент столь непомерно разросся, превратившись в громоздкую, усложненную сверх всякой меры систему.

Я не верил в миф о неререформируемости Министерства обороны. Не верил и в то, что попытки руководить им обречены на провал. Да, это необычайно большая, просто огромная организация, но полагать, будто мы имеем дело с практически неуправляемой силой, на мой взгляд, было абсурдно. В течение пятнадцати лет я, работая менеджером, занимался сходным кругом проблем, прежде всего укреплением организаций, часто вопреки их воле. Я успел глубоко и реалистически обдумать альтернативные способы действий и их последствия. Моя команда и я были полны решимости возглавить руководство ведомством и добиться поставленной президентом цели: обеспечения безопасности страны с наименьшими затратами. Для этого у нас были эффективные, адекватные обстоятельствам методы.

Через месяц после начала работы на посту министра обороны я сказал в интервью тележурналисту: «Роль менеджера в государствен-

ном учреждении очень сходна с ролью менеджера в частном секторе: он должен выбирать из двух альтернативных курсов действий только тот, что представляется ему самым подходящим. Он должен поступать как судья или как лидер... Я всегда предпочитал активную лидерскую роль пассивной роли судьи.

В частных беседах я высказывался куда более резко и определенно, прямо заявляя, что собираюсь перетряхнуть всю структуру. Я дал ясно понять, что намерен подчинить могущественные институциональные интересы различных армейских служб и оборонных объединений общей и широкой концепции национальных интересов. Я хотел бросить вызов Пентагону, упорно избегавшему изменений, и настаивал на том, что ответственные решения должны приниматься на основе исследований и анализа. Пора положить конец рутинной практике выделения значительных сумм различным ведомствам, поскольку они, как правило, используют полученные средства бесконтрольно и по собственному усмотрению. Нам предстояло провести радикальные преобразования, чтобы осуществить эти задачи. А значит, высшим государственным чинам нужно было вплотную заняться проблемами управления оборонными программами. Частью процесса обновления стал переход от годового планирования к пятилетнему, и это революционное изменение распространилось на всю деятельность правительства. Для определения приоритетов в сфере закупок мы утвердили систему «планирование — программирование — бюджет». Эта система, рассчитанная на длительную перспективу, была, в свою очередь, связана с подсистемами в сфере вооружения, силовых структурах и стратегиях, а также с характером их ассигнования. Даже заседания руководства Пентагона стали иными, не столь шаблонными, и приобрели политическую направленность.

К числу наших важнейших достижений можно отнести существенное изменение самого характера ежегодных официальных докладов министра обороны Конгрессу. Теперь мы начинали каждый из них с определения внешнеполитических целей Америки, а затем переходили к анализу чинимых нам препятствий, с которыми сталкивались в процессе достижения наших целей, к вопросам военной стратегии, реализация которой должна была нейтрализовать эти противодействия, к структуре вооруженных сил, которую мы хотели создать, и к бюджету, необходимому для эффективного функционирования этой структуры. Увязка внешнеполитического курса с финансированием являлась для нас основополагающим моментом. Иного, как мы считали, нам просто не дано. В ту пору наш подход встретил ожесточенное сопротивление. Например, многие в Государственном департаменте полагали, что мы пытаемся узурпировать их функции, готовя заявление о внешней политике США. Но они-то ведь ничего подобного не делали. И им к тому же не было известно, что я попросил Дина Раска

тщательно выверить каждое слово, прежде чем я возьму формулируемые в заявлении принципы за основу при выработке нашей внешней стратегии и оборонных программ.

Все это отразилось в подходе к организации деятельности сотрудников, который я разработал еще в Гарварде, применял в годы службы в армии во время войны, а позднее у Форда и в Мировом банке. Говоря проще, главным в данном случае было ясное, четкое определение цели для любой организации, в которой мне довелось работать, составление плана, отвечающего подобной цели, и постоянное, неукоснительное следование этому плану как залог успеха. Если все же что-то складывалось вовсе не так, как хотелось бы, нужно было или откорректировать план, или перестраивать работу. Цели Министерства обороны были понятны мне с самого начала: защищать страну с минимальным риском и минимальными затратами, а во время боевых действий — и с минимальными потерями в живой силе.

Мы незамедлительно приступили к решению насущной задачи — к пересмотру и выработке нового определения нашей ядерной стратегии. Эта цель была поставлена нами перед собой после долгого спора о смысле самой стратегии. В 50-х годах, вопреки рекомендациям ряда высших военных чинов, например, председателя Комитета начальников штабов генерала Максуэлла Тэйлора, администрация Эйзенхауэра все больше делала ставку на ядерное оружие как средство обеспечения обороноспособности страны. Государственный секретарь Джон Фостер Даллес подытожил суть доктрины массированного ответного удара, заявив, что целью США является сдерживание агрессии «в первую очередь в результате создания военного потенциала, который позволил бы нам немедленно нанести ответный [ядерный] удар, самым определенным средством и цели».

Администрацию Кеннеди беспокоило, что расчет исключительно на ядерное оружие не дает нам возможность отражать массированное неядерное нападение без самоубийственного исхода. Президент Кеннеди сказал, что мы поставили себя в положение людей, выбирающих в кризисной ситуации либо «бесславное отступление, либо нанесение ответного удара без учета последствий». Мы решили расширить диапазон выбора, усилив и модернизировав способность вести военные действия в условиях неядерной войны. Это привело к переходу от доктрины массированного ответного удара к тому, что впоследствии стало известно как гибкое реагирование, под которым подразумевалась стратегия, призванная уменьшить риск ядерной войны. Нам лишь частично удалось приподнять ядерный «порог». Наши предложения в течение пяти лет обсуждались в НАТО, а затем были приняты там, хотя и с существенными поправками.

В любом случае в первые дни деятельности администрации мы провели немало времени, работая над планами развития и укрепления

наших вооруженных сил. В конце марта президент Кеннеди включил наши предложения в специальное послание к Конгрессу, посвященное вопросам обороны. Он попросил выделить Пентагону дополнительные 650 миллионов долларов для реализации мер по расширению наших возможностей сдерживать или отражать неядерную агрессию.

Три месяца, последовавшие за инаугурацией президента Кеннеди, мы чувствовали себя как хорошо отлаженный механизм. Но уже через несколько дней после того, как он представил оборонный план Конгрессу, мы столкнулись с проблемой, показавшей, что у наших суждений — или у наших удачных решений — есть свои жесткие границы.

В начале 1960 года администрация Эйзенхауэра поручила ЦРУ создать, вооружить и тайно подготовить в Центральной Америке бригаду из 1400 кубинских эмигрантов для вторжения на Кубу и свержения режима Фиделя Кастро. Годом раньше Кастро захватил власть на острове и явно собирался включить Кубу в сферу советского влияния. Администрация Кеннеди, получив в наследство этот план, продолжила подготовку к вторжению.

Теперь, меньше чем через девяносто дней после инаугурации, Кеннеди должен был решить, стоит ли ему и дальше готовить эту операцию. Он пригласил своих советников (по всей вероятности, нас было человек двадцать) на встречу в Государственном департаменте и спросил, что нам нужно делать. Обойдя стол, он задал вопрос каждому из собравшихся, желая узнать его личное мнение. За исключением лишь одного советника — Дж. Уильяма Фулбрайта, сенатора от штата Арканзас, категорически выступившего против, все мы поддержали план действий. Это была операция ЦРУ, получившая, однако, одобрение со стороны всего Комитета начальников штабов. Государственный секретарь Дин Риск и я не выказали особого энтузиазма, но все согласились с планом, равно как и Макджордж Банди и остальные члены возглавлявшегося им Совета национальной безопасности.

Бригада высадилась в Заливе Свиней, на юго-западном побережье Кубы, 17 апреля 1961 года, но эта акция тут же обернулась, как выразился один историк, «полным и абсолютным поражением США»: агентам Кастро удалось проникнуть в ряды бригады, кубинский народ, вопреки прогнозам ЦРУ, не выступил в поддержку мятежников. Кастро сумел направить в район боевых действий больше бойцов и значительно быстрее, чем мы предполагали, прикрытие с воздуха не было должным образом подготовлено: «путь спасения» в горы обернулся в восемьдесят миль по непролазным болотам, «рука» Вашингтона в операции была тотчас опознана, вызвав во всем мире волну негодования, — список просчетов можно продолжать до бесконечности.

Президент Кеннеди, выступив по телевидению, взял на себя всю ответственность за позорный провал.

Наблюдая за ним, я извлек для себя горький урок. Я пришел в Пентагон с весьма ограниченным знанием военных проблем и еще меньшим пониманием технологии тайных операций. Данное обстоятельство вместе с моей поглощенностью другими вопросами и уважением к ЦРУ, которое я считал чисто оперативным агентством, привели к тому, что я некритически воспринял весь план. Я молча слушал выступления, посвященные этой высадке. Даже передал президенту без каких-либо комментариев крайне противоречивое заявление Комитета начальников штабов о том, что высадка, по всей вероятности, будет способствовать свержению режима Кастро — пусть и не сразу, но в обозримом будущем. По правде признаться, я не очень хорошо разобрался в этом плане и не знал многих фактов. Я позволил себе занять позицию пассивного наблюдателя.

На следующий день, появившись в Овальном кабинете, я сказал:

— Господин президент, я знаю, где я был, когда вы приняли решение начать высадку. Я был в комнате, где ваши советники, в том числе и я, рекомендовали вам действовать незамедлительно. Против высказался лишь один. Я готов выступить по телевидению и заявить об этом на всю страну.

Кеннеди выслушал меня.

— Боб, — откликнулся он, — я благодарю тебя за намерение взять на себя долю ответственности. Но я президент. Я не должен был делать того, что вы мне рекомендовали. А я это сделал. Я отвечаю за все и не собираюсь перекладывать часть вины на тебя, Эйзенхауэра или кого-то еще.

Меня восхитили его слова, и этот случай нас окончательно сблизил. Я решил, что больше не позволю ему ошибиться.

ГЛАВА 2

Первые годы

19 января 1961 года — 23 августа 1963 года

Мы должны ясно видеть все в самом начале, ибо если не различим опасность в ее зародыше, то не найдем средства для исцеления, когда она предстанет перед нами в полный рост.

Монте нь. Опыты

Начало всех событий обычно заурядно, и история моего участия во всем, происходившем во Вьетнаме, не противоречит этому правилу. Когда Джон Ф. Кеннеди стал президентом, мы столкнулись со сложным и нарастающим кризисом в Юго-Восточной Азии, о котором мало что знали, не имели должного опыта для его разрешения и судили о нем крайне упрощенно. Со временем стало понятно, что проблемы, терзавшие Южный Вьетнам и его воинственного лидера Нго Динь Зьема, гораздо сложнее и запутаннее, чем представлялось вначале. И, разойдясь во мнениях относительно наших действий в этом регионе, мы разделились на два лагеря.

В годы президентства Кеннеди мы исходили из двух постулатов, впоследствии оказавшихся несостоятельными. Согласно одному из них, поражение Южного Вьетнама и его захват коммунистами угрожали безопасности Соединенных Штатов и всего западного мира. Согласно другому, только сами южновьетнамцы могли защитить себя от агрессии с Севера, а роль Америки следовало резко ограничить военной подготовкой специалистов и поставками вооружений. В соответствии с последним постулатом действительно планировался поэтапный вывод американских войск в 1963 году. Однако этот шаг встретил резкое возражение у тех, кто считал, что наш уход приведет к потере для Запада Южного Вьетнама, а возможно, и всей Азии.

Мои размышления о Юго-Восточной Азии в 1961 году мало отличались от взглядов большинства американцев моего поколения, участвовавших во Второй мировой войне и следивших за международными событиями по газетам, но не обладавших должными познаниями в вопросах геополитики и слабо разбиравшихся в политической обстановке в Азии. Желая внести свой вклад в борьбу с агрессивными устремлениями Германии и Японии, я провел на войне целых три года, и все это только затем, чтобы стать потом свидетелем того, как в первые же послевоенные годы Советский Союз прибрал к рукам Восточную

Европу. Поэтому я был согласен с идеей, сформулированной Джорджем Кеннаном в его знаменитой статье, опубликованной под псевдонимом «Х» в июле 1947 года в журнале «Форин афферс», что Запад во главе с Соединенными Штатами должен сопротивляться советской экспансии с помощью политики сдерживания противоборствующей стороны. Казалось, это разумная основа для принятия решений, касающихся вопросов национальной безопасности и применения военной силы Запада.

Подобно многим американцам, я рассматривал коммунизм как монолитное явление и считал, что СССР и Китай сотрудничают, объединенные стремлением претворить в жизнь гегемонистические планы подчинения своей власти новых территорий. Теперь, по прошествии многих лет и в свете целого ряда событий, стало ясно, что с конца 50-х годов у СССР и Китая уже не было общей стратегии. Но их идеологический раскол назревал постепенно и сделался очевидным лишь впоследствии. А тогда коммунизм, казалось, находился на подъеме. Мао Цзедун и его сторонники управляли Китаем с 1949 года и вместе с Северной Кореей боролись против Запада. Никита Хрущев предрекал победу коммунизма в результате «национально-освободительных войн» в странах третьего мира и обращался к Западу со словами: «Мы вас похороним». Его угрозы подкреплялись демонстрацией превосходства в космической технологии, когда в 1957 году Советский Союз запустил свой спутник. В следующем году Хрущев способствовал резкому обострению ситуации в Западном Берлине. А теперь Кастро превратил Кубу в коммунистический форпост в нашем полушарии. Мы оказались в положении обороняющихся. Этот страх и обусловил наше вмешательство во внутренние дела Вьетнама.

В отличие от политиков правого толка я не считал коммунистическую угрозу столь уж неотвратимой. Но, несомненно, она существовала, и я понимал, что нам придется с этим считаться. Я разделял чувства президента Кеннеди, обратившегося к Америке и вообще к Западу с призывом достойно выдержать испытания в долгой и нелегкой борьбе. В инаугурационной речи им было сказано также: «Пусть же знает каждый народ независимо от того, желает ли он нам добра или нет, что мы готовы заплатить любую цену, перенести любые невзгоды, поддержать любого друга и противостоять любому врагу, чтобы только свобода смогла выжить и восторжествовать»¹.

Кое-что о новейшей истории Индокитая и, в частности, Вьетнама мне все же было известно. Я знал, что коммунист Хо Ши Мин после Первой мировой приложил немало сил для освобождения страны от господства Франции. Я знал, что во время Второй мировой войны Вьет-

¹ Public Papers of the Presidents of the United States (далее — Public Papers...), John F. Kennedy, 1961. Washington: U. S. Government Printing Office, 1962. P. 1–3.

нам был оккупирован Японией. Я знал, что после капитуляции Японии Хо Ши Мин провозгласил независимость Вьетнама, но Соединенные Штаты предложили Франции вернуться в Индокитай, опасаясь, что охлаждение отношений между Францией и Америкой затруднит сдерживание советской экспансии в Европе. Фактически, в прошедшее десятилетие мы поддерживали военные действия Франции против армии Хо, которой, в свою очередь, помогали китайцы. И я знал, что Соединенные Штаты рассматривали индокитайский регион как один из опорных пунктов политики сдерживания, этого важного компонента «холодной войны».

Нам казалось очевидным, что коммунистическое движение во Вьетнаме было тесно связано с партизанскими движениями 50-х годов в Бирме, Индонезии, Малайзии и на Филиппинах. Мы воспринимали антиправительственные выступления подобного рода не как национальные движения, каковыми они представляются сейчас, по прошествии времени, а как проявление общей борьбы коммунистов за господство в Азии. Подобный ход рассуждений заставил Дина Ачесона, государственного секретаря при президенте Трумэне, назвать Хо Ши Мина «заклятым врагом национальной независимости в Индокитае»¹.

Мне также было известно, что правительство Эйзенхауэра разделяло мнение администрации Трумэна, что захват коммунистами Индокитая представляет собой реальную угрозу безопасности США. Хотя было нежелательно направлять в регион американские войска, но, как предупреждение коммунистической угрозе, подобный призыв звучал достаточно часто и отчетливо. В апреле 1954 года президент Эйзенхауэр выступил со своим знаменитым предсказанием, заявив, что крах Индокитая будет означать крах всей Юго-Восточной Азии, которая «стремительно рассыпется», как «ряд костяшек в домино». Он также добавил: «Возможные последствия этой потери для свободного мира даже представить нельзя»². В тот год наша страна, добившись уступок от Франции, возложила на себя ответственность за защиту территории Вьетнама к югу от границы 1954 года. Мы также вели переговоры с Организацией договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), обратившейся к Соединенным Штатам с просьбой взять под свою опеку Индокитай. В результате в период с 1955 по 1961 год нами было израсходовано на оказание экономической и военной помощи Южному Вьетнаму более семи миллиардов долларов.

Наконец, я помню, что в бытность свою сенатором Джон Ф. Кеннеди неоднократно повторял утверждение Эйзенхауэра о том, что «Вьетнам является краеугольным камнем свободного мира в Юго-Восточной Азии». Эйзенхауэр сказал об этом в широко известной и не раз публи-

¹ Department of State Bulletin. 1950. February 13. P. 244.

² Public Papers... Dwight D. Eisenhower, 1954. Washington: U. S. Government Printing Office, 1960. P. 382–384.

ковавшейся речи в 1956 году: «Это наш подопечный. Мы не можем бросить его на произвол судьбы, мы не можем игнорировать его нужды»¹.

После того как я стал министром обороны, два события заставили меня всерьез задуматься о Вьетнаме: во-первых, укрепление отношений Кубы с Советским Союзом и, во-вторых, новая волна советских провокаций в Берлине. Казалось, что оба факта подтверждали агрессивные намерения коммунистических сил. В этом контексте угроза потери для свободного мира Вьетнама, а далее, по принципу домино, и всей Юго-Восточной Азии делала оправданной и разумной активизацию наших действий во Вьетнаме.

Однако ни одно из этих соображений не сделало меня в ту пору специалистом по Юго-Восточной Азии. Я никогда не был в Индокитае, не знал его истории, языка, культуры и системы ценностей и не мог в них должным образом разобраться. То же самое с большей или меньшей точностью можно сказать и о президенте Кеннеди, государственном секретаре Дине Раске, советнике по национальной безопасности Макджордже Банди, военном советнике Максвелле Тэйлоре и многих других. Когда мы решились действовать во Вьетнаме, то начали проводить свою политику в совершенно неведомом нам регионе — настоящей *terra incognita*.

Хуже того, в нашем правительстве отсутствовали эксперты, и нам не с кем было проконсультироваться и хоть как-то компенсировать свое невежество. Во время берлинского кризиса 1961 года и кубинского ядерного кризиса 1962 года президент Кеннеди мог выслушать мнение таких видных политических деятелей, как Луэллин Томпсон, Чарлз Боулен и Джордж Кеннан, которые прекрасно знали Советский Союз и разбирались в его проблемах. Но подобных знатоков в Пентагоне или в Государственном департаменте с аналогичным пониманием проблем Юго-Восточной Азии просто не было. Я был знаком лишь с одним служащим в Пентагоне, занимавшимся вопросами обеспечения безопасности данного региона, — полковником Эдвардом Лансдейлом. Он служил советником у Рамона Магсайсая на Филиппинах и у Зьема в Южном Вьетнаме. Но Лансдейл был довольно молод и не обладал обширными геополитическими познаниями.

По иронии судьбы этот пробел возник преимущественно из-за того, что ведущих специалистов Государственного департамента по Юго-Восточной Азии и Китаю — Джона Патона Девиса-младшего, Джона Стюарта Сервиса и Джона Картера Винсента — выгнали с работы в период маккартистских чисток и истерии 50-х годов. Без них, людей, способных представить полную геополитическую и исторически сложившуюся картину региона со всеми подробностями и нюансами, все мы, в том числе и я, неправильно воспринимали цели и намерения

¹ Kennedy J.F. *Amerika's Stake in Vietnam* // *Vital Speeches*. 1956. August 1. P. 61—619.

Китая и считали воинственную риторику его вождей призывами к захвату региона и установлению в нем своей гегемонии. Мы также совершенно недооценивали националистический аспект движения Хо Ши Мина. Мы видели в нем прежде всего коммуниста и уж потом вьетнамского националиста.

Почему нам не удалось рассмотреть Китай и Вьетнам под тем же углом зрения, что и Югославию, то есть как коммунистические государства, независимые от Москвы? Я полагаю, что в целом ряде отношений Тито был уникальным политиком: как-никак он осмелился бросить вызов Сталину, а затем и резко разошелся с ним. Пламенные речи китайских и северовьетнамских руководителей заставляли нас думать, что они добиваются гегемонии в регионе. А недавний поворот Кубы в сторону Советского Союза, казалось, иллюстрировал, как внешне независимые движения стран третьего мира быстро находили свое место на коммунистической орбите. Поэтому мы ставили Хо Ши Мина на одну доску с Фиделем Кастро, а не с маршалом Тито.

Подобные поверхностные и неточные суждения принимались администрацией Кеннеди, равно как и его демократическими и республиканскими предшественниками, без каких-либо возражений. Мы не сумели критически оценить свои представления ни тогда, ни позднее. Основы для принятия решений страдали серьезными изъянами.

Были и ошибки другого рода. Я постараюсь определить их, подробно осветить и очистить от различных наслоений, чтобы они смогли стать уроками на будущее. О Вьетнаме написано великое множество книг, целые горы. В них подробно излагается история конфликта. На мой взгляд, нет нужды повторять уже сказанное их авторами. Вместо этого я хочу сосредоточиться на следующих одиннадцати ключевых моментах — событиях или решениях, обсудить характер последних, а также процесс их принятия:

- встреча президента Эйзенхауэра с только что избранным президентом Кеннеди, состоявшаяся 19 января 1961 года;
- принятое в конце 1961 года решение президента Кеннеди направить в Южный Вьетнам 16 тысяч американских советников, в чьи обязанности входило бы оказание помощи в подготовке южно-вьетнамской армии для успешного противостояния угрозе со стороны Севера;
- заявление президента Кеннеди от 2 октября 1963 года о том, что, по его мнению, американские военные советники должны завершить выполнение своей миссии к 1965 году и что через 90 дней, к 31 декабря 1963 года, он начнет вывод из Вьетнама своих военных специалистов;
- военный переворот 1 ноября 1963 года, в результате которого был свергнут президент Зьем;

- политический раскол в Южном Вьетнаме в первый год президентства Линдона Джонсона и реакция на него нашего правительства;
- события в Тонкинском заливе в августе 1964 года, отклик на них президента и последовавшая резолюция Конгресса;
- заявление, составленное мною и Макджорджем Банди в категоричной форме и направленное нами президенту Джонсону в конце января 1965 года, через несколько недель после начала американских бомбардировок Северного Вьетнама;
- роковое решение направить до конца 1965 года в Южный Вьетнам 175 тысяч американских военнослужащих для защиты этой страны, принятое в июле указанного года, хотя всем было ясно, что дальнейший ход боевых действий потребует расширения военного присутствия США в данном регионе;
- предпринимавшиеся с конца 1965 и вплоть до 1967 года неоднократные попытки завершить войну и приступить к переговорам, означавшие по существу признание нашей неспособности решить проблему военным путем;
- решение направить во Вьетнам до конца 1966 года дополнительно 200 тысяч военнослужащих, принятое весной указанного года, когда ни для кого не было уже секретом, что война не может скоро завершиться;
- ожесточенные споры в 1967 году о способах ведения боевых действий и требования дальнейшего увеличения американского контингента во Вьетнаме, которые в конце концов привели к моей отставке и уходу из правительства 29 февраля 1968 года.

Уже не раз говорилось, будто бы лживые отчеты об успехах, составлявшиеся в тот период военными и политическими деятелями, включая и меня, воздействовали на правительственные решения и на реакцию общества на события во Вьетнаме. Позже я еще вернусь к подобным утверждениям.

Впервые мне довелось столкнуться с индокитайской проблемой во время короткой встречи президента Эйзенхауэра и только что избранного президентом Кеннеди, состоявшейся 19 января 1961 года, в последний день пребывания в должности президента Эйзенхауэра. Он и его ближайшие сотрудники — государственный секретарь Кристиан Гертер, министр обороны Томас Гейтс, министр финансов Роберт Андерсон и руководитель аппарата Белого дома генерал Уилтон Персонс — встретились с президентом Кеннеди, новым государственным секретарем Дином Раском, новым министром финансов Дугласом Диллоном, советником президента Кларком Клиффордом и со мной, чтобы обсу-

дить важнейшие вопросы национальной политики, с которыми нам в ближайшее время придется иметь дело¹.

В тот день мы затронули множество различных тем, но основное внимание было сосредоточено на Индокитае. Некоторые участники встречи, в том числе и я, никогда не доверявший своей памяти, вскоре после ее окончания записали услышанное. Эти и последующие воспоминания о данном событии отразили различия в восприятии советов, которые Эйзенхауэр давал Кеннеди в связи с главным вопросом, поднятым на встрече, — с возможностью вооруженного вмешательства в конфликт в Юго-Восточной Азии.

В этой части обсуждения внимание Эйзенхауэра было приковано к Лаосу, а не к Вьетнаму. Коммунисты Патет-Лао усилили свою борьбу за власть в стране с Фуоми Носаваном, которого поддерживали США. Вот что написал по данному поводу Кларк Клиффорд: «Президент Эйзенхауэр заявил, что Лаос — это истинный ключ ко всему региону Юго-Восточной Азии. Если Лаос отойдет к коммунистам, то понадобятся невероятные усилия для удержания и сохранения Таиланда, Камбоджи и Южного Вьетнама. По словам президента Эйзенхауэра, он придает Лаосу [и, как подразумевалось, Вьетнаму] столь большое значение, что в случае, если мы так и не сможем убедить остальных выступить совместно с нами, он был бы не против того, чтобы *“в знак последней, отчаянной надежды мы предприняли вооруженное вторжение в одностороннем порядке”*»² (выделено в оригинале. — Р. М.).

Дин Раск в своих воспоминаниях почти дословно повторил слова Клиффорда. Он полагает, что слышал, как Эйзенхауэр рекомендовал односторонние военные действия в Лаосе, если это станет единственной альтернативой захвату этой страны коммунистами³.

¹ Данная встреча проиллюстрировала один из недостатков нашей формы правления — отсутствие эффективных способов передачи опыта одним правительством другому — и дала нам ясно понять, что за это нам придется дорого заплатить. При парламентской системе министры нового правительства обычно составляют до прихода к власти теневой кабинет оппозиции. Я могу, например, вспомнить разговоры с Денисом Хили в Великобритании и Гельмутом Шмидтом в Западной Германии, бывшими в свое время министрами обороны. Изучив за годы пребывания в оппозиции в качестве лидеров своих партий все важнейшие вопросы, касавшиеся безопасности их стран, оба они оказались основательно подготовленными к будущей роли. А вот я, напротив, появился в Вашингтоне, только что оставив пост президента «Форд мотор компани». Понятно, простая встреча команд Эйзенхауэра и Кеннеди была плохой заменой упомянутой мною выше системы подготовки руководителей соответствующего ранга. Джон Локк правильно заметил: «Познание невозможно вне личного опыта». — *Здесь и далее, где не оговорено особо, примеч. авт.*

² Clark Clifford to President Kennedy. Memorandum on Conference between President Eisenhower and President-elect Kennedy and Their Chief Advisers on January 19, 1961. 1961. January 24 [Кларк Клиффорд — президенту Кеннеди. Служебная записка по результатам встречи президента Эйзенхауэра и новоизбранного президента Кеннеди и их ведущих советников, состоявшейся 19 января 1961 г. 1961. 24 января] // Eisenhower, Dwight D., January 17 — December 9, 1961: President's Office Files: John F. Kennedy Papers. JFKL.

³ См.: Rusk D., Rusk R. As I Say It. N. Y.: Norton, 1990. P. 428.

Но мой отчет, подготовленный по просьбе президента Кеннеди на основании сделанных на этой встрече записей, свидетельствовал, что подход Эйзенхауэра был не столь уж определенным. У меня сложилось впечатление, что он не имел ни малейшего представления, каким должен быть все же искомый курс действий. Я записал даже: «Президент Эйзенхауэр не советовал предпринимать односторонние действия в связи с событиями в Лаосе». А также заметил, что Эйзенхауэр не ответил на прямой вопрос Кеннеди: «Какие действия следует предпринять, чтобы вытеснить китайских коммунистов из Лаоса?». Наконец, я констатировал: «Президент Эйзенхауэр безапелляционно заявил: «Если Лаос окажется потерянным для свободного мира, то в дальнейшем мы потеряем и всю Юго-Восточную Азию»»¹.

Воспоминания Дугласа Диллона полностью совпадали с моими. Диллон даже сделал еще один шаг, добавив свое впечатление: «Эйзенхауэр и государственный секретарь Гертер испытали нескрываемое внутреннее удовлетворение, переложив столь запутанную проблему на плечи Кеннеди»².

Дуг, по-моему, был абсолютно прав: Эйзенхауэр не знал, что нужно делать в Юго-Восточной Азии, и охотно передал решение этого вопроса демократам. И все же я не могу осуждать его за то, что он оставил нам неразрешимую проблему. Индокитайская проблема и впрямь *была* запутанной, и на этот счет наше мнение не расходилось с мнением Эйзенхауэра. Насколько же она в действительности запутана, в этом нашему народу предстояло еще убедиться в последующие четырнадцать лет на собственном горьком опыте.

Есть и еще одно свидетельство того, что Эйзенхауэр испытывал определенные сомнения. Как нам сообщили впоследствии, за три недели до встречи с Кеннеди он сказал своим помощникам: «Мы не должны позволить Лаосу капитулировать перед коммунистами, даже если нам придется ввязаться в войну»³. Однако это заявление резко контрастировало с позицией, которую он занял за шесть лет до этого, во время событий в Дьенбьенфу⁴. Тогда президент выступил против вооруженного вмешательства США. Возможно, Эйзенхауэр изменил свои

¹ Цит. по: *Greenstein F.I., Immerman R.H. What Did Eisenhower Tell Kennedy About Indochina? The Politics of Misperception // Journal of American History. 1992. September. P. 583.*

² Цит. по: *Ibid.*

³ John S.D. Eisenhower's Memorandum of a Conference with the President. 1960. December 31 [Служебная записка Джона С.-Д. Эйзенхауэра о встрече с президентом. 1960. 31 декабря] // *Staff Notes – December 1960: Eisenhower Diary Series: Whitman File. Dwight D. Eisenhower Library.*

⁴ Имеется в виду решающее сражение Войны сопротивления вьетнамского народа (1945–1954), произошедшее в мае 1954 г. в уезде Дьенбьенфу, на северо-западе Вьетнама, и закончившееся победой Вьетнамской народной армии над французскими войсками. — *Примеч. ред.*

взгляды под воздействием изменений в международной обстановке, но я не в силах увязать один с другим эти два постулата. Решился бы Эйзенхауэр начать войну во Вьетнаме, как это сделали мы? Не знаю. Но я знаю, что мы не услышали детального и вдумчивого анализа проблемы, аргументов «за» и «против», альтернативных вариантов наших действий. На нашу долю досталось только зловещее предсказание, что если Лаос капитулирует, то капитулирует и вся Юго-Восточная Азия. Подразумевалось, что Запад должен сделать все необходимое для предотвращения подобного исхода. Встреча произвела глубокое впечатление на Кеннеди и всех нас. Она оказала несомненное воздействие на наш дальнейший подход к Юго-Восточной Азии.

Через несколько недель стало очевидно, что положение в Южном Вьетнаме осложнилось как бы в дополнение к кризису в Лаосе, и быстрее, чем мы могли предвидеть. В марте президент Кеннеди поставил перед группой высокопоставленных чиновников во главе с Розуэллом Гилпатриком задачу исследовать альтернативные способы действий и выработать соответствующие рекомендации. В их докладе, представленном 8 мая, говорилось о необходимости существенно увеличить численность Вооруженных сил США в Южном Вьетнаме — с нескольких сот до нескольких тысяч человек. Президент Кеннеди категорически отверг этот план, ограничившись скромным количеством — ста советниками и отрядом сил особого назначения из 400 человек для обучения южновьетнамцев методам борьбы с партизанами.

Тем временем ситуация в Лаосе заметно ухудшалась. В августе Дин Раск рекомендовал на встрече в Белом доме продолжить дипломатические переговоры, но при этом быть готовыми к боевым действиям по защите Индокитая в соответствии с планом, разработанным СЕАТО. Предполагалось, в частности, что в этих целях могут быть использованы 30 тысяч военных, направленных в регион членами данной организации, в первую очередь Великобританией, Францией и Соединенными Штатами. Но Великобритания и Франция ясно дали понять, что не намерены отправлять туда войска. И предложение Дина лишь поставило перед нами новый вопрос. Я сказал президенту Кеннеди, что, прежде чем мы решимся на какие-либо военные действия в Индокитае, он должен рассмотреть и оценить кризис в Лаосе — в сопоставлении его с другими мировыми проблемами. Я, замечу, думал при этом и о Берлине, где напряженность достигла такой степени, что мы собирались отправить в Европу шесть дивизий (примерно 90 тысяч человек). Я доказывал, что мы не сможем одновременно осуществлять эту операцию и участвовать в военных действиях в Юго-Восточной Азии, поскольку провести всеобщую мобилизацию за короткие сроки нам просто не удастся. Президент пришел к выводу, — и Дин согласился с

ним, — что нам не следует брать на себя никаких обязательств в связи с планом СЕАТО без предварительного изучения различных тенденций в развитии международной обстановки¹.

К осени 1961 года значительно активизировалось проникновение северовьетнамцев в Южный Вьетнам для участия в партизанском движении на его территории, а Вьетконг с новой силой выступил против правительства Зьема. Президент Кеннеди решил направить Макса Тэйлора и Уолта Ростоу из Совета национальной безопасности в Южный Вьетнам для ознакомления с ситуацией и выработки дальнейших предложений. В своем отчете Макс и Уолт настаивали на значительном расширении нашей поддержки Южному Вьетнаму, увеличении численности военных советников, дополнительных поставках снаряжения и даже отправке в регион небольшого контингента военнослужащих для непосредственного участия в боевых действиях. Подобные меры, утверждали они, будут означать явно выраженный «переход от советов к партнерству» в войне².

Восьмого ноября 1961 года я направил президенту Кеннеди подготовленную в спешном порядке короткую докладную записку, касающуюся этих рекомендаций. Она отражала мою первоначальную реакцию на отчет, равно как и мнение руководства КНШ и моего заместителя Розуэлла Гилпатрика. Я заметил, что в докладе Тэйлора — Ростоу поставлены два основных вопроса: должны ли Соединенные Штаты ставить перед собой такую цель, как предотвращение захвата Южного Вьетнама коммунистами? И следует ли нам для достижения этой цели незамедлительно направить в Южный Вьетнам дополнительный военный контингент и готовить к отправке подкрепление, если в таковом возникнет необходимость? В заключение я сказал, что мы «склонны рекомендовать» одобрить сформулированную цель, а также средства для ее достижения³.

Как только я отправил записку в Белый дом, то стал беспокоиться, не слишком ли мы поторопились со своим советом президенту. В последующие дни я углубился в исследование вьетнамской проблемы. Чем серьезнее я ею занимался, тем сложнее и неопределеннее представлялась мне сложившаяся ситуация, а наша способность разрешить проблему с помощью военной силы внушала все большие сомнения. Я понял, что, одобрив доклад Тэйлора — Ростоу, мы допустили ошибку.

¹ См.: Memorandum of Conversation, Meeting in the Cabinet Room on August 29, 1961, to Discuss Southeast Asia [Запись беседы во время встречи в зале заседаний 29 августа 1961 года, посвященной проблемам Юго-Восточной Азии] // Meetings with the President, General, 7/61 — 8/61: National Security File (далее — NSF): Box 317. JFKL.

² См.: Taylor Mission Report. 1961. November 3 [Доклад о миссии Тэйлора. 1961. 3 ноября] // U. S. Department of State. FRUS. 1961—1963. Vol. 1: Vietnam, 1961. Washington: U. S. Government Printing Office, 1988. P. 477—532.

³ См.: Memorandum to the President. 1961. November 8 [Служебная записка президенту. 1961. 8 ноября] // Ibid. P. 559—561.

Дин Раск и его советники из Государственного департамента пришли к аналогичному выводу. 11 ноября он и я после размышлений и споров составили новое, совместное заявление, адресованное президенту. В нем мы возражали против отправки войск, как это рекомендовали Макс и Уолт. Признавая, что когда-нибудь эти силы и впрямь смогут оказаться необходимыми, мы в то же время обращали внимание на стоящую перед нами дилемму: «Если Южный Вьетнам использует все свои силы, то можно будет обойтись и без участия американских войск. Если же он не сумеет этого сделать, то войскам США, очутившимся среди равнодушного или враждебно настроенного населения, все равно не справиться с выполнением возложенной на них миссии»¹.

Президент Кеннеди обсудил обе наши записки на встрече, состоявшейся в тот же день в Белом доме. Он ясно дал понять, что не желает предпринимать необоснованные меры, пусть даже и способные воспрепятствовать потере для нас Южного Вьетнама, и отказался санкционировать ввод на его территорию американских вооруженных сил².

Дилемма, которую сформулировали Дин и я, продолжала волновать и мучить нас долгие годы. Теперь, перечитывая записи этих встреч с президентом, я понимаю, что наш анализ был далеко не адекватным реальности. Мы не смогли поставить пять главных вопросов: правда ли, что поражение Южного Вьетнама приведет к потере для нас всей Юго-Восточной Азии? И если такое случится, то представит ли это серьезную угрозу для безопасности Запада? Какой тип войны может развернуться в регионе — традиционный или партизанский? Способна ли победить американская армия, сражаясь вместе с южновьетнамцами? Должны ли мы получить ответы на все эти вопросы, прежде чем принимать решение о посылке туда наших войск?

Кажется совершенно непонятным и немыслимым, что нам и в голову не приходило задуматься над подобными вещами. Но сегодня очень трудно представить себе, сколь мы были наивны и самонадеянны, когда приступали к вьетнамским делам в первые дни президентства Кеннеди. Нам мало что было известно об этом регионе. У нас отсутствовал опыт разрешения кризисов. И к тому же в первый год наше внимание занимали другие острые международные проблемы, связанные в первую очередь с событиями на Кубе, в Берлине и Конго. Наконец, — возможно, это самое важное, — мы столкнулись с проблемами, не имея при этом готовых — и приемлемых — рецептов, с какого конца к ним подойти. Боюсь, что в подобных обстоятельствах правительства, как и, замечу кстати, большинство людей, склонны прятать голову в песок.

¹ House Committee on Armed Services. United States — Vietnam Relations, 1945—1967. Washington: U.S. Government Printing Office, 1971. Bk. 11. P. 359—366.

² См.: Notes of Meeting, White House. Washington. 1961. November 11. 12:10 p. m. [Заметки о встрече в Белом доме. Вашингтон. 1961. 11 ноября. 12 часов 10 минут] // FRUS. 1961—1963. Vol. 1. P. 577—578.

Сказанное выше помогает как-то объяснить, но, конечно, ни в коей мере не извиняет наше поведение.

Президент повторил возникшие у него сомнения по поводу нашего военного присутствия в Южном Вьетнаме на заседании Совета национальной безопасности несколько дней спустя, 15 ноября. Он сказал, что опасается действовать одновременно на двух фронтах в противоположных концах земного шара, и объяснил, сколь значительно отличается ситуация во Вьетнаме от обстановки во время корейской войны. В Корее совершенная против нее агрессия была бесспорным фактом, здесь же ситуация весьма неоднозначна. По его мнению, отправка войск за 10 тысяч миль от родной земли, чтобы помочь национальной армии численностью в 200 тысяч человек в ее борьбе с 16 тысячами партизан, может быть воспринята резко отрицательно, тем более что мы уже и так потратили на Вьетнам миллиарды долларов, не добившись особых успехов. Он выразил также сомнение в том, что Соединенные Штаты получают подкрепление от союзников по СЕАТО. Мы все ясно видели, что сложившаяся ситуация ему не по душе. Но каких-либо решений на встрече принято не было¹.

Несмотря на непоследовательность нашего подхода к южновьетнамской проблеме в эти первые месяцы, многие из нас, включая президента и меня, стали считать, что справиться с ней под силу только самим южновьетнамцам. Мы могли помочь им, готовя для них военные кадры и поставляя вооружение, но воевать за них нам было ни к чему. Так мы полагали тогда. Если бы мы продолжали придерживаться этой позиции, вся история 60-х годов была бы совсем иной.

Я постарался ознакомить с точкой зрения президента военное руководство: как высших чинов в самом Пентагоне, так и военачальников, непосредственно отвечавших за проведение операций во Вьетнаме. 28 ноября я направил телеграмму главнокомандующему Тихоокеанским флотом адмиралу Гарри Фелту и генералу Лайонелу Макгарру, возглавлявшему военную миссию США в Южном Вьетнаме: «Мы должны быть готовы к тому, что нам и впредь на протяжении длительного времени придется считаться с неясной политической ситуацией, накладывающей... определенные ограничения на характер наших боевых действий»². Я подчеркнул эти соображения во время моей первой

¹ См.: Notes of National Security Council (NSC) Meeting. Washington. 1961. November 15. 12:10 p. m. [Заметки о заседании Совета национальной безопасности (СНБ). Вашингтон. 1961. 15 ноября. 12.10] // Ibid. P. 607–610.

² См.: Telegram to Commander in Chief, Pacific (Felt) and Chief, Military Assistance Advisory Group, Vietnam (McGarr). 1961. November 28 [Телеграмма командующему Тихоокеанским флотом (Фелту) и руководителю группы военных советников во Вьетнаме (Макгарру). 1961. 28 ноября] // Ibid. P. 679–680; Maj. Gen. T.W. Parker to Gen. Lyman L. Lemnitzer. 1961. December 18 [Телеграмма генерал-майора Т.-У. Паркера генералу Лайману Л. Лемницеру. 1961. 18 декабря] // Ibid. P. 740–741; Edwin W. Martin to Sterling J. Cottrell. 1961. December 18 [Телеграмма Эдвина У. Мартина Стерлингу Дж. Коттреллу. 1961. 18 декабря] // Ibid. P. 742–744.

встречи с адмиралом Фелтом и генералом Макгарром на Гавайях в следующем месяце, сообщив им к тому же, что войска США не будут направлены в Южный Вьетнам.

Но поскольку подобные, основные по сути вопросы не обсуждались и не были четко разъяснены, они по-прежнему вызывали споры в правительстве вплоть до гибели президента два года спустя. 13 января 1962 года Комитет начальников штабов передал мне меморандум, который я должен был вручить президенту. В нем военные утверждали, что американские вооруженные силы смогут успешно предотвратить поражение Южного Вьетнама, и настоятельно просили президента принять решение о развертывании наших войск. Военное руководство считало, что подобный шаг будет полностью соответствовать американской политике: «Соединенные Штаты ясно заявляют, что... одной из их главных целей является предотвращение захвата Южного Вьетнама коммунистическими агрессорами». Но они ошибались: именно эта основная задача и не была решена.

Я вручил их меморандум президенту Кеннеди 27 января с язвительным и жестким комментарием: «Я не готов разделить взгляды начальников штабов до тех пор, пока мы не наберемся необходимого опыта в процессе осуществления нашей [учебно-подготовительной] программы по Южному Вьетнаму»¹.

В первые месяцы 1962 года, когда мы продолжали формировать Министерство обороны, Вьетнам отнюдь не являлся главной проблемой. Но в отличие от ряда других вопросов, за которые отвечал Роз Гилпатрик, Вьетнамом занимался лично я. И это было правильно: ведь речь шла о стране, в которой Америка фактически участвовала уже в настоящей войне, направляя туда военных советников. Я чувствовал груз ответственности за все, что только было связано с Вьетнамом, и брался буквально за любое дело, если считал, что справлюсь с ним, и к тому же успешно. Это-то и явилось в конечном итоге причиной того, что Вьетнам стали называть «войной Макнамары».

Более глубоко знакомая с ситуацией в Южном Вьетнаме в 1962 году, я смог лучше узнать лидера страны президента Нго Динь Зьема. Я участвовал в нескольких долгих переговорах с ним и не раз бывал в его кабинете с потолочными вентиляторами и позолоченными багетами во дворце Ги-Лонг. Мы думали, что Зьем стремился вести свой народ по пути свободы и демократии: он учился в католической семи-

¹ Joint Chiefs of Staff (JCS) Memorandum 33–62 to the Secretary of Defense. 1962. January 13 [Меморандум Комитета начальников штабов (КНШ) 33–62 министру обороны. 1962. 13 января] // The Pentagon Papers: The Defense Department History of United States Decisionmaking on Vietnam (далее – PP) / Ed. Senator Grave. Boston: Beacon Press, 1971. Vol. 2. P. 663–666; Memorandum for the President. 1962. January 27 [Меморандум для президента. 1962. 27 января] // Ibid. P. 662.

нарии в Нью-Джерси в начале 50-х годов и, казалось, воспринял все западные ценности. Однако при более близком знакомстве у нас сложилось иное впечатление. Зьем, его окружение и созданные им политические структуры никак не были связаны с народом, и он даже не стремился изменить положение. Мы совершенно недооценивали этот факт.

Человек необщительный и к тому же носитель культуры, столь отличной от нашей, Нго Динь Зьем так и остался для меня загадкой, как, собственно, и для всех американцев, встречавшихся с ним. Я не понимал его. Он представлялся мне автократом по натуре, личностью подозрительной, замкнутой и оторванной от своего народа.

Говорилось и о том, что Зьем избегал женского общества: он никогда не был женат и, похоже, не имел сексуальных связей. Однако в круг тех людей, кому он доверял больше всего, входила его невестка Мадам Нью. Будучи замужем за братом и соратником Зьема Нго Динь Нью, человеком весьма влиятельным, она в то же время, судя по слухам, заманивала Зьему жену. По окончании дневных трудов Зьема Мадам Нью окружала его заботой, помогала ему снять напряжение, частенько спорила с ним и, несомненно, играла заметную роль в формировании его образа мыслей. Признаюсь откровенно, мне и по сей день неясно, о чем именно он думал. Я до сих пор не знаю, каковы были долгосрочные планы Зьема в отношении его страны и его народа¹. Подобно многим американцам, бывавшим в Южном Вьетнаме, — и, подозреваю, большинству вьетнамцев, — я воспринимал Мадам Нью как умную, волевою, красивую и в то же время демоническую и загадочную женщину — истинную чародейку.

Сознавая наличие этих отрицательных для нас обстоятельств, мы тем не менее разделяли отношение к Зьему, сформулированное, в частности, в «Ньюсуик» в 1959 году, где он был назван «одним из самых свободомыслящих азиатских политиков». Знающие люди в правительстве, включая сенатора Майка Мэнсфилда, некогда профессора истории Восточной Азии, восхищались Зьемом, особо отмечая его достижения в период борьбы за независимость в 1954–1955 годах. «В это время, — утверждал Мэнсфилд в 1963 году, — его личное мужество, целеустремленность, решимость и подлинный национализм явились теми движущими силами, что предотвратили полное крушение Южного Вьетнама, восстановили порядок и оживили надежды среди хаоса, интриг и массовой коррупции»².

¹ См. Gen. Tran Van Don's insights reported in CIA telegram 0265, Saigon Station to Agency, 1960, August 24 [Признания генерала Тран Ван Дона, содержащиеся в телеграмме Сайгонского отделения ЦРУ 0265 в Центр, 1963, 24 августа] // FRUS, 1961–1963, Vol. 3, Vietnam, January–August 1963. Washington: U.S. Government Printing Office, 1991. P. 615.

² Lindley F.K. An Ally Worth Having // Newsweek, 1959, June 29, P. 31; Hearings on Foreign Operations Appropriations for 1964, House Appropriations Committee, 88th Cong., 1st sess. 1963, May 15 [Слушания по ассигнованиям на зарубежные операции 1964 г. Коми-

Мы высоко оценивали усилия Зьема, пытавшегося решить исключительно сложную задачу объединения нации, разделенной политическими и религиозными разногласиями, и делавшего это в труднейших условиях, когда Северный Вьетнам упорно стремился усилить свое влияние на южного соседа. Каковы бы ни были его ошибки, а их насчитывалось немало, я и другие полагали, что подыскать равноценную замену Зьему вряд ли возможно.

Но правильно ли мы судили о президенте Зьеме? Реалистично ли смотрели на существовавшие проблемы? Могли ли увенчаться успехом наши планы? И как могли мы знать, что нам нужно делать в незнакомой стране, в чужом окружении, среди народа, языка и культуры которого мы не понимали и чья история, ценности и политические традиции существенно отличались от наших? Ответить на эти или сходные с ними вопросы довольно трудно.

Никто из нас — ни я, ни президент, ни Мак, ни Дин, ни Макс — не были удовлетворены информацией, получаемой из Вьетнама. Конечно, мы запрашивали фактологические отчеты о ходе военных операций, и нам регулярно присылали их. Кроме того, мы жадно прочитывали целые потоки аналитических записок из нашего посольства в Сайгоне. Но еще тогда, в самый ранний период, мы решили устраивать постоянные встречи сайгонских и вашингтонских политиков для обсуждения всех стоявших перед нами вопросов. Вот почему начиная с 1961 года я так часто летал на Гавайи и в Южный Вьетнам.

Встречи на Гавайях происходили в штаб-квартире командующего американскими войсками на Тихом океане, откуда открывался вид на Перл-Харбор. Обычно на них присутствовали пятьдесят–шестьдесят человек — военных и штатских из Вашингтона, Сайгона и Гавайев. Мы собирались в конференц-зале, напоминавшем пещеру, где заслушивали многочисленные выступления. Тесное помещение и насыщенная программа мешали нам сосредоточиться на главных вопросах и удостовериться в том, что мы получаем правильные рекомендации и правдивые отчеты.

Почти то же можно сказать и о наших конференциях во Вьетнаме. Они проходили в штаб-квартире американской армии: сначала в отеле колониальной эпохи на Пастер-стрит в предместье Сайгона, а позднее — на авиабазе Тан-Сон-Нат, в западной части города. Вьетконговцы, зная о месте проведения данных встреч, неоднократно пытались их сорвать. В мае 1964 года они устроили покушение на меня, подложив мины под мост на дороге в Сайгон, по которой обычно я въезжал в город. Однако незадолго до того, как моя машина переехала мост, южновьетнамская полиция обнаружила и обезвредила их.

Критики постоянно обвиняли нас в проведении подобных встреч, не зная о том, что они являлись лишь одним из источников информации. И хотя встречи на Гавайях и во Вьетнаме были далеко не идеальны, они позволяли нам, вашингтонцам, знакомить коллег во Вьетнаме с ходом рассуждений президента и оказывали им определенную помощь в подготовке будущих отчетов и рекомендаций о порядке дальнейших действий. Я думаю, наше положение еще больше осложнилось бы, не имей мы этих встреч.

Из Вашингтона на зарубежные конференции мы отправлялись в самолете, прозванном «Бедняк-707». Заняв пост министра обороны, я первым делом отменил ненужные, на мой взгляд, и связанные с огромными неоправданными расходами заказы на третий представительский самолет класса «ВВС-1» и несколько небольших, но дорогостоящих «локхидов», предназначавшихся для наших сотрудников, не входивших в состав руководства. Вместо этого я предложил бригадному генералу Джорджу С. Брауну — моему заместителю, ставшему позднее начальником штаба ВВС, а затем возглавившему Комитет начальников штабов, — израсходовать некую сумму, но не более 20 тысяч долларов, на разработку приставных кресел, которые можно будет устанавливать на военных грузовых самолетах на тот случай, если кому-то из руководства потребуется вдруг полететь куда-то со специальной миссией.

Грузовой самолет, вариант самолета-заправщика «КС-135», с заполненными дизельным топливом отсеками в крыльях был способен совершить беспосадочный перелет чуть ли не в любую точку земного шара. Еще задолго до появления «Боинга-747» он мог пролететь без посадки из Парижа в Сайгон и всего с одной посадкой из Сайгона в Вашингтон.

Правда, у самолета имелся существенный недостаток — отсутствие системы шумоизоляции, — но я отказался тратить деньги на ее установку. В результате вести переговоры в самолете было чрезвычайно трудно. Но Макс Тэйлор и заместитель государственного секретаря У. Аверелл Гарриман, два моих постоянных спутника в воздушных путешествиях, были глуховаты, так что с ними стоило немалых сложностей общаться даже при наличии защиты от шума. И они откровенно радовались, воспользовавшись предложением помолчать в пути.

А я мог расслабиться, насколько позволяло время. Затратив кругленькую сумму, мы дополнили внутреннюю обстановку кушетками и столиком для секретаря. Отправившись из Сайгона или Гонолулу в вечернее время, мы могли спокойно поужинать, написать наши отчеты президенту, отдать их печатать пока мы спали и по возвращении в Вашингтон на следующий день представить ему уже готовые тексты.

Полеты совершались по жесткому графику. Например, для встречи на Гавайях я должен был покинуть Вашингтон в воскресенье днем,

после девяти- или десятичасового перелета прибыть в Гонолулу до полуночи по местному времени, в понедельник днем встретиться с сотрудниками Командования американскими войсками на Тихом океане и командующим силами по оказанию военной помощи Вьетнаму, вечером того же дня отправиться в обратный путь, выспаться, находясь еще в воздухе, и во вторник утром представить отчет президенту.

Бобби Кеннеди сказал своему брату, что такой режим меня погубит. Президент распорядился выделить мне дополнительный день. Теперь я мог отправляться в поездку вместе с Марджи в президентском лайнере «ВВС-1» и останавливаться в роскошном бунгало, выстроенном для военного руководства и высоких гостей в Форт-де-Русси на Вайкики-Бич. Я лишь однажды воспользовался этой возможностью. В результате в «Вашингтон пост» появилась заметка Дрю Пирсона, перепечатанная во многих газетах и ставшая широко известной. В ней как о каком-то скандальном происшествии говорилось об использовании государственной собственности для удовлетворения личных прихотей министра Макнамары. Мы вернулись к «Бедняку-707».

Как я уже писал, поездки на Гавайи и в Южный Вьетнам позволили моим помощникам и мне выслушать множество предложений от наших американских и южновьетнамских коллег. Мы всегда дополняли эти встречи консультациями с независимыми обозревателями. Мне особенно запомнились советы героя Израйла генерала Моше Даяна и британского специалиста по борьбе с партизанским движением сэра Роберта Томпсона. В 50-х годах Томпсон провел успешную кампанию по разгрому повстанцев в Малайзии, а теперь возглавил миссию советников в Южном Вьетнаме.

Основываясь на информации, полученной из всех этих источников, Дин, я и наши помощники часто выступали с докладами в Конгрессе и давали интервью журналистам. Были ли мы точны? Тогда нам казалось, что были. Но сейчас я могу сказать, что все эти отчеты, в том числе и мои собственные, о военном положении были преисполнены излишнего оптимизма. Впрочем, мои доклады о стабильности политических институтов, — я считал это необходимым условием военных успехов, — отличались гораздо большей точностью.

Например, в марте 1962 года я заявил на заседании Совета по рекламе в Вашингтоне, что «успех в противодействии партизанам будет зависеть от экономических и политических действий и программ в такой же точно мере, — а возможно, что и в большей — как и от военных программ». В интервью опубликованном одиннадцатью днями позже в «Вашингтон пост» я сказал: «Юго-Восточная Азия имеет жизненно важное значение для безопасности Тихого океана, а Тихий океан жизненно важен для безопасности Соединенных Штатов. Но одно лишь применение военной силы без соответствующих экономических и социальных реформ в стране не приведет само по себе к поражению коммунистов».

Однако мои стандартные отчеты о военных операциях США выглядели так:

5 февраля 1962 года:

Действия, предпринимаемые правительством Южного Вьетнама для противостояния серьезной угрозе подрыва его безопасности и агрессии, тайной агрессии внутри страны, становятся эффективными... Сочетание действий, являющихся личной инициативой южновьетнамцев, с действиями, которых они требуют от нас, по-моему, способны улучшить ситуацию, но пока предсказывать возможный исход событий еще слишком рано¹.

23 июля 1962 года:

Наша военная помощь Вьетнаму приносит свои плоды. Южновьетнамцы, привлекая народ на сторону правительства, начинают тем самым бить ветконговских повстанцев по самым болезненным точкам... Вьетнамские вооруженные силы, проявляя невиданную ранее инициативу, все чаще переносят боевые действия в зоны, контролируемые Ветконгом... Донесения обнадеживают, и мы сейчас решаем, как сохранить достигнутое преимущество².

9 октября 1962 года:

Я думаю, еще слишком рано говорить о том, что события принимают иной оборот, или предсказывать конечный исход, но за последний год явно достигнуты большие успехи... Поступающие к нам сообщения о них радуют нас. Как бы ни оценивать их и какими бы мерками ни мерить, — хотя бы даже с учетом тех потерь, которые понесли южновьетнамские силы в борьбе с коммунистическими агрессорами, — факт остается фактом: успехи бесспорны³.

Почему мои комментарии по поводу политической ситуации в Южном Вьетнаме воспринимались в ту пору как реалистические, тогда как спустя много лет те же отчеты о военных успехах представляются уже сверхоптимистическими?

Донесения о ходе боевых операций отражали картину, представлявшуюся нашим военным руководством на конференциях на Гавайях и в Южном Вьетнаме. На каждой из них я встречался с командующим американскими войсками на Тихом океане генералом Полом Д. Хар-

¹ Press conference. The Pentagon. 1962. February 5 [Пресс-конференция. Пентагон. 1962. 5 февраля] // PSRSM Secretary of Defense: 1962. Vol. 2. P. 735–736.

² News Release. Camp H. M. Smith. Hawaii. 1962. July 23 [Ньюс-релиз. Кэмп Х.-М. Смит. Гавайи. 1962. 23 июля] // Ibid. Vol. 4. P. 1589.

³ Remarks to the Press. Andrews Air Force Base, Maryland. 1962. October 6 [Заметки для прессы. Авиабаза Эндрюс, штат Мэриленд. 1962. 6 октября] // Ibid. P. 182.

кинсом. Харкинс был высок, обладал приятной внешностью и умел говорить, — короче, он выглядел и держался так, как и должен был выглядеть и держаться генерал. Он был протеже многоопытного Макса Тэйлора и, уступая наставнику по своему интеллекту, был весьма откровенен и рассуждал убедительно.

Генерал Харкинс и его штаб докладывали, что южновьетнамские силы теснят вьетконгонцев и ослабляют их позиции в сельской местности. Например, 23 июля 1962 года Харкинс сказал мне в Гонолулу: «Несомненно, мы побеждаем. В случае если наши программы продолжатся, мы сможем ожидать, что активность Вьетконга заметно пойдет на убыль»¹. Ни тогда, ни теперь я не думал и не думаю, будто он или кто-то еще из военных сознательно вводил меня в заблуждение. Это просто не соответствовало их подготовке и традициям. Кроме того, у нас имелись и другие каналы информации, которые я мог использовать для перепроверки сведений, полученных от военных. Назову из них только три: ЦРУ, Госдепартамент и пресса.

Причины для неоправданного оптимизма военных можно было найти повсюду. Сейчас стало ясно, что они получали весьма недостоверную информацию от южновьетнамцев, которые старались докладывать о том, что американцам хотелось бы услышать. Впоследствии директор ЦРУ Джон Маккон писал:

Информация, которую нам предоставляли Управление по оказанию военной помощи Вьетнаму и посольство относительно... действий Вьетконга в ряде провинций и противостояния правительства Южного Вьетнама силам вьетконговцев, была неверной. Во многом это объясняется тем, что полевые командиры... получали ложные сведения из южновьетнамских провинций и от местных властей... Власти и в провинциях, и в округах рассматривали «изобретение статистики», которая удовлетворила бы центральное правительство, чуть ли не как свой долг².

Подобно большинству людей американцы, занимавшие командные посты, также считали необходимым в какой-то степени выдавать желаемое за действительное. Более того, они, как и я, не понимали природы конфликта и поэтому относили его, как правило, к обычному военному противостоянию различных сил, тогда как на самом деле это была в высшей степени сложная и разрушительная внутринациональная борьба.

Я всегда требовал от наших командиров представлять отчеты о любых признаках успеха или об их отсутствии. Постоянное отслежи-

¹ Record of Sixth Secretary of Defense Conference. Camp H. M. Smith. Hawaii. 1962. July 23 [Запись шестой пресс-конференции министра обороны. Кэмп Х.-М. Смит. Гавайи. 1962. 23 июля] // FRUS. 1961–1963. Vol. 2: Vietnam, 1962. Washington: U. S. Government Printing Office, 1990. P. 546–556.

² John McCone to Dean Rusk. 1964. January 7 [Джон Маккон — Дину Раску. 1964. 7 января] // FRUS. 1964–1968. Vol. 1: Vietnam, 1964. Washington (D. C.): U. S. Government Printing Office, 1992. P. 5.

вание хода боевых действий, что я по-прежнему считаю основополагающим принципом хорошего менеджмента, во Вьетнаме проводилось крайне плохо. И военное руководство, и я сам несем ответственность за этот просчет. Не зная, как следует оценивать результаты войны без линии фронта и открытых сражений, военные пытались использовать для этой цели чисто количественные показатели, такие как потери противника (составление данного показателя получило тогда же дурную известность как «подсчет трупов»), захват вооружения, численность пленных, сбитые самолеты и т. д. Позднее мы поняли, что многие из этих данных или мало о чем говорили, или просто искажали подлинную картину. Я сохранял оптимизм в отношении эффективности военных действий и выражал его в своих заявлениях, но все же не слишком усердствовал.

В середине 1962 года часто и ясно говорилось о том, что целью правительства Кеннеди во Вьетнаме являлось оказание помощи народу Южного Вьетнама в подготовке национальной армии, способной защитить страну. Для меня это означало, что мы должны ограничить во времени наше участие в обучении южновьетнамских военных. При этом я рассуждал примерно так: наш уход из Вьетнама будет оправдан и при условии успешной подготовки, и в том случае, если обнаружится вдруг, что мы потеряли на данном поприще неудачу.

Размышляя о дальнейших событиях, я спросил генерала Харкинса в Гонолулу 23 июля 1962 года, сколько, по его мнению, понадобится времени, чтобы лишить Вьетконг его военного потенциала. Он отметил примерно следующее: год после того, как военные и гражданские силы полностью овладеют положением и начнут выдавливать Вьетконг из всех районов.

Сопоставив его слова с другими заявлениями, я приказал приступить к долгосрочному планированию поэтапного вывода американских военных советников. Я исходил из предположения, что нам потребуются еще три года для полной победы над Вьетконгом. В это время в Южном Вьетнаме находилось около 16 тысяч советников¹.

Следующей весной, 29 марта 1963 года, я задал вопрос сэру Роберту Томпсону, считает ли он, что число советников целесообразно сократить. Он ответил, что если успех по-прежнему будет сопутствовать южновьетнамцам и Вьетконг удастся вытеснить из соответствующей области Южного Вьетнама в течение будущего лета, то в этом случае действительно станет возможным сокращение их контингента на тысячу человек².

¹ См. примеч. 1 на с. 80.

² См.: Memorandum of Conversation. Department of State. Washington. 1963. April 1 [Запись беседы. Государственный департамент. 1963. 1 апреля] // FRUS. 1961—1963. Vol. 3. P. 193—195.

Шестого мая 1963 года, во время моей очередной встречи с генералом Харкинсом в Гонолулу, он сказал мне, что успех, как и раньше, на нашей стороне. Тогда я распорядился, чтобы военные подготовили план поэтапного вывода военных советников США, начав с отправки тысячи человек в конце того же года¹.

Как раз в тот период Южный Вьетнам охватил политический и религиозный кризис. Буддисты протестовали против объявленных режимом Зьема религиозных свобод, и их выступления привели к жестоким ответным мерам со стороны государственных сил безопасности. Эти суровые акции вызвали настоящую волну недовольства, несколько буддийских монахов даже совершили самоубийство. События потрясли и возмутили меня, равно как и многих других в Вашингтоне. Что же касается правительства Зьема, то оно оказалось в куда более сложном положении, чем прежде.

Обстановка продолжала оставаться напряженной и в конце августа, когда Комитет начальников штабов по моей просьбе разработал план вывода наших советников. Однако высшие армейские чины утверждали при этом, что нельзя отправлять военных советников на родину, пока не будет разрешен кризис. Они выразили также мнение, что вплоть до конца октября не следует принимать никаких решений относительно осуществления плана².

Желание военного руководства отложить решение вопроса отражало существенное различие в подходах в рядах самой администрации, где образовалось два лагеря. Оба считали нашей миссией подготовку южновьетнамской армии, с тем чтобы она могла защитить страну от агрессии со стороны внешних сил. Но одни полагали, что мы должны оставаться во Вьетнаме до тех пор, пока южновьетнамцы не овладеют необходимыми навыками ведения боя, независимо от того, сколько уйдет на это времени. Другие же настаивали на том, что нам надо ограничить срок пребывания во Вьетнаме завершением подготовки по программе и после незамедлительно уйти из этой страны. Если южновьетнамцы так и не научатся защищать себя до намеченного срока, то, значит, их нельзя этому научить. Сами споры никогда не проходили открыто, точки зрения не обсуждались, а решения не принимались. Однако раскол в администрации существенно повлиял на основное решение президента, принятое им 2 октября 1963 года.

¹ См.: Memorandum for the Record of the Secretary of Defense Conference, Honolulu, May 6, 1963 [Запись выступления министра обороны на пресс-конференции в Гонолулу 6 мая 1963 года] // Ibid. P. 265–270.

² См.: JCS Memorandum 629–630 to the Secretary of Defense. 1963. August 20 [Меморандум КНШ № 629–630 министру обороны. 1963. 20 августа] // Ibid. P. 590–591.

Драматическая осень 1963 года

24 августа — 22 ноября 1963 года

Конфликт между буддистами и правительством Южного Вьетнама разгорался в течение всего лета. Внезапно 21 августа правительство решило принять жесткие меры. Получив одобрение Зьема, Нью на рассвете направил элитное военное подразделение с рейдом по буддийским пагодам. Военные взломали забаррикадированные двери и жестоко расправились с оказавшими сопротивление. Несколько сот монахов было арестовано и брошено в тюрьмы.

Зьем действовал вопреки своим обещаниям бывшему послу США Фредерику И. Нолтину-младшему не предпринимать никаких новых репрессий против буддистов. Эта лицемерная ложь совпала по времени с другим его загадочным поступком, к которому оказался причастен и Шарль де Голль в Париже. Ранее тем же летом мы узнали, что Зьем через своего брата Нью установил тайный контакт с Ханоем. Де Голль, стремившийся вернуть французское влияние в Индокитае, узнал эту новость из собственных источников в Северном и Южном Вьетнаме и незамедлительно призвал к объединению и нейтралитету Вьетнама. Нам было неизвестно, верен ли этот слух, но мы допускали, что Зьему вздумалось шантажировать Соединенные Штаты в ответ на наше недовольство его преследованиями политических противников внутри страны¹.

Зьем не мог выбрать более неподходящего времени для своих рейдов по пагодам. На этой неделе все политики, принимавшие ключевые решения по Вьетнаму, — президент Кеннеди, Дин Раск, Макджордж Банди, Джон Маккон и я — отсутствовали в Вашингтоне. Я не припомню другого случая, когда в столице не было столько высших представителей исполнительной власти. Президент находился в Хайянис-Порте, а мы с Марджи, взяв короткий, но столь необходимый отпуск, отправились в Тетонс в штате Вайоминг. Хотя там, где мы остановились, конечно, имелись телефоны, но меня почти все время не было в доме. Предвидя это, я передал все полномочия своему заместителю, как всегда делал во время отъездов из Вашингтона.

Когда 24 августа в Вашингтон поступили сообщения об актах насилия во Вьетнаме, несколько чиновников высшего ранга, оставленных следить за событиями, воспользовались представившимся шансом выступить против режима Зьема. Еще до исхода дня Соединенные

¹ См. FRUS, 1961—1963 Vol. 4: Vietnam, August—December 1963. Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office, 1991. P. 89—90, 55, п. 7. Hammer E. J. A Death in November: America in Vietnam, 1963. N. Y.: Dutton 1987 (reprint ed.: N. Y.: Oxford University Press, 1988). P. 224—230.

Штаты подготовили план военного переворота. Я считаю, что это было одним из важнейших решений по Вьетнаму, принятых администрациями Кеннеди и Джонсона.

Человеком, взявшим на себя эту инициативу, оказался Роджер Хилсмен-младший, заменивший Аверелла Гарримана на посту помощника государственного секретаря по вопросам Дальнего Востока. Выпускник Уэст-Пойнта, Хилсмен был общителен, опытен и достаточно ловок. Во время Второй мировой войны участвовал в партизанских сражениях, а впоследствии занялся наукой. Он и его помощники полагали, что мы не победим, если у власти останется Зьем, поэтому Зьему нужно сместить.

Хилсмен отправил телеграмму новому послу США в Сайгоне Генри Кэбот Лоджу-младшему. В телеграмме резко осуждались действия Нью:

Сейчас стало ясно, либо сами военные предложили ввести в стране военное положение, либо Нью сумел их «подставить». Но, как бы то ни было, Нью воспользовался их желанием сокрушить пагоды. Также ясно, что Нью умело сманивировал и занял в стране главенствующее положение.

Правительство США не может смириться с тем, что власть ныне сосредоточилась в руках Нью. Зьем должен любой ценой избавиться от Нью и его военной камарильи, заменив их военными и политиками со здоровыми и умеренными взглядами.

Если же, несмотря на все ваши усилия, Зьем станет упорствовать и откажется это сделать, мы должны подумать о смещении самого Зьема.

...Мы должны также сказать всем военным лидерам, что США считают невозможным далее оказывать как военную, так и экономическую помощь правительству Южного Вьетнама, если немедленно не будут предприняты шаги по освобождению арестованных монахов, что, по нашему мнению, связано с удалением Нью с политической сцены. Мы хотим дать Зьему разумную возможность устранить Нью и его жену, но если он заупрямится, мы готовы прямо заявить, что более не будем поддерживать Зьема. Вы также можете передать соответствующим представителям военного командования, что мы всячески станем содействовать им в переходный период крушения нынешней государственной системы.

...Помимо всего прочего посол и американцы, служащие в городе, должны тщательно изучить возможные кандидатуры на высший государственный пост и разработать детальные планы смещения Зьема, если в этом возникнет необходимость¹.

После того как 24 августа Хилсмен подготовил текст телеграммы, Аверелл Гарриман, который только что стал заместителем государственного секретаря по политическим вопросам, одобрил ее содержа-

¹ Deptel 243. Ball to Lodge. 1963. August 24 [Телеграмма Государственного департамента № 243. Болл — Лоджу. 1963. 24 августа] // FRUS. 1961–1963. Vol. 3. P. 628–629.

ние. Майкл Форрестол, сын первого министра обороны и сотрудник аппарата Совета национальной безопасности, немедленно направил телеграмму президенту в Хайянис-Порт, в которой говорилось: «Разъяснения последуют от [заместителя государственного секретаря] Болла и Министерства обороны... Дайте мне знать, если захотите... отложить акцию»¹.

Лица, ответственные за связь, решили в тот же день переслать телеграмму в Сайгон. Найдя Джорджа Болла на площадке для гольфа, они попросили его позвонить президенту в Кейп-Код. Он так и сделал. Президент сказал, что согласен с отправкой телеграммы, если его советники придерживаются того же мнения. Джордж тут же позвонил Дину Раску в Нью-Йорк и сообщил ему, что президент согласился. Дин одобрил это, хотя без особого энтузиазма. Аверелл тем временем прояснил ситуацию в ЦРУ. Поскольку Джон Маккон отсутствовал, он разговаривал с Ричардом Хелмсом, заместителем директора по планированию. Хелмс воспринял новости тоже без особой радости, но, как и Раск, дал добро, поскольку это уже сделал сам президент.

Форрестол успел тем временем связаться с Розом Гилпатриком, который был у себя дома, и сообщил ему то же самое: президент и государственный секретарь видели телеграмму и согласились с ее содержанием.

Роз разделял мои чувства. На нас обоих удручающе действовало усиление репрессий, которым правительство Зьема подвергало всех тех, кто выражал несогласие с его политикой. Но мы не видели, как заменить существующий режим на более достойный. Лучше всего, считали мы, продолжать оказывать на Зьема давление в надежде заставить его отказаться от проводимого им пагубного курса. То обстоятельство, что у него находились наши советники и его армия получала от нас не только военное снаряжение, но и деньги, являлось, как думалось нам, своеобразным залогом стабильности в Южном Вьетнаме. Мы рассчитывали, что угроза сокращения или даже полного прекращения помощи со стороны США могла бы заставить Зьема по истечении какого-то времени прийти наконец к заключению, что единственный выход для него заключается в изменении его деструктивного поведения.

Несмотря на подобный настрой, Роз также одобрил пресловутый текст. Однако эта спешка всерьез обеспокоила его, и он, уже после того как в субботу вечером телеграмма ушла в Сайгон, направил ее копию Максу Тэйлору, военному советнику президента.

Макс был самым мудрым военным геополитиком и советником по вопросам безопасности из всех, с кем я когда-либо встречался. Он при-

---

¹ CAP 63460. Michael Forrestal to the President. 1963. August 24 [Документ № 63460. Майкл Форрестол — президенту. 1963. 24 августа] // Ibid. P. 627.

надлежал к поколению боевых генералов, начавших свою карьеру в 20—30-х годах, в тот период, когда, как я уже говорил, наш народ думал, что в армии больше нет необходимости, и смотрел на людей в военной форме с безразличием, если не с презрением. Макс слыл у нас настоящим героем: в годы Второй мировой войны командовал 101-й воздушной дивизией и высадился с парашютом в Нормандии в первые же часы после начала операции союзников. И к тому же он был высокообразованным человеком, знал шесть или семь языков, включая японский и корейский, и написал две книги по военным вопросам, сразу получившие признание.

Его просто потрясла телеграмма Хилсмена и особенно то, что ее одобрили и отправили. Макс понял, что она знаменует резкий поворот в нашей вьетнамской политике. Более того, она совершенно не отвечала тому, что он считал правильным курсом. Позднее он сказал, что телеграмма никогда не получила бы одобрения, если бы антизьемовская группировка в Вашингтоне не решилась, как он выразился, на «отчаянный прорыв» в отсутствие высшего руководства¹.

Президент вскоре пожалел о телеграмме. В следующем году Бобби Кеннеди вспомнил в интервью, что его брат расценил это решение как свою главную ошибку. Бобби пояснил: «Он поспешил одобрить телеграмму в конце уик-энда на Кейпе. Он думал, что ее суть уже известна и ясна Макнамаре, Тэйлору и всему Госдепартаменту. А на самом деле в этом участвовали Гарриман, Хилсмен и Майк Форрестол из Белого дома, ярые сторонники переворота»².

Я не разделял мнение Макса о телеграмме как об «отчаянном прорыве». Мы все знали, что Хилсмен, желая повысить шансы на претворение в жизнь своих взглядов, порой действует, минуя официальные каналы, так что вина за допущенный просчет ложится не только на него, но и в значительной степени на всех тех, кто не смог своевременно обуздать его. Однако сегодня больше всего меня поражает и огорчает осознание того, что начало акции, приведшей к свержению и убийству Зьема, было дано в тот самый момент, когда представители высшего руководства США и в Вашингтоне, и в Сайгоне разошлись во мнениях о целесообразности его устранения. Ни мною, ни кем-либо еще не было к тому времени проведено ни тщательного исследования, ни оценки альтернативных Зьему кандидатов. Мы не попытались применить в отношении к Зьему более тонкий подход, с использованием кнута и пряника, чтобы побудить его сойти с порочного пути. Более того, стремясь воспрепятствовать реализации предложения де Голля, мы мучились с двусмысленностью положения Зьема: мы не рассмат-

¹ См.: *Taylor M.D. Swords and Plowshares*. N. Y.: Norton, 1972. P. 292.

² Robert F. Kennedy Oral History. 1964. February 29. P. 122 [Устный рассказ Роберта Ф. Кеннеди. 1964. 29 февраля. С. 122] // JFKL.

ривали этот вопрос подробно, как он заслуживал того. Обретение статуса нейтралитета было выходом для Лаоса год назад. Допустим, что Нью и французы смогли бы добиться подобного и для Вьетнама. Мы обсуждали такой вариант лишь как один из возможных. Но решить проблему так и не сумели.

Как только телеграмма дошла до Сайгона, события стремительно последовали одно за другим. Через день после ее получения Лодж устроил встречу, на которой обсуждалось, как организовать переворот. Он решил, что американское участие не должно проявляться открыто. Того же мнения придерживались и сотрудники южновьетнамского отделения ЦРУ, которым было предписано руководствоваться политическими указаниями посла, назначенного ответственным за проведение операции. Лодж воспринял телеграмму от 24 августа как распоряжение начинать акцию по устранению Зьема, лидера Южного Вьетнама¹.

В тот момент Лодж находился в своей должности всего два дня. Прежде он был сенатором от республиканцев и кандидатом на пост вице-президента. Меня восхищало желание этого человека быть на службе у правительства его главного политического противника из Массачусетса, занимая сложный и опасный дипломатический пост. Но я также думал, что он аристократ до мозга костей и излишне самоуверен. Иногда он казался просто заносчивым.

Сразу по прибытии в Сайгон Лодж выразил свое недовольство режимом, преследующим, как он считал, собственных граждан, подвергающим их жестоким репрессиям, и привел в качестве примера расправу с буддистами. Его также огорчили слухи о тайных переговорах Зьема с Северным Вьетнамом и намерение южновьетнамского лидера избавиться от опеки Соединенных Штатов и добиться статуса нейтралитета. Получив телеграмму, Лодж отнесся к ней именно так, как и рассчитывал ее автор. Он решил, что содержащееся в телеграмме распоряжение президента Кеннеди должно воодушевить южновьетнамских военных и те возьмут на себя организацию переворота. На самом же деле в телеграмме, как мы видели, не содержалось никаких *прямых* указаний относительно подобного рода действий.

¹ Позже Лодж признался, что телеграмма буквально оглушила его и заставила подумать, что «здесь что-то не так». Однако он не собирался ни с кем спорить. 28 августа, через четыре дня после ее получения, посол направил телеграмму Дину: «Лично я полностью согласен с политикой, которую, согласно телеграмме, пришедшей в прошлое воскресенье, мне поручено проводить».

См. также: *Charlton M., Moncrieff A. Many Reasons Why: The American Involvement in Vietnam*. N. Y.: Hill and Wang, 1978. P. 95–96; Embtel 375. Lodge to Rusk. 1963. August 29 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 375. Лодж – Раску. 1963. 29 августа] // FRUS. 1961–1963. Vol. 4: Vietnam. August–December 1963. P. 21.

Выполняя приказ Лоджа, начальник южновьетнамского отделения ЦРУ не стал тратить время и направил своих агентов к генералу Тран Тхинь Кхьему в Сайгон и генералу Нгуен Кханю в Плейку. Они сказали генералам, что семью Нью не надо трогать, что же касается Зьема, то это уж им самим решать, что делать с ним¹.

А мы, находившиеся в Вашингтоне, принялись выяснять и спорить, стоит ли поддерживать заговор военных против Зьема. Это была не битва «ястребов» с «голубями», а дискуссия о роли политической стабильности в Южном Вьетнаме и средствах ее достижения. Наши аргументы в пользу или против того или иного стали известны общественности лишь несколько месяцев спустя. Как ни странно, хотя корреспонденты в Сайгоне постоянно критиковали Зьема и задавали нашим представителям вопросы по поводу политики американского правительства во Вьетнаме, журналисты в самом Вашингтоне даже не упоминали о нашей борьбе и разногласиях.

Кеннеди проявлял исключительную доброжелательность по отношению к средствам массовой информации. И это было одной из тех вещей, которые коренным образом отличали его от предшественников на президентском посту. Ему нравились журналисты. Он любил их за откровенность, воображение, умение стимулировать политиков, а иногда и за их грубоватый юмор. Он с уважением относился к их знаниям и интеллекту и видел, что должен с этим считаться. Ему хотелось на них влиять, потому что он осознавал, сколь важную роль играют они в жизни общества².

¹ См.: CIA Saigon Station to Agency. 1963. August 26 [Сайгонское отделение ЦРУ — Центру. 1963. 26 августа] // FRUS. 1961–1963. Vol. 3. P. 642.

² Кеннеди часто встречался с журналистами. Я вспоминаю один случай, открывший мне новые человеческие черты в Дж.-Ф. Кеннеди. Однажды утром в понедельник Дин и я должны были встретиться с президентом в девять часов, сразу после его возвращения с уик-энда вместе с Джеки. Они провели его в доме ее матери в Ньюпорте, штат Род-Айленд. Я по обыкновению приехал в свой офис в семь часов, увидел на столе свежий номер «Ньюсуик» и к своему ужасу обнаружил в нем важную информацию, не подлежащую оглашению. Худшего просто нельзя было себе вообразить. Сегодня я даже не помню, о чем конкретно шла речь, но только несколько человек в администрации — президент, Дин, я и двое или трое наших подчиненных — имели доступ к этим сведениям исключительно деликатного свойства. Я быстро проверил своих сотрудников и выяснил, что никто из них не причастен к утечке.

Когда в девять часов я вошел в зал заседаний, Дин уже был там. Я сказал:

— Боже мой, как ты думаешь, Дин, что случилось?

Он ответил:

— Боб, я проверил моих коллег, знающих эти факты, и они, несомненно, совершенно не причастны к утечке.

В эту минуту в зале появился президент. Он произнес:

— Черт побери, Дин, я поставил тебя во главе Государственного департамента, и что я обнаружил? Самую крупную утечку в правительстве США за многие годы.

— Знаете, господин президент, — отозвался Дин, — Боб и я как раз говорили об этом. Мы оба проверили наши ведомства и выяснили, что никто из сотрудников не имеет к этому никакого отношения.

Сообщения прессы о нападениях на пагоды стали главной темой, о которой Кеннеди говорил 26 августа на встрече в Белом доме, первой после отправки телеграммы. Он заявил, что, по его мнению, Зьем и Нью, несмотря на их неприемлемые и вызывающие действия, немало добились в желанном нам направлении. Поэтому мы не можем устранить их просто из-за «давления прессы». Макс сказал, что он против военного переворота, и подчеркнул, что южновьетнамская армия по-разному относится к Зьему и мы в любом случае не должны передоверять военным выбор главы государства.

Затем я перевел разговор на другую тему. Заметив, что посол Лодж буквально на днях приступил к своим обязанностям в Сайгоне и поэтому его встречи с Зьемом и Нью были обычным обменом любезностями, я поднял два исключительно важных вопроса:

- Что должен сказать посол Лодж Зьему, — то, что мы от него ожидаем, если «позволим» ему оставаться у власти, — и какое давление или доводы нужно использовать, чтобы он удовлетворял наши требования?
- Кто, по мнению Лоджа, может занять место Зьема? Ведь следует помнить, если мы согласимся с заменой и выдвинем в президенты слабого человека, *то нас ждут настоящие осложнения* (выделено мною. — Р. М.)¹.

Ни на один вопрос не был дан адекватный ответ, и Лодж так и не получил указания встретиться с Зьемом.

Хилсмен настаивал на необходимости незамедлительных действий. Но президент сказал ему, что хочет провести новое совещание на следующий день, и попросил присутствовать на нем бывшего посла Нолтинга. Хилсмену это не понравилось. Он пожаловался, что взгляды

— Я в это не верю, — заметил нетерпеливо Кеннеди. — Вот чего я от вас хочу, — чтобы вы навели дисциплину в своих учреждениях.

Дин спокойно ответил:

— Когда я расследовал эту проблему сегодня утром, господин президент, то выяснил, что Бен Брэдли [в то время заведующий вашингтонским бюро «Ньюсуика» и близкий друг Кеннеди] выехал из Ньюпорта в четверг вечером, тогда как этот номер газеты вышел в пятницу.

Любой другой президент непременно вспылал бы: «Черт возьми, что вы пытаетесь мне сказать? Что я сам организовал утечку?»

Но Кеннеди лишь произнес:

— О Боже!

Вот почему я был столь привязан к этому человеку.

¹ Цит. по хранящимся в библиотеке Кеннеди стенограммам (Presidential Recordings in Kennedy Library, далее — PR: JFKL). Поскольку расшифровок данного материала не существовало, я получил доступ к работе непосредственно со стенографическими отчетами и, сделав по ним соответствующие записи, добился от Совета национальной безопасности разрешения на их публикацию в моей книге.

Нолтинга тенденциозны и он слишком эмоционально воспринимает всю ситуацию. Президент язвительно ответил:

— Может быть, в этом есть логика¹.

Заседание 27 августа началось с доклада эксперта ЦРУ по Вьетнаму Уильяма Колби, который назвал обстановку в Сайгоне спокойной и сказал, что беспорядки не перекинулись из города в сельскую местность. В ответ на вопрос президента служивший в морской пехоте генерал-майор Виктор Х. Крулак-младший из Комитета начальников штабов заметил, что воздействие гражданских акций неповиновения на эффективность военных операций против Вьетконга ничтожно мало и они не оказали негативного влияния на боеспособность южновьетнамской армии. Дин указал, что Лодж еще не говорил с Зьемом и Нью о проблемах Вьетнама. Нолтинг повторил вчерашние рассуждения Макса об отсутствии единства в рядах южновьетнамского генералитета и о том, что у них нет настоящего лидера.

Это заставило президента заявить, что он не видит смысла в организации переворота, если мы не будем твердо уверены в его успешном завершении. Он также спросил, может ли подобная акция получить поддержку со стороны южновьетнамских военных. Нолтинг ответил, что пока рано еще говорить об этом, но, по его мнению, положение теперь резко изменится, поскольку ЦРУ дало знать соответствующим лицам о стремлении Соединенных Штатов устранить Зьема и Нью.

Президент заметил, что мы не зашли еще так далеко, когда поздно уже отказываться от переворота. Я предложил связаться с Лоджем и генералом Харкинсом в Сайгоне, чтобы они оценили ситуацию и ответили, может ли удался переворот, а пока лучше дать указание ЦРУ предоставить генералов самим себе. Хилсмен вновь принялся спорить. Чем дольше мы будем ждать, тем труднее будет устранить Зьема, утверждал он. Президент пропустил его слова мимо ушей и спросил Макса, что думает о перевороте Харкинс. Макс пояснил, что к нему никогда не обращались по данному поводу. Президент завершил заседание, распорядившись послать телеграмму Лоджу и Харкинсу и посоветовать с ними, надо ли готовить переворот или лучше оставить эту идею².

Мы продолжали и далее обсуждать этот вопрос, углубляя его и все более горячась. На следующий день, 28 августа, мы снова встречались с президентом — сперва после полудня, а затем вечером. На дневной встрече я рекомендовал решить наконец, будем ли мы поддерживать попытку генералов сместить Зьема и Нью. Джордж Болл сказал, что у нас нет выбора, мы должны поддержать переворот. Я ответил на это, что мы не должны торопиться, словно время нас поджидает. Прези-

¹ См.: Memorandum for the Record of a Meeting at the White House. 1963. August 26 [Запись заседания в Белом доме. 1963. 26 августа] // FRUS. 1961–1963. Vol. 3. P. 638–641; PR: JFKL.

² См.: Memorandum of a Conference with the President. 1963. August 27 [Запись беседы с президентом. 1963. 27 августа] // FRUS. 1961–1963. Vol. 3. P. 659–665.

дент согласился, что нам не следует забегать вперед хотя бы потому, что мы и так уже многое что сделали.

Усомнившись в целесообразности смещения Зьема, Нолтинг сказал, что у нас нет никаких оснований полагать, будто новое правительство окажется более покладистым и сумеет изыскать дополнительные резервы для дальнейшего ведения войны. Джордж отверг его утверждение, заявив, что, пока Зьем находится у власти, мы все равно не сможем выиграть войну, и поэтому его необходимо свергнуть. Аверелл Гарриман согласился с этим, сказав, что мы и так уже терпим во Вьетнаме поражение и, если не произойдет переворот, будем вынуждены уйти оттуда. Хилсмен добавил, что нам в любом случае не удастся теперь остановить генералов.

Тогда Нолтинг задал исключительно важный вопрос, который мы неоднократно ставили и раньше, так и не получив ни разу убедительного ответа: как мог бы повлиять на обстановку в Южном Вьетнаме переворот в случае его успешного завершения? Хилсмен признал, что мы плохо представляем себе планы генералов и нам неизвестно, по какому пути они поведут страну, придя к власти. Нолтинг отметил, что только Зьем способен объединить страну.

Мнения были весьма различны, и неудивительно, что президент попросил продолжить встречу тем же вечером¹.

В шесть часов мы снова собрались. Президент сначала переговорил с Дином, Маком, Максом и со мной, а затем пригласил всех остальных. Он распорядился направить в Сайгон три сообщения: одно — от Макса генералу Харкинсу, чтобы выяснить, как тот оценивает ситуацию и планы южновьетнамского генералитета, второе — от него самого Лоджу, тоже с запросом об оценке положения, а третью телеграмму нужно было адресовать им обоим, представив в ней отчет нашего дневного обсуждения. Лодж и Харкинс должны были ясно понять из нее: Кеннеди хотел узнать их личное мнение по вопросу о том, как следует поступать в сложившейся ситуации, а не их реакцию по поводу якобы принятых в Вашингтоне решений².

Дин уже успел получить ответы от Лоджа и Харкинса, когда мы встретились с ним на следующий день. Они согласились с тем, что при Зьеме войну нельзя будет выиграть. Но Харкинс хотел попытаться отдалить семейство Нью от Зьема, что Нолтингом было одобрено. Он рекомендовал «попробовать в последний раз договориться с Зьемом». Дин спросил, должны ли мы проинструктировать Харкинса, чтобы он на время удержал ЦРУ от контактов с генералами. Президент поинтересовался, есть ли у кого-нибудь возражения против данного курса действий.

¹ См.: Memorandum of a Conference with the President. 1963. August 28 [Запись беседы с президентом. 1963. 28 августа] // Ibid. Vol. 4. P. 1—6.

² См.: Memorandum of a Conversation. 1963. August 28. 6:00 p. m. [Запись беседы. 1963. 28 августа. 6 часов вечера] // Ibid. P. 12—14.

Они у меня были. Я рекомендовал обратиться к Харкинсу с просьбой убедить Зьема в необходимости удаления его брата. Роз подержал меня. Я объяснил свою позицию: «Я не вижу на горизонте никакой альтернативы. Военные сейчас думают о создании хунты. Однако, насколько я их знаю, а я думаю, что хорошо их знаю, они неспособны надолго удержать власть»¹.

Мак разделял уверенность Джона Маккона в том, что мы должны еще раз попытаться убедить Нью добровольно уйти. Нолтинг отметил, что Лодж еще ни разу не говорил с Зьемом по существу дела. Однако Нолтинг не сказал о том, — но, как я подозреваю, знал, — что Лодж избегал встречи с ним, а его начальство в Госдепартаменте не давало ему соответствующих указаний.

Президент распорядился, чтобы в телеграмме Лоджу значились два пункта: во-первых, Харкинс должен заверить генералов, что, хотя послания ЦРУ и отражают американскую политику, Соединенные Штаты должны тем не менее ознакомиться с их планом еще до того, как они приступят к соответствующей акции, и, во-вторых, вопрос о позиции по отношению к Зьему так и остается открытым.

Президент чувствовал себя не слишком уверенно, о чем свидетельствует следующий факт. Он, Дин, Мак и я решили направить Лоджу еще одну телеграмму, о которой никто, кроме нас, не должен был знать в правительстве. В этой, секретной телеграмме президент сообщил Лоджу: «У меня как президента и Верховного главнокомандующего есть определенная конституционная ответственность, о которой я хочу вам сейчас заявить... Вплоть до того момента, когда поступит сигнал о проведении генералами намеченной операции, я должен сохранять за военным контингентом право изменить курс и действовать вопреки предыдущим инструкциям». Затем он добавил: «Полностью осознав... последствия подобной отмены, я знаю по опыту, что провал операции гораздо деструктивнее состояния неопределенности. Конечно, всю ответственность за любые подобные изменения я беру на себя»².

То, что и другие разделяли неуверенность президента Кеннеди, стало ясно на состоявшейся 31 августа встрече в конференц-зале Дина Раска в Государственном департаменте, на которой мы опять обсуждали план дальнейших действий. Открывая дискуссию, Дин заметил, что в своих размышлениях мы как бы обошли полный круг и вернулись к положению до отправки телеграммы 24 августа, когда США предложили поддержать будущий переворот.

¹ PR: JKFL.

² Memorandum of a Conference with the President. 1963. August 29 [Запись беседы с президентом. 1963. 29 августа] // FRUS. 1961–1963. Vol. 4. P. 26–31; CAP 63465. President to Lodge. 1963. August 29 [Документ № 63465. Президент — Лоджу. 1963. 29 августа] // Ibid. P. 35–36.

По мнению Дина, Лодж должен прямо заявить Зьему, что проводимый им репрессивный курс грозит ему отменой помощи со стороны США. Кроме того, нам следовало также спросить посла, как он считает, сможет ли Зьем гарантировать безопасность буддистов, а также отдалить от себя Мадам Нью. Я полностью согласился с Дином и подчеркнул важность восстановления связи между Лоджем, Харкинсом и южновьетнамским правительством. Конечно, было бы куда разумнее наладить ее еще до телеграммы от 24 августа, а не после, как сейчас. Однако на том и закончилась встреча: мои предложения так и не стали объектом серьезного рассмотрения, и, соответственно, Лоджу и его команде не были отданы распоряжения действовать в соответствии с ними¹.

В разгар всей этой неразберихи, 2 сентября, телеканал «Си-би-эс» увеличил продолжительность вечерней программы новостей с пятнадцати минут до получаса из-за интервью, которое президент Кеннеди дал Уолтеру Кронкайту на заднем двореке принадлежащего его семье особняка в Хайянис-Порте. Кронкайт сказал:

— Господин президент, единственно, где мы ведем войну в настоящий момент, это во Вьетнаме, и нам там, вполне очевидно, приходится нелегко.

Президент ответил:

— Я не думаю, что эту войну можно будет выиграть без дополнительных усилий со стороны правительства [Южного Вьетнама] по обеспечению всенародной поддержки. В конце концов это их война. Они и должны в ней победить или проиграть ее. Мы можем им помочь, мы можем поставить им снаряжение, мы можем направить туда наших людей в качестве *советников*, но выиграть войну должны они, победить коммунистов должен народ Вьетнама... Все, что мы способны сделать, это оказать им помощь, и мы ясно дали им это понять, но я не согласен с теми, кто настаивает на нашем уходе. Это было бы огромной ошибкой².

Президент не мог бы точнее выразить свое убеждение в том, что эту войну должны выиграть сами южновьетнамцы, и он определенно не собиравался отправлять войска США для усиления или подмены южновьетнамской армии (Зьем также не выказывал никогда готовность приветствовать подобные действия).

Я процитировал слова президента Кеннеди, потому что считаю: они выразили его истинные чувства относительно роли США в этой войне.

¹ См.: Memorandum of a Conversation. Department of State. 1963. August 31 [Запись беседы. Государственный департамент. 1963. 31 августа] // Ibid. P. 69–74.

² Public Papers... John F. Kennedy, 1963. Washington: U. S. Government Printing Office, 1964. P. 652.

На встрече 3 сентября президент говорил о том, что Франция пытается добиться для Вьетнама статуса нейтрального государства, который в результате недавних международных переговоров уже предоставили соседнему Лаосу, где была сформирована коалиция из трех враждующих между собой группировок. Он был уверен в том, что статус нейтралитета не сработает в Лаосе, и сомневался, сработает ли он в соседней стране. Но ни тогда, ни позднее мы не обсуждали во всех деталях, сможет ли нейтральный Южный Вьетнам, если именно так будет определен его статус, воздействовать на геополитическую стратегию Соединенных Штатов. Мы не рассматривали этот вопрос потому, что никто из нас не думал, будто Южный Вьетнам и в самом деле может стать по-настоящему нейтральным государством. Мы считали, что он непременно окажется под контролем со стороны Севера, а это, в свою очередь, приведет к предсказанному Эйзенхауэром эффекту домино.

Сейчас, по прошествии многих лет, я вижу, что мы допустили серьезнейший промах, не исследовав даже саму возможность получения Южным Вьетнамом нейтрального статуса. Если изошренные, многоопытные политические деятели вроде де Голля считали подобный статус желательным, то данный вопрос в любом случае заслуживал внимательного рассмотрения с нашей стороны. Наша позиция была и несообразной и нелогичной. Мы (особенно Дин Раск) боялись, что наше положение в НАТО пошатнется, если мы не сумеем выполнить то, что, по его представлениям, являлось нашим обязательством как участника СЕАТО перед Южным Вьетнамом. Но СЕАТО, в которую входили Соединенные Штаты, Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины и Пакистан, обязывала участников лишь «отражать общую угрозу» в соответствии с «конституционными процедурами» каждой из стран и проводить «совместные консультации». Отдельный протокол был посвящен Камбодже, Лаосу и Южному Вьетнаму как территориям, которые при ухудшении политического климата в данном регионе могут представлять собой определенную «угрозу» для «мира и безопасности» других государств — членов СЕАТО. Но одна из этих стран, Франция, не только полагала, что не несет никаких обязательств по договору, но, похоже, считала, что вооруженное вмешательство США противоречит общим интересам организации. Если Франция — один из основателей СЕАТО и страна, в наибольшей степени воспользовавшаяся гарантиями безопасности (предоставленными Соединенными Штатами НАТО), — придерживалась той точки зрения, что нейтральный статус Вьетнама не ослабит серьезно позиции НАТО и не представит угрозу для безопасности Запада, то мы должны были, самое меньшее, детально обсудить этот вопрос. Но не обсуждали.

В конце встречи мы все согласились с тем, что Лодж должен как можно скорее увидеться с Зьемом и обсудить вопросы, затронутые нами на заседании в Государственном департаменте 31 августа¹.

Но, когда мы вновь собрались 6 сентября, Лодж, судя по всему, еще не виделся с Зьемом. Тогда Бобби Кеннеди, проявлявший возросший интерес к Вьетнаму после противоречивых откликов на телеграмму от 24 августа, не смог скрыть своего недоумения. Он удивленно спросил, если мы уже решили, что с Зьемом проиграем войну, то почему «не раскидываем сети пошире», подразумевая под этим угрозу вывода войск, которая, возможно, могла бы наконец воздействовать на него.

Дина взволновала его слова. Он ответил, что ситуация «слишком серьезна», чтобы запутывать угрозой вывода войск: если Вьетконг овладеет Южным Вьетнамом, наше положение «предельно осложнится». Макс дополнил его утверждение, припомнив, что еще три недели тому назад мы полагали: мы сможем выиграть войну и с Зьемом, — и Комитет начальников штабов разделял это мнение. Описав сложившуюся ситуацию, Дин назвал ситуацию с Зьемом первой стадией и затем заметил, что второй стадии не будет, если мы решимся на вывод своих войск.

— Прежде чем вывести войска, — сказал он, — нам следует рассмотреть и проанализировать вариант с поддержкой переворота.

Дин произнес это так, будто мы не инициировали уже этот процесс! По иронии судьбы во время обсуждения мы по-прежнему не смогли исследовать все «за» и «против» нашего ухода².

Новое свидетельство характера мыслей президента Кеннеди в разгар этого кризиса появилось вечером 9 сентября в его интервью с тележурналистами «Эн-би-си» Четом Хантли и Дэвидом Бринкли.

— Господин президент, — начал Бринкли, — есть ли у вас какие-то основания сомневаться в так называемой «теории домино», а если конкретно, то в том, что падение Южного Вьетнама будет означать последующее падение всей Юго-Восточной Азии?

Возможно, вспомнив предостережение Эйзенхауэра, президент ответил:

— Нет, я верю в эту «теорию»... Китай очень велик и к тому же распространяет свое влияние за пределы своих границ, так что если Южный Вьетнам исчезнет как самостоятельное государство, это не только даст китайцам новые выгоды от географического положения их страны и позволит им вторгнуться с отрядами партизан в Малайю, но и создаст впечатление, будто во главе Юго-Восточной Азии в дальнейшем окажутся Китай и коммунисты. Итак, я верю в принцип домино³.

¹ См.: Memorandum of a Conference with the President. 1963. September 3 [Запись беседы с президентом. 1963. 3 сентября] // FRUS. 1961—1963. Vol. 4. P. 100—103.

² См.: Memorandum of a Conference with the President. 1963. September 6 [Запись беседы с президентом. 1963. 6 сентября] // Ibid. P. 117—120.

³ Public Papers... John F. Kennedy, 1963. Washington: U. S. Government Printing Office, 1964. P. 659.

Десятого сентября мы подытожили наши соображения. Бобби сказал, что нам надо обсудить специальные акции в связи с Зьемом и Нью. В ответ я заметил, что наш подход нереалистичен:

— Мы пытаемся свергнуть Зьема, но у нас нет ему достойной замены, в чем я совершенно уверен. Поэтому, с одной стороны, мы добились лишь того, что дальнейшее сотрудничество с Зьемом стало невозможным, а, с другой, так и не выработали альтернативного решения. Нам нужно, вернувшись назад, попытаться восстановить ситуацию трехнедельной давности.

Аверелл принялся категорически возражать. Я очень любил этого человека. Он принадлежал к тому же слою, что и Нельсон Рокфеллер и Дуглас Диллон, рожденные в богатстве, но сознательно выбравшие государственную службу и общественную деятельность. В годы Второй мировой войны он был послом США в Советском Союзе, потом помощником по особым поручениям при президенте Трумэне, а в середине 50-х годов — губернатором штата Нью-Йорк. Потерпев поражение на очередных губернаторских выборах в Нью-Йорке, Аверелл решил вернуться в Вашингтон, чтобы помочь молодому президенту. В возрасте шестидесяти девяти лет он согласился на не очень высокую должность посла по особым поручениям, разъезжающего по всему миру. В администрации его окружали люди, по возрасту годившиеся ему в сыновья. Энергия Аверелла и его советы обеспечили ему доверие президента, который вскоре назначил его главой американской делегации на Женевской конференции по Лаосу, затем помощником госсекретаря по проблемам Дальнего Востока и наконец заместителем госсекретаря по политическим вопросам.

Аверелл никогда не скрывал своего мнения. Он открыто возражал мне, касаясь вопроса об устранении Зьема. Он сказал, что Зьем создал такую ситуацию, при которой мы никогда не достигнем наших целей во Вьетнаме, и положение не изменится до тех пор, пока он будет оставаться у власти. Макс и Джон Маккон были на моей стороне. Наши разногласия не удалось преодолеть даже в конце встречи¹.

На следующий день Лодж прислал телеграмму, в которой изложил свою оценку ситуации в Южном Вьетнаме. Он писал: «Она стремительно ухудшается... и для США настало время пустить в ход действенные санкции, способствующие падению существующего правительства и приходу к власти нового». В разговоре с Дином Мак заявил, что президент склонен считать мнение Лоджа наиболее правильным и соответствующим положению. Дин ответил на это, что его беспокоит упорное нежелание Лоджа встретиться и откровенно переговорить с Зьемом².

¹ См.: Memorandum of a Conversation. Department of State. 1963. September 10 [Запись беседы. Государственный департамент. 1963. 10 сентября] // FRUS. 1961—1963. Vol. 4. P. 169—171.

² См.: Embtel 478. Lodge to Rusk. 1963. September 11 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 478. Лодж — Раску. 1963. 11 сентября] // Ibid. P. 171—174; Memorandum of

Еще через несколько дней на другом заседании в Государственном департаменте, на котором присутствовали Джон Маккон и два агента ЦРУ, только что вернувшиеся из Южного Вьетнама, Маккон спросил, какие идеи были положены в основу планируемого переворота. Агенты рассказали об идеях генералов, добавив: «В сущности у всех них отсутствует последовательный и долгосрочный план». Затем мы начали обсуждать два возможных подхода к Зьему: примирительный и конфронтационный. Я предложил отправить Лоджу телеграмму с изложением примирительного подхода и выяснить, что он о нем думает. Дин согласился и дал указание, чтобы текст этой телеграммы послали на рассмотрение президенту¹.

После совещания с ближайшими помощниками 17 сентября президент отправил Лоджу «примирительную» телеграмму. В ней, в частности, говорилось:

SAR 63516. Послу Лоджу лично. Передать немедленно. Направить только одну копию. Никаких других копий Госдеп не должен никому направлять. От президента.

1. На сегодняшней встрече на высшем уровне одобрена широкая программа действий... Согласно этому документу, мы должны, насколько это возможно, добиваться от правительства Южного Вьетнама проведения политики реформ и кадровых изменений, необходимых для обеспечения поддержки со стороны населения Вьетнама и общественного мнения США в войне против Вьетконга. В телеграмме излагаются наша программа и наши соображения. Мы ждем ваших комментариев перед принятием окончательного решения...
2. Мы не считаем возможным предпринять в самое ближайшее время действия по свержению нынешнего правительства. Поэтому, как Вы пишете в большинстве своих последних посланий, мы должны применить лишь возможные меры давления... Мы думаем, что такие меры способны изменить ситуацию к лучшему, хотя бы на короткое время. Кроме того, данный курс допускает в случае необходимости применение самых решительных мер...
3. Мы разделяем Ваши взгляды... что предельно допустимое ужесточение Вашей переговорной позиции на данном этапе ясно демонстрирует, что вопрос о предоставлении помощи США решаете лишь Вы. Вы уполномочены отложить на время любые поставки оборудования и материалов или финансирование любым из агентств, если Вы не считаете, что эти поставки и прочее отвечают интересам США, но при этом Вы должны иметь в виду, что прекращение всех видов

---

a Telephone Conversation Between the Secretary of State and the President's Special Assistant for National Security Affairs. 1963. September 11 [Запись телефонного разговора между государственным секретарем и специальным помощником президента по вопросам национальной безопасности. 1963. 11 сентября] // Ibid. P. 176.

¹ См.: Memorandum for the Record of a Meeting at the Department of State. 1963. September 16 [Служебная записка о записи совещания в Государственном департаменте. 1963. 16 сентября] // Ibid. P. 217–220.

помощи шло бы вразрез с нашей нынешней политикой... Мы думаем, что для Вас было бы особенно желательно использовать свои полномочия для ограничения или полного прекращения всех видов помощи, которую получают Нью или... связанные с ним лица...

4. Предлагаем Вам наш собственный список возможных полезных действий правительства. Ждем Ваших комментариев и возможных дополнений. Меры перечислены в порядке их значимости:

- а) Улучшение атмосферы. — Зьем должен вернуть всех на работу и сделать так, чтобы они думали только о победе в войне. Он должен мыслить достаточно широко и чувствовать сострадание к тем, кто по понятным причинам считает затруднительным всецело поддерживать его в сложившейся ситуации.

Истинный дух примирения, способный творить чудеса, позволит ему объединить народ, которым он управляет, тогда как наказания, жестокость и авторитарные методы способны привести лишь к дальнейшему сопротивлению.

- б) Буддисты и студенты. — Их не нужно трогать и преследовать. Это более, чем что-либо иное, продемонстрирует возвращение страны к лучшим временам и переключит внимание на главную задачу — ведение войны.
- в) Пресса. — Прессе должна быть предоставлена полная свобода слова. Зьема будут критиковать, однако в мягком тоне, и сотрудничество с местными и зарубежными журналистами приведет с течением времени к восхвалению его курса правления. Что же касается тенденциозных репортажей, то они способны лишь вызвать раздражение, тогда как попытка поставить под контроль информационную службу чревата в конечном итоге весьма серьезными осложнениями.
- г) Тайная и военная полиция. — Ограничить ее роль операциями против Вьетконга и запретить проведение операций против некоммунистических оппозиционных групп. Это будет свидетельствовать о том, что вернулось время примирения и политической стабильности.
- д) Провести замену членов кабинета министров. Нужно влить новую кровь и убрать наиболее непопулярные в обществе фигуры.
- е) Выборы. — Они должны быть свободными и проводиться при широком участии наблюдателей.
- ж) Законодательное собрание. — Законодательное собрание должно приступить к работе вскоре после выборов. Правительство должно передать ему часть своих политических полномочий и заручиться его поддержкой...
6. Специальные реформы не будут иметь принципиального значения без впечатляющих символических шагов, которые смогут убедить вьетнамцев в реальности проводимых реформ. С практической точки зрения мы поддерживаем Ваш подход и также считаем, что этого можно будет достигнуть благодаря заметному снижению влияния Нью, который является своего рода символом того, за что не любят правительство. Думаем, что следует добиться удаления Нью из Сайгона, а еще лучше — и из Вьетнама. Отправить его, например, в долгосрочный отпуск. Мы понимаем, что данная попытка может и не

- привести к желаемому результату, равно как и другие меры давления, но убеждены в необходимости подобных действий...
8. Мы обратили внимание на Ваше нежелание продолжать диалог с Зьемом до тех пор, пока у нас не появятся новые аргументы, но продолжаем считать, что разговоры с ним станут как минимум важным источником для понимания создавшегося положения и, вероятно, помогут в какой-то степени убедить нашего оппонента даже в его теперешнем умонастроении... На наш взгляд, достойнее постараться образумить столь неразумного человека, но осознающего порочности проводимого им курса...
  9. Между тем растет озабоченность, связанная с чисто военными аспектами проблемы. Она вызывается как ходом военных операций, так и необходимостью убеждать Конгресс в целесообразности продолжения предпринимаемых нами усилий. Поэтому президент решил направить во Вьетнам министра обороны и генерала Тэйлора. Они прибудут в начале следующей недели. Считаем необходимым особо подчеркнуть, что это сугубо военная миссия, а политические решения будут осуществляться через Вас как высшего представителя Президента...

В тот же день перед отправкой телеграммы Аверелл позвонил Майку Форрестолу и сообщил, что он и Хилсмен «были очень разочарованы проектом этой телеграммы». Он назвал предстоящий визит «катастрофой», поскольку, сказал он далее, «решено послать двух человек [Макнамару и Тэйлора] — противников нашей политики — плюс еще одного [помощника заместителя госсекретаря Алексиса Джонсона], который не будет, да и не сможет отстаивать нашу политику». Форрестол согласился с ним².

После получения послания президента Лодж, взвесив все доводы, сказал, что он против нашего визита. Он опасался, что наше появление станет сигналом для Зьема, который подумает, будто мы решили «все простить и забыть» и «положили под сукно» все свои планы, связанные со сменой правительства. Лодж продолжал считать правильной применяемую нами по отношению к Зьему тактику молчания и полагал, что она уже начала приносить свои плоды. Ему казалось, что наша миссия может только все испортить³.

Я понял, что мы столкнемся с его противодействием, и предложил президенту устроить нашу встречу с Лоджем и Харкинсом не в Сайгоне, а на Гавайях. Но, как сказал Мак Дину, «президент считает, что

¹ CAP 63516. President to Lodge. 1963. September 17 [Документ № 63516. Президент — Лоджу. 1963. 17 сентября] // Ibid. P. 252–254.

² См.: Memorandum of a Telephone Conversation Between Harriman and Forrestal. 1963. September 17 [Запись телефонного разговора между Гарриманом и Форрестолом. 1963. 17 сентября] // Ibid. P. 251.

³ См.: Embtel 536. Lodge to the President. 1963. September 18 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 536. Лодж — президенту. 1963. 18 сентября] // Ibid. P. 255.

вы должны увидеть все своими глазами [то есть Макнамаре следует изучить проблему на месте]». Кеннеди объяснил это в другой телеграмме Лоджу, отправленной в тот же день. «Я прекрасно понимаю Ваши проблемы, касающиеся визита Макнамары и Тэйлора. Но я действительно очень хочу, чтобы этот визит состоялся, и считаю, что мы сможем все же организовать его, естественно, с учетом Ваших замечаний... Макнамара хотел бы при встречах с Зьемом поведать ему горькую правду о военных последствиях сложившейся нелегкой ситуации».

Двадцать третьего сентября президент подписал следующие письменные инструкции, адресованные уже лично мне:

Возможно, будет полезно письменно изложить наше понимание цели Вашей поездки в Южный Вьетнам. Я прошу Вас отправиться туда, потому что надеюсь получить наилучшую из возможных оценок военных и прочих усилий, направленных на разгром Вьетконга. Программа, разработанная после завершения миссии генерала Тэйлора и осуществляемая под Вашим пристальным наблюдением, уже принесла впечатляющие результаты, во всяком случае в последнее время. События в Южном Вьетнаме, начиная с мая, вызывают серьезные вопросы в отношении перспектив дальнейшей борьбы с Вьетконгом и, в еще большей мере, опасения, касающиеся эффективности наших усилий в будущем, если только в стране не произойдет существенного улучшения политической атмосферы. Именно поэтому я нуждаюсь в Вашей оценке нынешнего положения. Если прогноз, по Вашему мнению, неутешителен, то я хотел бы знать, что Вы думаете по поводу возможных действий южновьетнамского правительства, а также шагов нашего правительства, способных побудить вьетнамцев активизировать свои действия.

Посол Лодж сердечно приветствует Вашу миссию [!], и я надеюсь, что Вы сможете обменяться с ним мнениями. Несомненно, общая политическая обстановка и военные усилия тесно связаны между собой. Понимая, с какой ответственностью Вы отнесетесь к анализу военных проблем, я ожидаю, что Вы в деталях обсудите с послом Лоджем тесно связанные с ним политические и социальные вопросы. Я также ожидаю, что Вы вместе с послом Лоджем рассмотрите возможные пути и средства повышения эффективности всех форм нашей помощи Южному Вьетнаму, с тем чтобы она более соответствовала целям нашей внешней политики и содействовала их достижению.

Я вручаю Вам также мое письмо президенту Зьему, которое Вам следует обсудить с послом Лоджем и которое посол Лодж должен передать при встрече президенту Зьему, если после наших консультаций я решу, что это было бы желательно.

По-моему, вопрос, касающийся событий в Южном Вьетнаме, имеет исключительно большое значение, и, выполняя эту миссию для тщательного и подробного изучения положения дел как в Сайгоне, так и на полях сражений, Вы не будете ограничивать себя во времени.

---

¹ Telephone Conversation Between McGeorge Bundy and Rusk [Телефонный разговор между Макджорджем Банди и Раском] // Ibid. № 3; Deptel 431. President to Lodge. 1963.

Передав мне этот текст, президент добавил, что, по его мнению, мне нужно дважды увидеться с Зьемом, и если мы с Максом сочтем, что для победы в войне необходимы реформы и перемены, я должен буду открыто заявить об этом в беседе с главой южновьетнамского государства¹.

Кеннеди рассматривал инструкции не только как руководство для меня, но и как документ, который я смогу показать другим, сказав при этом: «Вот чего хочет президент». Но антизьемовские активисты в Вашингтоне продолжали свою подрывную деятельность. Ознакомившись с указаниями, данными мне президентом, Хилсмен тайком от Макса и от меня направил Лоджу письмо:

«Дорогой Кэбот, я направляю тебе это послание через Майка Форрестала, который все сделает так, что никто ничего не узнает.

...У меня такое чувство, будто в городе все больше и больше людей начинают разделять нашу точку зрения [сводящуюся к тому, что Зьема необходимо устранить в результате переворота], и если ты у себя в Сайгоне, а мы в департаменте возьмемся за дело, остальные сплотятся вокруг нас. Майк еще скажет тебе, что здесь подобралась группа отчаянных ребят, готовых тебя поддержать...»²

Письменные инструкции, составленные для меня президентом Кеннеди, и ушедшее по тайным каналам письмо Хилсмена завершали длившийся целый месяц период, когда администрация, сталкиваясь изо дня в день с ухудшением положения, требовавшим решительных действий, пыталась найти наилучший выход из сложившейся ситуации, но не находила его. Мы так и не сумели перед тем, как одобрить переворот против Зьема, вникнуть в происходившие во Вьетнаме глубинные процессы, которые привели в конечном итоге к его свержению, и по-прежнему не придавали им особого значения и после того, как его отстранили от власти. Оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что в той или иной степени вина за это ложится на каждого из нас:

- Я обязан был распорядиться об изучении и обсуждении следующих исключительно важных вопросов: сможем ли мы выиграть войну с Зьемом во главе правительства? А если нет, то с кем смогли

September 18 [Телеграмма Государственного департамента № 431. Президент – Лоджу. 1963. 18 сентября] // Ibid. P. 256–257.

¹ См.: Memorandum from the President to the Secretary of Defense. 1963. September 21 [Служебная записка президента министру обороны. 1963. 21 сентября] // Ibid. P. 278–279; Memorandum from the Record of a Meeting. 1963. September 23 [Докладная записка о записи совещания. 1963. 23 сентября] // Ibid. P. 280–282.

² Letter, Hilsman to Lodge. 1963. September 23 [Письмо Хилсмена Лоджу. 1963. 23 сентября] // Ibid. P. 282–283.

бы мы добиться большего? В случае если достойной замены Зьему не найдется, то не стоит ли нам подумать о переговорах с Нго Динь Нью и с Францией о предоставлении Вьетнаму статуса нейтрального государства? Или, в качестве альтернативы, об уходе из страны под тем предлогом, что политические беспорядки в Южном Вьетнаме делают невозможным дальнейшее пребывание там Соединенных Штатов?

- Макс не попытался разобраться в продолжавшейся разногласии отчетов, сообщавших о военных успехах в Южном Вьетнаме или отсутствии таковых.
- Дин, будучи одним из самых самоотверженных и преданных людей, находившихся когда-либо на государственной службе Соединенных Штатов, потерпел в то же время полное фиаско, так и не сумев наладить работу Государственного департамента и контролировать действия Лоджа. Не проявляя он и особой активности во время совещаний с президентом.
- А президент Кеннеди, которого я считаю виновным меньше других, поскольку он был занят решением множества различных проблем — от конфликта по поводу гражданских прав до обеспечения поддержки в Конгрессе Договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, — так и не смог сплотить воедино входивших в состав правительства людей. Оказавшись перед выбором между большим и меньшим злом, он слишком долго не принимал решения.

Я могу добавить, что вопросы о нейтралитете Вьетнама и нашем уходе уже начали обсуждаться со всеми «за» и «против» если не в самой администрации, то, во всяком случае, на страницах периодических изданий. Летом и осенью 1963 года обозреватели Уолтер Липшман и Джеймс Рестон предложили внимательно рассмотреть вариант с предоставлением этой стране нейтрального статуса. Но корреспондент «Нью-Йорк таймс» Дэвид Халберстам, публиковавший в начале 60-х годов репортажи о Южном Вьетнаме и резко критиковавший политику администрации, выступил против того и другого. Он писал в 1965 году:

Основные альтернативы для Вьетнама сейчас те же, что и в 1961 году: в них нет ничего нового, и они так же, как и прежде, не могут порадовать нас, поскольку просто кошмарны.

Начать с того, что ныне много говорят о возможности нейтрализации Вьетнама. Но в современных условиях об этом не может быть и речи. Нет ни малейшего шанса предоставить ему такой же нейтралитет, каким пользуются Швейцария, Австрия, Индия и даже Лаос, которые, ссылаясь на свой статус, заявляют, что не желают ни становиться полем битвы, ни участвовать на чьей бы то ни было стороне в «холодной войне». Первым шагом на пути к нейтрализации Вьетнама стал бы, не-

сомненно, полный вывод войск США из страны и прекращение оказания ей американской военной помощи. В результате образуется вакуум, и коммунисты, единственная по-настоящему организованная сила на Юге, смогут спокойно, не спеша — если не месяцев за шесть, то за два-то года наверняка — прибрать страну к рукам. Силы же, способной помешать им в этом, не имеется. И если Ханой предложит нам и южно-вьетнамцам нейтрализацию как решение проблемы, это явилось бы для Соединенных Штатов единственным средством сохранить лицо.

А теперь — об уходе. Только немногие американцы, служившие во Вьетнаме, могут воспринять эту идею. Одним из последствий вывода наших войск станет то, что вьетнамцы, которые полностью доверились Соединенным Штатам, при коммунистическом правительстве окажутся куда в худшем положении, чем остальные, — исключение составят лишь немногочисленные счастливчики с голубыми паспортами в кармане: они-то смогут уехать, не пострадав. Народ, заслуживающий лучшей участи, будет обречен вести тусклую, безрадостную жизнь в обстановке, когда все и вся находится под жестким контролем. Наш уход приведет также к падению международного престижа США, из чего следует, что давление коммунистов на остальные страны Юго-Восточной Азии заметно возрастет. Наконец, подобный шаг воодушевит противников Запада во всем мире и вдохновит их на организацию восстаний наподобие того, которое мы наблюдаем во Вьетнаме. Точно так же, как наши действия в Корее в 50-х годах послужили уроком для коммунистов, не осмеливающихся с тех пор нарушать существующие границы, победа антикоммунистических сил во Вьетнаме послужит уроком для сторонников так называемых национально-освободительных войн¹.

В оправдание Халберстама я могу сказать, что его «ястребиные» взгляды отражали в то время мнение большинства журналистов.

Двадцать пятого сентября, накануне моего отъезда в Сайгон, репортер «Си-би-эс репортс» Гарри Ризонер спросил меня, возможно ли, что южновьетнамцы выиграют с нашей помощью войну на полях сражений, но проигрывают ее в Сайгоне. Я ответил:

Текущий период с трудом поддается оценке. За последние несколько недель из-за действий правительства в стране и правда усилилась нестабильность. Вполне возможно, что власти вызывают недовольство у значительных групп населения. Но пока правительство и народ будут бороться с Вьетконгом, их никто не сможет победить.

И продолжил затем:

Нам важно признать, что это война Южного Вьетнама. Победа или поражение будут зависеть от его действий. Мы можем давать южновьет-

¹ Halberstam D. The Making of a Quagmire. N. Y.: Random House, 1965. P. 315.

намам советы и помогать им, но за конечные результаты отвечают они. А нам остается лишь наблюдать, как они поведут в дальнейшем войну¹.

Эти слова, к сожалению, оказались пророческими.

По пути в Сайгон я напомнил своим спутникам, что цель нашей миссии — оценка эффективности борьбы Южного Вьетнама с Вьетконгом и перспектив на успех. Если прогноз окажется неутешительным, нам нужно будет спросить, какие действия следует предпринять в связи с этим Южному Вьетнаму и как смогли бы Соединенные Штаты подтолкнуть его в нужном направлении.

Я сказал им, что, по-моему, нам необходимо ответить на ряд специфических вопросов, прежде чем мы сможем выступить с рекомендациями:

- Чем объяснить противоречия, встречающиеся в отчетах о военных успехах и политической стабильности? Каким из этих документов можно доверять?
- Сильна ли оппозиция режиму Зьема среди студентов, военных, чиновников и основной массы населения? Будет ли она возрастать?
- Кто осуществляет политический контроль в сельской местности? Знаем ли мы, как это проверить, и убеждены ли в точности своих оценок?
- Не произошли ли изменения в физическом и психическом состоянии Зьема и Нью? Каковы их нынешние взаимоотношения, и можно ли сравнить их с прошлыми?
- Способен ли Зьем сохранить эффективную политическую власть? Не потерял ли он некоторые основные компоненты власти в Южном Вьетнаме?
- Если Зьем сохранит власть, могут ли увенчаться успехом военные действия, или же ситуация только ухудшится?
- Если мы решим, что Зьем должен изменить курс, то какими рычагами — экономическими, военными, политическими — мы располагаем, чтобы заставить его это сделать?

Я считал, что для ответа на эти вопросы нам нужно ознакомиться с самым широким спектром мнений: переговорить с южновьетнамскими военными всех рангов, с журналистами, послами иностранных государств, южновьетнамскими, французскими и американскими бизнесменами, рабочими лидерами, членами Международной контрольной

¹ *Reasoner H. McNamara and the Pentagon // CBS Reports. 1963. September 25; PSRSM, 1963. Vol. 5. P. 2315–2316.*

комиссии, учеными, католическими священниками. Согласно моему распоряжению, мы должны были каждое утро встречаться, чтобы обменяться мнениями, и пользоваться только установленной мною единой, обязательной для всех системой связи с Вашингтоном: о различиях во взглядах можно было сообщать в коллективной телеграмме, которую отправляли днем, что же касается серьезных разногласий, то они в случае их возникновения фиксировались бы в моем докладе президенту¹.

За десять дней, проведенных в Южном Вьетнаме, мы посетили практически все районы боевых действий в этой стране и побеседовали со множеством людей. Три моих разговора с очевидцами последних событий показались наиболее характерными и тревожными.

Двадцать шестого сентября я встретился с П.-Дж. Хони, читавшим лекции о Вьетнаме в Школе восточных и африканских исследований при Лондонском университете. Он свободно говорил по-вьетнамски и установил тесные контакты с лидерами как Северного, так и Южного Вьетнама. Его суждения имели для меня большое значение, поскольку он превосходно знал обстановку в стране и к тому же когда-то подерживал Зьема.

Во время нашей беседы Хони заявил, что когда он приехал в Сайгон несколько недель тому назад, то полагал, что Соединенные Штаты смогут как-то поладить с Зьемом и что просто опасно заменить его кем-то другим. Но сейчас он изменил свое мнение. За последние три года Зьем страшно постарел и умственно деградировал. Теперь его открыто критиковали, причем критика исходила как от военных, так и от гражданского населения. Народ особенно поразили репрессии, которые Зьем обрушил на буддистов. Все эти факторы убедили Хони в невозможности либерализации режима или изменения взглядов самого Зьема. Он сказал, что Соединенным Штатам надо решить, могут ли они добиться победы с этим режимом. Хони полагал, что нам не удастся победить. Правда, он признал, что стратегическая программа военных действий в сельской местности оправдала себя и что Вьетконгу так и не удалось воспользоваться политической нестабильностью в Сайгоне.

Но значили ли его выводы, что мы должны сместить Зьема? Хони не дал прямого ответа на этот вопрос, он лишь сказал, что любое выступление против режима рискованно и в случае военного переворота или убийства вряд ли стоит рассчитывать на улучшение политической ситуации. Согласно его мнению, даже по самой оптимистичной оценке шансы на это равны пятидесяти на пятьдесят.

Завершая разговор, Хони предсказал, что если коммунисты возьмут власть в Южном Вьетнаме, то ни один политический лидер во всей

¹ Memorandum for the Record. 1963. September 23 [Докладная для записи. 1963. 23 сентября] // FRUS. 1961–1963. Vol. 4. P. 284–287.

Азии не сможет больше доверять тому, что говорится Западом. А потом он добавил, что недоверие не ограничится только Азией¹.

Тридцатого сентября мне удалось побеседовать с посланцем Папы Римского монсеньором Астой. Он начал с того, что за внешним спокойствием атмосферы скрывается страшная по своей глубине социальная напряженность. В стране установился полицейский режим, широко применяющий пытки по отношению к своим же гражданам. Интеллигенция и студенты видят, что все советники при правительстве были преданы смерти. Кое-кто из них встал на сторону Вьетконга, однако большинство предпочло занять нейтральную позицию. Как рассказал ему Хони, Ханой пытается при посредстве Франции наладить отношения с Нью. Сообщив об этом, монсеньор Аста добавил, что если Нью захватит власть, то первым делом потребует ухода из страны Соединенных Штатов, а затем обрушится на коммунистов. В заключение папский посланник высказал критическое замечание в адрес администрации США, с которым я был полностью согласен: члены американского правительства нередко высказывают в Сайгоне прямо противоположные суждения, что затемняет суть американской политики и вызывает недоумение у южновьетнамцев².

Третий разговор, с Джоном Ричардсоном, возглавлявшим с 1962 года отделение ЦРУ в Сайгоне, состоялся у меня 27 сентября. Ричардсон сказал мне, что преследования буддистов спровоцировали настоящий кризис в стране и недовольство режимом, прежде почти неощутимое, сделалось явным и повсеместным. Его особенно встревожили ночные аресты студентов и воцарившаяся атмосфера подозрительности. Он назвал Зьема патриотом и высоко оценил его нравственные качества, но сурово осудил его ближайшее окружение и особенно Нью. Ричардсон полагал, что эти люди уже подорвали репутацию южновьетнамского лидера и могут его окончательно погубить. А это было бы трагедией.

Ричардсон также сообщил, что один из помощников Зьема опасался, как бы разгоревшийся кризис не привел к перевороту, возглавляемому высшими армейскими чинами, хотя, по мнению Ричардсона, никто из известных ему генералов не обладал должным авторитетом и не был способен заменить Зьема. Чтобы спасти Южный Вьетнам, заключил он, Соединенные Штаты должны, оказав давление на Зьема, заставить его прекратить репрессии и вынудить Нью уйти в отставку. В противном случае переворот непременно произойдет, и это станет на-

¹ См.: Report by the Secretary of Defense. 1963. September 26 [Доклад министра обороны. 1963. 26 сентября] // Ibid. P. 293—295.

² См.: Memorandum of a Conversation by the Secretary of Defense. Saigon 1963. September 30 [Запись беседы министра обороны. Сайгон. 1963. 30 сентября] // Ibid P. 323—325.

стоящей катастрофой. Другого пути он не видел. Он сказал: «Я прошу вас, господин министр, проявить твердость в отношениях с Зьемом»¹.

Двадцать девятого сентября Макс и я отправились наконец во дворец Ги-Лонг на Сонг-Ли-стрит, всего в нескольких кварталах от американского посольства, на трехчасовую аудиенцию у Зьема. За ней последовал официальный обед. С нами были Лодж и Харкинс. Нью так и не появился.

Зьем говорил по-французски. Он держался довольно высокомерно и постоянно курил тонкие сигареты. Первые два с половиной часа мы слушали монолог Зьема о его мудрой политике и военных успехах. Он то и дело вставал с места и сопровождал свои объяснения демонстрацией карты. На меня удручающе подействовала его несокрушимая самоуверенность.

Воспользовавшись паузой в его монологе, я обратился к нему, сказав, что Соединенные Штаты искренне желают помочь Южному Вьетнаму победить Вьетконг. Я подчеркнул, что это прежде всего вьетнамская война и США могут только оказывать помощь. Согласившись с ним в том, что в военных действиях достигнут определенный прогресс, я сознательно перевел разговор на другую тему, постаравшись внушить ему, как озабочены Соединенные Штаты политической нестабильностью в Южном Вьетнаме. Подобная нестабильность и репрессии, заметил я, могут помешать дальнейшим военным успехам и привести к сокращению поддержки со стороны США. Поэтому репрессии должны быть прекращены, а стабильность восстановлена.

Зьем решительно отверг мои утверждения. Он сказал, что США неправильно понимают реальную ситуацию в Южном Вьетнаме и судят о ней по тенденциозным статьям, содержащим нападки на его правительство и его семью. Я допустил, что некоторые высказывания в прессе могут оказаться ошибочными, но добавил: кризис доверия правительству Зьема очевиден как в Южном Вьетнаме, так и в Соединенных Штатах. Он вновь не согласился со мной и возложил вину за недавние массовые аресты на «незрелых, неопытных и безответственных студентов». А затем заметил, что действительно несет ответственность за волнения среди буддистов, ибо был к ним «слишком добр».

В разговоре с ним я также коснулся роли Мадам Нью, сказав Зьему, что ее ошибочные и неудачные высказывания оказали негативное воздействие на общественное мнение США и американцы отождествляют ее политическую позицию с позицией всего южновьетнамского правительства. Я достал из кармана вырезку из газеты, в которой цитировалось ее замечание о младшем офицерском составе армии США

¹ Report by the Secretary of Defense [Доклад министра обороны] // Ibid. P. 301–303.

в Южном Вьетнаме. Она назвала их «солдатами удачи». Подобные выпады, пояснил я Зьему, глубоко оскорбительны для общественного мнения Америки.

Судя по его взгляду и поведению, он впервые понял, что я имел в виду, но выступил в защиту Мадам Нью. «Это меня не удовлетворяет, — откликнулся я. — Проблемы реальны и серьезны. Их нужно решить до победы в войне».

Макс поддержал меня. Он подчеркнул, что Зьему необходимо откликнуться на охватившую Соединенные Штаты вполне законную озабоченность в связи с недавними событиями в Южном Вьетнаме. В письме Зьему, направленном двумя днями позже, Макс писал: «После бесед с целым рядом вьетнамских и американских офицеров я убедился в том, что масштаб повстанческих операций Вьетконга на севере и в центральных районах можно уменьшить до отдельных, не связанных между собой выступлений уже к концу 1964 года. Положение в Дельте сложнее, и военные действия потребуют больше времени, но и с этим можно справиться до конца 1965 года. Однако для того, чтобы сказанное выше оправдалось, нужно выполнить определенные условия [о которых уже говорил министр Макнамара]»¹.

Но Зьем не ответил. Он не представил никаких заверений в том, что примет меры в ответ на высказанные ему соображения. Как было отмечено в американском варианте записи беседы о встрече, «его поведение свидетельствует о поистине безмятежном спокойствии. Очевидно, ему кажется, будто он уже все объяснил и теперь, как он надеется, его позицию смогут правильно понять»².

По пути назад, в Вашингтон, мы с Максом подготовили проект доклада президенту. В этом нам оказал содействие помощник министра обороны по вопросам международной безопасности Уильям П. Банди. Наш доклад сыграл важную роль в последовавших событиях, и поэтому я должен буду привести из него обширные выдержки. В перечисленных ниже пунктах наши выводы и рекомендации представлены точнее, чем в любом ином изложении:³

¹ Letter from the Chairman of the Joint Chiefs of Staff to President Diem. 1963. October 1 [Письмо председателя Комитета начальников штабов президенту Зьему. 1963. 1 октября] // Ibid. P. 328–330.

² Memorandum of a Conversation. Gia Long Palace. 1963. September 29 [Запись беседы. Дворец Ги-Лонг. 1963. 29 сентября] // Ibid. P. 310–321.

³ Я информировал президента, что с оценками, данными в докладе, согласились все участники нашей миссии, кроме помощника Аверелла Гарримана Билла Салливана. Он заявил, что «новый режим, в котором не найдется места для Нью с его непомерным честолюбием и стремлением создать тоталитарное государство, неизбежно окажется лучше сегодняшнего».

Выводы

- Военная кампания прошла с большим успехом и будет так же проходить и впредь.
- В Сайгоне (и, очевидно, во всем Южном Вьетнаме) ощущается политическая напряженность, правительство Зьема — Нью становится там все более непопулярным.
- Дальнейшие репрессии Зьема и Нью могут изменить наблюдаемые в данный момент благоприятные тенденции в развитии военной ситуации. С другой стороны, возврат к более умеренным методам управления и администрирования, хотя он и маловероятен, существенно смягчит политический кризис.
- Не ясно, воздействует ли давление США на Зьема и Нью и сделает ли оно их политику более демократичной. Нельзя исключать и того, что оно, напротив, лишь усилит их неуступчивость. Но если отказаться от давления, они, несомненно, будут вести себя, как и прежде.
- Шансы на то, что смена режима приведет к улучшению ситуации, равны примерно 50 на 50. Сплотить правительство и поддерживать порядок может лишь сильный авторитарный режим. В настоящее время армия играет ведущую роль во Вьетнаме, и вполне вероятно, что к власти придет кто-то из военных, на которого пал выбор в ходе обсуждений в самой хунте. Не исключено также, что в первые дни после свержения правительства Зьема — Нью в обществе будет царить эйфория, но авторитарный военный режим вскоре возобновит политику репрессий, во всяком случае, в отношении Зьема и коррумпированной вьетнамской политической верхушки еще дозьемовских времен. Основное внимание будет обращено на решение военных проблем, а не на социальные, экономические и политические преобразования. Вполне возможно, что в стране начнут господствовать подпитываемые ксенофобией националистические настроения.

Рекомендации

Мы рекомендуем следующие меры:

- Генерал Харкинс должен вести переговоры с Зьемом о касающихся армии изменениях, необходимых для успешного завершения боевых действий в северных и центральных районах до конца 1964 года, а в Дельте — до конца 1965 года.
- Программу подготовки вьетнамцев для выполнения основных функций, которые сейчас осуществляются военным персоналом США, к концу 1965 года можно будет передать вьетнамцам. Данная мера позволит вывести к этому времени основную часть персонала США.

- В соответствии с программой подготовки вьетнамцев и передачи им основных военных функций Министерство обороны должно в самом ближайшем будущем объявить разрабатываемые планы вывода до конца 1963 года одной тысячи военнослужащих.
- Выражая недовольство политической программой Зьема, мы:
  - резко сокращаем финансовую поддержку его программ развития страны;
  - сохраняем существующие исключительно «корректные» отношения с верхушкой южновьетнамского правительства;
  - тщательно отслеживаем ситуацию, наблюдая, какие шаги предпримет Зьем для ослабления репрессий и улучшения военного положения. Нам следует понять наконец, что в последние два-четыре месяца мы должны будем все же принять окончательное решение относительно применения более жестких мер;
  - не проявляем инициативы, которая стимулировала бы изменения в составе правительства.

Мы особо подчеркнули, что не считаем возможной организацию переворота в ближайшее время¹.

Мы прилетели в Вашингтон утром 2 октября. Чуть позднее тем же утром Макс и я отправились в Белый дом и в течение часа докладывали президенту о нашей поездке. Основным вопросом при обсуждении было предложение о выводе тысячи наших советников. Я сказал: «Помоему, господин президент, мы должны таким образом обосновать уход из этого региона, чтобы было что сказать нашей стране»².

Вечером того же дня президент Кеннеди назначил заседание Совета национальной безопасности, чтобы обсудить наш доклад. После долгих размышлений в предшествующие недели он наконец подвел итог и определил нашу позицию. Он сказал, что нам надо найти эффективные способы убедить Зьема изменить политическую атмосферу в Сайгоне, и при этом особо подчеркнул единодушие администрации, по крайней мере, по отношению к проблемам Вьетнама. Он заявил, что сейчас у нас имеются уже и выверенный политический курс, и подписанный всеми доклад.

Мы согласились с тем, что это война самого Южного Вьетнама и американцы находятся там только в качестве советников, помогающих

¹ См.: Memorandum from the Chairman of the Joint Chiefs of Staff and the Secretary of Defense to the President. 1963. October 2 [Служебная записка председателя Комитета начальников штабов и министра обороны президенту. 1963. 2 октября] // FRUS. 1961–1963. Vol. 4. P. 336–346.

² PR: JFKL.

южновьетнамцам защищаться, а если они неспособны защитить себя, значит, войну не выиграть. Однако наша рекомендация о выводе всех Вооруженных сил США к 1965 году, предусматривавшая вывод первой тысячи человек уже к концу этого года, — данный план должен был быть объявлен Министерством обороны, — вызвала ожесточенный спор. То, что все участники миссии согласились с текстом доклада, никак не отразилось на ходе обсуждения, во время которого нам пришлось упорно настаивать на своем. В администрации по-разному воспринимали наши цели и средства их достижения, так что никакого консенсуса по данному вопросу и быть не могло.

Одни из нас считали, что успешные военные действия и достаточно высокий уровень подготовки обученной нами южновьетнамской армии позволяют нам хоть сейчас начать вывод своих войск. Другие же не замечали никаких успехов ни на войне, ни в обучении южновьетнамцев. Но и они соглашались с тем, что мы должны уже начинать выводить войска с территории этой страны. В поддержку своего мнения ими приводился следующий аргумент: если южновьетнамцы способны учиться, то мы провели здесь достаточно времени, чтобы успеть подготовить их, а коль скоро никаких положительных результатов на данном поприще не видно, значит, их и нельзя достигнуть ввиду политической нестабильности. А третьи, выражавшие взгляды большинства, придерживались следующей точки зрения: хотя южновьетнамцы и поддаются обучению, мы готовим их не столь долго, чтобы был виден какой-то результат, и поэтому их подготовка должна быть продолжена в тех же точно пределах, что и в данный момент.

После длительного обсуждения президент согласился с нашей рекомендацией о выводе тысячи человек до 31 декабря 1963 года. Насколько я помню, он сделал это без объяснения причин. Из-за резких возражений и, как я подозревал, желания некоторых политиков отменить его решение я попытался убедить президента объявить о нем публично: ведь в этом случае оно приобретало бы большую силу.

Неудивительно, что реакция на мою просьбу оказалась неоднозначной. Но в итоге президент все же это сделал, хотя и возражал против включения в предназначавшийся для общественности текст слов «к концу года». Он понимал, что, если мы объявим о своем решении и не выполним его за девять дней, нас обвинят в излишнем оптимизме. Я сказал: «Вывод советников позволил бы нам объявить Конгрессу и американскому народу, что у нас действительно *имеется* план снижения опасности для американского военного персонала быть втянутым в партизанскую войну в Южном Вьетнаме — в войну, в которой южновьетнамцы станут обретать постепенно способность самим защищать себя. По-моему, нам нужно сейчас опровергнуть утверждения Фулбрайта и других, будто мы на десятилетия застряли в Азии.

Эти суждения отнюдь не безосновательны, и мы должны противопоставить им конкретные факты»¹.

Наконец президент одобрил заявление, и оно было оглашено его пресс-секретарем Пьером Сэлинджером сразу после заседания. В пресс-релизе Белого дома содержалось следующее заявление:

Министр Макнамара и генерал Тэйлор... доложили, что успешное выполнение программы подготовки вьетнамцев позволит нам к концу этого года вывести из Южного Вьетнама тысячу человек из находящегося там военного персонала США. Однако политическая ситуация в Южном Вьетнаме по-прежнему остается весьма напряженной... Если проводимые в стране репрессии пока еще не влияют серьезно на результаты военных действий, то это может случиться в будущем².

Обсуждение нашего доклада президенту возобновилось утром 5 октября. Мы еще долго спорили. В конце президент ясно заявил о своем одобрении той части нашего доклада, где говорилось о планах переворота. Мы писали там: «В настоящее время не следует проявлять инициативу, поощряя изменения в правительстве. Наша политика должна заключаться в немедленном признании альтернативного руководства, если и когда оно появится, и установлении с ним контактов». Эта позиция и была отражена в распоряжениях президента, сразу же пересланных по каналам ЦРУ в Сайгон³.

Решение президента о том, что «Соединенные Штаты не будут проявлять инициативу, поощряющую изменения в составе правительства Южного Вьетнама», не осталось незамеченным, и его последствия начали сказываться уже в ближайшие недели. В телеграмме Маку от 25 октября Лодж убеждал его: поскольку генералы проделали уже достаточно много по подготовке переворота, мы «не должны препятствовать их заговору». Он обосновал свои доводы: «Можно заранее поручиться, что новое правительство станет эффективнее прежнего и не будет спотыкаться на каждом шагу». В разговоре с президентом Мак высказал мнение, что даже в том случае, если мы не станем противиться перевороту, за нами должна оставаться prerogative обсуждения

¹ PR: JFKL.

² Summary Record of the 519th Meeting of the National Security Council. 1963. October 2 [Отчет о 519-м заседании Совета национальной безопасности. 1963. 2 октября] // Ibid. P. 350–352; White House Press Release. 1963. October 2. 6:52 p. m. [Пресс-релиз Белого дома. 1963. 2 октября. 18 часов 52 минуты] // NSC Meetings, 1963. NSF: Box 314: JFKL; PR: JFKL.

³ См.: Memorandum for the Files of a Conference with the President. 1963. October 5 [Служебная записка в архив совещания с президентом. 1963. 5 октября] // FRUS, 1961–1963. Vol. 4. P. 368–370.

планов генералов и трезвых высказываний по поводу любых их действий, не имеющих особых шансов на успех¹.

Встретившись с президентом через четыре дня после упомянутого выше разговора с ним Мака, я спросил его о том, кто из наших официальных лиц в Сайгоне причастен к организации переворота, и заметил при этом, что Харкинс мог и не знать о некоторых сторонах деятельности посольства и ЦРУ. Бобби заметил, что еще не видел тексты всех телеграмм, но создавшаяся ситуация кажется ему бессмысленной. Поддержка переворота означала бы, что мы согласны передать будущее Южного Вьетнама, а фактически и всей Юго-Восточной Азии в руки людей, чьи личные качества и намерения нам совершенно неизвестны. Макс согласился с ним, сказав, что даже удавшийся переворот воспрепятствует военным успехам, поскольку новому, неопытному правительству надо будет многому еще поучиться. Маккон придерживался того же мнения. Как-то раньше он сказал: «Господин президент, если бы я был тренером бейсбольной команды и у меня был бы лишь один питчер, я бы оставил его в команде независимо от того, хорошо ли он подает мяч или нет». Дин полагал, что если правительство Зьема сохранится, то военное положение начнет ухудшаться. На этой встрече не было принято никакого решения, и президент предложил нам вновь собраться вечером².

В 18 часов президент, никогда не разделявший убежденности Лоджа в необходимости переворота и смещении Зьема, пришел к заключению, что ответственность за ход будущего переворота, чем бы он ни завершился — успехом или провалом, должны нести сами генералы. После заседания Мак направил Лоджу послание с изложением позиции президента и распорядился, чтобы тот показал телеграммы о заговоре вьетнамских генералов Харкинсу и посоветовался с ним и представителями ЦРУ о том, какие действия следует предпринять³.

Прочитав эти телеграммы, Харкинс отправил в Вашингтон ответное, гневное послание Максусу. Он сообщил, что Лодж не информировал его о планируемом перевороте, и заявил, что является противником этого переворота и не видит альтернативного лидера, способного заме-

¹ См.: Lodge to McGeorge Bundy. 1963. October 25 [Лодж — Макджорджу Банди. 1963. 25 октября] // Ibid. P. 434—436; McGeorge Bundy to Lodge. 1963. October 25 [Макджордж Банди — Лоджу. 1963. 25 октября] // Ibid. P. 437.

² См.: Memorandum of a Conference with the President. 1963. October 29. 4:20 p. m. [Служебная записка о совещании с президентом. 1963. 29 октября. 4 часа 20 минут] // Ibid. P. 468—471. — Высказывание Маккона цит. по: Senat Select Committee to Study Government Operations. Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders. Washington: U. S. Government Printing Office, 1975. P. 221.

³ См.: Memorandum of a Conference with the President. 1963. October 29. 6:00 p. m. [Служебная записка о совещании с президентом. 1963. 29 октября. 6 часов вечера] // FRUS. 1961—1963. Vol. 4. P. 472—473; McGeorge Bundy to Lodge. 1963. October 29 [Макджордж Банди — Лоджу. 1963. 29 октября] // Ibid. P. 473—475.

нить Зьема, особенно среди генералов, которых он хорошо знал. Харкинс предложил не спешить «со сменой коней на переправе». По его мнению, мы должны действовать методом убеждения и постараться внушить южновьетнамским политикам, что им нужно изменить свой политический курс и общий стиль руководства.

Лоджа рассердила сама мысль о попытке США помешать перевороту, и он откликнулся с явным вызовом: «Не думайте, будто в нашей власти отсрочить переворот или воспрепятствовать ему». Я выразил недоумение: неужели южновьетнамские генералы и впрямь решатся осуществить свой замысел, зная о том, что американское правительство не поддерживает их? Мак, похоже, был согласен с ходом моих рассуждений. Позднее в тот же день он послал Лоджу телеграмму: «Мы не можем согласиться с высказанным Вами мнением, будто бы одним из основополагающих принципов американской политики является положение о том, что якобы не в нашей власти отсрочить переворот или воспрепятствовать ему... Мы считаем, что... Вы обязаны принять соответствующие меры и убедить организаторов заговора приостановить или отложить любую акцию, если... относительно ее успешного проведения будут хоть какие-то сомнения»¹.

Первого ноября Лодж в соответствии с планом должен был отправиться для консультаций из Сайгона в Вашингтон. Перед самым отъездом в аэропорт он вместе с адмиралом Фелтом нанес визит вежливости Зьему. Чуть раньше Зьем прислал Лоджу записку, в которой говорилось, что он хотел бы, чтобы тот задержался у него на четверть часа после того, как Фелт уйдет. Лодж остался. Позднее он направил в Вашингтон телеграмму: «Когда я уже собирался уходить, Зьем сказал: “Пожалуйста, передайте президенту Кеннеди, что я хороший и честный союзник и хотел бы откровенно переговорить обо всем и уладить проблемы прямо сейчас, а не потом, когда мы всего лишимся... Скажите также президенту Кеннеди, что я очень серьезно отнесся ко всем его предложениям и желал бы последовать им, но это уже вопрос времени”». Лодж присовокупил к сказанному выше: «Я почувствовал, что это еще один шаг в диалоге, который был начат на чашей встрече в Дала-те² в воскресенье (27 октября). Если Соединенные Штаты захотят за-

¹ MACV 2028. Harkin to Taylor 1963. October 30 [Телеграмма Управления по оказанию военной помощи Вьетнаму № 2028 Харкинс — Тэйлору. 1963. 30 октября] // Ibid. P. 479—482; CIA station telegram 2063. Lodge to Rusk. 1963. October 30 [Телеграмма из отделения ЦРУ № 2063. Лодж — Раску. 1963. 30 октября] // Ibid. P. 484—488; McGeorge Bundy to Lodge. 1963. October 30 [Макджордж Банди — Лоджу 1963. 30 октября] // Ibid. P. 500—502.

² Далат — город на юго-востоке Вьетнама, административный центр провинции Ламдонг. — *Примеч. ред.*

ключить с ними сделку, то, думаю, сложностей здесь не будет... Фактически он заявил: "Скажите нам, чего вы хотите, и мы это сделаем" (выделено мною. — Р. М.). Надеюсь обсудить все с Вами в Вашингтоне»¹.

Телеграмма прошла по обычным каналам и поступила в Государственный департамент 1 ноября в 9.18 утра [по washingtonскому времени]. В 9.37 ее доставили в Белый дом, где мы собрались вместе с президентом, чтобы сделать выводы из нашего обсуждения событий в Сайгоне. Но было уже слишком поздно: переворот начался.

Второго ноября в 9.30 утра мы снова встретились с президентом, чтобы окончить наше обсуждение событий в Сайгоне. В начале заседания мы еще ничего не знали о судьбе Зьема и Нью. Потом в зал влетел Майк Форрестол со срочным сообщением из Ситуационной комнаты. ЦРУ передавало из Сайгона, что, согласно сведениям, полученным от южновьетнамских коллег, братья покончили жизнь самоубийством «по дороге из города в офис Объединенного генерального штаба»².

Однако, как стало известно впоследствии, в действительности дело обстояло несколько иначе. Выражая желание капитулировать, Зьем и Нью укрылись в католической церкви в Шолоне — китайском предместье к югу от делового центра Сайгона. Генерал Мин, впоследствии ставший президентом, распорядился арестовать их и выделил с этой целью два джипа и бронетранспортер. Братьев со связанными за спиной руками втокнули в бронетранспортер. Когда конвой прибыл в расположение Объединенного генерального штаба и двери бронетранспортера открылись, Зьем и Нью были мертвы. Их застрелили, а Нью, кроме того, несколько раз ударили ножом.

— Почему они мертвы? — спросил Мина генерал Дон, один из руководителей переворота.

— А какая разница? — откликнулся тот.

Спустя несколько месяцев после гибели братьев Мин сказал одному американцу: «У нас не оставалось никакого выхода. Их нужно было убить. Зьема нельзя было оставлять в живых, потому что он пользовался большим уважением в сельской местности, где люди очень доверчивы». Штатский, Тран Ван Хуонг, критик режима Зьема, поплатившийся заключением за свою оппозиционную деятельность, заявил: «Верхушка генералитета, решившая убить Зьема и его брата, была перепугана на-

¹ Embtel 841. Lodge to Rusk. 1963. November 1 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 841. Лодж — Раску. 1963. 1 ноября] // FRUS. 1961–1963. Vol. 4. P. 516–517.

² CIA station telegram 22. DTG 020410Z. 1963. November 2 [Телеграмма из отделения ЦРУ № 22. DTG 020410Z. 1963. 2 ноября] // Ibid. P. 527. № 2.

смерть. Генералы прекрасно знали, что у них нет ни особых талантов, ни моральных добродетелей, ни политической поддержки и они не смогли бы предотвратить триумфального возвращения к власти президента и господина Нью, если бы те остались в живых»¹.

Когда президент Кеннеди узнал о трагическом событии, он побледнел как полотно. Я никогда не видел его столь взволнованным. Форрестол впоследствии вспоминал, что «эти две смерти потрясли его до глубины души и затронули моральные и религиозные основы его личности... Он усомнился... в обоснованности советов, которые давали ему в связи с Южным Вьетнамом». Артур Шлезингер-младший заметил, что президент, «подавленный тем, что случилось, был мрачен». Таким его не видели со дня инцидента в Заливе Свиней².

Когда президент пришел в себя и смог осмыслить происшедшее, то сказал, что эти две смерти будут иметь серьезные последствия как здесь, так и за рубежом. Он сомневался, что братья, будучи католиками, могли решиться на самоубийство. Однако Хилсмен заявил, что, несмотря на их католицизм, вовсе не так уж было бы трудно убедить Зьема и Нью добровольно расстаться с жизнью, если представить происходящее как новый Армагеддон. Мак позднее сухо прокомментировал, что люди со связанными за спиной руками вряд ли смогли бы застрелиться и заколоть себя ножом³.

Президент Кеннеди искренне считал, что после двадцатилетнего служения Вьетнаму жизнь Зьема не должна была закончиться подобным образом. Его мнение о Зьеме полностью совпадало с оценкой, данной этому человеку Мао Цзэдуном в начале 1965 года в интервью журналисту Эдгару Сноу. Высказав мнение, что американцы не прислушивались к Зьему, Мао заметил, что и Хо Ши Мин, и он (Мао) считали, что Нго Динь Зьем не так уж плох. В конце концов, продолжил он, касаясь убийства, разве там, между Небом и Землей, спокойнее? Однако узнать подробнее о взглядах Мао относительно событий во Вьетнаме и их возможного развития, если бы Зьем остался жив, нам не удастся до тех пор, пока Китай и Вьетнам не откроют свои архивы. А между тем эта тема вызывает множество вопросов⁴.

Убийство Зьема поразило Кеннеди, но это не было еще самым худшим, с чем пришлось нам столкнуться. Теперь, по прошествии нескольких десятилетий, мы понимаем, что куда ужасней для нас оказался

¹ Цит. по: *Tran Van Don. Our Endless War*. San Rafael: Presidio Press, 1978. P. 111; *Higgins M. Our Vietnam Nightmare*. N. Y.: Harper & Row, 1965. P. 215.

² См.: *Death of Diem [Интервью с Форрестолом]* // NBC White Paper. 1971. December 22; *Schlesinger A.M., Jr. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House*. Boston: Houghton Mifflin, 1965. P. 997–998.

³ См.: *Memorandum of Conference with the President*. 1963. November 2 [Служебная записка о совещании с президентом. 1963. 2 ноября] // NSF: JFKL.

⁴ См.: *Sunday Times (London)*. 1965. February 14.

полный политический вакуум в Южном Вьетнаме, когда нам не на кого было опереться, чтобы проводить тот курс, который отвечал бы интересам США.

Гибель Зьема не устранила глубоких разногласий внутри администрации по вопросу о нашей позиции по отношению к Вьетнаму. В небольшой, но исключительно интересной докладной записке, полученной в Вашингтоне 4 ноября, Лодж говорил, что, как ему представляется,

имеются определенные расхождения в наших и Ваших взглядах, которые сразу же выявляются, стоит нам лишь начать рассуждать о значении или последствиях переворота. По нашему мнению:

- а) Кто бы ни участвовал в этой то ли военной, то ли политической акции, сам по себе переворот был совершен просто блестяще и с той, и с другой точек зрения...
- б) Специалисты, когда-то отрицательно относившиеся к возможности переворота и твердившие «победим с Зьемом», теперь заявляют, что *этот же самый переворот может означать скорое окончание войны* (выделено мною. — Р. М.).

В заключение Лодж отметил, что он также считает, что переворот приведет к скорейшему завершению войны и тем самым приблизит время, когда американцы смогут наконец вернуться домой¹. Макс и я были настроены скептически. До переворота мы не очень-то верили в возможность появления сильного и эффективного правительства, способного заменить Зьема, и не видели, чтобы оно появилось сейчас, уже после переворота.

Президент попросил меня устроить встречу всех заинтересованных сторон 20 ноября в Гонолулу и попытаться выяснить истину. Это было наше последнее заседание, посвященное проблемам Вьетнама, при жизни Кеннеди, то есть до того, как мы начали работать с Линдоном Джонсоном, ставшим президентом США через четыре дня после этой встречи.

Конференция ничем не отличалась от предыдущих и не запомнилась мне чем-то особым. Но она произвела сильное впечатление на Мака Банди, которому прежде не доводилось участвовать в заседаниях на Гавайях. После нашего возвращения он сказал своим сотрудникам: «Брифинги Макнамары — это настоящий спектакль: его стараются одурачить, а он пытается убедить, что это им не удастся». Возможно, его наблюдение и неприменимо к военным, но оно отразило сложность, с которыми мы сталкивались, пробуя воссоздать ясную картину происходящего и осознать, каковы наши перспективы во Вьетнаме.

¹ См.: Embtel 917. Lodge to Rusk. 1963. November 4 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 917. Лодж — Раску. 1963. 4 ноября] // FRUS. 1961–1963. Vol. 4. P. 560–562.

Как выяснилось, Мак дал точный отчет о нашем совещании. Говоря о политической ситуации в Южном Вьетнаме, он отметил, что сейчас еще слишком рано судить о курсе, которым будет следовать хунта. Но, по всей вероятности, коалиция генералов долго не продержится. Сколь пророческими оказались его слова! Военное правительство было своего рода вращающейся дверью, которая закружилась с поразительной скоростью в следующие восемнадцать месяцев, когда одна группа лидеров сменяла другую¹.

Последнее высказывание президента Кеннеди, касавшееся Вьетнама, прозвучало на пресс-конференции 14 ноября. Он задал риторический вопрос: «Готовы ли мы сдать Южный Вьетнам?» И сам ответил на него: «Конечно, наша национальная безопасность — это главное, но я не хочу, чтобы Соединенные Штаты направили туда свои войска».

Ранее, на той же пресс-конференции, отвечая на вопрос: «Можете ли вы сейчас дать свою оценку ситуации в Южном Вьетнаме сразу после переворота и сформулировать цель конференции в Гонолулу?», — он сказал: «Цель встречи в Гонолулу... — это попытка оценить ситуацию, понять, какой должна быть американская политика, какой должна быть наша политика оказания помощи, как сможем мы усилить борьбу и как сможем вывести оттуда американцев. Да, теперь наша задача — *вернуть американцев домой и позволить Южному Вьетнаму утвердиться* (выделено мною. — Р. М.) как свободному и независимому государству»².

Оба замечания были повторением ответа, который он дал Уолтеру Кронкайту десятью неделями раньше, когда заявил, что в конечном итоге это была их война и они должны победить в ней или проиграть. Однако Кеннеди не был столь уж последователен в данном вопросе. Например, через неделю он сказал Чету Хантли и Дэвиду Бринкли: «Я думаю, нам надо остаться. Нам нужно как можно эффективней использовать наше влияние... и мы не должны уходить»³. Но главное в замечаниях Кеннеди, которые он делал как до, так и после этого интервью, как на публике, так и в частных беседах, это то, что в конечном итоге южновьетнамцы должны воевать сами, Соединенные Штаты не смогут сделать это вместо них.

¹ См.: Memoranda for the Record of Discussions at November 13 and November 22, 1963. Daily White House Meetings [Служебные записки о записи обсуждений 13 ноября и 22 ноября 1963 года. Ежедневные заседания аппарата Белого дома] // Ibid. P. 593–594, 625–626.

² Public Papers... John F. Kennedy, 1963. P. 846, 848.

³ Ibid. P. 652, 660.

ГЛАВА 4

Время перемен

23 ноября 1963 года — 29 июля 1964 года

Перемены неизбежно бывают связаны с неопределенностью, путаницей и ошибками. За шесть месяцев, прошедших после убийства президента Кеннеди, все это проявилось в полной мере. Президент Джонсон относился к Вьетнаму иначе, чем его предшественник, но унаследовал от него массу нерешенных проблем и оставшихся без ответа вопросов. Между тем положение становилось все более затруднительным по мере того, как мы все глубже «увязали» во Вьетнаме.

Днем в пятницу 22 ноября 1963 года, когда президент Кеннеди отправился в Даллас, где должен был выступить с речью, я проводил заседание в конференц-зале, примыкавшем к моему кабинету в Пентагоне. Я совещался с ближайшими помощниками — Маком Банди, Кермитом Гордоном из Бюджетного управления и советником по науке Джеромом Визнером. Мы обсуждали военный бюджет, который Белый дом в январе планировал представить в Конгресс. Рассмотрение бюджета было частью моих попыток определить основные цели и задачи министерства. Мне нужно было удостовериться в том, что они скоординированы с целями нашей внешней политики. После заседания я собирался вылететь в Хайянис-Порт вместе с председателем Комитета начальников штабов Максом Тэйлором и представить президенту мои предложения накануне уик-энда и Дня благодарения.

В середине обсуждения — это было в два часа дня — секретарь доложил мне о срочном телефонном звонке по личному делу. Я вышел из конференц-зала и взял трубку у себя в кабинете. Это был Бобби Кеннеди, еще более одинокий и отчужденный, чем обычно. Он просто и спокойно сообщил мне, что в президента стреляли.

Я оцепенел от ужаса и медленно побрел назад, в конференц-зал. Стараясь говорить ровно и без эмоций, я поведал новость собравшимся. Как ни странно, мы не стали расходиться. Все испытали страшный шок и не знали, что теперь делать. И попытались продолжить обсуждение, насколько это было возможно в данной ситуации.

Бобби вновь позвонил сорок минут спустя. Президент умер. Наша встреча тут же прервалась, никто не скрывал своих слез, мы все молчали.

Я еще не знал, что послужило причиной покушения и что может последовать в ближайшее время, но немедленно встретился с руководством КНШ. Мы согласились, что Вооруженные силы США во всем мире нужно привести в состояние боевой готовности, как это и пред-

полагалось делать в кризисной ситуации. Через несколько минут Бобби позвонил снова. Он попросил Макса и меня сопровождать его в поездке во второй половине дня на базу ВВС «Эндрюс», чтобы встретить самолет с телом его брата.

Когда Бобби приехал в Пентагон, мы втроем сели в вертолет и полетели в сторону «Эндрюса», пересекли Потомак и, предаваясь воспоминаниям, молча глядели в окна. Что тут можно было сказать?

Вскоре после нашего прилета в «Эндрюс» сине-белый президентский самолет медленно подрулил к терминалу, посадочные огни были все еще включены. Бобби повернулся и попросил меня подняться вместе с ним в самолет. Но я отказался, понимая, что в столь страшные минуты мне следует оставить членов семьи наедине.

После того как гроб выгрузили из самолета, я вернулся домой. Я думал о случившейся трагедии и по-прежнему не знал, что теперь делать. До 1960 года я не был знаком с Кеннеди, но постепенно мы по-настоящему сблизились. В отличие от большинства последующих администраций в нашей команде вскоре установились доверительные отношения, и из коллег мы превратились в приятелей. Мы могли подтрунивать друг над другом. А могли и прикрикнуть друг на друга. Так, например, обстояло дело со мной, и от этого гибель президента казалась еще более ужасной.

Дома за ужином я заспорил с Марджи. К концу ужина мне позвонил Бобби из госпиталя ВМС в Бетесде и сказал, что Джеки хотела бы видеть меня там, пока она ждет результатов вскрытия. Я немедленно приехал в госпиталь и сел рядом с Джеки, Бобби, другими членами семьи и друзьями. Ранним утром мы привезли тело президента в Белый дом. Гроб, покрытый флагом, которому Джон Кеннеди служил и который любил, был поставлен на постамент в элегантном Восточном кабинете. Вокруг тихо горели свечи.

В этот момент возник спор о том, где должен быть похоронен президент. Некоторые настаивали, что его нужно похоронить в родном штате Массачусетс. Я сказал, что он был президентом не Массачусетса, а всех пятидесяти Соединенных Штатов и потому должен покоиться в столице страны.

Я начал искать подходящее место. Арлингтонское национальное кладбище находилось в ведении Министерства обороны, и я первым делом направился туда. Утро выдалось тускло-серым и дождливым, кладбище окутывал легкий туман. Меня встретил директор кладбища. Мы вместе обошли ряды могил, украшенных простыми белыми надгробиями. В этих могилах лежало бесчисленное множество американцев, служивших своей стране в годы войны и мира, как служил ей и президент Кеннеди. Я остановился, когда мы приблизились к участку чуть ниже особняка Кустис-Ли. Оттуда хорошо просматривался Мемориальный мост, а вдали, даже в сгустившемся тумане и сквозь дождь,

виднелся мемориал Линкольна. «Вот здесь подходящее место», — тихо сказал я.

Позднее днем меня познакомили с молодым военным из охраны, сопровождавшим Кеннеди в прогулке по Арлингтонскому кладбищу несколькими неделями ранее. Когда я сообщил, какое место я выбрал, охранник кивнул.

— Когда президент Кеннеди был здесь несколько недель тому назад, — произнес он, — то остановился как раз в этом месте. Он огляделся по сторонам, посмотрел на памятники, и я услышал, как он сказал, что отсюда открывается красивейший вид на Вашингтон.

С моим выбором согласилась и безутешная Джеки, явившаяся на кладбище вместе со мной в тот же день, и это было окончательное решение. Когда мы проходили мимо могил, погода по-прежнему была неважной. Мы подошли к выбранному мной месту, и Джеки сразу же одобрила его. Ее похоронили там же в 1994 году.

Джон Ф. Кеннеди не был образцом человеческого совершенства, да таких образцов просто не существует. Он был практичным политиком. Порой политика — особенно в исполнении его подчиненных — приобретает на практике поистине отталкивающие формы. Один запомнившийся мне случай может послужить тому хорошей иллюстрацией.

Как-то мне позвонил старый знакомый Род Маркли, вице-президент «Форд мотор компани», отвечавший за связи с правительством. Он сказал, что узнал нечто любопытное и способное меня заинтересовать. А потом поведал мне, что другому вице-президенту у Форда Реду Даффи, в ведении которого находились предприятия на Восточном побережье, выполнявшие заказы для Министерства обороны, заявили следующее: если его филиал не окажет финансовую поддержку Демократической партии, все контракты с ним будут аннулированы. Я много лет работал вместе с Даффи у Форда. Когда я сердито спросил Рода, почему Даффи не сообщил об этом явном и вопиющем беззаконии лично мне, тот ответил, что Даффи испугался: а вдруг сотрудники Министерства обороны, которым я все расскажу, начнут мстить Форду?

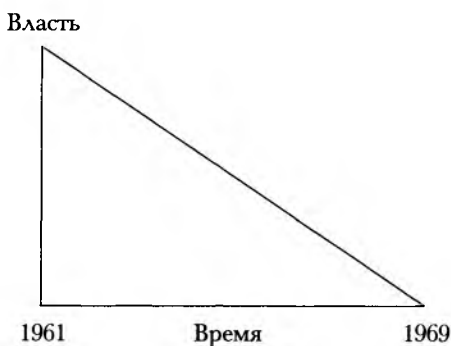
Я поблагодарил Рода, повесил трубку и тут же перезвонил генеральному инспектору ВВС генерал-лейтенанту Уильяму «Батчу» Бланчарду. Он героически сражался во время войны на Филиппинах, где был пилотом на бомбардировщике «В-17», потом командовал авиагруппами «В-29» в Индии, Китае и на Марианских островах. Я дружил с ним еще со времен Второй мировой войны. Я сказал: «Батч, приезжай ко мне, я тебя жду, но только не говори никому — ни министру ВВС, ни начальнику штаба — об этом визите».

Когда «Батч» прибыл, я рассказал ему эту историю и добавил: «Я хочу, чтобы ты все проверил, расследовал эти обвинения, а потом доложил лично мне».

Примерно через месяц я позвонил «Батчу» и спросил, что ему удалось разузнать. Он ответил, что ситуация еще хуже, чем мне ее описали. Он обнаружил целый ряд аналогичных случаев, касающихся других компаний по всей стране. По истечении полугода он представил мне объемистый доклад с документальными подтверждениями. Когда я задал вопрос, кто несет за это ответственность, он назвал одного штатского, который, по его словам, был назначен в отдел закупок ВВС помощником президента Кенни О'Доннеллом.

Я позвонил министру ВВС и дал ему указание немедленно уволить этого человека по моему приказу и без всяких объяснений. Затем я направил копию доклада О'Доннеллу, заметив, что этот человек больше не работает в Министерстве обороны. Ответа я так и не получил.

Джон Ф. Кеннеди очень ясно понимал роль президента. Как-то, находясь в Овальном кабинете, я обсуждал с ним президентские функции. Я нарисовал такую схему:

Власть обозначалась на вертикальной оси, а время — на горизонтальной.

— Господин президент, — сказал я, — вы заняли этот пост, обладая значительным запасом власти. Я надеюсь, что вы уйдете, полностью лишившись этого запаса, поскольку истратили его на то, что вы и я считаем правильным для нашей страны.

— Боб, — откликнулся он, — ты словно высказал мои мысли.

Он так думал и, по-моему, действовал в соответствии со своими убеждениями.

Президент Кеннеди также обладал способностью на время отходить от какого-либо конкретного вопроса, чтобы увидеть его в широкой перспективе. Он действовал, чувствуя историю и свое место в ней. В годы его президентства мы несколько раз собирались по вечерам и устраивали дискуссии, известные как «Семинары в Хикори-Хилл». На одну из таких встреч в Белом доме помощник президента Артур Шлезингер привел своего отца, знаменитого историка из Гарварда Артура Шлезингера-старшего, как почетного гостя. У меня были дела в Пентагоне, и, к сожалению, я не смог на ней присутствовать. Вернувшись вечером домой, я спросил Марджи, которая была там без меня:

— Ну, как все прошло?

— Это было просто великолепно! — откликнулась она. — Никто не мог вставить ни слова. Весь вечер Кеннеди задавал вопросы: «Как вы оцениваете президента? Каковы критерии? Почему вы считаете, что президент “Х” лучше президента “У”?»

Джон Ф. Кеннеди рассматривал мир как историю. Он обладал широким кругозором.

Он действительно был великим руководителем, с необычайной харизмой и способностью вдохновлять. Он одинаково сильно воздействовал на молодых и стариков, у себя в стране и за рубежом, а его слова и действия находили отклик в сердцах многих людей — редкий и бесценный дар у политических лидеров. Он добился того, что мы в нашем несовершенном мире стали чаще смотреть вверх, на звезды.

И его наследие продолжает жить. Спустя много лет после его гибели я путешествовал с Марджи как президент Мирового банка. Мы посетили отдаленные уголки мира, побывали в заброшенных и труднодоступных деревнях Индии, Нигерии и Парагвая, где редко видели американцев. Мы снова и снова обнаруживали его фотографии, вырезанные из газет или журналов и висевшие на стенах деревенских домов как одна из самых дорогих реликвий для хозяев дома. Людям нужны герои. Они обрели одного из таких героев в Джоне Ф. Кеннеди. Я твердо уверен в том, что, будь он жив, наша страна и мир были бы лучше.

Не секрет, что президент Кеннеди был глубоко неудовлетворен тем, как Дин Раск руководил Государственным департаментом. Но все равно меня удивило, когда вскоре после гибели президента я узнал от Бобби и других, что он собирался попросить меня заменить Дина на посту государственного секретаря в начале своего второго срока. Я бы отклонил это предложение по двум причинам: я с огромным уважением относился к Дину и восхищался им, а также не считал себя достаточно подготовленным для должности государственного секретаря. Позднее, уже пробыв семь лет на посту министра обороны и будучи

тринадцать лет президентом Мирового банка, я мог бы рассудить иначе, но в то время, если бы Кеннеди продолжал настаивать, я посоветовал бы ему назначить государственным секретарем Мака Банди, который знал историю и разбирался в международных отношениях и вопросах геополитики куда лучше меня.

Я часто говорил в этой книге о Маке Банди. Сейчас мне нужно сказать несколько слов о нем как о человеке. Он был очень сильной личностью, его влияние казалось неоспоримым. Я успел убедиться в этом за годы нашей совместной работы в администрациях президентов Кеннеди и Джонсона. В течение всей моей жизни, будь то у Форда, в Министерстве обороны или в Мировом банке, я старался окружать себя достойнейшими людьми, нередко черпая от них силы и восполняя собственные пробелы и изъяны. Если они были умнее и талантливее меня, то тем лучше. Мак относился как раз к этой категории. Младший научный сотрудник в Гарварде в двадцать два года, он написал биографию Генри Стимсона в двадцать девять лет и стал деканом гарвардского факультета искусств и наук в тридцать четыре года. Столь проныщательного ума, как у него, я никогда не встречал. И, кстати, он был лучшим советником по национальной безопасности из всех, с кем я сталкивался в последние сорок лет¹.

Какую позицию по отношению к Вьетнаму занял бы Джон Ф. Кеннеди, останься он жив? За последние тридцать лет мне задавали этот вопрос бесчисленное множество раз. И я всегда отказывался отвечать на него по двум соображениям: несмотря на нашу близость, президент не говорил мне, что он планирует делать в будущем. Более того, что бы он ни думал до гибели Зьема, ход его рассуждений мог измениться после этого события, когда развитие и направленность политического курса в Южном Вьетнаме стали более очевидными. Я также считал бесполезным и бессмысленным оповещать страну о своих догадках и предположениях, как бы повел себя президент, которого уже нет.

Однако сегодня я чувствую иначе. Я внимательно просмотрел свои старые записи и теперь, много лет спустя, думаю так: вполне вероятно, что если бы президент Кеннеди остался жив, он бы вывел все наши войска из Вьетнама. Он мог решить, что южновьетнамцы не способны себя защитить, а явная политическая слабость Сайгона делает нецелесообразными все попытки компенсировать невысокую боеспособность южновьетнамских вооруженных сил увеличением находящегося в стране военного контингента США. Мне думается, он пришел бы к такому

---

¹ Мой друг Генри Киссинджер наверняка обидится, ознакомившись с этим утверждением. Но я отвечу ему так: «Хотя ты назывался советником по национальной безопасности и твой кабинет находился в Белом доме, на самом деле ты все эти годы был государственным секретарем».

выводу, даже осознав, что в конечном итоге Южный Вьетнам и вся Юго-Восточная Азия окажутся под властью коммунистов. Он сумел бы оценить стоимость этой потери точнее, чем мы сейчас ее видим. Но он решился бы заплатить такую цену, понимая, что в создавшихся условиях это была чисто южновьетнамская война, в которой страна могла победить, но для победы ей нужна была твердая политическая основа. А она-то у Южного Вьетнама и отсутствовала. Кеннеди согласился бы с тем, что уход США приведет в действие «принцип домино», но и решение остаться там будет сопряжено с аналогичным результатом, да еще чреватым страшным массовым кровопролитием.

Еще в первые месяцы своего президентства, да и позднее, Кеннеди просил членов своего кабинета и сотрудников Совета национальной безопасности прочесть книгу Барбары Тачмен «Августовские пушки». Он говорил, что в ней с графической четкостью показано, как европейские лидеры втянули себя в Первую мировую войну и сколь слепы были их действия. Он подчеркнул: «Я никогда не хотел бы оказаться в таком положении». После того как мы прочли книгу, он сказал: «Мы не позволим втянуть себя в войну».

Очевидно, в период своего правления Кеннеди помнил об этом уроке. Когда в апреле 1961 года в Заливе Свиней разразился кризис, он, несмотря на давление со стороны ЦРУ и военной верхушки, остался верен своим убеждениям и ясно дал понять кубинским эмигрантам, что Соединенные Штаты ни при каких условиях не станут принимать участия в вооруженной интервенции для поддержки их высадки на острове. Он придерживался этой позиции, даже когда сделалось очевидно, что без поддержки США вторжение обречено на провал, как все и вышло¹.

Я видел, что он проявил такую же мудрость в роковые и напряженные дни кубинского ядерного кризиса. К субботе 27 октября 1962 года — в самый пик этого кризиса — большинство военных и гражданских советников президента были готовы рекомендовать ему нападение на остров, если Хрущев не уберет с Кубы советские ракеты (с чем тот согласился на следующий день)². Но Кеннеди постоянно повторял в ту субботу — и на заседании исполнительного комитета, и позднее, на встрече в узком кругу — с Бобби, Дином, Маком и мной, — что Соединенные Штаты сделают все возможное, чтобы не подвергаться риску быть ввергнутыми в войну с непредсказуемыми последствиями.

¹ См.: Memorandum for Gen. Maxwell Taylor. 1961. April 26 [Служебная записка для генерала Максуэлла Тэйлора. 1961. 26 апреля] // Cuba — Subjects. Paramilitary Study Group. Taylor Report. Part III. Annex 18. Box 61A: NSF: JFKL.

² В ту пору мы не знали, что, вопреки оценкам ЦРУ, Советский Союз держал на Кубе примерно 160 ядерных боеголовок, включая тактическое ядерное оружие. Нападение США на Кубу почти наверняка привело бы к обмену ядерными ударами с разрушительными последствиями. См. «Вместо эпилога», где этот вопрос разъясняется гораздо полнее.

Он был готов, если понадобится, убрать из Турции устаревшие ракеты класса «Юпитер» в обмен на вывод советских ракет с Кубы и уменьшение риска. Он знал, что против этого начнут активно протестовать турки, что его не поддержат ни НАТО, ни руководство Государственного департамента, ни верхушка Министерства обороны¹. Но он был согласен выдержать любое давление, чтобы над страной больше не нависала угроза войны.

Поэтому я считаю, что Джон Кеннеди начал бы постепенно сокращать наше присутствие во Вьетнаме, а не увеличивать его. Я выражаю это суждение, потому что благодаря ему могу объяснить, как и отчего мы, и в том числе Линдон Джонсон, продолжавшие принимать политические решения после смерти президента Кеннеди, согласились расширить состав Вооруженных сил США во Вьетнаме до полумиллиона человек. Почему мы это сделали и какие уроки можно извлечь из наших действий?

Несмотря на шок, испытанный всеми нами после убийства Джона Ф. Кеннеди, страна продолжала жить и без него. В воскресенье днем, 24 ноября, когда приготовления к похоронам еще продолжались и рабочие освобождали Овальный кабинет для нового хозяина, президент Джонсон встретился с Дином, Маком, Джорджем Боллом, Генри Кэботом Лоджем (находившимся, согласно предыдущим договоренностям, в Вашингтоне для консультаций), Джоном Макконом и мной в кабинете, который он занимал, будучи вице-президентом, в здании Исполнительного управления президента, расположенном чуть западнее Белого дома.

Линдон Бейнс Джонсон был одним из самых умных, сложных и работоспособных людей из всех, кого мне довелось знать. Его личность без преувеличений можно назвать многогранной: он бывал открытым и уклончивым, любящим и равнодушным, участливым и суровым, мягким и жестоким. Он был выдающейся, сильной и парадоксальной личностью, напоминавшей мне строки из «Песни о себе» Уолта Уитмена:

По-твоему, я противоречу себе?

Ну, что же, значит, я противоречу себе.

Я широк, я вмещаю в себя множество людей.²

Он был блестящим политиком. Он видел свою роль в определении различий между группами населения США и согласовании этих раз-

¹ См.: Transcript of Cuban Missile Crisis Meeting. 1962. October 27. Passim [Расшифровка записи заседания, посвященного кубинскому ракетному кризису. 1962. 27 октября. В разных местах] // Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. President's Office Files. JFKL.

² Пер. К. Чуковского.

личий, их примирении, так, чтобы страна могла двигаться вперед, к всеобщему процветанию. В этом смысле он стал президентом как раз в то время, когда был нужен более всего, — в период растущих расовых беспорядков и устойчивого материального неравенства.

Хотя Джонсон в течение трех лет входил в состав администрации Кеннеди, никто из нас с ним близко не сотрудничал. Недоверие между группировками Кеннеди и Джонсона могло заставить нового президента усомниться, вправе ли он рассчитывать на полную лояльность со стороны министров правительства Кеннеди. Но за несколько дней, если не часов, он понял, что и Дин и я, при всей нашей преданности Джону Кеннеди, служим в Вашингтоне народу, законным лидером которого, согласно конституции, он теперь стал. Ни разу за все прошедшие годы у него не было причин усомниться в нашей лояльности. Но когда он занял высший пост в стране, я его еще плохо знал.

Я работал с президентом Джонсоном с первого дня его вступления в должность президента и вплоть до моего ухода из Пентагона и находился с ним в постоянном контакте. Мы относились друг к другу с неизменным уважением и симпатией. Однако по своему характеру эти отношения заметно отличались от тех, что установились у меня с президентом Кеннеди, и были гораздо сложнее. Джонсон был жестким человеком, — жестким как с друзьями, так и с противниками. Он хорошо понимал, чего стоит каждый из нас, и старался отыскать у любого человека его слабое место. А когда находил, то обычно эксплуатировал эту слабость. Он мог быть по-бычьему упрямым и напористым, хотя со мной никогда не вел себя подобным образом. Он понял, что я буду держаться с ним прямо и откровенно, говорить то, что считаю нужным, а не то, что он хотел бы услышать. Но когда он как президент принимал решение, я должен был сделать все возможное, чтобы выполнить его. Я всегда действовал открыто и лояльно, и, думаю, это устраивало и президента Кеннеди, и президента Джонсона. Они знали, что я правильно пойму их слова и не скажу в ответ какую-нибудь уклончивую или лестную для них фразу, если не буду согласен с их предложениями. Подобно всем великим руководителям, они прежде всего стремились добиться результата.

В определенном смысле я работал с Кеннеди и Джонсоном так же, как и с Генри Фордом II. Когда я брался за дело, они могли не беспокоиться. Им была известна моя лояльность и последовательность в осуществлении целей, которые всегда совпадали с целями президентов.

Оба они часто обращались ко мне за советами и помощью, когда речь шла о вопросах, не входящих в сферу компетенции министра обороны. Это усложняло мне жизнь.

Один такой случай произошел в ноябре. Мой сын Крэйг в течение трех лет играл в футбольной команде школы в Сент-Поле и считался лучшим полузащитником во всей Новой Англии, но Марджи и я ни разу не видели его в игре. Последний матч с его участием был назначен на ноябрьский уик-энд. Я упомянул об этом президенту, дав понять, что ненадолго отлучусь днем в субботу и вернусь в Вашингтон в воскресенье утром. Джонсон проворчал, что я «потрачу даром время», однако я воспринял его слова как знак согласия.

Как только в субботу днем мы с Марджи переступили порог отеля в Конкорде, штат Нью-Хэмпшир, где у нас был заказан номер, мне вручили послание. Меня просили срочно связаться с президентом. Набрав номер, я услышал его разгневанный возглас:

— Где вы?

Я терпеливо разъяснил, где я нахожусь и почему.

— Я хочу, чтобы вы сейчас же вернулись и добились снижения этих чертовых цен на алюминий, — гаркнул он.

Я ответил, что ничего не знаю о ценах на алюминий и, во всяком случае, у него для этого есть министр торговли.

— Что же, если для вас личное удовольствие значит больше благополучия президента и благосостояния вашей страны, — тут он сделал паузу, — то оставайтесь, где вы находитесь.

Я сказал:

— Я предлагаю вам такой вариант: сегодня мы с Марджи посмотрим матч, а завтра утром я уже буду в своем кабинете.

Он швырнул трубку.

Когда в воскресенье я прибыл в Пентагон, то сразу позвонил моему бывшему помощнику Джо Калифано в Белый дом и попросил его объяснить случившееся. Алюминиевые компании, предвидя повышение цен, взвинтили стоимость своей продукции. Президент боялся, что это приведет к инфляции по всей стране, и распорядился остановить повышение цен.

— Что мы можем сделать и как этого добиться? — спросил я Джо.

Мы обсудили данный вопрос, потратив на него час, если не два, и наконец нам пришла в голову мысль: правительство без явной необходимости продолжало хранить огромные запасы стратегических резервов сырьевых материалов, оставшихся со времен корейской войны, включая и алюминий. Почему бы не сказать алюминиевым компаниям, что мы собираемся выбросить на рынок часть этих резервов? Тогда цены, естественно, снизятся.

Я тут же позвонил Джону Харперу, президенту «Американской алюминиевой корпорации» (АЛКОВА):

— Джон, вы, республиканцы, в отличие от нас долго не могли справиться с проблемой дефицита. Мы наконец нашли способ, как это сделать, и я надеюсь, что вы нас поддержите. Мы планируем продать

часть правительственного алюминиевого запаса и перевести прибыль в бюджет.

— Ты сукин сын, — заявил он. — И хочешь нас шантажировать. Завтра утром я буду у тебя в кабинете.

В понедельник Джон вместе с Эдгаром Кайзером и своим адвокатом Ллойдом Катлером встретились с Джо и со мной. После долгого обсуждения мы выработали план, способный снизить цены, избавиться от части запасов и при этом не вызвать панику на рынке.

Трудно вообразить себе более запутанную, сложную и опасную ситуацию, чем та, которую во Вьетнаме унаследовал Джонсон. Лидер, сдерживавший центробежные силы Южного Вьетнама почти десять лет, только что оказался устранен в ходе переворота, противником которого был Джонсон. Никаких традиций национального единства в Южном Вьетнаме не существовало. Страну раздирали религиозная рознь и борьба политических группировок, политика была насквозь коррумпированной, и, наконец, усиливалась партизанская война повстанческих отрядов, которую поддерживал северный сосед. До гибели Зьема даже сторонники переворота надеялись на приход к власти лидеров, способных обеспечить стабильность в стране, хотя шансы на это в лучшем случае равнялись пятидесяти на пятьдесят. Но даже подобный прогноз оказался излишне оптимистическим: за первые девяносто дней правления Джонсона в Южном Вьетнаме сменилось два правительства, а в последующие девять месяцев — еще четыре.

Более того, при Кеннеди в Совете национальной безопасности, состав которого Джонсон не стал менять, наблюдались глубокие разногласия относительно будущего Южного Вьетнама. Его члены так и не смогли найти ответы на главные вопросы, с которыми пришлось столкнуться сначала Эйзенхауэру, а затем Кеннеди: будет ли представлять потеря Южного Вьетнама такую серьезную угрозу для безопасности США, что для противодействия этому нам следует идти на самые крайние меры? Какого рода действия мы должны предпринять в данном случае? Нужно ли использовать Военно-воздушные и Сухопутные силы США? Правомерно ли будет нападение на Северный Вьетнам? Существует ли риск войны с Китаем? Какой может быть наивысшая цена подобной программы с экономической, военной и чисто политической точек зрения? Можно ли рассчитывать на успех? Если шансы на успех невелики, а цена высока, то можно ли выбрать другие варианты, — естественно, после детального изучения и обсуждения, — например, предоставление Южному Вьетнаму статуса нейтрального государства или вывод войск?

Линдон Джонсон унаследовал наисложнейшие проблемы (хотя никто специально не знакомил его с ними во всех их аспектах), и унаследовал без готовых рецептов, как же решать их. Ответы на перечис-

ленные выше вопросы не были получены ни в годы его президентства, ни много лет спустя. Короче, Джонсон унаследовал массу тяжелейших проблем, куда более запутанных и таящих большую опасность, чем доставшиеся на долю Кеннеди, когда тот сменил Эйзенхауэра. Однажды вечером, вскоре после вступления в должность, Джонсон признался своему помощнику Биллу Мойерсу, что чувствует себя как «рыба, проглотившая наживку и попавшая на крючок»¹.

Вопреки распространенному мифу, Джонсон отнюдь не был некомпетентен во вьетнамских проблемах в начале своего президентства. Правда, он посетил эту страну лишь один раз, в мае 1961 года, и участвовал всего в нескольких заседаниях, посвященных данной теме в пору правления Кеннеди, но хорошо разбирался в проблемах и признавал свою ответственность за их решение. Характерно, что одним из его первых шагов на посту президента был созыв заседания 24 ноября с участием советников по Вьетнаму.

Некоторые могут возразить, что эта встреча была устроена исключительно по внутриполитическим соображениям. Через год ему предстояло принять участие в выборах, жизнь не стояла на месте, и он опасался, что если не проявит необходимой твердости и не выразит свою причастность к происходящим событиям, то республиканцы из правого крыла подвергнут его сокрушительной критике.

Я с этим не согласен. Конечно, он не мог не учитывать факторов внутриполитического характера и, разумеется, боялся показаться слабым, зная, к каким тяжелым последствиям это способно привести. И он боялся также разочаровать наших союзников в случае, если Соединенные Штаты не пожелают или не смогут выполнить обязательства по обеспечению безопасности. Но прежде всего Джонсон был убежден в том, что Советский Союз и Китай стремятся к установлению гегемонии. Он рассматривал захват коммунистами Южного Вьетнама как шаг к осуществлению подобной цели — подрыву нашей политики сдерживания — и считал своим долгом воспрепятствовать этому. Джонсон более точно и определенно, чем президент Кеннеди, чувствовал, что потеря Южного Вьетнама будет стоить нам дороже прямого применения Вооруженных сил США, и эта убежденность лежала в основе всех принятых им в последующие пять лет политических решений. Он не сумел осознать истинную политическую суть данной войны.

Двадцать четвертого ноября президент Джонсон дал ясно понять Лоджу, что хочет победить в войне и потому, по крайней мере на короткое время, отдаст предпочтение военным операциям, а не «так называемым» социальным реформам. Он считал, что Соединенные Штаты потратили слишком много времени и сил, пытаясь сформиро-

¹ *Moyers B. Flashbacks // Newsweek. 1975. February 10. P. 76*

вать уклад других стран по американскому образцу. «Выиграть войну!» — такой была его установка¹.

Но для этого требовалось прояснить ситуацию в американских представительствах в Сайгоне. Не секрет, что отношения между штатскими сотрудниками посольства и военным персоналом были весьма натянутыми: они постоянно ссорились, придерживались прямо противоположных взглядов и не скрывали взаимной враждебности. А президент нуждался в сильной команде, и за ее состав должен был отвечать Лодж.

Через два дня был принят Меморандум о национальной безопасности № 273, в котором излагались политические директивы нового президента. Стало ясно, что Джонсон продолжил политическую линию Кеннеди: оказывать содействие народу и правительству Южного Вьетнама в их борьбе против коммунистического заговора, направляемого и поддерживаемого извне, в виде помощи в военной подготовке без открытого и прямого применения Вооруженных сил США. Но Джонсон также одобрил поддержку ЦРУ южновьетнамских сил при проведении тайных операций против Северного Вьетнама. Впервые предложение об этом прозвучало еще на конференции в Гонолулу 20 ноября 1963 года и впоследствии стало известно как оперативный «План 34А»².

Через две недели президент попросил меня встретиться с ним и поговорить о Вьетнаме. Он прочел мне целую лекцию. Джонсон был убежден в том, что правительство США не сделало все возможное. Он попросил меня заехать в Сайгон по пути домой с заседания НАТО в Париже и посмотреть, что еще можно предпринять, а главное, выяснить, нужно ли расширять план тайных операций³.

Небольшая программа секретных акций включала в себя проникновение агентов на вражескую территорию, распространение пропагандистской литературы, сбор разведывательных данных и диверсии против Северного Вьетнама, совершавшиеся южновьетнамскими войсками под руководством и при поддержке США уже на протяжении нескольких месяцев. Однако ее эффективность не была и не могла быть высокой из-за созданной коммунистическим Ханоем жесткой системы контроля, куда входили и «блок-комитеты», действовавшие чуть ли

¹ См.: Memorandum for the Record of a Meeting, Executive Office Building. 1963. November 24 [Служебная записка о записи встречи в здании Исполнительного управления президента. 1963. 24 ноября] // FRUS. 1961–1963. Vol. 4. P. 635–637.

² См.: NSAM 273. 1963. November 26 [Меморандум о национальной безопасности № 273. 1963. 26 ноября] // Ibid. P. 637–640. Подробнее о «Плане 34А» см. ниже, в главе пятой.

³ См.: Memorandum of a Telephone Conversation Between the Secretary of State and the Secretary of Defense. 1963. December 7. 12:40 p. m. [Запись телефонного разговора между государственным секретарем и министром обороны. 1963. 7 декабря. 12 часов 40 минут] // Telegram from the Secretary of Defense to the Ambassador in Vietnam. 1963. December 12 [DIA SO-34783-63. Телеграмма министра обороны послу США во Вьетнаме. 1963. 12 декабря] // Ibid. P. 701–703.

не в каждой деревне и городе и фиксировавшие буквально все, что вызвало у них подозрение. Джонсон, собираясь нанести удар по Северному Вьетнаму без прямого участия армии США, искал пути повышения отдачи от этой программы.

В поездке меня сопровождал Билл Банди. Подобно своему младшему брату Маку, Билл унаследовал от отца Харви Х. Банди, долгое время помощника Генри Стимсона, незаурядный ум и цельность натуры. Так же, как и Джон Макнотон, а позднее — Пол Уорнке, сменивший Джона на посту заместителя министра обороны, отвечавшего за вопросы международной безопасности, Билл был одним из моих самых близких и доверенных советников по Вьетнаму.

По окончании заседания в Париже мы сели в аэропорту Орли в военный самолет с максимальной заправкой топлива, готовый к беспосадочному полету в Южный Вьетнам. Когда он вырулил на взлетную полосу, покрывшую плотным туманом, и заревели реактивные двигатели, предвещая скорый взлет, перед нами вдруг возник силуэт только что приземлившегося авиалайнера. Наш пилот капитан Саттон ударил по тормозам. Нас затрясло, и через несколько минут (они показались нам равными вечности) самолет резко остановился. Колеса и тормоза дымились. Мы выбрались из самолета через запасной выход. Блестящее мастерство капитана Саттона спасло нам жизнь, равно как и жизнь 150 пассажиров на борту самолета компании «Ти-дабл-ю-эй».

Во всех полученных мной к тому времени донесениях военной разведки говорилось, что мы достигли больших успехов во Вьетнаме. Но 13 декабря 1963 года я получил докладную записку от Разведывательного управления Министерства обороны (РУМО), в которой утверждалось, что, хотя Вьетконг не мог похвалиться за прошлый год особыми достижениями, он сохранил и даже усилил свою боеготовность. Там было сказано также, что, если армия Южного Вьетнама не проведет удачные операции, активность Вьетконга будет нарастать¹.

Мои встречи в Сайгоне 19–20 декабря подтвердили и даже усилили эту мрачную оценку. Стало понятно, что переворот против Зьема привел к тому, что политический вакуум заполнили честолюбивые офицеры южновьетнамской армии, преуспевшие в политическом маневрировании в Сайгоне, но отнюдь не на полях сражений. Также сделалось ясно, что прежние донесения о боевых успехах были в значительной степени сфальсифицированы из-за информации, которой южновьетнамские власти снабжали наших военных советников. После

¹ См.: Memorandum from the Director of the Defense Intelligence Agency to the Secretary of Defense. 1963. December 13 [Служебная записка директора Разведывательного управления Министерства обороны министру обороны. 1963. 13 декабря] // Ibid. P. 707–710.

нашего возвращения Джон Маккон доложил президенту: «Совершенно ясно, что статистические данные, полученные в прошлые годы от южновьетнамского правительства и переданные нам американской миссией, — то есть те самые данные, на основании которых мы судили о ходе войны, — в массе своей были полностью ложными»¹.

Во время наших сайгонских встреч Лодж и генерал Харкинс согласились с тем, что ресурсы, необходимые для ведения боевых действий Южным Вьетнамом, — а к ним причислялись и помощь в подготовке военнослужащих, и военные поставки, — имеются в достатке. Но они также были согласны и с тем, что в Южном Вьетнаме нет настоящего политического руководства. Однако и тот и другой полагали, что, хотя ситуация и остается серьезной, считать ее безнадежной нельзя.

В ответ на мои предыдущие запросы Харкинс и Лодж предложили для усиления позиции Южного Вьетнама расширить программу тайных операций. Впоследствии программа, уже в переработанном виде, была одобрена Комитетом-303 — межминистерской группой, отвечавшей за рассмотрение подобных планов и проектов. Следуя рекомендациям Дина, Мака, Маккона, а также моим, президент поддержал четырехмесячную программу действий, осуществление которой должно было начаться 1 февраля 1964 года. Мы ставили своей целью убедить Северный Вьетнам в том, что в его же интересах отказаться от агрессивных планов в отношении Южного Вьетнама. Теперь, глядя в прошлое, я понимаю, что мы руководствовались амбициозной до абсурда целью, никак не адекватной тем в целом малозначимым действиям, которые предпринимали мы для ее достижения. Неудивительно, что наши усилия в данном направлении не дали никакого результата².

По возвращении в Вашингтон 21 января я неоднократно встречался с журналистами, и мои ответы на их вопросы не отличались особой прямоотой. Возможно, правительственные чиновники вообще не способны на откровенность во время войны. Я не мог не думать о впечатлении, которое произведут мои горькие, обескураживающие замечания на тех, кого мы поддерживаем (южновьетнамцев), а также на противников (Вьетконг и Северный Вьетнам). Это глубокий и постоянно воз-

---

¹ John McCone letter to the President. 1963. December 23 [Письмо Джона Маккона президенту. 1963. 23 декабря] // Ibid. P. 737.

² См.: Memorandum for the Record by the Under Secretary of State for Political Affairs, Special Assistant. 1963. December 21 [Служебная записка о записи, представленная заместителем государственного секретаря по политическим вопросам, специальным помощником. 1963. 21 декабря] // Ibid. P. 728–731; Memorandum from the President's Special Assistant for National Security Affairs to the President. 1964. January 7 [Служебная записка специального помощника президента по вопросам национальной безопасности президенту. 1964. 7 января] // FRUS. 1964–1968. Vol. 1. P. 4–5.

никающий вопрос морального и этического звучания: могут ли высшие правительственные чиновники быть искренними в общении со своим народом в периоды войн и кризисов, не воодушевляя при этом противника и не помогая ему?

Во всяком случае в двух интервью, данных мной 21 декабря представителям печати, я сказал: «Мы ознакомились с результатами резко возросшей активности Вьетконга» (это правда). И тут же добавил: «Мы проанализировали планы южновьетнамцев, и у нас нет никаких оснований сомневаться в успешном претворении их в жизнь» (как минимум, преувеличение)¹.

Я был гораздо откровеннее и мрачнее, когда докладывал президенту. «Ситуация очень тревожная», — сказал я ему и предрек, что «если существующие ныне тенденции не изменятся в ближайшие два-три месяца, то они в лучшем случае могут привести к созданию нейтрального государства, скорее же всего — к установлению коммунистического контроля».

Я пояснил ему, что проблема заключается как в сменивших Зьема руководителях, так и в представительствах США. Южновьетнамские генералы не обнаружили способностей к политическому правлению, они беспрестанно ссорятся и не реагируют на военные успехи Вьетконга. Худшие опасения противников переворота, кажется, начали сбываться.

У представительств США нет единого руководства, их информационная база слаба, и они действуют каждое по себе, а не по общему плану. Я резко раскритиковал Лоджа за подобное положение дел. Он не сумел наладить контакт с Харкинсом и не показывал ему важные телеграммы из Вашингтона. Я заявил, что Лодж вообще не знает, как руководить тем сложным комплексом, который образуют различные американские службы в Южном Вьетнаме. И добавил, что Дин и Маккон согласны со мной. Мы все пытались ему помочь, но Лодж привык действовать самостоятельно и не слушал ничьих советов. Однако еще какое-то время Лодж оставался послом².

Вскоре после моего возвращения в Вашингтон президент получил докладную записку от лидера большинства в Сенате Майка Мэнсфилда (демократа от штата Монтана), рекомендовавшего Соединенным Штатам предоставить нейтралитет всей Юго-Восточной Азии. Это подразумевало как независимость стран данного региона от воен-

¹ См.: Remarks at the White House. 1963. December 21 [Заметки о Белом доме. 1963. 21 декабря] // PSRSM. 1963. Vol. 6. P. 2792.

² См.: Memorandum to the President. 1963. December 21 [Служебная записка президенту. 1963. 21 декабря] // FRUS. 1961–1963. Vol. 4. P. 732–735.

ной поддержки со стороны США, так и недопущение преобладания влияния Китая в любых возможных формах (например, в результате перемирия между воюющими государствами или урегулирования спорных вопросов). Президент поинтересовался, что думают по этому поводу Дин, Мак и я¹.

Мы единодушно заявили, что план Мэнсфилда приведет к потере Южного Вьетнама и установлению над ним коммунистического контроля с крайне тяжелыми и серьезными последствиями для Соединенных Штатов и Запада. Я выразил мнение, широко распространенное в ту пору среди высших военных и гражданских чинов США:

В Юго-Восточной Азии Лаос, по всей вероятности, окажется в подчинении у Северного Вьетнама, Камбоджа сможет сохранить фасад нейтрального государства, но фактически смирится с преобладающим влиянием коммунистического Китая, положение Таиланда станет весьма неустойчивым, равно как и Малайзии, на которую и так постоянно давит Индонезия. Даже Бирма увидит в подобных изменениях в ситуации свидетельство того, что регион полностью переходит под контроль коммунистов (что серьезно скажется и на безопасности Индии).

В действительности «нейтральная» Юго-Восточная Азия едва ли способна существовать при таком раскладе сил и развитии основных тенденций даже в том случае, если США постараются сохранить прочные позиции в Таиланде, Малайзия проявит нужную твердость, а находящиеся в стороне от борьбы государства, такие, например, как Франция, поддержат идею «нейтралитета».

И для Азии, и для других регионов мира, где угроза коммунистического контроля вполне реальна, Южный Вьетнам является своего рода «пробным камнем» на твердость США и их способность противостоять «национально-освободительным войнам». Соответственно, в той же Азии, — и свидетельством тому, например, Япония, — отступление США и распространение коммунистического влияния существенно подрывают доверие к нашей стране. А если посмотреть пошире, то становится очевидно, что любая страна, которой в будущем может угрожать завоевание коммунистами, усомнится в правильности нашей позиции. Это относится даже к теоретически дальним регионам вроде Латинской Америки².

Я привел обширные выдержки из моей докладной по двум причинам: во-первых, я желал показать, сколь ограниченными и поверхност-

---

¹ См.: Memorandum from Sen. Mike Mansfield to the President. 1964. January 6 [Служебная записка сенатора Майка Мэнсфилда президенту. 1964. 6 января] // FRUS. 1964–1968. Vol. 1. P. 2–3; Memorandum from the President's Special Assistant for National Security Affairs to the President. 1964. January 9 [Служебная записка специального помощника президента по вопросам национальной безопасности президенту. 1964. 9 января] // Ibid. P. 8–9.

² Memorandum to the President. 1964. January 7 [Служебная записка президенту. 1964. 7 января] // Ibid. P. 12–13.

ными были наш анализ и обсуждение альтернатив тогдашней политике США во Вьетнаме — нейтралитет или вывод войск, и, во-вторых, мне также хотелось проиллюстрировать тот факт, что в представленном президенту Джонсону материале последствия потери Юго-Восточной Азии для США и безопасности Запада рассматривались более глубоко и подробнее, чем когда-либо раньше.

Моя точка зрения совпала с мнением президента: он и прежде воспринимал события именно так. В ближайшие месяцы провал нашей стратегии подготовки южновьетнамской армии сделался очевиден, и мы постепенно и почти неосознанно начали склоняться к одобрению использования Вооруженных сил США непосредственно в боевых операциях. Причиной изменений в нашем умонастроении стал растущий страх — преувеличенный, как показали прошедшие годы, — относительно того, что может случиться, если мы не применим силу. Однако мы так ни разу и не обсудили со всеми подробностями, какие именно войска США понадобятся в Южном Вьетнаме, каковы наши шансы на успех и какой будет политическая, военная, финансовая и выраженная в человеческих жизнях цена предпринятых нами действий. В сущности, основные вопросы так и остались без внимания.

Мы начали спускаться вниз со скользкого склона, и это было трагедией.

Комитет начальников штабов в адресованной мне докладной записке от 22 января 1964 года предложил принять более решительные меры. Авторы записки утверждали, что президент в Меморандуме о национальной безопасности № 273 поставил своей целью «добиться победы в Южном Вьетнаме». На самом деле он не ставил такой цели и не стремился к победе любой ценой, за счет множества человеческих жертв.

Далее военное руководство заявило, что, «по мнению Комитета начальников штабов, для достижения победы Соединенные Штаты должны быть готовы к отказу от множества ограничений, установленных нами же самими: они сковывают наши действия, тогда как нам нужно проводить гораздо более широкие акции, пусть и сопряженные с немалым риском»¹. Но какую цену должны мы будем заплатить за это, и каковы наши шансы на успех? Ни в этой докладной, ни в тех меморандумах, которые я получал в последующие четыре года, не содержалось ответов на столь важные с военной точки зрения вопросы.

Я критиковал президента, его советников, самого себя и также КНШ за подобное пренебрежение. Нашей задачей было добиться ответов. Но мы не проявили должной настойчивости. А руководство

---

¹ JCS Memorandum 46-64 to the Secretary of Defense. 1964. January 22 [Меморандум КНШ 46-64 министру обороны. 1964. 22 января] // PP. Vol. 3. P. 496–499.

Комитета начальников штабов не проявило должной инициативы. Генерал Брюс Палмер-младший, который в 1967 году командовал корпусом во Вьетнаме, а позднее, в 1968 году, стал заместителем начальника штаба Армии, спустя несколько лет писал: «Во время войны КНШ [Комитет начальников штабов] не раз докладывал главнокомандующему и министру обороны, что выбранная стратегия скорее всего обречена на провал и США не смогут достичь намеченных целей»¹. Я считаю это важным критическим замечанием, но мы — гражданские руководители этих военных — допускали к тому же и тот серьезный просчет, что не реагировали в должной мере на подобного рода оценки.

Почему мы не задавали никому всех этих вопросов и не требовали ответить на них? Я еще вернусь к данной теме и подробно напишу обо всем, а сейчас лишь упомяну, что наше поражение отчасти было связано с тем, что мы уделяли никак не меньшее внимание другим международным проблемам. Нестабильное положение в Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке, сохраняющаяся советская угроза Европе — все это требовало и времени и забот. У нас не имелось особой команды из высококлассных специалистов, которая занималась бы исключительно Вьетнамом, поэтому кризисная обстановка в этом районе стала не главной темой для каждого из ведущих политиков и военных, имевших отношение к данной проблематике, а лишь одной из многих. Ставя перед собой какие-то задачи, мы не проявляли должной гибкости. И наконец, нам не удалось осмыслить до конца, что же действительно поставлено на карту. Мы постоянно торопились, были перегружены делами и двигались только по одной выбранной нами дороге. Нам хотелось идти по ней все дальше и дальше, и мы так ни разу и не остановились, чтобы посмотреть, а нет ли и других путей, ведущих к нашей цели.

Представители Комитета начальников штабов также утверждали в своей докладной, что «мы и южновьетнамцы воюем по правилам, навязанным противником», и «вынуждены подчиняться своим же собственным ограничениям». Именно поэтому мы «ведем войну в границах территории Южного Вьетнама» и «не можем прямо использовать регулярные Вооруженные силы США». В сущности, рекомендации руководства КНШ сводились к расширению боевых операций, включая бомбардировки авиацией США Северного Вьетнама и переход от подготовки южновьетнамцев к военным действиям как в Южном, так и в Северном Вьетнаме с участием регулярных сил США. Предложения военных означали революционное изменение американской политики. Рекомендации занимали всего две с половиной страницы, и в них

---

¹ *Palmer B., Jr. The Twenty-five-year War: America's Military Role in Vietnam. Lexington: University Press of Kentucky, 1984. P. 46.*

практически отсутствовали и анализ, и рациональное обоснование позиции КНШ¹.

Руководство Комитета начальников штабов попросило меня обсудить их докладную с государственным секретарем, что я и сделал. Потом мы вкратце доложили о ней президенту. Он поручил КНШ четко сформулировать свои предложения. Комитет работал над ними в течение последующего месяца. Предпочтение было им отдано планам бомбардировок «тропы Хо Ши Мина» (целой сети путей снабжения в джунглях, по которым в Южный Вьетнам через Лаос и Камбоджу поступало снаряжение из Северного Вьетнама), а также военных и промышленных объектов Северного Вьетнама. Представители КНШ считали «маловероятным, что китайские коммунисты перебросят в ДРВ (Демократическую Республику Вьетнам (Северный Вьетнам)) значительное число сухопутных формирований». Они также сомневались в том, что Москва предпримет действия, «способные, по мнению СССР, сделать более реальной угрозу ядерной войны»².

Мысль о возможности ядерной войны, которую американские военные отнюдь не исключали, говоря о планах боевых операций США во Вьетнаме, никогда не приходила мне в голову. Но начиная с того момента — и в последующие четыре года — я был полон решимости уменьшить риск того, что военные действия США в Индокитае приведут к столкновению китайских или советских сухопутных или военно-воздушных сил с Соединенными Штатами с применением обычного или ядерного оружия как в Азии, так и в другом каком-нибудь регионе. Президент Джонсон придерживался того же мнения. Именно эти опасения, наряду с другими причинами, заставили нас отвергнуть рекомендации военных об усилении бомбардировок и расширении сферы наземных боевых операций. Замечу, что эти рекомендации часто повторялись и в дальнейшие четыре года.

Как мы увидим, ни один факт ни тогда, ни потом так и не убедил нас в том, что согласие с расширением масштабов операций, рекомендованным военными, предотвратило бы поражение Южного Вьетнама. Президент одобрил другой, более умеренный план военных действий. Расширение же операций, несомненно, привело бы к большим человеческим потерям как в войсках США, так и в южновьетнамской армии.

Я коснулся этих вопросов 7 февраля 1964 года, докладывая о развитии событий во Вьетнаме на слушаниях в Подкомитете по ассигнованиям на оборону Палаты представителей. Конгрессмен Гарри Шепард, демократ от штата Калифорния, сказал: «Благодарю вас за откровенность, господин министр, но, сидя здесь и анализируя ваше заявление, я обнаружил в нем следующие строки: “Я не вижу никакой

¹ См. примеч. 1 на с. 136.

² JCS Memorandum 174-64 to the Secretary of Defense. 1964. March 2 [Меморандум КНШ 174-64 министру обороны. 1964. 2 марта] // FRUS. 1964–1968. Vol. 1. P. 112–118.

альтернативы, кроме принятия всех необходимых мер для недопущения победы коммунистов»». Он заметил, что прежде я сводил нашу политику к ограниченной подготовке южновьетнамцев и военным поставкам, а сейчас утверждаю, будто мы должны принять «все необходимые меры». Что я в действительности имею в виду?

Я немного помолчал, а потом ответил (явно подразумевая текущие события): «Военным путем невозможно решить все проблемы во Вьетнаме, так же как, впрочем, и во многих других регионах». Далее я сказал: «Война, которая сейчас идет во Вьетнаме, может быть выиграна лишь самим южновьетнамским народом. Среди тех факторов, которые необходимы для победы в подобной войне, следует назвать *сильное, стабильное и эффективно действующее правительство, пользующееся полным доверием и поддержкой народа*» (выделено мною. — Р. М.). Завершил свой ответ я следующими словами: «Я был бы неискренен, не сказав вам об озабоченности правительства целым рядом вопросов, которые мы не способны решить». Я часто повторял эту мысль на заседаниях Конгресса, развивал ее в беседах с журналистами и в выступлениях на слушаниях в сенатском Комитете по ассигнованию 22 июля 1964 года, где я, в частности, заметил: «Главная проблема Южного Вьетнама — не военная. Главное — это политическая и экономическая проблема. Если мы не добьемся политической и экономической стабильности в стране, то и военным путем ничего не решим»¹.

Однако под давлением обстоятельств, не представляя себе ясно, куда наши действия могут нас завести, мы начали менять курс. 21 февраля президент сообщил Лоджу, что «министры Раск и Макнамара с моего одобрения уже готовят особые планы оказания как дипломатического, так и военного давления на Северный Вьетнам». Он добавил, что в начале марта я прибуду в Сайгон, чтобы выяснить мнение Лоджа, после чего «мы примем конкретные решения»².

В тот же день я обратился в Комитет начальников штабов и попросил оценить ряд действий против Северного Вьетнама, призванных «заставить его правительство прекратить поддержку и поощрение повстанцев в Южном Вьетнаме и... Лаосе». Я задал вопрос, какими могут быть ответные действия Китая в Индокитае, Таиланде, Южной Корее или на Тайване и какие в этом случае потребуются действия Вооруженных сил США в воздухе, на море и на суше. Принимая во

¹ Hearings Before House Appropriations Committee. Defense Appropriations Subcommittee. 1964. February 17 [Слушания в Подкомитете по ассигнованиям на оборону, Комитет по ассигнованиям, Палата представителей. 1964. 17 февраля] // PSRSM. 1964. Vol. 2. P. 698; Hearings Before Senate Appropriations Committee. 1964. July 22 [Слушания в Комитете по ассигнованиям, Сенат. 1964. 22 июля] // Ibid. Vol. 3. P. 1423.

² Deptel 1281. President to Lodge. 1964. February 21 [Телеграмма Государственного департамента № 1281. Президент — Лоджу. 1964. 21 февраля] // FRUS. 1964—1968. Vol. 1. P. 96.

внимание важность и сложность этих вопросов и допуская, что в будущем нам периодически придется с ними сталкиваться, я предложил руководству КНШ регулярно устраивать заседания для их обсуждения¹.

Представители КНШ ответили мне 2 марта пространным меморандумом. В нем они подтвердили свое мнение о том, что «предотвращение потери Южного Вьетнама исключительно важно для обеспечения безопасности Соединенных Штатов». Для достижения этой цели мы должны, по их мнению, быть готовы разрушить промышленные и военные объекты Северного Вьетнама, минировать его порты и организовать морскую блокаду. Они признавали, что Китай может решиться на вооруженное вторжение в ответ на эти действия, и считали, что неядерный ответ США, возможно, и не остановит Китай. Они добавляли, что «ядерные удары, вполне вероятно», могли бы это сделать, но даже в подобном случае не гарантировали, что предложенная ими программа предотвратит поражение Южного Вьетнама².

Было ясно: представители КНШ сознавали, что их программа приведет к изменению политики США, в частности в отношении возможного использования ядерного оружия, и тем не менее настаивали на ее принятии.

Как раз в те месяцы ситуация в Южном Вьетнаме изо дня в день ухудшалась. Военная хунта, пришедшая к власти после переворота, практически ничего не делала, чтобы изменить положение. 29 января 1964 года группа молодых офицеров во главе с генералом Нгуен Кханем свергла расколотое, бездейственное правительство. Вашингтон не поощрял этот переворот, но и не препятствовал ему. В сущности, постоянный хаос лишь усугубил растущее беспокойство президента Джонсона, заставив его думать, что дальнейшая политическая нестабильность сведет на нет все военные усилия. Поэтому он считал, что мы должны сделать Кханя «своим парнем».

Невысокий, с пронзительным взглядом и козлиной бородкой, часто появлявшийся в красном берете, Нгуен Кхань показался мне красноречивым, решительным, предприимчивым, хитрым и крайне честолюбивым человеком. Ему было всего тридцать семь лет. Он прошел военную подготовку в США в Форт-Левенуорте, а позднее стал командиром дивизии и затем — корпуса. Кхань обладал разносторонним военным опытом, но плохо разбирался и в политических, и в экономических вопросах. Несмотря на эти изъяны, многие американцы, и не только они, например, англичанин Роберт Томпсон, считали его наиболее способным из южновьетнамских генералов.

¹ См.: Memorandum to the Chairman of the Joint Chiefs of Staff. 1964. February 21 [Служебная записка председателю КНШ. 1964. 21 февраля] // Ibid. P. 97–99.

² См. примеч. 2 на с. 138.

Перед нашим вылетом в Сайгон президент пригласил Макса и меня в Белый дом. На прощание он дал нам указания, заявив:

— Боб, я хочу увидеть тысячи фотографий, на которых ты и генерал Кхань будете улыбаться и махать руками, демонстрируя окружающим, что наша страна полностью поддерживает Кханя.

Пожелание президента осуществилось. Меня страшно смущало, что в эти несколько дней в середине марта американцы видели мои фотографии в газетах и смотрели по телевидению хронику с моим участием. Я был очень похож там на разрекламированного политика, как вихрь пронесшегося по всему Южному Вьетнаму от дельты Меконга до Гуэ. Я стоял плечом к плечу с маленьким, крепко сбитым, энергичным генералом Кханем перед толпами вьетнамцев и как бы представлял его собственному народу. И поскольку мы до сих пор не распознали националистической сущности борьбы Северного Вьетнама и Вьетконга, то не поняли и того, что совместное появление на людях Кханя и американца могло лишь окончательно убедить многих вьетнамцев в зависимости их правительства от Соединенных Штатов, а не от народной поддержки.

Я был сдержан и избегал разговоров о наших успехах. Когда самолет сделал посадку на Гавайях для дозаправки горючим, журналист спросил меня:

— Вчера вы сказали, что во Вьетнаме сложилось тяжелое положение и вы настроены мрачно. Это верно?

Я ответил:

— Да, я так думаю. Как я уже докладывал... в октябре, а затем в декабре, ситуация серьезная... За эти три месяца сменились три правительства... Вьетконг пытается использовать перемены в своих целях. Он значительно чаще стал совершать нападения и другие враждебные террористические акции. Ситуация серьезная¹.

Вернувшись в Вашингтон через четыре дня, 16 марта, я доложил президенту, что положение в Южном Вьетнаме после переворота, бесспорно, ухудшилось. Ослабление позиций правительства за последний месяц стало особенно заметным. Поддержка повстанцев со стороны Северного Вьетнама продолжает нарастать, но тревожнее всего, что политический курс правительства Кханя остается крайне неопределенным. Поездка по стране убедила меня в том, что у Кханя нет широкой или глубокой поддержки, — я почувствовал это, не зная языка, просто по равнодушному выражению лиц многих крестьян. Более того, его контроль над армией вызывает сомнения.

Я вновь обсудил альтернативные варианты действий. Уход казался неприемлемым из-за «эффекта падающего домино». К этому выводу

¹ Remarks to the Press. Hickam Air Force Base. Hawaii. 1964. March 9 [Замечания для прессы. Авиабазы Хикэм. Гавайи. 1964. 9 марта] // PSRSM. 1964. Vol. 3. P. 970.

мы приходили уже не раз, и идея не получала поддержки. Я также обсудил и возможность предоставления нейтрального статуса, заключив, что подход де Голля приведет к захвату Южного Вьетнама коммунистами со столь же опасными последствиями для безопасности Запада, что и уход США. Никто из присутствующих не задал мне вопроса: если де Голль, который потеряет столько же, сколько и мы, от такого «удара» для Запада, готов согласиться с предоставлением нейтрального статуса, то почему этого не можем сделать мы?

Возможно, публичные заявления французского президента о нейтралитете были попросту несерьезны и бессодержательны. Через несколько недель после моего разговора с Джонсоном французский министр иностранных дел Морис Кув де Мюрвиль признался Дину Раску, что у Парижа нет какого-то особого плана предоставления нейтралитета. Он заявил, что Франция не хотела бы, чтобы Южный Вьетнам оказался в коммунистическом лагере¹. Но мы как минимум должны были оказать давление на де Голля, чтобы он попытался достичь заявленной им цели. Мы же этого не сделали.

Я также доложил президенту, что предложение руководства КНШ о бомбардировках Северного Вьетнама обсуждалось достаточно долго и подробно. Мы прекрасно понимали, что ни риск китайского вторжения, ни возможность нанесения воздушных ударов не уменьшат решимости Севера продолжать поддержку повстанцев на Юге и не сломят воли северовьетнамцев. Но, поскольку никакого лучшего варианта не существовало, большинство собравшихся на встрече в Сайгоне одобрило эти бомбардировки! Именно такая отчаянная и бессмысленная энергия предопределила нашу вьетнамскую политику на будущее. Имеющаяся информация и проведенный анализ свидетельствовали, что бомбардировки не сработают, но у нас было столь сильное желание сделать хоть что-нибудь, чтобы остановить коммунистов, и эти отрезвляющие сообщения часто попросту игнорировались.

Вопреки мнению большинства участников встречи в Сайгоне, я рекомендовал воздержаться от начала воздушной операции. Я указал, что Кхань согласен с моим решением и, по его словам, у Южного Вьетнама не хватит сил для сопротивления северовьетнамцам. И хотя я не советовал расширять военное вмешательство США, разработка плана американских бомбардировок Севера получила все же мое одобрение. Однако мы даже не обсуждали возможность использования Сухопутных сил США².

¹ См.: Summary Record of the 528th Meeting of the National Security Council. 1964. April 22 [Отчет о 528-м заседании Совета национальной безопасности. 1964. 22 апреля] // FRUS. 1964–1968. Vol. 1. P. 258.

² См.: Memorandum to the President. 1964. March 16 [Служебная записка президенту. 1964. 16 марта] // Ibid. P. 153–167.

Я изложил эти рекомендации президенту с согласия сопровождавших меня военных и гражданских деятелей, в том числе Макса Тэйлора, Джона Маккона и Билла Банди. Тем не менее, когда военные высказали свою точку зрения, командующий корпусом морской пехоты генерал Уоллес Грин и начальник штаба ВВС генерал Кертис Лимэй выступили против моего доклада. Грин считал, что, если мы должны остаться и добиваться победы в Южном Вьетнаме, цель может быть достигнута только за счет полной концентрации мощи Соединенных Штатов (что он конкретно имел в виду, он не пояснил). Лимэй полагал, что тыловые объекты и пути, которые используют Северный Вьетнам и Вьетконг в Лаосе и Камбодже, нужно разбомбить. Дин согласился с моими рекомендациями, и президент одобрил их¹.

Другие военные, помимо Грина и Лимэя, резко критиковали мои предложения не начинать бомбардировки немедленно. Эти критики считали, что нежелание президента бомбить Север связано с его стремлением избежать внутриполитического кризиса накануне выборов².

В 1964 году, когда Линдон Джонсон вступил в предвыборную борьбу, многие считали, что он решал каждый вопрос с учетом политической целесообразности. Но я так не думал. И я не считаю, будто этим можно объяснить, почему он выступил против бомбардировок Северного Вьетнама. Кхань и сам в то время выступал против них. И я выступал против них, потому что всеми силами хотел избежать риска возможного столкновения с Китаем и/или с Советским Союзом. Каждый президент должным образом учитывает проблемы внутренней политики, но я не думаю, что это было причиной ошибок во Вьетнаме, которые мы совершили.

Двадцать шестого марта 1964 года я по просьбе президента выступил на торжественном обеде в Вашингтоне по случаю вручения государственных наград и разъяснил нашу позицию по Вьетнаму американской общественности. А за день до этого, так уж совпало, предсе-

¹ Высказывания генерала Грина содержатся в JCS 2343/346-1, March 17, 1964, генерала Лимэя — в CSAFM-263-64 to JCS, March 14, 1964, и они же приводятся в: Historical Division, Joint Secretariat, Joint Chiefs of Staff. History of the Joint Chiefs of Staff: The Joint Chiefs of Staff and the War in Vietnam, 1960—1968 (далее — HJCS). 1970. Pt. 1. Ch. 9. P. 18—19. — Я благодарю секретариат Отдела истории Министерства обороны США за предоставление мне ранее недоступных материалов, а Отдел истории Комитета начальников штабов — за снятие грифа секретности со значительной части этих документов, с тем чтобы я мог использовать их в своей книге.

² См.: Memorandum from Michael V. Forrestal to the President's Special Assistant for National Security Affairs. 1964. March 18 [Служебная записка Майкла В. Форрестала специальному помощнику президента по вопросам национальной безопасности. 1964. 18 марта] // FRUS. 1964—1968. Vol. 1. P. 174—175.

датель сенатского Комитета по международным отношениям Уильям Фулбрайт, впоследствии один из наших самых красноречивых критиков, тоже произнес в Сенате весьма важную речь на тему «Старые мифы и новые реалии», в которой изложил мнение по Вьетнаму, близкое моему. Коснувшись проблемы переговоров, Фулбрайт сказал:

— Трудно представить себе, что переговоры при нынешнем военном положении способны привести к прекращению войны на условиях сохранения независимости Южного Вьетнама.

Далее он добавил:

Ясно, что в ближайшем будущем у нас окажутся лишь два реалистических решения: расширение конфликта тем или иным путем и новые попытки направить все усилия Южного Вьетнама к продолжению успешного ведения войны в нынешних масштабах. Вопрос нуждается в обстоятельном исследовании высшими представителями исполнительной ветви власти, и до того момента, пока они не оценят последствия и осуществимость предложенных решений, мы, как мне кажется, должны поддерживать правительство Южного Вьетнама и его армию наиболее эффективным образом. Какие бы решения ни принимались, всем должно стать ясно, что Соединенные Штаты будут по-прежнему верны своим обязательствам и исполнят свой долг в отношении Вьетнама¹.

Что же касается моей речи, то в ней было несколько откровенных описаний ситуации, сложившейся во Вьетнаме. Я указал, что «положение в Южном Вьетнаме, бесспорно, ухудшилось <...> Картина с трудом поддается оценке. А из-за рельефа местности и характера войны информация часто бывает или недоступной, или недостоверной. Значительная поддержка местным населением действий Вьетконга означает, что решения должны быть не только военными, но и политическими и экономическими. <...> Наша дорога во Вьетнаме, очевидно, будет долгой и трудной». Все правильно. Но затем я представил несколько альтернативных решений, уже доложенных мной ранее президенту, и слушатели могли подумать, что у меня нет ответов на наши проблемы. Более того, я заявил:

Интересы коммунистического Китая ясны. Он во всеуслышание обвинил Москву в предательстве революционных принципов, в то время как Советский Союз ограничился предупреждением. Китай называет Соединенные Штаты «бумажным тигром» и настаивает на продолжении революционной борьбы за «освобождение и объединение Вьетнама». Он говорит, что такой борьбой можно руководить без риска, ибо Свободный Мир способен обеспечить как надежное ядерное прикрытие, так и обычную защиту. Кажется, Пекин полагает, что у него появился шанс продемонстрировать новую стратегию, используя Вьетнам в качестве пробного камня. Успехи во Вьетнаме будут рассматриваться Пекином

¹ Congressional Record. Vol. 110. P. 6227—6232.

как доказательство правоты взглядов Китая на ведущуюся во всем мире идеологическую борьбу¹.

Мы не узнаем, верны или ложны были мои суждения о геополитических целях Китая, до тех пор, пока Пекин не откроет свои архивы с материалами о событиях этого периода. Но тогда я высказал взгляды, разделявшиеся моими главными помощниками, как военными, так и гражданскими, за одним исключением: мой личный помощник Адам Ярмолински, хотя и не являлся экспертом по Китаю, считал, что наша оценка ситуации неверна. Это наглядно продемонстрировало существование сложной проблемы, о которой я уже упоминал ранее: правительственным чиновникам высшего ранга нужна была помощь специалистов, или экспертов, когда они принимали решения по вопросам, в которых не были сведущи. Если бы вокруг нас имелось больше экспертов по Азии, возможно, мы не судили бы столь упрощенно о Китае и о Вьетнаме. Мы могли в должной мере следовать указаниям экспертов во время кубинского «ракетного» кризиса, мы обладали достаточной информацией о положении дел в Советском Союзе, но данных о Юго-Восточной Азии нам явно не хватало.

Через несколько дней корреспондент телекомпании «Эн-би-си» Питер Хакис взял у меня интервью в моем кабинете в Пентагоне. Перед тем как уйти, он спросил:

— При каких условиях наша страна смогла бы рискнуть и решила бы поддержать вторжение в Северный Вьетнам?

Я ответил ему, что одно из предложений, о котором мы с Максом докладывали президенту по возвращении из Южного Вьетнама, заключалось в следующем: «Речь должна идти о намерении развернуть военные действия вне территории Южного Вьетнама и, в частности, против Северного Вьетнама». В заключение я сказал: «Какие бы действия ни предпринимались против нас другой стороной, следует думать о подкреплении южновьетнамской армии, а не о ее подмене в самом Южном Вьетнаме»².

Я воспринял свое заявление как предупредительный сигнал и продолжал размышлять обо всех опасностях, подстерегающих нас в будущем.

Как раз в то время, в апреле 1964 года, генерал Кхань изменил свое мнение и открыто заговорил о нападении на Северный Вьетнам. Устав-

---

¹ Speech before the James Forrestal Memorial Award Dinner of the National Security Industrial Association, Sheraton Park Hotel, Washington, D. C. 1964. March 26 [Речь на торжественном обеде Промышленной ассоциации национальной безопасности по случаю вручения памятных наград Джеймса Форрестала в гостинице «Шератон-Парк», Вашингтон, округ Колумбия. 1964. 26 марта].

² Interview with Peter Hackes, NBC-TV [Интервью с Питером Хакисом, «Эн-би-си»-ТВ] // Sunday Show. 1964. March 29.

ший от затяжной и утомительной войны, раздосадованный отсутствием успехов на Юге и постоянным вторжением Ханоя, Кхань, очевидно, начал искать выход на Севере. На встрече с Лоджем 4 мая он предложил пригрозить Северному Вьетнаму и предупредить его, что любое новое вторжение в Южный Вьетнам не останется безнаказанным. Его особо интересовало, готовы ли Соединенные Штаты бомбить Северный Вьетнам. Президент предложил мне остановиться в Сайгоне по возвращении с встречи с западногерманскими лидерами в Бонне и вместе с Максом, Лоджем, Харкинсом и Кханем еще раз обсудить этот вопрос.

Я встретился с Кханем в Сайгоне 13 мая. Он сказал, что после моего последнего, мартовского, визита его взгляды изменились. Программа тайных операций против Северного Вьетнама, известная как «План 34А», оказалась неэффективной и ее вряд ли возможно как-либо улучшить (с чем я был согласен). В полном противоречии со своим мартовским заявлением Кхань утверждал, что, поскольку на Юге у него в данный момент недостаточно сил и нет надежной опоры, имеет смысл немедленно начать наступление на Север. Это куда разумней, чем выжидать, пока ситуация на Юге изменится в лучшую сторону¹.

Но перед моим отъездом из Сайгона Кхань внезапно снова изменил свое мнение. Теперь он сказал мне, что не хотел бы приступать к бомбардировкам Северного Вьетнама в ближайшие дни, поскольку не готов использовать для этого южновьетнамские боевые самолеты, а призывать на помощь американскую военную авиацию не желает.

Лодж был категорически не согласен с ним. Ему хотелось поскорее обрушить удар на Север, перекрыть тем самым пути на Юг, используемые для передвижения повстанческих групп и транспортировки поставок, и сломить волю Ханоя к продолжению войны. Лодж также отметил, что очередной переворот может привести к свержению Кханя. В таком случае США «должны быть готовы к переброске войск в страну, возможно, через Камранский залив». Я с трудом мог поверить тому, что услышал. Но я не дал президенту никаких советов по предотвращению нового переворота и не сказал, что ему следует делать, если таковой все же произойдет².

В этой обстановке неопределенности и смятения я сделал необдуманное заявление, которое до сих пор не дает мне покоя. На пресс-конференции в Пентагоне 24 апреля состоялся такой обмен репликами:

Журналист. Господин министр, сенатор [Уэйн] Морзе [демократ от штата Орегон] называет происходящее «войной Макнамары». Как вы к этому относитесь?

¹ См.: Embtel 2203. Lodge to Rusk. 1964. May 14 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 2203. Лодж — Раску. 1964. 14 мая] // FRUS. 1964—1968. Vol. 1. P. 315—321.

² См.: Notes for Report to the President. 1964. May 14 [Заметки для доклада президенту. 1964. 14 мая] // Ibid. P. 322—327.

Макнамара. ...Это война правительства Соединенных Штатов. Я провожу в жизнь политику президента и тесно сотрудничаю с государственным секретарем. Я должен сказать, что [в этом смысле] не стану возражать против определения «война Макнамары». Я думаю, что это очень важная война, и доволен, когда меня отождествляют с ней. Я буду делать все возможное для победы¹.

На самом деле я пытался сказать, что чувствую свою ответственность и готов защищать национальные интересы в этом весьма значительном и серьезном конфликте. Когда сообщения о войне передаются южновьетнамцами в сфальсифицированном виде и по-разному воспринимаются американскими военными и политиками в Сайгоне и в Вашингтоне, президент и я считаем нужным, чтобы один из его ближайших помощников бывал во Вьетнаме раз в месяц или в два и регулярно докладывал о ситуации ему, Совету национальной безопасности и американскому народу — в последнем случае с помощью прессы. Эту роль выпало играть мне. В результате я стал ассоциироваться в общественном мнении с войной в большей степени, чем кто-либо из высокопоставленных вашингтонских чиновников. Таковы были факты, и я не пытался их отрицать. В другом правительстве это могло быть другое официальное лицо. Но в этой администрации им был я.

Пятнадцатого мая 1964 года ЦРУ представило специальный разведывательный обзор по Вьетнаму Дину, Маку и мне. В нем сообщались мрачные новости:

Общая ситуация в Южном Вьетнаме остается крайне неустойчивой. Хотя достигнуто некоторое улучшение военной ситуации в Южном Вьетнаме, давление со стороны Вьетконга продолжает подрывать авторитет правительства во всей стране, уменьшать значение программ США и Южного Вьетнама и угнетающе воздействовать на моральное состояние южновьетнамцев. Мы не видим признаков изменения этих тенденций в благоприятную для нас сторону. Если подобное ухудшение обстановки не будет приостановлено до конца года, то позиции антикоммунистических сил в Южном Вьетнаме, по всей вероятности, станут весьма уязвимыми².

У нас не было плана, способного «приостановить ухудшение обстановки». Но через несколько дней мы утвердили четырехмесячную

¹ News Conference The Pentagon 1964. April 24 [Пресс-конференция Пентагон 1964 24 апреля] // PSRSM 1964 Vol 3 P 1210

² Memorandum prepared by Directorate of Intelligence, Central Intelligence Agency 1964. May 15 [Меморандум, подготовленный Разведывательным директором ЦРУ. 1964. 15 мая] // FRUS. 1964—1968. Vol. 1. P. 336.

программу расширения тайных операций, которая должна была действовать до 31 мая. Хотя руководство согласилось с тем, что оперативный «План 34А» не дал особых результатов, оно все же полагало: потенциал программы остается «достаточно высоким». Однако и впоследствии она оказалась столь же неэффективной и, возможно, спровоцировала к тому же нападение Северного Вьетнама на американские суда в Тонкинском заливе¹.

Ознакомившись с неутешительными оценками ЦРУ и настоятельными рекомендациями военного руководства, президент попросил Государственный департамент и Министерство обороны подготовить комплексный политико-военный план поэтапных действий против Северного Вьетнама. Согласно данному плану, Государственный департамент представил проект резолюции о расширении сферы военных действий США в Индокитае. Этот проект был направлен в Конгресс для оценки и последующего утверждения.

Такова была предыстория резолюции о событиях в Тонкинском заливе. В ней отразилась позиция президента Джонсона, неоднократно высказывавшаяся им: если события заставят нас расширить военные действия, мы должны избежать ошибки, сделанной президентом Трумэном в Корее, — проведения боевых операций, не одобренных Конгрессом. Если Конгресс отклонит резолюцию, то не будет нести никакой ответственности в случае провала данных операций, сказал Джонсон. Поэтому он решил непременно добиться согласия Конгресса на проведение любой крупной военной акции США в Юго-Восточной Азии, если когда-то ему придется ее начать.

Небольшая группа во главе с Джорджем Боллом подготовила проект резолюции для Конгресса и передала его в Совет национальной безопасности. По просьбе южновьетнамского и лаосского правительств президент был уполномочен «применять все меры, включая участие вооруженных сил», для защиты этих стран. В тот же день мы обсудили проект резолюции на заседании Совета национальной безопасности (президент на нем не присутствовал). Я понимал, что если президент решит использовать в Юго-Восточной Азии регулярные американские войска (а не только военных советников) в ближайшие два-три месяца, то нам следует сделать все зависящее от нас, чтобы резолюция была утверждена и одобрена как можно быстрее. А если не решит, то мы сможем и подождать².

Хотя ситуация была вполне ясной, мы все понимали, сколь рискованно бомбить Северный Вьетнам или вводить войска в Южный Вьетнам. Макс считал, что правительство Южного Вьетнама не победит, но и не

¹ См.: JCS Memorandum 426-64 to the Secretary of Defense. 1964. May 19 [Меморандум КНШ 426-64 министру обороны. 1964. 19 мая] // Ibid. P. 338—340.

² См.: Summary Record of the National Security Council Executive Committee Meeting. 1964. May 24 [Отчет о заседании Исполнительного комитета Совета национальной безопасности. 1964. 24 мая] // Ibid. P. 369—374.

потерпит поражения в ближайшее время, и потому следует подождать с отправкой американских войск до осени, перед тем как мы распишем сферу военных действий. 26 мая мы встретились с президентом, но так и не выработали определенного решения. Он попросил нас обсудить в Гонолулу этот вопрос с Лоджем и сменившим Харкинса на посту командующего американскими вооруженными силами во Вьетнаме генералом Уильямом К. Уэстморлендом, а также с преемником Фелта на посту командующего ВМС в Тихом океане адмиралом 1-го ранга Шарпом-младшим.

Уэстморленд с 1964 по 1968 год командовал войсками, непосредственно участвуя в боевых операциях. Увидев его, любой кинорежиссер непременно предложил бы Уэсти роль генерала. Он был красив, держался прямо и имел решительный вид. Выпускник Уэст-Пойнта, он участвовал во Второй мировой войне, воевал в Корее, а впоследствии заведовал Военной академией США. Он не отличался заносчивостью и чрезмерной живостью натуры, столь присущими Паттону, или упорством, свойственным Лимэю, но, подобно им, был патриотом и волевым человеком.

Встреча в Гонолулу 1 июня состоялась в большой комнате с картинами, принадлежавшей командованию ВМС в Тихом океане. В противоположность предыдущим заседаниям, когда некоторые участники еще надеялись на разрешение конфликта, почти все собравшиеся выглядели мрачными и подавленными. Правда, Лодж по-прежнему верил, что положение может наладиться, но он был явным исключением.

В центре обсуждения оказался план действий, проект которого был подготовлен в Вашингтоне, но еще не одобрен президентом, Дином и мной. Для его утверждения нужно было сделать еще немало: добиться одобрения резолюции Конгрессом и попытаться установить контакты с Ханоем, продолжавшим оказывать военное давление¹. Кульминацией этого плана являлись ограниченные бомбардировки Северного Вьетнама (которые должны были осуществлять в основном Военно-воздушные силы Южного Вьетнама, используя по возможности всю свою мощь). В специальном отчете, подготовленном разведслужбами несколькими днями раньше, содержался вывод, что подобный план

¹ Летом 1964 года администрация Джонсона сделала первую попытку установить тайные дипломатические контакты с Северным Вьетнамом при посредстве Дж. Блэра Сиборна, канадского представителя Международной контрольной комиссии по наблюдению за выполнением Женевских соглашений с 1954 по 1962 год. Сиборн проинформировал Ханой, что если он прекратит поддержку Вьетконга и положит конец конфликту, то Соединенные Штаты смогут оказать Северному Вьетнаму экономическую помощь и дипломатическую поддержку. В противном случае он может спровоцировать удар американских военно-воздушных и военно-морских сил. Министр иностранных дел Северного Вьетнама Фам Ван Донг ответил, что Соединенные Штаты должны уйти из Южного Вьетнама и согласиться с участием Вьетконга в «нейтральном» коалиционном правительстве. Позиции сторон были далеки друг от друга.

скорее всего заставит Ханой сократить уровень повстанческих выступлений, однако отнюдь не исключалась и возможность того, что все останется как есть¹.

В связи с планом действий были обсуждены четыре позиции и по каждой из них сделаны соответствующие выводы: Сайгон еще несколько месяцев не будет готов к бомбардировкам Севера или к руководству военными операциями на Юге; возможность китайского вооруженного вмешательства, похоже, предполагает превентивное развертывание нескольких боевых отрядов США; американская общественность по-прежнему не уверена в значении региона Юго-Восточной Азии для безопасности США; соответствующая резолюция Конгресса имеет смысл как демонстрация решимости страны и, кроме того, ознакомит общественность с положением дел. Однако основные вопросы, с которыми мы постоянно сталкивались, так и не были поставлены, и конференция завершилась без результата². Мы не приняли никакого решения, касавшегося предложенного плана действий.

Я подробно остановился на обсуждении в Гонолулу по двум причинам: 1) мы вплотную подошли к эскалации военных действий, не проанализировав как следует их возможный исход и альтернативы, но в последний момент отказались от этого; 2) поскольку решение о начале полномасштабных военных действий так и не было принято, администрация, в свою очередь, решила отложить рассмотрение проекта резолюции в Конгрессе до сентября, надеясь, что к этому времени Сенат завершит обсуждение законопроекта о гражданских правах. Позднее критики заявляли, что президент несколько месяцев держал эту резолюцию в своем кармане, дожидаясь подходящего момента или рассчитывая самому приблизить его, чтобы провести решение через Конгресс, который ни о чем бы не подозревал. На деле было совсем не так.

Сразу после моего возвращения из Гонолулу члены КНИШ (за исключением председателя) подготовили для меня служебную записку, в которой утверждалось, что мы так и «не определились с курсом военных действий, который соответствовал бы главным военным целям в Юго-Восточной Азии, и не смогли одобрить ни сами цели, ни средства их достижения». Они предложили два варианта действий: первый, предпочтительный, — сломить волю и подорвать дееспособность Севера; второй, менее желательный, — перекрыть пути поддержки Ханоем

¹ См.: Special National Intelligence Estimate 50-2-64. 1964. May 25 [Отдел по особым оценкам ЦРУ 50-2-64. 1964. 25 мая] // FRUS. 1964–1968. Vol. 1. P. 378–380.

² См.: Summary Record of Meeting, Honolulu. 1964. June 1 8:30 a. m. – 12:30 p. m. [Отчет о совещании в Гонолулу. 1964. 1 июня. 8 часов 30 минут – 12 часов 30 минут] // Ibid. P. 412–422; Summary Record of a Meeting, Honolulu 1964. June 1. 2:15–6:15 p. m. [Отчет о совещании в Гонолулу. 1964. 1 июня. 14 часов 15 минут – 18 часов 15 минут] // Ibid. P. 422–428; Summary Record of Meetings. 1964. June 2 [Отчет о совещаниях. 1964. 2 июня] // Ibid. P. 428–433; WB. VNMS. Ch. 13. P. 19.

повстанцев на Юге. Однако планы ни того, ни другого курса ими так и не были представлены¹.

Прочитав записку КНШ, Макс заявил, что «она отнюдь не полностью и неточно выражает возможности нашего выбора». Он возразил против первого варианта, поскольку тот в значительной степени был сопряжен с риском эскалации войны².

Когда проводимая республиканцами президентская предвыборная кампания 1964 года была уже в самом разгаре, Лодж почувствовал, что должен уйти в отставку, примкнуть к умеренному крылу своей партии и усилить его. Теперь его энергия была направлена именно на это, а у правительства появилась возможность укрепить команду США во Вьетнаме. В первую очередь это касалось назначения сильного посла. Мак, Бобби и я ждали назначения кого-то из нас. Президент выбрал Макса Тэйлора, а в поддержку ему был придан Алекс Джонсон. В дополнение к замене Харкинса Уэстморлендом новое назначение стало своего рода свидетельством решимости президента сделать максимум возможного для повышения эффективности политики США и операций в Индокитае.

Вскоре после того как президент отказался от намерения назначить меня послом в Южном Вьетнаме, он, постоянно думая о предстоящих в 1964 году президентских выборах, предложил мне участие в них вместе с ним в качестве кандидата на пост вице-президента. В прессе в этой связи было много публикаций. Например, Стюарт Олсон упомянул о такой возможности еще раньше. Однако я успел хорошо узнать президента Джонсона и понимал, что, если соглашусь с его предложением, он сможет впоследствии передумать и отменить приглашение. Как бы то ни было, я сказал «нет».

Но у президента имелись и другие планы, связанные со мной. 1 августа он заявил, что желает «видеть меня своим первым исполнительным вице-президентом во главе кабинета»³ в свой следующий президентский срок. Джонсон так и не объяснил, что он конкретно имел в виду, но он часто обращался ко мне с просьбами поучаствовать в решении вопросов, далеких от связанных с обороной проблем, и я старался по мере возможности выполнять его поручения.

¹ См.: JCS Memorandum 471-64 to the Secretary of Defense. 1964. June 2 [Меморандум КНШ 471-64 министру обороны. 1964. 2 июня] // FRUS. 1964–1968. Vol. 1. P. 437–440.

² См.: Taylor Memorandum to the Secretary of Defense, CM-1251-64. 1964. June 5 [Служебная записка Тэйлора министру обороны, CM-1251-64. 1964. 5 июня] // Ibid. P. 457–458.

³ Данная цитата (как и целый ряд других, которые будут приведены в последующих главах) заимствована из распечатанных магнитофонных записей и расшифровок стенограмм, хранящихся в Библиотеке Линдона Б. Джонсона. Эти записи и распечатки относятся к следующим периодам: ноябрь 1963 г. — август 1964 г.; ноябрь 1964 г.; январь 1965 г.;

Я отказался от предложения Джонсона стать вице-президентом не потому, что не верил в реальность подобного или не думал об этом всерьез. Совсем нет. Теперь, глядя в прошлое, я часто размышляю, как бы я прожил свою жизнь заново, появившись у меня столь чудесная возможность. Я постарался бы многому научиться и управлял бы эффективней прежнего. Ведь важнейшая задача демократии состоит в преодолении различий между отдельными людьми и группами населения и в поисках курса действий, который поддерживало бы большинство граждан, — курса, дающего возможность буквально всем улучшить жизнь. И в этом — и вызов политику, и проявление его чувства ответственности. Но в то время мне не хватало политического опыта и мастерства, и я это понимал.

Как раз тогда мы получили еще один ответ из Совета национальных оценок при ЦРУ. Он касался вопроса президента, поставленного несколькими днями ранее в отношении возможности возникновения «эффекта падающего домино» в Восточной Азии в случае поражения Южного Вьетнама и Лаоса. Наиболее опытная группа аналитиков из разведки при правительстве не испытывала груза ответственности за принятие политических решений и не была обязана их защищать. Поэтому она пришла к следующему выводу:

Потеря Южного Вьетнама и Лаоса и их захват коммунистами значительно ослабит позицию США на Дальнем Востоке, в особенности из-за того, что США постоянно, настойчиво и во всеуслышание заявляли о своем стремлении предотвратить захват власти коммунистами в этих двух странах. Такой провал подорвет авторитет США и существенно ослабит веру в желание и возможности США сдерживать распространение коммунизма во всем регионе. Вместе с тем он воодушевит наших противников, а в других государствах усилится тенденция к сотрудничеству с коммунистами.

Далее аналитики писали:

Не говоря уже о радости в Северном Вьетнаме, достигшем своих национальных целей, это окажет также глубокое воздействие на коммунистический Китай, прибавив ему уверенности в себе, и поднимет его престиж как лидера мирового коммунизма. Пекин уже и сейчас считает,

---

июнь — июль 1965 г.; декабрь 1965 г.; декабрь 1966 г. — февраль 1967 г. Я благодарю директора библиотеки Гарри Дж. Мидлтона за предоставление этих материалов и Совет национальной безопасности за снятие с некоторых файлов грифа секретности, благодаря чему я смог использовать их в своей книге. Читателям важно знать следующее: в библиотеках Кеннеди и Джонсона хранятся и другие пленки, к которым ни я, ни другие авторы пока еще не имеют доступа. Когда же доступ к ним будет открыт, они смогут пролить новый свет на историю войны.

будто Южный Вьетнам подтверждает его теорию о готовности к революции слаборазвитых стран. По его мнению, США — это бумажный тигр, а местные повстанцы смогут победить, не рискуя развязать большую войну с участием других государств. Поражение Южного Вьетнама и Лаоса, несомненно, укрепит агрессивную тактику Пекина, контрастирующую с более осторожной позицией СССР. В определенной мере оно будет способствовать усилению революционного движения в разных частях развивающегося мира¹.

Их анализ вновь подтвердил опасения, которые испытывали я и мои коллеги. По прошествии времени эти опасения утратили актуальность, но тогда нам казалось вполне реальным, что западная политика сдерживания подверглась во Вьетнаме серьезному испытанию. И мы по-прежнему продолжали скатываться вниз по скользкому склону.

---

¹ Board of National Estimates Memorandum to CIA Director McCone. 1964. June 9 [Меморандум Совета национальных оценок директору ЦРУ Маккону. 1964. 9 июня] // FRUS. 1964–1968. Vol. 1. P. 484–487.

ГЛАВА 5

Тонкинская резолюция

30 июля — 7 августа 1964 года

Инциденты в Тонкинском заливе и последовавшая за ними резолюция в августе 1964 года вплотную подвели Соединенные Штаты к объявлению о начале войны. Обстоятельства, связанные с этой резолюцией, вызвали ожесточенные споры, не утихающие и по сей день.

До августа 1964 года рядовые американцы лишь время от времени и без особого интереса следили за развитием событий во Вьетнаме. Эта война казалась очень далекой. Происшедшее в Тонкинском заливе изменило их отношение. Нападение на американские военные суда в заливе и резолюция Конгресса, принятая сразу вслед за этим инцидентом, дали понять едва ли не всем, что Америка находится накануне вступления в войну, о чем прежде не было и речи. По прошествии времени стало еще более очевидно, что эта резолюция была нужна администрации президента Джонсона для юридического обоснования военных действий во Вьетнаме, развернувшихся с 1965 года.

Конгресс понял огромное значение резолюции для президента Джонсона, но не воспринял ее как объявление войны и не собирался использовать далее как разрешение на резкое увеличение численности американского военного контингента во Вьетнаме — с 16 тысяч военных советников до 550 тысяч военнослужащих различных категорий. В последующие годы подобное получение санкций на объявление войны и ввод войск было бы, скорее всего, немыслимым делом, и нельзя не учитывать этого.

Многие рассматривают эти девять дней — с 30 июля по 7 августа 1964 года — как наиболее противоречивый период в истории «двадцатипятилетней войны». И неудивительно. Споры вокруг случившегося в заливе не прекращаются уже три десятилетия: обсуждается и то, как мы сообщили об инциденте Конгрессу и общественности, и полномочия, полученные нами от Конгресса, пораженного происшествием, и использование исполнительной властью этих полномочий в дальнейшем, уже при двух других президентах.

Вот перечень основных вопросов и моих ответов на них:

Сообщалось, что северовьетнамские патрульные суда дважды атаковали эсминцы США — 2 августа и 4 августа. Можно ли с уверенностью говорить об этих нападениях?

Ответ. Свидетельства о первой атаке неоспоримы. Второе нападение представляется возможным, но неочевидным.

В то время — и тем более в последующие годы — некоторые депутаты Конгресса и представители общественности полагали, будто админист-

рация Джонсона намеренно спровоцировала эти нападения для оправдания эскалации военных действий и получения от Конгресса полномочий для подобной эскалации. Закономерно ли такое суждение?

Ответ. Ни в коей мере.

В связи с нападениями президент распорядился использовать морскую авиацию для нанесения бомбовых ударов по северовьетнамским патрульным судам, портам и нефтехранилищам. Были ли эти бомбардировки оправданными?

Ответ. Возможно.

Получила бы утверждение резолюция Конгресса, если бы в Тонкинском заливе ничего не произошло, или без этого инцидента она могла бы и не пройти?

Ответ. Почти наверное можно сказать, что, и не будь этих событий, резолюция все равно была бы направлена в Конгресс, хотя несколькими неделями позже, и, скорее всего, получила бы одобрение. Но эта резолюция вызвала бы гораздо более ожесточенные споры, и могли бы возникнуть попытки ограничить полномочия президента.

Оправдывала ли администрация Джонсона свои последующие военные действия во Вьетнаме и многократное увеличение численности военно-служащих резолюцией о событиях в Тонкинском заливе?

Ответ. Ни в коем случае. Хотя резолюция являлась мощным законодательным стимулом для дальнейшей эскалации военных действий, Конгресс не собирался использовать ее как основу для развязывания войны. И в стране никто не склонен был воспринимать ее именно так.

События в Тонкинском заливе включали в себя проведение двух самостоятельных операций США — осуществляемую в соответствии с «Планом 34А» и так называемые акции патрульных кораблей под кодовым названием «Де Сото».

Я уже упоминал о том, что в январе 1964 года Совет национальной безопасности одобрил помощь ЦРУ в проведении Южным Вьетнамом тайных операций против Северного Вьетнама, предусмотренных программой, известной под кодовым наименованием «План 34А». В программе говорилось о двух типах действий. В первом случае южновьетнамские агенты, снабженные радиопередатчиками, должны были на самолетах или кораблях доставляться на территорию Северного Вьетнама для совершения диверсионных актов и сбора разведанных. Во втором скоростные патрульные суда, управляемые южновьетнамцами или иностранными экипажами, подвергали внезапному обстрелу объекты, расположенные на северовьетнамском побережье или остро-

вах. ЦРУ поддерживало южновьетнамские операции по «Плану 34А», а Управление по оказанию военной помощи Вьетнаму и генерал Крулак из Комитета начальников штабов в Вашингтоне находились с ним в постоянном контакте.

Комитет-303, названный так, потому что на первых порах его участники заседали в комнате 303 старого здания Исполнительного управления президента, следил за соблюдением графика проведения тайных операций. Все тайные операции ЦРУ в любой точке земного шара нуждались в одобрении со стороны Комитета-303. Советник президента по национальной безопасности (Мак Банди) возглавлял эту группу. В то время ее членами были заместитель государственного секретаря (Джордж Болл), заместитель министра обороны (Сайрус Вэнс, сменивший Роза Гилпатрика в начале 1964 года) и заместитель директора ЦРУ по вопросам планирования (Ричард Хелмс).

Критики часто именовали ЦРУ «слоном в посудной лавке», но, по моему, это неверная характеристика. За семь лет моего пребывания на посту министра обороны и, полагаю, в предшествующие и последующие годы, при разных президентах, все «тайные операции» ЦРУ (за исключением шпионажа) должны были получать одобрение президента, государственного секретаря и министра обороны или их представителей. ЦРУ не имело ни права, ни полномочий действовать без их санкции. Насколько мне известно, оно никогда так и не действовало.

Операции по программе «Де Сото» существенно отличались по своим целям и характеру действий от операций по «Плану 34А». Они являлись частью системы глобальной электронной разведки и осуществлялись с помощью специально оборудованных военных кораблей США. Находясь в международных водах, эти суда принимали сигналы радиоустановок и радаров с прибрежных наземных станций на периферии коммунистических стран, таких как Советский Союз, Китай, Северная Корея и, что было для нас самым важным, Северный Вьетнам¹. Во многом наши действия в рамках данной программы напоминали сбор информации советскими траулерами возле наших берегов. Собранные сведения можно было использовать в определенных

---

¹ Самое близкое расстояние, на которое могли подходить наши суда к Северному Вьетнаму, было определено нами в восемь миль для материка и четыре мили для прибрежных островов. Поскольку Соединенные Штаты не имели ни малейшего представления о притязаниях Северного Вьетнама на территориальные воды, Вашингтон заключил, что нейтральные воды начинаются в трех милях от берега, как это было установлено Францией во времена ее господства в Индокитае. Только *после* инцидента в Тонкинском заливе Ханой определил ширину своих территориальных вод в двенадцать миль. Отметим также, что в августе 1964 года американские суда ни разу не подходили к прибрежным островам ближе чем на пять миль.

См. по этому вопросу: *Marolda E.J., Fitzgerald O.P.* The United States Navy and the Vietnam Conflict. Washington: Naval Historical Center, 1986. Vol. 2: From Military Assistance to Combat, 1959–1965. P. 396, 411.

ситуациях при проведении Соединенными Штатами военных операций против вышеназванных стран. Командование флота, представленное в данном случае командующим Тихоокеанским флотом адмиралом Томасом Мурером, определяло частоту и целевое назначение подобных акций, осуществлявшихся патрульными кораблями, и анализировало полученные результаты вместе с КНШ в Вашингтоне.

Хотя некоторые и знали об операциях, проводимых в соответствии с «Планом 34А» и программой «Де Сото», планирование и санкционирование акций по каждому из этих документов проходили в обстановке строгой секретности: лишь несколько чиновников высшего ранга вникали в подробности всех операций. Иначе у нас и быть не могло.

Задолго до августовских событий в Тонкинском заливе многие из нас, знавшие об операциях по «Плану 34А», считали их бесполезными. Большинство южновьетнамских агентов, направленных в Северный Вьетнам, были или захвачены в плен, или убиты, а нападения с моря на поверку оказались не более чем булавочными уколами. Нам могут задать вопрос: «Почему же в таком случае эти операции продолжались?» Ответу: южновьетнамское правительство находило их сравнительно недорогим средством потревожить Северный Вьетнам и попытаться удержать Ханой от поддержки Вьетконга.

Ночью 30 июля 1964 года патрульные суда, действуя в соответствии с «Планом 34А», обстреляли два северовьетнамских острова в Тонкинском заливе. Участники этой акции рассчитывали поддержать подобным образом операции по предотвращению проникновения партизан на Юг. На следующее утро американский эсминец «Мэддокс», приданный программе «Де Сото», вошел в залив, держась на достаточно большом расстоянии от тех островов. 2 августа, через два с половиной дня, «Мэддокс» сообщил в 3.40 пополудни (в 3.40 ночи по washingtonскому времени), что к нему на огромной скорости приближаются катера. Несколько минут спустя корабль был атакован торпедами и обстрелян из автоматического оружия. К счастью, не пострадали ни сам «Мэддокс», ни члены его экипажа. Доказательством того, что по эсминцу был открыт огонь, служили пули, найденные моряками на палубе «Мэддокса». Я попросил переслать эти улики в мой офис. Впоследствии Северный Вьетнам в своей официальной истории войны подтвердил, что отдал приказ обстрелять «Мэддокс». Между тем во время инцидента эсминец находился в нейтральных водах, более чем в двадцати пяти милях от побережья Северного Вьетнама¹.

¹ См.: Socialist Republic of Vietnam. Vietnam: The Anti-U. S. Resistance War. P. 60; Marolda E.J., Fitzgerald O.P. The United States Navy and the Vietnam Conflict. P. 415.

В 11.30 утра 2 августа президент вместе со своими ближайшими советниками принялся просматривать и анализировать последние донесения и обдумывать, каким должен стать отклик США. От моего имени выступил Сай Вэнс. Мы вполне допускали, что какой-нибудь северовьетнамский командир — не самого высокого ранга — решил проявить инициативу. Президент, взвесив все «за» и «против», не считал нужным применять адекватные ответные меры и ограничился тем, что принял решение направить в Ханой ноту протеста и добавить к патрульным судам еще один эсминец — «С. Тернер Джой»¹.

Макс Тэйлор, в ту пору посол в Южном Вьетнаме, возражал против решения не применять ответные меры. В телеграмме в Госдепартамент, пришедшей ночью, 2 августа, он высказал мнение, что сам тот факт, что мы никак не прореагировали на не спровоцированное нами нападение на американский корабль, находившийся в нейтральных водах, будет воспринят как «свидетельство того, что США боятся пойти на прямое столкновение с Северным Вьетнамом»².

На следующий день, в 3 часа пополудни, Дин Риск и я встретились с членами сенатских комитетов по международным отношениям и вооруженным силам на закрытом заседании. Мы обсудили события 30 июля и 2 августа, описали характер операций по «Плану 34А», нападение на корабль, выполнявший программу «Де Сото», и объяснили, почему президент решил не предпринимать ответных мер. У меня не сохранились записи об этой встрече, но полагаю, что мы особо подчеркнули: США не собирались провоцировать нападение Северного Вьетнама на корабль, выполнявший программу «Де Сото». Мы также проинформировали сенаторов, что операции и по программе «Де Сото», и по «Плану 34А» будут продолжены. И как раз в то самое время, когда мы вели разговор, начался новый рейд задействованных «Планом» судов вдоль побережья Северного Вьетнама (по сайгонскому времени это было ранее утро 4 августа).

Четвертого августа, в 7.40 утра по вашингтонскому времени (или в 7.40 вечера по сайгонскому), «Мэддокс» передал по радио, что ему угрожают неопознанные суда. Информация с «Мэддокса» поступила вместе с тайными сообщениями Агентства национальной безопасности, которое успело перехватить распоряжения Северного Вьетнама. Часом позже «Мэддокс» передал, что на его радарх установлены контакты с этими тремя неопознанными судами. С ближайшего американского

¹ См.: *Gibbons W.C.* The U. S. Government and the Vietnam War: Executive and Legislative Roles and Relationships. Princeton: Princeton University Press, 1989. Pt. 3: January — July 1965. P. 10.

² Embtel 282. Taylor to Rusk. 1964. August 3 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 282. Тэйлор — Раску. 1964. 3 августа] // FRUS. 1964—1968. Vol. 1. P. 593—594.

авианосца «Тикондерога» на помощь «Мэддоксу» и «С. Тернер Джою» был направлен истребитель.

Из-за низких облаков и грозы видимость той безлунной ночью была исключительно плохой. В течение нескольких часов в заливе царили тревога и неразбериха. «Мэддокс» и «С. Тернер Джой» сообщили о более чем двадцати торпедных атаках, о пенящемся следе, который оставляли на воде торпеды, о сигнальных огнях на северовьетнамских судах, лучах прожекторов, стрельбе из автоматического оружия, а также о радарных и сонарных контактах.

Когда ситуация начала обостряться, Сай и я встретились с членами Комитета начальников штабов, чтобы решить, как нам дальше действовать. Мы согласились, что если донесения точны, то ответ на очередное провокационное нападение абсолютно необходим. Мы не разделяли мнение Макса Тэйлора о том, что атака 2 августа требовала ответных мер, но с этой, второй, провокацией против кораблей США, находившихся в нейтральных водах, мы уже не должны были мириться. Поэтому мы быстро разработали план нападения бомбардировщика на четыре северовьетнамские морские базы патрульных судов и два снабжавших их бензохранилища.

В 11.40 утра я вновь встретился с Дином, Маком и членами КНШ для обсуждения наших предложений. Мы продолжили дискуссию на заседании Совета национальной безопасности, а после — за ленчем с президентом, Саем и Джоном Макконом.

Нападения северовьетнамцев на американские эсминцы в открытом море казались столь иррациональными, — словно они стремились к эскалации конфликта, — что мы могли только гадать о мотивах действий Ханоя. Некоторые полагали, что операции по «Плану 34А» стали одним из факторов, побудивших Северный Вьетнам напасть на корабли, выполнявшие программу «Де Сото», но другие говорили о неэффективности «Плана» и не соглашались с данным объяснением. Но, что бы там ни было, президент поддержал нас, сказав, что второе нападение, если оно действительно произошло, требует от нас нанесения быстрого и решительного удара.

И тогда возник вопрос: а было ли это второе нападение?

Как я уже говорил, видимость во время предполагаемой атаки была крайне ограничена. Из-за этого и из-за сонарных звуковых перехватов, которые часто мало о чем говорят, оставалось неясным, что все-таки произошло. Поэтому я попытался узнать, как было все на самом деле. По моему распоряжению один из руководителей КНШ, генерал-лейтенант ВВС Дэвид А. Берчинел несколько раз звонил адмиралу Шарпу в Гонолулу, чтобы разобраться в подробностях инцидента.

В 13.27 по вашингтонскому времени капитан Джон Дж. Херрик, командовавший операциями по программе «Де Сото» с борта «Мэддокса», в срочном порядке направил в Гонолулу и Вашингтон телеграмму следующего содержания:

Донесения о случившемся, в том числе о контактах и торпедных атаках, вызывают немало сомнений. Из-за непогоды показания радаров и работавших ссонарами офицеров, о которых упоминалось во многих сообщениях, нуждаются в проверке. С борта «Мэддокса» не было видно никаких торпед. Я предлагаю тщательно оценить сложившуюся ситуацию и уже после предпринимать какие-либо действия¹.

Через сорок одну минуту Шарп позвонил Берчинелу и сказал ему, что, несмотря на послание Херрика, лично он «не сомневается» во втором нападении. В 2.48 дня капитан Херрик прислал новую телеграмму: «Уверен, что моряки просто убедили себя во втором нападении, в действительности же все шло как обычно»².

Я и сам неоднократно звонил в тот день, пытаясь получить как можно больше информации. Даже сейчас, тридцать лет спустя, факты продолжают вызывать споры, и потому я подробно процитирую ряд моих разговоров, выстроив их в строгой хронологической последовательности. В 4.08 дня я, воспользовавшись специальной телефонной связью, позвонил адмиралу Шарпу:

— Что удалось узнать нового о происшествии?

— Судя по последним данным, — услышал я в ответ, — трудно усомниться в том, что происшествие и впрямь имело место... Бесспорно, началось все с внезапного нападения на нас северовьетнамских судов. — Помолчав немного, Шарп добавил: — То, что наши суда были атакованы, — факт, не требующий особых доказательств.

Однако в разговоре со мной он упомянул о «перебоях в поступлении сигналов с радарных установок» и о «молодых парнях», работающих ссонарами и «готовых любой шум приписать торпедам, так что, несомненно, торпед было не так много», как сообщалось о том в ранних сводках. Шарп также сказал, что, по сведениям, полученным от «С. Тернер Джоя», три северовьетнамских судна получили пробоины, а одно затонуло, тогда как «Мэддокс» утверждал, что, скорее всего, затонули два корабля.

— Есть ли хоть какое-нибудь основание полагать, что нападения не было вообще? — спросил я Шарпа.

Он ответил:

— Да. Подобная возможность не исключается, хотя она и невелика.

— Очевидно, — продолжил я, — мы не станем наносить ответный удар, пока полностью не удостоверимся в случившемся.

¹ 041727Z. Department of State. Central Files. POL 27 VIET S. [041727Z. Центральный архив Государственного департамента. POL 27 VIET S.] // Ibid. P. 609.

² A Recording — Admiral Sharp to General Burchinal at 2:08 p. m. EDT, August 4. Transcript of Telephone Conversations, August 4—5. P. 31. [Запись разговора адмирала Шарпа с генералом Берчинелом 4 августа в 14 часов 08 минут по летнему восточному времени. Расшифровка телефонных разговоров 4—5 августа. С. 31] // Gulf of Tonkin (Miscellaneous): Country File: Vietnam (далее — CF. VN). Box 228: NSF. LBJL; 041848Z // Ibid.

Шарп, согласившись, заметил, что надеется получить дополнительную информацию в ближайшие часы¹.

В 4.47 дня Сай и я встретились с членами Комитета начальников штабов для обмена мнениями относительно выяснения свидетельства предполагаемого второго нападения. В том, что оно было, нас особенно убедили следующие пять фактов: «С. Тернер Джой» был освещен, когда по нему открыли огонь из автоматического оружия; с одного эсминца видели сигнальные огни вьетнамских патрульных кораблей; батареи ПВО открыли огонь по двум американским самолетам, совершавшим облет территории; мы перехватили и расшифровали северо-вьетнамское сообщение, из которого ясно можно было понять, что два судна затонули; адмирал Шарп был уверен в том, что нападение не вымысел, а истинная правда. В 17.23 он позвонил Берчинеу и сказал, что не сомневается в атаке на эсминцы².

В 18.15 в Белом доме состоялось заседание Совета национальной безопасности. Я привел свидетельства, подтверждающие наши выводы, и представил наш возможный ответ. Все члены СНБ согласились с предложенными действиями, и президент отдал распоряжение о начале бомбардировок, которые должны были осуществляться самолетами ВМС США³.

В 18.45 президент, Дин Раск, новый председатель Комитета начальников штабов генерал Эрл Дж. «Бас» Уилер и я встретились с лидерами Конгресса и сообщили им о происшедшем за день и о планируемом нами ответе. Объясняя причину наших ответных мер, Дин сказал конгрессменам, что Северный Вьетнам взял на себя слишком большую ответственность, решив напасть на американские корабли в открытом море, и что мы не считаем их действия случайными. Мы должны продемонстрировать нашу решимость проводить ту же политику в Юго-Восточной Азии, что и прежде. Наш же ограниченный по масштабам ответ наглядно продемонстрирует, что мы не хотим войны с Севером.

Президент проинформировал собравшихся, что он собирается представить в Конгресс проект резолюции, требующей поддержки со стороны этого органа. В ней пойдет речь о разворачивании боевых операций США в Юго-Восточной Азии, если в этом возникнет необходимость. Несколько сенаторов и членов Палаты представителей выступили с поддержкой решения президента⁴.

¹ См.: Telephone Conversation between Secretary McNamara and Admiral Sharp. 4:08 p. m. [Телефонный разговор министра Макнамары с адмиралом Шарпом. 16 часов 08 минут] // Ibid.

² См.: A Recording – Admiral Sharp to General Burchinal at 5:23 p. m. EDT, August 4 [Запись разговора адмирала Шарпа с генералом Берчинеу 4 августа в 17 часов 23 минуты по летнему восточному времени] // Ibid.

³ См.: Summary Notes of the 538th Meeting of the National Security Council. 1964. August 4 [Отчет о 538-м заседании Совета национальной безопасности. 1964. 4 августа] // FRUS. 1964–1968. Vol. 1. P. 611–612.

⁴ См.: Notes of the Leadership Meeting. 1964. August 4 [Заметки о совещании руководства. 1964. 4 августа] // Ibid. P. 615–621.

В 7.22 вечера на авианосец «Тикондерога» поступило подписанное президентом распоряжение об ответном ударе. Несколькими минутами позже аналогичное предписание получил и другой авианосец — «Констеллейшн». Первые самолеты вылетели в 22.43 по вашингтонскому времени. США направили 64 морских бомбардировщика для нанесения ударов по базам патрульных судов и снабжавшим их бензохранилищам. Мы считали это удачной операцией — ограниченным, но адекватным ответом на одно, а по всей вероятности, и на два нападения на американские корабли.

Противоречивые отклики на данный инцидент не заставили себя ждать. 6 августа несколько сенаторов обсуждали наш отчет о случившемся. Они не пришли к каким-либо определенным выводам, и через несколько лет (в феврале 1968 года) на сенатских слушаниях было решено перепроверить свидетельства. Это ставило под сомнение и поступающую из администрации информацию. В 1972 году Луис Торделла, в то время заместитель директора Агентства национальной безопасности, пришел к выводу, что в перехваченном северовьетнамском донесении, которое мы восприняли как подтверждение атаки 4 августа, речь на самом деле шла о нападении 2 августа. Рэй С. Клайн, занимавший в 1964 году пост заместителя директора ЦРУ по вопросам разведки, повторил это суждение в своем интервью в 1984 году. А Джеймс Б. Стокдейл — в 1964 году летчик с «Тикондероги», впоследствии прошедший восемь лет в ханойской тюрьме и по возвращении на родину награжденный почетной медалью Конгресса, — заявил в своих воспоминаниях, что не видел никаких северовьетнамских судов, когда 4 августа пролетал над двумя эсминцами¹. Он полагал, что никакого нападения не было. Эти противоречия не устранены и по сей день.

В 9 часов утра 6 августа 1964 года Дин, «Бас» и я вошли в совещательную комнату Сената и сели, приготовившись к обстоятельному разговору на совместном заседании комитетов по международным отношениям и вооруженным силам. Сенаторы должны были дать оценку событиям 2 и 4 августа в Тонкинском заливе и поддержать совместную резолюцию Конгресса перед ее принятием обеими палатами.

Дин в самом начале своего тщательно подготовленного выступления подчеркнул, что «непосредственной причиной появления проекта этой резолюции стали, несомненно, нападения северовьетнамцев на наши корабли, находившиеся в нейтральных водах в Тонкинском заливе 2 и 4 августа». Потом он сказал: «Данные атаки — не изолированные события. Это часть коммунистического наступления на Южный Вьетнам с целью его дальнейшего завоевания... и постепенного расши-

---

¹ См.: U. S. News & World Report. 1984, July 23. P. 63—64; Stockdale J.B., Stockdale S.B. In Love and War. N. Y.: Harper & Row, 1984. P. 21, 23.

рения коммунистического влияния в других свободных странах Юго-Восточной Азии, с тем чтобы впоследствии окончательно покорить их».

Затем я детально описал оба нападения, а «Бас» заявил, что КНШ единодушно одобрил ответную акцию США, найдя ее уместной в сложившихся обстоятельствах.

Вопросы членов комитетов относились к двум не связанным между собой проблемам: что случилось в заливе? И является ли резолюция истинным выражением намерения президента применить силу в данном регионе?

Сенатор Уэйн Морзе выступил с язвительными замечаниями, в которых подверг суровой критике и данное нами описание событий в заливе, и наш ответный шаг с применением вооруженных сил, и сам проект резолюции:

Я убежденный противник подобного курса действий. По-моему, это неприкрытая агрессия со стороны Соединенных Штатов. Я думаю, мы насмешим весь мир, если вы постараетесь создать впечатление, будто при бомбардировках южновьетнамскими военными кораблями двух островов неподалеку от побережья Северного Вьетнама мы оставались к этому непричастны.

Я полагаю, что весь наш курс действий, связанный с помощью Южному Вьетнаму, успел убедить мир: эти корабли совершали свой рейд отнюдь не в вакуумном пространстве, и Соединенные Штаты имеют к происшествию непосредственное отношение. Мы знаем, что суда направлялись в сторону Северного Вьетнама и действия с моря были прямым актом агрессии против его территории. Я согласен с тем, что наши корабли находились в Тонкинском заливе в нейтральных водах, но тем не менее сам факт их пребывания в данном месте можно трактовать как прикрытие операций Южного Вьетнама.

Я думаю, что в конечном итоге Кхань просто воспользовался нами для проведения своей агрессивной политики, направленной против территориальной целостности Северного Вьетнама. Я слушал выступления на многих брифингах и не получил никаких доказательств того, что Северный Вьетнам участвует в военной агрессии против Южного Вьетнама с использованием своих сухопутных или военно-морских сил.

Последнее замечание противоречило многочисленным и все возраставшим свидетельствам поддержки Вьетконга Северным Вьетнамом и на суше, и на море, оказываемой как в форме поставок вооружения, так и в результате переброски в Южный Вьетнам боевых групп. Сенатор завершил выступление утверждением, что «американские военные корабли было очень удобно использовать для прикрытия» южновьетнамских операций по «Плану 34А».

Я ответил:

— Наш флот не принимал абсолютно никакого участия в операциях, не был с ними связан и не знал ни о каких подобных действиях Южного Вьетнама.

Далее я объяснил, что американский флот не руководил ни операциями по «Плану 34А», ни программой «Де Сото» и никогда не выступал в роли «прикрытия» или «сил поддержки», приданных судам, участвовавшим в осуществлении вышеупомянутого «Плана».

Сенатору Морзе хорошо были известны эти факты, поскольку 3 августа он присутствовал на встрече с сенаторами, когда Дин, «Бас» и я обсуждали с ними операции по «Плану 34А» и программу «Де Сото». Так что в этой части ответа я не погрешил против истины. Однако затем я сказал, что «Мэддокс», по моим сведениям, «не знал и даже не догадывался ни о каких возможных действиях южновьетнамцев по отношению к двум островам, о которых говорил сенатор Морзе». Впоследствии я выяснил, что эта часть моего ответа не соответствовала действительности: Херрик, командир патрульного корабля, действовавшего по программе «Де Сото», был осведомлен об операции по «Плану 34А». Так что мое заявление при всей его искренности было неверным по существу.

Потом мы перешли к обсуждению резолюции. В ее основных пунктах значилось:

Поскольку военно-морские подразделения [Северного Вьетнама]... постоянно нарушали международное право и неоднократно нападали на корабли Соединенных Штатов, на законных основаниях находившиеся в нейтральных водах... и поскольку эти нападения являлись составной частью агрессивной кампании, систематически проводимой против соседнего государства, Соединенные Штаты, согласно решению президента, готовы предпринять необходимые меры, включая применение военной силы, для содействия любому государству — действительному или ассоциируемому члену Организации договора Юго-Восточной Азии, которым как раз и предусмотрена коллективная безопасность.

Говоря о тексте резолюции, Дин особо подчеркнул ее законные основы, аналогичные тем, что содержались в одобренных Конгрессом резолюциях 1955 года — по Формозе, 1958 года — по Ближнему Востоку и 1962 года — по Кубе. В его заявлении также отмечалось: «Мы не можем сказать, какие шаги потребуются предпринять в будущем». И далее: «Если ситуация в Юго-Восточной Азии *станет развиваться в непредвиденном для нас направлении, президент, конечно, будет постоянно консультироваться с Конгрессом*» (выделено мною. — Р. М.).

Председатель сенатского Комитета по международным отношениям Уильям Фулбрайт, который в дальнейшем резко критиковал администрацию Джонсона за ее действия в связи с событиями в Тонкинском заливе, в тот день ограничился хвалебными репликами: «Быстрота действий и решительность... проявленные вами, просто замечательны!»

Остальные также одобрили жесткий стиль, продемонстрированный президентом. Сенатор Клиффорд П. Кейс (республиканец от штата

Нью-Джерси), например, спросил, написаны ли предыдущие резолюции, на которые только что были сделаны ссылки, столь же ясным языком, как «у президента». «Да, их язык очень похож», — откликнулся ведущий заседание сенатор Фулбрайт. Сенатор Кейс заявил о своей полной поддержке резолюции. Оба комитета проголосовали за ее утверждение. Итог голосования был 31 против одного. Этим единственным несогласным оказался сенатор Морзе¹.

Во время состоявшегося в тот же день обсуждения проекта резолюции всем Сенатом сенатор Джон Шерман Купер (республиканец от штата Кентукки) задал сенатору Фулбрайту ряд вопросов:

Купер. Можно ли считать, что мы предоставили президенту право предпринимать любые действия, которые он сочтет необходимыми для защиты Южного Вьетнама, да и каждой страны — участницы договора СЕАТО?

Фулбрайт. Я думаю, что да.

Купер. Тогда можно предположить, что в случае, если президент решит предпринять жесткие меры и применить военную силу, способную втянуть нас в войну, мы должны будем одобрить его действия, следуя данной резолюции?

Фулбрайт. Я понял это именно так².

Я не сомневался, что Конгресс воспринял резолюцию как знак президентского полномочия. Но я также не сомневался, что Конгресс понял: президент не станет злоупотреблять своей властью и продолжит консультации с законодателями.

Сенат и Палата представителей проголосовали за утверждение резолюции на следующий день, 7 августа. В Сенате она была принята подавляющим большинством голосов: 88 — «за» и двое (Морзе и Эрнест У. Грунинг, демократ от штата Аляска) — «против», а в Палате представителей противников резолюции вообще не нашлось: в ее поддержку было отдано 416 голосов.

---

¹ Joint Hearing on Southeast Asia Resolution before the Senate Foreign Relations and Armed Services Committees, 88th Cong., 2d sess., August 6, 1964 [Совместные слушания по резолюции о Юго-Восточной Азии в сенатских комитетах по международным отношениям и по вооруженным силам. 88-й Конгресс, 2-я сессия, 6 августа 1964 г.]. Washington: U. S. Government Printing Office, 1966; Executive Sessions of the Senate Foreign Relations and Armed Services Committees (Historical Series), 88th Cong., 2d sess., August 6, 1964 [Закрывтые заседания комитетов по международным отношениям и по вооруженным силам (Исторические серии). 88-й Конгресс, 2-я сессия]. Washington: U.S. Government Printing Office, 1988. P. 291—299.

² Об обсуждении проекта резолюции в Сенате см. в: Congressional Record. Vol. 110. P. 18399—18471.

Наши критики долго доказывали, что инциденты в Тонкинском заливе окутаны плотным туманом обмана. Они заявляли, что администрация всячески пыталась добиться от Конгресса поддержки своих планов развязывания в Индокитае войны, составила проект резолюции, позволяющей осуществить этот замысел, спровоцировала инцидент для подтверждения правильности своих позиций и, наконец, выступила со лживыми насквозь заявлениями, чтобы заручиться одобрением законодателей. Однако подобные обвинения не имели под собой никаких оснований.

Резолюция подтвердила уверенность президента в том, что при ухудшении положения в Индокитае он должен будет принять необходимые меры и направить туда Вооруженные силы США, как ему и советовал Комитет начальников штабов еще с января 1964 года. Подобному расширению сферы военных действий станет предшествовать одобрение Конгресса. С этой целью Государственный департамент и составил проект резолюции в конце мая. Но, поскольку Макс Тэйлор, в бытность его председателем КНИШ, предостерегал США от развертывания военных операций, — во всяком случае, до осени — и президент вместе с Дином, Маком и мной согласились с его рекомендацией, мы решили отложить утверждение резолюции Конгрессом до сентября, когда Сенат примет Закон о гражданских правах.

Но нападение Северного Вьетнама на американские корабли спутало все карты. Оно заставило нас уловить в то, что война и в самом деле может вспыхнуть в любой момент, и подумать, что может случиться вслед за этой атакой. Подобные соображения, в свою очередь, привели нас к выводу, что резолюция, наверное, понадобится раньше, чем мы предусматривали. На президента также могла повлиять возможность связать вопрос о резолюции с враждебными действиями Ханоя. При всей видимой жесткости его политическая линия выглядела весьма умеренной в сравнении с ястребиной риторикой кандидата в президенты от республиканцев Барри Голдуотера.

Обвинения нас в провокации стали распространяться отчасти потому, что их поддерживали некоторые бывшие правительственные чиновники. Так, Джордж Болл заявил в своем радиоинтервью в 1977 году: «Многие сторонники войны... искали предлог для начала бомбардировок... Действия по программе "Де Сото" носили явно провокационный характер... Чувствовалось, что если с эсминцем возникнут какие-нибудь осложнения, это будет представлено как провокация, в чем мы очень нуждались».

В противоположность ему Билл Банди, также выступивший по радио, заявил, что Соединенные Штаты не собирались создавать кризис и не «изобретали» инциденты как предлог для военных действий.

¹ *Charlton M., Moncrieff A. Many Reasons Why: The American Involvement in Vietnam.* N. Y.: Hill & Wang, 1978. P. 108.

«Это вовсе не отвечало нашим планам, — пояснил он. — Мы не думали, что ситуация ухудшится и нам придется пойти на более решительный шаг в связи с событиями в Южном Вьетнаме». К тому же он написал, и эта его фраза часто повторялась: «Если та или иная администрация стремится спровоцировать инциденты, значит, она не только слаба, но и нежизнеспособна»¹.

Затем он выступил с иным, но не менее критическим суждением:

Неверные расчеты во взаимоотношениях между США и Северным Вьетнамом привели в конечном итоге к опрометчивым предположениям относительно поведения Ханоя. Проще говоря, это была ошибка администрации, решившей, будто риск совсем невелик, и поручившей эсминцу действовать одновременно с судами, выполнявшими операции по «Плану 34А». Рассуждая сугубо рационально, трудно было предвидеть, что Ханой способен выступить и нанести удар... Но в рациональных расчетах следует учитывать и иррациональные моменты... Вашингтон не желал никаких инцидентов, и весьма сомнительно, чтобы к ним стремился Ханой. Каждый неправильно понял другого, отчего и произошли инциденты...²

Я согласен и с тем, и с другим высказыванием. Полагаю, что Дин, Мак и Макс также согласятся с ними.

Конечно, если бы Тонкинская резолюция не привела к столь значительному расширению военного присутствия во Вьетнаме, она не вызвала бы столько споров. Но она помогла открыть шлязы, и поток хлынул. Тем не менее мысль о сознательном обмане Конгресса администрацией Джонсона неверна. Проблема заключалась не в том, что Конгресс не смог оценить все последствия принятия резолюции, а в том, что он не оценил, сколь велика угроза войны и как поведет себя администрация, если она разразится. В 1967 году в докладе сенатского Комитета по международным отношениям утверждалось, что в вопросе о принятии резолюции была допущена чисто терминологическая неточность: «Конгресс совершил ошибку, когда вынес *собственное* (здесь и ниже выделено в оригинале. — Р. М.) суждение о действиях президента, тогда как, во-первых, он должен был вынести *институциональное* суждение о том, как должен действовать *любой* президент, наделенный столь большими полномочиями, и, во-вторых, по Конституции Конгресс имеет право подтверждать президентские полномочия или ставить их под сомнение». Я считаю, что оба сформулированных довода верны³.

Со временем сенатор Фулбрайт пришел к выводу, что его ввели в заблуждение, как это и было в действительности. 6 августа 1964 года

¹ Ibid. P. 117; WB. VNMS. P. 14A-36.

² WB. VNMS. P. 14A-38, 14A-40.

³ См.: Senate Report 90-797 (1967) [Отчет Сената 90-797 (1967)]. P. 21–22.

Дин заверил его (и я полагаю, Фулбрайт перепроверил сказанное им, обратившись за разъяснениями к самому Джонсону), что президент не может использовать данные ему властные полномочия без всесторонних консультаций с Конгрессом. И когда 20 февраля 1968 года на слушаниях было решено вновь перепроверить все данные, связанные с событиями в Тонкинском заливе, сенатор Фулбрайт любезно избавил меня от обвинения в преднамеренном обмане Конгресса. «Я не собираюсь придерживаться мнения, будто вы пытались нас обмануть», — сказал он, обращаясь ко мне. Сенаторы Майк Мэнсфилд, Клейборн Пелл и Стюарт Саймингтон выступили с аналогичными утверждениями¹.

Истинная суть последствий случившегося в Тонкинском заливе состоит не в обмане, а, скорее, в неправильном использовании силы, предусмотренном резолюцией. Текст резолюции ясно свидетельствовал о намерении президента применить силу, и Конгресс понимал, что это значит, когда 7 августа 1964 года принял резолюцию подавляющим большинством голосов. Но, несомненно, Конгресс *не* собирался санкционировать без подробнейших обсуждений все то, что имело место потом: увеличение численности военного контингента США во Вьетнаме с 16 тысяч до 550 тысяч человек, проведение широкомасштабных боевых операций с риском вовлечения Соединенных Штатов в войну с Китаем и Советским Союзом, а также расширение военного присутствия США во Вьетнаме, продолжавшегося на протяжении многих лет.

Споры о соотношении полномочий Конгресса, с одной стороны, и президента, с другой, в вопросах, касающихся проведения военных операций, не утихают и по сей день. Основой этих разногласий является язык Конституции, допускающий различные толкования. Президент называется в ней Верховным главнокомандующим, однако Конгресс наделен правом объявления войны.

В декабре 1990 года, как раз накануне войны в Персидском заливе, я заявил на заседании сенатского Комитета по международным отношениям о возможном применении военной силы США в этом регионе. Несколько дней раньше министр обороны Ричард Чейни уверял, что президент Буш как Верховный главнокомандующий обладает достаточными полномочиями, чтобы направить в залив внушительные военные силы (во время войны численность наших войск в этом регионе составила 500 тысяч человек — мужчин и женщин). Сенатор Пол С. Сарбейнс (демократ от штата Мэриленд) поинтересовался моим мнением

¹ См.: Senate Foreign Relations Committee. The Gulf of Tonkin, The 1964 Incidents. Hearing on February 20, 1968, 90th Cong., 2d sess. [Сенатский комитет по международным отношениям. Инциденты 1964 г. в Тонкинском заливе. Слушания 20 февраля 1968 г. 90-й Конгресс, 2-я сессия]. Washington: U. S. Government Printing Office, 1968. P. 82–87, 106.

по поводу заявления Чейни. Я ответил, что не являюсь законодателем-конституционалистом, и отказался об этом говорить. Однако он решил, будто я не понял сущность утверждения Чейни, и принялся настаивать на моем ответе.

Наконец я сказал сенатору, что он задал мне неправильный вопрос. Дело не в законодательных основах или их толковании. В подобных ситуациях коренной становится политическая проблема: должен ли президент ввергать свою страну в состояние войны (если только речь не идет о немедленном отражении нападения на наши берега) без согласия общества, представленного Конгрессом? Я ответил, что ни один президент не должен этого делать, и выразил уверенность, что президент Буш тоже не поступит так. И он действительно так не поступил: еще до начала военных операций против Ирака президент Буш обратился за поддержкой к Конгрессу и получил ее (равно, как и одобрение Совета Безопасности ООН).

Президент Буш был прав. Президент Джонсон и мы, его ближайшие сотрудники, ошиблись.

Выборы 1964 года и их результаты

8 августа 1964 года — 27 января 1965 года

Сегодня многие полагают, что президент Джонсон откладывал решения по Вьетнаму, потому что хотел победить на президентских выборах 1964 года и все его силы были сосредоточены на предвыборной кампании. Некоторые даже считают, что он скрывал свое намерение начать полномасштабную войну по политическим соображениям: ему хотелось изобразить кандидата от республиканцев, сенатора Барри М. Голдуотера (штат Аризона), поджигателем войны, а себя разумным и миролюбивым государственным деятелем.

Если у Линдона Джонсона и существовал план эскалации войны, то он ничего не говорил мне о нем. И я уверен, что такого плана не было. Он ни разу не дал понять мне или руководству Комитета начальников штабов, что желал бы отложить войну из-за выборов. Фактически в то время у его советников не было единого мнения по поводу дальнейших действий.

Именно в этот период политическая и военная обстановка в Южном Вьетнаме резко ухудшилась, и перед нами встала дилемма: как избежать прямого участия США в военных действиях, но при этом не допустить потери Южного Вьетнама. Американское политическое и военное руководство по-разному отвечало на вопрос, что нужно делать, а очевидная слабость позиции Сайгона усугубляла нашу неуверенность. Мы постоянно чувствовали уязвимость нашего положения, и угроза разочарования в правильности курса отечественной политики постоянно висела над нами при столкновении со столь сложным и внушавшим опасения вопросом.

Во время президентской избирательной кампании 1964 года Барри Голдуотер отстаивал жесткую позицию по отношению к Вьетнаму. В начале марта он заявил, что десять лет назад, когда французские войска во Вьетнаме попали в окружение под Дьенбьенфу, Соединенным Штатам следовало бы сбросить маломощную атомную бомбу и уничтожить листья на деревьях, под которыми скрывались нападавшие. На другой день он развил свою мысль: «Теперь, когда Америка уже участвует в войне, нам нужно проводить боевые операции на территории Северного Вьетнама. Мы могли бы разбомбить его еще десять лет назад, не рискуя жизнями наших солдат». Не стоит говорить, что многих избирателей встревожила столь агрессивная риторика¹.

¹ White H. The Making of the President, 1964. N. Y.: Atheneum, 1965. P. 132–133.

В сравнении с ним президент Джонсон казался образцом умеренности и сдержанности. Одно из его первых и во многих отношениях наиболее глубоких и вдумчивых высказываний по Вьетнаму прозвучало в речи, произнесенной 12 августа в Американской ассоциации адвокатов в Нью-Йорке. Текст отразил мастерство его спичрайтера¹ (которого так и не удалось выявить по записям), но президент, несомненно, был убежден в правильности всего, что произнес:

После окончания Второй мировой войны... мы тщательно и терпеливо создавали мировой порядок, в котором могли бы процветать мир и свобода.

Мы долго жили в условиях кризиса и опасностей, и у нас почти нет разногласий по поводу того, что Америка должна избегать любых угроз мировому порядку...

В прошлом мы заплатили слишком дорогую цену и поняли, что больше не станем ждать рокового момента, когда волны конфликта докатятся до наших берегов. Агрессия и беспорядки в любой части земного шара сеют семена разрушения, губительные для нашей свободы, а возможно, и для самой цивилизации.

Наконец, мы стремимся к сохранению мирового порядка по причине, которую часто бывает нелегко понять. Мы стремимся к этому, потому что считаем себя вправе так поступать.

Дружелюбные циники и злобные противники часто недооценивают или игнорируют наши моральные убеждения, которые красной нитью проходят через всю историю Америки.

Конечно, нашу политику формируют соображения безопасности и благополучия. Но нельзя недооценивать и мораль, лежащую в основе наших усилий. Ведь нравственные цели всегда воодушевляли американцев, и от них зависели наша энергия и устремленность.

Верно, что сильные должны помогать слабым защищать свою свободу.

Верно, что одни страны должны быть свободны от силового воздействия других².

В обществе горячо спорили о том, основывалась ли внешняя политика президента Джонсона на моральных принципах. Я не сомневаюсь в том, что эти дискуссии повлияли на него и многих его советников, в том числе и на меня. Могут ли они воздействовать и воздействуют ли на сегодняшнюю администрацию, неясно, — во всяком случае здесь многое противоречиво. Прагматики и политические реалисты полагают, что нравственные соображения не влияли на нас. А я уверен, что влияли: например, мы сознательно избегали разрушительных бомбардировок Северного Вьетнама и отказывались от использования ядерного оружия из-за неоправданного риска. Сейчас этот вопрос вновь

¹ Спичрайтер — составитель текстов выступлений (англ.). — *Примеч. ред.*

² Remarks in New York City Before the American Bar Association. 1964. August 12 [Замечания в Нью-Йорке перед Американской ассоциацией адвокатов. 1964. 12 августа] // Public Papers, Lyndon B. Johnson, 1963—1964 P. 952.

оказался в центре споров в связи с определением роли Америки в мире после окончания «холодной войны».

Как бы то ни было, в течение этих месяцев и долгое время после выборов президент Джонсон опасался, что правое крыло в политическом истеблишменте США окончательно втянет нас в войну в Индокитае, которая, в свою очередь, способна перерасти в войну с Китаем и Советским Союзом. Он надеялся преодолеть давление правых политиков, но порой его высказывания оборачивались против него. Например, в августе он заявил, очевидно, имея в виду Голдуотера: «Некоторым не терпится расширить конфликт. Они призывают нас направить американских парней, чтобы те выполнили работу за азиатских парней... Подобные действия не решат истинную проблему Вьетнама». И добавил: «Южновьетнамцы должны сами защищать свою свободу и нести за это ответственность»¹. Джонсон неоднократно повторял эту формулировку во время избирательной кампании в Нью-Хэмпшире и Оклахоме, в Кентукки и Огайо.

Скрывал ли он что-нибудь? Для нас, находившихся рядом, Джонсон определил цель во Вьетнаме с кристальной ясностью. «Выиграть войну!» — сказал он Дину Раску, Маку Банди и мне во время нашей первой встречи с ним как с президентом. Он никогда не отклонялся от этой цели. Но мы не смогли помочь ему найти ответ на вопрос, как можно выиграть войну по приемлемой цене и при допустимом риске.

Он мог бы сказать американцам значительно больше. После того как мы не достигли соглашения по отправке регулярных войск и план ограниченного применения американских ВВС стал предметом обсуждения в течение нескольких месяцев, росло сомнение в том, что Сайгон сможет так долго продержаться. Президент не говорил об этих сомнениях. Если бы он это сделал, то, наверное, добавил бы что-нибудь в таком роде: «Мы крупно влипли, и я не знаю, что еще ждет нас впереди». Но он этого не сделал.

Конечно, в таких ситуациях политикам не свойственна полная откровенность. Вудро Вильсон не проявлял ее во время президентской кампании 1916 года, которую он проводил под лозунгом «Он убережет вас от войны!» лишь для того, чтобы следующей весной объявить о войне с кайзеровской Германией. Франклин Рузвельт не сообщал о своих намерениях, когда вел избирательную кампанию 1940 года. Он сказал, что не станет направлять американские войска в Европу, незадолго до того, как мы вступили во Вторую мировую войну. Президент Джонсон был твердо уверен в том, что победа Голдуотера на выборах явится угрозой для США и стабильности во всем мире. Он также полагал, что цель — поражение Голдуотера — оправдывает средства. Поэтому его публичные заявления в период избирательной кампании

¹ Remarks in New York City Before the American Bar Association. 1964. August 12 [Замечания в Нью-Йорке перед Американской ассоциацией адвокатов. 1964. 12 августа] // Public Papers, Lyndon B. Johnson, 1963–1964. P. 953.

были точны лишь в какой-то степени. Он говорил правду, но отнюдь не всю правду.

Однако эта уклончивость в общении с избирателями вовсе не означала, будто президент тайл свои планы эскалации войны. Хотя некоторые руководители КНШ настаивали на проведении крупных военных операций во Вьетнаме еще с 1964 года, Уильям Уэстморленд и Макс Тэйлор, равно как и южновьетнамский лидер Нгуен Кхань, считали необходимой их отсрочку. Когда Мак и я советовали Джонсону в конце января 1965 года изменить свой курс, то не знали, как он поступит: решится ли на эскалацию или на вывод войск. А Дин вообще был против каких-либо изменений.

Судя по документам, отражающим политическую деятельность Джонсона за весь ее долгий срок, можно предположить, что в ту пору он думал прежде всего о победе на выборах и, вероятно, скрывал от народа решение вступить в войну. Может быть и так. Но утверждать, будто он принял такое решение в 1964 году, было бы неверно. Все свидетельствует как раз об обратном.

Во время избирательной кампании Голдуотер резко критиковал не только президента, но и меня. Он постоянно заявлял о готовности Америки к войне — ядерной или обычной — и повторял, что я пытаюсь ослабить обороноспособность страны. 20 марта он выступил с открытым обвинением, сказав, что «министр обороны Макнамара и Государственный департамент являются сторонниками разоружения в одностороннем порядке». 11 августа он утверждал: «При нынешнем руководстве Министерства обороны, пренебрегающем новыми системами вооружений, запасы ядерного оружия могут сократиться в следующем десятилетии на 90%». 6 октября он еще более ужесточил критику и обвинил меня в «сознательном снятии с вооружения 90% средств доставки ядерного оружия». В своем предвыборном автобиографическом труде «На чем я стою», отрывки из которого были опубликованы той же осенью в «Вашингтон пост», он заявил:

Нынешний министр обороны стал главным защитником, а фактически, и главным архитектором так называемой оборонной политики, которая в конце 60-х — начале 70-х годов превратит надежный оборонительный щит республики в похожую на швейцарский сыр стену, полную дыр. Такая политика способна... воодушевить наших противников и побудить их рискнуть и сделать последний, роковой шаг в направлении ядерной войны.

Я повторяю: архитектором подобной политики является нынешний министр обороны. Проще говоря, оборонная политика этого правительства вносит свой вклад в одностороннее разоружение¹.

---

¹ Goldwater B. Where I Stand. N. Y.: McGraw-Hill, 1964. P. 67.

А теперь обратимся к фактам.

Третьего февраля 1964 года я объяснил Голдуотеру и другим членам сенатского Комитета по вооруженным силам, что в ближайшие пять лет запасы наших стратегических ядерных вооружений только возрастут, причем число боеголовок, в частности, в рамках реализации программ, начатых президентом Эйзенхауэром и моим предшественником Томом Гейтсом, увеличится на 74%, а их общий метатоннаж — на 31%. 18 сентября я открыто заявил: «Широкомасштабный обмен ядерными ударами между США и Советским Союзом приведет к гибели 100 миллионов американцев уже в первый же час. Погибнет еще большее количество русских, но я сомневаюсь в том, что хоть один здравомыслящий человек назовет это “победой”». Я особо подчеркнул в своем выступлении необходимость сдерживания нашей ядерной политики и сколь важно стремиться избежать риска. Эти слова вызвали особый гнев Голдуотера. Из его высказываний следовало, что он не усматривал особого различия между обычными и ядерными вооружениями. Он даже договорился до того, что предложил президенту проинструктировать командование во Вьетнаме, как следует оптимально использовать любые виды вооружения из нашего арсенала. Я был категорически против и заявил об этом.

Но поскольку Голдуотер громко и часто повторял свои безосновательные и безрассудные утверждения, президент Джонсон опасался, что они окажут определенное политическое воздействие. Он попросил меня и Дина выступить с заявлениями по выдвижению кандидата от Демократической партии в Атлантик-Сити. По установившейся традиции, на мой взгляд, вполне разумной, государственные секретари и министры обороны не участвуют в межпартийных политических баталиях. Но, к моему огорчению, Дину и мне пришлось подчиниться указаниям президента и выступить на съезде.

Иногда казалось, что сенатор из Аризоны соперничает на выборах не с Джонсоном, а со мной. Он обвинил меня в том, что «Форд мотор компани» решила выпустить модель «Эдссел», но предпринятая в 1959 году попытка наладить ее производство окончилась провалом и принесла фирме убытки, один из самых крупных в истории американского бизнеса. Он заявил, что я таким же образом обанкротил нашу программу национальной безопасности. Голдуотер знал, что я никак не был связан с выпуском «Эдссел». Однако он настаивал на своем обвинении, и бывший вице-президент компании «Форд мотор» Эрнест Р. Брич, один из главных спонсоров предвыборной кампании Голдуотера, в конце концов написал, что «г-н Макнамара... не имел ни малейшего отношения к планам выпуска автомобиля “Эдссел” или к какой-либо части этой программы»¹. Но сенатор не прекратил свои нападки, и его

¹ Ernest R. Breech to Frank Middleton, Finance Coordinator, Goldwater Campaign Headquarters, 1964 April 5 [Эрнест Р. Брич — Френку Миддлетону, финансовому координатору предвыборной кампании Голдуотера, 1964 5 апреля] // RSMF.

заявления обошли всю мировую прессу. В результате, когда впоследствии я становился объектом чьей-либо критики, журналисты неизменно называли меня «отцом “Эдссел”»¹.

В период избирательной кампании правительство старалось сохранять баланс при решении двух задач, непосредственно относившихся к Вьетнаму: мы хотели избежать участия американской армии в боевых действиях и не допустить при этом установления власти коммунистов в Южном Вьетнаме.

Решать обе эти задачи становилось все труднее. Обстановка в Южном Вьетнаме, особенно в политической сфере, резко ухудшилась, и, понимая, что сайгонское правительство ждет почти неизбежный крах, мы, как в Вашингтоне, так и в Сайгоне, по-прежнему не могли прийти к единому мнению относительно того, что делать. Одна встреча сменялась другой, мы продолжали писать друг другу бесконечные докладные записки и различные справки. Сложность вьетнамской проблемы и наши разногласия обескураживали нас, и нам никак не удавалось достичь единства взглядов или разрешить проблему.

Тринадцатого августа Мак направил президенту докладную записку о возможном направлении наших действий в Юго-Восточной Азии. В ней отразились взгляды Дина, Мака и мои, а также мнения многих наших коллег из Государственного департамента и Министерства обороны. Эта записка оказалась в центре нашего внимания и в последующие четыре месяца сделалась предметом активных обсуждений.

Записка начиналась с признания: «Ситуация в Южном Вьетнаме складывается не так, как хотелось бы». Далее в ней говорилось, что шансы Кхяня остаться у власти не превышают 50% и что в сайгонском руководстве заметны пораженческие настроения. Этот кризис, в свою очередь, усиливает позицию сторонников расширения военных действий с участием Вооруженных сил США, хотя способен также и инициировать переговоры, которые в настоящий момент равнозначны капитуляции. В записке содержалась лишь одна четкая и ясная рекомендация: «Мы должны по-прежнему противодействовать созыву любой конференции [в поддержку переговорного процесса] по Вьетнаму», потому что «переговоры без продолжения военных действий не будут способствовать достижению наших целей в обозримом будущем».

Мак перечислил возможные варианты военных действий — от масштабных тайных операций до непрерывных бомбардировок объектов на территории Северного Вьетнама и линий поставок вооружения

---

¹ Несколько лет спустя я попросил моего помощника по связям с общественностью в Мировом банке передавать прессе копии письма Брича каждый раз, как только обвинения станут вновь появляться в печати. Нападки в конце концов прекратились.

на Юг. Он согласился с предложением Макса Тэйлора наметить на 1 января 1965 года начало широкомасштабных военных действий, какие только будут нам под силу¹.

Руководство Комитета начальников штабов поддержало необходимость разработки плана бомбардировок северовьетнамских объектов и «тропы Хо Ши Мина». Предполагалось, что воздушные удары сломят волю Ханоя к борьбе и сделают невозможными поставки Вьетконгу. В сочетании с последующими наземными операциями бомбардировки стали основным элементом военной стратегии, которой мы придерживались в будущем. Но ни тогда, ни позднее руководство КНШ не оценило реальную возможность достижения наших целей и не определило, сколько времени понадобится для осуществления намеченных операций. Не смогло оно оценить и предположительные потери в живой силе, потребности в ресурсах и степень риска².

При разработке воздушной стратегии командование составило список, который стали называть «списком девяноста четырех целей». В него были включены северовьетнамские аэродромы, линии коммуникаций, военные и промышленные объекты и пути продвижения боевых групп. Планировалось нанесение ударов по всем этим целям. Предполагалось, что данные меры воспрепятствуют подрыву позиций США в Юго-Восточной Азии. Однако при этом не упоминалось о том, что многие удары должны наноситься с южновьетнамских аэродромов и что для обеспечения безопасности самих этих объектов придется привлечь американских военнослужащих.

Ознакомившись с рекомендациями, я попросил членов КНШ оценить военные и экономические последствия воздушных ударов. Как ни странно, моя просьба вызвала в Комитете яростные споры. На обсуждении 4 сентября начальник штаба сухопутных сил генерал Гарольд К. Джонсон утверждал, что в настоящее время нет никаких оснований для бомбардировок и проводить их значит совершать грубую ошибку. Хотя руководство КНШ неоднократно открыто заявляло, что «курс военных действий с наибольшими шансами на успех остается прежним: это бомбардировки, способные сломить волю Северного Вьетнама (Демократической Республики Вьетнам), подорвать его потенциал и тем самым лишить ДРВ возможности оказывать поддержку повстанцам в Южном Вьетнаме (Республике Вьетнам)», — генерал Джонсон был не согласен с подобным курсом. Как заявил он, каждый день поступает все больше и больше свидетельств того, что «вьетконговские мятежники еще долгое время будут продолжать борьбу с

¹ См.: McGeorge Bundy to the President. 1964. August 13 [Макджордж Банди — президенту. 1964. 13 августа] // FRUS. 1964—1968. Vol. 1. P. 672—679.

² См.: JCSM-701-64. Joint Chiefs of Staff to the Secretary of Defence. 1964. August 14 [Меморандум КНШ № 701-64. Комитет начальников штабов — министру обороны. 1964. 14 августа] // Ibid. P. 681—682.

прежней, а то и с большей интенсивностью *даже* [здесь и далее выделено мною. — Р. М.] в том случае, *если* Северный Вьетнам будет *полностью* разрушен». По этой причине генерал Джонсон сказал своим коллегам, что, хотя бомбардировки Северного Вьетнама смогут негативно сказаться на «интенсивности вьетконговских операций на Юге, «войну против повстанцев нужно вести в самом Южном Вьетнаме и в приграничных районах». Генерал предположил, что «список девяноста четырех целей» лучше положить на полку, если мы не хотим, чтобы северовьетнамцы или китайцы вторглись на территорию Южного Вьетнама или Лаоса. Он полагал, что данная им рекомендация находится в полном соответствии с прогнозом его коллег, не исключающим возможность «более чем вероятного» ответного удара со стороны Северного Вьетнама или Китая¹.

Однако в докладной записке, которую члены КНШ обсудили со мной и Максом 8 сентября, не говорилось ни об этом предостережении, ни о каких-либо иных высказываниях генерала Джонсона.

Вопрос об эффективности бомбардировок, поставленный генералом Джонсоном, на протяжении последующих трех с половиной лет занимал одно из центральных мест в тех обсуждениях, в которых участвовали мы с президентом, с одной стороны, и руководство КНШ и военное командование во Вьетнаме, с другой. Он рассматривался также на двух слушаниях в Конгрессе — в 1966 и 1967 годах — и каждый раз вызывал бурные дискуссии. Члены Комитета по вооруженным силам поддерживали точку зрения Гарольда Джонсона, высказанную в 1964 году (замечу в связи с этим, что решения, которые принимались президентом и мною как министром обороны после ознакомления с его позицией, в значительной мере основывались на мнении генерала).

Расхождения во взглядах членов КНШ по данному вопросу вскрыли наличие и других фундаментальных проблем. Сторонники бомбардировок в ВВС и ВМС относились к ним как к чему-то само собой разумеющемуся, и переубедить их было невозможно. Придерживаясь подобных взглядов, они, естественно, не смогли проанализировать возможные последствия бомбовых ударов в той или иной конкретной ситуации. В армии (за исключением сил особого назначения) и в морской пехоте разработку и успешное проведение операций против партизан сочли делом довольно сложным. И, кроме того, все ведомства (равно как и я сам) совершенно недооценивали решимость Ханоя, его стойкость, способность активно содействовать усилению позиций Вьетконга на Юге.

Я вплотную подошел к ответу на вопрос, который задавал сам себе в связи с девяноста четырьмя целями, когда ознакомился с отчетом

---

¹ См.: CSAM-472-64 to JCS. 1964. September 4. JMF 9155.3 [Меморандум ЦСА № 472-64 КНШ. 1964. 4 сентября. JMF 9155.3] // History of the Joint Chiefs. Pt.1. Ch. 12. P. 14–16.

о маневрах под кодовым названием «Сигма II-64», организованных в середине сентября 1964 года Объединенным агентством по проведению военных учений КНШ. В нем утверждалось, что «бомбардировки военных и промышленных объектов» Северного Вьетнама «не способны в ближайшее время привести к ликвидации повстанческого движения в Южном Вьетнаме» и «если и окажут, то только весьма незначительное воздействие на низкий жизненный уровень» противника¹.

Сайгонское правительство теряло контроль над ситуацией в стране быстрее, чем мы предполагали при обсуждении с президентом возможных действий с нашей стороны. 6 сентября Макс, взволнованный последними событиями, направил нам телеграмму. В ней говорилось, что «только срочные меры, предпринятые сильным лидером, смогут исправить ситуацию, а никакого Джорджа Вашингтона в Сайгоне не видно». С первых дней деятельности администрации Кеннеди мы считали политическую стабильность основной предпосылкой эффективности нашей вьетнамской стратегии. Но теперь, судя по словам Макса, она оказалась просто недостижимой. В докладной записке, распространенной РУМО вскоре после получения его телеграммы, содержащиеся там суждения повторялись чуть ли не дословно. Сотрудники РУМО пришли к выводу, что «сейчас нет никаких шансов на появление стабильного правительства, способного успешно вести войну в Южном Вьетнаме»².

Эти две оценки должны были заставить нас заново определить основные цели и средства их достижения. Но мы этого не сделали — прежде всего потому, что никто не хотел обсуждать возможность ухода из Вьетнама. Мы думали, что это могло бы пробить огромные бреши в стене, препятствующей распространению коммунизма по всей Юго-Восточной Азии. А допустить подобного мы не могли.

Так как я доверял оценкам РУМО и еще не раз буду ссылаться на них на страницах данной книги, то объясню вам сейчас, что они представляли собой. В 1950 году ЦРУ создало независимый орган — Совет национальных оценок (СНО). Его задачей являлось прогнозирование важнейших политических и военных событий и тенденций на основе собранных оценок. Они содержались в докладных записках различных разведывательных служб, в том числе Бюро разведки и исследований (БРИ) при Государственном департаменте и соответствующих служб в военных ведомствах. Обычно РУМО рассылало на отзыв различные

¹ См.: Sigma II-64 Final Report. P. D-14—D-15 [Заключительный отчет «Сигма II-64». C. D-14—D-15] // LBJL.

² Embtel 768 (Saigon). Taylor to Rusk. 1964. September 6 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 768. Тэйлор — Раску. 1964. 6 сентября] // FRUS. 1964—1968. Vol. 1. P. 733—736; SNIE 53-64. Chances for a Stable Government in South Vietnam. 1964. September 8 [Специальные оценки национальной разведки № 53-64. Шансы на стабильное правительство в Южном Вьетнаме. 1964. 8 сентября] // Ibid. P. 742—746.

проекты другим агентствам, а его директор отклонял или одобрял данные ими оценки, руководствуясь собственным выбором. Далее те из них, которые получали одобрение, поступали «наверх», в службу Правления безопасности, и наконец — к директору ЦРУ. Он направлял окончательные оценки еще выше — президенту и его ведущим советникам.

Большую часть того времени, что я пребывал на посту министра обороны, РУМО возглавлял Шерман Кент, бывший профессор истории в Йельском университете. С виду похожий чем-то на известного персонажа мистера Чипса, он обладал редкой проницательностью и превосходно разбирался в вопросах геополитики. Даже не соглашаясь с ним, что случалось не часто, я испытывал к нему глубочайшее уважение. Доклады, подготовленные его сотрудниками и при его непосредственном участии, оказали на меня очень большое влияние.

Когда мы встретились с президентом 9 сентября, чтобы обсудить возможный курс действий, расхождение во взглядах среди военных было слишком уж явным. Командующий штабом ВВС и командующий корпусом морской пехоты считали необходимым немедленно начать бомбардировки Северного Вьетнама. Председатель КНШ («Бас» Уилер), начальник штаба сухопутных сил, командующий операциями ВМС, генерал Уэстморленд и посол Тэйлор полагали, что нам не следует подвергать испытаниям слабый сайгонский режим активными действиями против Севера.

Президента Джонсона очень беспокоила нестабильность политической обстановки в Южном Вьетнаме. Он открыто выражал опасения по поводу бесполезности всех наших усилий. Макс решительно заявил, что мы не можем допустить победы Ханоя. «Бас», соглашаясь с ним, выразил единодушное мнение членов КНШ, что потеря Южного Вьетнама будет означать для нас потерю всей Юго-Восточной Азии. Дин Раск и Джон Маккон также горячо отстаивали данное мнение. Но никто из нас, включая меня, не задал вопрос, как и каким способом мы сможем предотвратить эту потерю. Джонсон, завершая встречу, поручил «Басу» передать всем представителям КНШ — сторонникам незамедлительных бомбардировок Севера, что мы не выпустим наш истребитель сражаться в десяти раундах до тех пор, пока он не проявит себя, по крайней мере, в одном. «Прежде нам следует подготовить его таким образом, чтобы он выдержал хотя бы три или четыре схватки», — проворчал президент. Характерно, он ни словом не обмолвился о возможной эскалации военных действий и их влиянии на исход выборов, до которых оставалось всего два месяца.

Джонсон был прав, испытывая тревогу в связи с нестабильным положением в Южном Вьетнаме. Через четыре дня там чуть было не произошел очередной государственный переворот. На сей раз его возглавили офицеры католики, считавшие, что генерал Кхань слишком снисходителен к буддистам. Группы вооруженных католиков вошли в

Сайгон и захватили несколько правительственных зданий, однако молодые офицеры, преданные Кханю, сумели их остановить.

Рассказав президенту об этом эпизоде, Дин телеграфировал Максу, что «разногласия между руководителями [Южного] Вьетнама производят за рубежом гнетущее впечатление». Он с горечью спросил: «Каков смысл [нашего] участия, если южновьетнамские лидеры не в состоянии объяснить мораторий на свои личные распри?» Даже адмирал Шарп начал выражать сомнения. 25 сентября он направил телеграмму «Басу» Уилеру, заявив, что «политическая ситуация в Республике Вьетнам сейчас крайне нестабильна и вызывает серьезные вопросы относительно будущего курса наших действий... Похоже, что решением может стать их полная отмена». ЦРУ в сущности повторило его слова: «Все свидетельствует о продолжающейся деморализации южновьетнамцев и их неспособности стабилизировать обстановку в ближайшие недели, что чревато опасностью для политической основы проводимого нами курса и затрудняет достижение наших целей в Южном Вьетнаме»¹.

Именно в этот смутный период, 5 октября 1964 года, Джордж Болл отправил Дину, Маку и мне памятную записку объемом в шестьдесят две страницы, в которой содержалась критическая оценка нашей вьетнамской политики. Его глубина, масштабность и резкость суждений были поистине замечательны. Да и сам автор этого меморандума был яркой личностью. Огромный, похожий на медведя, пронизательный, находчивый и превосходно владеющий пером, Джордж являлся убежденным «атлантикистом» и твердо верил в первостепенное значение отношений Америки с Европой. В конце Второй мировой войны он служил в инспекционном подразделении стратегической бомбардировочной авиации США в Германии, затем был советником французского правительства в период событий в Индокитае в 50-х годах. Дин, Мак и я поддерживали европейскую направленность его политической линии и с уважением относились к его взглядам, касающимся Вьетнама.

Джордж начал свою записку с констатации хорошо известных фактов: политическое положение в Сайгоне резко ухудшилось, и возможность формирования сильного правительства, способного противостоять повстанцам, крайне мала. Исходя из этого, он предложил четыре

¹ Deptel 654. Rusk to Taylor. 1964. September 6 [Телеграмма Государственного департамента № 654. Риск — Тэйлору. 1964. 6 сентября] // Ibid. P. 766—767; CINCPAC 25. Sharp to Wheeler. 1964. September 25 [Главкомандующий в зоне Тихого океана. Телеграмма № 25. Шарп — Уилеру. 1964. 25 сентября] // PP. Vol. 3. P. 569—570; CIA Paper. Deterioration in South Vietnam. 1964. September 28 [Документ ЦРУ. Ухудшение положения в Южном Вьетнаме. 1964. 28 сентября] // FRUS. 1964—1968. Vol. 1. P. 801. № 6. См. также: SNIE 53-2-64. 1964. October 1 [Специальные оценки национальной разведки № 53-2-64. 1964. 1 октября] // Ibid. P. 806—811.

варианта американской политики: 1) продолжение теперешнего курса действий; 2) развязывание войны; 3) интенсивные воздушные бомбардировки Севера; 4) выработку политического решения. Он проанализировал каждый из них. Нынешний курс неуклонно вел вниз по спирали, и его итогом стало резкое ухудшение политической и военной обстановки. Переход к военным действиям чреват для Америки тяжелыми потерями человеческих жизней в джунглях и на рисовых полях. Бомбардировки Севера не смогут сломить его волю или помешать ему поддерживать Вьетконг. (Кроме того, он также сказал, что удары с воздуха никак не укрепят наши позиции на переговорах, но изменил это мнение в начале следующего года.)

Джордж особенно сомневался в посылке, будто «мы сможем вести наступательные действия, контролируя при этом степень риска». Я запомнил его язвительные и пророческие слова: «Если уж мы окажемся на спине у тигра, то не сможем спуститься оттуда в безопасное место»¹.

Оставался только четвертый вариант. Джордж заметил, что мы «почти не учитывали возможность использования политических средств в поисках выхода из кризиса». И заключил: «Мы должны немедленно заняться изучением этого вопроса».

Он был абсолютно прав и в том, и в другом отношении. Но его записка не слишком продвинула нас в сторону политического решения. По его мнению, на переговорах следовало бы обсудить следующие вопросы:

1. Эффективное участие Северного Вьетнама в приостановке действий повстанцев на Юге.
2. Формирование независимого правительства в Сайгоне, способного уничтожить последние повстанческие отряды, коль скоро Ханой прекратит оказывать им прямую поддержку.
3. Признание того, что сайгонское правительство вправе обратиться за помощью к Соединенным Штатам или любому дружественному государству, если ему вновь понадобится поддержка.
4. Подкрепление гарантий независимости сайгонского правительства другими подписавшимися сторонами².

Активно поддерживая Джорджа по всем этим пунктам, Дин, Мак и я считали в то же время, что отстаивание политического решения без эффективных и своевременных мер приведет в конечном итоге к безоговорочному выводу всех наших вооруженных сил. Мы взвесили эту возможность и ее воздействие на глобальную безопасность Америки. Мы видели, что с помощью Ханоя Патет-Лао успешно боролся за

¹ Однако он не заметил, что мы уже оказались в этом положении.

² Ball G. Top Secret: The Prophecy the President Rejected // Atlantic Monthly. 1972. July. P. 45.

власть в Лаосе, Сукарно все ближе подталкивал Индонезию к коммунистической орбите, Малайзия испытывала постоянное давление со стороны повстанцев, за спиной которых стоял Китай, в то время как сам Китай только что испытал свое первое атомное устройство, его лидеры продолжали призывать к революции, а Хрущев и его преемники в Кремле выступали с воинственными заявлениями против Запада. Учитывая все эти тревожные факторы, мы сочли вариант безоговорочного ухода из региона совершенно неприемлемым.

Джордж разделял эти выводы. Но в его памятной записке содержалось устранимое внутреннее противоречие. Он правильно определил проблему, с которой мы столкнулись. Он правильно оценил степень риска, коим, возможно, чреваты военные действия. Он правильно указал на то, что нам следует уделить больше внимания подготовке к переговорам. И правильно наметил цели переговоров. Но было неясно, смогут ли выдвинутые им предложения способствовать достижению провозглашенных целей.

В субботу, 7 ноября, Дин, Мак и я обсудили с Джорджем его записку. У меня не сохранились заметки, посвященные этой встрече, но, думаю, мы точно изложили наши взгляды. Джордж согласился с тем, что в его «весьма сыром и предварительном документе» немало «очевидных пробелов». Он сказал, что предложил его «для расширения сферы возможных действий, способных привести к иным решениям проблемы»¹.

Мы совершили серьезную ошибку, отказавшись рассмотреть эти действия. И в ней виноваты все четверо. В своей записке Джордж попытался выдвинуть ряд важных предложений, которые следовало обсудить на самом высоком уровне. Мы с уважением отнеслись к проекту Джорджа, но данный документ заслуживал большего. Нам нужно было немедленно переговорить с президентом и показать ему эту записку. А вышло так, что он ознакомился с меморандумом лишь 24 февраля следующего года, когда Джордж передал его Джонсону через помощника президента Билла Мойерса. Вернув записку Джорджу, мы настояли на том, чтобы он сразу же передал ее экспертам из Госдепартамента, ЦРУ, Министерства обороны и Совета национальной безопасности для оценки и анализа. И дело вовсе не в том, что он, по нашему мнению, не нашел приемлемых способов осуществления общих для нас целей. Зимой и весной 1965 года взгляды Джорджа заметно изменились и приблизились к моей позиции: теперь он также считал, что переговоры должны последовать за оказавшимся на Север военного давления.

Наблюдая, как мы с Дином отстаиваем наши точки зрения и спорим друг с другом о вьетнамских проблемах, Мак Банди высказал замеча-

¹ Ball G. Top Secret: The Prophecy the President Rejected // Atlantic Monthly. 1972. July. P. 49.

ние, которое я не могу забыть. Он отметил, что государственный секретарь предпочитает решать конфликт военными средствами, тогда как я, министр обороны, думаю о переговорах. В его иронии отразилась вся тяжесть вопроса, с которым мы столкнулись.

Ситуация в Южном Вьетнаме еще более обострилась в октябре, когда влияние Кхана ощутимо ослабло и многие в стране начали ратовать за возвращение гражданского правительства. В конце месяца Комитет начальников штабов направил мне служебную записку, выражавшую его глубокую озабоченность. Руководство КНШ предложило новую, расширенную, программу военных действий, включавшую в себя воздушные операции над территорией как Северного, так и Южного Вьетнама. При выработке рекомендаций КНШ исходил из неприемлемости ухода Соединенных Штатов из Южного Вьетнама или Юго-Восточной Азии. Военные, выступавшие за активизацию боевых действий, были настолько встревожены, что просили меня как можно скорее ознакомить президента с их запиской¹.

Первого ноября 1964 года я встретился с «Басом» Уилером, чтобы обсудить их предложения. Он заявил, что военное руководство настроено чрезвычайно решительно и если президент откажется от расширения военных действий, то, по мнению большинства в КНШ, США придется уйти из Южного Вьетнама. Макс Тэйлор придерживался прямо противоположной позиции. Я попросил его прокомментировать предложения КНШ, и он сказал, что эти предложения означают отход от основного принципа администраций Кеннеди и Джонсона: «вьетнамцы ведут свою войну в Южном Вьетнаме». Несколько недель ранее Уэстморленд прислал телеграмму. В ней говорилось, что если в ближайшее время не будут получены разумные проекты формирования эффективно действующего правительства Южного Вьетнама, то никакие военные акции США в этой стране или за ее пределами не смогут предотвратить ухудшения общей ситуации².

Ознакомившись со столь противоречивыми советами, президент создал 2 ноября рабочую группу под руководством Билла Банди для нового рассмотрения и анализа политических альтернатив. На следу-

¹ См.: JCSM-902-64. Wheeler to McNamara. 1964. October 27 [Меморандум КНШ № 902-64. Уилер — Макнамаре. 1964. 27 октября] // FRUS. 1964—1968. Vol. 1. P. 847—857.

² См.: Notes of Meeting with General Wheeler. 1964. November 1 [Заметки о встрече с генералом Уилером. 1964. 1 ноября] // Robert S. McNamara Papers. Department of Defence; Embtel 252 (Saigon). Taylor to McNamara. 1964. November 3 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 252. Тэйлор — Макнамаре. 1964. 3 ноября] // FRUS. 1964—1968. Vol. 1. P. 882—884; MACV 5532. Westmoreland to Wheeler. 1964. October 17 [Управление по оказанию военной помощи Вьетнаму. Документ № 5532. Уэстморленд — Уилеру. 1964. 17 октября] // Ibid. P. 838—839.

ющий день Джонсон одержал победу на выборах: он был избран подавляющим большинством голосов, рекордным в истории США.

Рабочая группа начала с самого начала¹. Просмотрев множество вариантов предположений, проектов и решений, она занялась переоценкой наших позиций в Южном Вьетнаме и наших целей в Юго-Восточной Азии. Весь этот процесс занял месяц, и его результаты привели к тревожным выводам. Перед встречей с президентом 1 декабря группа подготовила проект документа, в котором, в частности, говорилось:

Мы не можем гарантировать победу некоммунистического Юга, если в его поддержку не будут предприняты нами боевые действия, необходимые для нанесения военного поражения Северному Вьетнаму, а возможно, и коммунистическому Китаю. Подобные акции сопряжены с немалым риском, поскольку способны привести к крупному конфликту в Азии, который не ограничится воздушными и морскими операциями, а потребует проведения наземных операций на уровне войны в Корее и, возможно даже, в отдельных случаях, применения ядерного оружия².

Военное руководство, проигнорировав указанный риск, заявило, что предложенные им меры «куда более приемлемы, чем продолжение нынешнего курса или уход из Юго-Восточной Азии». Однако риск был все же столь велик, что президент Джонсон и я решили твердо избегать его. Все наши усилия в данном направлении в значительной степени предопределили ту непоследовательность, которая характеризовала в последующие годы развернутую нами воздушную войну, сопровождавшуюся нанесением бомбовых ударов по Северному Вьетнаму³.

Ко всему прочему мы стремились избежать риска ядерной войны.

Президента и меня шокировали прямолинейные подходы руководителей КНШ и их помощников, проявившиеся и в этом, и в других случаях⁴, их готовность к риску и возможному использованию ядерного оружия. Помимо моральных соображений, связанных с ядерными ударами, развязывание войны с противником, оснащенным аналогичным видом ядерного оружия, — это практически то же самое, что решиться на самоубийство. Я не хочу преувеличивать опасность представленных нам предложений, но полагаю, что нам следует избегать даже

¹ Помимо Уильяма Банди, помощника государственного секретаря, в состав рабочей группы вошли: сотрудник оперативного управления КНШ вице-адмирал Ллойд М. Масгин — сотрудник ЦРУ, специалист по Китаю и Азии Харолд Форд и помощник министра обороны по вопросам международной безопасности Джон Т. Макнотон.

² В данном случае источник цитаты автор не указывает. — *Примеч. ред.*

³ См.: Vice Admiral Mustin to William Bundy. 1964. November 10 [Вице-адмирал Масгин — Уильяму Банди. 1964. 10 ноября] // PP. Vol. 3. P. 621—628; JCSM-955-64. Wheeler to McNamara. 1964. November 14 [Меморандум КНШ № 955-64. Уилер — Макнамаре. 1964. 14 ноября] // FRUS. 1964—1968. Vol. 1. P. 1057—1059.

⁴ См., напр., с. 136, 254—255, 294.

минимального риска, ведущего к катастрофе. Этот урок не был усвоен в 1964 году. Боюсь, что ни наша страна, ни весь мир не усвоили его по сей день. (Поскольку этот вопрос жизненно важен для нашей безопасности, я исследую его в заключительной чисти данной книги — «Вместо эпилога».)

Девятнадцатого ноября президент получил новый отчет. Дин сказал ему, что участники группы сосредоточили свое внимание на следующих трех альтернативах: 1) переговоры и соглашения на любой приемлемой основе;¹ 2) резкое усиление военного давления на Северный Вьетнам и 3) «промежуточный» вариант — усиление давления на Северный Вьетнам при одновременном налаживании каналов связи, если Ханой проявит стремление к соглашению. Дин заверил президента, что мы не настаиваем на развитии и осуществлении какого-либо из этих вариантов и президент вправе выбрать тот, который, на его взгляд, в наибольшей степени отвечает интересам страны.

День 1 декабря выдался солнечным и холодным. Снег впервые выпал в этом году, и весь город оказался под белым покровом. Президент Джонсон вернулся со своего ранчо, где он отмечал День благодарения, и вместе со своими ведущими советниками по Вьетнаму собирался принять решение на основе рекомендаций рабочей группы. Присутствие Макса Тэйлора, прилетевшего из Сайгона, и вице-президента Хьюберта Хэмфри свидетельствовало о значении этого совещания. Президент вновь выслушал невеселые сообщения о неустойчивости политической ситуации в Южном Вьетнаме и предупреждение о том, что потеря этой страны существенно подорвет нашу политику сдерживания.

Рабочая группа представила три возможных решения (вариант проведения переговоров с последующим соглашением «на достигнутой основе» даже не стали рассматривать):

- а) Продолжение нынешнего неопределенного курса действий без особой надежды избежать военного поражения.
- б) Развертывание интенсивных бомбардировок коммуникационных линий Северного Вьетнама, идущих на Юг, и девятиста четырех целей, предложенных руководством КНШ, чтобы вынудить Ханой прекратить поддержку Вьетконга и/или начать переговоры.
- в) Поэтапное развертывание тех же бомбардировок с аналогичными целями, но с меньшим риском перерастания подобных действий в широкомасштабную войну.

---

¹ Когда представителя КНШ, работавшего над отчетом, спросили, тяжело ли отразится поражение Южного Вьетнама на внутривнутриполитическом положении в других некоммунистических странах, он коротко ответил: «Катастрофически, если не хуже», — и добавил: «С военной точки зрения Южный Вьетнам — это исключительно важный плацдарм».

Даже военные совершенно по-разному отнеслись к предложенным решениям: руководство КНШ отстаивало вариант «б», Макс предпочитал вариант «а» с постепенным переходом к варианту «в», а Уэстморленд считал, что нам нужно продолжать осуществление варианта «а» в течение следующих шести месяцев.

Ситуацию заметно усложнило выдвинутое незадолго до встречи предложение ЦРУ начать бомбардировки. Выраженная в нем позиция в значительной степени совпадала с мнением руководства КНШ об уязвимости транспортной системы и основных промышленных объектов Северного Вьетнама, так что удары с воздуха вполне могут разрушить и то и другое. Но ЦРУ продолжало подчеркивать, что Северный Вьетнам — страна аграрная, крайне децентрализованная и что множество деревень находится на полном самообеспечении. А значит, бомбардировки не создадут особых экономических проблем и не подорвут возможности Ханоя, который и впредь будет помогать ведению партизанской войны на Юге как людскими ресурсами, так и поставками снаряжения. ЦРУ также отметило, что северовьетнамские лидеры считают падение Сайгона и свою победу делом ближайшего будущего, поэтому они смогут выдержать бомбардировки и не изменят свой курс¹.

Сейчас, много лет спустя, стало ясно, что наш доклад президенту содержал много пробелов. Мы не смогли ответить на несколько основных вопросов:

- Если во время смерти президента Кеннеди мы полагали, что только сами южновьетнамцы способны победить в войне (а это, в свою очередь, требовало политической стабильности в стране), то почему же сейчас ситуация стала совсем иной?
- На чем основывалась убежденность в том, что программа бомбардировок — «интенсивных» или «позапных» — заставит Ханой прекратить свою помощь Вьетконгу и/или приступить к переговорам?
- Если мы допускали, что Северный Вьетнам согласится на переговоры, то какие цели США могли быть достигнуты в результате их?
- Какие сухопутные силы США требовались при реализации вариантов «б» и «в», чтобы обеспечить защиту авиабаз в Южном Вьетнаме, а также предотвращение развала южновьетнамской армии в то самое время, когда мы будем наносить бомбовые удары по Северному Вьетнаму?
- Какие потери были сопряжены с реализацией каждого из вариантов?
- Как отреагируют Конгресс и американская общественность на выбранный нами курс?

¹ См.: CIA Intelligence Assessment: The Situation in Vietnam. 1964. November 24 [Оценки ЦРУ: Ситуация во Вьетнаме. 1964. 24 ноября] // PP. Vol. 3. P. 651–656.

Неудивительно, что президент Джонсон совершенно растерялся. Он столкнулся с необъяснимой ситуацией. Его тревога и отчаяние вызвали целую серию вопросов и замечаний: «Что мы можем сделать?», «Почему бы не сказать: “Вот так!”?», «Какими ресурсами мы располагаем?», «Если им нужны доллары, то дайте их», «Решающий день уже недалек», «Я не стал бы нападать на своего соседа, когда у меня температура сорок градусов. Сначала мне нужно выздороветь... и если мы сейчас прикажем Уилеру нанести удар, то можем получить в ответ то же самое».

Услышав последнее замечание, Макс ответил:

— Я сомневаюсь, что Ханой нанесет ответный удар.

— Разве Макартур не говорил то же самое перед тем, как Китай вторгся в Корею? — огрызнулся Джонсон.

Наконец президент решил:

— Я хочу дать Максу последний шанс достичь политической стабильности. Если это не сработает, я буду обсуждать с вами, генерал Уилер, вопрос о бомбардировках Севера.

Он условно одобрил план, который должен был осуществляться в два этапа. Первый этап включал в себя разведывательные полеты над проходящими через Лаос путями, по которым боевые группы проникали в Южный Вьетнам, и предупредительные бомбардировки Северного Вьетнама в случае нападения на любые объекты, находящиеся в ведении США. Макс же было предписано заняться вторым этапом, предусматривавшим развязывание воздушной войны против Северного Вьетнама. Предполагалось, что подобный шаг со стороны Соединенных Штатов положительно скажется на настрое лидеров Южного Вьетнама и они наконец наведут порядок у себя в стране¹.

Итак, Макс отправился обратно в Сайгон с посланием, адресованным южновьетнамским генералам: продолжение американской поддержки требует политической стабильности, а это значит, что генералы должны прекратить свои ссоры друг с другом и нападки на правительство. Но это указание так и не было выполнено. Сайгонский генералитет по-прежнему оставался расколотым на группировки. Вскоре после возвращения Макса генералы, устроив очередной государственный переворот, убрали из правительства большинство его членов. Создавалось впечатление, что они стремились заменить гражданское правление военным.

Их действия вывели Макса из себя. Он потребовал встречи с южновьетнамскими лидерами и устроил им выволочку, совсем как инструктор по строевой подготовке отряду новобранцев. Он саркастически заметил, что, возможно, его французский язык был далек от совершенства

---

¹ См. рукописные записи об этом совещании, сделанные Джоном Макнотомом и Макджорджем Банди и хранящиеся в: Box 1: MNF. LBJL; Papers of McGeorge Bundy [Документы Макджорджа Банди] // Ibid.

(на самом деле он говорил по-французски совершенно свободно), раз офицеры не поняли его указаний о необходимости стабилизировать положение. «Вы тут переколотили немало посуды, посмотрим, как уберете теперь весь этот хлам», — бросил он им. Его реплика вызвала у военных лишь презрительные усмешки и неприязнь, но ничего менять в своем поведении они так и не стали.

Разочарованный и отчаявшийся, Макс направил в конце года в Вашингтон телеграмму, в которой, в частности, сказал: «Если положение еще ухудшится... мы должны будем порвать все отношения с правительством Южного Вьетнама и вернуть на родину основную часть наших советников. Таким образом... мы избавимся от ненадежного союзника и дадим правительству Южного Вьетнама шанс самому встать на ноги и нести ответственность за свои неуклюжие шаги»¹.

Почему-то этот отрывок из телеграммы Макса не привлек нашего внимания. Мы (и я думаю, что Макс тоже) не хотели бы делать ничего, способного пробить брешь в «стене сдерживания», пока у нас оставалась хоть какая-то надежда. Теперь, много лет спустя, мне стало совершенно ясно, о чем говорил Макс: прекращение нашей программы, если южновьетнамцы сами попросят нас уйти или же воцарившийся хаос заставит нас вывести наших советников, позволит США сохранить множество жизней и сэкономить ресурсы, не подрывая при этом основы нашей политики сдерживания. Очевидно, мы должны были выбрать именно этот курс и прекратить контакты с Южным Вьетнамом.

Но мы этого не сделали.

Вместо того мы по-прежнему обсуждали, какому курсу военных действий отдать предпочтение. 30 декабря президент направил Максу телеграмму и с раздражением сообщил, что КНШ продолжает просить его о бомбардировках Севера. «Всякий раз, когда я получаю рекомендации военных, — напомнил он Максу, — в них содержится призыв к широкомасштабным бомбардировкам. Я никогда не считал, что эту войну... можно выиграть с воздуха. А вот что нам действительно нужно, так это наличие армии с численностью личного состава, достаточной для выполнения стоящих перед ней задач. Я готов содействовать расширению усилий США в данной области». Предложение о широкомасштабном развертывании сухопутных сил грянуло как гром с ясного неба².

Отклик Макса на инициативу президента был едва ли не самым аналитичным и вдумчивым из всех, полученных мной из Сайгона за семь лет занятий Вьетнамом и его проблемами:

Мы имеем дело с постоянно ухудшающейся политической ситуацией. Для нее характерны крайняя неразбериха, безответственность и раскол

¹ См.: Embtel 2010 (Saigon). Taylor to Rusk. 1964. December 31 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 2010. Тэйлор — Раску. 1964. 31 декабря] // NSF. LBJL.

² См.: CAP-64375. President Johnson to Taylor. 1964. December 30 [Документ № 64375. Президент Джонсон — Тэйлору] // FRUS. 1964—1968. Vol. 1. P. 1057—1059.

в армейских рядах. Программа умиротворения никак не реализуется, антиамериканские настроения могут усилиться, имеются свидетельства роста террористических актов Вьетконга непосредственно против американских граждан. В Южном Вьетнаме господствуют разочарование и утрата моральных критериев. Если эти условия каким-то образом не изменятся... нам, по всей вероятности, вскоре предстоит столкнуться... с правительством, враждебным США, которое попросит нас уйти из страны и попытается договориться с Национальным фронтом освобождения [политическим крылом Вьетконга] и с Ханоем... Подобная ситуация может создаться довольно быстро.

Обсудив вопрос о проведении наземных операций, он предостерег президента, сказав, что, согласно известному правилу силового превосходства, для нанесения поражения Вьетконгу понадобится широко-масштабное развертывание войск:

Отсутствие безопасности для населения — это результат постоянных и успешных подрывных действий вьетконговцев. Основы их партизанской борьбы были заложены еще в 1954—1955 годах. С тех пор Вьетконг значительно пополнил ряды своих бойцов [в настоящее время на его стороне сражаются примерно 100 тысяч хорошо подготовленных партизан]... Вьетконговцы получают убежище и необходимое снаряжение в ДРВ [Демократической Республике Вьетнам] и в Лаосе. Я не припомню ни одной успешно завершенной кампании против партизан, если на каждого из них приходилось менее десяти человек из состава правительственных войск и заранее не были перекрыты все каналы оказания им помощи из-за рубежа.

Макс подчеркнул, что соотношение правительственных и вьетконговских сил в Южном Вьетнаме за последние два года никогда не превышало пяти к одному и вряд ли стоит рассчитывать на более удачные пропорции в обозримом будущем.

Затем он задал риторический вопрос: «Что мы должны делать?» Он заметил, что мы не можем «изменить национальный характер, создать сильное руководство, если таковое отсутствует, увеличить численность южновьетнамской армии или закрыть слабо защищенные границы, чтобы прекратить проникновение в Южный Вьетнам боевых отрядов противника». Он полагал, что мы должны изменить свою тактику, привнести в нее новый элемент, что «дало бы нам шанс на успех в ближайшее же время... Это программа последовательных ударов с воздуха, призванная сломить волю ДРВ» и создать «ситуацию, благоприятствующую переговорам с Ханоем». Он разделял убежденность президента в том, что партизан нельзя победить одними воздушными операциями. Но он и не ставил перед собой такой цели. Скорее, Макс стремился к тому, чтобы «на волю лидеров ДРВ» было оказано действительное давление. Макс завершил свою длинную телеграмму предупреждением о том, что «в настоящий момент мы сбились с пути, и нам

надо, рискуя, поменять направление», потому что «без соответствующих позитивных действий сегодня мы в ближайшем будущем должны будем признать свое поражение»¹.

Но мы не предприняли никаких действий. Между тем в начале января Вьетконг обрушил свои силы на два элитных южновьетнамских подразделения и разгромил их. К нам также поступали донесения разведки о том, что отряды, входившие в состав северовьетнамской армии, начали проникать на Юг. В результате мы стали всерьез опасаться, что Ханой и Вьетконг готовятся к решительному наступлению, которому Сайгон с его армией не смогут противостоять. Казалось, Южный Вьетнам находится на грани полной катастрофы.

Эти события привели меня к выводу, — он дался мне тяжело, и я никак не хотел с ним мириться, — что настало время изменить курс. 27 января 1965 года, через неделю после инаугурации президента, Мак и я представили ему короткую, но весьма убедительную докладную записку. Мы подробно обсудили ее тем же утром с Джонсоном и Дином в резиденции президента, в Зале подписания договоров, где Авраам Линкольн советовался со своими министрами во время Гражданской войны. Мак и я полагали, что события сейчас достигли сходной критической отметки. Нам хотелось, чтобы президент узнал, как отразилась столь тяжелая ситуация на ходе наших рассуждений. В записке, адресованной Джонсону, говорилось:

Мы оба абсолютно убеждены в том, что нынешний политический курс способен привести только к катастрофическому поражению. В настоящий момент мы лишь выжидаем в надежде на появление стабильного правительства. Наши декабрьские распоряжения ясно дали понять, что широкомасштабные действия против коммунистов невозможны без создания подобного правительства. В последние шесть недель все попытки в этом направлении были безуспешны. Боб и я уверены в том, что нам не следует рассчитывать на успех в данной области, пока мы сами не изменим свою политику и систему приоритетов.

Причина осложнений в Сайгоне связана с распространенным убеждением, будто у антикоммунистов нет никаких перспектив. Все большее число достойных людей скрывают свои истинные взгляды, пытаясь избежать ответственности за проведение твердой антикоммунистической политики. Наши лучшие друзья обескуражены нашей пассивностью в то самое время, когда объекты США подвергаются нападению. Вьетнамцы не хуже нашего знают, что Вьетконг побеждает в сельской местности. Они видят, что огромные силы, находящиеся в распоряжении Соединенных Штатов, до сих пор не задействованы, и не понимают, в чем же

---

¹ Embtels 2052-2058 (Saigon). Taylor to President Johnson. 1965. January 6 [Телерпаммы из посольства в Сайгоне № 2052-2058. Тэйлор – президенту Джонсону. 1965. 6 января] // Deployment. Vol. 1. Tabs 1-10. NSCH. Box 40: NSF. LBJL.

проявляется твердая и активная политика США. Они считают, что мы избегаем серьезного риска. В определенном смысле это возмутительно, если учесть, что мы делаем и еще готовы сделать, как только они начнут шевелиться. По крайней мере, так сейчас думают Макнамара и я.

Нерешительность и неспособность сделать правильный выбор, столь характерные для вьетнамских властей, все чаще и чаще становятся отличительной чертой и наших соотечественников, американцев, даже самых лояльных и решительных. Об этом в той или иной мере свидетельствуют наши телеграммы из Сайгона и поведение самых преданных государственных служащих. В основной директиве говорится о том, что мы так и не продвинемся вперед, пока не будет создано стабильное правительство, но никто не надеется на создание такого правительства при нашем бездействии. В результате мы являемся жертвами политики оказания срочной помощи ссорящимся между собой руководителям и пассивного восприятия событий, на которые мы даже не пытаемся влиять. Впрочем, может быть, нам только кажется так.

Боб и я полагаем, что продолжать занимать все ту же пассивную позицию — наихудшая линия поведения. Подобное бездействие способно привести лишь к окончательному поражению и заставить нас покинуть страну в унижительных для нас обстоятельствах.

Мы видим две альтернативы. Первая — это использование нашей военной силы на Дальнем Востоке и попытка изменить политику коммунистов. *Вторая* — направление всех наших ресурсов на путь переговоров ради спасения того немногого, что еще можно сохранить, не усугубляя риск, неизбежно связанный с проведением военных операций. Боб и я склоняемся к выбору первого курса, но полагаем, что нам следует изучить обе альтернативные программы, а затем представить их вам на обсуждение.

Мы оба понимаем, что любое решение подобного рода создает массу серьезных проблем. И мы сознаем, что нести ответственность придется не нам. Мы полностью поддерживали вас в предыдущие месяцы, когда вы придерживались умеренного курса. Мы согласны, что для повышения эффективности наших наземных операций нужно приложить неимоверные усилия. Нам следует также помнить о том, что мы должны еще помогать южновьетнамским властям. Но мы убеждены, что всего этого недостаточно, и настала пора для более трудного выбора.

Вы должны знать, что Дин Риск не согласен с нами. Он не стал оспаривать нашего утверждения, что дела в Южном Вьетнаме идут из рук вон плохо и ситуация там просто отчаянная. Он не возражал, когда мы заявили, что дальнейшее ухудшение ситуации можно приостановить. Он лишь сказал, что последствия как эскалации военных действий, так и ухода из Вьетнама одинаково плохи и нам нужно просто найти способ успешного проведения теперешнего политического курса. По его мнению, было бы просто замечательно, если только возможно такое. Боб и я так не думаем¹.

После долгих месяцев неопределенности и нерешительности мы оказались на распутье.

¹ McGeorge Bundy to President Johnson. 1965. January 27 [Макджордж Банди — президенту Джонсону] // *Memos to the President*. Vol. 8. 1/1 — 2/28/65. Aides Files. McGeorge Bundy: Box 2: NSF. LBJL.

Решение об эскалации

28 января — 28 июля 1965 года

Полгода, последовавшие за меморандумом «на распутье», можно назвать самым решающим и ответственным этапом в истории тридцатилетнего пребывания Америки в Индокитае. В период между 28 января и 28 июля 1965 года президент Джонсон столкнулся с вопросом, сформулированным в нашей докладной записке, и сделал роковой выбор, который вывел Соединенные Штаты на путь массированного военного вторжения во Вьетнам. Это вторжение подорвало основы его президентской власти и раскололо Америку на два враждебных лагеря, впервые со времен Гражданской войны.

Тогда, в тот тяжелейший период, Джонсон отдал распоряжение о бомбардировках Северного Вьетнама, участии Сухопутных войск США в сражениях в Южном Вьетнаме, увеличении численности американского военного контингента в этой стране с 23 тысяч до 175 тысяч человек, возможной переброске уже в 1966 году дополнительных сил в 100 тысяч человек и дальнейшем пополнении личного состава нашей армии, если того потребуют обстоятельства. Подобное решение, принятое без широкого общественного обсуждения и дискуссий, посеяло семена недоверия к власти. Между правительством и обществом образовалась настоящая пропасть.

Как же это случилось? Почему президент Джонсон не смог откровенно сказать обо всем американскому народу? Почему стратегию генерала Уэстморленда не стали открыто обсуждать? Почему мы предпочли эскалацию войны полному выводу вооруженных сил в стремительно ухудшившейся ситуации? Почему не сумели предвидеть последствия наших действий? Как могла политическая ситуация в стране, в частности, стремление президента всячески содействовать построению «Великого общества», а также давление со стороны ультраконсерваторов в обеих партиях, повлиять на вьетнамскую политику, и, вообще, существовало ли такое влияние? Какие надежды, опасения, оценки и суждения — точные и неточные — сформировали наши мышление и решения?

В тот день, когда президент Джонсон получил нашу записку, он направил Мака Банди в Сайгон для оценки возможностей создания стабильного правительства в Южном Вьетнаме. Банди также должен был дать ответ на вопрос: стоит ли начинать военные действия против Северного Вьетнама? Сторонники подобных действий, в том числе сам Мак, Макс Тэйлор и я, считали, что сама постановка такого вопроса может быть воспринята Южным Вьетнамом как свидетельство искренности намерения США воевать на его стороне, а значит, поднимет

дух южновьетнамцев и будет содействовать укреплению их политических структур.

Ситуация, сложившаяся в Сайгоне, подтвердила наихудшие опасения Мака: южновьетнамские генералы продолжали воевать друг с другом и с буддистами. Действия политиков были совершенно неэффективны, религиозные секты устраивали демонстрации и проводили акции протеста. Мак телеграфировал президенту: «Обстановка, сложившаяся в рядах коммунистических сил в стране, идентична гражданской войне внутри гражданской войны»¹.

На третий день визита Мака Вьетконг, используя динамит и минометы, атаковал штаб-квартиру южновьетнамской армии и американскую авиабазу близ Плейку, примерно в 240 милях к северу от Сайгона. Восемь американских военнослужащих погибли, и свыше ста человек получили ранения. Мак, заручившись поддержкой Макса и генерала Уэстморленда, рекомендовал, в качестве ответной меры, незамедлительно нанести бомбовый удар по Северному Вьетнаму, о чем в Вашингтоне говорили уже несколько месяцев. Нападение в Плейку и наш ответный удар предопределили в значительной мере последовавшую за этим эскалацию войны.

Как только президент ознакомился с рекомендациями Мака, он провел в зале правительственных заседаний совещание Совета национальной безопасности с участием лидеров Конгресса. Хотя удары по Северу были сопряжены с дополнительным риском, связанным с визитом в Ханой советского премьера Алексея Косыгина, почти все присутствовавшие, включая специалиста по Советскому Союзу Томми Томпсона и Джорджа Болла, настаивали на необходимости ответа Вьетконгу. Только сенатор Майк Мэнсфилд решительно выступил против. Глядя в глаза президенту, сидевшему на противоположной стороне стола, Мэнсфилд высказал предостережение. Он сказал, что даже если Ханой и осуществил целевое нападение, это должно «многим открыть глаза». «Население Южного Вьетнама не поддерживает нас, — утверждал Мэнсфилд, — а иначе Вьетконг не смог бы нанести столь внезапный удар».

Он попросил Джонсона тщательно взвесить все факты, так как ответный удар будет означать, что Америка больше не намерена играть вполсилы. Президент выслушал Мэнсфилда, а затем отдал приказ о нанесении удара. Он обосновал свои действия полномочиями, данными ему Тонкинской резолюцией².

¹ Bromley Smith to the President 1965 February 4 [Бромли Смит — президенту 1965 4 февраля] // Trip, McGeorge Bundy — Saigon Vol 1 2/4/65 International Meetings and Travel File Box 28/29 NSF LBJL

² См Summary Notes of 545th NSC Meeting (by Bromley Smith) 1965 February 6 [Отчет (Бромли Смита) о 545 м заседании Совета национальной безопасности 1965 6 февраля] // Box 1 MNF LBJL

Следующим вечером Мак вернулся в Вашингтон с отчетом, в котором говорилось:

Ситуация во Вьетнаме ухудшается, и без новых акций США поражение представляется неизбежным... Ставки во Вьетнаме крайне высоки... Международный авторитет Соединенных Штатов и существенная доля нашего влияния поставлены во Вьетнаме на карту. Мы не в состоянии облегчить бремя, которое несут сами вьетнамцы, и в то же время не можем и вести переговоры об уходе из Вьетнама, как бы обещающе ни выглядело сегодня такое предложение... Любой вариант договоренности о выводе наших войск будет означать отказ от поэтапного плана.

Ввиду вышеизложенного Мак рекомендовал политику нанесения выборочных и непрерывных бомбовых ударов по Северному Вьетнаму. При этом он назвал две цели: во-первых, в долгосрочной перспективе, как он надеялся, подобные действия должны, сломив волю Севера, заставить его пойти на сокращение помощи Вьетконгу и/или начать переговоры, и, во-вторых, в краткосрочном плане эти меры, как он считал, «способны быстро поднять настроение у населения на Юге».

Мог ли предложенный курс действий изменить долгосрочный прогноз? Мак этого не обещал. Он подчеркнул, что «будущее Вьетнама мрачно» и «есть масса вещей, которые вьетнамцы должны научиться делать лучше, чем сегодня». Но «нашу позицию во Вьетнаме ослабляет один недостаток, который мы в силах устранить, — констатировал он. — Это широко распространенное мнение, будто у нас нет ни воли, ни сил, ни терпения, ни решимости осуществлять необходимые действия, не отклоняясь от выбранного курса».

В последнем абзаце он выделил основной вопрос: «Даже при самых благоприятных обстоятельствах борьба во Вьетнаме будет очень долгой. По нашему мнению, крайне важно заявить вполне определенно и об этом существенном факте, и о том, как мы понимаем это, с тем чтобы наш народ получил ясное представление о ситуации»¹. Замечу, что этого так и не было сделано.

Мак представил свой доклад на заседании СНБ с участием лидеров Конгресса 8 февраля 1965 года. Президент поддержал предложенную программу бомбардировок, но охарактеризовал ее как «шаг к нанесению поражения агрессору без эскалации войны». В лучшем случае это

¹ McGeorge Bundy to the President. 1965. February 7 [Макджордж Банди — президенту. 1965. 7 февраля] // *Memos to the President*. Vol. 3. Tab 29. 2/8/65. Situation in Vietnam; Tab B: NSCMF: Box 1: NSF. LBJL; Annex A. A Policy of Sustained Reprisal (drafted by McNaughton for Bundy). McGeorge Bundy [Приложение. Политика продолжительного возмездия (составлено Макнотом для Банди). Макджордж Банди] // *Ibid.* Vol. 8. 1/1–2/28/65: Aides Files. McGeorge Bundy. Box 2: NSF. LBUJL.

было преуменьшением, которое полностью игнорировало масштабы предложенных программой изменений в характере военных операций США. Джонсон знал об этом, но, опасаясь реакции общественности, предпочел не делиться своими соображениями, надеясь на то, что и другие участники заседания также не будут распространяться на эту тему. Сенатор Эверетт Дирксен спросил президента, что ему можно сказать прессе. В ответ Джонсон попросил его не говорить, что США собираются «расширять военные действия»¹.

Хотя президент скрыл от общественности этот поворот в политике, он все же решил посоветоваться с целым рядом опытных людей вне правительства, и в первую очередь с бывшим президентом Эйзенхауэром. Джонсон обратился к генерал-лейтенанту Эндрю Гудпастеру, бывшему военному помощнику Эйзенхауэра и члену КНШ, попросив его организовать встречу с экс-президентом. Он также пригласил Эйзенхауэра в Белый дом и собрал по этому поводу своих ведущих советников.

Я присутствовал на встрече 17 февраля. Президент, Мак, «Бас» Уилер, Эндрю Гудпейстер и я — все мы молодыми офицерами участвовали во Второй мировой войне — собрались в кабинете и два с половиной часа слушали генералов, высказывавших свое мнение о решении о бомбардировках и о ситуации во Вьетнаме в целом. Эйзенхауэр начал с того, что Джонсон должен во что бы то ни стало остановить распространение коммунизма в Юго-Восточной Азии. А затем заявил, что бомбардировки могут способствовать достижению этой цели. Воздушные удары не покончат с проникновением противника на территорию Южного Вьетнама, но ослабят волю Ханоя к продолжению войны. Он считал, что президенту пора переходить от ответных ударов к «кампании давления». Кто-то из присутствующих, — я уже не помню, кто именно, — сказал, что, возможно, придется ввести очень много американских войск — до восьми дивизий, чтобы не допустить захвата власти в Южном Вьетнаме коммунистами. Эйзенхауэр выразил надежду, что дополнительные дивизии во Вьетнаме не понадобятся, но в случае необходимости, заявил он далее, «это допустимо». Если Китай или Советский Союз станут угрожать своим вмешательством в конфликт, сказал экс-президент, «мы должны будем дать им понять, чтобы они подумали прежде об ужасных последствиях своих действий [то есть о возможности применения Соединенными Штатами ядерного оружия]»².

¹ Summary Notes of 547th NSC Meeting. 1965. February 8 [Отчет о 547-м заседании Совета национальной безопасности. 1965. 8 февраля] // Ibid. Vol. 3. Tab 29. 2/8/65. Situation in Vietnam. NSCMF: Box 1: NSF. LBJL.

² Memorandum of Meeting with the President, 17 February 1965 (by Goodpaster). 1965. February 17. 10 a. m. Meeting with General Eisenhower and Others [Служебная записка (Гудпастера) о встрече с президентом 17 февраля 1965 года. 1965. 17 февраля. 10 часов. Встреча с генералом Эйзенхауэром и другими] // Box 1: MNF. LBJL.

Эти решительные слова Эйзенхауэра послужили основанием для служебной записки Дина Раска, которую он направил президенту. В ней говорилось: «Я убежден, что если коммунистический Север победит в Юго-Восточной Азии, это станет катастрофой для Соединенных Штатов и всего свободного мира». В записке также утверждалось: «Кроме того, я убежден, что мы должны сделать все возможное для отражения агрессии Ханоя и Вьетконга, даже рискуя масштабной эскалацией». Относительно ухода из Вьетнама Дин написал: «Переговоры как прикрытие капитуляции Юго-Восточной Азии перед коммунистическим Севером совершенно неприемлемы»¹.

Наконец, 18 февраля президент Джонсон принял решение о начале бомбардировок Севера, но вновь не послушал совета Мака объявить о своем решении публично. Впоследствии этот выбор обошелся президенту очень дорого. В феврале 1965 года опросы общественного мнения показали, что большинство населения поддерживает его вьетнамскую политику. На вопрос: «Должны ли США продолжать свои военные действия в Южном Вьетнаме или нам надо вывести оттуда войска?» — 64% опрошенных ответили, что «нам надо их продолжать», и лишь 18% высказались за «вывод». Однако это соотношение существенно изменилось в последующие три года, когда продолжавшиеся попытки Джонсона скрыть истинное положение дел пошатнули веру населения в его способность управлять государством².

Почему президент Джонсон отказался от искреннего разговора с американцами? Некоторые полагают, что виной тому была присущая ему скрытность, но ответ значительно сложнее. На него особенно сильно повлияли два фактора. Первый из них — желание обезопасить себя, заручиться доверием Конгресса и обеспечить финансирование его программы созидания «Великого общества». Он не хотел, чтобы хоть что-то отвлекало внимание и средства от столь важных для него внутренних реформ. Второй фактор — это то, что его пугало давление со стороны консерваторов в обеих партиях: они требовали от президента развернуть полномасштабные и рискованные военные действия, способные вызвать ответный удар со стороны Китая и/или Советского Союза, возможно, даже с использованием ядерного оружия. Президент пытался разрешить эту дилемму, скрывая ее. Это была неразумная и в конечном итоге ведущая к поражению позиция.

Боязнь краха во Вьетнаме заставила Джонсона одобрить бомбардировки и пересилила колебания, которые он испытывал в связи с нестабильностью обстановки в Южном Вьетнаме³. В результате непрерыв-

¹ Dean Rusk to the President. 1965. February 23 [Дин Раск — президенту. 1965. 23 февраля] // Deployment. Vol. 2. Tabs 61–87. NSCH. Box 40: NSF. LBJL.

² См.: Gallup G. Viet-Num Air Strikes Get 67% U. S. Approval // Washington Post. 1965. February 16.

³ Ничто не могло развеять этот страх. В том числе и служебная записка Джорджа Болла от 5 октября 1964 года. Я уже говорил, что Джордж передал ее президенту

ные американские бомбардировки Северного Вьетнама, о которых долго ничего не сообщалось американской общественности, начались 2 марта. В тот день с авианосцев в Южно-Китайском море и авиабаз в Южном Вьетнаме стартовало около ста самолетов. Они начали наносить удары по оружейным складам Северного Вьетнама. Операция «Катящийся гром», под этим кодовым названием и вошедшая впоследствии в историю, началась. За три года, что она продлится, на Вьетнам будет сброшено больше бомб, чем на всю Европу за время Второй мировой войны.

У каждой войны есть своя сила инерции, и все войны развиваются с непредсказуемыми последствиями. Вьетнам не был исключением. Приказ Джонсона о начале операции «Катящийся гром» не только стал по сути объявлением воздушной войны, но и неожиданно инициировал действия Сухопутных сил США.

Когда в феврале подготовка к нанесению воздушных ударов уже шла полным ходом, Уэстморленд добивался предоставления ему сухопутных войск для защиты баз, с которых наносились эти удары. В начале он попросил предоставить ему два батальона морских пехотинцев для отправки в Дананг. Макса встревожил этот запрос: он предлагал бомбардировки, но был категорическим противником развертывания сухопутных сил. И тут же в Вашингтон была отправлена телеграмма с настоятельной просьбой отметить запрос Уэстморленда. Позднее Макс разъяснил свою позицию: «Если вы отправите на берег хоть одного солдата, то никогда не узнаете, сколько других последует за ним»¹. Но потребность в Вооруженных силах США оставалась прежней. Да и как мог президент отклонить просьбу полевого командира о защите жизни американских летчиков на земле? И Джонсон одобрил запрос Уэстморленда.

Некоторые утверждали, что Уэстморленд и КНШ имели в виду значительно большее развертывание вооруженных сил. Один исследователь, например, даже назвал примененный ими прием тактикой «ногами в дверь», когда просьба направить морских пехотинцев для

через Билла Мойерса 24 февраля, и Джонсон попросил обсудить с ним эту записку 26 февраля. Однако 13 февраля Джордж направил ему новый меморандум, который одобрили Мак, Томми Томпсон и я. В нем предлагалось использовать на переговорах бомбардировки как «козырную карту» США, «пока не найдется удовлетворительное политическое решение». Если учесть замечания Эйзенхауэра, записку Дина и изменение позиции Джорджа, то становится ясно, что результат был предreshен еще до заседания 26 февраля. См.: George Ball to the President. 1965. February 13 [Джордж Болл — президенту. 1965. 13 февраля] // Deployment. Vol. 1. Tabs 42–60. NSCH. Box 40: NSF. LBJL.

¹ Цит. по: Kalb M., Abel E. Roots of Involvement: The United States in Asia. N. Y.: Norton, 1971. P. 184.

охраны южновьетнамских аэродромов, с которых наносились удары по программе «Катящийся гром», была лишь первым шагом в данном направлении. Подразумевалось, что Уэстморленд и генералы скрыли от президента и от меня свое очевидное намерение — начать с развертывания небольших отрядов, зная, что потом им понадобятся все новые и новые подразделения¹.

Я в этом не уверен. Мы все должны были предвидеть необходимость в сухопутных силах, как только первый боевой самолет отправился в Южный Вьетнам. Но не предвидели. Проблема заключалась не в каких-либо попытках обмануть, а в том, что мы не отреагировали на сигналы, не просчитали последствий и не смогли разобраться в подоплеке наших действий. Если бы мы это сделали, то вели бы себя иначе.

Нужно также заметить, что в то время среди членов КНШ существовали серьезные разногласия по поводу дальнейшей стратегии во Вьетнаме. Хотя военное руководство единодушно одобрило бомбардировки в направленной мне докладной от 11 февраля, генерал Брюс Палмер-младший, занимавший пост заместителя начальника штаба Армии, позже вспоминал:

Армия была не согласна с тем, что бомбардировки Северного Вьетнама способны привести к желаемым результатам. ВМС также не выражали по этому поводу особой уверенности. Активными сторонниками бомбардировок являлись только ВВС и морская пехота. Виноват же во всем был генерал Уилер. Переговорив с остальными членами КНШ, он убедил их подписать согласованное заявление. Аргумент, который Уилер привел им при этом, сводился к следующему: если в документе будут содержаться различные мнения, то министр обороны и президент окажутся поставлены перед выбором, что затруднит принятие ими решения.

«Вот где я ошибся и сбил с толку других, — добавил Палмер, имея в виду остальных членов КНШ, определявшего позицию Армии. — Нельзя было продвигаться вперед такими темпами и действовать, не зная, сработают ли принятые меры»².

Впоследствии Уэстморленд сказал, что он также был против продолжения воздушных ударов до ввода Сухопутных сил США. «Я открыто выступал против бомбардировок вплоть до 1966 года, когда у меня появилось достаточно войск для нашей защиты». Он согласился с проведением операции «Катящийся гром» не потому, что верил, буд-

¹ Джордж С. Херринг оспаривал это положение в докладе на симпозиуме по Вьетнаму в Библиотеке Л.-Б. Джонсона в октябре 1993 г.

² The Second Indochina War / Ed. J. Schlight. Washington: U. S. Government Printing Office, 1986. P. 154; Interview with Gen. Bruce Palmer, Jr. 1975. Senior Officer Oral History Program. U. S. Army Military History Institute. Carlisle Barracks, Pa [Интервью с генералом Брюсом Палмером-младшим. 1975. Устная программа по истории для старших офицеров. Институт военной истории Армии США. Карлайл-Бэрракс, штат Пенсильвания].

то она подорвет решимость Севера или помешает ему продолжать военные поставки на Юг. Скорее, он рассчитывал, что бомбардировки поднимут боевой дух южновьетнамцев¹.

Старшие офицеры сухопутных сил и полевые командиры гораздо реалистичнее судили о возможностях наших ВВС во Вьетнаме, чем командование ВМС. Однако, со своей стороны, генералы ВВС и адмиралы ВМС, возможно, были не менее реалистичны, выступая против увеличения наземных операций. Каждый ясно видел слабости другого, но не признавал уязвимости и слабости своей позиции. Я разделял скепсис всех этих групп, но не чувствовал, да и не мог понять глубину и значимость их расхождений во взглядах. Все противоречивые оценки и мнения никогда не обсуждались с должной полнотой на высшем уровне. А их следовало бы обсудить.

Президент всегда отзывался о бомбардировках весьма скептически. Ему хотелось видеть наши успехи на полях сражений в Южном Вьетнаме. 2 марта он направил начальника штаба Армии генерала Гарольда К. Джонсона в Сайгон для оценки ситуации, сказав ему о том, что еще нужно будет сделать.

Он выбрал одного из лучших американских военных. Во время Второй мировой войны Г. К. Джонсон участвовал в «марше смерти» на Батаане², оказался в японском плену и мужественно перенес три года, полные страдания и лишения. Испытания закаляли его волю, он судил обо всем жестко и с необыкновенной прямоотой³.

---

¹ См.: Congressional Research Service (далее — CRS). Interview with Gen. William C. Westmoreland. 1978. November 15 [Исследовательская служба Конгресса. Интервью с генералом Уильямом С. Уэстморлендом. 1978. 15 ноября].

² Батаан — полуостров на западе Лусона — крупнейшего острова Филиппин. 9 апреля 1942 года находившиеся там войска США были вынуждены сдаться японцам. — *Примеч. ред.*

³ Я знал многих крупных военных и восхищался их твердостью и решительностью. Эти качества были типичны для моих коллег, с которыми я проработал долгие годы: для Макса Тэйлора, «Баса» Уилера, Уильяма Уэстморленда, Джорджа Брауна, Ларри Норстада, Дэйва Шупа, Арлея Берке, Дэйва Макдональда, Энди Гудпастера и многих других. Эти люди и их сегодняшние преемники совсем непохожи на свои изображения авторами, попросту не знающими военных: в них нет ничего общего с поджигателями войны. Например, в весьма далеком от реальности фильме Оливера Стоуна «Дж. Ф. Кеннеди» есть сцена, где президент Джонсон эффектно заявляет во время предвыборной кампании 1964 года: «Джентльмены, обеспечьте мне победу на выборах, а я обеспечу победу в войне».

Подобная сцена просто позорна. Эти люди жертвовали своими жизнями — жизнью всех тех, за кого отвечали и кого вели в бой, — ради всех нас. Полагать, будто военные руководители хотели войны, значит совершенно не понимать мотивы их действий. Я уже не раз объяснял в этой книге, что без колебаний возражал представителям КНШ, когда считал их суждения неверными, тенденциозными или устаревшими. Но я никогда не забывал, что они, равно как и находившиеся под их командованием солдаты, моряки и летчики всех званий, стремились лишь доблестно и беззаветно служить своей стране и были готовы, если придется, пожертвовать ради нее своей жизнью.

В Сайгоне генерал Джонсон услышал мрачную оценку происходящего. Макс сказал ему, что обеспечение безопасности южновьетнамского народа остается «основной нерешенной проблемой». Эта проблема в значительной степени была связана с нашей неспособностью достичь численного превосходства над Вьетконгом в соотношении хотя бы пять к одному: например, в недавних операциях против партизан, проводившихся на Филиппинах и в Малайе, требовалось превосходство в десять к одному и даже в двадцать к одному. Уэстморленд рекомендовал применить «любые необходимые меры... для отсрочки поражения на неопределенный период».

Неудивительно поэтому, что когда генерал Джонсон подготовил доклад, то включил в него рекомендацию увеличить численность сухопутных сил. Он также предложил расширить масштабы воздушных операций против Северного Вьетнама, развернуть международные антифильтрационные силы вдоль демилитаризованной зоны и разместить одну армейскую дивизию США численностью порядка 16 тысяч человек близ Сайгона или в Центральном нагорье к северу от города.

Президент и я встретились с генералом Джонсоном и другими представителями КНШ в Белом доме 15 марта для обсуждения этого доклада. На заседании генерал Джонсон заявил, что, по его оценке, для достижения победы нам придется отправить во Вьетнам 500 тысяч американских военнослужащих и вести войну еще в течение пяти лет¹. Его мнение поразило не только президента и меня, но и остальных членов КНШ. Никто из нас даже не подумал, что придется оперировать подобными цифрами.

Примерно в это время произошло событие, хотя и не связанное с войной, но невольно повлиявшее на всех нас, решавших вьетнамские проблемы, и более всего на президента, которому ежедневно приходилось иметь дело с сотнями иных вопросов. 17 марта преподобный Мартин Лютер Кинг-младший и его последователи выиграли судебный процесс и добились разрешения организовать в Алабаме марш от Селмы до Монтгомери, штат Алабама. Они протестовали против ущемления гражданских прав негров на юге США. Мы получили донесения спецслужб о том, что по пути демонстрантов ждут толпы разъяренных белых расистов. Копии этих донесений поступили и к губернатору Алабамы Джорджу Уоллесу, однако он отказался обеспечить защиту участников марша силами безопасности штата.

Я сказал президенту Джонсону, что он как верховный главнокомандующий должен отдать соответствующее распоряжение национальной

---

¹ См CRS Interview with Gen Andrew Goodpaster 1978 November 16 [Интервью Исследовательской службы Конгресса с генералом Эндрю Гудпастером 1978 16 ноября]

гвардии Алабамы и тем самым избавить ее от «бездейственного контроля» со стороны губернатора Уоллеса. Президент категорически отказался.

Я принялся горячо убеждать его.

— Знаешь, Боб, какой у тебя недостаток? — ответил он. — Ты до сих пор не разобрался в политике и не понял самой ее сути. В Алабаме большинство жителей выразят свое возмущение в связи с равнодушием Уоллеса и страшными последствиями марша и на следующих выборах прокатят его. Этого-то я и хочу.

— Я желаю поражения Уоллеса не меньше вас, — сказал я, — но не хочу видеть сотни раненных или убитых в этих стычках.

Джонсон, хоть и без охоты, уступил моим просьбам.

Исторический марш от Селмы до Монтгомери продолжался три дня — с 21 по 24 марта 1965 года. Отрядам национальной гвардии и полицейским, дежурившим вдоль дороги, по которой проходили демонстранты, удалось предотвратить разгул насилия, хотя одна из участниц похода, Виола Люццо, все же скончалась от пуля, когда по ее машине открыли огонь.

Когда я, усталый и голодный, около десяти часов вечера, после окончания марша, вернулся домой из Пентагона, то увидел, что меня ждет наша старшая дочь Марджи. Она приехала из колледжа, чтобы провести каникулы с родителями. Я обрадовался и спросил, как она добралась до дома.

— Это было ужасно, папа! — воскликнула она. — Я провела в автобусе тридцать три часа.

— Господи, почему? — удивился я. — Как ты там оказалась и зачем?

— Я присоединилась к Мартину Лютеру Кингу в марше от Селмы до Монтгомери.

Я немедленно позвонил Джонсону:

— Господин президент, я знаю, с каким трудом вы решились дать распоряжения национальной гвардии Алабамы. Но я также знаю, как вы любите нашу Марджи. Уверен, вы сейчас поймете, что были правы. Она участвовала в этом марше!

Разногласия по поводу Вьетнама по-прежнему оставались достаточно глубокими. Их можно подразделить на несколько категорий. Кто-то продолжал защищать план бомбардировок. Другие считали, что решение конфликта зависит от победы на Юге. Третьи думали, что эту войну невозможно выиграть и Соединенным Штатам следует начать переговоры. Было бы ошибкой упрощать историю и сводить ее к мнениям тех или иных лиц, тем более что их позиции неоднократно менялись за эти годы. Однако верно также и то, что мы, члены правительства, не сумели поставить основные вопросы и решить проблему.

Например, весной и летом 1965 года об этом свидетельствовали наши действия, когда мы рассматривали постоянные запросы об увеличении численности войск. 17 марта Уэстморленд попросил прислать батальон морских пехотинцев для охраны военно-воздушной базы в Дананге. Еще один батальон запросил 19 марта Оли Шарп. На следующий день КНШ представил свой план. Опасаясь военного поражения, он настаивал на том, чтобы для проведения наступательных операций в северные провинции была направлена дивизия морских пехотинцев и в Центральное нагорье — армейская дивизия. Предполагалось, что в дальнейшем будут развернуты новые войска¹.

Первого апреля мы встретились в Белом доме. Дин, Мак и я сомневались в разумности предложений военного руководства. В Южном Вьетнаме, бесспорно, существовали антиамериканские настроения. До сих пор они не проявлялись открыто, но введение в страну многочисленных американских войск могло только стимулировать и разжечь их. Президент согласился с нашими рассуждениями. Он на время отложил план КНШ, но решил удовлетворить просьбу Уэстморленда и Оли об отправке двух батальонов и, что еще важнее, изменить задачу для морских пехотинцев. Теперь вместо охраны базы они должны были перейти к активным боевым действиям. Ограничивая численное увеличение войск, мы в то же время существенно расширили функции уже действующих во Вьетнаме подразделений. Американским сухопутным силам предстояло стать непосредственными участниками войны².

Джона Маккона встревожило согласие президента дополнительно отправить в Южный Вьетнам значительный военный контингент и внести изменения в выполняемые ими задачи без одновременного усиления осуществлявшихся Соединенными Штатами бомбардировок Севера. На заседании Совета национальной безопасности, состоявшемся на следующий день, и в служебной записке, направленной Дину, Маку и мне, Маккон настаивал на существенном расширении программы бомбардировок. Он утверждал, что ныне действующая программа не способна заставить Ханой изменить его политику.

Я был согласен с тем, что одна нынешняя программа бомбардировок недостаточна, чтобы заставить Вьетконг и Северный Вьетнам изменить свою политику. Члены КНШ, за одним или двумя исключениями, тоже считали, что сами по себе бомбардировки ничего не решают. Военные полагали, что воздушные удары нужно сочетать с военными действиями на Юге, способными убедить Вьетконг и северных вьетнамцев в невозможности их победы. А эти действия, в свою

¹ См.: CINCPAC 192207Z [Главнокомандующий в зоне Тихого океана. Документ № 192207Z] // PP. Vol. 3. P. 406; JCS Memorandum 204-65 [Меморандум КНШ № 204-65] // Ibid.

² См. заметки Макджорджа Банди о встрече 1 апреля 1965 г. в: Papers of McGeorge Bundy. LBJL.

очередь, требуют расширения присутствия Сухопутных сил США, которые будут поддерживать усилия борющейся южновьетнамской армии.

Маккон не разделял это мнение. Он считал, что мы сможем добиться решительных изменений и с помощью бомбардировок. Я в них не верил, не говоря уже о том, что опасался геноцида, против которого выступал и он, и все мы¹. Когда Мак подготовил директивный отчет о решениях президента от 1 апреля для рассмотрения соответствующими министерствами и ведомствами, Джонсон поручил ему внести в текст следующее дополнение: «Следует принять все меры предосторожности, чтобы избегать публичных заявлений. А сами действия должны производиться таким образом, чтобы свести к минимуму возможность внезапных изменений в политике... Президент стремится к тому, чтобы все эти действия и перемены были восприняты как проявление определенного и последовательного политического курса»².

В последующие дни Дин, Джордж, Макс и я выступали перед комитетами Конгресса. Каждый из нас уверял слушателей, что президент Джонсон, говоря словами Джорджа, «намерен тесно сотрудничать с Конгрессом и советоваться с ним обо всех действиях подобного рода». Но такие заявления лишь увеличивали недоверие к администрации.

По мере расширения военных операций США мы все больше думали о политическом решении вьетнамской проблемы. 6 марта Мак сообщил президенту о дискуссии с Дином и со мной, состоявшейся предыдущим вечером:

Двое из трех (он имел в виду себя и меня. — *Р. М.*) думают, что шансы на изменение ситуации в Южном Вьетнаме еще меньше, чем прежде.

У нас остается вопрос, должны ли мы быть готовы к переговорам. Эта проблема беспокоит Дина и особенно Боба. Они оба считают, хотя и по разным причинам, что нам важно продемонстрировать готовность к переговорам о Вьетнаме, — конечно, на наших условиях — и сообщить об этом по всем соответствующим международным каналам... Но Боб предлагает пойти еще дальше. Он полагает, что мы должны изыскать какой-то путь, чтобы всерьез поговорить об этом на той или иной международной встрече (по-моему, он мотивирует это тем, что при дальней-

---

¹ См.: Summary of NSC Meeting on April 2, 1965. Drafted by Chester Cooper on April 5 [Отчет о заседании Совета национальной безопасности 2 апреля 1965 г. Подготовлен Честером Купером 5 апреля] // Memos to the President. Vol. 3. Tab 33. 4/2/65. Situation in Vietnam. NSCMF: Box 1: NSF. LBJL; McCone to Rusk et. al. 1965. April 2 [Маккон — Раску и другим. 1965. 2 апреля] // Deployment. Vol. 2. Tabs 120—140. NSCH: Box 40. LBJL.

² NSAM 328. 1965. April 6 [Меморандум Совета национальной безопасности № 328. 1965. 6 апреля] // PP. Vol. 3. P. 702—703.

шем ухудшении положения, чего он ожидает, нам следует созвать конференцию)¹.

Мак точно передал суть моего беспокойства. В 1965 году я считал, что мы должны воспользоваться любой возможностью для начала переговоров, ведущих к прекращению военного конфликта. Моя позиция оставалась неизменной вплоть до ухода из Пентагона через три года.

В первых числах апреля существовало два предложения, касающихся переговоров. Генеральный секретарь ООН У Тан предложил установить перемирие на три месяца вдоль границы между Северным и Южным Вьетнамом, а семнадцать неприсоединившихся государств выступили за переговоры «без предварительных условий». Президент Джонсон отклонил первое предложение, но откликнулся на второе в речи, произнесенной в Университете Джонса Хопкинса 7 апреля.

В этой речи, переданной по радио и телевидению, он заявил о готовности к обсуждениям без предварительных условий. В то же время он подчеркнул: «Мы не проиграем. Мы не устанем. Мы не уйдем — ни открыто, ни под прикрытием ничего не значащего соглашения... И мы должны быть готовы к продолжению конфликта». Стремясь стимулировать Вьетконг и Северный Вьетнам к урегулированию конфликта, он в общих чертах обрисовал план развития Юго-Восточной Азии стоимостью в миллиард долларов, который, по его словам, был «вполне выполним, если все страны этого региона приложат свои усилия»².

Ханой незамедлительно отверг предложение, прозвучавшее в речи президента, и выдвинул свою собственную формулу мира, известную как «Четыре пункта». На протяжении всего конфликта эта формула лежала в основе северовьетнамского варианта мирного соглашения. Наши оппоненты предлагали нам признать основные права вьетнамского народа, включая право на жизнь без присутствия иностранных войск. Кроме того, они выступали за то, чтобы две «зоны» Вьетнама, отказываясь от участия в каких-либо военных союзах, приложили усилия к объединению, которое будет поддержано населением обеих территорий. Со всем этим мы могли бы согласиться. Но последний пункт гласил: «Внутриполитическая ситуация в Южном Вьетнаме должна определяться самими южновьетнамцами *в соответствии* (выделено мною. — Р. М.) с программой Национального фронта освобождения Южного Вьетнама». Он показался нам неприемлемым. Согласиться с ним означало бы согласиться с властью коммунистов в Южном Вьетнаме.

---

¹ McGeorge Bundy to the President. 1965. March 6 [Макджордж Банди — президенту. 1965. 6 марта] // *Memos to the President*. Vol. 9. 1965. Mar.—Apr. 14. Aides Files. McGeorge Bundy. Box 3: NSF. LBJL.

² Address at Johns Hopkins University: «Peace Without Conquest». 1965. April 7 [Вспыльчивое слово «Мир без завоевания» на встрече в Университете Джона Хопкинса] // *Public Papers, Lyndon B. Johnson*. 1965. Bk. 1. P. 394—399.

Тем временем КНШ, командование американскими ВМС на Тихом океане, Уэстморленд и я продолжали заниматься рассмотрением поступавших к нам новых и новых просьб об увеличении вооруженных сил, тогда как мы, и особенно я, министр обороны, должны были более интенсивными темпами развивать военную стратегию и разрабатывать долгосрочный план для силовых структур.

Шестого апреля ЦРУ сообщило президенту Джонсону, что Ханой удалось переправить северовьетнамский армейский батальон в Центральное нагорье в Южном Вьетнаме и еще несколько войсковых подразделений в район Дананга. В ответ на эти передвижения войск КНШ обратился с запросом о развертывании во Вьетнаме еще двух бригад (примерно восемь тысяч человек). Уэстморленд поддержал это предложение, но Макс не согласился с ним. С запозданием узнав о запросе КНШ, он направил в Белый дом гневную телеграмму: «Очевидно, вы готовы вести наземную войну в значительно большем масштабе, чем было предложено мною во время моей последней поездки в Вашингтон»¹.

В связи с ухудшением ситуации и необходимостью дальнейших действий президент одобрил запрос военного руководства. Однако он принял во внимание озабоченность Макса и попросил меня встретиться в Гонолулу с ним и другими официальными лицами и обсудить предложенное увеличение военного контингента.

Встреча в штабе американских ВМС на Тихом океане состоялась 20 апреля 1965 года. Расположившись за большим столом возле огромных напольных часов, мы начали обсуждать программу бомбардировок Северного Вьетнама. Несколькими днями раньше Макс изложил свое мнение в телеграмме, адресованной Дину: «Никакая интенсификация бомбардировок не убедит Ханой прекратить военные действия... если Южный Вьетнам не достигнет успеха в боях с Вьетконгом. Ханой должен удостовериться в том, что Вьетконг не сможет победить».

Проще говоря, он заявил, что сами по себе бомбардировки не решают проблемы. Тогда я разделял его вывод, придерживался аналогичного мнения и продолжал так считать до конца своего пребывания в должности министра обороны. Не изменило моих взглядов и все то, что я увидел, прочитал или услышал уже потом. Хотя один или два представителя КНШ не согласились со мной (впоследствии моя позиция вызвала ожесточенные споры), остальные присутствовавшие на заседании — Макс, Уэстморленд, «Бас», Оли, Билл Банди и Джон Макнотон — пришли к выводу, что одни бомбардировки недостаточны и наш ответ должен быть иным.

¹ Embtel 3248 (Saigon). Taylor to Rusk. 1965. April 7 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 3248. Тэйлор — Раску. 1965. 7 апреля] // Memos to the President. Vol. 32. CF. VN: Box 16: NSF. LBJL.

Поэтому наше внимание сосредоточилось на возможных действиях на территории самого Южного Вьетнама. Все были согласны с тем, что для предотвращения поражения Сайгона нужно увеличить численность американских войск. Но насколько? Какой стратегии нам надлежит придерживаться? С каким результатом? Тут наши взгляды резко расходились. «Бас», Оли и Уэстморленд вновь попросили направить две дивизии плюс еще две бригады, против чего возражал Макс. Они также требовали увеличить силы тыловой поддержки. Общее число военнослужащих должно было теперь составлять примерно 60 тысяч человек. При поддержке Макса я отверг предложение об отправке двух дивизий, — было неясно, как их намеревались использовать, — но согласился одобрить остальные требования. Это означало существенный рост американских вооруженных сил во Вьетнаме — с 33 тысяч до 82 тысяч человек¹.

Я представил мои рекомендации президенту во время заседания кабинета министров 21 апреля. Я убеждал его незамедлительно одобрить это увеличение, чтобы Южный Вьетнам смог отразить ожидаемое наступление коммунистов, поскольку подобное расширение вооруженных сил «предотвращало поражение южновьетнамской или американской армий». Я понимал, что крупные увеличения будут связаны с новыми боевыми заданиями и приведут к неизбежным потерям, а следовательно, война окажется в центре внимания общественности. Поэтому я настаивал, чтобы президент проинформировал лидеров Конгресса и о «намеченном расширении», и о недавнем «изменении задач американских войск во Вьетнаме»². Но президент не хотел этого делать и, направив Максу телеграмму с одобрением рекомендаций, предложенных в Гонолулу, заявил в ней: «Мы не собираемся оглашать сейчас всю программу и, по всей вероятности, скажем об отдельных случаях увеличения в подходящий момент». Вскоре, в начале мая, он направил в Конгресс запрос о дополнительных ассигнованиях, заявив при этом: «Речь идет не об обычном одобрении... Каждый конгрессмен, поддерживающий этот запрос, также голосует и за наше стремление отразить коммунистическую агрессию в Южном Вьетнаме». В Палате представителей за законопроект проголосовало подавляющее большинство конгрессменов — 408 против 7, а в Сенате — 88 против³.

---

¹ См.: *McNaughton J. Minutes of April 20, 1965, Honolulu Meeting* [Макнаughtон Дж. Сре-нограмма совещания в Гонолулу 20 апреля 1965 г.] // *McNaughton XV — Miscellaneous, 1964—1966. John McNaughton Files: PPW: Box 7. LBJL*.

² *Memorandum for the President. 1965. April 21* [Служебная записка для президента. 1965. 21 апреля] // *Vietnam 2EE, 1965—1967. CF. VN: Box 74/75: NSF. LBJL*.

³ См.: *Draft of Rusk to Taylor. 1965. April 22* [Проект телеграммы Раска Тэйлору. 1965. 22 апреля] // *Memos to the President. Vol. 32. CF. VN: Box 16: NSF. LBJL*; *Вариант окончательный, исправленный: Deptel 2397. Rusk to Taylor. 1965. April 22* [Телеграмма Госу-

Джордж Болл также присутствовал на заседании 21 апреля. Он откликнулся на рекомендации, предложенные в Гонолулу, умоляя «не совершать головокружительных прыжков без исследований возможностей мирного урегулирования». Президент ответил ему: «Ладно, Джордж, представь мне к завтрашнему дню подробный план мирного урегулирования. Если ты сможешь достать кролика из шляпы, то я тебя поддержу»¹.

Болл представил президенту план мирного урегулирования в тот же день вечером. Он заявил: «Мы должны быть готовы к тому, что мирное урегулирование не будет полностью соответствовать провозглашенным нами целям, но при этом поможет решить наши основные задачи [то есть обеспечение независимости Южного Вьетнама и недопущение там контроля со стороны коммунистов]». Никто из нас — ни президент, ни Дин, ни Мак, ни я — не возражали против сформулированной им позиции. Но документ Джорджа вновь не смог разъяснить, как должны достигаться эти общие для нас цели.

Джордж сказал, что нам не следует соглашаться с идеей коалиционного правительства по примеру существующего в Лаосе, но мы должны разрешить вьетконговцам принять участие в свободных выборах. «Конечно, — добавил он, — мы не станем одобрять никакое соглашение, отвечающее этим условиям, без твердых гарантий капитуляции вьетконговских отрядов на Юге и участия Вьетконга в мирной жизни страны». Президент, Дин, Мак и я поддержали и это предложение. Но Джордж не сказал нам, как надо проводить «свободные выборы», если Северный Вьетнам настаивает на урегулировании в соответствии с программой Национального фронта освобождения. Он не объяснил и то, как можно добиться других рекомендованных им целей².

Однако Джордж рекомендовал нам обратиться к посредникам (в том числе к Швеции, Советскому Союзу и семнадцати неприсоединившимся государствам), чтобы они дали понять Ханюю: мы можем принять именно намеченный им план мирного урегулирования. В ближайшие недели у нас возник контакт с северовьетнамским представителем в Париже. А в следующие три года мы пытались установить и много других контактов. Но мы так и не сумели использовать все доступные каналы и четко изложить нашу позицию.

Через несколько дней я попросил Джона Макнотона представить мне проект предложения об объявлении недельной паузы в бомбардировках. Я надеялся, что в результате подобных действий Ханой либо решится начать переговоры, либо сократит свою помощь повстанцам,

дарственного департамента № 2397. Риск — Тэйлору. 1965. 22 апреля] // NODIS-LOR. Vol. 2 (B). CF. VN: Box 45/46: NCF. LBJL; President's News Conference. 1965. April 27 [Пресс-конференция президента. 1965. 27 апреля] // Public Papers, Lyndon B. Johnson, 1965. Bk. 1. P. 448—456.

¹ Цит. по: Ball G. The Past Has Another Pattern: Memoirs. N. Y.: Norton, 1982. P. 393.

² См.: Ball to Johnson. 1965. April 21 [Болл — Джонсону. 1965. 21 апреля] // Political Tract Papers, 4/65. CF. VN: Box 213: NSF. LBJL.

а наша администрация укрепит позиции как внутри страны, так и за рубежом. Подобно большинству моих последующих предложений о паузах, проект вызвал противоречивые отклики. Многие военные руководители выступили против него, опасаясь, что Северный Вьетнам воспользуется паузой для проникновения на Юг новых отрядов. Некоторые президентские советники также боялись, что Ханой заманит нас в ловушку, согласившись начать переговоры, и в случае продолжения паузы сможет, воспользовавшись перерывом в бомбардировках, поддерживать на прежнем уровне или даже увеличивать помощь Вьетконгу. Третьих пугало, что американские политики правого толка воспримут паузу как проявление слабости и потребуют усиления бомбардировок, если их приостановка в ближайшее время не даст результатов.

Но критика вьетнамской политики президента Джонсона среди либеральной интеллигенции и конгрессменов за последние недели опутимо возросла, и разгневанный Джонсон стремился ответить им всем, если это еще было возможно. Вот почему, отнюдь не считая, будто пауза способна стимулировать переговоры, он все же принял мое предложение.

Официально не объявленная пауза началась 13 мая. В тот же день нашему послу в Москве Фою Колеру поручили передать сообщение северовьетнамскому послу в СССР. Приведу отрывок из него: «Правительство Соединенных Штатов принимает во внимание неоднократные заявления... представителей Ханоя о том, что достижение мира невозможно, пока продолжаются бомбардировки Северного Вьетнама... Соединенные Штаты будут пристально следить за тем, чтобы военные действия [Вьетконга и Северного Вьетнама] существенно сократились за время этой паузы»¹. Посол Ханоя отказался встретиться с Колером. Один американский дипломат низшего ранга тем же вечером лично передал послание в посольство Северного Вьетнама. На следующее утро его вернули без каких-либо комментариев в обычном белом конверте с надписью: «В посольство США».

Президент почувствовал себя оскорбленным и по-прежнему опасался нападков со стороны политиков правого толка. На заседании в Белом доме 16 мая он дал понять, что намерен возобновить бомбардировки. Я настаивал на их отсрочке, полагая, что мы должны следовать первоначальному плану и предоставить Ханю семидневную паузу для обдумывания дальнейших действий. Но президент считал, что если бы Ханой был заинтересован в переговорах, то откликнулся бы сразу. В итоге мы достигли компромисса, договорившись о шестидневной паузе. Бомбардировки возобновились 18 мая.

В последующие три недели настроение президента и наше, его ближайших советников, было подавленным и тревожным. Политическая

---

¹ См.: The Secret Diplomacy of the Vietnam War: The Negotiating Volumes of the Pentagon Papers / Ed. G.C. Herring. Austin: University of Texas Press, 1983. P. 57–58.

нестабильность в Южном Вьетнаме усилилась, если только подобное было возможно. Католики и буддисты как в армии, так и вне ее устраивали заговоры против гражданского правительства Фан Хуа Куата. Одна попытка переворота закончилась провалом, но за ней тут же последовала вторая, возглавленная молодыми южновьетнамскими офицерами и оказавшаяся успешной. Правительство возглавил ставленник этой группы военных армейский генерал Нгуен Ван Тхьеу. Ему было сорок два года. А премьером стал тридцатипятилетний генерал ВВС Нгуен Као Ки. Заместитель посла Алекс Джонсон называл Ки «неуправляемой ракетой». Так оно и было. Он сильно пил, играл в азартные игры, одна его любовная интрижка сменялась другой. Одевался Ки нарочито броско. Я часто видел его в черном сверкающем летном комбинезоне на молниях, подпоясанным ремнем с двумя револьверами с жемчужными рукоятками. Он также выступал с экстремистскими заявлениями. Когда журналист спросил его о любимых политических деятелях, он ответил: «Я преклоняюсь перед Гитлером... Нам во Вьетнаме нужны четыре или пять Гитлеров». Билл Банди впоследствии отзывался о Ки и Тхьеу как «о пропойцах, настоящих пропойцах»¹.

Между тем продолжавшиеся бомбардировки перестали оказывать какое-либо воздействие на ход войны. Это стало понятно большинству военных и политиков и ужесточило давление сторонников расширения наземных военных операций. 3 июня Макс направил в Вашингтон телеграмму: «Мы должны... уяснить себе, что не верим, будто бы любое мыслимое количество бомбардировок способно заставить ДРВ [Северный Вьетнам] прекратить свои действия на Юге. Подобное изменение в политике Северного Вьетнама реально лишь в том случае, если... он убедится, что на Юге его ждет или может ждать мощный отпор»².

Через два дня он прислал другую телеграмму, в которой описал состояние южновьетнамской армии с ее слабым руководством, повальным дезертирством и близостью к полному развалу. В течение многих месяцев Макс был противником участия США в боевых действиях на Юге. Но теперь он был готов отступить от прежней позиции. «Возможно, — заметил Макс, — вскоре возникнет необходимость привести Сухопутные силы США в состояние боевой готовности»³.

¹ См.: Ky interview with Brian Moynahan [Интервью Нгуена Као Ки Брайану Мойнэ-хэму] // Sunday Mirror. 1965. July 4. P. 6; Комментарий на интервью: William Bundy Oral History Interview, May 29, 1969, by Paige E. Mulholland [Устный рассказ Уильяма Банди, записанный Пейджем И. Малхолландом, бравшим у него интервью]. Таре 2. P. 30. LBJL.

² Embtel 4035 (Saigon). Taylor to Rusk. 1965. June 3 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 4035. Тэйлор — Раску. 1965. 3 июня] // NODIS-LOR. Vol. 2 (A), 3/65 — 9/65. CF. VN: Box 45/46: NCF. LBJL.

³ Embtel 4074 (Saigon). Taylor to Rusk. 1965. June 5 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 4074. Тэйлор — Раску. 1965. 5 июня] // Deployment. Vol. 4. Tabs 258—280. NSCH. Box 41: NSF. LBJL.

В субботу днем, 5 июня, Дин, Мак, Билл, Джордж, Томми Томпсон и я собрались в кабинете Дина, чтобы обсудить послание Макса. Внезапно к нам зашел президент. Он остался один и явно тосковал. Как он сказал, леди Берд уехала и ему захотелось с кем-нибудь пообщаться. Однако его ждал настоящий ледяной душ.

Он с растущим беспокойством прочел телеграмму Макса. Дин попытался обнадежить его, но я сказал:

— На Юге создается тупиковое положение. Сможем ли мы выйти из него? Я не знаю. Коммунисты по-прежнему считают, что они побеждают.

Президент выслушал меня. У него был встревоженный и задумчивый вид.

— Главная опасность в том, — мрачно подытожил он, — что вскоре мы можем столкнуться с очень серьезной проблемой¹.

Как же он был прав!

Бомба взорвалась 7 июня. В тот день Уэстморленд направил в Пентагон телеграмму. В ней говорилось:

Конфликт в Юго-Восточной Азии постепенно переходит на еще более высокий уровень. Отдельные подразделения Вооруженных сил Северного Вьетнама уже вторглись на территорию Южного Вьетнама, другие же собираются сделать это в ближайшее время... Вьетконг не использовал всего своего потенциала в данной кампании... Но, с другой стороны, южновьетнамская армия в настоящий момент испытывает трудности при отражении любых атак Вьетконга, силы которого значительно возросли. Случаи дезертирства в ее рядах заметно участились. Потери в боях оказались больше ожидаемых... В результате южновьетнамские войска начинают демонстрировать нежелание вести наступательные действия, а в ряде случаев их решимость и отвага под огнем противника вызывают сомнения... Соотношение сил продолжалось изменяться в пользу Вьетконга... Правительство Южного Вьетнама просто не сможет выдержать это давление без усиленной помощи извне... Я не вижу для нас никакого иного курса действий, кроме активизации наших усилий в Южном Вьетнаме и дополнительного участия сил США или какой-нибудь третьей страны. В эти тяжелые, поистине решающие недели нужно действовать как можно стремительней... Основной целью дополнительного развертывания войск, которое мы рекомендуем... является возвращение веры в способность наземных вооруженных сил вести наступательные операции. Вьетконг должен убедиться, что он не сможет победить.

Уэстморленд сказал, что теперь ему понадобится для участия в боевых операциях 41 тысяча человек, а впоследствии — еще 52 тысячи. Это означает увеличение общей численности американских воору-

---

¹ См.: Papers of McGeorge Bundy [Документы Макджорджа Банди] // LBJL: WB. VNMS. Ch. 26. P. 3—6.

женных сил во Вьетнаме с 82 тысяч до 175 тысяч человек. В последнем абзаце его телеграммы говорилось: «Исследования должны продолжаться, и нам нужно разрабатывать планы расширения нашего военного присутствия, если и когда в этом возникнет необходимость». Удовлетворение его запроса привело бы к дальнейшему и, очевидно, не последнему повышению степени участия американского контингента во вьетнамской войне¹.

За семь лет пребывания на посту министра обороны я получал тысячи телеграмм, но эта взволновала меня больше всех. Мы были вынуждены принять решение. Мы больше не могли откладывать выбор нужного пути. И в следующие семь недель этот вопрос висел над всеми нами, как зловещее облако.

Утром, собравшись в Овальном кабинете, мы начали обсуждение ситуации. Казалось, что Южный Вьетнам начинает стремительно разрушаться и спасти его может только массированный ввод американских вооруженных сил. «Мы крупно влипли», — сказал я тогда. Но, подобно другим участникам обсуждения, я не знал, как решить эти проблемы.

Наша дискуссия продолжилась 10 июня. Обсуждение фактически началось с того, что кто-то, — сейчас я уже не помню, кто именно, — сказал: «Американцы чувствуют, что мы скрываем информацию». Я был с ним согласен. Мы уже давно существовали как бы вне общественного мнения.

Президент задал нам несколько вопросов.

Вопрос. Понадобится ли в ближайшее время увеличивать численность американских вооруженных сил еще на сто семьдесят пять тысяч человек?

Ответ. Представляется, что это тот максимум, который можно эффективно использовать для оказания поддержки армии Республики Вьетнам.

Вопрос. Как мы сможем выпутаться из этой ситуации?

Ответ. Мы надеемся, что на урегулирование окажут прямое воздействие и тот тупик, в котором окажется Вьетконг, и наше давление на Север.

Вопрос. Какой должна быть наша цель?

Ответ. Некоторые видят ее в создании тупика, другие — в пробуждении решимости Южного Вьетнама.

---

¹ См.: MACV 19118. Westmoreland to Sharp and Wheeler. 1965. June 7 [Телеграмма Управления по оказанию военной помощи Вьетнаму № 19118. Уэстморленд — Шарпу и Уиллеру. 1965. 7 июня] // Deployment. Vol. 4. Tabs 258—280. NSCH. Box 41: NCF. LBJL.

² См.: Papers of McGeorge Bundy [Документы Макджорджа Банди] // LBJL.

Вопрос. Оставили ли мы хоть один «нетронутый камень» на переговорном фронте?

Ответ. Да, это контакты с Вьетконгом. Но установление с ним каких бы то ни было связей сопряжено с риском окончательно подорвать моральный дух южновьетнамцев, а надежды на успех невелики. По мнению Дина, любые контакты с Вьетконгом в действительности — лишь прикрытие поражения.

Вопрос. Оказала ли майская пауза в бомбардировках какое-либо негативное воздействие на ситуацию во Вьетнаме?

Ответ. Некоторое воздействие было ощутимо в Сайгоне. Нам удалось лишить критиков одного из аргументов, который они использовали, осуждая нас. Но протесты по-прежнему слышны и в нашей стране, и за ее пределами. «Куда мы движемся?» — вопрошают нас. Как и я рекомендовали разъяснить положение и просили президента выступить с речью и рассказать о наших намерениях.

Во время встречи президент поручил задать Уэстморленду следующие вопросы: какую военную стратегию и тактику он собирается использовать? Как ответят на это Вьетконг и Северный Вьетнам? Каковы будут предполагаемые потери Соединенных Штатов? Какую реакцию следует ожидать на действия США, и когда они начнут осуществляться? Отсутствие ответов на подобные вопросы затруднило нам принятие решения в последующие месяцы¹.

Стремительное развитие событий усилило мою тревогу, связанную с потенциальным расширением нашего военного участия. В телефонном разговоре с президентом Джонсоном, состоявшемся в тот вечер, я сказал:

— В глубине души я хотел бы жестко ограничить наши обязательства, но не думаю, что так поступит КНИШ. Я даже знаю, что он этого не сделает.

— Ты считаешь, что запрос Уэстморленда для военных просто новая ступенька лестницы? — спросил он.

— Да, — ответил я. — И они надеются, что им не придется идти дальше. Но предложение в телеграмме Уэстморленда — это очередной шаг. И он не сказал, что намерен остановиться².

Шестнадцатого июня, в разгар этой неразберихи и хаоса, я встретился с журналистами. Меня спросили:

— Вы предвидели увеличение численности наших войск во Вьетнаме еще, по крайней мере, на семьдесят — семьдесят пять тысяч человек?

Я ответил:

¹ См.: Papers of McGeorge Bundy [Документы Макджорджа Банди] // LBJL.

² См.: 1965. June 10. 6:40 p. m. Tape 6506.02. PNO 8 [1965. 10 июня. 6 часов 40 минут. Кассета 6506.02. Программа № 8] // PR. LBJL.

— Государственный секретарь, я и президент постоянно заявляли, что сделаем все необходимое для достижения наших целей в Южном Вьетнаме... Я могу дать только такой ответ на ваш вопрос.

Когда меня спросили: «В чем суть американской стратегии?» — я сказал: «Цель нашей стратегии — убедить северовьетнамцев, что предпринимаемая ими и руководимая и поддерживаемая коммунистами попытка свержения законного правительства Южного Вьетнама заранее обречена на провал и нужно начинать переговоры о будущем мире и безопасности в этой стране»¹.

В тот же день Энди Гудпастер по поручению Джонсона отправился к Эйзенхауэру в Геттисберг, чтобы выяснить, как отнесется бывший президент к запросу Уэстморленда об увеличении численности войск. Ответ Айка был прямым и ясным: Соединенные Штаты «применили силу» во Вьетнаме, и поэтому «победа нам обеспечена». Запрос Уэстморленда необходимо одобрить.

На следующий день президент Джонсон ознакомился с опросами общественного мнения, показывающими, что общество готово к дальнейшим действиям. 65% населения одобряло то, как он ведет войну, 47% считало, что нужно направить во Вьетнам дополнительный контингент. Последний показатель вдвое превышал число «неуверенных» (23%), в два с половиной раза — число желающих «сохранить теперешнее количество вооруженных сил» (19%) и более чем в четыре раза — число сторонников «вывода войск» (11%)².

Но президент знал, как быстро может измениться общественное мнение. Он сказал мне 21 июня:

Я думаю... что со временем станет труднее вести эту войну вдали от дома силами уже направленных туда дивизий и особенно новых соединений. Это действительно не давало мне покоя целый месяц. Я очень мучаюсь, потому что не вижу программы ни у Министерства обороны, ни у Госдепартамента — программы, которая позволяла бы надеяться на реальные действия, подменяемые ныне просьбами и мольбами, и полагать, что сумеем остановить противника хотя бы в сезон муссонных дождей. Я не верю, что он готов пойти на мировую. И я не вижу у нас... никакого плана... достижения победы военным или дипломатическим путем... По мнению Рассела³, мы должны воспользоваться очередной

¹ News Conference. The Pentagon. 1965. June 16 [Пресс-конференция. Пентагон. 1965. 16 июня] // PSRSM, 1965. Vol. 5. P. 1794, 1800.

² См.: Goodpaster A. J. Memorandum of Meeting with General Eisenhower. 1965. June 16 [Гудпастер Э. Дж. Запись беседы с генералом Эйзенхауэром. 1965. 16 июня] // «President Eisenhower», Name File: Box 3: NSF. LBJL; Confidential Louis Harris surveys in Hayes Redmon to The President. 1965. June 17 [Секретные отчеты Льюиса Харриса в Хайес-Редмонд президенту. 1965. 17 июня] // ND 19/CO 312 VIETNAM (Situation in 1964–1965). Confidential File: Box 80: NSF. LBJL.

³ Ричард Б. Рассел (демократ от штата Джорджия) — наставник Джонсона, когда оба они были сенаторами, и влиятельный председатель сенатского Комитета по вооруженным силам.

сменой режима и уйти оттуда. Я не считаю, что мы можем уйти оттуда после этого соглашения и всего того, что было сказано нами: тогда мы просто потеряем лицо. Меня пробирает дрожь, когда я думаю, что они будут все говорить¹.

Президента измучила неопределенность положения. Я чувствовал, как он страдает. Чувствовали это и другие. Историк из Колумбийского университета Генри Графф, бравший интервью у Джонсона в те дни, позднее писал, что президент признался ему: он провел немало бессонных ночей, размышляя, какие чувства охватили бы его, «если бы президент сказал ему вдруг: ваши дети должны отправиться в Южный Вьетнам в составе роты морских пехотинцев... и, возможно, они там погибнут»².

Линдон Джонсон часто прибегал к театральным эффектам, и циники скажут, что его слова — наглядное тому доказательство. Но это не так. Ни один известный мне президент, осуществляя свои полномочия и направляя американцев в «горячие точки», не чувствовал себя иначе. Я разделял чувства президента.

Принятие решений постоянно откладывалось, поскольку мы всякий раз пытались выбрать наилучший вариант из худших. Пока продолжались споры, журналисты настойчиво расспрашивали Джонсона о недавних запросах Сената для определения дальнейших действий Конгресса, выходящих за рамки резолюции о Тонкинском заливе. Это было еще до того, как президент одобрил увеличение численности наших войск во Вьетнаме. Он дал уклончивый ответ: «Читавшие эту резолюцию» могли увидеть, что президент уполномочен «принимать все... все... все... необходимые меры», то есть те, которые он считает необходимыми в конкретной ситуации³.

Президент, встречаясь с представителями средств массовой информации, следовал советам, полученным от сенатора Мэнсфилда (противника расширения военного контингента) и сенатора Дирксена (сторонника дальнейшего усиления нашей боеспособности). Оба просили Джонсона воздержаться от обсуждения соответствующего вопроса в Конгрессе, поскольку опасались, что это приведет к расколу нации и, вопреки любым итогам голосования, отрицательно повлияет на ход боевых действий. Именно такой совет и хотел услышать Джонсон, но это был ошибочный совет. Не существует «подходящего» момента

¹ 1965. June 21. 12:15 p. m. Tape 6506.04. PNO 18 [1965. 21 июня. 12 часов 15 минут. Кассета 6506.04. Программа № 18] // PR. LBJL.

² Цит. по: *Graff H.F. How Johnson Makes Foreign Policy* // *New York Times Magazine*. 1965. July 4. P. 18–20; *The Tuesday Cabinet: Deliberation and Decision on Peace and War Under Lyndon B. Johnson*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1970. P. 53–54.

³ См.: *President's News Conference*. 1965. June 17 [Пресс-конференция президента. 1965. 17 июня] // *Public Papers, Lyndon B. Johnson, 1965*. Bk. 2. P. 669–685.

для достижения национального согласия по вопросам, касающимся военных действий, путем голосования в Конгрессе. Всегда будут споры о том, как и когда это делать. Главное в том, что на это *нужно было* пойти, даже если итоги голосования оказались бы желательными не для нас, а для противника. Но мы этого не сделали, и нам пришлось извлечь горький урок: правительство должно идти на подобный риск, чтобы вести войну, сохранив национальное единство и заручившись народной поддержкой. Вместо того чтобы сплотить страну, мы предпочли скрыть наши разногласия, и борьба в администрации так и осталась закулисной, «скрытой под ковром» в Овальном кабинете. Поумнели ли мы сегодня?

С середины июня до середины июля в нашем отношении к Вьетнаму господствовал постоянный разнобой. Мы регулярно получали сообщения от Макса или Уэстморленда о дальнейшем ухудшении положения в Сайгоне. Они приводили все новые и новые доводы в пользу увеличения численности наших войск. Мы заседали чуть ли не каждый день. Я провел бессчетные часы в зале заседаний КНШ, так называемом «танке», обсуждая с его членами постоянно меняющиеся планы и запросы Уэстморленда. Билл Банди и его помощники изучали дипломатические альтернативы. А президент анализировал каждый аспект этой трудной проблемы и постоянно привлекал к ее решению своих советников.

Восемнадцатого июня Джордж Болл направил президенту еще одну красноречиво составленную докладную. Как и его служебная записка от октября 1964 года, эта докладная не анализировалась и не обсуждалась ни в администрации, ни в Госдепартаменте, ни в Министерстве обороны. В конце концов вышло так, что ее направили только президенту и Дину. Никто, кроме госсекретаря, не получил в Госдепе копию данного документа, даже Билл Банди. Джордж просил президента не увеличивать военный контингент «более чем» на 100 тысяч человек, что лишь ненамного превышало уровень в 95 тысяч, предложенный мною 10 июня. Однако возросшие потери южновьетнамской армии и рекомендации Уэстморленда вскоре вынудили Дина и всех нас повысить прежний уровень в 100 тысяч человек. Поэтому, когда на заседании 23 июня Джордж предложил ограничиться уровнем в 100 тысяч человек и, если нас заставят уйти из Южного Вьетнама, отступить в Таиланд и постараться удержать там наши войска, Дин и я принялись ему резко возражать. Мы сомневались в том, что Таиланд сможет выстоять в случае поражения Южного Вьетнама. Я одобрил запрос Уэстморленда об увеличении военного контингента, но настаивал на более активных усилиях по инициации переговорного процесса, чем прежде.

Столкнувшись с подобными разногласиями, президент попросил Джорджа и меня продумать наши личные предложения и изложить их со всеми подробностями. Он дал нам неделю¹.

Мы немедленно приступили к выполнению этой задачи. В процессе работы предложения Джорджа претерпели существенные изменения. Он, как и прежде, отстаивал ограничения на ввод во Вьетнам дополнительных сил, но больше не отказывался от необходимых в дальнейшем увеличений численности наших военных и лишь допускал вывод войск, не требуя его, но не более. Теперь Джордж пришел к выводу, что главное — это не столько удержаться в Южном Вьетнаме, сколько как можно скорее «сократить наши потери», предпринимая, что в наших силах, в отношении Северного Вьетнама. Билл Банди, не соглашаясь с ним, стал готовить третий документ, в котором предлагался «средний путь» — сохранение численности американских войск на прежнем уровне примерно в 85 тысяч человек.

Во время работы над моим вариантом я получил телеграмму от Уэстморленда с новыми тревожными сведениями. В ней указывалось, что мы должны быть готовы к долгой и дорогостоящей войне и значительному расширению нашего военного присутствия, для чего, в частности, необходимо будет внести существенные изменения в данные по численности военного контингента, предусмотренной планом на 1966 год. Обсудив его телеграмму в КНШ, я 26 июня закончил работу над проектом своих предложений и включил в него предложения Уэстморленда, а затем передал документ Дину, Маку, Джорджу и Биллу, чтобы они сделали свои замечания.

Суть моей докладной сводилась к тому, что Вооруженные силы США и Южного Вьетнама нужно увеличить до такой степени, чтобы доказать Вьетконгу: «...он не сможет победить, а значит, и изменить весь ход войны». По оценке Уэстморленда, для полной победы нам потребуется примерно 175 тысяч американских военнослужащих в 1965 году (и еще неопределенное число — в 1966 году). Я рекомендовал согласиться с этой численностью. Свою рекомендацию я дополнил предложениями о расширении военных действий против Северного Вьетнама и активизации дипломатических инициатив, то есть призывал начать диалог с Ханоем, Пекином и Вьетконгом. Я завершил свой документ «оценкой успеха»:

С военной точки зрения успех данной программы зависит от того, сможет ли увеличение численности войск повысить боеспособность Юга, что, в свою очередь, определяется двумя обстоятельствами: смогут ли южновьетнамцы сохранить на прежнем уровне численность своей армии и боевой дух, и сумеют ли американские войска успешно действовать в качестве сил быстрого реагирования в новой и непривычной для них роли. Численность американских вооруженных сил слишком мала, чтобы

¹ См.: WB. VNMS. Ch. 26. P. 22–23.

позволить нам внести существенные коррективы в традиционное соотношение сил в десять к одному (солдаты против партизан), но вполне достаточно для внесения изменений в характер войны, ведущейся во Вьетнаме... и приближающейся к войне обычного типа, в которой легче обнаруживать и определять местонахождение противника и наносить по нему удар¹.

Мой проект шокировал Мака, и он направил свою докладную, решив «поставить вопросы и не ответить на них». Он действительно задал целый ряд вопросов. «Мое первое впечатление от знакомства с проектом, — говорилось в записке, — сводилось к тому, что эта программа [предлагавшая удвоить запланированную численность Вооруженных сил США в Южном Вьетнаме, в три раза увеличить мощность бомбовых ударов по Северному Вьетнаму и разработать и ввести новую, исключительно важную для нас систему контроля над морскими путями] — всего лишь свидетельство безумной спешки». Он поставил вопрос, впоследствии ставший едва ли не главным: «Смогут ли регулярные войска США проводить антипартизанские операции, которые, вероятно, и впредь будут иметь огромное значение для Южного Вьетнама? Существует ли подобная перспектива?» Он сослался на утверждение бывшего президента Эйзенхауэра, что причиной перемирия в Корее стала угроза ядерной войны. Мак советовал нам «хотя бы подумать, сколь сильной в действительности должна быть наша угроза активизировать военные действия, чтобы побудить Ханой пойти на контакты с нами». Он завершил свою докладную очередным вопросом: «Неужели мы и в самом деле хотим направить во Вьетнам 200 тысяч человек для прикрытия поэтапного отступления? Можем ли мы в сложившейся ситуации отказаться от этого?»²

За исключением ссылки на применение ядерного оружия и совета подумать о том, чем грозит его использование, я был согласен со всеми выводами Мака и разделял его взгляды и сомнения. Однако суть проблемы заключалась не в вопросах, а в ответах на них. Три документа (Джорджа, Билла и мой) поступили в Белый дом вечером 1 июля. Но к ним прибавился еще один, о чем я не знал и, полагаю, не знали также Джордж и Билл.

Я уже упоминал, что Дин редко писал президенту и мне неизвестно ни одно его предложение по военным вопросам, о котором он заблаговременно не известил бы меня. Однако сейчас он поступил по-иному, потому что ему хотелось выразить свои глубочайшие убеждения и поделиться тяжелыми опасениями. Он был уверен, что в проекте Джорджа

¹ Draft Memorandum for the President. 1965. June 26 [Проект служебной записки для президента. 1965. 26 июня] // Memos to the President. Vol. 3. Tab 35. 7/27/65. Deployment of Additional U. S. Troops in Vietnam. NSCMF: Box 1: NSF. LBJL.

² McGeorge Bundy to McNamara. 1965. June 30 [Макджордж Банди — Макнамаре. 1965. 30 июня] // Deployment. Vol. 6. Tabs 341–356. NSCH: Box 43: NSF. LBJL.

ничего подобного нет. Я желал бы процитировать отрывок из докладной Дина, привести его точные слова. Он полагал, что если мы потеряем Южный Вьетнам, то рискуем приблизить начало Третьей мировой войны, и это мнение в разной степени повлияло на всех нас. Он писал:

Безусловное продолжение участия Соединенных Штатов — это краеугольный камень сохранения мира во всем мире. Если же такое участие будет ослаблено, то коммунистический мир сможет сделать из этого соответствующие выводы, результатом которых станут наше поражение и почти наверняка война с самыми катастрофическими последствиями (выделено мною. — Р. М.). До тех пор пока Южный Вьетнам готов за себя сражаться, мы не можем бросить его на произвол судьбы без угрозы для всего человечества и наших интересов во всем мире¹.

Читатель может подумать, что Дин сгустил краски, описывая те ужасы, к которым привело бы поражение Южного Вьетнама. Но я не могу недооценивать воздействия на него всех исторических событий, пережитых нашим поколением (и в большей или меньшей мере каждым из нас). Мы жили в годы предательских уступок в Мюнхене и умиротворения агрессора, участвовали во Второй мировой войне, боролись с оккупантами в Европе и Азии, были свидетелями захвата Восточной Европы Советским Союзом и знали о тех угрозах, которым неоднократно подвергался Берлин, как это произошло, например, в августе 1961 года. Мы помнили о кубинском «ракетном» кризисе и совсем недавно слышали заявления китайских коммунистов о том, что конфликт в Южном Вьетнаме типичен для «национально-освободительных войн», которые, как они полагали, должны развернуться во всем мире. В докладной записке Джорджа эта подспудная тревога не ощущалась, и президент Джонсон не воспринял его документ.

Мак передал президенту четыре проекта, добавив к ним свое сопроводительное письмо. В нем он отступил от позиций, сформулированных в разговоре со мной днем раньше. «Я предчувствую, в какую сторону выгнется дуга, — писал он. — Вы захотите выслушать Джорджа Болла, а затем отклоните его предложение. Тогда при обсуждении выбор неизбежно сузится и речь пойдет лишь о проектах моего брата и Макнамары»².

Мы встретились с президентом на следующий день. Похоже, он был в растерянности, не зная, что делать. После долгого обсуждения он завершил встречу, попросив меня вновь посетить Сайгон и проанализировать с Максом и Уэстморлендом дальнейшие военные запросы. Он направил Аверелла Гарримана в Москву для выяснения, можно ли сейчас вновь создать Женевскую конференцию (эту миссию я активно поддерживал). И поручил Джорджу исследовать возможность установ-

¹ Rusk to the President. 1965. July 1 [Риск — президенту. 1965. 1 июля] // Ibid. Tabs 357–383.

² McGeorge Bundy to Johnson. 1965. July 1 [Макджордж Банди — Джонсону. 1965. 1 июля] // Ibid.

ления контактов с представителем Ханоя в Париже (еще один шаг в сторону переговоров, который я также горячо приветствовал)¹.

В августе нам удалось установить новый контакт под кодовым наименованием «XYZ». Речь шла о тайных переговорах в Париже сотрудника внешнеполитического ведомства США Эдмунда Гульона с его коллегой Май Ван Бо из Северного Вьетнама. Гульон должен был изучить официальные заявления и частные выступления ханойских лидеров и определить, есть ли у нас хоть какой-то шанс на успех в переговорах. На первых порах беседы казались обнадеживающими, но уже в сентябре Северный Вьетнам внезапно прекратил их и перекрыл канал.

В разгар июльских споров президент собрал в Вашингтоне независимую группу старейших государственных деятелей, которых стали называть «мудрецами». Состав этой группы несколько менялся с каждой новой встречей. Президент попросил ее участников оценить ход военных действий и посоветовать, как ему поступать в дальнейшем.

«Мудрецы» производили сильное впечатление. Их знания, опыт и авторитет были неоспоримы. На сей раз в числе участников группы были Дин Ачесон, главный архитектор внешней политики США в первые годы «холодной войны», когда он занимал пост госсекретаря при президенте Трумэне; «пятизвездный» генерал в отставке Омар Брэдли, олицетворявший спокойный, холодный профессионализм американского военного истеблишмента. В эту группу также входили либерально-республиканский издатель «Миннеаполис стар», «Гриббюн» и журнала «Лук» Джон Коулс, воплощавший космополитический дух ведущих газет и журналов США. Нельзя не упомянуть и о других «мудрецах». Один из них, юрист и дипломат Артур Дин, бывший при Эйзенхауэре участником переговоров о перемирии в Корее, разделял либерально-республиканские взгляды Коулса и приверженность к двухпартийному интернационализму. Роз Гилпатрик символизировал связь администраций Кеннеди и Джонсона и их единую линию в отношении национальной безопасности. Миллионер-промышленник Пол Хоффман, один из основных разработчиков плана Маршалла², был типичным представителем знатоков технологии американского бизнеса, обслуживающих внешнюю политику США. Известный ученый-химик из Гарварда Джордж Кистяковский воплощал взаимосвязь науки и политики в ядерную эру. Профессор права из Университета Дьюка Артур Ларсон служил нескольким президентам начиная с 1933 года и олицетворял союз академической науки и правительства, установившийся в годы Второй мировой войны. Роберт Ловетт стал заметной фигурой, заняв пост заместителя государственного секретаря и помощ-

¹ См.: WB. VNMS. Ch. 27. P. 13.

² План Маршалла — программа восстановления и развития Европы после Второй мировой войны путем предоставления ей американской экономической помощи; выдвинут в 1947 г. Дж.-К. Маршаллом (вступил в действие в апреле 1947 г.). — *Примеч. ред.*

ника министра обороны в администрации Трумэна. Этот внушительный список завершал соратник Ловетта в годы Второй мировой войны и бывший американский представитель в оккупированной Германии Джон Макклой. Все участники отличались решительностью, последовательностью и уверенностью в собственных силах, то есть чертами, характерными для поколения победителей во Второй мировой войне и в ранние годы «холодной войны».

Часть этой большой группы — Брэдли, Гилпатрик, Кистяковски, Ларсон и Макклой — встретилась с Дином, Томми, Биллом и со мной утром 8 июля. Мы обсудили с представителями «мудрецов» основные проблемы, ответили на их вопросы и попросили их подробно и откровенно высказать свое мнение. Все, кроме Ларсона, предлагали использовать «любые» силы, необходимые для предотвращения поражения Южного Вьетнама и его перехода под коммунистический контроль. Некоторые участники даже критиковали наши предыдущие действия за «излишнюю сдержанность».

Они обстоятельно изложили свои взгляды позднее, на вечернем заседании, и все, за исключением Хоффмана, были настроены единодушно. Ачесон и Артур Дин, в частности, решительно возражали против предложения Хоффмана начать переговоры. Сейчас не время для «поворота внешней политики США на Дальнем Востоке в сторону, угодную ООН» или кому-то еще, заявил Артур Дин. Макклой, выступивший от всей группы, сказал Дину Раску и мне: «Вы можете разбить носы в кровь, но вы обязаны это сделать. Вам надо ввязаться в бой».

В тот же вечер Ачесон, Брэдли, Коулс, Артур Дин, Ловетт и Макклой встретились с президентом в зале заседаний. Через несколько дней, выслушав жалобы Джонсона на сложность проблем, Ачесон доложил бывшему президенту Трумэну: «Я изо всех сил старался ему доказать... что у него нет иного выхода, кроме жесткого давления... И тут коллеги дружно поддержали меня, совсем как шотландцы при Ватерлоо... Боб Ловетт, обычно весьма осторожный, был полностью уверен в нашей правоте, а Брэдли, конечно, не оставил никаких сомнений и во всем согласился со мной. Я думаю... мы победим». Но им не удалось «победить» и склонить нас на свою сторону. При всем своем красноречии они не смогли доказать Дину Раску и мне, что администрация должна подробно разъяснить американскому народу истинное военное положение и необходимость направить во Вьетнам новые войска. Коулс и Ловетт обвинили президента в том, что он «рисует картины войны в розовых тонах»¹.

Как раз в это время консерваторы в Конгрессе потребовали значительного увеличения оборонного бюджета для поддержки дополни-

¹ См.: Bundy W. Vietnam Panel (drafted July 10, 1965) [Банди У. Вьетнамская дискуссия (составлено 10 июля 1965 г.)] // Deployment. Vol. 7. Tabs 401–420. NSCH. Box 43: NSF. LBJL; WB. VNMS. Ch. 27. P. 15–21; Acheson to Truman. 1965. July 10 [Ачесон — Трумэну.

тельных программ и намечавшихся дальнейших военных действий. Конгрессмены Джералд Форд и Мелвин Лэйрд выдвинули законопроект о дополнительных ассигнованиях в размере от одного до двух миллиардов долларов для призыва на службу по меньшей мере 200 тысяч резервистов. Сенатор Дирксен также направил запрос президенту с требованием «воспользоваться дополнительными полномочиями и выделить больше денег — значительную сумму денег»¹. Тогда же подошло к критической отметке и финансирование программ построения «Великого общества». Сенат уже одобрил программу льготного медицинского страхования, и скоро она должна была поступить в согласительный комитет, другие законодательные инициативы по программе «Великого общества» — включая те из них, что были связаны с изменением закона об иммиграции, программой помощи бедным, программами развития экономики и улучшения условий жизни жителей Аппалачии и законопроект о чистом воздухе — также были намечены к обсуждению. Президент Джонсон считал, что увеличение оборонного бюджета погубит величественные планы социального развития, небывалого со времен «Нового курса»². Сегодня мы видим, что его действия отнюдь не отличались прямотой, — обычно их называли обманом, — но тогда, будучи сами вовлечены в процесс политической жизни, мы часто недооценивали его настойчивое стремление излечить болезни общества.

Четырнадцатого июля 1965 года, когда я уже приготовился лететь в Сайгон, президент Джонсон встретился с редактором «Ньюсуик» Джеймсом Кэнноном. Кэннон спросил у него, какую цель он как президент считает самой главной. «Улучшить нашу жизнь, сделать ее более радостной и содержательной для всего народа», — ответил он. Кэннон поинтересовался, как бы он сформулировал эту мысль для записи в документах Сената, весьма консервативных по духу. Джонсон сказал: «Сейчас я лучше, чем прежде, понимаю проблемы, волнующие многих людей. Например, я стал чувствительнее к несправедливости в отношении к неграм, потому что чаще вижу их и разговариваю с ними. Я стал чуть менее эгоистичен и чуть более самоотвержен... Находясь на моем месте, уже нельзя подниматься выше, и единственное, что вы хотите, это делать то, что считаете нужным»³.

1965. 10 июля] // Acheson Correspondence (1964–1971): Post Presidential Name File. Harry S. Truman Library; Isaacson W., Thomas E. The Wise Men: Six Men and the World They Made. N. Y.: Simon & Schuster, 1986. P. 650–652.

¹ Цит. по: News & World Report. 1965. July 26. P. 45.

² «Новый курс» — система мероприятий администрации президента Франклина Делано Рузвельта в 1933–1938 гг. для ликвидации последствий экономического кризиса 1929–1933 гг.; сочетал меры по усилению государственного регулирования экономики с некоторыми реформами в социальной области. — *Примеч. ред.*

³ James Cannon and Charles Roberts interview with the president. 1965. July 14 [Интервью Джеймса Кэннона и Чарльза Робертса с президентом. 1965. 14 июля] // Newsweek. 1965. August 2. P. 20–21.

Многие, читавшие это интервью, наверное, сочли высказывания Джонсона саморекламой, попыткой занятого в спектакле актера убедить зрителей в том, что он именно таков. Не думаю, что это ответ на вопрос. Причина в другом. Горько сознавать, что постоянные попытки Джонсона замаскироваться нанесли урон его репутации. А ведь он чувствовал глубокую ответственность за исправление несправедливости, жертвами которой оказались многие американцы.

Президент Джонсон использовал чуть ли не каждую минуту для осуществления своих программ, касались ли они гражданских прав, построения «Великого общества» или войны во Вьетнаме. Как-то вечером того лета, когда в Конгрессе обсуждался проект Закона об избирательных правах, мы с Марджи обедали в Белом доме вместе с президентом и леди Берд. Мы сидели вчетвером за маленьким столиком, ели и разговаривали. Внезапно президент наклонился, взял телефонную трубку, — телефон висел рядом со столиком, — и попросил оператора соединить его с Эвом Дирксом.

Лидер сенатского меньшинства тут же подошел к телефону. Я слышал лишь половину разговора, но могу воспроизвести слова президента.

— Эв, — начал он и, сделав выразительную паузу, заявил: — Черт возьми, ты сегодня проиграл голосование.

Президент имел в виду важное голосование, от которого зависел дальнейший успех или провал законопроекта. Я услышал, как Дирксен недовольно пробурчал:

— Почему вы считаете, что я его проиграл? Это ваши проклятые демократы-южане бросили и предали вас!

Президент терпеливо выслушал его, а потом успокоительно заметил:

— Эв, я знал, что демократы с Юга собирались меня предать. Я надеялся, что вы соберете достаточное количество республиканцев и сможете это предотвратить.

Они поддразнивали друг друга еще несколько минут. Наконец Джонсон проговорил:

— Знаешь, Эв, тебе чего-то хочется. Чего именно? Скажу тебе откровенно, чего хочу я — принятия Закона об избирательных правах.

А потом они обо всем договорились по телефону. Таков был президент Джонсон, настойчиво добивавшийся решения стоящих перед ним задач. В данном случае он стремился установить в нашем веке межнациональное согласие и закрепить его в законодательстве.

В другой раз он попросил меня присутствовать на его встрече в зале заседаний с бизнесменами и профсоюзными лидерами. Эта встреча никак не была связана с вопросами обороны, просто ему хотелось заручиться их поддержкой при принятии Закона об избирательных правах, но, как я уже упоминал, он часто советовался со мной по вопросам, далеким от круга моих непосредственных обязанностей. В течение часа он буквально умолял собравшихся оказать давление на их конгрессме-

нов перед голосованием за этот законопроект. Но ему не удалось добиться особого успеха. Наконец, совершенно обескураженный подобным исходом, он сказал:

— Господа, вы все знаете Зефиру. — Я сомневаюсь, что кто-либо из находившихся в этом зале, кроме меня, понял, что речь шла о чернокожей кухарке Джонсонов, служившей в их доме долгие годы. — Прошлым летом она, Берд и я проезжали через Миссисипи, возвращаясь в Вашингтон с нашего ранчо. Берд попросила меня: «Линдон, тебе не трудно будет остановиться у следующей бензоколонки. Мне надо сходить по нужде». Я ответил: «Конечно». Потом мы вернулись в машину, немного проехали, и тут Зефира сказала: «Господин президент, вы не возражаете, если мы остановимся у обочины шоссе?» «А почему ты хочешь остановиться?» — спросил я. «Мне надо сходить по нужде». «Черт побери, почему же ты не сделала этого у бензоколонки, когда вышли Берд и я?» — удивился я. «Я боялась, что мне там не позволят», — пояснила она. — При этих словах Джонсон стукнул кулаком по столу и с горечью произнес: — Господа, неужели *это* та страна, в которой вы хотите жить? Я вот в такой стране жить не желаю.

Кто-нибудь скажет, что это был театр. А я знаю, что это не так.

До сих пор о президентстве Джонсона судят в первую очередь по Вьетнаму. Но я верю, что будущие историки, на которых не станет в такой степени влиять вызванный войной раскол в обществе, оценят период его правления более взвешенно и отметят две его крупные победы в законодательной сфере: принятие Закона о гражданских правах 1964 года и Закона об избирательных правах 1965 года. Без этих двух законодательных документов наша страна сегодня была бы охвачена пожаром как в прямом, так и в переносном смыслах слова. Я думаю, что история отметит их среди величайших политических достижений нашего века. И наше будущее — «Великое общество», о котором так мечтал Линдон Джонсон, — остается целью, к которой мы все должны стремиться. К сожалению, за тридцать лет, прошедших с того времени, она так и не была достигнута, и это уже само по себе трагично.

Перед отъездом из Вашингтона вечером 14 июля я позвонил президенту Джонсону, чтобы обсудить с ним мою миссию в Сайгоне и во Вьетнаме в целом. Мы говорили о том, что привело к необходимости поездки и что нужно будет сделать в ближайшие трудные и решающие дни.

Президент. В душе каждый из нас знает, что когда мы просили принять эту резолюцию о Тонкинском заливе, то не собирались использовать столько сухопутных войск.

Макнарама. Правильно.

Президент. А сейчас мы это делаем и знаем, что все будет просто скверно. Вопрос в том, хотим ли мы это делать по собственной воле?

Макнарама. Если мы предпримем такие шаги, как предполагается в моей докладной, и решим туда отправить пополнение, то должны будем призвать и резервистов. Я почти уверен, что если мы попросим предоставить нам их, то вы захотите обратиться в Конгресс, чтобы получить там дополнительные полномочия. Это помогло бы обеспечить нам дальнейшую поддержку. Наверное, вы сейчас скажете: «Ладно, допустим, но это вызовет новые споры, начнутся обсуждения, и мнения будут самыми разными, порой прямо противоположными». Я думаю, мы сумеем этого избежать. Я действительно думаю, что если бы мы пошли и сказали им: «Да, ситуация сложилась так, что в теперешнем состоянии, при нашем участии в боевых действиях, на нынешнем уровне, мы не сможем победить. Мы должны увеличить численность войск, если рассчитываем победить в том узком смысле, который вкладывается нами в данный момент в само понятие “победа”. Нам понадобятся дополнительные силы. Мы по-прежнему будем придерживаться такого подхода и... одновременно продолжим наши политические инициативы и попытаемся добиться приемлемого соглашения в ходе переговоров. И теперь мы просим вас о поддержке». Я думаю, что при сложившихся обстоятельствах вы ее получите. А благодаря ей у вас появятся полномочия призвать на службу резервистов и использовать их в соответствии с программой.

Президент. Ну что же, это разумно.

Макнарама. Я не знаю, как далеко вы собираетесь зайти, и не хочу оказывать на вас никакого давления. Я просто делюсь с вами своими рассуждениями. Но, возможно, они ошибочны.

Президент. А Раск в целом с тобой согласен?

Макнарама. Да... Он готов действовать очень твердо. Он сторонник жесткой линии и ни в коем случае не желает оставлять Южный Вьетнам на произвол судьбы, даже если это обернется всеобщей войной. Впрочем, он считает, что нам удастся ее избежать. Однако, если потребуются заплатить такую цену за сохранение Южного Вьетнама, он готов пойти и на всеобщую войну¹.

Я встречался с Уэстморлендом в Сайгоне 16 и 17 июля. Эти встречи подтвердили мои худшие опасения и сомнения. Уэстморленд сказал, что до конца года ему понадобится 175 тысяч солдат и офицеров и еще 100 тысяч в 1966 году. Я отнюдь не был уверен в том, что бомбардировки смогут сократить поток людей и снаряжения, направляемый с Севера на Юг, до уровня, обеспечивающего военное превосходство южновьетнамских и американских вооруженных сил. И хотел выяснить мнение Уэстморленда и его команды об эффективности бомбардиро-

¹ 1965. July 14. 6:15 p. m. Tape 6507.02. PNO 22 [1965. 14 июля. 18 часов 15 минут. Кассета 6507.02. Программа № 22] // PR. LBJL.

вок. Услышанное не уменьшило моего скепсиса. После долгого обсуждения я сказал:

Вот мои выводы, но я буду рад, если вы убедите меня в их ошибочности:

1. Вьетконг (и Северный Вьетнам) могут поставить под ружье значительно большее число людей, чем сейчас. Соответственно, мы должны быть готовы к увеличению численности и нашего военного контингента.
2. Для поддержки Вьетконга прежде не требовалось особо крупных поставок снаряжения и боеприпасов. Он и сейчас не нуждается в них. И я не думаю, что станет нуждаться в этом в будущем.
3. Если Вьетконг обходится столь небольшими по объему поставками, то бомбардировки не смогут снизить уровень материально-технического обеспечения до критической отметки. Я вовсе не утверждаю, будто нам надо прекратить удары с воздуха. Однако я считаю, что мы должны увеличить численность наших войск на Юге и эффективнее противостоять противнику в наземных операциях¹.

Затем я поинтересовался, какая роль отводится американским войскам в Южном Вьетнаме. Двумя неделями раньше я дал поручение КНШ рассмотреть вопросы, связанные с военной стратегией и тактикой, и оценить, можно ли рассчитывать на «победу войск США в Южном Вьетнаме, если мы сделаем все возможное». Я настаивал на ясной и четкой формулировке нашей стратегии. «Бас» Уилер попросил Эндрю Гудпастера заняться этим исследованием. Собрав группу аналитиков, он быстро подготовил доклад на 128 страницах. Я получил его в день отлета в Сайгон.

Ответ на мой вопрос: «Сможем ли мы победить, если сделаем все возможное?» — был следующим: «Действуя в разумных пределах и принимая нужные меры, мы, несомненно, сможем победить, если проявим волю и если эта воля найдет свое воплощение в стратегии и тактических операциях». Однако в докладе прозвучало и откровенное предостережение. «Любая оценка, согласно которой победа армии США в Южном Вьетнаме — дело решенное, “если мы сделаем все возможное”, едва ли допустима. Остается немало неопределенных моментов, обусловленных целым рядом причин, в частности достаточно ограниченным опытом Южного Вьетнама в проведении наступательных операций»².

¹ Record of Questions and Answers at Meeting Between Secretary McNamara and His Party, Ambassador Taylor and His Staff, and COMUSMACV and His Staff, 16 [and 17] July 1965 [Магнитофонная запись вопросов и ответов на встрече министра Макнамары, его помощников, посла Тэйлора, его сотрудников и командующего американскими войсками во Вьетнаме и его сотрудников 16 (и 17) июля 1965 г.] // Westermoreland — CBS Papers. National Archives.

² Intensification of the Military Operations in Vietnam, Concept and Appraisal [Активизация военных операций во Вьетнаме, их характер и оценка]. П. II; J-1. CF. VN. LBJL.

Мы столкнулись с незнакомым явлением. Уэстморленд и руководители КННП полагали, что Вьетконг и Северный Вьетнам начнут двигаться в том направлении, которое министр обороны Ханоя Во Нгуен Зиап назвал «третьей стадией», где предусматривалось участие в боевых операциях крупных воинских формирований. В таком случае мы могли бы дать им отпор и ликвидировать, применяя тактические приемы обычной войны (операции «обнаружить и уничтожить»). Но существовал и другой вариант: если Вьетконг и Северный Вьетнам не перейдут к «третьей стадии», то войска США и Южного Вьетнама смогут успешно осуществить антипартизанские акции.

Хотя во время моих встреч с Уэстморлендом и его командой я задавал вопросы о том и другом вариантах дальнейшего развития событий, обсуждения носили поверхностный характер. Вспоминая об этом, я сознаю, что совершил ошибку, не настояв ни тогда, ни позднее, ни в Сайгоне, ни в Вашингтоне на всестороннем и детальном изучении объективности высказанных мне соображений и оставшихся без ответа вопросов и глубоком анализе нашей военной стратегии во Вьетнаме. Я двадцать лет проработал менеджером, занимался проблемами укрепления разных организаций, нередко вопреки их воле, и привык глубоко и реалистично продумывать альтернативные курсы действий и их возможные последствия. До сих пор не понимаю, почему я тогда этого не сделал.

Двадцать первого июля я вернулся в Вашингтон и представил президенту свой отчет, который успел подготовить в пути. Он начинался с откровенного, но тревожного утверждения:

Ситуация в Южном Вьетнаме хуже, чем в прошлом году (а в прошлом году она была хуже, чем в позапрошлом). После нескольких месяцев тулика темпы войны ускорились. Упорный натиск со стороны Вьетконга грозит резким расколом среди жителей Южного Вьетнама и разгромом его армии. Без дальнейшей помощи извне южновьетнамские вооруженные силы не смогут противостоять противнику, использующему все более разнообразные тактические приемы, потеряют основные линии коммуникаций и населенные пункты, особенно в горах. В данных условиях речь может идти только о постепенном распаде армейских подразделений... и утрате народного доверия.

Но я не остановился на этом:

Ничего не свидетельствует о том, что мы поставили заслон на пути поставок снаряжения для Вьетконга или сможем поставить такой заслон, пока материальные потребности нашего противника остаются крайне незначительными... Бомбардировки Северного Вьетнама также отнюдь не доказывают, что воля Ханоя сломлена и он готов сесть за стол переговоров и выступить с разумными предложениями. Очевидно, Демократическая Республика Вьетнам и Вьетконг полагают, что Южный Вьетнам ослаблен и находится на грани полного краха. Никаких призна-

ков стремления к урегулированию ситуации с их стороны не наблюдается, если не считать их настроя на полную победу.

Далее я рассмотрел три альтернативы, которые мы уже столько раз изучали и анализировали: 1) уход США из Вьетнама даже в наиболее благоприятных условиях будет означать нечто весьма сходное с безоговорочной капитуляцией; 2) продолжение ведения войны на нынешнем уровне неизбежно приведет нас рано или поздно к первому варианту; 3) увеличение численности наших вооруженных сил согласно запросу Уэстморленда при одновременной и на сей раз более активной попытке начать переговоры почти несомненно воспрепятствует поражению, но усугубит трудности и увеличит расходы, связанные с будущим выводом войск.

Я отдавал предпочтение третьему варианту, который, по-моему, являлся «предварительным условием любого приемлемого соглашения». Завершая отчет, я высказал суждение, что «курс действий, рекомендованный в данном документе, — если только военные и политические меры будут должным образом скоординированы и осуществлены энергично и решительно, — позволит добиться поставленной цели и найти выход в разумный срок». Последующие события доказали, что мой вывод был ошибочным¹.

Когда я находился в Сайгоне, Сай Вэнс направил мне телеграмму, сообщив, что президент «намерен одобрить» увеличение численности войск, которое я, по его предположению, собираюсь рекомендовать. После моего возвращения мы совещались целую неделю, встречаясь по меньшей мере раз в день, прежде чем президент принял окончательное решение. В наших заседаниях участвовали все чиновники высшего ранга, связанные с системой национальной безопасности, в том числе представители КНШ и руководители различных военных служб (Пол Нитце, Юджин Зукерт и Стэнли Резор). Все, кроме Джорджа Болла, поддержали мои рекомендации.

Президент одобрил программу увеличения вооруженных сил 27 июля и объявил о своем решении американскому народу в речи 28 июля. Он произнес ее в середине дня. Но Джонсон не согласился с размером финансирования. По моей оценке, нам нужно было выделить порядка 10 миллиардов долларов на дополнительные расходы в 1966 финансовом году. При поддержке некоторых влиятельных конгрессменов президент счел нужным сохранить свой предыдущий бюджетный

¹ См.: Memorandum for the President, July 20, 1965 (submitted July 21) [Служебная записка президенту от 20 июля 1965 г. (передано 21 июля)] // Vietnam 2EE, 1965–1967: CF. VN: Box 74/75: NSF. LBJL.

запрос, в котором указывалась меньшая сумма, но обещал обратиться с новым запросом в январе, когда «мы уточним все цифры». Он также категорически отверг мой совет увеличить налоги в связи с войной и таким образом предотвратить инфляцию. Я представил свою оценку расходов на военные нужды и предложил увеличить налоги в засекреченном проекте докладной записки, известном лишь дюжине людей. Даже министр финансов и председатель экономического совета при президенте не знали об этом документе.

Когда президент прочел проект и ознакомился с моими финансовыми выкладками, то спросил:

— Сколько голосов он получит?

Я знал, что он имел в виду: президент считал, что законопроект об увеличении налогов будет отклонен Конгрессом.

— Я не занимался подсчетом голосов, — ответил я. — Мне известно, что это будет нелегкая задача, но у вас есть преданные люди со связями в Конгрессе, которые вам помогут.

— Вот что, подними свою задницу, ступай на Капитолийский холм и не возвращайся, пока не получишь протокол с подсчетом голосов.

Я так и сделал. И, конечно, никакого протокола с подсчетом голосов там не оказалось. Сообщив об этом президенту, я заявил:

— Уж лучше я начну бороться за то, что считаю правильным, и проиграю, чем отступлю.

Он поглядел на меня и раздраженно заметил:

— Черт побери, Боб! Вот что в тебе плохо — ты не политик. Сколько раз я напоминал тебе, что, когда Франклин Рузвельт попытался обмануть Верховный Суд и ему это не удалось, он больше не смог влиять на Конгресс.

Конечно, тут он преувеличил, но я понял его мысль: он хотел обезопасить от нападок свои программы «Великого общества». Если бы он в то же время не начал растрачивать кредит доверия и тем самым подрывать саму возможность построения «Великого общества», я смог бы с ним согласиться.

Между тем Билл Банди подготовил список мер, в котором были учтены все аспекты президентской речи — от извещения Конгресса до информирования американского народа. Это была великолепная программа. И, как особо подчеркнули помощники президента Дугласс Кэйтер и Джон Гарднер — оба убежденные либералы, — у Джонсона еще оставалось время для просвещения общества и откровенного разговора о возникших проблемах. Расскажи он в то время о намеченных действиях, и общенародная поддержка была бы ему обеспечена. Кэйтер сообщил, что «число критиков президента невелико и, как правило, это маргинальные группы недовольных. Гарднер уверен, что если провести опрос среди интеллигенции, то популярность прези-

дента в этой группе окажется столь же высокой, как и во всех остальных»¹.

Но советам Банди, Кэйтера и Гарднера не последовали. Вместо этого стране был навязан курс, ведущий к полномасштабной войне, а сами факты оказались скрыты от народа.

Почему?

Президент понимал значимость принятого им решения. Он также сознавал, что, объявив о нем, будет вынужден заплатить немалую цену. Но он попал в ловушку, и ему предстояло сделать тяжелый выбор. Речь шла о двойной угрозе — давлении сторонников эскалации войны и возможном крахе или неосуществимости его социальных программ.

Мы все глубже увязали в болоте.

---

¹ Cater to the President. 1965. July 10 [Кэйтер — президенту. 1965. 10 июля] // White House Aides Files. Office Files of Douglass Cater. LBJL.

ГЛАВА 8

Рождественская пауза в бомбардировках. Неудачная попытка приступить к переговорам

29 июля 1965 года — 30 января 1966 года

Я часто слышал разговоры о различии между результатами и последствиями. Результаты — это то, чего мы ждем, последствия — то, что мы получаем. Данное наблюдение вполне применимо и к нашим предположениям относительно Вьетнама, высказанным летом и осенью 1965 года. Реальность вступила в противоречие с ожиданиями. Мы не осуществляли наш план значительного увеличения Вооруженных сил США во Вьетнаме до тех пор, пока не стало ясно: вопросы вызывала стратегия, на которой основывался весь план. Постепенно мучительное, гнетущее, доводящее до слез сокращение наших военных операций во Вьетнаме сделалось совершенно очевидным. Я всегда считал, что любая проблема может быть решена, но теперь, столкнувшись с вопросом, касавшимся национальной гордости и человеческих жизней, прихожу к выводу, что все куда сложнее.

Мое отношение к этой войне постепенно менялось — от беспокойства к скептицизму, подавленности, разочарованию и гневу. Виной тому не мое переутомление, как порой склонны думать, а возрастающая тревога в связи с гибелью тысяч людей и понимание того, что наши цели так и не были достигнуты.

После выступления президента Джонсона 28 июля 1965 года многие американцы — интеллигенты, конгрессмены, журналисты, простые люди — выражали поддержку его решению. Когда в конце августа Институт Гэллапа¹ провел опрос общественного мнения: «Одобряете ли вы или нет, как администрация Джонсона ведет дела во Вьетнаме?» — 57% сказали «да» и лишь 25% — «нет». Двумя неделями ранее участие в войне во Вьетнаме поддержало 48% опрошенных, а число противников составило 28%. Опрос службы Харриса свидетельствовал о том, что «большинство американцев — 70% против 30% — было согласно считать Вьетнам полем битвы, на котором Соединенные Штаты дадут отпор коммунизму в Азии». В отчете по результатам опроса также указывалось, что «по мнению большинства респондентов, война во Вьетнаме продлится несколько лет»².

---

¹ Институт Гэллапа — Американский институт изучения общественного мнения, основанный Джорджем Хорасом Гэллапом в 1935 г.; проводит регулярные опросы населения по проблемам внутренней и внешней политики. — *Примеч. ред.*

² См.: Washington Post. 1965. August 27, September 12.

Именно в тот момент, когда общественная поддержка войны казалась прочнее, чем когда-либо, стали появляться первые тревожные признаки. На заседании Совета национальной безопасности 5 августа Макс Тэйлор, ставший советником президента после Генри Кэбота Лоджа, который вновь был назначен послом США в Сайгоне, уверенно предсказал, что коммунистическое наступление будет остановлено уже к концу года, а 1966-й станет «решающим годом» для Соединенных Штатов¹. Но в тот же день КНШ закончил еще одну военную игру — «Сигма II-65», в результате которой возникли глубокие сомнения как в точности предсказаний Макса, так и в правильности выбора нашей военной стратегии. Вопреки распространенному мнению, будто мы способны проводить широкомасштабные операции и побеждать в них, в отчете о «Сигме II-65» положение оценивалось совсем иначе: «Вьетконг придерживается определенной стратегии и будет всячески избегать крупных столкновений с вооруженными силами США. Поэтому мы неизбежно станем испытывать трудности с обнаружением и точным определением местонахождения отрядов противника... Приобретенный Вьетконгом опыт борьбы в джунглях и партизанской войны... создает серьезные проблемы даже для хорошо оснащенных и высокоподвижных подразделений регулярной армии США». В отчете говорилось и о бомбардировках: «Мы чувствовали, что ханойские руководители достаточно хладнокровно отнесутся к нашим попыткам наказать и устроить их... Дело в том, что экономика страны по существу аграрная, и деревни находятся на полном самообеспечении. Промышленность занимает столь незначительное место во всем экономическом комплексе Северного Вьетнама, что даже ее разрушение представляется приемлемой «ценой», которую страна готова заплатить»².

Выводы, сформулированные в отчете, сильно встревожили меня, но, очевидно, не слишком повлияли на других в Пентагоне и в правительстве. Возможно, это было связано с воодушевляющими новостями из Вьетнама, поступившими к нам в августе. Соединенные Штаты одержали крупную победу над силами Вьетконга в первом же большом сражении с 18 по 21 августа на полуострове Батанган к югу от базы морских пехотинцев Чу-Лай. Эта операция вместе с рядом статей Бернарда Фолла, напечатанных в «Ньюсуик» осенью 1965 года, — необходимо пояснить, что их автор был известным ученым, специалистом по Индокитаю и вдумчивым публицистом, призывавшим к увеличению численности наших войск во Вьетнаме, — убедили многих, что усилия США были ненапрасны³.

¹ См.: Summary Notes of 554th NSC Meeting. 1965. August 5. 6:00 p. m. [Отчет о 554-м заседании Совета национальной безопасности. 1965. 5 августа. 6 часов вечера] // NSF. LBJL.

² Sigma II-65 Final Report [Заключительный доклад «Сигма II-65»]. P. D-4, D-5. LBJL.

³ См.: Periscope // Newsweek. 1965. September 27; The Realist // Newsweek. 1965. October 11. P. 2; см. также: Fall B. Vietnam Blitz // New Republic. 1965. October 9. P. 17–21; 1965. November 13. P. 33–34. — Растущая обеспокоенность Фолла характером военных

Когда американские войска оказались во Вьетнаме, генерал Уэстморленд подготовил секретный документ о целях США на Юге и военной стратегии, необходимой для их достижения. Он был озаглавлен «Концепция операции в Республике Вьетнам» и датирован 1 сентября 1965 года. В документе наша задача определялась как «окончание войны в Республике Вьетнам путем убеждения Вьетконга и ДРВ (Демократической Республики Вьетнам) в невозможности их военной победы, а следовательно, в необходимости подписания ими мирного соглашения, выгодного для РВ (Республики (Южного) Вьетнама) и Соединенных Штатов». Наземная война должна была состоять из трех этапов, и каждый из них требовал особого расписания. Этап I должен был остановить наступление коммунистов, «предотвратив проигрыш в войне». Предполагалось, что он продлится до 31 декабря 1965 года. Этап II включал в себя противостояние коммунистическим силам и реализацию программы умиротворения, которая должна была «завоевать умы и сердца» южновьетнамских крестьян. Он охватывал период с 1 января по 30 июня 1966 года. Если коммунисты к тому времени не капитулируют, то целью этапа III явятся «разгром или деморализация оставшихся организованных отрядов Вьетконга и их баз». Он начнется 1 июля 1966 года и завершится 31 декабря 1967 года. В документе подчеркивалось, что «по политическим и психологическим соображениям конфликт должен все время сохранять преимущественно вьетнамский характер». Понятно, что это условие не могло быть выполнено¹.

Уэстморленд поделился также кое-какими соображениями относительно своей роли в претворении в жизнь его плана, предусматривавшего одновременное использование сухопутных сил и военной авиации. Президент, члены КНИШ и другие должностные лица высшего ранга, включая меня, восприняли эту программу как предпосылку окончания войны. Наибольшее значение в представленном нам документе придавалось наземной войне, которая должна была показать Ханюю и Вьетконгу, что Юг им не завоевать. Цель же вспомогательных акций — бомбардировок Севера — заключалась в том, чтобы сломить волю Ханюю и ослабить его сопротивление и способность поддерживать Вьетконг. Мы полагали, что наземные и воздушные операции будут способствовать мирному урегулированию.

Некоторые критики утверждали, что у Соединенных Штатов во Вьетнаме отсутствовала военная стратегия. Это неверно. Она у нас

операций США постепенно привела его к выводу, что ни американская военная технология, ни состояние вооруженных сил сами по себе не могут обеспечить успех. Перед смертью в 1967 году он полностью пересмотрел свою позицию, выраженную в «Ньюс-уик» в 1965 году.

¹ См.: USMACV. Concept of Operations in the Republic of Vietnam. 1965. September 1 [Управление США по оказанию военной помощи Вьетнаму. Концепция операций в Республике Вьетнам. 1965. 1 сентября] // Papers of the Capital Legal Foundation: Box 58F. LBJL.

была, но связанные с ней предпосылки оказались ошибочными. Так, стратегия Уэстморленда подразумевала, что переговорный процесс и бомбардировки помешают коммунистам нанести решительный удар и тем самым уберегут американские войска и южновьетнамскую армию от значительных потерь. Коммунисты, действующие на Юге, не смогут набрать новых бойцов и укрепить боеспособность партизанских отрядов за счет поступающей с Севера помощи. Это основное предположение совершенно недооценивало способность коммунистов на Юге пополнять свои войска силами в самый разгар войны и даже в период бомбардировок продолжать получать от Северного Вьетнама необходимое им снаряжение. Более того, американские военные и гражданские придерживались того мнения, что американские и южновьетнамские вооруженные силы могут успешно противостоять вьетконговским и северовьетнамским регулярным подразделениям в боях при ведении обычной войны. В таком случае мобильность и огневая мощь сухопутных войск США вместе с бомбардировками способны воспрепятствовать военным поставкам с Севера и вынудить Северный Вьетнам пойти на мирное урегулирование. А если бы Вьетконг и Северный Вьетнам отказались сражаться в навязываемых нами условиях и предпочли тактику внезапных атак и столь же внезапного исчезновения, как полагали некоторые, то войска США и Южного Вьетнама могли бы начать успешную антипартизанскую войну, подкрепленную программой умиротворения. Мы думали, что осуществление этой программы на Юге будет подстраховывать нашу политику и помешает повстанцам получить нужное им снаряжение и пополнять свои ряды. Уэстморленд предложил подобный стратегический план на встрече со мной в Сайгоне, и я сослался на него в своей докладной записке президенту от 20 июля.

Однако все эти послышки оказались неверными. Мы не смогли заставить Вьетконг и северовьетнамскую армию воевать на наших условиях. Мы не сумели провести эффективные антипартизанские операции. И бомбардировки не сократили проникновение в Южный Вьетнам новых бойцов и поставки снаряжения до уровня ниже требуемого и не ослабили волю Севера и его решимость продолжать противостояние.

С молчаливого согласия Вашингтона Уэстморленд повел войну на истощение сил противника. Ее основной целью являлись поиск и уничтожение вьетконговских и северовьетнамских регулярных подразделений. Казалось, что никакой альтернативы стратегии «обнаружить и уничтожить» не существовало, поскольку мы уже приняли решение не вторгаться в Северный Вьетнам, так как это могло бы вызвать войну с Китаем и/или Советским Союзом (подобный риск мы всеми силами старались избегать), и не собирались переносить массированные наземные операции на территорию Лаоса и Камбоджи. Уэстморленд считал, что уничтожение регулярных подразделений Вьетконга и Северного

Вьетнама позволит Сайгону стабилизировать политическую обстановку и завоевать доверие южновьетнамского народа, заставив, таким образом, противника уйти из страны или вступить в переговоры о мирном урегулировании, выгодном для Южного Вьетнама.

Военный историк и бывший кадровый офицер майор Эндрю Ф. Крепиневич обвиняет Уэстморленда в самообмане. Он утверждает, что Уэстморленд «просто развил стратегию, соответствующую предпочтительному для армии *modus operandi*¹, структуре вооруженных сил и военной доктрине». Далее разъясняется: «Лишенная возможности победить в решающем сражении после вторжения в Северный Вьетнам, армия прибегла к стратегии истощения сил, полагая, что она в наибольшей степени подходит для характера развернувшейся войны... Это было всего лишь естественным результатом ее организационной основы. Считалось, что успех обуславливают отличное материальное оснащение американских войск и технологическое превосходство, а также глубокая и тяжелая реакция общества на потери на полях сражений». Крепиневич продолжает:

Разрабатывая свою вьетнамскую стратегию и широко используя методы проведения операций, характерные для предыдущих войн, армия одержала победы... в ряде сражений с повстанцами. Она старалась обходиться минимальным или, по крайней мере, вполне допустимым количеством жертв. Армия сосредоточилась на истощении сил противника, а не на его полном разгроме после того, как он полностью лишится поддержки со стороны местного населения. Управление по оказанию военной помощи Вьетнаму упустило все возможности нанесения повстанцам сокрушительного удара... Более того, стараясь нанести войскам коммунистов как можно больший урон в живой силе, армия часто пренебрегала самым существенным элементом любой антиповстанческой стратегии — народом².

Генерал Уильям И. Де-Пюи, разрабатывавший операции у Уэстморленда, осуществлял основное планирование в 1965–1968 годах. Он несколько иначе, но в равной мере красноречиво оценил эту стратегию в интервью 1988 года: «Наконец мы поняли, что нужно было гораздо чаще сражаться с Вьетконгом и Северным Вьетнамом, чтобы победить в войне на истощение сил... Мы были уверены в себе, потому что были американцами, солдатами или морскими пехотинцами и могли воевать, но наши расчеты оказались ошибочными. Мы забыли про убежища, забыли о том, что “тропа Хо Ши Мина” так никогда и не была перекрыта. У нас были неверные представления о стратегии и тактике»³.

¹ Образ действий (лат.).

² *Krepinevich A.F. The Army and Vietnam*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 164, 196, 259.

³ [Цит. по:] CRS Interview with Gen. William E. DePuy. 1988. August 1 [Исследовательская служба Конгресса. Интервью с генералом Уильямом И. Де-Пюи. 1988. 1 августа] //

Почему нас постигла неудача? Генерал Брюс Палмер-младший, о взглядах которого на воздушную войну я уже упоминал, предложил убедительное объяснение. По его мнению, КНШ «был проникнут духом победы, сознанием того, что мы “это можем”, и не осмеливался выступать с какими бы то ни было негативными заявлениями или про-
являть недояльность»¹.

Это действительно разъясняет часть наших просчетов. Но президент, я и остальные его гражданские советники должны разделить груз ответственности за решение вести антипартизанскую войну, используя тактику войны обычного типа против неприятеля, готового к огромным потерям, к тому же в стране без каких-либо признаков политической стабильности, необходимой как для боевых, так и для миротворческих операций. Это не могло привести к успеху и не привело.

Осенью коммунисты пополнили свои ряды на Юге за счет местного населения, укрепили противовоздушную оборону на Севере, интенсифицировали переброску живой силы в Южный Вьетнам и увеличили поставки военного снаряжения по «тропе Хо Ши Мина». Это был их ответ на предпринятую нами эскалацию войны и расширение военного присутствия США во Вьетнаме. Уэстморленд отреагировал на подобные действия противника, обратившись в начале сентября в Вашингтон с запросом направить в его распоряжение еще 35 тысяч человек, увеличив тем самым численность военного контингента со 175 тысяч человек в данный момент до 210 тысяч к концу года. Подобные запросы поступали постоянно, давление усиливалось день ото дня. В середине октября Уэстморленд прислал нам обновленный вариант своих запросов на 1966 год. Теперь вместо 275 тысяч человек, которые, как он прежде говорил, были нужны ему к июлю 1966 года, он добивался увеличения численности военного контингента уже до 325 тысяч человек с возможным дальнейшим расширением его рядов, но при этом не гарантировал, что Соединенные Штаты добьются поставленных целей².

Нас всех обеспокоили запросы Уэстморленда. Мы чувствовали, что «увязаем» в войне, конца которой так и не предвидится. Возрастающая интенсивность боевых действий с обеих сторон и непредсказуемость событий перечеркивали расчеты КНШ, сделанные в конце июля, а также предсказания самого Уэстморленда, с которыми мы ознакомились

W.C. Gibbons. U. S. Government and the Vietnam War: Executive and Legislative Roles and Relationships. Pt. 4. July 1966 – January 1968. Washington: Government Printing Office, 1994. P. 50.

¹ Palmer B., Jr. The Twenty-five-year War: America's Military Role in Vietnam. Lexington: University Press of Kentucky, 1984. P. 45–46.

² См.: WB. VNMS. Ch. 31. P. 31–32.

в начале сентября. Я ощутил, что ситуация ускользает из-под нашего контроля.

Эти опасения усилились, когда КНШ стал настаивать на расширении зоны бомбардировок Северного Вьетнама, включив туда район Ханоя — Хайфона и другие прилегающие к Китаю области. Президент и я отклонили его требования — отчасти потому, что мы сомневались в действенности подобных мер и их способности воспрепятствовать сохранению позиций Вьетконга на Юге или убедить Ханой прекратить войну. Мы не были также убеждены и в правомерности принятия решений, чреватых столкновением с Китаем, как это случилось в Корее всего пятнадцать лет тому назад¹.

Раскол в правительстве по поводу бомбардировок продолжал нарастать, и я попросил президента создать особую группу для изучения воздействия воздушных ударов на Ханой, его решимость и способность продолжать войну. Президент согласился. Он включил в эту группу Томми Томпсона, Макса Тэйлора, Джона Макнотона и Билла Банди. 11 октября группа Томпсона, как ее стали называть, представила свой доклад. Его выводы перекликались с суждениями, которые высказывали президент и я сам. Эскалация воздушной войны могла вызвать жесткую ответную реакцию со стороны Китая и/или Советского Союза. Минирование морских подступов к Хайфону и другим портовым городам привело бы, вполне вероятно, к затоплению советских судов и, соответственно, к увеличению зависимости Северного Вьетнама от китайских поставок наземными путями, что позволило бы Пекину усилить свое влияние на Ханой. Судя по всему, во время бомбардировок Северный Вьетнам проявлял еще меньшую склонность вести переговоры о мире, чем в обычное время. Группа Томпсона порекомендовала сделать продолжительную паузу в бомбардировках, чтобы проверить, заинтересован ли Ханой в переговорах².

Осенью 1965 года в Азии произошли события, которые, как теперь, через много лет, стало ясно, существенно изменили баланс сил в регионе и значительно уменьшили реальную роль Америки во Вьетнаме. Однако в то время мы не осознали их сути и возможных последствий.

Китай потерпел несколько серьезных поражений. В начале августа вспыхнул конфликт между Индией, которая была союзницей СССР, и Пакистаном — союзником Китая. Его причиной послужил территори-

---

¹ См.: JCSM-670-65. Wheeler to McNamara. 1965. September 2 [Меморандум КНШ № 670-65. Уилер — Макнамара. 1965. 2 сентября] // PP. Vol. 4. P. 29; McNamara to Wheeler. Air Strikes Against North Vietnam. 1965. September 15 [Макнамара — Уилеру. Воздушные удары по Северному Вьетнаму. 1965. 15 сентября] // Record Group 330. National Archives.

² См.: Thompson Report. Department of State [Доклад Томпсона. Государственный департамент] // [Центральный архив] Lot File 85. D 240 (William Bundy Papers).

альный спор о Кашмире — области в предгорьях Гималаев. Воспользовавшись тем, что Нью-Дели поглощен этим кризисом, Китай передвинул свои войска к границе с Индией и потребовал территориальных уступок. Однако Индия победила в конфликте с Пакистаном, и китайские войска, оказавшись в уязвимом положении, были вынуждены в спешном порядке уйти. Итогом этого инцидента стали геополитический выигрыш Советского Союза и поражение китайцев.

Кроме того, Китай утратил свои позиции в Индонезии, которая в октябре пережила настоящее политическое потрясение. До этого времени казалось, что Джакарта находилась под влиянием Китая. Например, 17 августа индонезийский лидер Сукарно обрушился на Вашингтон с гневной речью и заговорил о создании оси «Пекин — Джакарта — Ханой — Пномпень». Но вскоре после этого члены прокитайской Коммунистической партии Индонезии (КПИ) попытались совершить государственный переворот, но потерпели полный провал. В стране воцарились антикоммунистические и откровенно националистические настроения. В результате нового путча Сукарно был отстранен от власти, а 300 тысяч членов КПИ, если не больше, были казнены. Самая обширная и многонаселенная страна Юго-Восточной Азии резко изменила политический курс. Власть в ней перешла к независимым националистам во главе с Сухарто, сохранявшим ее до самых недавних пор. Китай ожидал блистательной победы, но вместо нее получил очередной отпор.

Джордж Ф. Кеннан, чья стратегия сдерживания была немаловажным фактором, повлиявшим на наше участие в защите Южного Вьетнама, утверждал на парламентских слушаниях в Сенате 10 февраля 1966 года, что Китай «пережил страшный удар в Индонезии. Это событие имеет огромное значение хотя бы уже потому, что практически он не может теперь даже надеяться расширить сферу своего влияния». Поражение Китая значительно сократило американские ставки во Вьетнаме. Правда, Кеннан утверждал при этом: пусть у нас и меньше осталось костей домино, они, скорее всего, не упадут¹.

Мнение Кеннана не привлекло нашего внимания и, таким образом, не повлияло на наши действия. Однако заявление китайского министра обороны маршала Линь Бяо, с которым он выступил 2 сентября 1965 года, не было проигнорировано. Развивая идею «народной войны», Линь призвал «сельские регионы мира» (развивающиеся страны) идти на штурм «городов» (промышленно развитых стран), устраивая местные вооруженные «революции». С насмешкой отозвавшись об американских войсках во Вьетнаме, он сказал, что «классическая борьба» вьет-

¹ См.: The Vietnam Hearing. N. Y.: Vintage Books, 1960. P. 140. — Я уверен, что Джорджу было бы больно думать о том, что кто-то из американских чиновников высшего звена может принимать вторжение США во Вьетнам за реальное воплощение и логическое развитие «политики сдерживания». Впрочем, вряд ли он предполагал применение этой стратегии в столь глобальных масштабах.

намского народа завершится позорным поражением могущественных Соединенных Штатов с их мечтой о мировой гегемонии. Администрация Джонсона, и в том числе я, восприняла эту речь как призыв к войне и свидетельство готовности Китая помочь «местным силам» во всем мире, когда придет для этого время. Замечания Линя показались нам недвусмысленной иллюстрацией теории «падающего домино».

Теперь, много лет спустя, события осени 1965 года воспринимаются как проявления поражения Китая, которое побудило его посвятить себя вопросам внутренней политики и в следующем же году начать свою «культурную революцию». Цепочка неудач свела к минимуму участие Китая в международных делах более чем на десятилетие. Ослепленные нашими предположениями и поглощенные стремительным развитием событий в войне во Вьетнаме, мы, подобно многим другим западным лидерам, продолжали считать Китай серьезной угрозой для Юго-Восточной Азии и всего мира.

Как только Китай обратился к проблемам внутренней политики, Соединенные Штаты увеличили свое присутствие во Вьетнаме. Война все больше и больше становилась чисто американским делом. В Соединенных Штатах начали появляться ее критики, хотя опросы общественного мнения по-прежнему свидетельствовали о широкой поддержке политики президента Джонсона. В Конгрессе примерно десять сенаторов и семьдесят членов Палаты представителей были непримиримыми противниками войны. Среди них следует отметить таких влиятельных политиков, как Уильям Фулбрайт, Майк Мэнсфилд и Уильям Морзе. Но в целом законодательная ветвь власти продолжала одобрять наши действия. Пресса, за исключением нескольких хорошо известных обозревателей, также поддерживала президента.

Антивоенные протесты носили спорадический и ограниченный характер и еще не привлекали внимания. Но вот настал день 2 ноября 1965 года. В сумерках молодой квакер Норман Р. Моррисон, отец троих детей, совершил акт самоожожения в сорока шагах от моего окна в Пентагоне. Он облил себя бензином из канистры емкостью в галлон. Когда его охватили языки пламени, на руках у него была годовалая дочь. Прохожие закричали: «Спасите ребенка!» — и он выронил ее из рук. Девочка не пострадала.

После гибели Моррисона его вдова выступила с заявлением:

Норман Моррисон пожертвовал жизнью, чтобы выразить свою тревогу по поводу больших жертв и страданий, которые приносит людям война во Вьетнаме. Он протестовал против курса правительства и участия нашей страны в этой войне. Он считал, что все граждане должны высказать свои убеждения, касающиеся военных действий Америки¹.

¹ New York Times. 1965. November 3. P. 1.

Смерть Моррисона была трагедией не только для его семьи, но и для меня и всей страны. Это был отчаянный протест против убийств тысяч вьетнамских и американских молодых парней.

Я отреагировал на его ужасный поступок подчеркнуто сдержанно, стараясь не выдавать своих эмоций, и избегал разговаривать о нем с кем бы то ни было, даже с членами своей семьи. Я знал, что Марджи и трое наших детей разделяют отношение Моррисона к войне, равно как и жены и дети нескольких моих коллег в администрации. Я предполагал, что понял ход его рассуждений, и кое-какие из них разделял. Наверное, мне следовало бы откровенно поговорить с Марджи и детьми, однако в подобные моменты я всегда замыкался в себе и мрачнел. В этом сказывалась моя слабость. Напряженная атмосфера, возникшая в нашем доме, не была чем-то исключительным. Число критиков войны продолжало увеличиваться.

Через три недели, 27 ноября, состоялся первый марш протеста, в котором участвовало от 20 до 35 тысяч человек. Демонстранты направились к Белому дому. Спонсором марша являлась Организация граждан за разумный мир (ОГРМ), а его вдохновителем стал Сэнфорд Готтлиб, один из наиболее активных и влиятельных организаторов антивоенных акций. Марш прошел мирно, с соблюдением порядка. Спустя несколько дней известный всей стране врач-педиатр Бенджамин Спок и профессор Х. Стюарт Хьюджес из Гарварда, бывший сопредседателем ОГРМ, направили телеграмму Хо Ши Мину. Сообщив, что марш финансировала ОГРМ, они просили Хо Ши Мина принять предложение США сесть за стол переговоров. Авторы телеграммы добавили: «Демонстрации продолжатся, но они не приведут к уходу США»¹.

Действительно, за этим маршем последовало много других демонстраций.

Как ни странно, я ощущал большую симпатию к демонстрантам и понимал их тревогу. Журналистка из «Вашингтон стар» Мэри Макгроу точно описала мое отношение в статье от 3 декабря 1965 года:

Министр обороны Роберт С. Макнамара воспринял недавние демонстрации без волнения или опасений.

Несомненно, по своим взглядам он относится к меньшинству сотрудников Пентагона, и этот гражданский руководитель Военного ведомства является защитником свободы слова.

«В этой стране существует традиция защиты свободы слова и права на инакомыслие, — заявил он. — Наша политика станет сильнее в результате споров».

Министр называет себя поклонником Нормана Томаса, уважаемого лидера социалистов, выступившего с самой яркой речью на демонстрации в прошлую субботу. Но у него вызывает недоумение высказывание

¹ Ibid. November 29.

Томаса, будто тот «предпочитает спасение души Америки ее пребыванию в Юго-Восточной Азии».

«Как же вы спасете свою душу? — спрашивает Макнамара. — Вы спасете ее, выпутавшись из этой ситуации, или вы спасете ее, приняв в ней участие?»¹

Пока акции протеста проходили по всей Америке, военные операции Северного Вьетнама и Вьетконга активизировались. Это заставило Уэстморленда пересмотреть свои прежние оценки и существенно изменить количество требуемых вооруженных сил, то есть еще более расширить их ряды. В это время некоторые из нас в Вашингтоне возобновили попытки найти путь, который привел бы нас к переговорному процессу. Два данных вопроса преобладали в обсуждениях администрации в течение целых трех месяцев — с ноября 1965 года по январь 1966 года.

Седьмого ноября 1965 года я направил президенту докладную записку, которая, наряду с двумя другими меморандумами — от 30 ноября и 7 декабря, послужила основой для оживленной дискуссии, состоявшейся в ближайшие же недели. В записке утверждалось:

Февральское решение о бомбардировках Северного Вьетнама и последовавшее в июле месяце одобрение первого этапа расширения военных действий имеют смысл только в том случае, если они направлены на поддержание долговременного курса Соединенных Штатов, предусматривающего сдерживание коммунистического Китая. Подобно Германии в 1917 году, Германии на Западе и Японии на Востоке в конце 1930-х годов и Советскому Союзу в 1947 году, Китай, будучи одной из крупнейших стран мира, грозит подорвать нашу важную и действенную роль в мире, а в отдаленной, но еще более зловещей перспективе — поднять на борьбу с нами всю Азию.

...Имеется три основных направления долгосрочных усилий по сдерживанию Китая (с учетом того, что СССР «сдерживает» Китай на севере и северо-западе): а) Японо-корейский регион; б) Индийско-пакистанский регион и в) Юго-Восточная Азия. Увеличивать наш контингент и привлекать дополнительные финансовые средства, равно как и решать проблемы, затрагивающие национальную гордость южновьетнамцев, имеет смысл лишь в сочетании с эффективными действиями стран Юго-Восточной Азии на двух других главных участках. Тенденции в Азии развиваются и в ту, и в другую сторону, порою вступая в противоречие с интересами США. Однако не стоит слишком пессимистично смотреть на наши возможности в следующем или даже в двух будущих десятилетиях... удерживать Китай от достижения его целей, пока у него не угаснет подобное стремление. Но это дело — даже если мы сможем переложить какую-то долю ответственности на азиатские страны — потребует постоянного внимания со стороны США, денег, а время от времени, к сожалению, и человеческих жертв.

¹ PSRSM. 1965.

Любое намерение продолжать программу бомбардировок Северного Вьетнама и любое намерение увеличить силы для участия в осуществлении второго этапа будут неизбежно связаны с существенными человеческими потерями среди американцев, риском дальнейшей эскалации и возможностью утраты престижа США. Все это необходимо принять во внимание при учете наших долгосрочных интересов в Азии.

Я полностью процитировал эти абзацы, потому что теперь, по прошествии времени, они дают ясное представление, сколь глубоко ошибочными были мои оценки сбивавшей нас с толку «китайской угрозы» нашей безопасности. Помимо всего прочего, в наших прогнозах игнорировалась многовековая вражда между Китаем и Вьетнамом (которая вспыхнула вновь после ухода из региона Соединенных Штатов). Мы забыли и об ослаблении политического могущества Китая в связи с недавними событиями в Индии, Пакистане и Индонезии, которые я уже описывал. Однако, насколько я могу припомнить и сослаться на документальные свидетельства, таковы были взгляды всех или почти всех ведущих американских политиков, принимавших участие в разработке политического курса. И вновь отсутствие необходимых исследований и нехватка исторических познаний существенно ослабили американскую политику.

В своей докладной записке я весьма мрачно оценил ситуацию и в Южном Вьетнаме. Я отметил, что партизанское движение ширится изо дня в день. Налеты вьетконговцев, диверсии и терроризм, судя по всему, не сокращаются. Правительство Тхьеу — Ки пока держится, но немногого добилось, и, что хуже всего, политический контроль Сайгона над сельскими местностями, где проживает большинство вьетнамцев, ослабел.

Сформулировав нашу основную политическую цель в Южном Вьетнаме — создание независимого некоммунистического государства, я далее написал: «Возможно, вскоре перед нами встанет вопрос, готовы ли мы наконец принять “компромиссное решение”». Проанализировав альтернативные курсы действий, я порекомендовал: 1) увеличить численность Вооруженных сил США во Вьетнаме до 350 тысяч человек к концу 1966 года по сравнению с нынешними 275 тысячами человек, по июльской оценке Уэстморленда; 2) сделать месячный перерыв в бомбардировках — наподобие того, который я предложил в июле, а группа Томпсона рекомендовала в октябре; 3) приложить все усилия, чтобы инициировать переговорный процесс. Я понимал, что в данное время переговоры вряд ли увенчаются успехом, но считал, что предстоящая пауза в бомбардировках лишь «предварит другую паузу — скорее всего, в конце 1966 года, — которая-то и сможет привести обе стороны к соглашению». В том случае, если пауза ничего нам не даст, я предлагал усилить бомбардировки Северного Вьетнама в соответствии с программой «Катающийся гром». Подобные действия намечались мною не для победы в войне (это представлялось мне невозможным и гранича-

ним с геноцидом), а лишь для успешного завершения одного из этапов нашего двухэтапного стратегического плана. Нужно было доказать Вьетконгу и Северному Вьетнаму, что им не победить на Юге, а также преподать суровый урок Ханю за его постоянную поддержку войны.

Я отнюдь не был воодушевлен. И даже сказал президенту, что «ни одна из этих мер не гарантирует успех. Рекомендованный мною курс чреват пусть и незначительным, но вполне реальным риском. Не исключено, что китайцы или русские вступят в войну, и тогда при эскалации военных действий численность убитых в боях американцев возрастет до 500—800 человек в месяц. Возможно также, что Северный Вьетнам и Вьетконг станут сражаться еще ожесточеннее и отомстят за гибель своих солдат... В таком случае, несмотря на все наши усилия, мы уже в первые месяцы 1967 года окажемся в патовом положении, в каком не были прежде».

Но я не видел другого пути. Я мог только сделать вывод, что «наилучшим шансом для достижения наших целей и недопущения слишком тяжелого для нашей страны политического проигрыша явится сочетание экономических, политических и военных мер, описанное в данном меморандуме. Если они будут осуществлены с должной энергией, то у нас появится реальная возможность добиться приемлемого решения проблемы в разумные сроки»¹.

На первых порах президент отнесся к моим рекомендациям с откровенным скепсисом. В своих воспоминаниях он пишет: «Майская пауза не дала никаких результатов, и я думал, что Ханой, вероятно, расценит очередное прекращение бомбардировок как нашу слабость». Нашлись и другие, кто также выступили против этих предложений, приведя в поддержку своего мнения вполне убедительные аргументы. Дин Раск, например, сомневался в положительной реакции Ханоя. «Бас» Уилер и КНШ предположили, что Северный Вьетнам воспользуется паузой для своих военных целей, отнесясь к нашим действиям как к проявлению слабости. Генри Кэбот Лодж полагал, что прекращение бомбардировок вобьет клин между Сайгоном и Вашингтоном. Кларк Клиффорд, тайный советник президента, боялся, что пауза будет воспринята как свидетельство нерешительности США и давление со стороны Северного Вьетнама только усилится. Я понял, что столкнулся с настоящим сражением в верхних эшелонах власти².

---

¹ Courses of Action in Vietnam. First Rough Draft, November 3, 1965, sent to the president on November 7 [Способы действий во Вьетнаме. Первый черновой вариант от 3 ноября 1965 г. Направлен президенту 7 ноября] // RSMP.

² См.: *Johnson L.B. The Vantage Point; Perspectives on the Presidency, 1963–1969*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1971. P. 234.

На несколько недель споры и обсуждения прекратились, поскольку президент уехал к себе на ранчо в Техас отдохнуть после операции желчного пузыря, а Дин отправился в поездку по Латинской Америке. В это время отношение правительства к паузе в бомбардировках начало меняться. Мы получили отрезвляющие новости с фронта, наша переговорная позиция подверглась сокрушительной критике, и по ряду признаков мы догадались, что Советский Союз готов помочь нам начать переговоры, если мы прервем бомбардировки.

Первое серьезное сражение американской армии с северовьетнамскими войсками произошло 14—19 ноября 1965 года в долине Ия-Дранг, в западной области Южного Вьетнама, примыкающей к его центральному региону неподалеку от границы с Камбоджей. Два северовьетнамских полка вступили в сражение с 1-й бронетанковой дивизией и 1-м батальоном 7-й бронетанковой дивизии. Между ними завязался ожесточенный бой — и это среди высоких трав, по которым ползали огромные муравьи. Когда сражение закончилось, оказалось, что северовьетнамцы потеряли 1300 человек. Американцев же погибло 300 человек. На первый взгляд эта битва выглядела внушительной американской победой. Как и предполагалось, американские солдаты сражались отважно и умело. Но это северовьетнамцы, а не мы, выбрали и место и время сражения и заранее определили его продолжительность. Впоследствии подобные случаи повторялись очень часто.

Битва в долине Ия-Дранг подтвердила сообщения разведки Управления по оказанию военной помощи Вьетнаму о том, что проникновение противника на Юг происходит куда более интенсивно, чем предполагалось нами. В результате в Южном Вьетнаме оказалось уже девять северовьетнамских полков, а не три, как утверждалось ранее. Численность вьетконговских полков также возросла — более чем в два раза, с пяти до двенадцати. Численность северовьетнамских полков, ежемесячно проникающих на территорию Южного Вьетнама, увеличилась примерно в три раза: с трех в конце 1964 года до как минимум девяти. И это — в самый разгар кампании по прекращению бомбардировок¹.

Уэстморленд сделал из данных тенденций правильный вывод, что в будущем вооруженные силы противника возрастут в большей мере, чем он некогда оценил. Поэтому 23 ноября он направил в Вашингтон телеграмму с просьбой прислать в 1966 году еще 200 тысяч человек. Эта цифра вдвое превышала его июльскую оценку. В результате к концу 1966 года численность сражающихся во Вьетнаме американских

¹ См.: *Westmoreland W.C. A Soldier Reports*. Garden City: Doubleday, 1976; N. Y.. Da Caro, 1989. P. 154; Memorandum for the President. 1965. November 30 [Меморандум для президента. 1965. 30 ноября] // RSMP.

войск достигла бы 410 тысячи человек, тогда как, по первоначальным расчетам, она должна была бы составлять 275 тысяч человек¹.

Его послание стало для нас поистине сокрушительным ударом. Оно означало резкое и, очевидно, практически уже беспредельное увеличение численности американского военного контингента и предполагало значительные человеческие потери. Сам этот запрос и его возможные последствия так повлияли на меня, что я решил вылететь в Сайгон вместе с «Басом» Уилером и лично ознакомиться с положением дел.

Встречи с Лоджем, Уэстморлендом, «Басом» и Оли Шарпом, состоявшиеся 28 и 29 ноября, подтвердили мои наихудшие опасения. Боевой дух и отвага американских военных потрясли меня до глубины души, но мне довелось услышать о множестве проблем и самому столкнуться с ними. Похоже, что наши войска увязли по горло: политическая нестабильность еще более возросла, процесс умиротворения населения явно зашел в тупик, а дезертирство из рядов южновьетнамской армии стало просто повальным. Разговоры Уэстморленда об увеличении американской армии до 400 тысяч человек к концу 1966 года и возможном направлении во Вьетнам по меньшей мере еще 200 тысяч человек в 1967 году резко изменили мое мнение об ожидающих нас перспективах. Стоит также добавить, что, по многим свидетельствам, Северный Вьетнам, *несмотря на* приостановку бомбардировок, мог переправлять ежедневно по «тропе Хо Ши Мина» в Южный Вьетнам по 200 тонн снаряжения и продовольствия, а этого, с учетом того что получал Вьетконг непосредственно на Юге, было более чем достаточно для поддержания военных операций коммунистов на должном уровне. Моя новая позиция отразилась в выступлении перед журналистами после отъезда из Сайгона:

Нам удалось переломить ход войны в свою пользу... Но, невзирая на наши успехи... следует также помнить о том, что [Вьетконг и Северный Вьетнам] оправались от нанесенного им серьезного урона. Активизировалось проникновение боевых групп на Юг, и я думаю, что данный факт — лишнее доказательство явного стремления Ханоя... углубить и расширить конфликт... Намерение Вьетконга [и северовьетнамской армии] выстоять и продолжить борьбу [о чем можно судить, например, по недавнему сражению в долине Йя-Дранг] — и это при том, что ему хорошо известно, какие силы мы можем выставить против него, — свидетельствует о его решимости во что бы то ни стало продолжить конфликт. Таким образом, один-единственный вывод, к которому мы можем прийти, сводится к тому, что война будет долгой².

¹ См.: MACV 41485. Westmoreland to CINCPAC. 1965. November 23 [Телеграмма Управления по оказанию военной помощи Вьетнаму № 41485. Уэстморленд — главнокомандующему в зоне Тихого океана. 1965. 23 ноября] // LBJL.

² Remarks to the Press Upon Departing Saigon. 1965. November 29 [Заметки для прессы в связи с отъездом из Сайгона. 1965. 29 ноября].

Я вернулся в Вашингтон, чтобы предложить президенту на выбор два не очень-то приятных варианта: либо пойти на компромисс с противником (отказываясь при этом от своей цели — сохранения независимого некоммунистического Южного Вьетнама), либо удовлетворить запрос Уэстморленда и усилить бомбардировки Северного Вьетнама. Я предупредил президента, что активизация наших действий сама по себе не гарантирует успеха и что число жертв с американской стороны может возрасти до тысячи человек в месяц, а в итоге к началу 1967 года мы так и не выработаем никакого решения, даже если количество жертв заметно увеличится, а насилие и разрушение станут привычным фоном войны.

Я не мог отдать предпочтение ни одному из этих неутешительных вариантов. Но говорил, что интенсификацию наземных операций и бомбардировок следует предварять трехнедельной или месячной паузой. Ход моих рассуждений был прост, как это видно из следующих слов, с которыми я обратился к президенту: «Меня глубоко беспокоит то обстоятельство, что мы собираемся значительно расширить военные операции во Вьетнаме, так и не попытавшись воспользоваться паузой для завершения войны. Если бы мы поступили так, у нас, по крайней мере, были бы основания сказать народу, что мы сделали все возможное, чтобы покончить с войной»¹.

Первый предложенный мною вариант — компромисс ввиду патовой военной ситуации — не вызвал особого интереса: никто даже не стал его обсуждать, а я не настаивал на этом. Между тем его следовало бы рассмотреть, несмотря на то что обстановка в Южном Вьетнаме делала маловероятным сохранение нынешнего сайгонского правительства в случае переговоров с коммунистами.

Второй вариант, предусматривавший, в частности, паузу в бомбардировках, поначалу был холодно воспринят правительством, но затем привлек большее внимание из-за двух событий, случившихся в ноябре. Дискуссии между представителем США в ООН Эдлаем Стивенсоном, которого ныне уже нет в живых, и генеральным секретарем ООН У Таном стали известны благодаря статье Эрика Севарейда, опубликованной в журнале «Лук». В ней давалось понять, что Соединенные Штаты не желают вести переговоры². А во время ленча с Маком Банди 24 ноября советский посол Анатолий Добрынин, несомненно, получивший соответствующие инструкции, заявил что, если Соединенные Штаты прекратят бомбардировки на две или три недели, Москва употребит все свое влияние и постарается побудить Ханой к переговорам³. Это подготовило почву для последовавших вскоре дебатов.

¹ Memorandum for the President. 1965. November 30 [Меморандум для президента. 1965. 30 ноября] // RSMР.

² См.: *Sevareid E.* The Final Troubled Hours of Adlai Stevenson // *Look*. 1965. November. P. 81—86.

³ См.: *WB. VNMS. Ch. 33. P. 18.*

Они начались днем 2 декабря, когда я позвонил президенту на ранчо. Я сказал ему, что после возвращения из Сайгона у меня «с каждым днем все больше крепнет убежденность в том, что мы должны подумать и о каких-то иных, невоенных, действиях и включить их в свою программу... Лично я считаю, что нам нужно двигаться дальше, увеличивать наш бюджет, наращивать нашу мощь и расширять наше присутствие в соответствии с запросами Уэстморленда. Но я думаю, что одни эти действия могут лишь нас погубить, и нам надо сопровождать — или, возможно, опережать — их действиями иного рода». Далее я поделился с президентом соображением такого рода: «По моему мнению, вытаскивать из своей страны триста или четыреста тысяч человек без каких-либо обоснований целесообразности такого шага крайне рискованно и страшно». Я попросил Джонсона сопроводить распоряжение о дальнейшем увеличении численности нашего военного контингента «соответствующей политической программой... паузой в бомбардировках или чем-то еще, что вы можете сделать». Он довольно сдержанно выслушал меня¹. В заключение я сообщил президенту, что Дин, Мак Банди и я изучим все альтернативы, перед тем как отправиться к нему с визитом.

Следующие пять дней в Вашингтоне мы провели в напряженных дискуссиях о целесообразности временного прекращения бомбардировок. Я подготовил новую докладную записку, на сей раз порекомендовав одобрить запрос Уэстморленда об увеличении численности войск, и высказывался за поэтапный подход к длительному перерыву в бомбардировках, надеясь, что приостановка налетов вызовет цепную реакцию, которая приведет в конце концов к мирному урегулированию. 7 декабря Дин, Мак и я отправились в Техас, чтобы обсудить с президентом наше предложение.

Джонсон внимательно выслушал нас, но по-прежнему был скептически настроен. Его беспокоило то же, что и КНШ: возросшее проникновение боевых групп на Юг, неправильное понимание противником наших действий, расцениваемых им как проявление слабости, возможные препятствия к возобновлению бомбардировок. В некоторых замечаниях, сделанных президентом, отразились и подавленное состояние, в котором он находился, и его неуверенность: «А каков наилучший курс?... Мы все глубже и глубже увязаем во Вьетнаме. Допустим, у меня застряла машина, и я не хочу, чтобы ее вытаскивал бульдозер... Где бы ни находились мы, когда я стал президентом, я хотел бы повернуть назад стрелки часов и вернуться в то время»².

¹ См.: 1965. December 2. 12:15 p. m. Tape 6512.01. PNO 5 [1965. 2 декабря. 12 часов 15 минут. Кассета 6512.01. Программа № 5] // PR. LBJL.

² См.: McGeorge Bundy's notes of December 7, 1965, meeting [Заметки Макджорджа Банди о встрече 7 декабря 1965 г.] // Papers of McGeorge Bundy. LBJL.

Семнадцатого декабря, известив и оценив предложения, президент пригласил нас в зал заседаний. На обсуждения ушло еще два дня. Упершись грудью в большой овальный стол, Джонсон открыл первое заседание. Он сказал, что «готов принять любые правила игры», лишь бы они дали результат. И в тот день, и на следующий я твердо отстаивал свою точку зрения и выразил мои глубокие опасения и робкие надежды.

Макнамара. Военное решение проблемы не столь уж очевидно: шанс равен одному из трех или, в лучшем случае, из двух. В конечном счете нам придется искать... дипломатическое решение.

Президент. В таком случае не имеет значения, каковы наши успехи в войне? Выходит, победа нам отнюдь не гарантирована?

Макнамара. Это верно. Мы были слишком оптимистичны.

Раск. Я продолжаю быть оптимистом, но не могу обосновать это.

Макнамара. Я говорю: мы можем и не найти военное решение. Нам нужны другие пути... Наши военные действия не дают оснований надеяться на успешный исход... Возможно, кто-то увидит в этом противоречие, но я пришел к вам попросить значительно увеличить численность наших войск во Вьетнаме — до четырехсот тысяч человек. И это при том, что я сознаю: подобный шаг может привести к эскалации войны и нежелательным последствиям. Вместе с тем предлагаю поискать иные альтернативы¹.

По окончании заседаний Джонсон был склонен одобрить короткую паузу в бомбардировках, но, как я думал, еще не мог решиться на это. 22 декабря Белый дом и Сайгон объявили о прекращении огня, включая и приостановку бомбардировок Северного Вьетнама, на тридцать часов. Это было приурочено к Сочельнику. Когда перед Рождеством президент вновь отправился в Техас, я продолжал надеяться, что он отдаст приказ о продолжительной паузе и свяжет перерыв в бомбардировках с попытками начать наконец переговоры. Так обстояло дело, когда я вместе с семьей уехал на каникулы в Аспен, штат Колорадо.

Рождественским утром президент решил продлить «праздничную паузу» еще на день или два. Когда я узнал об этом, то сделал то, чего не позволял себе прежде: воспользовался доступом к президенту, чтобы завершить споры среди моих коллег.

Из скромного, но достаточно популярного отеля «Горное шале» в центре Аспена, — я помню, что мы платили по четыре доллара за ночь

¹ Jack Valenti's notes of December 17 and 18, 1965, meetings [Заметки Джека Валенти о встречах 17 и 18 декабря 1965 г.] // MNF. LBJL.

за каждого из наших детей, занимавших отдельную комнату, — я вечером 26 декабря позвонил на ранчо президенту. Звонок министра обороны при посредстве связиста из отеля президенту Соединенных Штатов никак не свидетельствовал о нашей особой близости. Однако в Белом доме меня быстро подключили к линии и соединили с президентом, который в то время находился в доме своего друга в Раунд-Маунтейне, штат Техас.

Он сразу согласился принять меня на ранчо, как только я сказал, что хотел бы обсудить с ним наедине вьетнамские проблемы. Я позвонил в Пентагон и попросил приготовить мне на следующий день реактивный самолет ВВС. 27 декабря приятель отвез меня в Гранд-Джанкшен, где уже стоял самолет. На ранчо Джонсона, в окрестностях Остина, я прибыл в половине седьмого вечера.

Президент и леди Берд встретили меня у трапа самолета. Затем мы отправились на ранчо, где прежде всего пообедали с их младшей дочерью Люси. После обеда президент и я уединились в гостиной. Сидя перед горящим камином, мы в течение трех часов обсуждали вопрос о паузе. Я особо подчеркнул, что возможность начать диалог, который в конечном итоге приведет нас к миру, перевешивает все военные издержки, связанные с отсрочкой возобновления бомбардировок.

Президент внимательно выслушал меня, мысленно перебрал различные доводы «за» и «против». Наконец он согласился продлить паузу на неопределенный период и предпринять энергичные дипломатические шаги, чтобы побудить Ханой к переговорам. Мы решили, что я позвоню в Вашингтон Дину Раску и другим и объясню, что он намерен сделать. Хотя Дин был против продления паузы, но поддержал меня, поняв, что я сумел убедить президента.

На следующее утро сразу же после завтрака я принялся обзванивать коллег из небольшого президентского кабинета на ранчо. Начал я с Аверелла Гарримана. Он охотно согласился, когда президент попросил его попытаться найти сторонников переговоров в Восточной Европе и уговорить их оказать нам содействие. Потом мы связались с Джорджем Боллом, которому президент поручил координировать все дипломатические инициативы, и с Артуром Голдбергом, сменившим Эдлая Стивенсона на посту нашего представителя в ООН: ему нужно было встретиться с У Таном и Папой.

Вскоре после полудня я покинул ранчо и вернулся в Аспен, очень довольный развитием событий. Однако я чувствовал себя виноватым перед коллегами за то, что обошел их и оказался победителем. Такое случилось один лишь раз за все семь лет моего пребывания в должности министра обороны¹.

---

¹ Поскольку моя поездка на ранчо Джонсона не упоминалась в документах, описывавших причины приостановки бомбардировок, я чуть было не усомнился в собствен-

Перерыв в бомбардировках Северного Вьетнама продолжался на основе ежедневного продления более месяца, вплоть до конца января 1966 года. Но противоречия между политическими шагами и военными действиями в этот период продолжали сохраняться.

Администрация перешла к открытым и активным дипломатическим действиям. В дополнение к миссиям Гарримана и Голдберга правительство направило на Филиппины и в Индию вице-президента Хэмфри, а помощников государственного секретаря Дж. Меннена Уильямса и Томаса Манна — в Африку и Латинскую Америку. В поездках все они говорили о желании Вашингтона приступить к мирным переговорам. Дин также обнародовал программу из четырнадцати пунктов и пригласил Северный Вьетнам приступить к «переговорам без предварительных условий».

Во время паузы КНШ настаивал на возобновлении военных операций против Северного Вьетнама, утверждая, что прекращение бомбардировок «обернется для Вооруженных сил США серьезной и постоянно нарастающей утратой военных преимуществ». Я сказал членам КНШ, что посоветовал бы президенту последовать их рекомендациям, если бы они показали мне, как пауза в бомбардировках ухудшила наше положение на Юге¹.

Они мне не ответили.

Тем временем Соединенные Штаты усилили бомбардировки «тропы Хо Ши Мина» в Лаосе, а американские полевые команды в Южном Вьетнаме приступили к расширению наземных операций. В начале января они впервые в истории вьетнамской войны предприняли в районе Сайгона массированное наступление на Вьетконг, а чуть позже, в том же месяце, начали в провинции Куангнгай, севернее тридцать четвертой параллели, самую крупную со времен Корейской войны операцию по высадке дополнительных войск, уступающую по своим масштабам только той, что была проведена в Инчхоне². В стране появилось еще больше американских военнослужащих.

Итог споров был подведен 10 января в Белом доме. Джонсон полагал, что пауза оказалась безрезультатной, и был склонен возобновить бомбардировки через несколько дней. Я убеждал его продлить паузу,

---

ной памяти. Когда я писал этот отрывок, то обратился в Библиотеку Джонсона и попросил ее сотрудников проверить распорядок дня президента для подтверждения изложенных событий. Они нашли в «Ежедневнике» подробную запись, в которой даже перечислялось, что на обед были поданы «перепела, рис, бобы и на десерт — кокосовый пудинг».

¹ См.: JCSM 16-66. Wheeler to McNamara. 1965. January 8 [Меморандум КНШ № 16-66. Уилер — Макнамаре. 1965. 8 января]; Jack Valenti's notes of January 3, 1966, White House meeting [Заметки Джека Валенти о совещании в Белом доме 3 января 1966 г.] // MNF. LBJL.

² Инчхон — портовый город в Южной Корее, другое название — Чемульпо. — *При-меч. ред.*

рассчитывая на начало переговоров и веря в то, что приостановка бомбардировок даже до конца месяца не ухудшит для нас обстановку на фронте. «Бас» считал иначе. «Каждый день что-то меняет», — сказал он, выступив от имени КНШ¹.

Двенадцатого января Оли Шарп стал настаивать на возобновлении — и усилении — бомбардировок. Он предлагал атаковать с воздуха незаконные линии коммуникаций, идущие из Китая. Шарп заявил, что подобная акция «заставит противника сесть за стол переговоров или истощит силы повстанцев, лишив их поддержки». КНШ поддержал его, представив отдельную докладную записку шесть дней спустя².

Однако в тот же день, 18 января 1966 года, я получил аналитическую записку, в которой говорилось, что Северный Вьетнам способен ежемесячно переправлять тайно на Юг 4500 человек вместе со снаряжением, достаточным для обеспечения военных действий в Южном Вьетнаме, и это — несмотря на все принимаемые нами меры. Под мерами в данном случае подразумевались бомбардировки, об интенсивности которых свидетельствовал тот факт, что общий тоннаж бомб, сброшенных нами в декабре 1965 года, на 50% превышал соответствующий показатель самого активного в военном отношении месяца за все время корейской войны³. ЦРУ, независимо от нас, подтвердило этот анализ. Правление национальных оценок, подведомственное этому учреждению, пришло к выводу, что минирование гаваней и бомбардировка дополнительных объектов — аэродромов, нефтехранилищ и электростанций, предложенные Оли Шарпом и Комитетом начальников штабов, не приведут «к заметному снижению активности вооруженных сил коммунистов в Южном Вьетнаме». Заместитель директора ЦРУ по планированию Дик Хелмс жестко сформулировал эту позицию при встрече с президентом Джонсоном 22 января: «Усиление бомбардировок Севера не остановит потоки поставок на Юг»⁴.

Дебаты по поводу того, что могут и чего не могут дать бомбардировки, ведутся еще со времен Второй мировой и корейской войн. Поскольку мы так и не смогли прийти к единому мнению, в последующие два года

¹ См.: Jack Valenti's notes of January 10, 1966, Cabinet Room meeting, 1:10 p. m. [Заметки Джека Валенти о совещании 10 января 1966 г. в зале-кабинете в 13 часов 10 минут] // Ibid.

² См.: CINCPAC 120205Z. Sharp to Joint Chiefs of Staff. 1966. January 12 [Главкомандующий в зоне Тихого океана. Документ № 120205Z. Шарп — Комитету начальников штабов]; CSM-41-66. Wheeler to McNamara. 1966. January 18 [Меморандум КНШ № 41-66. Уилер — Макнамаре. 1966. 18 января] // LBJL.

³ Данные Отдела истории военно-воздушных сил. Авиабазы Боллинг, г. Вашингтон (Office of Air Force History. Bolling Air Force Base. Washington).

⁴ См.: McNaughton J.T. Some Observations about Bombing North Vietnam. 1966. January 18 // PPW. LBJL; BNE Special Memorandum [Специальный меморандум Правления национальных оценок] // W.C. Gibbons. U. S. Government... Pt. 4. P. 153; Jack Valenti's notes of January 22, 1966, White House meeting [Заметки Джека Валенти от 22 января 1966 г. о совещании в Белом доме] // MNF. LBJL.

дискуссии усилились. Однако вопрос этот так и остается спорным вплоть до нынешнего дня.

Президент столкнулся с трудной задачей. Журналист Уолтер Липшман поделился своими соображениями в статье, напечатанной в середине января. «В сущности, — писал он, — президенту приходится выбирать между большой, полномасштабной войной и весьма непривлекательным миром». Ричард Рассел повторил его мысль, заявив в Сенате: «Я полагаю, что мы должны решить, нужно ли нам предпринимать действия, необходимые для победы во вьетнамской войне, и прийти к определенному выводу о нашем участии в ней. Я вижу лишь одну альтернативу — уход из Вьетнама, к чему подавляющее большинство американцев не готово сейчас»¹.

Я изложил свои соображения президенту Джонсону утром 17 января.

— По моему мнению, — сказал я ему, — нам надо прислушаться к хорошему совету и продлить паузу до окончания празднования Тета² (то есть до последних чисел января). Таким образом, мы дадим Северному Вьетнаму время для ответа в расчете на то, что он откликнется с помощью того или иного канала связи. К тому же мы сможем тогда убедить наш народ, да и весь мир, в том, что предоставили Ханую разумный срок.

— Я думаю, вам известно, как я к этому отношусь и что чувствую, — отозвался он. — В отличие от вас, я сомневаюсь, что нам следует удлинять паузу, и совсем не жалею об этом. Мне хотелось бы быть терпеливым, понимающим все и разумным, но, с другой стороны, я надеюсь, что вам известен мой характер³.

Смысл был ясен: Джонсон считал, что пауза — наша ошибка и мы должны возобновить бомбардировки. Будучи по-прежнему убежден в том, что КНШ переоценил значение бомбардировок как средства борьбы с противозаконными действиями Северного Вьетнама, я понимал: их надо возобновить. Это стало бы нашим ответом суровым критикам паузы, твердившим упорно, что она привела лишь к дальнейшему усилению проникновения на территорию Южного Вьетнама новых бойцов, пополняющих ряды наших противников. Кроме того, поступая так, мы не должны были заниматься дезинформацией, вводя в заблуждение Ханой, Пекин и собственный народ. Однако и Дин и я опасались давления со стороны правого крыла политиков, которое настаивало на уничтожении объектов близ китайской границы, как это было уже перед вступлением Пекина в корейскую войну. Мы доказывали, что

¹ Newsweek. 1966. January 18; Congressional Record. 1966. January 24. Vol. 112. P. 965—966.

² Тет — вьетнамский Новый год. — *Примеч. пер.*

³ См.: 1966. January 17. 9:15 a. m. Tape M6601.01. PNO 1 [1966. 17 января. 9.15 утра. Кассета M6601.01. Программа № 1] // PR. LBJL.

программа бомбардировок должна находиться под жестоким контролем, — под более жестким, чем хотелось бы КНП, — поскольку только так можно будет свести к минимуму возможность китайской интервенции.

Теперь президент хотел, чтобы решение, которое он собирался принять, получило всеобщее одобрение. 28 января он пригласил к себе четырех членов «Совета мудрецов» (Кларка Клиффорда, Артура Дина, Аллена Даллеса и Джона Макклоя). Они согласились с возобновлением воздушных ударов по Северному Вьетнаму и увеличением численности американских войск на Юге. Еще через два дня состоялось заседание Совета национальной безопасности, и на нем президент объявил о прекращении паузы. В опросе общественного мнения, проведенном службой Харриса и опубликованном в тот же день, сообщалось, что «подавляющее большинство американцев поддержит незамедлительную эскалацию войны, включая широкомасштабные бомбардировки Северного Вьетнама и увеличение численности американских войск до 500 тысяч человек»¹.

Какое воздействие оказала рождественская приостановка бомбардировок? Некоторые критики утверждают, что усиление воздушных операций США против «тропы Хо Ши Мина» в Лаосе и наземных операций в Южном Вьетнаме во время паузы дискредитировало поставленные нами задачи. В любом случае сам тот факт, что пауза никак не содействовала повышению эффективности наших дипломатических усилий, настроил рассерженного президента Джонсона против дальнейшего перерыва в бомбардировках.

Многие наблюдатели критиковали наши способы публичной дипломатии, называя их наивными, если не хуже. Честер Купер выступил со следующим заявлением:

Когда наконец понадобилось пустить в ход мастерски отлаженные и тонкие инструменты, мы использовали кувалду. Когда нужно было провести закрытое и осторожное предварительное исследование, мы с грохотом промаршировали, как на параде 4 июля². Когда важное и неожиданное предложение могло вызвать интерес Ханоя, мы устроили спектакль с мелодраматическими эффектами. Вместо того чтобы мак-

¹ См.: Jack Valenti's notes of January 28, 1966, «Wise Men» meeting [Заметки Джека Валенти от 28 января 1966 г. о совещании группы «Мудрецов»] // MNF. LBJL; Bromley Smith's Notes of 556th NSC meeting, January 30, 1966 [Заметки Бромли Смита о 556-м заседании Совета национальной безопасности (СНБ) 30 января 1966 г.] // NSCMF [Архив меморандумов СНБ]; NSF. LBJL; Washington Post. 1966. January 31.

² День независимости — праздник в США в память о Декларации независимости, принятой 4 июля 1776 г., в период Войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг. — *Примеч. ред.*

симально использовать воздействие пакета предложений о мире из четырнадцати пунктов, мы похоронили его под аккомпанемент внезапных, шумных и красочных поездок наших высших чиновников. Короче, президент действовал как жонглер, подбрасывающий в цирке три кольца, а не как серьезный политик, детально обдумывающий дипломатические ходы¹.

Если Купер был прав, то все мы, советовавшие президенту принять те или иные меры, должны взять на себя долю вины.

Администрация все же попыталась однажды пойти «осторожным» дипломатическим путем. 29 декабря мы поручили нашему послу в Бирме Генри А. Байроуду передать его северовьетнамскому коллеге, генеральному консулу Ву Ху Бинху, что перерыв в бомбардировках может быть продлен, если Ханой «сделает шаг нам навстречу и внесет серьезный вклад в мирное урегулирование». Однако через несколько дней ханойское радио передало, что отвергает паузу как «уловку», и повторило свой «третий пункт»: «Внешняя политика Южного Вьетнама должна определяться... в соответствии с программой... Национального фронта освобождения» (то есть политическим центром Вьетконга). Вскоре после окончания паузы Ву обратился к Байроуду, чтобы просто подтвердить жесткую линию Ханоя в ответ на послание, которое тот передал ему².

Принесла ли пауза успех? К незамедлительным переговорам она, несомненно, не привела. Мы рассматривали паузу лишь как ступень в процессе, способном в конечном итоге содействовать выработке мирного соглашения за столом переговоров и тем самым положить конец войне.

Стала ли она такой ступенью? А если нет, то с чем связана неудача: с нашими неуклюжими действиями, с непреклонностью Ханоя или с комбинацией того и другого? Мы не узнаем ответа до тех пор, пока Ханой не откроет свои архивы.

¹ *Cooper Ch.* The Lost Crusade: America in Vietnam. N. Y.: Dodd, Mead, 1970. P. 296.

² См.: Hanoi VNA International Service in English. 1966. January 4 [Международная служба Ханойского радио (VNA) на английском языке. 1966. 4 января] // G.C. Herring. LBJ and Vietnam: A Different Kind of War. Austin: University of Texas Press, 1994. P. 133; Embtel 394 (Rangoon). Byroade to Rusk. 1966. January 31 [Телеграмма из посольства в Рангуне № 394. Байроуд — Раску. 1966. 31 января] // Ibid. P. 141–142.

Проблемы становятся все труднее

31 января 1966 года — 19 мая 1967 года

Когда я начал работать над этой главой, в свет вышла книга историка Джорджа С. Херринга, посвятившего целое десятилетие исследованию вьетнамской войны. Он пишет:

После паузы в бомбардировках в декабре 1965 года влияние Макнамары стало уменьшаться. Министр обороны предложил эту паузу и сопутствующие ей мирные инициативы, а Джонсон неохотно и вопреки своим убеждениям одобрил их. Когда план, как и предсказывал Джонсон, потерпел крах, безгрешность Макнамары подверглась сомнению, и президент возложил на него ответственность за эту серьезную политическую ошибку. Более того, после декабря 1965 года непобедимый и уверенный в своих действиях министр обороны начал скептически относиться к перспективам нашей победы во вьетнамской войне. По мере роста скептицизма Макнамары подобное настроение все более явно проявлялось в политических рекомендациях, и его влияние в дальнейшем постепенно уменьшалось. В какой-то момент пребывания на посту министра обороны Макнамара оказался отрезан от некоторых источников информации из-за растущей оппозиции войне и подозрений в дружеских связях с сенатором «голубем» Робертом Кеннеди¹.

Хотелось бы мне, чтобы Херринг был прав. Однако мое влияние, а значит, и ответственность как ключевой фигуры в выработке решений по Вьетнаму оставались прежними вплоть до ухода из Пентагона в конце февраля 1968 года.

Я скептически относился к возможности достижения наших политических целей во Вьетнаме военными средствами, но это нисколько не уменьшало моего участия в формировании вьетнамской политики.

За пятнадцать месяцев, последовавших после рождественской паузы в бомбардировках, военные потери существенно увеличились, а дебаты о наземной стратегии, умиротворении и особенно о бомбардировках приобрели поистине драматическое звучание. Связанное с войной давление на администрацию Джонсона, мою семью и меня лично усиливалось чуть ли не с каждым днем. Недовольство войной уже начало расти, хотя общественная поддержка продолжала оставаться очень сильной. Мы предприняли еще три неумелые попытки начать переговоры и ничего не добились. Этот период завершился очередным запросом генерала Уэстморленда об эскалации войны. На сей раз он попросил направить во Вьетнам 200 тысяч военнослужащих и разрешить ему значительно расширить зону военных действий. И Уэстморленд и КННП утверждали, что подобная программа потребует мобили-

---

¹ *Herring G.C. LBJ and Vietnam... P. 11.*

защиты резервистов и использования всего военного потенциала страны, не исключая и ядерное оружие. Они понимали, что эти действия могут привести к столкновению с Китаем и/или Советским Союзом в Юго-Восточной Азии или каком-нибудь другом регионе, но считали такие шаги необходимыми для скорейшего завершения войны, которая, по их мнению, в противном случае затянулась бы еще на пять лет.

Все это наглядно продемонстрировало провал нашей политики: бомбардировки и наземные операции не смогли должным образом сработать, а наши дипломатические инициативы оказались неэффективными и неуклюжими. Суровые факты привели меня к определенному выводу, и 19 мая 1967 года я составил крайне противоречивую докладную записку и направил ее президенту Джонсону. Я утверждал, что настало время изменить наши цели во Вьетнаме и средства их достижения. Эта записка стала предшественницей будущего расхождения между мной и президентом в оценке событий во Вьетнаме и в итоге привела к моей отставке.

Тысяча девятьсот шестьдесят шестой год начался с события, которое меня глубоко огорчило. Из администрации ушел Макджордж Банди. В ноябре 1965 года Джон Макклой и Генри Форд II, возглавлявшие Комитет по исследованиям для нового президента Фонда Форда, предложили Маку этот пост. О подобной работе можно было только мечтать. Фонд Форда являлся крупнейшим в стране, с годовым оборотом порядка 200 миллионов долларов, предназначавшихся на улучшение жизни людей во всем мире¹.

Макклой спросил Мака, не хочет ли он занять это место. Он обратился с подобным предложением и ко мне, хотя сомневаюсь, что считал меня столь же квалифицированным, как Мака. Во всяком случае сам-то я так не думал и знал, что уступаю Маку. Я открыто сказал об этом Джонсону. К тому же, верный чувству долга, я не мог покинуть правительство в столь трудное время, хотя работа в Фонде Форда представлялась мне исключительно интересной.

---

¹ Нетрудно догадаться, что помогло Фонду Форда занять столь видное положение привлечение им двух тысяч самых талантливых в мире ученых и политических аналитиков с выплатой каждому из них по сто тысяч долларов в год в виде жалованья и дополнительных сумм на различного рода расходы, связанные с их служебной деятельностью. В непосредственные обязанности этих людей входила разработка путей решения важнейших экономических, политических и социальных проблем и проблем безопасности. Будучи в течение восемнадцати лет одним из опекунов, я должен сказать, что Фонд весьма успешно решал под руководством Мака возложенные на эту организацию задачи. Признаюсь, занимая пост президента Мирового банка, я заимствовал — или попросту «украл» — у Фонда немало идей — о планировании народонаселения, уменьшении бедности, сельскохозяйственных исследованиях и сохранении окружающей среды. Все они оказались удивительно полезными для Мирового банка, для меня лично и для выработки подхода к проблемам развивающихся стран.

Уход Мака был большой потерей. Я не всегда и не во всем соглашался с ним, но Мак привнес в государственную службу удивительную организованность и настойчивость в достижении целей, что позволило нам сосредоточиться на труднейших проблемах международной политики, прямо затрагивавших интересы нашей страны. Конечно, он мог уйти из администрации лишь потому, что работа в Фонде Форда показалась ему очень заманчивой, но я сомневаюсь, что причина заключалась только в этом. Полагаю, что истинным мотивом ухода стало разочарование Мака в войне. Его удручало не только поведение президента, но и сам процесс выработки решений в высших эшелонах власти в Вашингтоне и в Сайгоне. И у него были все основания испытывать подобные чувства.

Преимником Мака на посту советника по национальной безопасности стал Уолт Ростоу. Он был на редкость умным и обаятельным человеком, открытым и дружелюбным с коллегами. Но Уолт некритически воспринимал наше участие во вьетнамских событиях, характер проведения операций и перспективы достижения военных и политических целей. Оптимист по натуре, он скептически относился к любым сообщениям, не подтверждавшим наши успехи. Много лет спустя, в марте 1991 года, на конференции в Библиотеке Л.Б. Джонсона он продолжал доказывать, что американское решение начать войну во Вьетнаме и сами способы ее ведения принесли только пользу и нашей стране, и Азиатскому региону¹.

Когда рождественская пауза в бомбардировках завершилась в конце января 1966 года, президент Джонсон попросил меня изложить свои взгляды на военное положение во Вьетнаме. Я сформулировал собственную позицию в докладной записке от 24 января 1966 года, где говорилось, что коммунисты готовы энергично продолжать войну на Юге. По их мнению, война будет долгой и время на их стороне, а их стойкость выше нашей. Они считают, что массированное вторжение войск США в 1965 году свидетельствует о нашей решимости избежать поражения и что имеются все основания ожидать еще большего расширения участия США в войне. Из этого я заключил, что коммунисты намерены увеличить численность своих войск в результате массовой вербовки добровольцев на Юге и их более активного проникновения с Севера. По оценкам КНИШ и моим расчетам, личный состав боевых подразделений противника в 1966 году должен будет возрасти на 50% и, даже используя не более 70% пропускной способности «тропы Хо Ши Мина», коммунисты смогут поставлять ежедневно для армии по 140 тонн продовольствия и снаряжения — это, конечно, немного, но для них достаточно.

¹ The Johnson Years: A Vietnam Roundtable / Ed. T. Gittinger. Austin: Lyndon Baines Johnson Library, 1993. P. 126–128, 163–176.

В связи с ожидаемым увеличением численности вражеских войск мы должны были принять адекватные меры. Я рекомендовал пополнить ряды американских вооруженных сил во Вьетнаме дополнительными двумястами тысячами человек (на чем прежде настаивал Уэстморленд) или чем-то около того, доведя тем самым численность наших войск предположительно до 368 тысяч человек к концу года против 179 тысяч в настоящее время. Кроме того, мною было предложено провести больше воздушных операций, чем предусматривалось нашими планами. При этом, однако, я предупредил, что данная акция, возможно, не станет непреодолимой преградой для действий противника в Южном Вьетнаме, поскольку бомбардировки в состоянии лишь сократить, но не остановить военные поставки, направляемые из Северного Вьетнама на Юг.

В общем, я пришел к мрачному выводу:

Даже если коммунисты понесут большие потери в результате наших наземных операций и воздушных налетов, как мы ожидаем, они все равно в ответ на предполагаемое расширение наших рядов активизируют свои действия и начнут проверять возможности и волю Америки продолжать участвовать в войне даже при дальнейшем обострении конфликта и все больше теряя своих людей (если мы вовлечем в боевые операции запрошенное нами пополнение, то, по нашим оценкам, будем терять на полях сражений примерно тысячу человек каждый месяц)... Отсюда следует, что увеличение численности военного контингента США во Вьетнаме никак не помешает тому, что к началу 1967 года военное противостояние перейдет на более высокий уровень, при котором едва ли уже будет уместно вести разговоры о мирном урегулировании, но зато на нас неизбежно посыпятся все те же просьбы направить во Вьетнам новые войска.

Подобная перспектива лишь усилила мою убежденность в необходимости переговоров, ведущих к дипломатическому разрешению конфликта. Я надеялся, что активизация наших усилий в данном направлении будет воспринята [Ханоем] как «реальная предпосылка [таких] переговоров и окончания войны на приемлемых [для него] условиях»¹.

В период между 1965 и 1967 годами Уэстморленд настойчиво осуществлял свою стратегию истощения сил противника, которая, в соответствии с его замыслом, должна была привести к таким потерям в живой силе Вьетконга и Северного Вьетнама, что их уже невозможно было бы восполнить. Однако факты свидетельствовали совсем о дру-

---

¹ Memorandum for the President. Subject: The Military Outlook in Vietnam. 1966. January 24 [Служебная записка для президента. Тема: Военная оценка вьетнамских событий. 1966. 24 января] // RSMP.

гом. Вопреки предположениям, высказывавшимся Уэстморлендом, мною и многими другими, наши противники сумели существенно увеличить численность своих войск в результате набора добровольцев на Юге и проникновения отрядов с Севера на Юг. Вооруженные силы Вьетконга и Северного Вьетнама продолжали расти в течение 1966 и 1967 годов.

С самого начала нашего военного участия во Вьетнаме южновьетнамцы поставляли нам крайне неточные разведывательные данные. Иногда они даже сознательно пытались ввести нас в заблуждение, а порой их далеко не объективная информация свидетельствовала лишь о неоправданном оптимизме тех, кто поставлял нам ее. Случалось и так, что фактологические ошибки просто отражали сложности адекватной оценки реального хода событий.

Но я настаивал на точных отчетах о развитии военных действий. Как уже отмечалось мною, я еще в Гарварде привык руководствоваться правилом: недостаточно только ставить определенную цель и разрабатывать план ее достижения, важно также неукоснительно следовать этому плану, решая попутно, удастся ли вам добиться данной цели. Если вы обнаружили, что не сможете осуществить задуманное, вам надо или исправить план, или поставить другую цель. Я был убежден: поскольку мы не вправе рассчитывать на полную победу на главном направлении наших действий, нам следует искать какие-то иные пути, которые приведут нас или к успеху, или к поражению. В соответствии со сказанным выше, мы точно определили количество разрушенных на Севере объектов, интенсивность передвижения по «тропе Хо Ши Мина», численность пленных, общую массу захваченного оружия, потери противника только убитыми и так далее.

Проводимый прямо на поле боя подсчет погибших бойцов противника делался исключительно для того, чтобы как можно точнее определить его потери в живой силе. В первую очередь это нужно было Уэстморленду, стремившемуся достичь так называемой «критической точки», когда северовьетнамцы и вьетконговцы теряли бы больше, чем могли восполнить. Для того же, чтобы выяснить, насколько реально достижение пресловутой «точки», мы и должны были иметь хоть какое-то представление о том, сколько времени смогут еще продержаться наши противники и каковы их истинные потери.

Критики обычно приписывали проводившийся нами подсчет убитых противников выдуманной ими самими же моей одержимости статистикой. Я признаю, существуют явления, не поддающиеся подсчету, например, честь и красота. Но все, что можно подсчитать, мы должны подсчитывать. Это касается, в частности, и количества погибших вьетконговцев и северовьетнамцев в той войне на истощение сил противника, которую с прямо-таки завидным упорством вел Уэстморленд. Полученные нами данные о численности убитых вражеских бойцов мы старались использовать также и при решении вопроса о том, что нужно

сделать еще во Вьетнаме для победы в войне и без крайнего риска для жизни наших военных. Все попытки проследить развитие военных действий во Вьетнаме за время моего пребывания на посту министра обороны преследовали именно эти цели, но получаемые нами отчеты часто вводили нас в заблуждение.

Весной 1967 года Уэстморленд пришел к выводу, что «критическая точка» достигнута: численность вражеских войск стабилизировалась и даже начала уменьшаться. Однако ЦРУ по-прежнему отрицало сокращение сил противника. В отчете от 23 мая 1967 года его аналитики пришли к выводу: «Несмотря на все возрастающую эффективность операций “обнаружить и уничтожить”, вьетнамские коммунисты продолжают *увеличивать* [выделено мною. — Р. М.] численность своих главных сил за счет как поступлений пополнения с Севера, так и вербовки местных жителей. Похоже, что коммунисты сумеют сохранить свои силы в том же объеме и в следующем году»¹.

Чьи бы оценки ни были правильными — Уэстморленда или ЦРУ, — меня все равно они не устраивали, поскольку Вьетконг и Северный Вьетнам, выбирая, как и раньше, где, когда и сколько времени вести им бой, в значительной степени сами определяли, сколько смогут они потерять в живой силе в партизанской войне под пологом джунглей. Более того, к весне 1967 года они обладали силами, достаточными для предотвращения значительного расширения зоны действия миротворческой программы, в первую очередь в сельской местности, где проживает большинство вьетнамцев.

Расхождение во взглядах Уэстморленда и ЦРУ было досадным, но отнюдь не удивительным фактом. Хотя мы все пытались реалистически оценивать положение дел на войне, получить точные сведения по-прежнему было нелегко. Уже сами те данные, которые имелись у нас, заранее предопределяли существенные несовпадения в результатах анализа. Описанное выше разногласие — типичнейший пример. По мнению ЦРУ, северовьетнамцы в состоянии бороться с нами куда эффективнее, чем считали в администрации [и Уэстморленд]. Впоследствии выяснилось, что ЦРУ было право.

Как мы могли решить, чью точку зрения нам следует принять? Эта задача была исключительно трудной, если учесть, что мы сомневались даже в точности отчетов, на которых основывались соответствующие выводы и толкования. Иногда мы получали отчеты, способные только сбить с толку, и без запроса с нашей стороны. Через несколько лет это привело к трагической цепочке событий. Я имею в виду тот случай,

¹ CIA Memorandum SC No. 01399/67. 1967. May 23. The Situation in Vietnam: An Analysis and Estimate. P. 1–2 [Меморандум ЦРУ SC № 01399/67. 1967. 23 мая. Ситуация во Вьетнаме: анализ и оценка. С. 1–2]; CIA 80-82 (Vietcong Order of Battle Documents. 1967. May) [ЦРУ 80-82 (Реестр документов Вьетконга по ведению боевых операций. 1967. Май)] // Papers of the Capital Legal Foundation. Box 3: LBJL.

когда компания «Си-би-эс» искажила характер действий Уэстморленда, обвинив его во лжи президенту и мне. Все дело в том, что он направил сообщение о так называемом «боевом порядке» противника — о расположении вьетконговских и северовьетнамских войск на поле боя.

В показанном в 1982 году документальном фильме «Си-би-эс» «Неучтенный противник: вьетнамский обман» утверждалось, будто Уэстморленд отдал распоряжение высшим чинам из военной разведки сознательно занижать численность сил противника, чтобы затем докладывать о военных успехах. «Си-би-эс» доказывала, что Уэстморленд умышленно предоставлял ложные сведения о вьетконговских и северовьетнамских силах в Южном Вьетнаме, желая продемонстрировать более высокую эффективность своей стратегии истощения вражеских сил, чем это было на самом деле. Я затронул эту тему, чтобы стало совершенно ясно: какие бы глубокие разногласия ни существовали между мной и Уэстморлендом относительно хода войны на Юге (равно как и разногласия между мной и КНШ по поводу бомбардировок Севера), они отнюдь не сказывались на наших личных отношениях и не порождали взаимного недоверия.

Моя сопричастность к документальному фильму «Си-би-эс» началась 6 июня 1981 года, незадолго до ухода в отставку с поста президента МБРР. Продюсер программы «Вести “Си-би-эс”» Джордж Крайл III позвонил мне на работу. Я знал его: он был бывшим зятем моих друзей, Джо и Сьюсан Мэри Олсон. Он сказал, что «Си-би-эс» готовит программу о Вьетнаме и ему известно, что я соглашусь в ней участвовать. По его словам, у «Си-би-эс» имелись явные доказательства, подкрепленные свидетельствами командования США во Вьетнаме и сотрудников ЦРУ, что генерал Уэстморленд сознательно обманывал президента и меня, говоря о «боевом порядке».

Я заявил Крайлу, что не верю этому. Он ответил, что свидетельства бесспорны. Я продолжал отрицать подобную возможность. Наконец Крайл спросил, может ли он встретиться со мной и подтвердить фактами выдвинутые обвинения. Я сказал, что почти наверное останусь при своем мнении, но из-за прошлых наших с ним отношений возражать против встречи не стал.

Он зашел ко мне 16 июня, в конце дня. За время получасового разговора в моем кабинете в Мировом банке и в машине по дороге к моему дому Крайл представил мне свои свидетельства. Вкратце их можно описать так: Уэстморленд докладывал о силах противника как о величине «х», тогда как некоторые подчиненные ему офицеры военной разведки при поддержке аналитиков ЦРУ оценивали их как величину «х + у». Телевизионщики из «Си-би-эс» заявляли, что Уэстморленд приказал своим подчиненным включать меньшую цифру в сообщения Управления по оказанию военной помощи Вьетнаму, направлявшиеся в Вашингтон.

В основе проблемы, затронутой «Си-би-эс», лежали не столько факторы личностного характера, такие, например, как амбиции, сколько объективные трудности, возникавшие при попытке однозначно определить, что же скрывается за понятием «противник». Соединенные Штаты сталкивались во Вьетнаме с противостоявшими им силами, резко отличавшимися друг от друга: с подразделениями регулярной северовьетнамской армии, отдельными северовьетнамскими солдатами, проникавшими тайно на Юг, вьетконговскими партизанами из местных жителей, организованными затем в боевые формирования, а также с всевозможными представителями движения сопротивления, которых лишь с большой натяжкой можно причислить к военным. Это были и крестьяне с обычными ружьями — члены неформальных изолированных военных групп, и сельские жители в черных одеждах, — как правило, диверсанты и информаторы. Вопрос состоял в том, где следовало подвести черту, сообщая о «силах противника». Уэстморленд исключал часть нерегулярных сил, учитывавшихся некоторыми его офицерами из разведки и рядом аналитиков ЦРУ.

Этот спор как внутри Управления по оказанию военной помощи Вьетнаму, так и среди вашингтонского разведывательного сообщества продолжал разгораться. Он шел уже долгое время, и о нем было хорошо известно директору ЦРУ Дику Хелмсу, президенту, мне и другим высшим правительственным чиновникам. Он затронул глубинные эмоции, пережившие войну. Некоторые участники дискуссии возражали против суждений Уэстморленда и согласились дать интервью «Си-би-эс», утверждая, прямо или с оговорками, что он сознательно вводил в заблуждение президента и меня. В частности, так заявил бывший аналитик ЦРУ Сэм Адамс, выступивший в программе в качестве главного свидетеля и платного «информатора».

При встрече с Крайлом я объяснил ему, почему данное обвинение чрезмерно сурово. Он не поверил моим словам. Документальный фильм был показан вечером 13 января 1982 года. Уэстморленд потребовал извинений от компании «Си-би-эс», а когда их не последовало, той же осенью предъявил ей иск в размере 120 миллионов долларов.

Хотя мне было понятно, что заседания суда по этому иску превратятся в грязное и скандальное столкновение, но из-за огромного уважения к Уэстморленду, преданно служившему своей стране несколько десятилетий, я сам предложил летом 1983 года выступить в его защиту.

Адвокат Уэстморленда Дэн Барт из Фонда законности знал, что Крайл тайком и без моего ведома записал ряд своих телефонных разговоров со мной. Полагая, что записи подтвердят заявление Уэстморленда, будто бы еще до показа фильма Крайл понимал всю необоснованность обвинений, он потребовал представить ему кассеты. Но, как он сказал, правление компании с самого начала отрицало существование подобных записей. Главный редактор «Вести “Си-би-эс”», работав-

пий над программой, сообщил Барту, что, по словам секретаря Крайла, кассеты находились на дне левого ящика крайловского письменного стола. Впоследствии их обнаружили в чемодане Крайла у него дома, но те места, где я отрицал обвинения против Уэстморленда, оказались стерты¹.

В надлежащее время «Си-би-эс» попросила меня дать показания. Вначале 26—27 марта выступил судья Дэвид Бойес. Он спросил меня, не стану ли я возражать, если мои показания запишут на видео. Когда я поинтересовался, как может быть использована эта видеозапись, он ответил: «Мы будем действовать по собственному усмотрению». Я задал новый вопрос, означает ли это возможность показа на коммерческих каналах, и он ответил: «Да». Адвокат посоветовал мне, если я не смогу вспомнить какие-то подробности шестнадцатилетней давности, просто ответить: «Я не помню». Я мог хорошо представить себе, как прозвучат эти повторы двадцать или тридцать раз в «Вечерних новостях “Си-би-эс”». Поэтому я отказался от видеозаписи. Бойес пригрозил мне, заметив, что у «Си-би-эс» есть законное право потребовать подобную видеозапись. Я ответил, что лучше уж сяду в тюрьму, чем соглашусь на видеозапись. В конце концов Бойес решил обойтись без видеозаписи, но оставил за собой право вернуться к данному вопросу. Но так и не вернулся. Позднее я узнал, что Дик Хелмс, которого тоже вызывали в этот суд, подобно мне отказался от видеозаписи. Телекомпания возбудила против него судебное дело. Однако после нескольких месяцев и значительных судебных издержек Дик выиграл дело.

В моих показаниях, данных на заседании суда 6 декабря 1984 года, я утверждал, что и президенту и мне было известно о существенных расхождениях во мнениях относительно сил противника как в Управлении по оказанию военной помощи Вьетнаму, так и в ЦРУ в 1966—1967 годах. Я был сторонником более всеобъемлющей оценки, но Уэстморленд не пытался нас обмануть. Если бы он даже попробовал, что кажется совершенно невероятным, то не сумел бы добиться успеха, ибо мы получали информацию и из доступных нам альтернативных источников. Бойес стремился дискредитировать мои свидетельские показания, заявив, что я постоянно неверно оценивал изменения в военной ситуации во Вьетнаме.

Разбирательство завершилось в феврале 1985 года. Суд так и не вынес решения, призвав нас к примирению, с тем чтобы обе стороны могли считать себя победившими. Но телепередача вкупе с шумихой, поднятой прессой в связи с судебным процессом, к сожалению, еще более подорвала веру рядовых американцев в единство их правительства и их лидеров — как военных, так и гражданских.

Несмотря на разницу в оценках, Уэстморленд и я старались изо всех сил, чтобы американские солдаты, участвовавшие в боевых опе-

¹ См.: *Kovet D. A Matter of Honor*. N. Y.: Macmillan, 1984. P. 100—101, 276—282.

рациях, имели все необходимое снаряжение и были защищены, насколько это представлялось возможным. Пока разгоралась война и накалялись страсти, некоторые критики администрации Джонсона безосновательно утверждали, что материально-техническое обеспечение наших войск недостаточно, а это, мол, представляет собою прямую угрозу безопасности солдат. Но дело обстояло вовсе не так. В подтверждение своих слов приведу выдержку из адресованного мне письма «Баса» Уилера от 23 апреля 1966 года: «Не было никаких нехваток снаряжения для войск во Вьетнаме, которые могли бы негативно повлиять на ход боевых операций или на здоровье и общее состояние участвующих в боях солдат. Никакие требуемые вылеты не отменялись (вылет — это одно боевое задание для одного самолета). Факт остается фактом: оказываемая нашим сухопутным силам поддержка с воздуха не имеет аналогов в отечественной истории»¹.

Американцы, прибывая во Вьетнам, оказывались в тяжелейших условиях. Им приходилось иметь дело с неуловимым и беспощадным врагом, минами-ловушками, ядовитыми насекомыми и пиявками. Они пробирались через непролазные джунгли и топкие болота, сражались под палящими лучами солнца. Если в бою участвовали крупные соединения, американские войска обычно побеждали. Солдаты воевали храбро. Они достойно ответили на призыв своей родины и стойко перенесли массу невзгод — и не только в «этой стране», но и, что особенно печально, по возвращении домой.

Споры шли не о доблести американских солдат во Вьетнаме, а о том, как они сражались на поле боя. Именно этот вопрос и был основой расхождений во взглядах между Уэстморлендом и морскими пехотинцами (а также частью армии) в течение всего этого времени. Критики стратегии «обнаружить и уничтожить», в особенности морские пехотинцы, были убеждены в том, что она сыграла на руку Вьетконгу и Северному Вьетнаму. Они предпочитали иную, противоповстанческую стратегию, которая сочетала защиту мирного населения с постепенным освобождением деревень, контролируемых Вьетконгом. Несмотря на этот глубокий раскол, военные никогда в моем присутствии не обсуждали различия в стратегических подходах и не дискутировали со мной по поводу каких-либо деталей. А я как министр обороны должен был бы заставить их делать и то и другое.

Стратегия на истощение противника, осуществлявшаяся Уэстморлендом, предполагала интенсивное использование огневой мощи. Снаряды и напалм, словно дождь, обрушивались сверху и на головы вьетконговцев, и на северовьетнамские базы в Южном Вьетнаме. Сражавшихся вьетнамцев, как правило, трудно было отличить от мирных граждан. В 1965—1967 годах авиация США и Южного Вьетнама сбросила на Юг

¹ Handwritten note from General Wheeler. 1966. April 23 [Рукописная запись генерала Уилера. 1966. 23 апреля] // Robert S. McNamara Papers. Department of Defense.

свыше миллиона тонн бомб — в два раза больше, чем на Северный Вьетнам¹. Число жертв среди мирных жителей Юга все увеличивалось, многие оказались в убогих лагерях для беженцев. Меня очень тревожили разруха и нищета в стране, которой мы предложили свою помощь. Ведь это невольно, но в весьма значительной мере подрывало программу умиротворения, призванную расширить сферу безопасности в стране и завоевать умы и сердца южновьетнамского народа. И сводило на нет все попытки добиться общенародной поддержки сайгонского правительства, стремившегося победить Вьетконг.

Коррупция сайгонской бюрократии и плохо налаженная координация действий между южновьетнамцами и американцами (равно как и между самими американцами) также снижали реальную действенность всех наших усилий. Деньги, обещанные для множества проектов, никогда не поступали точно по назначению, и к тому же многие местные чиновники усматривали в программе умиротворения угрозу своей власти и привилегиям. Измученные войной крестьяне нередко тоже относились к нашим попыткам помочь им равнодушно или настороженно. Мы никогда не спрашивали, как и кем будет осуществляться подобная программа, особенно при отсутствии в Южном Вьетнаме эффективно действующего и ответственного правительства. Как бы ни пытались мы претворять в жизнь программу умиротворения, итоги в целом, можно сказать, были плачевными.

Осенью 1966 года я посоветовал президенту осуществление разработанной нами комплексной миротворческой программы поставить под непосредственный контроль со стороны нашего посла. Я доказывал, что мы можем и проведение военных операций, и реализацию миротворческой программы передать в ведение Управления по оказанию военной помощи Вьетнаму. Эта идея была отвергнута как сайгонской, так и Вашингтонской бюрократией, и тогда я изменил подход к проблеме. Я рекомендовал централизовать управление войсками и распределить обязанности между разными ведомствами, передав контроль за осуществлением программы умиротворения заместителю посла Уильяму Портеру и оставив Уэстморленду боевые операции. Я допускал, что предложенный план может не сработать, и советовал передать в таком случае оба эти направления в ведение Уэстморленда. Но этого так и не было сделано: мы опять допустили серьезную ошибку².

---

¹ См.: *Herring G.C. America's Longest War: The United States and Vietnam, 1950—1975.* 2nd ed. N. Y.: Knopf, 1986. P. 151.

² См.: R.W. Komer Memorandum for the President, 1966. September 13 [Служебная записка Р.У. Комера для президента. 1966. 13 сентября] // NSF. LBJL; Memorandum for the President. Subject: Actions Recommended for Vietnam. 1966. October 14 [Служебная записка для президента. Тема: Действия, рекомендованные для Вьетнама. 1966. 14 октября] // RSMP.

Тем временем бомбардировки усилились. Число самолетовылетов в Северный Вьетнам увеличилось с 25 тысяч в 1965 году до 79 тысяч в 1966 и 108 тысяч в 1967 году, а общий тоннаж бомб возрос за те же годы с 63 тысяч до 136 тысяч и наконец до 226 тысяч тонн¹. Бомбардировки нанесли Северу большой ущерб, унесли много человеческих жизней. Было отвлечено много людских и материальных ресурсов, которые в ином случае могли бы быть использованы в военных целях. Существенно затормозились поставки снаряжения на Юг и проникновение туда бойцов. Но нам пришлось заплатить за это тяжелую цену. Немало американских летчиков погибло, а взятые в плен оказались в ханойских тюрьмах. Увеличилось число потерь и среди мирного населения. Более того, продолжение войны маленькой страны со сверхдержавой давало Северному Вьетнаму возможность вести активную пропагандистскую кампанию. И ко всему прочему бомбардировки не достигли своих основных целей: в период интенсивного действия программы «Катящийся гром» проникновение на территорию Южного Вьетнама новых бойцов увеличилось, по оценкам американской разведки, с 35 тысяч человек в 1965 году до 90 тысяч в 1967 году, а воля Ханоя к победе так и осталась непоколебленной².

Я не верил в действенность стратегических бомбардировок, если только речь не шла об уничтожении производственных предприятий и ведущих к ним линий коммуникаций и нельзя было использовать адекватные средства. Но многие заводы и фабрики, выпускающие продукцию, предназначавшуюся для Северного Вьетнама, находились в Советском Союзе и Китае. Соединенные Штаты, естественно, не могли их бомбить, и все, что в данном случае им оставалось, это прибегнуть к мерам политического, а не военного, воздействия. Я также полагал, что бомбардировки способны приостановить передвижение людей и поставки продовольствия, но лишь в особых случаях. Вряд ли они могли быть эффективными в Северном Вьетнаме и Лаосе из-за характера местности, небольшого объема требовавшихся поставок и способности наших противников находить альтернативные коммуникационные пути и способы распределения, особенно в Северном Вьетнаме с его весьма многочисленным населением. Все это привело меня к выводу, что никакие бомбардировки Севера, граничившие с геноцидом, который никто из нас и не думал поддерживать, не смогут прекратить войну.

КНШ, придерживаясь иного мнения, настаивал на более интенсивной программе бомбардировок весной 1966 года. Он предлагал совершить налет на бензохранилища близ Ханоя и Хайфона, утверждая, что тем самым мы нанесем смертельный удар Северному Вьетнаму.

¹ См.: *Herring G.C. America's Longest War...* P. 146.

² См.: *Ibid.* P. 149.

Президент и я все не решались никак нападать на эти объекты по целому ряду причин. В частности, мы опасались, что одна из бомб может быть сброшена случайно на какое-нибудь советское судно, оказавшееся в тех самых местах, и тогда нам не избежать конфронтации двух ядерных сверхдержав¹.

Наконец, на исходе июня 1966 года, мы дали разрешение подвергнуть бомбовым ударам указанные выше объекты. Бензохранилища были разрушены, но их потеря поставила Северный Вьетнам в сложное положение лишь на короткое время. Страна быстро приспособилась к создавшейся ситуации. Топливо стали держать в подземных хранилищах и тайных пятидесятипятигаллонных резервуарах, которых в Северном Вьетнаме было немало. Северовьетнамцы пополняли свои запасы горючего, получая его с китайских нефтеналивных судов и советских танкеров, стоявших на приколе рядом с большими баржами, предназначенными для доставки нефти в переправочные пункты в многочисленных эстуариях в дельте Красной реки.

Однако все наши попытки существенно ослабить волю Ханоя и резко сократить его возможности по-прежнему принимать активное участие в войне на Юге так и не привели ни к чему. Я, естественно, стал думать об иных решениях проблемы. Летом 1966 года мною было предложено группе ведущих ученых, работавших по контракту в одном из отделов Института оборонного анализа при Пентагоне, приступить к изучению вопроса об эффективности наших бомбардировок. В состав этой группы входили такие, например, заметные фигуры, как бывший советник президента Эйзенхауэра по вопросам национальной политики в области науки и техники Джордж Кистяковски и президент Массачусеттского технологического института Джером Визнер. Ученые пришли к выводу о низкой эффективности бомбовых ударов и рекомендовали в качестве альтернативы возвести «барьер», который помешал бы дальнейшему проникновению с Севера вьетнамцев, желавших

---

¹ Обоснованность наших опасений по поводу возможной конфронтации с Советским Союзом была подтверждена следующим летом, когда меня в воскресенье утром вызвали в Пентагон. Москва заявила протест в связи с тем, что американские самолеты нанесли удар по одному из ее торговых судов. Оно стояло в гавани Камфы, к северо-востоку от Хайфона. Адмирал Оли Шарп провел расследование, в ходе которого выяснилось, что обвинение безосновательно. Мне доложили об этом, и я распорядился, чтобы мой отдел общественных связей выступил с категорическим опровержением. Несколько недель спустя командующий ВВС США на Тихом океане генерал Джон Д. Райан во время поездки в Таиланд обнаружил, что четыре американских самолета при нападении на противовоздушные батареи действительно заделали советский корабль. Когда самолеты вернулись на свою базу в Таиланде, двое из четырех летчиков доложили об этом командиру эскадрильи, полковнику, который приказал уничтожить заснятые кадры обстрела и изменить содержание рапорта. Впоследствии этот полковник попал под трибунал и был оштрафован. Насколько мне известно, это лишь один случай за семь лет моего пребывания на посту министра обороны, когда дезинформация со стороны офицера повлияла на мое восприятие и объяснение событий.

с оружием в руках сразиться и с нами, и с сайгонским режимом. Впервые аналогичная мысль пришла мне в голову весной 1966 года. Подобный «барьер», как считали мы, должен был представлять собой минные поля и целую систему датчиков вдоль всей демилитаризованной зоны и узкой приграничной полосы, за которой начиналась уже лаосская территория (относительно датчиков поясню: они предназначались для своевременного оповещения нас о приближении противника, с тем чтобы мы могли сразу же поднять в воздух свою штурмовую авиацию и воспрепятствовать незаконному переходу «нежелательных элементов» через границу между Севером и Югом). Создание такого заслона требовало огромных материальных затрат, но из-за крайне низкой эффективности наших бомбардировок я все же дал на это согласие, поручив генерал-лейтенанту Алфреду Д. Старберду заняться данным проектом. КНШ отнесся к этой идее довольно прохладно, но не стал ей активно противодействовать. «Барьер», по нашим замыслам, должен был привести к значительным жертвам среди вражеских групп, которые попытались бы проникнуть в Южный Вьетнам. И, как оказалось впоследствии, мы не ошиблись в расчетах¹.

Между тем КНШ, не противясь особенно нашим планам, продолжал в течение всей осени 1966-го и в 1967 году настаивать на усилении бомбардировок Севера. Различие наших подходов отчетливо выявилось во время открытых слушаний в Сенате. Когда «Бас» Уилер и я выступили в январе с докладом перед сенатским Комитетом по вооруженным силам, произошел следующий обмен репликами:

Министр Макнамара. Я не верю, что бомбардировки существенно сократили потоки людей и снаряжения, направляемые на Юг, и, думаю, вряд ли они сократят их и в будущем.

Сенатор Кэннон. А военные советники согласны с вами в этом вопросе?

Министр Макнамара. Я полагаю, вам на это может ответить генерал Уилер.

Генерал Уилер. Как я уже говорил, по-моему, бомбардировки Севера уменьшили эти потоки. В отличие от некоторых я не склонен недооценивать их воздействие².

---

¹ Все, что я говорю здесь о «противофильтрационном барьере», или «линии Макнамары», как его еще называли, основывается скорее на личных воспоминаниях, чем на записях того времени, в основном потому, что результаты исследования, проведенного в августе 1966 года упомянутой выше группой ученых, до сих пор не рассекречены.

² Hearing before the Senate Armed Services and Appropriations committees on Supplemental Defense Appropriations and Authorizations for Fiscal Year 1967. 1967. January 23. P. 70 [Слушания в сенатских Комитете по вооруженным силам и Комитете по ассигнованиям по дополнительным ассигнованиям на оборону и их утверждению на 1967 финансовый год. 1967. 23 января. С. 70].

В приведенных здесь заявлениях угадывались углубляющееся расхождение между военным руководством и мной и, как следствие, неизбежный раскол наших рядов на группировки.

Пока мы обсуждали в течение долгих месяцев вопросы, связанные с наземной стратегией, миротворческими программами и бомбардировками, попытки стимулировать переговорный процесс продолжались, но они носили спорадический характер, были неумелыми и неэффективными.

Критики утверждали, что администрация Джонсона никогда не бралась по-настоящему за решение столь деликатной задачи, как инициация мирных переговоров в то самое время, когда США вели на территории Южного Вьетнама пусть и ограниченную, но все же войну. Три попытки, предпринятые в тот период в дипломатической сфере, демонстрируют нам, заслуженно ли данное обвинение. Речь в данном случае идет о миссии Роннинга весной 1966 года и двух проектах под кодовыми названиями «Ноготки», во второй половине того же года, и «Подсолнух», в начале 1967 года. Эти три шага навстречу противнику в надежде вступить с ним в контакт могут служить иллюстрацией нашего общего подхода к достижению соглашения во Вьетнаме в 1966 и 1967 годах. И они же объясняют, в чем причина наших неудач.

После прерванной рождественской паузы в бомбардировках президент начал все сильнее сомневаться в любых новых инициативах. По мнению наших критиков, пауза лишь увеличила потери американцев, а также усилила давление на нас сторонников интенсивных бомбардировок. Однако, к неудовольствию Джонсона, через два месяца он столкнулся с очередной инициативой все того же рода. На сей раз она была предпринята не мной, а канадским премьер-министром Лестером Пирсоном. В марте отставной канадский дипломат Честер А. Роннинг, долгие годы связанный со странами Дальнего Востока, вернулся из поездки в Ханой и привез оттуда послание северовьетнамского премьера Фам Ван Донга. В нем говорилось, что если американцы прекратят бомбардировки «ради общего блага и без всяких условий, то мы готовы к разговору»¹.

Канадцы восприняли послание Фама как искреннее стремление к миру. Оно показалось им продвижением в сравнении с прежней позицией Ханоя, настаивавшего на принятии США их «Четырех пунктов» еще до начала переговоров. Многие в Вашингтоне не согласились с этим. Их настораживала открытая критика Пирсоном и Роннингом вашингтонской политики по отношению к Вьетнаму, и, кроме того, они

---

¹ The Secret Diplomacy of the Vietnam War: The Negotiating Volumes of the Pentagon Papers / Ed. G.C. Herring. Austin: University of Texas Press, 1983. P. 160.

уловили в словах Фама намеренную двусмысленность, проявившуюся, например, в использовании понятия «разговоры» вместо «переговоры», что, очевидно, подразумевало лишь предварительные контакты, а не содержательные дискуссии. Не имея точной информации, президент колебался, не зная, стоит ли еще раз приостанавливать бомбардировки без ответных поступок со стороны Ханоя. Кончилось тем, что администрация Джонсона отказалась санкционировать еще одну паузу. Теперь, много лет спустя, стало ясно, что мы совершили ошибку, не позволив Роннингу глубже разобраться в смысле высказываний Фама.

Несколькими месяцами позже, в июне 1966 года, польский представитель в Международной контрольной комиссии (МКК) Януш Левандовски вернулся в Сайгон после пребывания в Ханое, откуда он привез, по его словам, «весьма специфическое мирное предложение». Он сообщил, что северовьетнамцы готовы к «политическому компромиссу» ради окончания войны и согласны пройти «долгий путь» для достижения этой цели. Левандовски передал свою информацию дуайену дипломатического корпуса в Сайгоне итальянскому послу Джованни Д'Орланди. Д'Орланди, в свою очередь, поделился ею с нашим послом Генри Кэботом Лоджем, а Лодж доложил о ней в Вашингтон. Акция с использованием этого канала связи и получила название «Ноготки»¹. Секретные переговоры между Лоджем и Левандовски проходили в течение лета. Долговязый Лодж, чтобы его не заметили, нередко пригибался на заднем сиденье частного автомобиля по дороге к итальянскому посольству или к дому Д'Орланди.

В сентябре президент уполномочил Артура Голдберга выступить с речью на Генеральной Ассамблее ООН. Голдберг заявил в ней, что Соединенные Штаты прекратят «все бомбардировки Северного Вьетнама, как только получат, в частном ли порядке или как-то еще, заверение в том, что в ответ на подобный шаг последует адекватная ему деэскалация военных действий противника»².

После рождественской паузы мы настаивали на том, чтобы Ханой одновременно с прекращением нами бомбардировок сокращал наземные операции. Но, очевидно, северовьетнамцы рассматривали наше требование как попытку силового давления и принуждения к деэскалации под угрозой продления бомбардировок и отказывались сделать хоть шаг навстречу нам в подобных условиях. Желая все же перекинуть мост над пропастью, мы сказали: «Дайте нам частные гарантии, что вы готовы не только к “разговору”, а к гораздо большему, и мы немедленно прекратим бомбардировки. Но в ответ на это ждем от вас

¹ Учрежденная в 1954 году, эта организация, обязанная следить за выполнением Женевских соглашений, состояла из представителей Канады, Индии и Польши.

² См.: Embtel 5840 (Saigon). Lodge to Rusk. 1966. June 29 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 5840. Лодж — Раску. 1966. 29 июня]; The Secret Diplomacy... P. 231–239.

³ См.: Goldberg's September 22 address // New York Times. 1966. September 23.

снижения активности на Юге и сокращения численности проникающих туда бойцов». Принятие нашего предложения позволило бы Ханой «не потерять лицо» даже в том случае, если бы он пошел на определенные уступки нам. Данный план налаживания наших отношений с Северным Вьетнамом стал известен как формула «Этап А — этап Б».

Основываясь на этой формуле, Левандовски заявил в ноябре, что получил согласие Северного Вьетнама на встречу с представителями Соединенных Штатов в Варшаве начиная с 5 декабря 1966 года. 2 и 4 декабря американская авиация нанесла удары по объектам вокруг Ханоя. Эти вылеты были первоначально запланированы на 10 ноября, но отложены из-за плохой погоды. Поляки сердито отреагировали на неудачный выбор момента для встречи, но тем не менее согласились руководствоваться в своих действиях заранее разработанным планом. Посол США в Польше Джон Гронуски 6 декабря встретился с польским министром иностранных дел Адамом Рапацки. Северовьетнамцы на этой встрече не присутствовали. Однако поляки продолжали попытки свести обе стороны. Гронуски и Рапацки снова встретились 13 декабря. В тот день, как, впрочем, и на следующий, Соединенные Штаты опять бомбили объекты вокруг Ханоя, на сей раз с вдвое большей интенсивностью, чем в начале декабря.

Как такое могло случиться? Высшие чиновники США подозревали, что Ханой неправильно расценил второй раунд бомбардировок, пришедшийся на канун переговоров. За несколько дней до этой акции Лодж, Гронуски, заместитель госсекретаря Николас Каценбах, Томми Томпсон и я пытались убедить президента отложить бомбардировки. Но Джонсон, все еще находясь под впечатлением итогов рождественской паузы в бомбардировках, был убежден, что очередное промедление воспримут как явную слабость. И он пренебрег нашим советом.

Реакция на наши действия последовала быстро. 15 декабря Рапацки сообщил Гронуски, что американские бомбовые удары сорвали переговоры. Сотрудник советского посольства в Вашингтоне впоследствии говорил Джону Макнотону, что, по мнению Москвы, тогда существовала благоприятная атмосфера для переговоров, но эти налеты «испортили все дело». И он же добавил затем, что в Ханое есть силы, заинтересованные в компромиссе, но они не могут «проявлять активность в обстановке, когда бомбы... падают на Ханой»¹.

Верно ли, что декабрьские бомбардировки низвели на нет все серьезные попытки достичь мира во Вьетнаме? Один из американских чиновников, следивший за их развитием, Чет Купер, полагал, что северовьетнамцы, «не беря на себя никаких обязательств, в лучшем случае... дали Левандовски “лицензию на охоту”». Позднее Ник Каценбах

¹ Memorandum of Conversation between McNaughton and Minister Zinchuk. 1967. January 3 [Запись беседы Макнотона и министра Зинчика. 1967. 3 января] // Memos to President — Walt Rostow: NSF. LBJL.

назвал план «Ноготки» «надувательством». Так или иначе, в этом есть доля истины.

Через несколько недель третья попытка инициировать мирные переговоры, известная, как уже говорилось, под кодовым названием «Подсолнух», привела к еще большему фиаско, из-за которого отношения между США и Великобританией на время обострились. Эта инициатива включала в себя три отдельных направления, представленные соответственно прямым обращением в посольство Северного Вьетнама в Москве, личным письмом президента Джонсона Хо Ши Мину и участием в нашей миротворческой акции британского премьер-министра Гарольда Вильсона, действовавшего в данном случае совместно с советским премьер-министром Алексеем Косыгиным.

Контакты начали устанавливаться в первых числах января 1967 года, когда русские проинформировали наше посольство в Москве, что если мы попросим о встрече с министром иностранных дел ДРВ, то предварительные беседы с кем-либо из официальных лиц, представляющих эту страну, возможно, дадут какие-то результаты и приведут в конечном итоге к серьезным переговорам. Американский представитель Джон Гатри встретился в Москве со своим ханойским коллегой Ле Чангом 10 января. Гатри сообщил, что Чанг явно нервничал, слушал молча и ничего ему не сказал. Однако он пригласил Гатри на следующую встречу. По этому случаю Гатри набросал сценарий возможного окончания войны: прекращение огня, затем вывод наших войск, выборы, политическое участие в мирном процессе Национального фронта освобождения и, в заключение, объединение Северного и Южного Вьетнама. Чанг снова молча выслушал его. Неделью спустя, 27 января, он опять пригласил Гатри встретиться с ним. На сей раз Чанг обрушился на него с гневной и оскорбительной тирадой.

Шестого февраля премьер-министр Вильсон принял в Лондоне Алексея Косыгина, прибывшего с официальным визитом. Короткая пауза в бомбардировках совпала с только что начавшимся празднованием Нового года во Вьетнаме — Тета. Вильсон и Косыгин обсудили недавнее заявление северовьетнамского министра иностранных дел Нгуен Зуй Чиня. В этом документе говорилось в категорической форме, что переговоры «могут начаться» только в том случае, если бомбардировки будут прекращены без всяких предварительных условий. Поскольку Косыгин не смог или не захотел гарантировать начало переговоров после прекращения бомбардировок, Вильсон предложил принять за основу мирного урегулирования формулу «Этап А — Этап Б». Но свидетельства увеличившегося проникновения северовьетнамцев на Юг привели к тому, что президент Джонсон ужесточил свою позицию в отношении обоюдной деэскалации военных действий, о чем и сообщил в письме Хо Ши Мину от 8 февраля. Соединенные Штаты попросили Вильсона заменить формулу «Этап А — Этап Б» новой, более жест-

кой программой: Вашингтон прекратит бомбардировки, если Ханой остановит проникновение своих граждан на Юг. Вильсон отреагировал довольно раздраженно, но передал это предложение Косыгину.

Затем Соединенные Штаты одобрили, хотя и неохотно, последнее предложение Вильсона продлить еще на несколько часов паузу в бомбардировках по случаю празднования Тета, чтобы Косыгин смог изложить Ханую суть новой формулы. Наш посол в Лондоне, прекрасный дипломат и мой старый друг Дэвид Брюс (впоследствии я нес надгробное покрывало на его похоронах), запросил у Джонсона на это двое суток. Президент согласился предоставить всего шесть часов. Косыгин обещал сделать все что сможет, но был вне себя от ярости. Брюс, позвонив Дину Раску, сказал, что создалась нелепая, тупиковая ситуация: Косыгин вряд ли успеет связаться с Ханоем за столь короткий срок и передать нам его ответ. Он умолял Дина встретиться с президентом и предоставить посредникам еще несколько дней.

Дин отказался и, по-моему, был прав. Я находился в зале заседаний правительства и поддержал президента, когда он раздраженно заметил, что уже дважды продлевал перерыв в бомбардировках и не желает еще одной затяжки. Его решение основывалось на свидетельствах усиления проникновения северовьетнамцев на Юг во время каждой паузы (в связи с этим замечу, что нам только что стало известно тогда о переходе многочисленных войск из Северного Вьетнама на южно-вьетнамскую территорию). Кроме того, он учитывал и постоянные протесты со стороны КНШ, который пытался убедить его в том, что эти пресловутые перерывы всякий раз оборачиваются для нас лишь новыми потерями в живой силе. Бомбардировки возобновились еще до того, как у Вильсона появилась возможность получить ответ от русских.

Через два года Вильсон сказал в своем выступлении по телевидению: «Я считаю, что мы были очень близки к началу переговоров... И тогда все вдруг пошло прахом». Продление паузы еще на сорок восемь часов могло бы привести нас к этой цели, пояснил он. Примерно в то же самое время Ллуэллин Томпсон, вновь назначенный послом в СССР, сообщил, что советский посол в Вашингтоне Анатолий Добрынин признался в беседе с ним: «Заявления Косыгина в Лондоне... были взяты “не с потолка”». Иными словами, у русских имелись основания полагать, что северовьетнамцы готовы были сделать шаг к переговорам¹.

Были ли правы Вильсон и Косыгин? И опять мы можем никогда не узнать об этом. Но я уверен в одном: как ни прискорбно признать это,

¹ Выступление Вильсона цит. в: Washington Post. 1969. July 26; см. также: Embtel 5015 (Moscow). Thompson to Rusk. 1967. May 19 [Телеграмма из посольства в Москве № 5015. Томпсон — Раску. 1967. 19 мая] // NSF. LBJL.

нам не удалось скоординировать наши военные и дипломатические усилия в поисках путей, ведущих к окончанию войны.

С начала 1966 года и до середины 1967 года общественная поддержка вьетнамской политики правительства оставалась на удивление мощной, несмотря на увеличившиеся потери США и рост критических высказываний о войне в средствах массовой информации. Согласно опросам общественного мнения, проведенным после рождественской паузы в бомбардировках, две трети американцев придерживались того мнения, что «мы прошли лишь полпути». Например, 28 февраля 1966 года Льюис Харрис сообщил: «Сегодня в стране наблюдается определенный “консенсус” по одному из аспектов вьетнамской войны. Американцы стремятся с честью завершить ее, и они же, но уже в соотношении два к одному, полагают, что мы должны оставаться там, пока не убедимся в нормализации обстановки». В то же время он отметил также, что «все больше и больше американцев оказываются на разных исходных позициях: одни считают, что нам следует активизировать, насколько только это возможно, военные действия, с тем чтобы поскорее закончить войну, тогда как другие предпочитают дальнейшей эскалации войны переговоры». Сделанный им вывод сводился к следующему: «Если в общественном мнении в стране и происходят изменения, то лишь в одном направлении — от сугубо военного решения проблемы к тому, что можно рассматривать как безнадежный тупик»¹. Сторонники сенатора Ричарда Рассела с его неизменным принципом «победить или уйти», похоже, начали завоевывать популярность.

Давление слева — со стороны требовавших от нас резкого сокращения военных действий или вывода войск — достигло кульминации в начале 1968 года. В стране сформировалась серьезная оппозиция администрации, и это в значительной мере повлияло на решение президента Джонсона не участвовать в новых выборах. Однако в 1966 и почти до конца 1967 года критика противников войны нас не слишком беспокоила. Президента, Дина и меня куда сильнее тревожило давление справа. «Ястребы» обвиняли нас в том, что мы заставляем армию сражаться, связав ей одну руку за спиной, и требовали от нас использования всей военной мощи Америки.

Однако мы считали, что в ядерном мире неограниченная война во Вьетнаме будет сопряжена с риском, неприемлемым для нашей страны да и для всего человечества. Поэтому, говоря словами Дина, мы «хладнокровно пытались делать то, что, вероятно, можно делать лишь в крайнем возбуждении». Леди Берд уловила суть этой проблемы, записав в своем дневнике: «Буквально надо всем нависали миазмы

¹ Washington Post. 1969. February 28.

осложнений. Темперамент нашего народа таков, что мы должны постоянно испытывать воодушевление, бросаться в бой, бороться и побеждать или выбираться из поставленных нами же ловушек. Так что вести ограниченную войну нам невероятно трудно»¹.

Тем не менее протесты слева — громкие и к тому же яростные порой — усилились, особенно со стороны преподавателей высших учебных заведений и студентов. Я стал излюбленной мишенью противников войны, называвших меня «символом американской военной машины». В июне 1966 года преподаватели и студенты Колледжа имени Амхерста и Нью-Йоркского университета провели недельную забастовку в связи с присвоением мне ученого звания. Незадолго до этого пикетчики попытались устроить мне настоящую обструкцию, когда я обратился с небольшой речью к соученикам моей младшей дочери Кэти в Колледже имени Чатема, которым, как и ей, предстояло в ближайшее время сдать выпускные экзамены.

Я с уважением относился к праву этих студентов на протест в любых его формах. «Сегодня студенты нередко выступают с протестами, и на то имеются серьезные причины, — сказал я тогда в этом колледже и тут же добавил: — Но как бы ни играли действия отдельных экстремистски настроенных людей на руку нашим противникам, всем нам надо ясно сознавать, в чем заключаются наши принципы и какова истинная шкала наших приоритетов. Свобода выражать протест является одним из основополагающих принципов нашей демократии». Я сказал также, но уже по другому случаю: «Не думаю, что у нас могла бы быть демократия без свободы протестовать». Так я считал тогда, так считаю и теперь².

Во время посещения студенческих городков наибольшее беспокойство у меня вызывал тот факт, что оппозиция политике правительства во Вьетнаме усиливалась в прямой зависимости от престижа высшего учебного заведения и уровня образования студентов. В Колледже имени Амхерста студенты, протестовавшие против моего присутствия там, имели на руках повязки. Подсчитав, сколько их было, я определил процент протестующих в каждой из следующих трех групп: выпускники, учащиеся предпоследнего года, второкурсники, — а также в общей численности студентов. И просто оцепенел, обнаружив, что процент увеличивался по мере возрастания уровня академической подготовки. Самые крупные и мощные студенческие демонстрации прошли в лучших американских вузах, таких как расположенный в Беркли Калифорнийский университет и аналогичное учебное заведение в Стенфорде.

¹ См.: *Charlton M., Moncrieff A. Many Reasons Why: The American Involvement in Vietnam*. N. Y.: Hill & Wang, 1978. P. 115; Дневниковая запись леди Берд Джонсон от 5 января 1967 г. в: *Johnson B. A White House Diary*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1970. P. 469.

² См.: *Commencement Address at Chatham College. 1966. May 22* [Выступление в Колледже Чатема. 1966. 22 мая] // *PSRSM. 1966. Vol. 7. P. 2333*.

Одна из первых и самых безобразных демонстраций произошла в Гарвардском университете осенью 1966 года. Дело же было так. Профессор Ричард Нейпштадт из Школы Кеннеди в Гарварде пригласил меня выступить перед группой студентов. И как раз в то же самое время Генри Киссинджер, который вел тогда у студентов выпускного курса Гарварда семинар по международным отношениям, попросил меня встретиться с его группой. Я принял оба приглашения, решив заодно побывать и в своей alma mater — Гарвардской школе бизнеса.

Я отправился в Кембридж 7 ноября без всякой охраны, как обычно поступал в поездках по США все семь лет пребывания на посту министра обороны¹.

Мой шофер, возивший еще Франклина Рузвельта, когда тот был одним из помощников министра ВМС при президенте Вильсоне, иногда брал с собой пистолет. А на заднем сиденье машины лежал газовый баллончик в форме шариковой ручки. Упоминая об этом, я невольно вспомнил один случай, не очень-то приятный. Однажды после встречи с семьей Кеннеди, когда мы обсуждали, каким должен быть надгробный памятник президенту, я предложил Юнисе Шрайвер, сестре президента Кеннеди, подвести ее к отелю «Уордмен-Парк». Когда Юниса и я проезжали по Коннектикут-авеню, я решил показать ей, как работает газовый баллончик. Немного опустив стекло, я поднес к нему баллончик и нажал. Поскольку мы мчались на полной скорости, образовался вакуум, и машину заволокли газовые пары. Юниса, собиравшаяся произнести речь в «Уордмен-Парке», начала кашлять и стелать. Но мне удалось все же привести ее в чувство еще до того, как мы прибыли на место.

Мой визит в Гарвардскую школу бизнеса проходил, как и было намечено. Встретившись в Квинси-хаусе, по ту сторону реки Чарлз, со студентами последнего курса, я оживленно спорил с ними по самому широкому кругу проблем. Дискуссия доставила мне подлинную радость.

Однако стоило мне только расстаться с моими юными собеседниками, чтобы отправиться к Генри в Лэнгделл-Холл, расположенный в нескольких кварталах от Школы бизнеса, как все изменилось. Однако, прежде чем приступить к описанию дальнейших событий, кое-что поясню. Квинси-хаус находится на Милл-стрит — узкой мощеной дороге, на которой двум машинам ни за что не разъехаться. Университет выделил для меня фургон и полицейского из студенческого городка, чтобы он отвез меня в Лэнгделл-Холл. Едва я сел в автомобиль, его тут же окружила толпа студентов.

Они словно с цепи сорвались. Обступив машину плотным кольцом, принялись в неистовстве раскачивать ее. Полицейский, опасаясь и за

---

¹ За последние тридцать лет мир изменился до неузнаваемости. Например, играя в Вашингтоне в теннис, я довольно часто вижу на соседних кортах высших военных чинов или их жен, которых даже во время отдыха охраняют сотрудники различных спецслужб.

себя, и за меня, включил передачу и поехал прямо на стоявших впереди студентов.

— Остановитесь! — крикнул я. — Вы задавите кого-нибудь!

Он дал задний ход. Студенты, мгновенно отреагировав, образовали такой же «живой» заслон уже сзади машины, отрезав нам и этот путь к отступлению.

— Я выйду к ним, — сказал я.

— Этого делать нельзя, — предостерег меня полицейский. — Они вас затопчут.

Толпа все росла. Собралось в общей сложности несколько сот разъяренных молодых людей. Каждый, кто лишь раз сталкивался с неуправляемой толпой, знает, как она страшна.

Я распахнул дверцу, вышел из машины и громко произнес:

— О'кей, ребята! Я отвечу на один или пару ваших вопросов. Но запомните две вещи: во-первых, в такой толчее, как сейчас, можно задавить человека, а мне не хотелось бы этого, и, во-вторых, в моем распоряжении всего пять минут, поскольку у меня назначена встреча.

Я спросил, кто устроил этот демарш, и молодой человек, которого звали Майклом Ансарой, извлек откуда-то микрофон. Он был президентом гарвардской организации «Студенты за демократическое общество», представлявшей собой радикальную группу протеста. Я предложил ему взобраться вместе со мной на капот машины, чтобы мы могли видеть собравшихся и слышать, о чем они нас спросят.

— Прежде чем вы начнете задавать вопросы, — проговорил я, — мне хотелось бы сказать, что я провел четыре счастливейших года жизни в стенах Калифорнийского университета, в Беркли, в студенческом городке, и делал кое-что из того, что вы делаете сейчас.

Мои слова были встречены свистом, шумом и беспорядочной толкотней. Я подумал, что сумею избежать насилия, если дам ясно понять, что их угрозы на меня не действуют. И добавил:

— Тогда я был сильнее и более упорным, чем вы сейчас. И к тому же был смелее, и в этом, надеюсь, я и сегодня не уступлю никому из вас.

После нескольких заданных мне вопросов стало ясно, что опасность только возросла. Я высказал напоследок еще ряд замечаний, соскочил с машины и устремился к дверям Квинси-хауса, которые мне тут же открыл полицейский. Я оказался в подземном переходе, растянувшемся на несколько кварталов и соединявшем несколько университетских зданий. Меня сопровождал Барни Фрэнк, студент последнего курса Гарварда, впоследствии ставший депутатом Палаты представителей от четвертого округа Массачусетса. Фрэнк и я пробежали сквозь подземный лабиринт, оставив преследователей далеко позади, и наконец очутились в Гарвард-ярде. Я встретился со студентами из семинара Киссинджера и, заметно нервничая, прочел им лекцию. А затем полчаса успокаивался, бродя по отличному книжному магазину на Гарвард-сквере.

После этого я вместе с Диком Нейшгадтом и другими гарвардскими знакомыми отправился обедать. Разговор был достаточно откровенным, но дружеским. Думаю, что я впервые выразил свои истинные чувства, заметив: ученые, несомненно, захотят понять, почему война идет совсем не так, как мы надеялись. По-моему, сказал я, нам надо поощрять исследования в этой области во избежание ошибок в будущем. Кстати, именно эта мысль в конечном итоге побудила меня заняться сбором документов о вьетнамской войне, так называемыми «Документами Пентагона».

Вскоре после возвращения в Вашингтон я получил письмо от декана Гарвардского колледжа Джона У. Манро по поводу инцидента, произошедшего во время моего пребывания там. Он писал:

Надеюсь, что вы примете мои глубокие извинения в связи с грубыми и противоправными нападками на вас со стороны части студентов Гарвардского колледжа. Мы высоко оценили вашу готовность побеседовать со студентами последнего курса, и нас очень встревожили следовавшие уличные беспорядки. Подобные грубость и столкновения недопустимы в университетской среде, и мы просто ошеломлены тем, что это случилось здесь, в Гарварде.

Я поблагодарил декана Манро за его послание в письме, отправленном на следующий день, и добавил:

Вам не за что извиняться. Я провел четыре насыщенных и активных года в Беркли и понимаю, почему студентов так интересуют животрепещущие проблемы нашего времени. Понимаю также, почему они стремятся выразить этот интерес в форме, привлекающей внимание общества. У каждого из нас эмоции порой подавляют рассудок, но такое поведение не должно служить основанием для подавления протеста — того протеста, который является нашей прерогативой и залогом сохранения нашей свободы¹.

Противники войны по-прежнему обрушивались на меня с обвинениями. Иногда такое случалось и с людьми, чьей дружбой я очень дорожил. Приведу хотя бы такой вот пример. Мы с Марджи по-прежнему поддерживали близкие отношения и с Джеки, и с Бобби Кеннеди. Мы часто разговаривали с ними по телефону и бывали у них в гостях. Бобби стал одним из моих лучших друзей. Когда я познакомился с ним, он казался грубоватым, жестким и считал, что в политике цель оправдывает средства. Но за восемь лет наших постоянных контактов он сделался на тридцать лет мудрее и осознал роль истинных ценностей в этом мире.

Некоторые люди и в администрации, и вне ее удивлялись, что я сохранил близость с семьей Кеннеди, зная о настороженном отноше-

¹ Folder «М» Personal Correspondence Files [Фолдер «М» Архивы личной переписки]

нии президента Джонсона ко всем ее членам. Да и напряженность во взаимоотношениях между Джонсоном и Бобби Кеннеди ни для кого не была секретом. Но, подобно Генри Форду II, не обращавшему внимания на то, живу ли я в Анн-Арборе или где-то еще и собираюсь или нет оказывать финансовую поддержку республиканцам, — ему было важно лишь то, что я обеспечиваю компании прибыль, — Линдон Джонсон спокойно воспринимал мою дружбу с родственниками Кеннеди. Он знал, что я лоялен и к нему лично, и к институту президентства как таковому. Его позиция не изменилась, даже когда он и я окончательно и бесповоротно разошлись во мнениях относительно Вьетнама.

Хотя, Джеки, конечно, не представляла для президента такой опасности в политическом отношении, как Бобби, она тем не менее судила о происходящем не менее глубоко, чем ее деверь. Однажды, в период моих нарастающих сомнений в мудрости нашего курса, Джеки — дорогой мой друг, которым я всегда восхищался, — пришла в настоящую ярость и, расплакавшись, обрушилась на меня с гневными упреками. Я был поражен всплеском ее эмоций и запомнил этот инцидент со всеми подробностями.

Марджи была в отъезде, и я отправился в Нью-Йорк пообедать с Джеки. После обеда мы устроились на софе в маленькой библиотеке ее манхэттенской квартиры и принялись обсуждать творчество чилийской поэтессы, лауреата Нобелевской премии Габриэлы Мистраль. Нам особенно нравилось ее стихотворение «Молитва». В этом обращении к Богу Мистраль умоляет его простить человека, которого она любила, хотя тот и покончил жизнь самоубийством:

Ты говоришь, он был жесток.

Но Ты забыл, что я всегда его любила...

Любить, — и Ты хорошо это знаешь, — тяжелый труд.

Джеки была обаятельной женщиной. А также исключительно чуткой и легковозбудимой. Не знаю, что так сильно подействовало на нее, сами ли стихи или какая-то моя реплика, но внезапно она очень расстроилась и начала сурово осуждать войну. От волнения она с трудом могла говорить. И неожиданно взорвалась. Буквально набросившись на меня с кулаками, она стала требовать, чтобы я сделал что-нибудь и «остановил эту бойню!».

Мои столкновения с противниками войны участились и сделались более шумными и ожесточенными. Один из самых волнующих инцидентов произошел в августе 1966 года. Я с семьей ждал самолет в аэропорту Сиэтла после восхождения на гору Рейнир с Джимом — первым американцем, покорившим Эверест, — и Лу Уиттекерами. Внезапно к нам подошел какой-то человек, крикнул: «Убийца!» — и плюнул мне в лицо. А после, во время рождественских каникул, когда я завтракал с

Марджи в ресторане на вершине горы Аспен, к нашему столу подошла женщина и громко на весь зал сказала:

— Вы сжигаете заживо детей! У вас руки в крови!

Конечно, меня огорчали подобные происшествия. Но еще болезненней они отражались на состоянии моих близких. У Марджи открылась язва, и следующим летом ее оперировали. У моего сына Крэйга, который тогда был подростком, впоследствии тоже обнаружилась язва.

Впрочем, иногда это напряжение и стрессы сменялись затишьем, пусть и недолгим. В ноябре 1966 года в США приехал один из наиболее популярных советских поэтов — Евгений Евтушенко. Семья Кеннеди всегда любила широкие жесты, и Бобби пригласил его к себе домой, в Хикори-Хилл, на большой званый обед. Мы с Евтушенко несколько часов проговорили о поэзии, «холодной войне», Вьетнаме и сотне других вещей. Где-то в половине третьего дня я заметил, что он пьян, и спросил, где он остановился, предложив его подвезти. Евтушенко охотно согласился, и мой шофер довез его, Марджи и меня до отеля «Статлер». Выйдя из машины, он повернулся ко мне и произнес:

— О вас говорят, что вы зверь. Но я думаю, что вы человек.

Вскоре после этого, когда однажды вечером у нас был в гостях Сэм Браун, со мной произошел другой забавный случай. Друг моих детей, Сэм организовал и возглавил движение протеста против политики администрации во Вьетнаме. После очередного марша противников войны Сэм и пришел к нам на обед. Мы долго разговаривали с ним в библиотеке. Когда Сэм уже собирался уходить, то сказал на прощание:

— Я считаю, что человек, любящий горы, — а я знаю, как вы их любите, — не может быть уж совсем пропащим¹.

Осенью 1966 года и в обществе, и в Конгрессе усиливалось тревожное чувство. Либералы и умеренные настаивали на переговорах еще энергичней, чем прежде, тогда как консерваторы требовали активизации военных действий. В средствах массовой информации все чаще высказывались скептические оценки хода продолжающейся войны. 9 октября Нейл Шихан опубликовал в «Нью-Йорк таймс мэгэзин» статью, озаглавленную «Не голубь, но уже и не ястреб», в которой говорилось, что в начале вьетнамской войны, в 1962–1964 годах, он, корреспондент ЮПИ, не сомневался в основных целях Америки. Но когда в 1965–1966 годах он побывал в тех же местах в качестве корреспон-

¹ Почти через тридцать лет, когда президент Клинтон назначил Сэма Брауна главой делегации на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), это вызвало недовольство среди консерваторов в Сенате, помнивших о его антивоенных выступлениях. Сэм попросил меня написать письмо в его защиту в сенатский Комитет по международным отношениям. Я охотно выполнил его просьбу, но его назначение так и не было утверждено, и он стал представителем в СБСЕ, не получив ранг посла.

дента упомянутого выше журнала, то понял, «как наивно было бы полагать, будто некоммунистическая часть Вьетнама сможет отразить натиск коммунистов и создать стабильные и прогрессивные социальные структуры».

В отношениях администрации и Конгресса наметилось охлаждение. Одной из его причин стал неприятный инцидент с участием Бобби Кеннеди, в ту пору сенатора от Нью-Йорка и «голубя», осуждавшего нашу войну во Вьетнаме. В начале февраля Бобби вернулся из Парижа сторонником переговоров с Северным Вьетнамом, в чем он не видел ничего противозаконного. Об этом стало известно «Ньюсуику», напечатавшему 5 февраля статью о его поездке. Президент Джонсон просто рвал и метал, решив, что Бобби сам рассказал кому-то о своих настроениях и, действуя исключительно в собственных интересах, организовал публикацию пресловутой статьи. Но этого не было. Президент встретился с Бобби 6 февраля и, судя по записям, заявил:

— Война закончится в этом году, и тогда я уничтожу тебя и твоих дружков-«голубей». Через полгода ты станешь политическим трупом¹.

Президент Джонсон никогда не обращал свой гнев против меня и продолжал мне доверять. Его недовольство было направлено только на Бобби. Но их взаимная неприязнь ставила меня в затруднительное положение. Джонсон знал, что мы с Бобби часто разговариваем и, как правило, обсуждаем развитие событий во Вьетнаме. Я старался не обманывать доверие президента и был в этом отношении очень щепетилен. Я не делился с Бобби никакими сведениями, которые он мог бы использовать в своих политических выпадах против президента. Я всегда открыто говорил Джонсону о том, что думал, и был столь же откровенен и с Бобби, не умалчивая о своих чувствах, связанных с Вьетнамом.

На нас, принимавших ключевые решения, оказывалось постоянное давление, и я не был исключением. В 1967 году я не мог заснуть без снотворного. Мой друг, Дэвид Лилиенталь, бывший председатель Комиссии по атомной энергии, написал в то время в своем дневнике: «Я не в силах забыть растерянный и затравленный взгляд министра обороны, утратившего свою былую решимость». В статье, опубликованной 21 мая 1967 года в «Вашингтон пост», отмечалось, что и я и Дин начали уставать от связанной с войной напряженности. А Дин признался в воспоминаниях, что в следующем, 1968 году он был уже настолько измотан, что смог выдерживать перегрузки лишь благодаря ежедневной «диете» из «аспирина, виски и четырех пачек “Ларкса”». В 1967 году уже явственно ощущались признаки его будущего стресса².

¹ Об этом эпизоде мне рассказал Роберт Кеннеди. См. также: *Schlesinger A.M., Jr. Robert Kennedy and His Times*. Boston: Houghton Mifflin, 1978. P. 768–769.

² См.: *Journal of David Lilienthal*. N. Y.: Harper & Row, 1964–1983. Vol. 6. P. 418; *Rusk D., Rusk R. As I Saw It*. N. Y.: Norton, 1990. P. 417.

Во многом из-за газетных статей и веры в то, что президент мог бы выиграть политически, если бы убрал из администрации меня и Дина, я сказал ему весной 1967 года:

— Мы не сумеем... должным образом руководить, меняя основные фигуры в правительстве США, чтобы только ответить на обвинения, будто «Вашингтон стал уставать и выдыхаться»¹.

Дипломатические инициативы проваливались одна за другой, и мои подавленность, разочарование и гнев все усиливались. Я не знал, как нам победить в этой дорогостоящей и разрушительной войне или завершить ее хоть каким-то образом.

Новые выступления буддистов в Южном Вьетнаме весной 1966 года усилили мою тревогу. Этот междоусобный конфликт выявил слабость сайгонского правительства и отсутствие народной поддержки. Борьба разных группировок в Южном Вьетнаме, когда враг буквально стоял у ворот, не могла меня не беспокоить. В разгар всех этих неурядиц, в начале апреля, Джон Макнотон и я подготовили, как мы называли, «План возможного “отступления”». Мы считали, что «военная ситуация складывается неплохо, тогда как политическая “предельно слаба”, и даже военный прогноз предвещает лишь эскалацию кризиса». Мы пришли к выводу, что дальнейшие осложнения могут привести к отказу США от принятых ранее обязательств².

Во время встречи 2 апреля 1966 года президент ограничился уклончивым замечанием о «готовности к пугающему выбору, — возможно, к передислокации войск в Таиланд». Его слова доказывали, что он склонен принять такое решение³. Но он, как и я, и все остальные, опасался, что нам придется заплатить за уход из Вьетнама непомерно огромную цену — стремительным падением наших международных ставок и подрывом престижа власти в США.

Вскоре после этого кризис углубился настолько, что южновьетнамское правительство пошло на применение силы для подавления беспорядков.

Теперь, глядя в прошлое, я глубоко сожалею, что не добился обсуждения принципиального вопроса: возможны ли вообще военные победы на столь шаткой политической основе? Уже тогда стало ясно и, полагаю, ясно и сегодня, что военная сила, особенно если за ней стоит

¹ Draft Memorandum for the President. 1967. May 19. P. 19 [Проект служебной записки президенту. 1967. 19 мая. С. 19] // RSMP.

² См.: Attachment (dated April 5, 1966) to «Some Thoughts About Vietnam» (1966. April 4) [Приложение (от 5 апреля 1966 г.) к служебной записке «Некоторые размышления о Вьетнаме» (1966. 4 апреля)] // State Department. Lot File 70 D 207.

³ См.: Jack Valenti's notes of April 2, 1966, meeting [Заметки Джека Валенти о совещании 2 апреля 1966 г.] // MNF. LBJL.

иностранное государство, не наведет порядок в стране, лишенной правительства, способного эффективно осуществлять управленческие функции.

Большинство моих коллег оценивало ситуацию совсем иначе. Они замечали лишь (или хотели замечать) постоянное улучшение политической и военной обстановки. Летом 1966 года Дин отметил, что «сложилось такое положение, при котором Северному Вьетнаму уже никогда не победить». Уолт писал: «Господин президент, как Вы сами можете судить, действия Ханоя, несмотря на поддержку китайских коммунистов, заранее обречены на провал... Мы еще не победили, но движемся к победе». Лодж сообщил в телеграмме, что «с военной точки зрения наши позиции лишь укрепляются... А значит, реальная угроза — единственно реальная угроза — может возникнуть только в том случае, если американцы, упав духом, потребуют “вернуть наших парней домой”. Вот тогда-то, действительно, и упадет первая кость домино». Помощник президента по Вьетнаму Роберт У. Комер доложил после поездки в Южный Вьетнам, что он был «одновременно и оптимистом и реалистом» в вопросах, касавшихся Вьетнама. Мало кто из старших советников президента разделял мою точку зрения, высказанную Авереллу Харриману 23 июня 1966 года. Тогда я заявил, что никакое приемлемое военное решение невозможно в данных условиях и поэтому мы должны установить «прямые контакты» с северовьетнамцами и Вьетконгом для выработки наиболее оптимального решения, какое только возможно¹.

Мое несогласие с большинством старших советников усиливалось с каждым месяцем. Мы резко разошлись в оценке ситуации, и это стало уже общепризнанным фактом. Осенью, на очередном заседании, Лодж доложил, что «военные действия» США увенчались успехом и к следующей осени он рассчитывает на «принципиально иную военную ситуацию». Уэстморленд согласился с ним². А я, вновь побывав в середине октября в Южном Вьетнаме, был не согласен.

¹ См.: Rusk Memorandum of Conversation with South Vietnamese Foreign Minister Tran Van Do. 1966. June 28 [Служебная записка Руска о беседе с министром иностранных дел Южного Вьетнама Тран Ван До. 1966. 28 июня] // State Department. Central File. Pol 27 Viet S; Rostow Memorandum to the President. 1966. June 25 [Служебная записка Ростоу для президента. 1966. 25 июня] // Memos to the President. NCF. LBJL; Embtel 5830 (Saigon). Lodge to Rusk. 1966. June 29 [Телеграмма из посольства в Сайгоне № 5830. Лодж — Раску. 1966. 29 июня] // State Department. Central File. Pol 27 Viet S; Komer Memorandum to the President. 1966. July 1 [Служебная записка Комера президенту. 1966. 1 июля] // PPW. LBJL; Harriman Postscript to Memorandum of Conversation with Secretary McNamara. 1966. June 23 [Постскриптум Харримана к записи беседы с министром Макнамарой. 1966. 23 июня] // W. Averell Harriman Papers. Manuscript Division. Library of Congress.

² Lodge Memorandum. 1966. October 3 [Служебная записка Лоджа. 1966. 3 октября] // Henry Cabot Lodge, Jr. Papers. Massachusetts Historical Society; COMUSMACV Policy Points. 1966. October 3 [Политические установки командующего американскими войсками во Вьетнаме. 1966. 3 октября] // Westmoreland Papers. U. S. Army Center of Military History.

В подготовленном мною по возвращении обширном докладе я поставил президента в известность о том, что «не вижу никаких разумных путей скорейшего завершения войны». На ход моих рассуждений повлияло немало факторов, и я перечислил их, ничего не скрывая:

Решимость противника не ослабла. Он, несомненно, действует с учетом нашего стремления преградить ему путь к победе и, соответственно, взяв на вооружение свою собственную стратегию, заключающуюся в том, чтобы держать нас в постоянном напряжении в ожидании того момента, когда мы наконец уйдем (я бы назвал это стратегией ослабления воли нашей нации). Ему известно, что нам не удалось, и он убежден, что не удастся и в будущем, деморализовать своими успехами в войне противоборствующие силы или помочь правительству Южного Вьетнама укрепить свое политическое положение.

За последний год мы преуспели лишь в одном: нам удалось в крупных боевых операциях увеличить потери противника в живой силе. Даже допуская возможные преувеличения в отчетах, мы можем все же сказать, что противник теряет... свыше 60 тысяч человек каждый год. Пути проникновения на Юг, как нам представляется, являются для северовьетнамцев прямой дорогой к смерти. Однако не наблюдается никаких признаков ослабления воли противника, и, похоже, он с лихвой восполняет потери, направляя на Юг отряды из Северного Вьетнама и вербуя добровольцев в самом Южном Вьетнаме.

...Программа умиротворения в лучшем случае отошла на второй план. По сравнению с ситуацией двух- или четырехгодичной давности регулярные силы противника значительно возросли, партизанское движение активизировалось, нападения, террористические акты и диверсии заметно участились... Мы недостаточно контролируем основную массу населения, если, конечно, речь вообще может идти о каком-то контроле. Политическая инфраструктура Вьетконга охватила практически всю страну, что позволяет противнику получать детализированные разведывательные данные. О полной нашей безопасности не приходится и говорить даже тогда, когда речь заходит о зонах дислокации морских пехотинцев США или Сайгоне. Сельская местность в ночное время почти полностью контролируется нашим противником.

Программа бомбардировок Севера «Катящийся гром» не сократила проникновения северовьетнамцев на Юг и не сломила дух Ханоя. На этот счет в нашей разведке единое мнение.

Фактически, мы не обнаружили никаких улучшений, а возможно, положение даже ухудшилось, если судить по эффективности такой важной миссии, как завоевывание сердец и умов населения этой страны. По нашему мнению, столь важная миссия должна выполняться самими южновьетнамцами, и довести ее до успешного завершения могут только они, а не кто-то другой. Нам нужно было это знать еще в самом начале. Но горькая правда состоит в том, что ни в 1961, ни в 1963, ни в 1965 году мы так и не сумели выработать такую программу, которая позволила бы нам не только обучить южновьетнамцев военному искусству, но и вдохновить их на активные действия.

Что нам оставалось делать в дальнейшем при столь неудачном раскладе сил? Я не видел никакого приемлемого выхода и потому ничего не предлагал. Я мог только посоветовать президенту снизить уровень американского военного присутствия, постепенно готовить войска к отправке на родину и одновременно добиваться переговоров, надеясь, что предпринимаемые нами усилия помешают другой стороне спокойно дожидаться нашего ухода, а нам позволяют избежать бесконечного увеличения американских вооруженных сил и риска расширения войны. Кроме того, я высказал бы мнение, что мы должны и впредь оказывать давление на противника, чтобы побудить его к выработке мирного соглашения в ходе переговоров.

Но каковы бы ни были мои надежды, я признал: «Вряд ли стоит рассчитывать на благоприятный прогноз и удачное завершение войны в ближайшие два года. Пожалуй, здесь не помогут даже крупномасштабные операции, равно как и переговоры. *И если мы по-прежнему будем следовать и тем и другим путем, нам нужно ясно сознавать, что успех возможен, но отнюдь не гарантирован*»¹ (выделено в оригинальном тексте. — Р. М.).

Это был трезвый, хотя и нелегкий, даже мучительный, сценарий. Но в то время я не видел никакого иного пути.

Заместитель госсекретаря Ник Каценбах в основном разделял мои взгляды. Прежде Ник был министром юстиции, но его перевели в Государственный департамент из-за недовольства президента тем, как руководил этим ведомством Дин. ЦРУ назвало мою оценку ситуации во Вьетнаме «убедительной, толковой и очень сходной с нашей». Иначе отнесся к докладу КНИШ. В «Документах Пентагона» его реакция охарактеризована как «предсказуемо быстрая и агрессивная», что точно отражало настроения военной верхушки. Она резко обрушилась на мою оценку военной ситуации, на рекомендации прекратить дальнейшее расширение американских вооруженных сил во Вьетнаме и на мой совет приложить максимум усилий для начала переговоров, уделив перед этим все внимание достижению мира и обеспечению политической самостоятельности Южного Вьетнама. Военные чувствовали себя столь уверенно, что даже попросили меня изложить их взгляды президенту, что я и сделал².

¹ Для достижения этих целей я рекомендовал разнообразный курс действий, включавший в себя ограничение численности наших войск уровнем в 470 тысяч человек, установление «противофильтрационного барьера» вдоль «тропы Хо Ши Мина», сокращение операций, проводимых на Севере по программе «Катающийся гром», и настойчивые поиски способов мирного урегулирования. См. сноску 2 на с. 264.

² См.: George A. Carver, Jr., to Richard Helms. 1966. October 15. Subject: Comments on Secretary McNamara's Trip Report, «McNaughton VIII — Late Vietnam... (2)» [Джордж А. Карвер-младший — Ричарду Хелмсу. 1966. 15 октября. Тема: Замечания к отчету о поездке министра Макнамары «Макнотон VIII — Поздний Вьетнам... (2)»] // PPW: Box 3. LBJL; PP. Vol. 4. P. 356; JCSM-672-66. Wheeler to McNamara. 1966. October 14 [Меморандум КНИШ № 672-66. Уилер — Макнамаре. 1966. 14 октября] // Vietnam, JCS Memos. Vol. II: CF. VN: Box 193; NSF. LBJL.

То, что я придерживался по ряду вопросов совсем иных взглядов, чем КНШ, ни от кого не скрывалось, но и не обсуждалось на высшем уровне. Почему? Большинство людей старается избегать столкновений. Они предпочитают сглаживать противоречия, не доводя их до сведения руководства. Я также склонен думать, что Джонсон, подобно всем президентам, хотел обойтись без открытого противостояния и раскола среди высших чиновников, особенно в военное время. И он не стал касаться наших расхождений. Это была вполне понятная человеческая реакция. Но я сожалею о том, что он, Дин и я не смогли откровенно и подробно обсудить наши разногласия друг с другом и с членами КНШ.

Однако различия во взглядах сохранялись, что сказывалось даже на личных отношениях. В декабре Лодж сообщил президенту, что он «ожидает блестящих военных результатов в 1967 году» и «аналогичных политических достижений». Но добавил: «Возможно, понадобится еще пять лет, чтобы все завершить». После посещения Сайгона в начале февраля 1967 года «Бас» доложил, что «Вьетконг и армия Северного Вьетнама больше не надеются одержать победу в войне в Южном Вьетнаме». Но не прошло и шести недель, как 18 марта 1967 года Уэстморленд попросил направить в его распоряжение еще 200 тысяч человек (что должно было увеличить общую численность наших войск с 470 до 670 тысяч человек) в связи с решением перенести наземные операции в Лаос и Камбоджу. Он был сторонником усиления бомбардировок и минирования территорий Северного Вьетнама и вынашивал амбициозные планы вторжения на территорию к северу от демилитаризованной зоны. Осуществление его замыслов потребовало бы очередного проведения мобилизации резервистов, увеличения численности военного контингента США до 500 тысяч человек, а также выделения на военные нужды дополнительных средств в размере 10 миллиардов долларов в год сверх уже направленных в Юго-Восточную Азию примерно 25 миллиардов долларов из бюджета Пентагона, предположительно равнявшегося 71 миллиарду долларов¹.

Мы обсудили рекомендации Уэстморленда в Белом доме 27 апреля. В своих воспоминаниях он утверждает, что я «всеми возможными способами» пытался добиться от него ответа на вопрос, долго ли будет продолжаться «наше участие во вьетнамской войне», если мы увеличим

¹ См.: Rostow's notes of Meeting with the President, Friday, December 17, 1966, Austin, Texas (dated December 19, 1966) [Заметки Ростоу о встрече с президентом в пятницу 17 декабря 1966 г. в Остине, штат Техас (датировано 19 декабря 1966 г.)] // Files of Walt W. Rostow: Box 3: NSF. LBJL; Attachment to Summary Notes of 568th NSC Meeting, February 8, 1966 [Приложение к отчету о 568-м заседании Совета национальной безопасности 8 февраля 1966 г.] // NSCMF. LBJL; COMUSMACV 09101 to CINCPAC. Force Requirements. 1967. March 18 [Телеграмма командующего американскими войсками во Вьетнаме № 09101 главнокомандующему в зоне Тихого океана. Потребности в вооруженных силах. 1967. 18 марта] // PPW. LBJL.

сейчас военный контингент США на 200 тысяч человек, на 100 тысяч человек или остановимся на общей численности в 470 тысяч. Выслушав меня, Уэстморленд сказал после недолгого молчания: два года, три года, а быть может, и пять лет. Президент Джонсон спросил его: «Если мы добавим дивизии, то не может ли их добавить и противник? А если так, то когда же наступит конец?»¹

Там же, на встрече, «Бас» отметил: «Потенциал нашей бомбардировочной авиации достиг такого уровня, что мы можем обрушить целую волну ударов на все намеченные объекты за исключением портов». С учетом данного факта я посоветовал президенту за завтраком во вторник, 2 мая 1967 года, не только отвергнуть предложение военного руководства о расширении бомбардировок (кроме тех случаев, когда речь идет об уничтожении оставшихся электростанций), но и ограничить сами бомбардировки территорией южнее двадцатой параллели (узкой полосы к югу от Ханоя и Хайфона, через которую на Юг проникали военные отряды и снаряжение).

Я сознавал и как руководитель Военного ведомства подчеркивал, что противник попытается нам отомстить и сурово наказать за все, что разрушили мы. Но мои рекомендации основывались на нескольких факторах: на замечаниях «Баса», сделанных 27 апреля, на понимании того, что закрытие портов в результате бомбардировок и минирования морских подходов к ним может привести к столкновению с СССР, и на выводах генерального консула США в Гонконге Эдмунда Райса и сэра Роберта Томпсона — в Малайзии, что осуществление программы «Катящийся гром» скорее укрепило, чем ослабило волю Ханоя. Я учитывал и тот факт, что общее число летчиков, которых мы потеряли к северу от двадцатой параллели, в шесть раз превысило численность наших военных, погибших к югу от этой линии, и собственные суждения о том, что ущерб, причиненный противнику бомбардировками территории к северу от данной линии, не оправдывает огромные потери в живой силе, которые мы уже понесли. Сай Вэнс, Ник Каценбах, Дик Хелмс, Уолт Ростоу и Билл Банди одобрили мои рекомендации, равно как и Мак Банди, который уже не входил в состав правительства, но по-прежнему сохранял контакт с президентом. Мак написал ему отдельную докладную 3 мая. Оценки ЦРУ также подкрепили данную позицию².

---

¹ Цит. по: *Westmoreland W.C. Soldier Reports*. Garden City: Doubleday, 1976. P. 299. — Оценку, данную Уэстморлендом, и замечание Джонсона см. в: John McNaughton's Notes on Discussions with the President. 1967. 27 April [Заметки Джона Макнотона о беседах с президентом. 1967. 27 апреля] // PPW. LBJL.

² См.: Memorandum to the President. Subject: Proposed Bombing Program Against North Vietnam. 1967. May 9 [Служебная записка для президента. Тема: «Предлагаемая программа бомбардировок Северного Вьетнама». 1967. 9 мая]; W. Bundy: Bombing Strategy

Моя озабоченность положением дел и скепсис еще более усилились в мае, когда я подготовил пространный, провоцирующий споры меморандум, который направил президенту 19 мая 1967 года. Позднее в «Документах Пентагона» мои взгляды были названы «радикальными», однако в действительности я всего лишь четко сформулировал свои возросшие сомнения в правильности избранного курса. Впоследствии мои рассуждения стали предметом ожесточенных дебатов. Я считал эту докладную очень важной и потому постараюсь процитировать ее как можно полнее.

Во вступительной части я написал:

Данный меморандум составлен в то время, когда любой курс действий кажется малопривлекательным. Судя по всему, Ханой не намерен вести переговоры до тех пор, пока не узнает о результатах президентских выборов в США в ноябре 1968 года. Продолжение нашей нынешней умеренной политики, позволяющей нам избежать полномасштабной войны, не изменит позиции Ханоя. И, кроме того, оно не устроит и американцев. Активизация военных действий вряд ли повлияет на позицию Ханоя и к тому же, по всей вероятности, втянет нас еще глубже в конфликт в Юго-Восточной Азии, а также приведет к конфронтации, если не к настоящей войне, с Китаем и Россией. Мы не можем этого допустить. Поэтому мы вынуждены делать выбор между альтернативами, мало что дающими нам.

Далее я перешел к рассмотрению ситуации в Соединенных Штатах:

Вьетнамская война непопулярна в нашей стране. И становится все более непопулярной по мере ее разрастания и увеличения американских потерь. Многие боятся, что она перерастет в большую войну, расширит свое вторжение в частную жизнь наших граждан и вызовет новые боль и страдания у мирных жителей Вьетнама как на Юге, так и на Севере. Большинство американцев не знает, как мы там оказались и откуда все пошло. Однако это не мешало этому самому большинству интуитивно прийти к убеждению, что нам не надо было столь глубоко увязать во всем том, что там происходит. Все хотят окончания войны и ждут, что президент ее завершит. Успешно. Или как-то иначе.

Эти настроения начинают воздействовать и на политические структуры Соединенных Штатов. И, к нашему несчастью, только подкрепляя

Options for the Rest of 1967. 1967. May 9 [У. Банди: Варианты стратегии бомбардировок до конца 1967 г. 1967. 9 мая]; McGeorge Bundy to the President. Memorandum on Vietnam Policy. 1967. May 3 [Макджордж Банди — президенту. Служебная записка о политике во Вьетнаме. 1967. 3 мая]; CIA Intelligence Memorandum 0642/67. The Current State of Morale in North Vietnam. 1967. May 12 [Меморандум ЦРУ № 0642/67. Состояние духа в Северном Вьетнаме в настоящее время. 1967. 12 мая]; CIA Intelligence Report 0643/67. Bomb Damage Inflicted on North Vietnam Through April 1967. 1967. May 12 [Доклад ЦРУ № 0643/67. Ущерб, нанесенный Северному Вьетнаму бомбардировками в апреле 1967 г. 1967. 12 мая]; CIA Intelligence Memorandum 0649/67. 1967. May 23 [Меморандум ЦРУ № 0649/67. 1967. 23 мая]. — Все указанные выше документы хранятся в: CF. VN: NSF. LBJL.

ют занимаемую Ханоем позицию. (Многие полагают, что Ханой не пойдет ни на какие уступки до выборов в США в ноябре 1968 года.)

О положении в Южном Вьетнаме было сказано так:

[Во Вьетнаме] «большая война» на Юге, в которой участвуют Вооруженные силы США, с одной стороны, и Северного Вьетнама, с другой, развивается успешно. В 1965 году мы смогли избежать поражения, а в 1966 году к нам перешла инициатива, и с тех пор противнику был нанесен значительный урон, во многом подорвавший его способность к нанесению ответных ударов... [Но] поставки, к тому же довольно большие, по-прежнему продолжают поступать в различные районы Южного Вьетнама... Противник сохраняет способность проводить как крупные, так и мелкие операции...

К сожалению, «другая война» — против Вьетконга — проходит неудачно.

Коррупция существует едва ли не повсеместно. Правительственный контроль на практике распространяется лишь на несколько анклавов. Государственная система прогнила изнутри... Народ равнодушно воспринимает действия чиновников... Национальный фронт освобождения продолжает контролировать значительную часть Южного Вьетнама, и нет никаких свидетельств того, что [миротворческая] программа набирает темп. Армия Южного Вьетнама устала, действует пассивно и с трудом приспосабливается к обстановке. Если она и осуществляет миротворческие функции, целью которых являются успокоение и умиротворение населения, то делает это слишком уж медленно.

Перейдя к Северному Вьетнаму, я заметил:

В отношении переговоров Ханой никогда не проявлял ни гибкости, ни какой-либо открытости... Очевидно, он не заинтересован в политическом решении проблемы и решил состязаться с США в военном расширении конфликта... По-прежнему нет никаких признаков ослабления воли Ханоя в результате бомбардировок. Он продолжает поставлять на Юг необходимое снаряжение. Ничто не свидетельствует о том, что Ханой желал бы завершить «большую войну», предварительно посоветовав вьетконговцам скрыться в джунглях. Северовьетнамцы уверены в своей правоте. Они называют режим Ки марионеточным, считают, что их поддерживают во всем мире и что у американского общества не хватит выдержки, чтобы еще в течение долгого времени вести войну против них. Возможно, в Северном Вьетнаме и имеются группировки, предлагающие различные подходы, но все равно все они верят, что они сильнее нас, коль скоро речь идет о затяжном противостоянии.

Не оставил я без внимания и коммунистический блок:

Главные, преобладающие цели Советского Союза таковы: он желал бы избежать прямого участия в военном конфликте и не допустить вмешательства Вьетнама в советско-американские отношения. В то же время

он готов поддерживать Ханой в той мере, в какой подобная поддержка соответствует и будет соответствовать его ведущей роли в мировом коммунистическом движении.

Китай по-прежнему уделяет основное внимание своим внутренним проблемам и прежде всего культурной революции. Пекинское правительство продолжает советовать Ханюю не вступать в переговоры и сопротивляется советским попыткам создания единого фронта в защиту Северного Вьетнама. Не приходится сомневаться в том, что Китай сочтет за честь откликнуться на просьбу Ханюя и вторгнется во Вьетнам со своей армией. Не исключено также, что Пекин предпримет эту интервенцию по собственной инициативе, если решит, что существование ханюйского режима находится под угрозой.

Затем я подробно, по пунктам, разъяснил, почему курс действий, предложенный Уэстморлендом, представляется мне сомнительным:

Сторонники дополнительного развертывания войск на Юге считают, что это ускорило бы окончание войны. Никто из них не верит, что дополнительные силы нужны лишь для того, чтобы избежать поражения, а некоторые даже полагают, что подобное увеличение военного контингента соответствует принятому курсу действий. И все они убеждены в том, что нужда в них значительно возрастет, если встанет вопрос о дальнейшей активизации наших усилий в том, что касается войны. В поддержку своих требований они приводят целый ряд аргументов. Например, говорят, что мы не потерпели поражения в 1965 году, в 1966 году взяли в свои руки инициативу проведения боевых операций, а затем обрушили на противника удар за ударом, нанеся ему ощутимый урон, ослабив тем самым его способность к активным наступательным действиям и, соответственно, ограничив его возможности устанавливать свой контроль над населением. Если же мы, вновь проявляя инициативу и преисполнившись твердой решимости, ударим по главным силам противника и районам его базирования с невиданной ранее мощью, то нанесем ему еще больший урон, сорвем выполнение многих его планов и ослабим его обороноспособность в значительно большей степени, чем делали это прежде. Но подобное, увы, пока невозможно, учитывая планируемые темпы пополнения наших рядов. Между тем предлагаемые ими меры, утверждают они, привели бы к оздоровлению обстановки в Южном Вьетнаме и, как следствие этого, повысили бы эффективность наших усилий, направленных на умиротворение местных жителей. Но это не все. Наши успехи на полях сражений и огромные потери, которые понес бы противник, заставили бы Ханюю поспешить с пересмотром своей позиции и в конечном итоге пойти на завершение войны на разумных условиях.

Однако подобный курс был сопряжен с риском и тяжелыми последствиями, которые я и перечислил в своей докладной:

Добавление 200 тысяч солдат и офицеров из так называемых резервистов к 500 тысячам, уже задействованным в войне, скорее всего, вызовет ожесточенные споры в Конгрессе и усилит давление на нас со сто-

роны сторонников активизации наших действий за пределами Южного Вьетнама. Поднимется шум, еще более громкий, чем прежде. Многие станут добиваться «развертывания наземных операций». Бомбардировки сделаются интенсивнее: к уже утвержденному списку объектов, подлежащих уничтожению в результате бомбовых ударов, которые могут наноситься в любое время суток, прибавятся новые — стратегические [гражданские], такие, например, как каналы, набережные и порты. Кроме того, начнется минирование гаваней, чтобы лишить стоянок советские и прочие суда. Попутно развернутся крупные наземные операции в Лаосе и Камбодже, а возможно, и на территории Северного Вьетнама. По всей вероятности, будет предложено использование тактического ядерного и радиологического, бактериологического и химического оружия ограниченного радиуса действия. Правда, это в том случае, если китайцы введут свои войска во Вьетнам или в Корею или потери США окажутся слишком велики, а применение обычных средств ведения войны не даст желаемых результатов.

Проще говоря, эскалация угрожала вывести из-под контроля дальнейшие военные действия. Сознавая, что мы должны предотвратить эту опасность, я доложил президенту:

Существует предел, или черта, переступать которую Соединенные Штаты не вправе. Многие американцы, да и весь мир, просто не позволяют нам это сделать. Когда мировая сверхдержава убивает или тяжело ранит по тысяче мирных жителей в неделю и тем самым пытается заставить маленькую страну смириться с подобным методом решения столь спорной и противоречивой проблемы, неизбежно возникают гнетущие чувства. Смотреть на такую картину тяжело, и к тому же само это зрелище может нам дорого обойтись, исказив американское национальное самосознание и образ США во всем мире, особенно если ущерб, нанесенный Северному Вьетнаму, будет вполне ощутим.

Все эти соображения заставили меня резко выступить против запросов Уэстморленда. Я подчеркнул, что вьетнамскую проблему нужно рассматривать в широком азиатском контексте. Выразив мнение, заметно отличавшееся от моих высказываний прошлых лет, я указал на поражение коммунистов в Индонезии и «культурную революцию», захлестнувшую Китай, утверждая, что эти события в Азии развиваются в нашу пользу и уменьшают значимость южновьетнамской проблемы. Я доказывал, что мы «должны свести к нулю противоречия в тех минимальных задачах, которые стоят перед нами», и что нам следует строить политику, руководствуясь двумя принципами:

- 1) Если гражданам Южного Вьетнама будет предоставлена возможность самим определять свое будущее, мы станем только свидетелями этого процесса, в чем и должно состоять наше участие;
- 2) Подобного рода участие прекратится, если страна перестанет помогать самой себе.

Исходя из этого, я предложил политико-военную стратегию, увеличивающую возможность достижения компромисса. Она предусматривала ограничение бомбардировок инфильтрационной «трубы» за двадцатой параллелью, установление «потолка» для дополнительного развертывания американских войск в 30 тысяч человек, более гибкую переговорную позицию и активные поиски политического решения.

Я честно оценил все сложности подобного подхода:

Кое-кто будет утверждать, что давление на Север — достаточно сильное — принесет нам один только вред и что в то же самое время мы могли бы добиться от Северного Вьетнама значительных уступок в обмен на ослабление борьбы с противозаконным проникновением его граждан на территорию Южного Вьетнама. Многие скажут, что отказ от увеличения численности войск лишь продлит войну, делает более реальной возможность нашего поражения и в конечном итоге приведет к тому, что мы потеряем еще больше американских парней. Иные примутся доказывать, что... Ханой отреагирует на наше решение новыми требованиями и ужесточением своей позиции... Найдутся также люди, которые решат, что перемены в политике США связаны со «стремительной переброской войск» в Таиланд и Лаос и особенно с перемещениями войск в самом Южном Вьетнаме. Они найдут при этом, что подобный шаг самым отрицательным образом отразится на положении правительства и боевом духе армии, лишит верхи народной поддержки и, как следствие этого, негативно скажется также и на репутации Соединенных Штатов и их президента.

Но я полагал, что сложности и риск, сопряженные с этим подходом, не столь велики, как при иных вариантах. После долгих размышлений, внутренней борьбы и анализа я пришел к выводу, — о котором, ничего не скрывая, и сказал президенту Джонсону, — что война во Вьетнаме «сама по себе приобрела силу инерции и должна быть остановлена», а подход Уэстморленда «способен лишь привести к национальной катастрофе».

С другой стороны, я считал, что мои рекомендации обладают рядом преимуществ и могут ускорить начало переговоров, призванных привести к окончанию войны на приемлемых условиях. Я думал, что они помогут определить нашу общую позицию в отношениях с Советским Союзом, улучшить наш имидж в глазах мирового сообщества, уменьшить угрозы конфронтации с Китаем и СССР и сократить американские потери¹.

Описывая реакцию на мою докладную, Уолт Ростоу сдержанно заметил, что она вызвала у членов правительства «удивительно сильные чувства»².

¹ См.: Draft Memorandum for the President. Subject: Future Actions in Vietnam. 1967. May 19 [Проект служебной записки президенту. Тема: «Действия во Вьетнаме в будущем». 1967. 19 мая] // RSMР.

² Walt Rostow Memorandum to the President. 1967. May 19 [Служебная записка Уолта Ростоу президенту. 1967. 19 мая] // CF. VN: NSF. LBJL.

Мог ли я поставить вопросы, с которыми мы постоянно сталкивались, так, чтобы президент испытал менее острую боль и, главное, чтобы мои предложения помогли скорее завершить войну? Теперь я считаю, что мог и должен был так поступить. Но в то время я не знал, как этого добиться. Сегодня мне ясно, что докладная напрямую подвела к признанию того факта, что мы просто обязаны начать вывод наших войск из Южного Вьетнама, независимо от того, будет ли это предусмотрено каким-то соглашением или нет. Весьма вероятно, что мы бы сделали это в более благоприятных условиях, чем почти шесть лет спустя, и без особого ущерба для национальной безопасности США. Уход в ту пору обошелся бы и Америке и Вьетнаму гораздо дешевле и с политической, и с социальной точек зрения.

Отчуждение и уход

20 мая 1967 года — 29 февраля 1968 года

Моя докладная записка президенту от 19 мая 1967 года вызвала настоящую бурю, подогрев и без того жаркие споры в администрации Джонсона. И она же стала причиной слушаний в Сенате, проходивших в крайне напряженной обстановке. Мои предложения подверглись сокрушительной критике, против меня выступило все руководство КНШ. Начали распространяться слухи о его коллективной отставке. Кроме того, меморандум активизировал процесс нашего с Джонсоном взаимного отчуждения. Я чувствовал, что все дальше отдаляюсь от него. И это ускорило мой уход из Пентагона.

Целый шквал событий, произошедших тем летом и осенью, мешал президенту и высшим чиновникам Государственного департамента, Министерства обороны и Совета национальной безопасности сосредоточиться на Вьетнаме. О том, с какой массой различных кризисов и проблем мы столкнулись в то время, можно судить хотя бы по следующим выборочным фактам: война на Ближнем Востоке впервые привела к использованию «горячей линии», соединившей Москву и Вашингтон; советская противоракетная программа грозила нарушить ядерный баланс между Востоком и Западом; назревал связанный с Кипром конфликт между Грецией и Турцией, создававший взрывоопасную ситуацию на восточном фланге НАТО; в наших городах начались расовые беспорядки и погромы, и конечно же увеличилось число выступлений против войны во Вьетнаме, включая и попытку разрушить Пентагон. В прессе появились сообщения о стрессовом состоянии многих представителей высшего эшелона власти, в том числе и моем. Президент Джонсон начал намекать, что не собирается выставлять свою кандидатуру на президентских выборах в 1968 году.

Через две недели после отправки моей докладной КНШ откликнулся на нее, послав президенту и мне целых семь меморандумов. Как отмечалось впоследствии в «Документах Пентагона», «вашингтонская бумажная мельница побила все свои прежние рекорды»¹.

Военное руководство особенно возражало против одной моей рекомендации, содержавшей утверждение, что мы «должны свести к нулю противоречия в тех минимальных задачах, которые стоят перед нами» во Вьетнаме. Как уже упоминалось выше, я считал, что при выработке нашей политики нам следует исходить из следующих двух принципов: «1) Если гражданам Южного Вьетнама будет предоставлена воз-

---

¹ PP. Vol. 4. P. 177.

возможность самим определять свое будущее, мы станем только наблюдателями этого процесса, в чем и должно состоять наше участие; 2) Подобного рода участие прекратится, если страна перестанет помогать самой себе». Руководство КНШ полагало, что данная формулировка «не способствует выработке нормальной национальной политики США и нашим целям во Вьетнаме, и поэтому с ней незачем считаться». Оно обвинило меня в том, что моя докладная противоречит существующей политике США и ее целям, поставленным в «Меморандуме о национальной безопасности № 288», который, как отмечали военные, до сих пор является руководящим документом о войне.

На самом деле «Меморандум о национальной безопасности № 288» — это короткая записка от 17 марта 1964 года, которую Макджордж Банди направил Дину Раску и мне, а также председателю КНШ. В ней сообщалось, что президент решил последовать совету, содержащемуся в моем отчете, направленном ему днем раньше. В этом документе говорилось: «Я рекомендую вам разъяснить правительственным органам, что мы готовы помогать Южному Вьетнаму и поддерживать его столько времени, сколько понадобится для установления полного контроля над повстанцами». Но в отчете содержалось и ключевое определение: «У нас были и остаются ясно сформулированные основания для ограничения нашей текущей политики: *южновьетнамцы сами должны победить в их собственной борьбе*»¹ (выделено мною. — Р. М.). Военные руководители ошибались: наша политика не изменилась. Но они так же были и правы: в последние годы эта политика не была столь уж последовательной.

С повестки дня никогда не снимался кардинальный вопрос: если южновьетнамское правительство — такое, каким оно было, — не может победить и обеспечить себе народную поддержку, а также нанести поражение повстанцам, то должны ли мы делать это за него?

Руководство КНШ настаивало на усилении борьбы с Северным Вьетнамом и, соответственно, на активизации действий Вооруженных сил США как на земле, так и в море и в воздухе. Военных столь глубоко волновал этот вопрос, что они попросили меня обратить особое внимание президента на их рекомендации, что я, конечно, и сделал. 20 мая ко мне поступила от них еще одна докладная, в которой вновь говорилось о необходимости вторжения в Северный Вьетнам, Лаос и Камбоджу и расширении военного контингента США в Таиланде, а также о возможности использования ядерного оружия в южных районах Китая. Все это, подчеркивали они, увеличивало потребность в мобилизации американских резервистов². Меня просто поражала их неспособность осознать ту опасность, которая таилась в ядерной конфронтации.

¹ См.: FRUS. 1964–1968. Vol. I. P. 172–173, 153–167.

² См.: JCSM-286-67. Memorandum for the Secretary of Defense. Subject: Operations Against North Vietnam. 1967. May 20 [Меморандум КНШ № 286-67. Министру обороны.

Желая разрешить свой спор с военным руководством относительно бомбардировок, я попросил директора ЦРУ Дика Хелмса поручить аналитикам его ведомства оценить альтернативные варианты. В полученном докладе ЦРУ категорически утверждалось: «Мы не верим, что какая-либо программа... способна привести к сокращению поставок вооружения и всего прочего, жизненно необходимого для ведения войны на Юге, или хоть как-то ослабить решимость Ханоя продолжать эту войну». Данный вывод, объяснило ЦРУ, основан на фактах, а они — упрямая вещь. «Высокая пропускная способность дорожных сетей... предоставляет такие возможности для безопасного передвижения, что никакая программа не предотвратит и не нейтрализует налаженную систему тыловой поддержки и не сократит потоки людей и снаряжения, направляемые в Южный Вьетнам»¹.

Военное руководство отвергло этот анализ и по-прежнему ратовало за усиление бомбардировок.

Резкие различия в оценках существовали не только у высших военных и гражданских чинов, но и в самой армии. Например, как раз в то время министр ВМС Пол Нитце и я получили короткую докладную записку от объединения, называвшегося «Группа оценок военно-морских проблем Вьетнама». Недавно я вспомнил этот эпизод в разговоре с отставным контр-адмиралом Юджином Кэрролом, и он передал мне мемуары руководителя группы контр-адмирала Джина Ла-Рока. В них, в частности, говорилось:

Как-то в 1967 году министр ВМС Пол Нитце вызвал меня к себе и сообщил, что после разговора с министром обороны Макнамарой он, Пол Нитце, подумал о том, что было бы неплохо, если бы я сформировал группу из десяти адмиралов и генералов морской пехоты для оценки ситуации во Вьетнаме и выработки рекомендаций, которые помогли бы Соединенным Штатам найти оптимальное решение той или иной военной проблемы и сделать правильный выбор в тех случаях, когда имеются альтернативы.

Нитце дал понять, что он и господин Макнамара не заинтересованы в развитии обозначившихся событий, поскольку оба хорошо понимают их суть. Нитце предпочел бы, чтобы группа сосредоточила внимание на оценке ситуации, сложившейся к 1967 году, и альтернативных решениях, открытых для США.

Тема: Операции против Северного Вьетнама. 1967. 20 мая]; JSCM-288-67. Memorandum for the Secretary of Defense. Subject: Worldwide US Military Posture. 1967. May 20 [Меморандум КНШ № 288-67. Министру обороны. Тема: «Военные позиции США в мире». 1967. 20 мая] // CF. VN.: NSF. LBJL.

¹ Richard Helms to Robert S. McNamara. 1967. June 1 [Ричард Хелмс — Роберту С. Макнамаре. 1967. 1 июня]; Attachment, CIA Memorandum 196752/67. Subject: Evaluation of Alternative Programs for Bombing North Vietnam. 1967. June 1 [Приложение к Меморандуму ЦРУ № 196752/67. Тема: «Оценка альтернативных программ бомбардировок Северного Вьетнама». 1967. 1 июня] // Ibid.

Следуя инструкциям Министерства ВМС, я создал группу из десяти адмиралов и одного бригадного генерала морской пехоты, и работа началась. Во время нашего визита во Вьетнам мы обсудили положение с генералами Уэстморлендом, Момбером, Кушманом, а также с адмиралами и их подчиненными. Мы задавали вопросы военнослужащим всех уровней: солдатам и офицерам, принимавшим непосредственное участие в боевых операциях, равно как и морским офицерам и матросам, находившимся в море, омывающем вьетнамские берега, или несшим вахту на судах, стоявших на причалах у речных портов.

В течение шести месяцев группа оценивала различные планы и проекты, в том числе и те, что предусматривали возведение стены вдоль северных и западных границ Южного Вьетнама, минирование гаваней, нанесение массированных воздушных ударов и уничтожение транспортных потоков на Красной реке. Эти и другие того же рода меры мы сочли неэффективными и не способствующими победе в войне.

Еще один проект был связан с вводом наших войск на территорию Северного Вьетнама. По оценкам, сделанным руководством морской пехоты, данная акция потребовала бы дополнительного присутствия в зоне боевых действий 500 тысяч американских военных. Наша группа пришла к выводу, что подобный шаг с нашей стороны мог бы спровоцировать вторжение Китая в Северный Вьетнам...

Итогом работы, проделанной моей группой, стали четкие и аргументированные оценки: вероятность военной победы во Вьетнаме крайне мала. Мы были намерены официально уведомить об этом министра ВМС, министра обороны и прочих высших чинов в Пентагоне. Неформальный характер группы, отсутствие официальных распоряжений о ее создании и сложившаяся политическая ситуация, которая самым непосредственным образом касалась Белого дома, не позволяла надеяться на публикацию оценок и других результатов нашей работы. Заместитель начальника штаба ВМС адмирал Горацио Риверо недвусмысленно дал мне понять при встрече, что утечка информации нанесет ущерб нашим вооруженным силам во Вьетнаме, повлияет на ход войны, а моя карьера на флоте будет погублена. Из-за его решительного противодействия обнародование отчета стало невозможным.

В своем сугубо конфиденциальном письме адмирал Кэрролл сообщил мне:

Независимая позиция Джина Ла-Рока, его решимость доложить о фактах, не считаясь с правилами политической корректности и ситуацией во Вьетнаме, привели к его преждевременной отставке из флота после стремительного взлета карьеры.

Неудивительно, что Кэрролл и Ла-Рок стали убежденными гражданскими критиками милитаристского мышления в США¹.

---

¹ См.: Eugene J. Carroll, Jr., Rear Admiral, USN (Ret.), to Jeanne Moore. 1993. September 24 [Юджин Дж. Кэрролл-младший, контр-адмирал ВМС США (в отставке), — Джинне Мур. 1993. 24 сентября]; Attachment [Приложение] // RSMF.

На меня нисколько не подействовали непримиримые по духу докладные военного руководства. 12 июня Сай Вэнс и я вновь посоветовали президенту отклонить план КНШ. Прочитировав несколько выдержек из аналитической записки ЦРУ, мы заявили о своей твердой уверенности в том, что полномасштабная эскалация приведет лишь к катастрофе:

Совершенно очевидно, что до тех пор, пока у ханойских лидеров, как считают они, имеется вполне реальный шанс победить в развязанной ими на Юге войне «на истощение сил», они по-прежнему будут принуждать Северный Вьетнам продолжать борьбу... Если же мы предпримем какие-то действия, способные сокрушить ханойский режим, то исход будет только один — война с Советским Союзом и Китаем.

Мы также доказывали, что планы военного руководства будут оплачены ценой многих человеческих жизней: большинство объектов, которые нам рекомендовали уничтожить, оказались надежно защищены, и нападение на них могло привести к огромным потерям, во сто крат большим, чем в предложенной нами программе.

Тринадцатого июня президент одобрил наши рекомендации¹.

Читателей этой книги, наверное, удивит, если уже не удивило раньше, почему хорошо образованные, неглупые, усердно работавшие и опытные государственные чиновники, как гражданские, так и военные, не смогли серьезно и вдумчиво отнестись к вопросам, от ответов на которые зависела жизнь наших сограждан и благополучие всей страны. А ведь именно такой — рациональный, строгий — подход должен был предшествовать «выделению» вьетнамской проблемы из множества иных, с которыми мы тогда столкнулись. Любые вопросы, стоявшие перед правительством в 1960-х годах, требовали внимания президента и его помощников. В конце мая 1967 года мы получили от ЦРУ сообщения о неминуемом нападении Египта на Израиль. По всей вероятности, другие арабские страны, например Иордания или Сирия, должны были поддержать Египет. И мы опасались, что если Египет станет настойчиво добиваться своей цели — уничтожения еврейского государства, то ему начнет помогать Советский Союз. Израиль, конечно, располагал аналогичной информацией.

Второго июня состоялась давно запланированная встреча президента Джонсона с британским премьер-министром Гарольдом Вильсоном. Предполагалось, что на ней будут обсуждаться вопросы, касающиеся наших общих интересов в разных регионах мира. Но когда настал этот день, неизбежная арабо-израильская война сделалась основной те-

¹ См.: Draft Memoranda for the President. Subjects: Summary and Alternative Military Actions Against North Vietnam. 1967. June 12 [Проекты служебных записок президенту. Тема: «Общий обзор и альтернативные военные действия против Северного Вьетнама». 1967. 12 июня] // CF. VN. NSF. LBJL.

мой переговоров, отодвинув на второй план все остальные проблемы. Мы сравнивали сообщения наших разведок и выводы, касавшиеся хода конфликта. Наши точки зрения совпадали во всех пунктах, включая главный: Израиль должен победить, в этом не было и тени сомнений. Как я теперь вспоминаю, одна из сторон предсказывала победу Израиля в течение десяти дней, а вторая рассчитывала, что он победит за неделю. Мы также согласились с тем, что последствия этой войны трудно предсказать и проконтролировать, и поэтому нам нужно сделать все возможное для ее предотвращения.

ЦРУ действовало безупречно, но его донесения внушали тревогу. Оно докладывало, что Израиль собирается нанести упреждающий удар по Египту, перехватив у него инициативу. С определенной точки зрения это казалось разумным: превентивный удар, бесспорно, повлек бы за собой меньшее количество жертв со стороны Израиля. Однако, на наш взгляд, если Израиль нападал первым, то рисковал лишиться поддержки США в случае необходимости американского вмешательства в конфликт для приостановки возможного военного выступления Советского Союза.

В конце мая израильский министр иностранных дел Абба Эбан посетил Вашингтон. Президент Джонсон, пригласив его в жилые апартаменты Белого дома, попросил Дина и меня присоединиться к ним и попытаться убедить Эбана и израильский кабинет министров отказаться от превентивного удара. Мы думали, что нам удалось это сделать. Однако 5 июня Израиль совершил нападение на Египет. Война продолжалась шесть дней, и за этот период Израиль нанес Египту сокрушительное поражение. Победенным также оказались Иордания и Сирия. Израиль установил контроль над Синайским перешейком, сектором Газа, западным берегом реки Иордан и над Голанскими высотами.

Пятого июня я, как обычно, прибыл в Пентагон в семь часов утра. Вскоре раздался телефонный звонок, и я услышал:

— Говорит генерал Смит из Военного кабинета.

Поясню: мы установили порядок, согласно которому кто-нибудь из адмиралов или генералов сутки или целую неделю дежурил в Военном кабинете.

Генерал продолжил:

— На «горячей линии» премьер Косыгин. Он просит соединить его с президентом. Что мне ответить?

— Почему вы позвонили мне? — спросил я.

— Потому что «горячая линия» заканчивается в Пентагоне, — ответил он.

Наследие кубинского «ракетного» кризиса, «горячая линия» была создана в августе 1963 года, но никогда не использовалась, разве что для проверки ее эффективности. Я даже не знал, что под моим кабинетом находятся телетайпы.

— Соединитесь с Ситуационной комнатой Белого дома, и я позвоню президенту, — пообещал я генералу.

Я знал, что президент Джонсон еще спит, но все же решил позвонить. Как я и ожидал, трубку взял охранник, дежуривший у президентской спальни. Я сказал ему, что хотел бы поговорить с президентом.

— Президент спит и не любит, когда его будят, — заметил он.

— Мне это известно, но, прошу вас, разбудите его.

Чуть позже я узнал, что президенту примерно в половине пятого утра уже звонили Дин и Уолт Ростоу, чтобы сообщить о развитии кризиса.

Джонсон подошел к телефону:

— Какого черта вы звоните мне в такую рань? — сонно пробурчал он.

— Господин президент, сейчас работает «горячая линия», и Косыгин желает с вами поговорить. Что нам ему сказать?

— Господи, что нам ему сказать? — откликнулся он.

— Наверное, я отвечу ему, что через четверть часа вы будете в Ситуационной комнате. А я тем временем свяжусь с Дином, и мы вас там встретим.

В течение нескольких следующих дней мы обменивались посланиями с Косыгиным по «горячей линии». Ситуация сделалась особенно напряженной 10 июня, когда израильтяне одержали победу в сражении с Сирией. Тогда Косыгин раздраженно заметил:

— Если вы хотите войны, то вы ее получите.

К этому мы меньше всего могли стремиться.

Почему советский премьер пришел к такому выводу? Он сделал это потому, что Израиль, уже одержавший победу над Египтом и Иорданией, был готов двинуться в направлении, угрожавшем Дамаску.

В ответ на заявление Косыгина Джонсон проинформировал его, что израильтяне согласны немедленно прекратить огонь, если Голанские высоты окажутся в безопасности. В то же время он согласился с перемещением нашего VI флота поближе к сирийскому побережью, чтобы дать понять СССР: мы готовы ответить на любые его военные действия в регионе. Через несколько часов Израиль и Сирия договорились о прекращении огня, а VI флот не стал двигаться дальше на восток. Обмен мнениями прояснил ситуацию. Но этот эпизод показывает, как сложны и тонки были отношения США и Советского Союза и как они отражались на событиях в разных точках мира в период «холодной войны». Он может также объяснить в какой-то степени настроения военного руководства, утверждавшего, что нам необходимо «превосходство» в Индокитае. И он же иллюстрирует существование немало-го числа сложных и запутанных проблем, мешавших нам всецело сосредоточиться на Вьетнаме.

Со временем я понял, что наша политика и программы в Индокитае приняли непредвиденное и нежелательное для нас направление и что цена, которую мы платили во имя осуществления наших замыслов, — а это человеческие жизни и политические, социальные и экономические издержки — возросла до невообразимых размеров. Мы потерпели поражение. Почему оно нас постигло? Можно ли было его предотвратить? Какие уроки нужно извлечь из нашего опыта, и помогут ли они другим избежать сходных ошибок?

Мысль о том, что после окончания войны ученые захотят все исследовать и займутся этими вопросами, не выходила у меня из головы.

В июне 1967 года я решил попросить Джона Макнотона, моего заместителя по вопросам международной безопасности, приступить к подборке документов, которыегодились бы будущим ученым. Я сказал ему, что он должен расширить диапазон поиска и включить в формирующееся собрание соответствующие материалы не только из нашего ведомства, но и из Госдепартамента, ЦРУ и Белого дома. Я хотел, чтобы эта работа была выполнена с максимальной объективностью. И заявил Джону, что не буду в ней участвовать.

— Передай своим сотрудникам, чтобы они ничего не скрывали, — проинструктировал его я. — Пусть все будет как есть.

Возможно, импульс, заставивший меня сказать об этом, продиктовал мне и другое решение: даже не упоминать президенту или госсекретарю о данном проекте. Однако он не был секретным хотя бы уже потому, что в работе участвовало тридцать шесть исследователей и аналитиков.

Сбор документов начался 17 июня 1967 года, за месяц до трагической гибели Макнотона в авиакатастрофе. Работой руководил Лесли Гелб, который тогда был сотрудником Института стратегического анализа, а теперь является президентом Совета по международным отношениям. В его задачу входила подборка докладных записок, отчетов, телеграмм и донесений с полей сражений за более чем двадцатилетний период. Через несколько лет Лес рассказал одному исследователю:

— Мне оставалось только позвонить и сказать: «Макнамара попросил». Затем я встречался с людьми, объяснял им цель исследования и просил такие-то и такие-то материалы... Они все отвечали: «Да, конечно»... Никто никогда не отказывал мне¹.

К началу 1969 года мы имели уже не просто подборку разрозненных материалов для ученых, а систематизированное исследование американской политики во Вьетнаме со времен Второй мировой войны, насчитывавшее семь тысяч страниц. В нем имелись пробелы, связанные с вполне понятными причинами, поскольку речь шла о совсем не-

---

¹ Цит. по: *Ungar S.J. The Papers and the Papers: An Account of the Legal and Political Battle over the Pentagon Papers*. N. Y.: Dutton, 1972. P. 20–21.

давних событиях. Но отчасти они возникли и потому, что у Леса и его команды не было доступа к архивам Белого дома и к ряду важнейших материалов Госдепартамента. В общем же работа была выполнена просто превосходно и соответствовала моей цели: с тех пор почти каждый научный труд, посвященный Вьетнаму, в той или иной степени основывался на наших документах.

Как и многое другое, связанное с Вьетнамом, эта попытка помочь ученым разобраться в проблеме обернулась для нас еще одним уроком с непредсказуемыми последствиями. В 1971 году Дэниел Элсберг, работавший у Гелба, допустил утечку материалов, и они появились на страницах «Нью-Йорк таймс». Редакторы окрестили документы «Бумагами Пентагона» и начали печатать отрывки из них, что привело в полное замешательство высших чиновников в администрациях Джонсона и Никсона. Когда в воскресенье 13 июня в газете появились первые выдержки, Министерство юстиции президента Никсона немедленно отреагировало, пустив в ход все законные средства для пресечения дальнейших публикаций.

Хотя я уже давно не работал в Министерстве обороны, происшествие коснулось и меня, пусть и не напрямую. Вечером в понедельник 14 июня глава вашингтонского бюро «Нью-Йорк таймс» Джеймс Б. «Скотти» Рестон и его жена Салли обедали с Марджи и со мной у нас дома. Раздался звонок. К телефону попросили «Скотти», и он прошел в библиотеку, чтобы никому не мешать. Через несколько минут Рестон вернулся к столу, держа в руках лист бумаги. Он сообщил, что редакторы и юристы, работавшие в газете, набросали текст заявления, в котором «вежливо отклонили» требование министра юстиции Джона Митчелла воздержаться от дальнейших публикаций этих материалов. Затем он прочел нам проект заявления и спросил, что я о нем думаю. Я ответил, что «Нью-Йорк таймс» вправе печатать их и дальше, но газете нужно подстраховаться, дав ясно понять: она подчинится любым распоряжениям Верховного Суда. Суд, разумеется, разрешил этому изданию продолжать знакомить читателей с «Бумагами Пентагона».

Из-за газетных публикаций все мы, причастные к процессу принятия решений по Вьетнаму, оказались под ударами критики, еще более резкими и жесткими, чем прежде. Распространились нелепые слухи о том, почему я взялся за данный проект. В одном сообщении даже говорилось, будто я сделал это по просьбе Бобби Кеннеди и в отместку Джонсону, то есть желая помочь Бобби выиграть президентские выборы 1968 года. Это была полнейшая чушь. Но когда впоследствии Дин спросил меня, почему я ничего не сказал ему или президенту о своем проекте, я почувствовал неловкость. Мне нужно было это сделать.

Дин Раск был одним из самых преданных граждан своей страны, каких я когда-либо встречал. Его верность президенту и институту президентства как таковому проявлялась в самых различных формах.

О ней не в последнюю очередь свидетельствует эпизод, происшедший летом 1967 года.

Дин позвонил мне как-то в жаркий летний день и спросил, может ли он прийти ко мне в кабинет. Я ответил ему, что госсекретарь не должен приходить к министру обороны, напротив, это министр обороны должен являться к нему.

— Нет-нет, — возразил он. — Это личное дело.

Я ответил, не важно, личное ли это дело или официальное, и обещал подъехать к нему через пятнадцать минут.

Когда я вошел к нему в кабинет, он достал из ящика стола бутылку виски, налил себе и произнес:

— Я обязан подать в отставку.

— Ты сошел с ума! — воскликнул я. — О чем ты говоришь?

Он пояснил, что его дочь собирается выйти замуж за своего чернокожего однокурсника из Стэнфордского университета и он не может возложить на президента еще одно политическое бремя. Сегодня читателю трудно будет понять ход его рассуждений. Но тогда мне было совершенно ясно: он полагал, что если он, уроженец Юга, работает вместе с президентом-южанином, то подобный брак вызовет небывалую критику в адрес как его самого, так и президента. А значит, он или должен уйти в отставку, или помешать замужеству дочери.

Я спросил его, разговаривал ли он с президентом, и он ответил, что нет, он не желает его обременять.

— К черту разговоры о бремени! — произнес я решительно. — Если ты подашь в отставку, то вот это действительно станет для него тяжким бременем. И я знаю, что он тебя просто не отпустит. А если ты не решаешься поговорить с президентом, это сделаю я.

Дин все же рассказал президенту, и тот отреагировал, как я и ожидал, от души поздравив Дина с предстоящей свадьбой. Насколько мне известно, брак не оказал никакого влияния на политическую карьеру Дина или президента.

В начале июля 1967 года президент попросил меня отправиться во Вьетнам и вновь оценить сложившееся положение. Я взял с собой Ника Каценбаха и «Баса» Уилера. В Сайгоне мы выслушали оптимистические сообщения генерала Уэстморленда и Эллсуорта Банкера, известного дипломата, сменившего Лоджа в апреле на посту посла США.

— Ситуация совсем не тупиковая, — заявил Уэстморленд. — Мы продвигаемся медленно, но неуклонно, а если укрепим наши позиции, то темп можно будет ускорить.

Банкер в общем-то повторил эту оценку. Он также считал, что война закончится нашей победой, но добавил весьма важное замечание, отражавшее истинную суть позиции президента Кеннеди:

— В конце концов они [южновьетнамцы] должны сами выиграть войну.

Уэстморленд, очевидно, не разделял его точку зрения: он вновь попросил направить ему еще 200 тысяч военнослужащих. Я был против этого по причине, уже указанной Банкером¹.

Медленный ход войны, множась потери и все возрастающая поляризация отношения к вьетнамской проблеме в самой Америке тревожили и огорчали президента. Когда Ник, «Бас» и я доложили ему 12 апреля обо всем, что видели, он раздраженно спросил:

— Сможем ли мы победить в этой проклятой войне?

Оптимистические сведения, полученные в Сайгоне, на какое-то время ослабили давние сомнения в военных успехах на Юге. И я сказал президенту:

— Там нет военного тупика.

А потом добавил, что если мы будем следовать нашей программе, то победим. Я имел в виду и армию, и, разумеется, действия южновьетнамского правительства. Но я по-прежнему не верил в эффективность бомбардировок и заявил президенту, что, вопреки требованиям генералитета, не намерен добиваться их усиления². Последующие события лишний раз убедили меня в правоте избранной мною позиции, а заодно укрепили и мое недоверие к наземным операциям.

К тому времени мое отношение к бомбардировкам сделалось известным далеко за пределами Военного ведомства и вызвало противоречивые отклики. Если либералы и умеренные критиковали президента Джонсона за провал в свертывании военных операций, то «ястребы» в обеих партиях, при полной поддержке со стороны КНШ, требовали расширения войны. Последняя группа гораздо больше беспокоила президента, Дина и меня. Опросы общественного мнения показывали, что взгляды этих самых «ястребов» приобретают все большую популярность. Например, опрос, проведенный службой Харриса в середине мая, свидетельствовал о перевесе, пусть и незначительном, сторонников экспансии войны над сторонниками нашего ухода из региона (45% против 41%)³.

Растущая поддержка «ястребов» дала о себе знать и в деятельности Подкомитета по расследованиям при сенатском Комитете по вооруженным силам, возглавляемого Джоном Стеннисом (демократом от

¹ См. Westmoreland. Vietnam Sec Def Briefings, 7–8 July 1967 — COMUSMACV Assessment [Уэстморленд. Вьетнам. Брифинги министра обороны 7–8 июля 1967 г. Оценка командующего американскими войсками во Вьетнаме] // Department of State Lot File 70 D 48; Bunker [Банкер] // CF. VN. NSF. LBJL.

² См.: Middleton H. LBJ: The White House Years. N Y: Abrams, 1990. P. 178; Notes of July 12, 1967, meeting [Заметки о совещании 12 июля 1967 г.] // Tom Johnson's Notes of Meetings. LBJL.

³ См.: New York Times. 1967 May 17.

штата Миссисипи). Стеннис и его коллеги — Стюарт Саймингтон (демократ от штата Миссури), Генри Джексон (демократ от штата Вашингтон), Говард Кэннон (демократ от штата Невада), Роберт Берд (демократ от штата Западная Вирджиния), Маргарет Чейз Смит (республиканка от штата Мэн), Стром Термонд (республиканец от штата Южная Каролина) и Джек Миллер (республиканец от штата Айова) выступали с бескомпромиссными заявлениями о необходимости более широкого использования военной авиации и вот уже на протяжении нескольких месяцев резко критиковали правительственную программу бомбардировок. Когда же в июне они узнали от руководства КНШ, что президент согласился с моими рекомендациями об ограничении бомбардировок, то вступили на тропу войны. Они объявили о своем намерении пригласить военную верхушку и меня для дачи показаний.

Слушания начались в августе. Их целью было оказать давление на Белый дом и добиться отмены ограничения бомбардировок. Хотя конгрессменам не удалось это сделать, президент Джонсон был выведен из равновесия. Позиция сенаторов и военных воспринималась им как свидетельство настоящей политической катастрофы. Позднее он сказал «Басу»:

— Твои генералы чуть ли не уничтожили нас во время дачи показаний в Комитете Стенниса. Нас просто убивали на этих слушаниях¹.

За день до их начала президент предупредил меня, что судилище будет беспощадным.

— Меня не беспокоит это судилище, и пока что я уверен: мы действуем правильно, — ответил я ему.

Он поглядел на меня и не сказал больше ни слова. Неудивительно, что президентская политическая антенна оказалась чутче моей².

Закрытые слушания продолжались с перерывами семь долгих, тягостных дней — с 9 до 29 августа — и стали одним из самых гнетущих, стрессовых эпизодов в моей жизни. Сенатор Стеннис ясно сформулировал во вступительном слове свои взгляды, заметив:

— В Конгрессе задают вопросы, мудро ли мы поступаем, направляя во Вьетнам все больше и больше наших солдат, а затем оставляя их на милость партизан, и при этом даже не пытаемся блокировать пути снабжения противника всем необходимым более эффективно, чем это делается сейчас. Лично я считаю, что прекращение или сокращение бомбардировок стало бы нашей трагической и, возможно, даже роковой ошибкой.

Затем с показаниями выступило руководство ВМС, ВВС и Армии, в том числе все пять начальников штабов и пять командующих, имев-

¹ См. Notes of October 17, 1967, Tuesday Lunch [Заметки о ленче во вторник 17 октября 1967 г.] // Tom Jonson's Notes of Meetings. LBJL.

² См.: Notes of August 8, 1967, Tuesday Lunch [Заметки о ленче во вторник 8 августа 1967 г.] // LBJL.

ших прямое отношение к бомбардировкам. Все они полностью поддержали Стенниса. Суть их заявления сводилась к следующему:

- Воздушная война на Севере — это важная и неотъемлемая часть военной стратегии США на Юге.
- Бомбардировки причинили Северному Вьетнаму значительный ущерб, лишив его множества важных объектов, разрушенных во время налетов. И они же затруднили проникновение людей и поставки снаряжения в Южный Вьетнам, вывели из строя огромное число северовьетнамских солдат, которые при иных обстоятельствах могли бы быть направлены на Юг, и резко ограничили возможности северовьетнамцев проводить крупные боевые операции на территории Южного Вьетнама. В результате произошло сокращение наших потерь в живой силе.
- Не будь бомбардировок, Северный Вьетнам удвоил бы свои силы на Юге, что заставило бы нас направить в Южный Вьетнам еще 800 тысяч человек и увеличить военные расходы на 75 миллиардов долларов, непомерные для нашего бюджета.
- Восстановление разрушенных объектов обеспечило рабочими местами 500 тысяч северовьетнамцев, многие из которых в противном случае влились бы в повстанческие отряды на Юге.
- Прекращение бомбардировок в настоящий момент привело бы к «подлинной катастрофе», значительно увеличив наши потери и продлив войну на неопределенный срок.
- Бомбардировки могли бы быть гораздо эффективнее, если бы гражданские лидеры прислушивались к советам военных и ослабили свой слишком уж жесткий контроль над действиями нашей авиации... Нарастание мощи воздушных атак происходит крайне медленно. Бомбовым ударам подвергаются в основном цели, находящиеся к югу от жизненно важных для северовьетнамцев объектов в окрестностях Ханоя и Хайфона. Вызывает недоумение отсутствие какой-либо реакции со стороны наших вооруженных сил на размещение на территории Камбоджи лагерей южновьетнамских партизан. Попытки закрыть или нейтрализовать порт в Хайфоне закончились провалом. Все это и многое-многое другое помешало бомбардировкам достичь желаемого результата.
- Приверженность «доктрине постепенности» и длительные задержки при определении реально значимых целей предоставили Северному Вьетнаму достаточно времени для создания мощной и грозной системы противовоздушной обороны, что имело своим следствием возросшие потери самолетов и пилотов США, и позволили Северному Вьетнаму подготовиться к вполне предсказуемым налетам на склады с бензином, нефтью, смазочными мате-

риалами и так далее, заранее построив новые хранилища, размещенные в разных районах страны¹.

Генералы и адмиралы единодушно протестовали против вмешательства в «их» дела штатских руководителей из Вашингтона, считая данное обстоятельство центральной проблемой, влиявшей на ход войны. По их мнению, именно штатские мешали им одержать победу и посылали солдат на верную смерть. А я был убежден в том, что мы спасли немало американцев и при этом не оказали негативного воздействия на развитие военной ситуации.

Наконец, это было 25 октября, Подкомитет пригласил меня, чтобы выслушать, что могу я сказать в ответ на выдвинутые обвинения. Я начал давать показания, напомнив сенаторам, что мы рассчитывали с помощью бомбовых ударов:

- 1) сократить и проникновение северовьетнамцев на территорию Южного Вьетнама, и поставки вооружения с Севера на Юг и/или заставить противника оплачивать все это по более высокой цене;
- 2) поднять моральный дух южновьетнамцев, находившихся в начале бомбардировок в угнетенном состоянии, вызванном войной;
- 3) убедить северовьетнамских лидеров в том, что пока они будут продолжать свою агрессию на Юге, за нее расплачиваться им придется на Севере.

Таковы были три наши цели, когда в феврале 1965 года мы приступили к бомбардировкам, и такими они оставались и в августе 1967 года. Я провел весь день, терпеливо и подробно разъясняя сенаторам, почему бомбардировки необходимо ограничить. Я сказал, что мы должны усвоить урок: никакие воздушные атаки вплоть до полного уничтожения Северного Вьетнама и его населения, — а эта мера не может вызвать одобрения ни у одного нормального человека, — не сократят потоки людей и снаряжения, идущие на Юг, ниже того минимального уровня, при котором противник способен еще продолжать операции. В равной степени никакие бомбардировки Севера, опять-таки вплоть до полного его уничтожения, не сломят волю Ханоя к продолжению противостояния. Я подчеркнул, что воздушная война на Севере не заменит наземную войну на Юге и бомбардировки не помогут нам выиграть войну малой кровью.

Я объяснил также сенаторам, что бомбардировки путей снабжения мало что изменили, потому что Северный Вьетнам обладает чрезвычайно разветвленной и гибкой транспортной системой, включающей в себя железнодорожные пути, водные трассы и обычные дороги и тропы.

¹ См.: PP. Vol. 4. P. 199.

Поэтому неудивительно, что северовьетнамцы привыкли пользоваться различными видами транспорта: поездами, грузовиками, баржами, сампанами, повозками с рикшами и велосипедами (каждый из которых, как я заметил, способен перевозить грузы весом до 500 фунтов). Подобная транспортная система не требует огромных затрат, ее легко можно создать и воссоздать, а ее пропускная способность во много раз превышает тот уровень, который необходим для бесперебойного обеспечения наших противников в Южном Вьетнаме и военным снаряжением, и продуктами питания, тем более если учесть, что в весовых показателях и то и другое ничтожно малы. В этом-то и заключается самая суть. Судя по сообщениям разведки, силам противника на Юге нужно только 15 тонн поставок в день, не считая, впрочем, продовольствия. Между тем один только путь, протянувшийся с Севера на Юг, в состоянии пропускать ежедневно свыше 200 тонн даже при интенсивных бомбардировках.

Я отметил также, что всего на нашем счету 173 тысячи боевых вылетов в Северный Вьетнам — это огромное число даже по сравнению с общим числом самолетовывлетов, совершенных авиацией союзников во время массированных бомбардировок Германии в годы Второй мировой войны. И еще я сказал своим «судьям», что 90% бомбовых ударов предназначалось нами исключительно для разрушения путей снабжения наших противников в Южном Вьетнаме.

Затем мною был затронут вопрос, касавшийся так называемых «стационарных объектов» — фабрично-заводских предприятий, электростанций, складов и того подобного — на территории Северного Вьетнама. На них было направлено лишь 10% наших ударов. Я объяснил, что мы выбирали эти объекты с помощью сравнительного анализа, учитывая военную значимость каждого из них, возможные потери в людях как с американской, так и с вьетнамской стороны, а также степень риска эскалации войны. КНИИ рекомендовал президенту и мне 359 таких целей, из которых мы отобрали 302, или 85%. По мнению самого военного руководства, семь из 57 отклоненных нами объектов не представляли особой ценности, девять являлись небольшими складами горючего, на которые приходилось менее 6% общей емкости бензохранилищ, еще остававшихся у Северного Вьетнама, двадцать пять объектов, уже не имевших никакого отношения к хранению нефтепродуктов, были столь же малозначительны и к тому же располагались в хорошо защищенных районах, так что, как я считал, жертвовать жизнью американских военнослужащих ради их уничтожения не имело никакого смысла. Еще пять целей находилось слишком близко к китайской границе, а судьбу остальных мы пока не решили.

Я пытался разъяснить, что сам выбор этих объектов свидетельствует о полном непонимании того, казалось бы, очевидного факта, что материально-технические потребности Северного Вьетнама более чем скромны и что у него имеются внешние источники поддержания его

военного потенциала. Мы уже вывели из строя 85% всех установленных мощностей северовьетнамских электростанций, зная при этом, что одна лишь электростанция «Потомакской электроэнергетической компании», расположенная в Александрии, в штате Вирджиния, производит в пять с лишним раз больше электроэнергии, чем все электростанции в Северном Вьетнаме. Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что военные нужды этой страны удовлетворяются в основном не отечественной обрабатывающей или нефтеперерабатывающей промышленностью, а за счет поставок из СССР и Китая.

Упомянув о том, что в ежемесячном отчете «Оценка бомбардировок Северного Вьетнама», который ЦРУ готовило совместно с уже упоминавшимся выше Разведывательным управлением Министерства обороны, или РУМО, и распространяло среди высшего военного и гражданского руководства, включая президента, постоянно повторялся один и тот же вывод, я процитировал соответствующее место из этого доклада:

Поэтапное осуществление программы бомбардировок внесло существенные изменения в систему противовоздушной обороны и привело к резкому снижению экономической активности на территории Северного Вьетнама. Однако северовьетнамцы все еще способны оказывать содействие нашим противникам в Южном Вьетнаме и Лаосе на прежнем или даже на более высоком уровне и поддерживать их силовые структуры¹.

Коль скоро мы по-прежнему стремимся к расширению масштабов воздушной войны, сказал я сенаторам, то наверняка найдутся такие, кто предложит нам на сей раз заняться «бомбардировкой портов и минированием гаваней, в первую очередь в Хайфоне, что позволило бы, как считают они, предотвратить поступление во Вьетнам военного снаряжения и иных видов промышленной продукции, необходимых для поддержания боевых операций на Юге». Не ограничившись подобным высказыванием, я тут же обстоятельно разъяснил, почему подобные меры не принесут нам желаемых результатов. Сам тот факт, что бомбовые удары в состоянии серьезно повлиять на северовьетнамский импорт товаров военного назначения, не вызывает сомнений.

Но у нас нет также и оснований сомневаться в том, что нынешний объем импорта значительно превышает потребности Северного Вьетнама в тех видах снаряжения, без которых он не смог бы вести вооруженную борьбу с Южным Вьетнамом. Как я уже говорил, согласно оценкам экспертов, нашему противнику на Юге ежедневно требуется 15 тонн непродовольственных поставок. Если даже мы увеличим это количество в пять раз, все равно оно будет значительно отставать от совокупного объема

¹ См., напр.: CIA/DIA Memorandum S-2408/AP4AS. An Appraisal of the Bombing of North Vietnam (through July 18, 1967). 1967. July. P. 2 [Меморандум ЦРУ/РУМО № S-2408/AP4AS. Оценка бомбардировок Северного Вьетнама (до 18 июля 1967 г.). 1967. Июль. С. 2] // CF VN: NSF. LBJL.

северовьетнамского импорта, равного примерно 5800 тоннам в день. Мы не должны также забывать и то обстоятельство, что у Северного Вьетнама имеются широкие возможности резкого увеличения своего импорта. Пропускная способность морских портов вместе с шоссевыми и железными дорогами, связывающими эту страну с Китаем, составляет около 14 тысяч тонн ежедневно.

В настоящее время значительная доля импорта поступает в Северный Вьетнам через Хайфон... Он принимает большую часть идущих в эту страну промышленных товаров двойного (гражданского и военного) назначения, таких, например, как грузовики, генераторы и строительное оборудование, хотя в целом на данную категорию приходится лишь весьма незначительный процент общего объема поставок, осуществляемых морским путем. Что же касается товаров сугубо военного назначения (по оценкам разведслужб, общий объем импорта данной категории промышленной продукции равен примерно 500 тоннам в день), то если они и поступают по морю, так только в ничтожно малых количествах. Таким образом, делая основной упор на Хайфон, мы действуем скорее в силу привычки, чем из соображений целесообразности. Его порт, легкодоступный и удобный во многих отношениях, идеально приспособлен для приема судов, доставляющих в Северный Вьетнам разного рода товары. Но если мы даже и закроем его, как и другие порты, и гипотетически не подпустим к берегам этой страны ни одно торговое судно, — что, само собой разумеется, попросту невозможно, — Северный Вьетнам все равно не будет загнан в угол: ведь он сможет по-прежнему получать из-за рубежа свыше 8400 тонн различного груза, доставляемого на его территорию по шоссевым и железным дорогам и по внутренним водным путям. И даже если в результате бомбардировок поставки по шоссевым и железным дорогам и по Красной реке уменьшатся на 50%, импорт Северного Вьетнама сократится лишь до 70% от нынешнего уровня. Поскольку же объем поступающих ежедневно в страну товаров сугубо военного и двойного назначения в целом значительно меньше вышеуказанных цифр, прекращение поставок по морю не мешает Северному Вьетнаму продолжить военные операции на Юге на том же уровне, что и сегодня...

Нельзя забывать и еще об одной вещи. Северовьетнамское побережье протянулось на 400 миль так, что многие населенные пункты расположены у самого моря. Отсюда следует, что минирование гавани в Хайфоне или полное разрушение его порта никак не смогут помешать разгрузке иностранных судов, если они встанут на якорь неподалеку от берега. Конечно, можно попытаться помешать переправлять на лодках товары с кораблей на берег или решиться на уничтожение иностранных торговых судов, но все эти меры, сколь бы успешными, на наш взгляд, они ни были, могут привести лишь к одному: к полной зависимости Северного Вьетнама от поставок товаров сухопутным путем через территорию коммунистического Китая, с которым у него общая граница протяженностью примерно в 500 миль¹.

¹ Testimony of Robert S. McNamara, Secretary of Defense, August 25, 1967. Air War Against North Vietnam [Показания министра обороны Роберта С. Макнамары 25 авгу

Аргументы против расширения воздушной войны были ясны. И к тому же они подтверждались цифрами куда убедительнее любых слов. Однако реакция на мое выступление была далеко не однозначной.

Сенатора Кэннона не интересовало обсуждение наших целей. Зато он резко раскритиковал мое нежелание следовать советам военных относительно использования Вооруженных сил США во Вьетнаме.

— Еще в октябре 1965 года, — заявил он, — объекты предполагаемых бомбардировок были единодушно рекомендованы Комитетом начальников штабов. Не пойму никак, доверяете ли вы мнению членов КНШ или нет... и по какой такой причине вы пренебрегаете их рекомендациями, касающимися военных вопросов и военных объектов.

Я ответил, что «по Конституции председатель КНШ подчинен гражданскому лицу, президенту, и я уверен, что это не означает, что президент обязан слепо следовать рекомендациям своих военных советников. Итак, можно утверждать, что, согласно Конституции, президент вправе порой поступать вопреки рекомендациям своих советников».

— Конституция, — продолжал я, — предполагает, что президент как верховный главнокомандующий учитывает более широкий спектр факторов, чем соображения военных, когда он принимает решения в соответствующей сфере. Именно так и происходило в последнее время. Речь идет не о доверии или недоверии к начальникам штабов: если бы мы им не доверяли, они не занимали бы свои посты¹.

Спор достиг апогея, взаимные обвинения приняли еще более резкие и жесткие формы. Мой обмен мнениями с сенатором Термондом иллюстрирует нараставшее напряжение в зале.

— Господин министр, меня чрезвычайно разочаровали ваши слова. Я думаю, они польстили бы коммунистам. Да-да, они прозвучали бы весьма лестно для коммунистов. Ведь это заявление человека, не желающего нашей победы.

Я возразил ему:

— В этом комитете не выступал еще ни один свидетель, который сказал бы, что санкционирование уничтожения остающихся пятидесяти семи объектов способно хоть как-то ускорить завершение войны².

В конце долгого и полного волнений дня я выступил с заключительным словом. В своей краткой речи я умолял присутствующих прислушаться к голосу разума:

Трагический и затянувшийся конфликт на Юге может подтолкнуть к соблазнительно простому решению — замене его массированными бом-

---

ста 1967 г. Воздушная война против Северного Вьетнама] // Hearing Before the Preparedness Investigating Subcommittee of the U. S. Senate Armed Services Committee. Washington: U. S. Government Printing Office, 1967. P. 280—281.

¹ Ibid. P. 304—305.

² Ibid. P. 297.

бардировками Севера. Но при всей заманчивости этой альтернативы она представляется мне чистейшей иллюзией. Если бы мы попытались так поступить, то не только ничего не добились бы, но и поставили бы наших военных, да и всю нашу страну, в рискованное положение, а я на такое пойти не могу¹.

Подкомитет в своем отчете сурово раскритиковал меня за стремление свернуть ход военных действий, которое он сам же мне и приписал. Согласно единодушному мнению его членов, «жесткий контроль и чрезмерные ограничения привели к неэффективному использованию наших военно-воздушных сил». В заключение сенаторы заявили:

Мы не можем, поступая по совести, просить сухопутные войска продолжать сражения в Южном Вьетнаме до тех пор, пока не подготовимся к эффективному ведению воздушной войны на Севере... Логика и благоразумие требуют, чтобы решение принималось единогласно и в соответствии с рекомендациями военного руководства².

Вскоре после слушаний появились сообщения, что мой доклад вызвал у военного руководства настоящий взрыв негодования. Несколько лет спустя журналист Марк Перри написал, что вслед за моим выступлением «Бас» созвал начальников штабов и в знак протеста они все решили подать в отставку. Командующий корпусом морской пехоты генерал Уоллес Грин и начальник штаба ВМС адмирал Томас Мурер впоследствии отрицали этот факт. Я тоже сомневаюсь в подобных намерениях членов КНШ³.

Однако расхождение во мнениях разделило нас на разные группировки. Конфликты не прекращались, напряженность продолжала нарастать и наконец достигла кульминации. В начале сентября «Бас» свалился с сердечным приступом — первым из целого ряда недомоганий, в результате погубивших его. Правда, еще до конца года «Бас» оправился и опять стал принимать участие в работе администрации президента. Он выступал с советами и рекомендациями на частных встречах и заседаниях, стараясь не обострять обстановку и избегать конфронтации, как уже делал это во время слушаний в Подкомитете Стенниса. Остальные члены военного руководства, с которыми я проработал свыше семи лет, также остались верны своему командующему и своей стране.

¹ Ibid. P. 282.

² News Release by John Stennis, Chairman, Preparedness Investigating Subcommittee of the U. S. Senate Armed Services Committee. 1967. August 31 [Пресс-релиз Джона Стенниса, председателя Подкомитета по расследованиям при сенатский Комитете по Вооруженным силам. 1967. 31 августа].

³ См.: Perry M. Four Stars. Boston: Houghton Mifflin, 1989. P. 163–166.

Глубокие различия во взглядах на вьетнамскую проблему отчетливо выявились и у советников президента на двух встречах директора ЦРУ Ричарда Хелмса с президентом Джонсоном. 29 августа Дин направил ему доклад с личной оценкой последствий бомбардировок Севера. Он указал на то, что с марта 1967 года мы ежемесячно совершали свыше 10 тысяч самолетовылетов — на 55% больше, чем в тот же период в 1966 году. Несмотря на эскалацию и «усугубившиеся трудности, материальные потери и новые проблемы, связанные с управлением и снабжением, которые возникли в результате воздушной войны, — писал он, — Ханой продолжает удовлетворять свои экономические потребности и поддерживать войну в Южном Вьетнаме. *Поставки военного снаряжения и всего прочего не прекращаются*»¹ (выделено мною. — Р. М.).

Через две недели, 12 сентября, он отправил президенту вторую, совершенно необычную, докладную записку на тридцати трех страницах, с которой, как и с предыдущей, лишь недавно был снят гриф секретности. Он предупредил президента: «В случае утечки данный документ может доставить нам немало хлопот. Поэтому я посылаю его вам в конверте с сургучной печатью». Далее он сообщал:

Поскольку частью моей работы является изучение различных ситуаций и поскольку наше присутствие во Вьетнаме имеет множество аспектов, я недавно попросил одного из самых опытных аналитиков из Отдела национальных оценок определить реальные перспективы Соединенных Штатов в этой борьбе. Он выбрал для своей цели документ, озаглавленный «Предположительный вариант неудачного завершения войны во Вьетнаме». Я считаю, что вы найдете его небезынтересным. *Его не передавали и впредь не собираются передавать ни одному из членов правительства* (выделено в оригинале. — Р. М.).

Не говоря о причинах, автор документа проконсультировался с тридцатью или более сотрудниками своего отдела. Они заметно расходились во взглядах, когда речь заходила о деталях или расстановке акцентов. И в то же время документ свидетельствовал об их единодушии — гораздо больше, чем можно было ожидать в связи со столь сложным вопросом, — в подходах более общего характера.

Я подчеркиваю, что этот документ не является доводом в пользу окончания или продолжения войны. Мы не сторонники поражения. Однако в нем ставится гипотетический вопрос, который автор задавал самому себе: каковы будут последствия неблагоприятного исхода войны для американской политики и американских интересов вообще?²

¹ Richard Helms Memorandum for the President. Subject: Effects of the Intensified Air War Against North Vietnam. 1967. August 29 [Служебная записка Ричарда Хелмса президенту. Тема: «Последствия усиленных бомбардировок Северного Вьетнама». 1967. 29 августа]; Attachment. Walt W. Rostow to the President. 1967. August 29. 5:55 p. m. [Приложение. Уолт У. Ростоу — президенту. 1967. 29 августа. 17 часов 55 минут] // NSF. LBJL.

² Richard Helms Memorandum for the President. 1967. September 12 [Служебная записка Ричарда Хелмса президенту. 1967. 12 сентября] CF. VN: Box 259/260: NSF. LBJL.

Хелмс был прав, когда сравнил свой отчет с политической бомбой. После двадцати страниц подробного изложения событий и их тонкого анализа автор сделал вывод:

Упомянутое выше обсуждение коснулось многих регионов и проблем. Любые самые точные или откровенные выводы неизбежно исказят все, что было сказано там, и будут способствовать неверному пониманию трезвых суждений. Я постараюсь представить наиболее существенные впечатления, которые наверняка возникнут от знакомства с данным документом:

- а) неблагоприятный исход войны во Вьетнаме крайне негативно отразится на престиже США, ограничит американское влияние и нанесет столь большой ущерб нашим интересам, что мы даже не в силах предсказать вероятные последствия;
- б) возможно, эти последствия не повлияют на роль США как ведущей мировой державы, и мы по-прежнему будем стремиться к установлению порядка и безопасности в разных регионах;
- в) наиболее тревожным и чреватым катастрофой является положение, сложившееся в самих Соединенных Штатах: внутренние конфликты способны сократить возможность разумного использования наших сил и ресурсов и вызвать недоверие к лидирующей роли Америки во всем мире;
- г) дестабилизация политической обстановки в наиболее сильной степени проявится в Юго-Восточной Азии, где некоторые страны столкнутся, вероятно, с усилением внутреннего раскола и возрастанием давления извне. В этом регионе могут возникнуть беспорядки. Аналогичные явления вряд ли будут наблюдаться в других районах мира, а если что-то подобное и случится, то ситуацию несложно будет исправить.

Докладная завершалась следующими словами:

Любой честный и беспристрастный анализ должен основываться на такой предпосылке: если Соединенным Штатам будет грозить поражение во Вьетнаме, то им придется заплатить *определенную* цену и пойти на риск, соответствующий будущим успехам. Упадок духа мировой сверхдержавы, использовавшей свои огромнейшие ресурсы и престиж ради военной кампании, может в известной мере нанести ущерб всей системе мировой безопасности. В случае с Вьетнамом мы вряд ли сможем найти общий знаменатель, позволивший бы сопоставить ту цену, которую нам пришлось бы заплатить за возможность рискнуть, с текущими издержками, связанными с продолжением войны. Каждый, кто готов сделать этот тяжелейший выбор, должен всегда иметь в виду указанное выше обстоятельство. Если предложенный анализ станет когда-либо предметом обсуждения, то речь надо будет вести о *сокращении возможного риска и более строгом контроле над связанной с ним ситуацией, чем предполагалось это в большинстве предыдущих высказываний* (выделено мною. — Р. М.)¹.

¹ Implications of an Unfavorable Outcome in Vietnam. 1967. September 11 [Значение неблагоприятного исхода во Вьетнаме. 1967. 11 сентября] // Ibid.

Я не видел этой докладной до начала работы над книгой. Насколько мне известно, президент Джонсон ее никому не показывал.

Некоторые скажут, что подобный факт свидетельствует о крайней скрытности президента, которая неминуемо вела к ошибочным решениям по Вьетнаму. Один из его ближайших советников, комментируя ранний вариант текста моей книги, написал, что мне не удалось правильно определить причину слабости Джонсона в его подходе к принятию решения: «Он не любил совместную работу и, принимая решения, всегда предпочитал оставаться в одиночестве. Он никому не позволял подсматривать в свои карты. Его нежелание исследовать возможные «мирные способы» стало причиной неудачи с паузой в бомбардировках. В общем, характер его действий стал основным фактором, обусловившим недостатки руководства ходом вьетнамской войны».

Подобно все нам, Линдон Джонсон порой сталкивался с трудностями и испытывал сомнения. Получив от главного советника документ, в котором ставились кардинальные вопросы нашего участия в войне, и не позволив обсудить его с коллегами, он повел себя просто неподобающе для главы правительства. Можно привести и другие примеры так называемого авторитарического стиля Джонсона. Но я думаю, что ошибки президента связаны не только с этими факторами. Все обстояло значительно сложнее. Подчиненные тоже должны были находить способы исправления недостатков политического руководства лидера. Как-никак на них была возложена обязанность выявлять противоречия в политике и подробно их обсуждать. Если бы мы это сделали, то смогли бы, вероятно, изменить политический курс.

Секретная докладная Дика Хелмса показывает, что осенью 1967 года ведущие аналитики ЦРУ считали: мы сможем уйти из Вьетнама без большого ущерба для престижа США и угрозы безопасности всему Западу. В то время, когда они высказывали эту точку зрения, я выступал в Подкомитете ЦРУ/РУМО Стенниса с утверждением, подкрепленным анализом, что мы не сможем победить в войне, сбрасывая бомбы на Северный Вьетнам. И в моем меморандуме от 19 мая говорилось, что мы по-прежнему будем нести тяжелые потери в Южном Вьетнаме без уверенности в предстоящей победе.

Но в таком случае как можно объяснить нежелание администрации начинать переговоры и обдумывать возможный план вывода войск? Ответ состоит в том, что Комитет начальников штабов и многие в правительстве оценивали военные успехи совершенно иначе, а влиятельные конгрессмены разделяли их мнение, да и сам президент и общественность были скорее на их стороне.

Об агрессивности и желчности моих оппонентов можно судить по газетной статье, опубликованной 7 сентября и содержавшей резкие нападки на меня как министра обороны. В ней говорилось:

Наблюдаются явные признаки того, что администрация пресытилась ложными решениями и диктаторской заносчивостью Роберта Стрэйнджа Макнамары, человека, не высказавшего ни одной верной мысли ни по Вьетнаму, ни в связи с другими военными вопросами. Наиболее очевидным доказательством отлучения Макнамары от окружения Джонсона является тот факт, что военные впервые смогли свободно высказать свое несогласие с присутствовавшим министром обороны... Они вступили с ним в открытую борьбу, и, как мне кажется, это означало, что Белый дом вскоре избавится от его услуг¹.

Автором статьи был не кто иной, как Барри Голдуотер.

На самом деле в период слушаний в Подкомитете Стенниса администрация Джонсона предприняла наиболее последовательную попытку сдвинуть с мертвой точки переговоры с Ханоем. Эта тайная инициатива под кодовым названием «Пенсильвания» началась в июле, продолжалась три месяца и помогла отыскать путь, который привел к встрече в Париже представителей США и Северного Вьетнама, состоявшейся 10 мая 1968 года.

Как-то в понедельник утром в середине июня я вернулся в Пентагон после нескольких дней отсутствия и обнаружил у себя на столе кипу телеграмм из разных уголков мира. Одна из них была отправлена Генри Киссинджером, который тогда находился в Париже, Дину Раску, а мне переслали ее копию. Генри участвовал в Пагуошской конференции — международном форуме ученых и других представителей интеллигенции. Он сообщил, что у него установился контакт, способный нас заинтересовать. Речь шла о его знакомстве с французом Эрбером Марковичем, который выказал готовность помочь нам в установлении прямой связи между Соединенными Штатами и Северным Вьетнамом для изучения возможностей заключения мира. Другой француз, Раймон Обрак, появился в его поле зрения, когда Генри заявил, что должен обсудить этот вопрос в Вашингтоне. Теперь он спрашивал, что им сказать.

Я позвонил Джону Макнотону и попытался выяснить, что было сделано в связи с телеграммой.

— Ничего, — ответил он.

Тогда я спросил, что, по его мнению, нам следует делать.

— А что ты сам думаешь? — устало откликнулся он.

— Я первым задал вопрос, — напомнил я.

— Мы предприняли уже столько безрезультатных попыток приступить к переговорам, и я боюсь, что эта тоже окажется провальной, — сказал он. — Впрочем, почему бы нам не попробовать еще раз, но только не рискуя ничем?

¹ Goldwater B. Is McNamara Less Popular? // Atlanta Constitution. 1967. September 7.

Я полностью согласился с ним и обещал переговорить об этом с президентом и Дином во вторник, за ланчем.

Когда на следующий день во время ланча я затронул в разговоре с ними эту тему, Дин и президент были единомышленны:

— Знаешь, Боб, это дорога в никуда. Мы по таким уже ходили. Забудь об этом.

Они имели все основания так рассуждать. И хотя вопрос полностью относился к компетенции государственного секретаря, я уговорил их поручить это дело мне. Я обещал, что займусь им без какого-либо ущерба для репутации Соединенных Штатов.

Затем мы с Генри начали обмениваться мнениями. Первым делом я попытался выяснить, кто такие Обрак и Маркович. Обрак оказался левым социалистом, а Маркович — ученым. Прошло несколько недель, и я убедился, что Обрак гораздо хитрее и опытнее своего напарника. Он был старым другом Хо Ши Мина, который даже гостил у него в доме во время переговоров с французским правительством в 1946 году и являлся крестным отцом его дочери.

По совету Генри я предпринял ряд действий. У него уже был отлично разработанный план, и он дал мне ценные указания относительно северовьетнамцев и отклика на их предложения. Он также подробно и с исключительной точностью докладывал мне о контактах обеих сторон.

К началу июля мы уже проделали кое-какую работу, и я решил, что мы должны попросить Обрака и Марковича съездить в Ханой. Мы поручили им вновь представить формулу «Этап А — Этап Б», в соответствии с которой Соединенные Штаты должны будут прекратить бомбардировки при условии, что Северный Вьетнам предпримет ответные шаги.

Обрак и Маркович прибыли в Ханой 21 июля. Хо был болен, но согласился увидеться со своим старым другом Обраком. Потом Обрак и Маркович встретились с премьером Фам Ван Донгом и долго обсуждали с ним интересующий нас вопрос. Когда они представили наш план, премьер заявил:

— Мы хотим безоговорочного окончания бомбардировок, и если оно произойдет, никаких препятствий для переговоров более не будет.

По-видимому, он согласился поддерживать этот канал связи и предложил Обраку и Марковичу направлять ему послания через генерального консула Северного Вьетнама в Париже Май Ван Бо¹.

Когда Обрак и Маркович еще были в Ханое, я взял отпуск, чтобы уделить время Марджи. Ее язва причиняла ей большие страдания, и стало ясно, что без операции не обойтись. Марджи прооперировали в больнице Университета Джонса Хопкинса в начале июля. После операции она очень ослабела и жаловалась на сильные боли. Поэтому я

¹ См.: Chester L. Cooper Memorandum for the Negotiations Committee. 1967. August 2 [Служебная записка Честера Л. Купера для комитета по переговорам. 1967. 2 августа] // The Secret Diplomacy... P. 717—725.

решил продлить отпуск и провести его в Вайоминге. Марджи, Крэйг и я вылетели в Джексон-Хоул, у подножия Титон-Ренджа, входящего в горную систему Роки. Это одно из красивейших мест в мире. Пока Марджи отдыхала в гостинице, мы с Крэйгом поднялись на вершину Великого Титона. Нас сопровождала другая команда — еще два отца с сыновьями. Первым из них был министр Армии Стэн Резор, вторым Глен Икзам, с которым я путешествовал еще тридцать лет тому назад. Поход удался на славу. Нам пришлось потратить немало сил и энергии, но в результате мы смогли подняться на вершину и полюбоваться горными пиками, испытав удовлетворение от трудного и порой опасного подъема и ощутив себя близкими друзьями, как это бывает в подобных обстоятельствах.

Спустившись, Крэйг и я наняли машину с кроватью и сиденьем для Марджи и направились в Аспен, в штате Колорадо. Мы с нетерпением вглядывались вперед в надежде увидеть наконец наш дом для отдыха неподалеку от селения Сноумасс. Нам было уже известно, что антивоенные активисты, которые дважды пытались его поджечь, устроили в нем настоящий погром. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что повреждения не столь уж значительны, как мы предполагали. И все же нам нечему было радоваться: поджигатели приложили серьезные усилия, чтобы разрушить дом. Впоследствии ФБР докладывало и о других аналогичных попытках.

Например, когда Пэтти Херст арестовали за участие в «Симбионистской армии освобождения» в 1970-х годах, агенты обнаружили в принадлежавшем этой группе гараже в Беркли план нашего дома в Сноумассе. В каждой из наших спален красовалась наклейка с именем того, кто самовольно занимал ее в наше отсутствие. Однажды днем, возвращаясь с прогулки по горам близ Аспена, мы с Крэйгом увидели, что дом, снятый нами на время отдыха, окружен толпой поющих демонстрантов. Мы быстро скрылись из виду. Вскоре после этого инцидента мы прервали отпуск и вернулись домой, в Вашингтон.

Обрак и Маркович покинули Ханой 26 июля 1967 года. Генри встретился с ними в Париже через час после их приезда и прислал нам их заметки. 8 августа, во вторник, я рассказал за завтраком президенту и Дину о его телеграмме, прибавив от себя, что это «самое интересное сообщение из всех, полученных нами»¹. Заручившись согласием президента и государственного секретаря, я на следующий день продиктовал Генри новые указания:

Докладная для доктора Киссинджера

Вы можете направить вашим доверенным лицам следующее послание и попросить их передать его Фам Ван Донгу:

¹ Notes of August 8, 1967, meeting [Заметки о совещании 8 августа 1967 г.] // Tom Johnson's Notes of Meetings. LBJL.

Соединенные Штаты готовы прекратить воздушные и морские бомбардировки Северного Вьетнама, если это незамедлительно приведет к конструктивным переговорам между представителями США и ДРВ и поискам решения стоящих перед ними проблем. Мы надеемся, что, независимо от того, как будут проходить обсуждения — тайно или открыто, ДРВ не воспользуется сугубо в своих интересах прекращением или ограничением бомбардировок. Само собой разумеется, что любой подобный шаг со стороны Демократической Республики Вьетнам не будет содействовать общему нашему продвижению к выработке совместного решения проблемы усилиями США и ДРВ, а ведь именно это и является целью переговоров.

США готовы установить частные контакты с представителями ДРВ для рассмотрения подходов или предложений, которые ДРВ может выдвинуть в данном направлении.

Одиннадцатого августа президент одобрил докладную, и Генри вернулся в Париж, где он и Честер Купер, начиная с 17 августа, провели серию встреч с Обраком и Марковичем. По словам Чета, «французы постоянно твердили нам, как могут они убедить северовьетнамцев в серьезности намерения США начать переговоры, если как раз в эти дни наши бомбардировки достигли рекордного уровня интенсивности». Они спросили, сократят ли США бомбардировки во время их следующей поездки в Северный Вьетнам, что могло бы стать «сигналом для Ханоя, знаком того, что их миссия всерьез воспринята Соединенными Штатами». Генри и Чет обещали им поставить этот вопрос в Вашингтоне. Они сделали это, и 19 августа президент согласился приостановить бомбардировки в радиусе десяти миль от Ханоя на период с 24 августа до 4 сентября, что должно было обеспечить безопасность Обрака и Марковича, а также продемонстрировать значимость роли Генри в качестве посредника¹.

Однако чего мы никак не предвидели и, соответственно, не смогли предотвратить, так это серию мощных воздушных налетов на Северный Вьетнам как раз накануне запланированной паузы. Погода в Северном Вьетнаме оставляла желать лучшего, и авиация с флотом, отложив из-за этого бомбардировки, составила обширный список намеченных объектов. Когда 20 августа небо очистилось от облаков, американская авиация совершила свыше 200 самолетовылетов, то есть больше, чем за любой из предыдущих дней войны. Массированные бомбардировки территорий близ Ханоя, Хайфона и китайской границы продолжались и в последующие два дня.

Обрак и Маркович так и не добрались до Ханоя. 21 августа Северный Вьетнам отказался выдать им визу, объяснив, что посещение столицы во время бомбардировок слишком рискованно. Кроме того, согласно сообщению Обрака, северовьетнамцы добавили еще, что раз

¹ См.: *Cooper Ch.L. Lost Crusade...* P. 379.

решение на въезд «дискредитировало бы нас и в особенности вас». Нам вновь не удалось скоординировать дипломатические и военные действия¹.

Тем не менее обе стороны оставили канал связи открытым. 8 сентября Маркович передал Бо, что Генри придет в Париж 9 сентября и пробудет там десять дней. Бо заметил, что если в этот период не будет бомбардировок Ханоя, то «что-нибудь вполне может произойти». Мы удостоверились, что бомбардировки Ханоя действительно прекратились, но нападения с воздуха на другие районы продолжались, и одной такой акцией стал совершенный 11 сентября массированный налет на Хайфон. Северный Вьетнам в тот же день отверг наше предложение от 9 августа и разразился в наш адрес гневной тирадой. В его заявлении, в частности, говорилось:

Американское послание было передано после эскалации воздушных атак [на Хайфон] и под угрозой продолжения бомбардировок Ханоя. Ясно, что это — ультиматум, предъявленный вьетнамскому народу... Вопрос о возобновлении деловых контактов может быть рассмотрен только после безоговорочного прекращения Соединенными Штатами бомбардировок и всех других военных акций против Демократической Республики Вьетнам².

Комментируя развитие событий в телеграмме, отправленной в тот же день в Вашингтон, Генри писал, что у Соединенных Штатов лишь две альтернативы: «а) воспринять послание буквально и закрыть канал Обрак — Маркович или б) отнестись к нему как к первому шагу в сложном переговорном процессе. Взвесив все “за” и “против”, лично я предпочел бы продвижение вперед, пусть и не слишком существенное». Мы все согласились с ним, сознавая при этом, что наши нынешние предложения вряд ли могли убедить Ханой сесть за стол переговоров³.

Неадекватность хода наших рассуждения ясно выразилась в моем разговоре с Авереллом Гарриманом, состоявшемся двумя неделями раньше. Теперь он по линии Госдепартамента занимался подготовкой к возможным переговорам. Аверелл считал, что если мы серьезно заинтересованы в переговорном процессе, то должны заново определить наши цели. Он указал, что северовьетнамцы никогда не согласятся на безоговорочную капитуляцию. Я поддержал его и сказал, что поэтому «нам надо настаивать на создании коалиционного правительства. Иного пути у нас просто нет». Аверелл разделял мое мнение. Но, к сожалению,

¹ См.: *The Secret Diplomacy...* P. 717

² Embtel 3070 and 3097 (Paris) [Телеграммы из посольства в Париже № 3070, 3097]. Приводятся в: *Ibid.* P. 736—738.

³ См.: Embtel 3143 (Paris). Text of Message from Kissinger. 1967. September 11 [Телеграмма из посольства в Париже № 3143. Текст служебной записки Киссинджера. 1967. 11 сентября] // Files of Walt W. Rostow: NSF. LBJL.

нию, никто из нас не стал обсуждать столь важный вопрос с администрацией. Мы также не передали подобное предложение в Ханой¹.

Президент, Дин и я на встрече 12 сентября обсудили телеграмму Генри. Президент недоуменно спросил, почему мы не можем прекратить бомбардировки, если это способно привести к незамедлительным и плодотворным дискуссиям. Я был с ним солидарен. Но Дин задал вопрос:

— А мы готовы к новой серии переговоров, возможно, и непродуктивных?

Решив пойти на компромисс, мы направили Генри послание, которое он через Марковича должен был передать Бо. 13 сентября американские самолеты вновь начали бомбить территории вокруг Ханоя и Хайфона. Как нам сообщил Генри, когда он в тот день встретился с Марковичем, его собеседник заметил что «стоит только ему [Киссинджеру] привезти послание, как американцы тут же принимают бомбить центр того или иного северовьетнамского города. Если это случится еще раз, он больше никогда не станет исполнять роль посредника»².

Мы вновь обсудили этот вопрос за завтраком во вторник 26 сентября. Ник Каценбах настаивал на сохранении канала связи, сказав, что сейчас впервые с февраля Ханой начал вести диалог и его «тон стал менее жестким и непримиримым». Потом он добавил:

— Теперь очень важно убедить их что-то сказать, даже ценой прекращения ударов вокруг Ханоя.

Уолт Ростоу возразил ему:

— Я не вижу никакой связи между бомбардировками и переговорами.

— Не думаю, что мы собираемся вести переговоры при бомбардировках, — язвительно откликнулся Ник.

Хотя он, Дин и я согласились с тем, что бомбардировки стационарных объектов не оказали особого влияния на ход войны, нам так и не удалось придумать формулировку, способную усадить Ханой за стол переговоров. И обсуждение продолжилось³.

Позднее в тот же день Ник направил президенту докладную, в которой предложил сохранить канал «Пенсильвания». Он написал, что это его личное мнение и ему неизвестно, поддержит ли его Дин. Докладная начиналась так:

¹ См.: Memorandum of Conversation with Secretary McNamara. 1967. August 22 [Запись беседы с министром обороны Макнамарой. 1967. 22 августа] // W. Averell Harriman Papers. Manuscript Division. Library of Congress.

² Jim Jones's Notes of Weekly Luncheon. 1967. September 12 [Заметки Джима Джонса о еженедельном завтраке. 1967. 12 сентября] // MNF. LBJL; Embtel 3242 (Paris), from Kissinger. 1967. September 13 [Телеграмма из посольства в Париже № 3242. От Киссинджера. 1967. 13 сентября] // Files of Walt W. Rostow: NSF. LBJL.

³ См.: Notes of September 26, 1967, Weekly Luncheon [Заметки о еженедельном завтраке 26 сентября 1967 г.] // Tom Johnson's Notes of Meetings. LBJL.

Значение «парижско-киссинджерского» опыта состоит в том, что это единственный реальный путь для начала диалога с Северным Вьетнамом.

Поскольку Северный Вьетнам постоянно повторял, что продолжение бомбардировок препятствует обсуждениям, Ник просил президента «рассеять последние сомнения» в искренности наших переговорных усилий. Он пояснил:

Я не верю, что Ханой готов в данный момент вести серьезные переговоры. Но я думаю, что ради общественного мнения нам в сложившейся обстановке важно учитывать любую появившуюся возможность. Мы должны рассмотреть ее. Вряд ли нам придется заплатить высокую цену, если мы повременим с бомбардировками многочисленных в целом объектов в Северном Вьетнаме. Мы знаем, что разрушение их сейчас или на следующей неделе совершенно не повлияет на общий характер войны. Но есть хоть какой-то шанс, что подобная приостановка облегчит нам поиски пути к мирному разрешению конфликта. И я хотел бы воспользоваться таким шансом, поскольку понимаю: сколь бы он ни был незначителен сам по себе, его последствия могут стать поистине огромными¹.

Президент без всякой охоты последовал совету Ника. 29 сентября он выступил с пространной речью в Сан-Антонио, в Техасе, и развил в ней положения проекта «Пенсильвания», который стал известен с тех пор как «формула Сан-Антонио». По сравнению с другими заявлениями правительства США это был заметный шаг вперед. Президент сказал, что если мы прекратим бомбардировки, то лишь в случае получения от другой стороны заверений в ее готовности к конструктивным и незамедлительным переговорам и при условии, что Северный Вьетнам не воспользуется паузой в своих военных целях, или, говоря иначе, не станет расширять проникновение его граждан в Южный Вьетнам и увеличивать поставки этой стране снаряжения.

Речь президента не произвела впечатления на Ханой. Когда Маркович 2 октября встретился с Бо, северовьетнамский генеральный консул назвал ее «оскорбительной»².

Ханой продолжал критиковать наше предложение, считая его сугубо условным, «зависящим от скоропалительных решений». Мы отказались изменить формулировку, хотя я, например, полагал, что это не столь важно. Если мы сейчас прекратим бомбардировки, то сможем возобновить их в любой момент, независимо от наших слов, коль скоро

¹ Nicholas de Katzenbach, Memorandum for the President. Subject: Negotiations with North Vietnam. 1967. September 26 [Служебная записка Николаса де Каценбаха президенту. Тема: «Переговоры с Северным Вьетнамом». 1967. 26 сентября] // Files of Walt W. Rostow: NSF. LBJL.

² См.: Herbert Marcovich to Henry Kissinger. 1967. October 2 [Эрберт Маркович — Генри Киссинджеру. 1967. 2 октября] // NSF. LBJL.

убедимся, что Северный Вьетнам, как и прежде, не желает по-честному вести себя по отношению к нам. Споры в правительстве по данному поводу продолжались, никакого единодушия по-прежнему не было.

Восемнадцатого октября мы встретились, чтобы обсудить, надежен ли канал «Пенсильвания» и не стоит ли его закрыть. Дин, Ник, Уолт и Макс Тэйлор, а также Генри рекомендовали его оставить. Советники президента Эйб Фортас и Кларк Клиффорд настаивали на его закрытии. Я резко возразил им, полагая, что если мы прекратим бомбардировки, то переговоры смогут начаться в ближайшее время. И, поскольку такая возможность имеется, мы должны воспользовавшись ею, попытаться прийти к соглашению уже в следующем году. Это, по моему мнению, необходимо было сделать хотя бы потому, что большинство американцев не станет поддерживать ведение войны до бесконечности. Президент поручил Генри сообщить Северному Вьетнаму, что мы по-прежнему готовы к переговорам, и вместе с тем выразить нашу неудовлетворенность достигнутыми результатами¹.

Двадцатого октября Бо отказался принять Обрака и Марковича, заметив:

— Ничего нового сейчас сказать нельзя. Ситуация ухудшается. И в дальнейших разговорах нет смысла.

Это означало конец «Пенсильвании», если не считать того, что ее положения легли в основу переговоров 1968 года².

На следующий день, в субботу 21 октября 1967 года, 20 тысяч агрессивно настроенных участников антивоенной демонстрации направились к Пентагону с твердым намерением разрушить его.

Мы знали, что этот марш должен был состояться. Еще 20 сентября президент встретился со мной и другими, желая выяснить, как мы будем на него реагировать. Я сказал ему, что мы столкнулись со сложной проблемой — сложной потому, что Пентагон не имеет даже обычной ограды, которая защитила бы его от экстремистов. Его выстроили в годы Второй мировой войны, и в те времена это здание считалось самым крупным в мире. Пентагон окружали лишь сеть асфальтированных дорог и дорожек и газоны зеленой травы. И подойти к нему можно было со всех пяти сторон.

Мы решили окружить здание кольцом из солдат, которые должны были стоять плечом к плечу посередине асфальтированной дороги, а между ними и демонстрантами выставить многочисленные наряды полиции. Конечно, мы понимали, что одна шеренга солдат не сможет

¹ См.: Notes of October 18, 1967, Cabinet Room meeting [Заметки о совещании в Зале заседаний 18 октября 1967 г.] // Tom Johnson's Notes of Meetings. LBJL.

² См.: Embtel 5545 (Paris). 1967. October 20 [Телеграмма из посольства в Париже № 5545. 1967. 20 октября] // Secret Diplomacy... P. 769.

помешать тысячным толпам демонстрантов прорваться к зданию, если только они не откроют огонь. Но это мы считали недопустимым. Поэтому «Бас» и я с его офицерами сочли целесообразным обзавестись подкреплением, которое мы рассчитывали разместить во внутреннем дворе, где сотрудники Пентагона любили, устроившись во время ленча на лужайке, погреться в солнечных лучах. Если толпа прорвется сквозь шеренгу солдат, то их товарищи, выскочив из здания, незамедлительно придут им на помощь. Чтобы не обострять ситуацию, резерв должны были доставить на вертолетах во двор в ночное время.

Я сказал президенту, что без моего разрешения оружие не будет пущено в ход, а я не собираюсь его давать. И добавил, что «Бас», министр юстиции Уоррен Кристофер и я будем лично наблюдать за обстановкой из моего кабинета и с крыши Пентагона.

За день до марша заместитель министра Армии Дэвид Макгифферт распространил через начальника штаба Армии заявление, предназначенное для участвовавших в мероприятии армейских подразделений и гражданской и военной полиции. В нем говорилось о том, что им следует делать:

Мы должны выполнить в поддержку гражданских властей крайне деликатное и сложное задание: не нарушая конституционных прав свободы собраний и выражений мнений граждан, взять под защиту операции правительства и его собственность. Мы не потерпим ни нарушения закона, ни посягательства на свободу граждан пользоваться своими конституционными правами...

Мы должны в равной мере избегать и сверхактивной реакции, и реакции недостаточно активной. Мы должны действовать твердо и с достоинством. Вести себя так, чтобы не допустить даже самой малейшей возможности кровопролития и насилия, а также необходимости в арестах. Нам нужно четко отделить нарушителей закона от тех, кто его не нарушал, и только в исключительных случаях прибегать к применению силы, адекватной данной миссии — защите служащих (как военных, так и гражданских), операций и собственности правительства¹.

Перечитывая заявление Дина сейчас, почти тридцать лет спустя, я по-прежнему испытываю гордость за профессионализм и ответственность американской армии и полиции, спланировавших и выполнивших эту почти невероятную задачу. «Вашингтон пост» так освещала это событие:

Там было две отдельные группы демонстрантов. Первая из них начала шествие с площади между памятником Вашингтону и мемориалом Линкольна. Колонны были четко выстроены, и участники — более 50 ты-

¹ См.: David E. McGiffert, Memorandum for the Chief of Staff, U. S. Army. 1967. October 20 [Служебная записка Дэвида И. Макгифферта начальнику штаба Армии США. 1967. 20 октября] // Anti-Vietnam Demonstrations: Papers of Warren Christopher: Box 8. LBJL.

сяч — вели себя вполне пристойно. Порядок сохранялся все время. Состав был в основном студенческий. Вторая группа собралась прямо напротив Пентагона. Она была меньше, насчитывая, по сообщениям Пентагона, 20 тысяч человек. В первых ее рядах были в основном провокаторы и смутьяны, примерно три тысячи человек, которые нанесли тяжелый удар всему антивоенному движению¹.

В первых рядах действительно было много провокаторов и смутьянов, использовавших любую возможность, чтобы спровоцировать со стороны военных насилие. Молодые женщины прижимались грудью к солдатам, которые, приставив винтовки к ноге, стояли чуть ли не по стойке «смирно». Они даже расстегивали их рубашки, но те не двигались. Демонстранты бросали в солдат комья грязи, дорожные знаки, листву, палки и камни — те продолжали стоять на месте. Волна демонстрантов попыталась прорвать шеренгу, но солдаты отошли, сохраняя строй, к дверям Пентагона, и тогда из здания на помощь хлынуло подкрепление, и напор толпы удалось сдержать. Тех нескольких человек, которые попробовали было ворваться в здание, быстро оттеснили. Наконец толпа понемногу стала расходиться. Но тысячи человек остались на площади перед зданием Пентагона на ночь, которую провели при свете пылавших на лужайке костров. Последние демонстранты отправились по домам лишь в следующий полдень.

В статье «Вашингтон пост», посвященной демонстрации, содержалось такое утверждение:

Хотя с полудня до ночи угроза насилия казалась весьма вероятной, не было сделано ни одного выстрела и никто не получил серьезных увечий².

Я наблюдал за происходящим с крыши здания и с других точек обзора. Через несколько лет журналист спросил меня, был ли я испуган. Конечно, мне было страшно: бесконтрольная толпа — это пугающее зрелище. Но, к счастью, в данном случае ничего ужасного не произошло. В то же время я не мог не думать о том, что, будь демонстранты подисциплинированнее, вроде последователей Ганди, они добились бы своего. Им нужно было только лечь на асфальт вокруг здания, и мы не сумели бы их быстро удалить и возобновить работу Пентагона.

Президент Джонсон продолжал обращаться к нам за советами. Когда ему надо было вынести вердикт относительно изменений, которые следовало бы внести в систему управления военными операциями, — если,

¹ *Breslin J.* Quiet Rally Turns Vicious // *Washington Post*. 1967. October 22. P. A-1, A-10.

² *Harwood R.* Restraint Works for the Army // *Ibid*.

конечно, изменения эти и впрямь были нужны, — он решил выслушать суждение Мака Банди по данному вопросу, а заодно попросил «Совет мудрецов» вновь собраться 2 ноября¹.

Мак ответил на запрос президента докладной запиской, направленной 17 октября. Его позиция была сформулирована в утверждении: «Я полагаю, что ваша политика по-прежнему является правильной, о чем свидетельствуют воодушевляющие сообщения с полей сражений». «Мудрецы» были с ним совершенно согласны, хотя по иронии судьбы Мак посоветовал президенту в той же докладной: «Я не стал бы прислушиваться к мнению сторонних наблюдателей, находившихся слишком далеко от эпицентра событий и наблюдавших за ними лишь один день»². Он мог бы добавить: «В особенности я не стал бы прислушиваться к рекомендациям группы лиц, которым известна только часть всего происходящего. Пусть даже это первоклассные специалисты».

Группа, собравшаяся за большим столом в зале заседаний 2 ноября, отличалась по своему составу от участников встречи 1965 года, когда «Мудрецы» рекомендовали президенту использовать все силы, чтобы удержать Вьетнам от перехода под коммунистический контроль. На сей раз среди них не было Пола Хоффмана, Джорджа Кистяковского и Артура Ларсона, ставших противниками вьетнамской политики Джонсона. Отсутствовали также Боб Ловетт и Джек Макклой: их пригласили, но они не смогли явиться. За столом сидели одиннадцать человек: Дин Ачесон, Джордж Болл, Омар Брэдли, Мак Банди, Кларк Клиффорд, Арт Дин, Дуг Диаллон, Эйб Фортас, Кэбот Лодж, бывший официальный представитель Госдепартамента Боб Мерфи и Макс Тэйлор.

Открыв заседание, президент поставил перед его участниками пять вопросов:

1. Что мы можем сделать из того, что еще не сделали в Южном Вьетнаме?
2. В отношении Севера: должны ли мы продолжать свои действия или нам надо минировать порты и перекрыть коммуникации? А может быть, нам вообще следует прекратить бомбардировки Севера?
3. Должны ли мы придерживаться пассивной линии готовности к переговорам или настойчиво добиваться переговоров? Или же нам лучше обойтись без них?
4. Нужно ли нам уходить из Вьетнама?

¹ О первом заседании «Совета мудрецов», состоявшемся в июле 1965 года, говорится в главе седьмой.

² McGeorge Bundy, Memorandum for the President. Subject: Vietnam — October 1967. 1967. October 17 [Служебная записка Макджорджа Банди президенту. Тема: «Вьетнам — октябрь 1967 г.». 1967. 17 октября] // NSF. LBJL.

5. Какие позитивные шаги может сделать администрация для улучшения связей с общественностью и сохранения политического единства страны?

Джонсон задал правильные вопросы. Но в свойственной ему манере игрока в покер он утаил важную информацию, которая была нужна «Мудрецам» для обоснованных и полных ответов. За день до этого они собрались у «Баса» Уилера и Джорджа Карвера, специалиста по Вьетнаму из ЦРУ. Все они по-прежнему оптимистически относились к войне. Но никаких документов они не получили. В частности, им ничего не было известно о составленном в резко отрицательном тоне докладе контр-адмирала Ла-Рока о перспективах военной победы во Вьетнаме. Они также не видели анализа Дика Хелмса, утверждавшего, что рискованные операции США нужно ограничить и поставить под контроль.

И, к моему разочарованию, президент не ознакомил их с докладной запиской, которую я направил ему за день до этой встречи. В ней я оценил дилемму, с которой мы столкнулись в стране, и высказал свои суждения по этому поводу. В секретном сообщении я обратил особое внимание на мрачную реальность, с которой мы имели дело: «Продолжение нынешнего курса действий в Юго-Восточной Азии опасно, чревато потерями множества жизней и принесет американскому народу только горе». Не желая тратить слова даром, я не стал описывать ситуацию со всеми подробностями, но указал, что президенту будет очень трудно отойти от традиционного подхода к Вьетнаму и изменить свой политический курс. Вместе с тем я заметил: «В данной докладной записке намечена программа, альтернативная нынешним действиям».

Предупредив президента в записке, что «выражается лишь мое личное мнение», я продолжил: «Возможно, оно окажется несовместимым с вашим и потому я не стану показывать документ Дину Раску, Уолту Росту или “Басу” Уилеру. После того как вы его прочтете, я расскажу им, если вы пожелаете, о моих предложениях и сообщу вам наши общие рекомендации. Если вы согласны, я это сделаю». Я надеялся, что президент, изучив мою докладную, позволит мне раздать ее высшим гражданским и военным чиновникам для обсуждения, дискуссий и окончательных выводов. Я понимал, что мои рекомендации далеко не бесспорны и, возможно, они не слишком умны, но в них затрагивались основные вопросы, требующие ответов.

Как мы увидим далее, этого не произошло.

Я начал свою докладную с прогнозов на будущий год. Я подчеркнул свою уверенность в том, что «продолжение нашего нынешнего курса не принесет нам успеха к концу 1968 года, и вряд ли наша политика сохранит свою популярность у большинства американцев или помешает их растущему недоверию к нашему участию во вьетнамской войне».

Вместе с тем «мы столкнемся с требованием увеличения наземных вооруженных сил, но этого мы не сможем сделать, не призвав резервистов». Подобный же шаг приведет, в свою очередь, к удвоению наших потерь в живой силе в 1968 году. По моим расчетам, мы в лучшем случае потеряем «от 10 900 до 15 000 американцев, а ведь к убитым следует добавить еще от 30 до 45 тысяч раненых, нуждающихся в лечении».

Я повторил то, что уже неоднократно говорил прежде о бомбардировках: они не ослабят конфликтную ситуацию на Юге и не сломят волю Ханоя к победе. Я подчеркнул:

Ничто не способно сломить их волю, кроме их собственного убеждения, что они не в состоянии победить. Но это убеждение нельзя взять да и внушить им. Если бы они сами пришли к выводу, что США собираются оставаться во Вьетнаме до тех пор, пока не убедятся, что народу Южного Вьетнама обеспечено право свободного, независимого выбора, тогда все было бы по-другому. Противник не может сделать подобный вывод по желанию американцев, на это незачем рассчитывать. А американцы, обескураженные медленными темпами военных действий, опасаются дальнейшей эскалации и сомневаются в том, что все наши подходы к мирному урегулированию конфликта были искренними, последовательными и свидетельствовали о нашей настойчивости. В предстоящие месяцы мы столкнемся и с давлением со стороны сторонников расширения войны, и с отсутствием поддержки со стороны американских противников этой борьбы. Будут слышны все более громкие призывы к выводу американских войск.

По-моему, вопрос по сути сводится к следующему: реальна ли в данных обстоятельствах активизация наших военных действий в Южном Вьетнаме? И сможем ли мы добиться за столь короткое время поставленных целей?

Я отметил также, что рекомендации КННП по ускорению решения конфликта, предусматривавшие расширение зоны наземных боевых операций и усиления бомбардировок, вряд ли осуществимы без риска интенсификации всего хода военных действий. Поэтому я сделал вывод, что единственным разумным курсом является «стабилизация наших боевых операций на Юге... а также демонстрация того, что наши бомбардировки Севера не мешают ведению переговоров и подписанию мирного соглашения». И рекомендовал предпринять следующие меры:

- Объявить о политике стабилизации;
- Прекратить бомбардировки Северного Вьетнама к концу года и попытаться приступить к переговорам;
- Пересмотреть подход к проведению наземных операций на Юге, с тем чтобы уменьшить потери США, заставить южновьетнамцев

с большей ответственностью отнестись к обеспечению собственной безопасности и принять необходимые меры по сокращению ущерба, причиняемого Южному Вьетнаму войной¹.

«Мудрецы» и понятия не имели обо всех этих предложениях. Не приходится удивляться, что в отсутствие новой информации ответы этих людей были обусловлены их устаревшими сведениями и соображениями о военной и политической ситуации в Южном Вьетнаме. Что касалось наземной войны на Юге, то они видели лишь огромные улучшения в ситуации и наши успехи и просили президента развивать существующую программу. Что касалось бомбардировок Севера, то все, кроме Джорджа Болла, согласились с рекомендациями продолжить их. Что касалось переговоров, то восемь из одиннадцати участников предсказали, что коммунисты никогда не пойдут на переговоры: если противник понял, что не сможет победить, то он просто сократит военные действия, а затем и вовсе остановит их. Что касалось нашего ухода, то они единодушно отвергли подобную возможность. Наконец, что касалось единства американского народа, то они посоветовали делать упор на «свет в конце тоннеля» вместо всех этих разговоров о сражениях, смерти и опасностях².

Это была квинтэссенция мудрых мыслей американского внешнеполитического истеблишмента. И высказывали их признанные лидеры в своих сферах, люди, которые в минувшие два десятилетия успешно отражали угрозы и вызовы «холодной войны». Если они действительно так считали, а Элсуорт Банкер и Уэстморленд продолжали рапортовать о военных успехах, то как мог президент Джонсон прорвать их сопротивление и столкнуться с неприглядной правдой и неприемлемым выбором, который я предложил ему днем раньше?

Я так и не получил ответ президента на мою докладную записку³. Значительно позже я узнал, что он отправил ее копию Дину Раску, предупредив его, чтобы он никому не показывал этот документ. Он также попросил Уолта Ростоу ознакомить с основным содержанием моей докладной, не называя при этом имени автора, Ника Каценбаха, Макса

¹ Memorandum for the President. Subject: A Fifteen Month Program for Military Operations in Southeast Asia. 1967. November 1 [Служебная записка президенту. Тема: «Пятнадцатимесячная программа военных операций в Юго-Восточной Азии». 1967. 1 ноября] // RSMP.

² См.: Jim Jones's summary and notes of the President's Meeting with Foreign Police Advisers, Thursday, November 2, 1967 [Обзор и заметки Джима Джонса о встрече президента с советниками по вопросам внешней политики в четверг, 2 ноября 1967 г.] MNF. LBJL.

³ В Библиотеке Джонсона есть отзыв Уолта Ростоу, направленный президенту 4 декабря 1967 г. В нем говорится: «Прилагаю его к проекту Вашего письма министру Макнамаре. В нем отражены все советы, представленные Вам». Но президент Джонсон не стал передавать мне это письмо.

Тэйлора, Уильяма Уэстморленда, Элсуорта Банкера, Кларка Клиффорда и Эйба Фортаса и выслушать их замечания.

Лишь когда я занялся исследованиями, связанными с работой над книгой, мне удалось обнаружить и изучить все перечисленные отклики. На одном крайнем фланге оказался Ник, почти полностью поддержавший меня, на другом — Эйб Фортас, решивший, что автор докладной насмотрелся слишком много демонстраций протеста. Он писал, например:

Анализ и рекомендации основываются *чуть ли не всецело* (здесь и далее выделено в оригинале. — Р. М.) на учете общественного мнения США и на *невывысказанном предположении*, будто этот документ повлияет на настроения в обществе. *Я совершенно не согласен...* Я даже не могу представить себе худшего варианта, чем предложенный в данной программе... *В сущности, в нем содержится требование ухода из этой страны, и я могу рассматривать его только как призыв сделать шаг в процессе ухода из Вьетнама.* Между тем, на мой взгляд, уход будет означать не общенациональное примирение, а общенациональный отказ от ответственности (никакой иной оценки данная мера и не заслуживает). Уход чрезвычайно приободрит китайских коммунистов и усилит их позиции в мире, и в дальнейшем вся Азия начнет «рассыпаться» по принципу домино¹.

Кларку Клиффорду тоже не понравилась моя докладная. Он заметил: «Я не согласен с рекомендациями, представленными в меморандуме... Я полагаю, что намеченный в нем курс действий скорее приведет к замедлению разрешения конфликта, чем к его ускорению и развязке». Что же касается моего предложения о прекращении бомбардировок, то Кларк констатировал: «Я не в силах понять логику автора». Возражая мне, он утверждал, что стабилизация «будет воспринята правильно, в своем истинном смысле: как бессильная и обескураживающая попытка найти выход из конфликта из-за утраты нами воли и решимости». Его отзыв заключали следующие слова: «Президент и любой человек в его окружении желают завершить войну. Но будущее наших детей и внуков требует, чтобы она завершилась в соответствии с нашими целями, то есть подавлением агрессии Северного Вьетнама, поддерживаемого Китаем и Россией»².

Мак Банди, с которым Джонсон не консультировался по поводу моей докладной, направил ему отчет о заседании «Мудрецов». Он пытался убедить президента в том, что необходимо как можно быстрее подготовить документ самого высокого уровня, в котором «содержалась бы программа постепенного уменьшения потерь, рассчитанная

¹ Abe Fortas, Comments. 1967. November 5 [Заметки Эйба Фортаса. 1967. 5 ноября] // NSF. LBJL.

² Clark Clifford, Memorandum. 1967. November 7 [Служебная записка Кларка Клиффорда. 1967. 7 ноября] // Ibid.

на пять или десять ближайших лет, отделяющих нас от завершения войны, если верить прогнозам». «Если нам теперь хоть что-то ясно, — писал он, — то лишь одно: мы просто не можем продолжать войну на нынешнем уровне в течение столь долгого времени»¹.

Почему президент Джонсон не стал подробно и открыто обсуждать вопросы, которые столь резко и отчетливо выявили расхождения во взглядах среди его ведущих советников? Возможно, причина крылась в понимании им полной тупиковости вьетнамской проблемы, в том, что у нее не может быть приемлемого решения, так что его советники никогда не придут к консенсусу. Возможно, ему было ясно, что решение об изменении характера войны зависит от него, но заставить себя сделать окончательный выбор он просто не мог.

Однако моя докладная от 1 ноября сыграла свою роль: она еще более усилила напряженность в отношениях двух человек, любивших и уважавших друг друга, — я имею в виду Линдона Джонсона и себя. Она довела эту напряженность до критической точки.

Через месяц президент Джонсон объявил о моем избрании президентом Мирового банка и уходе из Министерства обороны, причем точная дата ухода названа не была.

Я до сих пор не знаю, был ли я уволен или ушел в отставку. Возможно, верно и то и другое.

Меня уже давно интересовали развивающиеся страны. В весьма противоречивом выступлении в Монреале 18 мая 1968 года я, обращаясь к американскому сообществу издателей и журналистов, затронул и эту тему. В частности, я сказал: «Среди нас... многие склонны полагать, что проблема безопасности — это исключительно военная проблема». Выразив несогласие с подобными взглядами, я заметил: «Страна может вступить в такую полосу, когда ей больше не удастся покупать безопасность, просто закупая военное снаряжение, и мы уже близки к данной ситуации». Затем, в развитие того же сюжета, мною было высказано мнение, что соотношение между военными расходами и степенью безопасности напоминает кривую: до определенного уровня и на определенном отрезке времени степень безопасности возрастает по мере увеличения военных расходов, затем происходит строгая фиксация соотношения между этими величинами, после чего начинается движение соответствующих показателей в противоположных направлениях. Я утверждал, что соотношение между военными расходами и

---

¹ McGeorge Bundy, Memorandum for the President. Subject: A Commentary on the Vietnam Discussion of November 2. 1967. November 10 [Служебная записка Макджорджа Банди президенту. Тема: «Комментарии по поводу обсуждения положения во Вьетнаме 2 ноября 1967 г.». 1967. 10 ноября] // President's Appointments File. 1967. November 2. LBJL.

степенью безопасности в Соединенных Штатах с 1966 года остается практически неизменным. Думаю, что так же обстоит дело и сейчас.

Вместо увеличения военных расходов, сказал я издателям, нам надо помогать «тем развивающимся странам, которые действительно нуждаются в помощи, вызывают к нам о ней и желают и способны сами помочь себе, а оказываемое им содействие рассматривают лишь как существенную предпосылку достижения экономической самостоятельности». Я отметил, что опасная пропасть между богатыми и бедными странами расширилась и что бедность создает социальную и экономическую, а также политическую напряженность, которая часто приводит к международным конфликтам. В общем, я высказал мнение, что мы должны достичь большей безопасности, переведя маргинальные долларовые расходы на оборону в Фонд международной помощи.

Мало кто ожидал услышать такую речь от министра обороны, да еще во время войны. На меня набросились «ястребы» из Конгресса, и она причинила боль президенту (я не обсуждал с ним ее содержание). Но эта речь выражала мои убеждения. Именно убеждения заставили меня дать согласие Джорджу Вудсу весной 1967 года, когда он за ленчем сообщил мне, что его пятилетний срок пребывания на посту президента Мирового банка завершится 31 декабря и он хотел бы видеть меня своим преемником. Предложение показалось мне очень интересным. Добавлю, что я отказывал всем, кто обращался ко мне со сходными приглашениями, а меня звали, в частности, как партнера на Уолл-стрит и обещали платить в год по 2,5 миллиона долларов (не нынешних, а тех, какими они были в 1967 году). Я говорил, что не вправе рассматривать такие предложения, пока президент удовлетворен моей работой в правительстве.

Я рассказал президенту о своем разговоре с Вудсом. Мы не возвращались к данной теме до сентября или октября, когда он вдруг спросил меня о Мировом банке. Я ответил, что по-прежнему с интересом отношусь к предложению Джорджа, но останусь в Министерстве обороны, если этого хочет президент.

— Ты заслужил от правительства множество похвал и вправе поступать так, как сочтешь нужным, — отозвался он. — Я обязан тебе помочь и сделаю для тебя все что в моих силах.

— Это народ обязан помогать президенту, а не наоборот, — заметил я. Тем и закончился наш разговор.

Восьмого ноября Джордж приехал с визитом ко мне в Пентагон, а потом мы отправились в Белый дом на ленч. Он сказал, что скоро начнутся выборы нового президента банка и он намерен сообщить Джо Фоулеру — министру финансов и распорядителю банка от США, в обязанности которого входило представление номинантов, — что я стал его кандидатом. Но прошло немало лет, прежде чем Джордж рассказал мне, как поступили Джо и президент. Перед тем как назвать

мое имя правлению директоров банка, Джо отправился к президенту и прояснил ему сложившуюся ситуацию. Джордж сказал, что Джо, который сам надеялся стать президентом банка, ознакомил Джонсона с порядком оглашения имен кандидатов. Нужно было представить трех человек. И президент в присущей ему манере сказал:

— О'кей, это Макнамара, Макнамара и Макнамара.

Двадцать седьмого ноября в лондонской «Файнаншел таймс» появилась статья со слухами о моем избрании. Через два дня Джордж и пять директоров Мирового банка явились ко мне и предложили этот пост. Я принял предложение. На следующий день президент объявил, что я ухожу из Пентагона в Мировой банк.

По иронии судьбы я так и не знаю, было ли понятно самому президенту, как и почему оказалась принята моя отставка. Он не сомневался в моей лояльности по отношению и к институту президентства, и к нему лично. И, как я уже говорил, он испытывал ко мне в равной мере теплые и сильные чувства, несмотря на наши глубокие расхождения по Вьетнаму. Должно быть, он решил, что я сам собираюсь подать в отставку, и испытал облегчение, когда я этого не сделал.

Тогда почему же я ушел? Отнюдь не потому, что я был болен, хотя в газетах излагались подробные истории о приписываемых мне недомоганиях и сообщалось даже, что президент якобы заявил своим помощникам, что боится, как бы я не покончил жизнь самоубийством подобно первому министру обороны у Трумэна Джеймсу В. Форрестолу. Впрочем, раз речь зашла о моем здоровье, многие действительно считали, что я находился на грани полного эмоционального и физического кризиса. Но чего не было, того не было. Просто я оказался в стрессовом состоянии. И было от чего. Я разошелся во мнениях с президентом Соединенных Штатов. Я не получил от него ответа на мои вопросы и был страшно напряжен. Однако ни в какой медицинской помощи я не нуждался и не принимал никаких наркотиков, довольствуясь обычными снотворными таблетками. И никогда не помышлял о самоубийстве.

Как раз в ту пору я окончательно пришел к выводу и откровенно сообщил о нем президенту, что мы не достигнем наших целей во Вьетнаме военными средствами и поэтому должны поставить перед собой более скромную политическую задачу и решить ее путем переговоров. Президент Джонсон не был готов сделать подобный выбор. Нам обоим стало ясно, что я не изменю своих суждений, равно как и он своих. Кто-то должен был уйти.

Многие друзья в ту пору и позже говорили мне, что я был неправ. По их мнению, мне нужно было подать в отставку в знак протеста против политики президента. Позвольте мне объяснить, почему я этого не сделал. Президент (если не брать в расчет вице-президента) является единственно избранным должностным лицом в исполнительной ветви

власти. Он назначает всех министров и других высших чиновников, которые подчиняются непосредственно ему. Именно таким образом члены кабинета сохраняют свою подотчетность народу. Полномочия министра и его законная власть зависят от президента. Однако так же верно, что из-за своих частых публичных выступлений некоторые министры приобретают влияние, независимое от президента.

В определенной степени я обладал подобным влиянием, и некоторые скажут, что я смог бы использовать его при отставке, бросив вызов президентской политике во Вьетнаме и возглавив движение всех сторонников перемен.

А я считаю, что тем самым я нарушил бы свою ответственность перед президентом и присягу, данную на верность Конституции.

Я никогда не забуду рассказ Дина Ачесона. Дин сказал мне, что когда он был заместителем министра финансов в начале 1930-х годов, при Франклине Рузвельте, то никак не мог согласиться с финансовой политикой президента. И он молча подал в отставку. Рузвельт заметил, что Ачесон стал единственным правительственным чиновником, ушедшим в отставку в соответствии с Конституцией. Я навсегда запомнил этот урок¹.

Проще говоря, несмотря на мои глубокие расхождения с Линдоном Джонсоном по Вьетнаму, я был лоялен к институту президентства и лоялен к нему лично и знал, что он тоже полностью доверяет мне. Более того, до последнего дня пребывания на посту министра обороны я полагал, что могу воздействовать на его решения. И потому чувствовал себя обязанным оставаться на этом посту.

Между 29 ноября и моим уходом из Пентагона, состоявшимся три месяца спустя, один кризис начал буквально громоздиться на другом. Северовьетнамская группа войск взяла в осаду южновьетнамскую морскую базу в Кхе-Санхе. 23 февраля 1968 года Северная Корея захватила в международных водах, вдали от Корейского полуострова, американское разведывательное судно «Пуэбло». Неделей позже здание американского посольства в Сайгоне подверглось нападению вьетконговцев, отметивших таким образом праздник Тет — вьетнамский Новый год.

Своим последним официальным распоряжением по Вьетнаму я отказал Уэстморленду, обратившемуся к нам с очередным запросом

---

¹ Практически то же сделал Сай Вэнс на посту госсекретаря весной 1980 года. Не согласившись с имевшимся у президента Картера планом спасения сотрудников американского посольства в Иране, ставших заложниками исламских экстремистов, и чувствуя, что больше не может влиять на его решения, Вэнс заявил ему о своем намерении подать в отставку после попытки спасения независимо от того, будет ли она успешной или нет.

об отправке ему дополнительного военного контингента в количестве 200 тысяч человек. Я отклонил этот запрос 27 февраля 1968 года по политическим, экономическим и моральным соображениям. Мой преемник Кларк Клиффорд позднее занял ту же позицию.

День моего ухода приближался, и я написал письмо Линдону Джонсону:

23 февраля 1968 г.

Уважаемый господин президент!

Я не могу найти подходящих слов, чтобы выразить Вам все свои чувства.

Пятьдесят один месяц тому назад Вы предложили мне должность в Вашем кабинете. Прежде я никогда не испытывал столь сильной удовлетворенности, но и не ощущал никогда столь же сильной внутренней борьбы. Однако эта борьба могла бы стать еще острее, а чувство удовлетворенности заметно ослабло бы без Вашей полной поддержки любого моего политического шага.

Каждый человек стал бы гордиться тем, что служит в администрации, осуществляющей задуманные Вами реформы в сфере гражданских прав, здравоохранения и образования. Столетнее пренебрежение этими проблемами, разумеется, не может быть преодолено в одночасье. Но Вы подтолкнули страну и вывели ее на путь радикальных преобразований, плодами которых будут пользоваться мои дети и дети моих детей. Каждый гражданин нашей страны является Вашим должником.

Я не говорю Вам «прощайте»: Вы знаете, что, как только Вы позвоните, я тут же откликнусь.

Искренне Ваш

Боб¹.

Марджи тоже написала президенту и леди Берд и получила трогательный ответ от Джонсона, в котором, в частности, говорилось:

Мы оба чувствуем грусть при расставании. Вы знаете, что если бы я ждал «удобного момента» для расставания с Бобом, то он наступил бы лишь за двадцать четыре часа до моего собственного ухода. Мало кого я так любил и мало к кому был так привязан, как к Вашему мужу. Судя по Вашему письму, будущее сулит Вам немалые успехи. Хотя наша жизнь и изменится, как Вы пишете, но мы-то не изменимся. Леди Берд и я никогда не изменим своих чувств к Вам обоим. Мы будем по-прежнему относиться к Вам с восхищением и благодарностью.

С любовью

Линдон Б. Джонсон².

¹ Letter to the President [Письмо президенту] // McNamara, Robert: White House Famous Names File: Box 6. LBJL.

² LBJ to Margie McNamara. 1968. February 7 [Линдон Бейнс Джонсон — Марджи Макнамаре. 1968. 7 февраля] // McNamara, Robert S. Name File: White House Central File: Box 318. LBJL.

Когда президент прибыл в Пентагон на прощальную церемонию по случаю моего ухода 29 февраля, мы зашли в лифт, чтобы подняться ко мне в кабинет. Но лифт застрял между этажами. Сержант, обслуживавший лифт, срочно позвонил по телефону и вызвал службу спасения. Механик спросил:

— Он, что, перегружен?

— Мы полагаем, что да, — ответил сержант.

Мы провели в таком положении минут десять или пятнадцать: надо ли говорить, что службы безопасности были в ярости. Наконец работник вскарабкался на крышу лифта и смог нас освободить.

Мы направились на площадь для парадов рядом с входом в здание Пентагона со стороны реки. Хотя из-за войны ни у кого не было особо праздничного настроения, протокол следовало соблюдать. Военные устроили в мою честь торжественную прощальную церемонию — с речами, оркестром, артиллерийским салютом и парадом реактивных самолетов ВВС и ВМС. А с неба между тем валил мокрый снег. Это резко сократило время парада и уменьшило количество выступлений. Все промокли и продрогли.

За день до этого президент Джонсон наградил меня медалью Свободы в Восточном зале Белого дома в присутствии членов моей семьи, друзей и Вашингтонских чиновников. Семью годами раньше я стоял в этом зале, давая присягу при вступлении в должность. Для человека, руководствующегося холодным расчетом, я порой бываю очень эмоционален. Так случилось и в этот день. Когда настала моя пора выступать, я сказал, глядя на президента: «Я не могу найти слов, чтобы выразить свои чувства», — и тут же умолк, не в силах вымолвить хоть что-то. И все — из-за овладевших мною чувств — гордости, благодарности, разочарования, горечи и грусти. Если бы я был способен говорить, то произнес бы такую речь:

Сегодня истекли одна тысяча пятьсот пятьдесят восемь дней моего тесного сотрудничества с самым сложным человеком из всех, с кем я когда-либо сталкивался. Многие из собравшихся в этом зале считают Линдона Джонсона жестоким, суровым, мстительным, озлобленным и неискренним человеком. Возможно, временами он оправдывал эти нелестные характеристики. Но это — не все. Он гораздо более масштабная личность. Я думаю, что в будущем история, все рассудив, воздаст ему по заслугам за все сделанное им, — например, за принятие закона о гражданских правах, закона об избирательных правах, программ «Великого общества», — и тем самым напомнит нам о нашей ответственности перед бедными, обездоленными и жертвами расовой нетерпимости. В этой области он превзошел любого другого политического лидера нашего времени. Что же касается войны во Вьетнаме, которую он унаследовал, то тут я вынужден признать, что ни он, ни все мы не руководили ходом военных действий с надлежащей мудростью, способной помочь решить вьетнамские проблемы.

Через тринадцать лет, 16 января 1981 года, я вернулся в Восточный зал вместе с Марджи. На сей раз чествовали ее, а я был только гостем. Президент Картер наградил ее медалью Свободы за организацию ею программы «Чтение — основа всего», целью которой являлось пробуждение интереса к чтению у умственно отсталых детей. Маржи знала, что больна раком и ее дни сочтены. Когда она скончалась спустя семнадцать дней после награждения, в созданной ею организации насчитывалось уже 70 тысяч добровольцев, работавших по всей стране.

Уроки Вьетнама

Мое участие во вьетнамских делах завершилось на следующий день после того, как я покинул Восточный зал. Но сама война продолжалась еще целых семь лет. К тому времени, когда Соединенные Штаты окончательно ушли из Южного Вьетнама, что произошло в 1973 году, мы потеряли убитыми 58 тысяч человек — мужчин и женщин, наша экономика оказалась надолго подорвана чрезмерными и не всегда оправданными расходами, связанными с войной, а политическое единство нашего общества было столь расшатано, что на его восстановление понадобилось... несколько десятилетий.

Оправдана ли столь высокая цена?

Дин Раск, Уолт Ростоу, Ли Куан Ю и многие другие геополитики во всем мире до сих пор считают: да, оправдана. Они полагают, что без вторжения США во Вьетнам коммунистическая гегемония, как советская, так и китайская, распространилась бы далеко на юг и восток Азии, вплоть до установления контроля над Индонезией, Таиландом и, возможно, над Индией. Некоторые идут еще дальше и утверждают, что СССР рискнул бы расширить свое влияние и в других регионах мира, в частности на Ближнем Востоке, где смог бы начать борьбу за контроль над нефтедобывающими странами. Возможно, они и правы, но их суждения вызывают у меня серьезные вопросы.

Когда архивы бывшего Советского Союза, Китая и Вьетнама откроют для исследователей, мы узнаем гораздо больше о намерениях этих стран, но даже теперь нам понятно, что в течение сорока лет «холодной войны» угроза коммунистической агрессии была вполне реальным и значимым фактом. Хотя в 1950-х, 1960-х, 1970-х и 1980-х годах Запад часто неправильно воспринимал и потому преувеличивал силу Востока и его способность к ее демонстрации, игнорировать ту опасность, которую он представлял, мы не имели права: это было бы и безответственно, и попросту неумно.

Сегодня я задаю вопрос, были бы действия и влияние Советского Союза или Китая принципиально иными, если бы Соединенные Штаты не вступили в войну в Индокитае или если бы мы ушли из Вьетнама в начале или в середине 1960-х годов. К этому времени уже должно было быть ясно, что две предпосылки, на которых основывалось решение президента Кеннеди направить в Южный Вьетнам военных советников, были нереальны, да и не могли быть другими: добиться политической стабильности не удалось, и рассчитывать на нее в будущем также не приходилось, а южновьетнамцы, даже пройдя у нас курс обучения и при нашей тыловой поддержке, были неспособны защитить себя.

Принимая во внимание все эти факты, а они неоспоримы, я полагаю, что мы должны были уйти из Южного Вьетнама еще в конце 1963 года,

во время смуты, последовавшей за убийством Зьема, или в конце 1964 или в начале 1965 года, когда уже проявила себя в полной мере и политическая и военная слабость Южного Вьетнама. И, как считают наши критики, уход США мог быть оправдан по меньшей мере еще в трех случаях.

Я не думаю, что вывод войск США в любых подобных обстоятельствах и при должном разъяснении данной акции американскому народу и всему миру вызвал бы у жителей западноевропейских стран сомнения в том, что мы и впредь будем поддерживать НАТО и тем самым обеспечивать их безопасность. Я также не думаю, что Япония усомнилась бы в эффективности заключенных нами договоров безопасности. Напротив, вполне возможно, что мы только упрочили бы доверие к США, уйдя из Вьетнама и сохранив наши силы для других государств, нуждавшихся в защите.

Иногда говорят, что мир после окончания «холодной войны» столь отличается от прошлого, что уроки Вьетнама к нему просто неприменимы, и уж тем более они не будут соответствовать реалиям XXI века. Я с этим не согласен. И если мы хотим чему-то научиться на нашем вьетнамском опыте, то должны в первую очередь определить наши ошибки. Имелось одиннадцать основных причин нашего поражения во Вьетнаме:

1. Мы неправильно оценивали и до сих пор неверно оцениваем геополитические намерения наших противников (в данном случае Северного Вьетнама и Вьетконга, которых поддерживали Китай и Советский Союз) и преувеличивали опасность их действий для Соединенных Штатов.
2. Мы относились к народу и лидерам Южного Вьетнама исходя из нашего собственного опыта. Мы считали, что они стремятся и полны решимости бороться за свободу и демократию. И совершенно неверно судили о расстановке политических сил в этой стране.
3. Мы недооценивали национализм как силу, побуждавшую наших противников (я имею в виду северовьетнамцев и вьетконговцев) сражаться и умирать за свои убеждения и ценности. Мы и теперь продолжаем совершать ту же ошибку в разных регионах мира.
4. Наши неверные суждения относительно понятия «свой — чужой» отражали наше глубокое невежество и незнание истории, культуры и политики проживающего в этом регионе народа и личных качеств и привычек его лидеров. Мы могли бы столь же неверно судить и о Советском Союзе в периоды наших частых конфронтаций, например, в связи с Берлином, Кубой и Ближним

Дата ухода	Численность военного контингента США в Южном Вьетнаме	Общее число погибших военно-служащих США	Основания для ухода
Ноябрь 1963 года	16 300 советников ¹	78	Крах режима Зьема и отсутствие политической стабильности
Конец 1964 и начало 1965 года	23 300 советников	225	Проявленная Южным Вьетнамом неспособность защитить себя даже при том, что наши инструкторы обучали его военнослужащих и мы оказывали ему активную тыловую поддержку
Июль 1965 года	81 400 человек всех категорий военнослужащих	509	Дальнейшее подтверждение сказанного выше
Декабрь 1965 года	184 300 человек всех категорий военнослужащих	1594	Несоответствие военной тактики и подготовки военнослужащих США характеру начавшейся партизанской войны
Декабрь 1967	485 600 человек всех категорий военнослужащих	15 979	Отчеты ЦРУ, в которых сообщалось о том, что бомбардировки Северного Вьетнама не сломили его волю и способность к активной борьбе, чему содействовало и то обстоятельство, что мы так и не сумели заставить повернуть назад противостоящие нам в Южном Вьетнаме вооруженные силы противника
Январь 1973 года	54 300 человек всех категорий военнослужащих (апрель 1969 года)	58 191 ²	Подписание Парижских соглашений, ознаменовавшее прекращение военного присутствия США во Вьетнаме

¹ Эти и последующие данные предоставлены Центром военной истории Армии США (Вашингтон, округ Колумбия)

² К 31 декабря 1968 года число военнослужащих США, погибших во Вьетнаме, составило 30 568 человек

Востоком, если бы у нас не было «Томми» Томпсона, Чарлза Боулена и Джорджа Кеннана с их бесценными советами и указаниями. Эти ведущие дипломаты несколько десятилетий изучали Советский Союз, его народ и его лидеров, причины их действий и реакции на предпринимаемые нами те или иные шаги. Их рекомендации оказали нам помощь в производстве оценок и принятии решений. Но специалистов такого уровня по Юго-Восточной Азии мы не имели, и, как следствие этого, нам не с кем было проконсультироваться при подготовке проектов решений по Вьетнаму.

5. Мы не осознавали, да и до сих пор не осознаем, сколь ограничены возможности современных высокотехнологичных видов оружия и прочего военного снаряжения и сколь несовершенны наши доктрины применительно к национальным движениям с их нетрадиционными формами борьбы и высокой степенью мотиваций действий народа. Нам не удалось привести нашу военную тактику в соответствие с такой стоявшей перед нами задачей, как завоевание симпатий людей, принадлежащих к совершенно другой культуре.
6. Мы не смогли организовать подробное, с развернутыми и аргументированными доводами «за» и «против», и откровенное обсуждение Конгрессом и всем американским народом вопроса о нашем полномасштабном участии в военных операциях в Юго-Восточной Азии еще до того, как мы вошли во Вьетнам.
7. После начала военных операций, когда непредвиденные события заставили нас отклониться от намеченного курса, мы не сумели воспользоваться общенациональной поддержкой и сохранить ее — отчасти потому, что не рассказали своим согражданам откровенно и без всяких там недомолвок, что же происходит во Вьетнаме и почему мы действуем именно так, а не как-то иначе. Мы не подготовили общество к пониманию сложных событий, не научили его реагировать адекватно на все изменения проводимого нами политического курса в далекой заморской стране и во враждебном окружении. Подлинная сила любого государства заключается не в его военном потенциале, а, скорее, в единстве нации. А вот этого-то мы и не смогли сохранить.
8. Мы не поняли, что ни наш народ, ни наши лидеры отнюдь не всезнающи. Когда нашей безопасности ничто не угрожает, то правильность наших суждений об истинных интересах других стран или народов непременно должна проходить проверку в процессе открытых дискуссий на международных форумах. У нас нет божественного права пересоздавать каждое государство по нашему образцу или выбору.

9. Мы пренебрегли исключительно важным принципом, заключающимся в том, что при отсутствии прямой угрозы нашей безопасности США должны осуществлять в других странах военные акции только совместно с многонациональными силами, полностью, а не символически, поддержанными мировым сообществом.
10. Мы не сумели понять, что в международной жизни, как и в других сферах деятельности, могут быть проблемы, для которых не существует немедленных решений. Людям, посвятившим свою жизнь выработке и реализации подобных решений, особенно трудно это признать. Но факт остается фактом: порой нам приходится жить в несовершенном и беспокойном мире.
11. Многие из этих ошибок объясняются нашим неумением обеспечить высокую эффективность усилий, предпринимавшихся высшими эшелонами власти, которым пришлось столкнуться с крайне запутанным и исключительно сложным комплексом различных проблем военного и политического характера. Взять хотя бы тот факт, что достижение наших целей было сопряжено с немалым риском и огромными потерями, включая и человеческие жизни. Нельзя забывать и о той тяжелой доли, которая выпала на наших военных, непрестанно испытывавших чрезмерное напряжение и к тому же в течение долгого времени. Одним из факторов, препятствовавших нашим успехам, являлись неполадки организационного плана, которые недешево обошлись бы нам даже в том случае, если бы президент и его советники имели дело лишь с одной проблемой. А все ведь обстояло иначе. Проблема, связанная с Вьетнамом, сосуществовала с широким спектром внутренних и международных вопросов, которые тоже надо было решать. В результате у нас просто не было возможности всесторонне и обстоятельно анализировать и обсуждать многое из того, что напрямую касалось наших действий в Азии и требовало от нас особого внимания. Поэтому наши представления о таких, в частности, вещах, как преследуемые нами цели, степень риска, цена альтернативных вариантов проведения военных операций или смена курса, несоответствующего сложившимся условиям, носили весьма поверхностный характер. В общем, должен прямо сказать: вопросы, которые ставила перед нами война, мы рассматривали не столь скрупулезно и глубоко, как делалось это, к примеру, во время кубинского «ракетного» кризиса, когда Административная комиссия при президенте не оставила без внимания ни один из аспектов возникшей проблемы.

Таковы были наши основные ошибки. Хотя каждая из них изложена отдельно, все они в определенном смысле связаны друг с другом:

промах в чем-то одном усугублял просчет в другом или приводил к нему. И узел затягивался все туже.

Выявление и разбор наших ошибок дают нам возможность глубже вникнуть в уроки Вьетнама и приложить их к той обстановке, что сложилась в мире после окончания «холодной войны».

Хотя с середины 1980-х годов было ясно, что «холодная война» уже близится к завершению, страны во всем мире не торопились пересматривать свою внешнюю и оборонную политику, отчасти потому что не видели, в каком направлении будут развиваться события.

Судя по вторжению Ирака в Кувейт, гражданской войне в бывшей Югославии и волнениям в Чечне, Сомали, на Гаити, в Судане, Бурунди, Армении и Таджикистане, мир и в будущем будут потрясать конфликты как между различными группировками внутри государств, так и выходящие за пределы той или иной страны. По-прежнему сохраняются расовые, религиозные и этнические противоречия. Национализм, очевидно, станет мощной движущей силой во всем мире. Число политических революций будет возрастать по мере развития общества. Не уйдут в прошлое и споры со ссылками на историю относительно государственных границ. В связи с неравномерностью распределения технологий и образования между разными странами диспропорции в уровнях их экономического развития так и не будут изжиты. Основные причины конфликтов в третьем мире, существовавшие задолго до начала «холодной войны», не исчезли и с ее окончанием. Дополнением к ним станут, возможно, соперничество между бывшими республиками Советского Союза и продолжающаяся политическая напряженность на Ближнем Востоке. Подобная напряженность в минувшие сорок пять лет и явилась причиной 125 войн, которые унесли 40 миллионов жизней в странах третьего мира¹.

В этом отношении мир будущего не будет отличаться от мира прошлого: внутренние и международные конфликты не исчезнут. Но отношения между государствами претерпят резкие изменения. В послевоенные годы Соединенные Штаты, обладая огромным потенциалом, в определенной степени использовали его для формирования мира в том направлении, которое мы выбирали. В следующем столетии такое станет невозможным.

Японии будет суждено играть все большую и большую роль на мировой арене, что связано с ее возросшим удельным весом в мировой экономике и политике, и хочется надеяться, что в соответствии с этим она возьмет на себя и большие обязательства экономического и политического плана. То же можно сказать и о Западной Европе, которая в 1993 году сделала важный шаг в направлении экономической инте-

¹ См.: *McNamara R.S. The Post-Cold War World and Its Implications for Military Expenditures in the Developing Countries* // World Bank Conference on Development Economics. Washington (D. C.), 1991. P. 33.

грации. Несомненно, будет укрепляться и ее политическое единство (несмотря на существовавшие оппозиции Маастрихтскому соглашению), что усилит позиции Европы в мировой политике.

В середине будущего века несколько стран, в прошлом относившихся к третьему миру, ожидает значительный рост населения, а достигнутый ими уровень экономического развития окажется столь внушителен, что они станут основными участниками мировой политики и повлияют на характер международных отношений. Население Индии увеличится, вероятно, до 1,6 миллиарда человек, Нигерии — 400 миллионов человек, Бразилии — 300 миллионов человек. Если Китай осуществит свои амбициозные планы к 2000 году, как было намечено, и в последующие пятьдесят лет сможет сохранить вполне удовлетворительные, хотя и не столь уж впечатляющие темпы экономического роста, то по уровню дохода на душу населения 1,6 миллиарда китайцев сравняются с западноевропейцами середины XX века. По объему же внутреннего валового продукта Китай оставит позади Соединенные Штаты, Западную Европу, Японию и Россию. С этой силой нельзя будет не считаться. Конечно, я привел весьма приблизительные цифры. Но они вполне достаточны для того, чтобы проиллюстрировать грандиозность тех перемен, которые ожидают мир уже не в столь отдаленном будущем.

Оставаясь самой сильной мировой державой, США должны будут считаться с многополярностью мира и приспосабливать к этой реальности и внешнюю политику, и свои оборонные программы. Возникнет новый тип взаимоотношений между основными «мировыми центрами», каковых по меньшей мере будет пять: Китай, Европа, Япония, Россия и Соединенные Штаты. Новые отношения свяжут также эти «центры» с «периферийными», то есть не входящими в них, государствами.

Многие политологи, в особенности относящиеся к категории реалистов, предсказывают возврат к традиционной силовой политике. Они утверждают, что исчезновение идеологического соперничества между Востоком и Западом стимулирует возврат к традиционным отношениям, основанным на территориальных и экономических императивах. То есть, по их мнению, Соединенные Штаты, Россия, Западная Европа, Китай, Япония и Индия будут стремиться к усилению своих позиций в собственных регионах и в то же время бороться за преобладание в других районах, особенно там, где социальная и политическая обстановка характеризуется крайней неустойчивостью. Подобные взгляды выражает, например, профессор Гарвардского университета Майкл Сандел:

Окончание «холодной войны» не означает окончания глобального соперничества между сверхдержавами. С тех пор как отпало идеологическое измерение, мы имеем дело не с миром и гармонией, а со старомодной глобальной политикой. Она характеризуется борьбой доминирующих сил за влияние и осуществление своих собственных интересов¹.

¹ Цит. по: New York Times. 1989. December 31.

Генри Киссинджер, также представитель школы реалистов, приходит к аналогичному выводу:

Победа в «холодной войне» словно выбрасывает Америку в мир, во многом напоминающий европейскую систему государств XVIII и XIX веков... Отсутствие крупномасштабных идеологических или стратегических угроз позволяет странам проводить внешнюю политику, базирующуюся на их сиюминутных, национальных интересах. В международной системе, представленной пятью или, возможно, шестью ведущими странами и массой небольших государств, порядок, как и в прошлых столетиях, будет во многом определяться степенью согласованности и сбалансированности соперничающих национальных интересов¹.

Концепции межгосударственных отношений в эпоху после «холодной войны», сформулированные Киссинджером и Санделом, с исторической точки зрения, хорошо обоснованы, но, на мой взгляд, не соответствуют характеру нашей действительности, когда взаимозависимость усиливается буквально с каждым днем. Ни одна страна, даже Соединенные Штаты, не может оставаться в одиночестве в мире, где государства воедино связывают и сама экономика, и общая для всех проблема защиты окружающей среды, и, наконец, необходимость обеспечения безопасности для всей нашей планеты. Устав ООН предлагает куда более приемлемую структуру межгосударственных отношений, чем та, которую предусматривают политические доктрины великих держав.

Так считают не я один. Бывший директор Института перспективных исследований в Принстоне Карл Кейзен утверждает:

Международная система, предполагающая применение военной силы отдельным государством как последним гарантом безопасности и угрозу ее использования как основу сохранения порядка, не является единственно возможной. Поиски иной системы [базирующейся на коллективной безопасности]... уже представляются нам не бесплодной иллюзией, как это было в прошлом, а необходимым условием достижения необходимой цели¹.

Джордж Ф. Кеннан во время празднования его девяностолетия в Совете по международным отношениям 15 февраля 1994 года сказал, что впервые за многие века миру не угрожает перспектива конфликта между великими державами. Выразив надежду, что эти бесконфликтные отношения между ними, — во всяком случае, в ближайшее время, — приведут в конечном итоге к осуществлению его давнишней мечты о мире после «холодной войны», он предупредил вместе с тем: мы не должны совершать ошибку, забывая о том, что нам и впредь

¹ Kissinger H. Diplomacy. N. Y.: Simon & Schuster, 1994. P. 805.

² Kaysen C. Is War Obsolete? // International Security. Vol. 14. № 4 (Spring 1990). P. 63.

необходимо будет сохранять способность эффективно отстаивать и защищать свои интересы, вполне допуская возможность возобновления бывшего соперничества между великими державами.

Но защита собственных интересов отнюдь не означает, что расходы на оборонные нужды должны по-прежнему оставаться на нынешнем уровне, превышающем все разумные пределы. Например, только в Соединенных Штатах расходы по этой статье составили в 1993 финансовом году 291 миллиард долларов, или на 25% больше, чем в 1980 году. Добавлю еще, что пятилетняя оборонная программа президента Клинтона на 1995–1999 финансовые годы предусматривает только незначительное, поэтапное снижение расходов по сравнению с уровнем 1993 года. Ассигнования на оборону в 1999 году с учетом инфляции лишь на 3% меньше, чем при президенте Никсоне в самый разгар «холодной войны»¹. Соединенные Штаты тратят на нужды своей национальной безопасности почти столько же, сколько все остальные страны мира вместе взятые.

Подобная оборонная программа расходится с моим пониманием сущности мира после окончания «холодной войны» и сокращает наши возможности финансирования внутренних программ, столь же необходимых для нашей безопасности. Предполагается, что в конфликтах за пределами зоны ответственности НАТО, например, в Ираке, Иране или на Корейском полуострове, мы будем действовать одни, без поддержки со стороны других великих держав. Предусматривается также, что мы должны быть готовы к вмешательству сразу в два подобных конфликта, если таковые возникнут вдруг одновременно. Данные предположения представляются мне по меньшей мере странными и спорными.

Перед тем как страны смогут оптимальным образом отреагировать на окончание «холодной войны», им нужно отчетливо представить себе концептуальную структуру мира, в котором больше не будет преобладать соперничество Востока и Запада, предопределявшее характер внешнеполитических и оборонных программ во всем мире на протяжении более сорока лет. Я думаю, что в новом, формирующемся мире отношения между странами должны строиться в направлении, позволяющем нам достичь пять исключительно важных целей, которые заключаются в том, чтобы:

1. Гарантировать всем государствам безопасность и защиту от внешней агрессии: границы не должны меняться в результате использования военной силы;
2. Определить в законодательном порядке права национальных меньшинств и этнических групп внутри государств, например,

---

¹ См.: Budget of the United States: Historical Tables FY 1995. Washington: U. S. Government Printing Office, 1994. P. 86.

- курдов в Иране, Ираке и Турции, и предоставить им возможность выражать недовольство в мирных формах, не прибегая к насилию;
3. Создать механизм разрешения внутренних и межгосударственных конфликтов, исключающий одностороннее вмешательство в ситуацию со стороны какой-либо великой державы;
  4. Расширить техническое и финансовое содействие странам третьего мира, с тем чтобы помочь им повысить темпы социального и экономического развития;
  5. Обеспечить стабильность в глобальных масштабах как основу устойчивого роста во всех странах мира.

В общем, мы должны попытаться создать такой мир, в котором отношения между странами будут основываться на главенстве закона; мир, в котором национальная безопасность будет подкрепляться системой коллективной безопасности. Свой вклад в предотвращение конфликтов, их разрешение и миротворческие действия, необходимые для достижения этих целей, должна будет внести реорганизованная и более сильная, чем прежде, Организация Объединенных Наций вместе со старыми и новыми региональными организациями.

Таково мое видение мира после завершения «холодной войны»¹.

Но видеть, конечно, легче, чем осуществить мечту. Цель ясна, но у меня нет магической формулы, которая приблизила бы нас к ней, и я не знаю простых путей, идущих в желаемом направлении. Мне известно только, что мир не станет таким ни через месяц, ни через год, ни даже через десятилетие. Его преобразование будет происходить медленно, небольшими шажками и под руководством лидеров, действующих убежденно и настойчиво. И единственное, чего хочу, так это того, чтобы мы уже сегодня стали свидетелями данного процесса.

Мир, каким он стал после окончания «холодной войны», стремится и будет стремиться и впредь к разрешению неизбежных внутренних и межгосударственных конфликтов при одновременном сведении необходимости использовать военную силу до реально достижимого уровня, что позволило бы ему если и не избежать людских потерь, то, во всяком случае, существенно их сократить. Однако для того, чтобы осуществить это, «послевоенному» миру понадобятся лидеры. В зависимости от обстоятельств роль лидера будет переходить от одной страны к другой. Соединенные Штаты тоже станут исполнять ее, и довольно часто. Но в системе коллективной безопасности им, хочешь не хо-

---

¹ В 1994 г. Институт Брукинга опубликовал коллективную работу «Глобальное взаимодействие: сотрудничество и безопасность в XXI веке» (см.: Global Engagement: Cooperation and Security in the Twenty-first Century). В ней двадцать политиков и ученых исследуют геополитическую систему, очень похожую на ту, которую я предлагаю в настоящей книге.

чешь, придется примириться с коллективным принятием решений, а это весьма трудно для нас, американцев. Соответственно, если эта система сохранится, то и многие другие страны (в частности, Германия и Япония) также должны будут признать обязательным для себя соблюдение принципа соучастия в риске и расходах, — уточню: в политическом риске и финансовых расходах, — и быть готовыми и к кровавым схваткам, и к людским потерям, и им это тоже будет нелегко.

Если бы Соединенные Штаты и другие ведущие державы смогли четко сформулировать принимаемые ими на себя обязательства в подобной системе коллективной безопасности и заявили бы, что считают своим долгом защищать другие страны от агрессии, то нападение Ирака на Кувейт в 1990 году можно было бы предотвратить. Или еще один пример того же рода: если бы ООН или НАТО предприняли действенные меры, как только в начале 1990-х годов вспыхнул конфликт в Югославии, то гибель десятков тысяч невинных жертв в межнациональной резне стала бы невозможной. Но сегодня, я опасаясь, боснийский вопрос уже относится к категории проблем, не имеющих простого решения, во всяком случае, военного.

В мире после окончания «холодной войны» Соединенным Штатам необходимо точно знать, где и как им следует применять военную силу. Это же требует четкого определения внешнеполитических целей США. В течение сорока лет наши цели были понятны: мы должны были сдерживать экспансию Советского Союза. Но сейчас наши усилия уже не направлены на это: мы лишились врага. Чем мы заменим его? Президент Картер заявил на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 27 сентября 1993 года: «Нашей ведущей целью должны стать расширение и укрепление мирового сообщества демократий с рыночной экономикой». Советник по вопросам национальной безопасности Энтони Лейк, в сущности, повторил его слова, когда на той же неделе сказал, что «доктрину сдерживания должна заменить стратегия расширения — расширения свободного мирового сообщества демократий с рыночной системой»¹. Но такая формулировка наших целей недостаточна.

Конечно, Соединенные Штаты не могут и не должны вмешиваться в любой конфликт, возникающий из-за попытки той или иной страны направить свое развитие по пути капиталистической демократии. Например, мы были совершенно правы, когда не стали оказывать военную поддержку Эдуарду Шеварднадзе, желавшему установить демократию в Грузии. Нельзя также ожидать, что мы будем пытаться остановить с помощью военной силы все без исключения локальные

---

¹ См.: *Clinton B. Confronting the Challenge of a Broader World* // U. N. General Assembly, New York. 1993. September 27; *Lake A. From Containment to Enlargement* // Johns Hopkins University School of Advanced International Studies. Washington (D. C.), 1993. September 21.

войны, неизменно несущие гибель невинному мирному населению. В настоящее время в мире ведется не менее десяти подобных войн: в Боснии, Бурунди, Грузии, Ираке, Кашмире, Руанде, Судане, Йемене... Серьезные конфликты могут вскоре вспыхнуть в Косове, Лесото, Македонии и Заире. Будем ли мы вообще участвовать в каком-то из них? Ни Соединенные Штаты, ни какая-либо другая страна, также относящаяся к великим державам, не имеют ясного ответа на этот вопрос. Ответ может появиться только в ходе непрестанных обсуждений данной проблемы гражданами нашей страны и во время встреч высших должностных лиц великих держав и дискуссий в руководящих органах международных организаций.

Мы должны четко определить условия, при которых допустимо использование военной силы как нашей страной, так и другими государствами. Правила, касающиеся отпора агрессору, перешедшему через государственную границу, могут быть довольно просты и ясны. Но правила, связанные с попытками установления или восстановления политического порядка и предотвращения межэтнических столкновений, как это, например, было в Руанде в 1994 году, куда менее понятны.

Нам неизбежно придется ответить на несколько принципиальных вопросов, включая и такой: сколько лишений и страданий должны перенести люди, прежде чем мы решимся вмешаться в конфликт? В соответствии с конвенцией ООН, оформленной в виде международного договора, который в 1989 году стал частью нашего национального законодательства, Соединенные Штаты взяли на себя обязательство участвовать в акциях, способных остановить геноцид. Но что следует считать геноцидом, требующим нашего вмешательства? В июне 1994 года американское правительство, не отрицая самого факта уничтожения 200 тысяч граждан Руанды, расценило подобные действия как «акт геноцида», но отказалось признать, что эти массовые убийства подпадают под условия договора¹. Но не произойдут ли в дальнейшем другие события, сходные с геноцидом, которые тоже оправдывали бы наше вмешательство? И в какой момент мы должны приступить к активным действиям: когда не срабатывают предупредительные дипломатические меры и возможность массовых убийств становится реальной или когда эти убийства уже произошли? Как мы должны реагировать, когда страны, участвующие в подобных конфликтах, как это было в случае с бывшей Югославией, утверждают, что вмешательство извне недопустимо и представляет собой явное посягательство на их суверенитет? Мы уже видели, что Организация африканского единства и Организация американских государств неоднократно отказывались поддерживать такие вмешательства.

К тому же, как мы убедились на собственном опыте во Вьетнаме, вооруженное вмешательство в силу своей сущности может лишь в весь-

¹ См.: Washington Post. 1994. June 11. P. A1.

ма ограниченной степени содействовать процессу восстановления страны. Сама по себе военная сила не в состоянии «поставить на ноги» нежизнеспособное государство.

Американцы должны ясно понять, что для ответа на поставленные выше вопросы понадобятся в лучшем случае годы. Но нам нужно обсуждать возникающие проблемы как внутри страны, так и на международных форумах. Возможно, некоторые из них так и не будут никогда решены. Нельзя исключать и того, что в какой-то момент нам придется признать: мы просто не сможем исправить все ошибки. Наши суждения об уместности применения силы для поддержания порядка в далеком от совершенства мире не могут быть непогрешимыми. Поэтому они должны подвергаться критическому анализу на предмет выявления их соответствия сложившейся обстановке и стоящим перед нами задачам. И это — даже вопреки мнению других стран, желающих поддержать наше решение, принять участие в его реализации и платить за это так же, как и мы. Таков еще один урок Вьетнама.

Иногда вооруженное вмешательство США может быть оправдано не по гуманитарным и миротворческим соображениям, а по соображениям национальной безопасности. Ясно, что, когда возникает прямая угроза для нашей страны, мы будем действовать в одностороннем порядке, после соответствующих консультаций с Конгрессом и американским народом. Но как нам следует реагировать, если угроза, хотя потенциально и серьезная, не является столь непосредственной, как, например, волнения в Косове или Македонии, способные привести к крупному конфликту на Балканах с участием Греции, Турции и, вероятно, Италии? Я абсолютно убежден в том, что в подобных обстоятельствах мы *должны* наряду с другими странами участвовать в выработке совместного решения и делить с ними наше общее бремя. Таков третий урок Вьетнама.

Войны, которые мы ведем в мире после окончания «холодной войны», чаще всего относятся к разряду «ограниченных войн». И в этом они подобны вьетнамской войне. В марте 1991 года на конференции, состоявшейся в Библиотеке Джонсона, генерал Уэстморленд высказал замечание, которое я считаю нужным привести. Упомянув об ограничениях, из-за которых война во Вьетнаме и сохранила свой «ограниченный характер», он заявил: «Иногда у меня возникало такое чувство, будто у нас связаны руки», но мы «должны быть благодарны президенту Джонсону за то, что он *не допустил* [выделено в оригинале. — Р. М.] расширения зоны военных действий»¹. Несомненно, Вьетнам наглядно продемонстрировал нам, сколь невероятно трудно сражаться в ограниченных войнах, принимающих затяжной характер и приводящих к гибели множества наших солдат. Но может возникнуть и такая ситуа-

¹ Цит. по: The Johnson Years: A Vietnam Roundtable / Ed. T. Gittinger. Austin: Lyndon Bains Johnson Library, 1993. P. 76.

ция, когда ограниченная война окажется куда предпочтительней неограниченной. Перед тем как вступать в подобные конфликты, американцам следует понять суть возникших проблем, американской армии — ознакомиться с ограничениями, в рамках которых ей предстоит воевать, а нашим лидерам, так же как и нашему народу, нужно быть готовыми к сокращению операций, а затем и к выводу войск, если выяснится, что степень возможного риска или предполагаемая цена не позволяют достичь желаемых нами ограниченных целей.

Мы должны научиться на вьетнамском опыте, как вести эффективно ограниченные войны. В том, что мы не сумели создать группу из высших гражданских и военных чиновников, способных направлять наши действия в нужном направлении, заключалась основная причина нашего поражения. Я уже неоднократно рассказывал о процессе принятия решений и, надеюсь, объяснил, что мы не смогли выделить из множества проблем самые главные и разобраться в них, а глубокие разногласия среди президентских советников по поводу ведения войны так и не были ни открыто обсуждены, ни разрешены.

Я предполагаю, что отчасти это произошло из-за того, что мы не смогли организовать эффективную систему управления нашими действиями во Вьетнаме. Ни один чиновник высшего ранга в Вашингтоне не отвечал исключительно за эту страну. И президент, и государственный секретарь, и министр обороны, и советник по национальной безопасности, и председатель Комитета начальников штабов, и их помощники уделяли свое внимание и множеству других сложных и насущных вопросов, и потому некоторые наши просчеты и, самое главное, отсутствие у нас реальной возможности регулярно обсуждать насущные фундаментальные проблемы были вполне предсказуемы. Чтобы избежать этого, нам необходимо было сформировать команду на самом высшем уровне, наподобие той, которую Черчилль называл «Военным кабинетом». Эта команда занималась бы только Вьетнамом и больше ничем. Туда вошли бы как минимум заместители госсекретаря, министра обороны, советник по национальной безопасности, председатель КНШ и директор ЦРУ. Каждую неделю они встречались бы в назначенное время с президентом для долгих, без перерыва обсуждений. Эти еженедельные встречи следовало бы дополнить ежемесячными заседаниями с участием посла США во Вьетнаме. Обсуждения во время заседаний должны были бы носить характер открытой, откровенной дискуссии. Примером этому могла бы служить Административная комиссия при президенте, собиравшаяся в период кубинского «ракетного» кризиса: тогда это помогло избежать катастрофы. Аналогичный управленческий орган неплохо было бы создать и сейчас для руководства будущими военными операциями.

Мы должны понимать, что последствия широкомасштабных военных операций, особенно в эпоху преобладания сложного и высоко-

технологичного оружия огромного разрушительного действия, практически непредсказуемы. Поэтому их нужно всеми силами избегать за исключением тех случаев, когда речь идет о непосредственной угрозе нашей национальной безопасности.

Таковы уроки Вьетнама. Дай бог, чтобы мы их усвоили!

В заключение я хотел бы произнести еще одно, последнее, слово о Вьетнаме.

Но прежде позвольте признаться: я желаю, чтобы все, что скажу я сейчас, было воспринято правильно. Соединенные Штаты Америки сражались во Вьетнаме в течение восьми лет, искренне веря в то, что причины их участия в войне достойны и благородны. Администрации обеих партий стремились обеспечить таким образом нашу безопасность, воспрепятствовать распространению тоталитарного коммунизма и способствовать утверждению свободы личности и политической демократии. Администрации Кеннеди, Джонсона и Никсона принимали решения и на основании этих решений требовали принесения жертв, что, конечно, стало тяжелейшим испытанием для тысяч американцев. И это — во имя достижения поставленных целей.

Многое мы поняли слишком поздно, оказавшись крепки задним умом. Разумеется, не мы первые и не мы последние наделали столько ошибок: людям вообще свойственно ошибаться. Но я вынужден признать с болью в душе, что во всем случившемся во Вьетнаме виновно наше поколение ведущих американских политиков. Хотя мы старались действовать правильно и считали, что и в самом деле действуем правильно, время, на мой взгляд, показало, как мы заблуждались. Мы переоценили воздействие поражения Южного Вьетнама на безопасность Запада и не сумели до конца придерживаться следующего основополагающего принципа: если южновьетнамцы нуждались в спасении, то они должны были сами выиграть войну. Не приняв во внимание эту главную истину, мы приложили массу усилий, опираясь при этом на шаткую, ненадежную опору. Вооруженные силы извне не могут обеспечить политический порядок и стабильность, которые каждый народ *должен сам* устанавливать и поддерживать *для себя*.

И в конце мы должны вспомнить о судьбах тех американцев, которые служили во Вьетнаме и не вернулись назад. Обесценивает ли их борьбу и их гибель безрассудность нашего вторжения? Я думаю, что нет. Не они принимали решение. Правительство призвало их на военную службу, и они исполнили свой долг. По его воле они подвергались опасности и отдали жизнь за родину и ее идеалы. Наши попытки действовать во Вьетнаме были неудачны, но от этого их жертвы не стали менее благородны. Нам нужно понять и принять эту истину. Извлечем же еще один урок из принесенных ими жертв и воздадим должное их памяти.

Заканчивая работу над этой книгой, я вспомнил стихотворение Редьярда Киплинга «Дворец». Впервые я прочел его около шестидесяти лет тому назад. Слова Киплинга всю жизнь, в разные ее периоды, значили для меня очень много. И значат и сейчас.

Каменщик был и Король я, и, знание свое ценя,
Как Мастер решил построить дворец, достойный меня.
Когда разрыли поверхность, то под землей нашли
Дворец, как умеют строить только лишь Короли.

Он был безобразно сделан, не стоил план ничего.
Туда и сюда бесцельно разбегался фундамент его.
Кладка была неумелой, но на каждом я камне читал:
«Вслед за мною идет Строитель. Скажите ему: я знал».

Ловкий в моих проходах, в подземных траншеях моих,
Я валил косяки и камни и заново ставил их.
Известь гасил и жег я, ею покрывал дворец.
Принимая и отвергая то, что оставил мертвец.

Не презирал я, не славил, но, разобрав до конца,
Прочел в низвергнутом зданье сердце его творца,
Словно он сам рассказал мне, стал мне понятным таким,
Облик его сновиденья в плане, задуманном им.

***

Каменщик был и Король я, в полдень гордыни моей
Они принесли мне слово, словно из Мира Теней,
Шепнули: «Кончать не должно. Ты выполнил меру работ,
Как и тот дворец твой — добыча того, кто потом придет».

Я отозвал рабочих от кранов, от верфей, из ям.
И все, что я сделал, бросил на веру неверным годам.
Но надпись носили камни, и дерево, и металл:
«Вслед за мною идет Строитель. Скажите ему: я знал»¹.

Каждый человек живет с несбывшимися мечтами и неосуществленными задачами. И конечно, я не являюсь исключением. Но теперь, когда век кровавых конфликтов подходит к концу, у нас есть возможность с новой надеждой взглянуть в будущее. «Холодная война» завершилась. Перед нами — уроки Вьетнама. Их надо понять, изучить и руководствоваться ими в дальнейшем. Мы должны яснее, чем прежде, видеть, какие опасности угрожают нам в мире, обладающем многими

¹ Пер. А. Оношкович-Яцына.

тысячами единиц ядерного оружия, и сделать все, чтобы избежать ядерной катастрофы. Мы уже глубже осознаем широкие, несмотря на все ограничения, возможности межгосударственных организаций действовать сокращению числа спорных вопросов, дестабилизирующих внутреннюю обстановку во многих странах и осложняющих межгосударственные отношения. Неужели у нас нет основания верить, что XXI век, хотя и не станет веком спокойствия, не будет свидетелем гибели на войне еще 160 миллионов человек? Разумеется, это должно быть не только нашей надеждой, не только нашей мечтой, но и той нашей целью, к которой всем нам следует стремиться. Кто-то, вероятно, сочтет подобное утверждение слишком наивным, слишком простодушным и едва ли не донкихотским. Но разве мы, граждане великой страны с ее огромнейшими возможностями влиять на происходящее в мире, вправе довольствоваться малым и при этом оставаться в ладу с самими собой?

Ядерные кризисы 1960-х годов и их уроки для XXI века

Мы наряду с другими обитателями нашей планеты продолжаем жить в мире, в котором существует опасность ядерной катастрофы. Сегодняшние военные планы США предусматривают возможность применения ядерного оружия совсем как в 1960-х годах¹. Но в массе своей американцы не признают этот факт. Несомненно, рядового американца обрадовало совместное заявление президентов Буша и Ельцина, сделанное в июне 1992 года, о том, что они договорились о значительном сокращении ядерных средств США и России. Сегодня в мире насчитывается от 40 до 50 тысяч единиц ядерных боеголовок. Их общая разрушительная мощь в миллион раз больше, чем у бомбы, сравнявшей с землей Хиросиму. Если сокращения, предусмотренные договором СНВ-1, будут осуществлены, то ядерный арсенал уменьшится примерно до 20 тысяч боезарядов. Буш и Ельцин договорились и о дальнейшем сокращении, после которого у пяти ядерных государств (Соединенных Штатов, России, Франции, Великобритании и Китая) останется к 2003 году примерно 12 тысяч боеголовок. Это весьма желанный шаг. Но даже если американский Сенат и российский парламент ратифицируют это соглашение, что отнюдь не очевидно, риск уничтожения многих стран мира хотя и уменьшится, но не будет окончательно устранен. Я сомневаюсь в том, что потомки, если таковые вообще будут, смогут ощутить разницу между миром, где взорвутся 12 тысяч ядерных боеголовок, и миром, в котором их насчитывается 40 тысяч. Неужели мы не способны сделать что-то большее? Несомненно, ответ должен быть только утвердительным.

Теперь, после «холодной войны», с каждым годом становится все более ясно, что ядерное оружие невозможно утилизировать, а его дальнейшее хранение связано с огромным риском. Сознание грозящей опасности должно побудить пять ядерных держав кардинально изменить сами цели использования ядерного оружия. Нам надо начать всестороннее общественное обсуждение трех альтернативных ядерных стратегий, о которых я и скажу сейчас, правда, в общих чертах. Я считаю, что в конечном итоге подобные обсуждения приведут нас к однозначному выводу: мы должны вернуться в неядерный мир, пока эта задача еще выполнима.

Для подкрепления своей позиции я выскажу три положения:

1. Опыт кубинского «ракетного» кризиса 1962 года и особенно факты, ставшие известными лишь недавно, неопровержимо свидетель-

---

¹ См.: William Perry's statement to the Stimson Center. 1994. September 20 [Заявление Уильяма Перри в Центре Стимсона. 1994. 20 сентября] // Department of Defense press briefing. 1994. September 22.

ствуют о том, что пока мы и другие великие державы обладаем большими запасами ядерного оружия, угроза его применения сохраняется;

2. С военной точки зрения, в настоящее время подобный риск уже не оправдан, если вообще был когда-либо оправдан;
3. В последние годы произошло резкое изменение во взглядах ведущих западных экспертов в области безопасности относительно использования ядерного оружия в военных целях. Многие из этих экспертов, хотя, конечно, все еще не большинство, высказывают мнение, сходное с моим.

Прежде всего рассмотрим и проанализируем суть кубинского «ракетного» кризиса. Сейчас общепризнано, что действия Советского Союза, Кубы и Соединенных Штатов в октябре 1962 года поставили эти три страны на грань войны. Но что не было известно тогда, да и в наши дни окончательно не понято, так это то, в какой опасной близости к ядерной катастрофе оказался весь мир. Между тем ни одна из трех стран не намеревалась идти на подобный риск.

Кризис начался, когда Советский Союз разместил на Кубе ядерные ракеты и бомбардировщики. Очевидно, желая обмануть мир, он сделал это тайно летом и ранней осенью 1962 года. Ядерные ракеты и бомбардировщики были нацелены на города вдоль восточного побережья Америки. Фотографии, сделанные с разведывательного самолета «U-2» в воскресенье 14 октября 1962 года, привлекли внимание президента Кеннеди. Он и его военные и гражданские советники по безопасности сразу же пришли к заключению, что действия советской стороны угрожают всему Западу. Поэтому президент Кеннеди отдал распоряжение со среды 24 октября подвергнуть Кубу морской блокаде. Началась подготовка к бомбардировке Кубы и высадке на ее берега морского десанта. План предусматривал 1080 самолетовылетов в первый же день боевых операций. Силы вторжения, дислоцированные в портах на юго-востоке США, насчитывали 180 тысяч человек. Кризис достиг своей кульминации в субботу 27 октября и воскресенье 28 октября. Если бы Хрущев не объявил 28 октября о том, что в понедельник, 29 октября он убирает ракеты с Кубы, то большинство советников Кеннеди предложило бы начать войну.

Для понимания того, что послужило причиной этого кризиса и как предотвращать подобные инциденты в будущем, высокопоставленные советские, кубинские и американские участники тех событий провели пять конференций в течение пяти с лишним лет. Последняя из них состоялась на Кубе, в Гаване, в январе 1992 года и проходила под председательством Фиделя Кастро. По выводам третьей из этих встреч, проведенной в Москве в январе 1989 года, стало ясно, что на решения, принимавшиеся тремя странами перед кризисом и во время него, воз-

действовали неверная информация, неправильные оценки и неточные расчеты, искажавшие смысл событий.

Я приведу лишь четыре примера из многих:

1. Перед тем как советские ракеты были доставлены на Кубу летом 1962 года, Советский Союз и Куба были уверены, что Соединенные Штаты собираются напасть на остров для свержения Кастро и его правительства. У нас не было таких намерений;
2. Соединенные Штаты считали, что СССР никогда не решится разместить свои ядерные боеголовки за пределами территории Советского Союза, но он на это пошел. Мы узнали в Москве, что в октябре 1962 года советские ядерные боеголовки уже находились на Кубе и были нацелены на американские города, хотя ЦРУ в то время докладывало: никакого ядерного оружия на острове нет;
3. Советский Союз полагал, что ядерное оружие можно доставить на Кубу тайно и об этом никто не узнает. Более того, СССР был уверен, что Соединенные Штаты не отреагируют, и когда о его размещении станет известно. В этом он тоже ошибался;
4. Наконец, все те, кто собирался предложить президенту Кеннеди уничтожить эти ракеты ударами с воздуха, за которыми, по всей вероятности, последовала бы высадка на остров морского десанта, глубоко заблуждались, считая, что СССР не предпримет ответных военных действий. В это самое время ЦРУ сообщило о присутствии на Кубе 10 тысяч советских военнослужащих. Однако на конференции в Москве ее участники узнали, что на самом деле на Кубе находилось 43 тысячи советских военнослужащих, и это помимо 270-тысячной хорошо вооруженной кубинской армии. По словам командующих советскими и кубинскими войсками, обе армии были готовы «стоять насмерть». Кубинские официальные лица оценили число своих возможных потерь в 100 тысяч человек. Советские руководители, в том числе занимавший долгие годы пост министра иностранных дел Андрей Громыко и бывший посол СССР в Соединенных Штатах Анатолий Добрынин, никак не могли поверить в нашу убежденность в том, что в случае своего катастрофического поражения на Кубе Советский Союз уже не решится на ответные действия в каком-либо другом регионе мира. Скорее всего, результатом этих столкновений стала бы неконтролируемая эскалация военного противостояния.

В конце нашей встречи в Москве мы согласились, что можем извлечь из прошедшего обсуждения два главных урока: 1) в нашу эпоху высокотехнологичного оружия инициирование кризисов опасно по самой своей сути, управлять же ими невероятно сложно, не говоря уже

о непредсказуемости их последствий; 2) из-за неверной информации, ошибочных оценок и неточных расчетов, примеры которых я уже привел, нельзя заранее предвидеть, к чему могут привести вооруженные столкновения великих держав. Поэтому мы должны действовать крайне осмотрительно и всеми силами избегать кризисов.

В 1962 году, во время кубинского кризиса, некоторые из нас, в частности президент Кеннеди и я, полагали, что Соединенные Штаты столкнулись с большой угрозой. Заседание в Москве подтвердило наши суждения. Но на конференции в Гаване мы узнали, что обе наши страны, равно как и многие другие, недооценивали ту опасность, которую таил в себе этот кризис. Бывший начальник штаба Организации Варшавского договора генерал Анатолий Грибков сказал нам, что в 1962 году советские вооруженные силы на Кубе располагали не только ядерными боеголовками для ракет средней дальности, но и ядерными бомбами, а также тактическими ядерными боеголовками. Тактические боеголовки предполагалось использовать против сил вторжения США. А в то время, как я уже говорил, ЦРУ сообщало, что на острове нет никаких боеголовок.

В ноябре 1992 года мы узнали еще больше. В статье, опубликованной в российской газете, утверждалось, что в разгар кризиса в распоряжении советских вооруженных сил на Кубе находилось 162 ядерные боеголовки, включая, по крайней мере, 90 тактических. Кроме того, было отмечено, что 26 октября 1962 года, в момент наивысшей напряженности в отношениях между нашими странами, боеголовки в ожидании вторжения США доставили из мест хранения в места развертывания средств доставки¹. На следующий день советский министр обороны Родион Малиновский получил телеграмму от генерала Иссы Плиева, командующего советскими войсками на Кубе, с информацией об этих действиях. Малиновский передал телеграмму Хрущеву, который вернул ее с резолюцией «Согласен». В результате, понятно, возникла реальная опасность того, что в случае нападения США, — а это, как уже говорилось, рекомендовали президенту Кеннеди многие военные и гражданские советники, — советские вооруженные силы на Кубе скорее всего предпочли бы применить свое ядерное оружие, которое в противном случае попало бы в руки противника².

Нам не надо строить предположения по поводу того, что произошло бы в данном случае. Мы можем точно представить себе результаты. Хотя подготовленные к вторжению американские вооруженные силы не были оснащены тактическими ядерными средствами, — пре-

¹ Генерал Грибков подробно рассказал об этом на заседании в Центре Вильсона в Вашингтоне 5 апреля 1994 г. В числе присутствовавших на этой встрече находился и я.

² См.: Докучаев А. Послесловие к сенсационным 100 дням ядерного плаванья // Красная звезда. 1992. 6 ноября. С. 2; Операция «Анадырь»: Интервью В. Бадуркина с Дмитрием Волкогоновым // Труд. 1992. 27 октября. С. 3.

зидент и я запретили особым приказом использовать их, — никто не мог поверить в то, что если бы по американским войскам был нанесен ядерный удар, то Соединенные Штаты удержались бы от ответного удара. И чем бы все закончилось? Полной катастрофой. Мы понесли бы на Кубе огромнейшие потери, остров был бы полностью уничтожен, а обмен ядерными ударами, очевидно, продолжился бы далеко за пределами этого региона.

Я хочу подчеркнуть: людям свойственно ошибаться. Мы все совершаем ошибки. В повседневной жизни это обходится нам недешево, но мы пытаемся извлекать уроки. В обычных войнах ценой ошибок становятся человеческие жизни, порой тысячи жизней. Но когда ошибки влияют на принятие решений по использованию ядерного оружия, их результатом может стать уничтожение всего общества. Это же самое мы могли бы выразить и так: человеческие просчеты вкупе с ядерным оружием чреватые катастрофой глобального масштаба.

Есть ли военное оправдание тому, что мы по-прежнему готовы рисковать? Ответ один: нет.

В книге «Ядерное оружие после “холодной войны”» Карл Кейзен, Джордж У. Ратженс и я писали, что сторонники ядерного оружия «разработали лишь один возможный сценарий его использования — ситуацию, когда отсутствуют перспективы нанесения противником ответного удара и ядерное оружие применяется против неядерного либо слабого в военном отношении государства, что позволяет обладателю ядерного оружия быть абсолютно уверенным в своей способности добиться разгрома этих стран первым же ударом». Мы отметили также, что «в сущности, даже подобные обстоятельства не являются достаточным основанием для применения в войнах ядерного оружия. Например, хотя во время корейской войны американские вооруженные силы дважды оказывались в отчаянном положении — в первый раз в результате стремительного наступления северокорейских войск в 1950 году, а во второй — когда китайцы форсировали Ялу, — США так и не применили ядерного оружия. Между тем в то время у Северной Кореи и у Китая отсутствовало ядерное вооружение, а у Советского Союза его было еще крайне мало». Сказанное выше подводит нас к такому выводу: в военном отношении единственная польза от ядерного оружия заключается в сдерживании противника, который в противном случае мог бы его применить. И еще одно замечание: если у нашего противника нет ядерного оружия, то и нам незачем им обладать¹.

Отчасти из-за нашего возросшего понимания того, как близки мы были к катастрофе в период «ракетного» кризиса, а отчасти из-за осо-

¹ См.: Foreign Affairs. 1991. Fall. P. 95.

знания нецелесообразности использования ядерного оружия в военных целях, произошла истинно революционная переоценка представлений относительно роли ядерных видов вооружения в современном мире. Особенно значительные перемены во взглядах наблюдались в последние три года. Многие военные лидеры США, в том числе два бывших председателя Комитета начальников штабов, бывший главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе и представитель командования ВВС, готовы пойти на гораздо более глубокие сокращения ядерных арсеналов, чем это предусматривается договоренностью между Бушем и Ельциным. Некоторые, подобно мне, даже утверждают, что долгосрочной целью должно стать возвращение в практически неядерный мир.

Однако это весьма противоречивое предложение. Большинство западных экспертов в области безопасности, как военных, так и гражданских, по-прежнему считают, что угроза применения ядерного оружия предотвращает войны. Советник по национальной безопасности президента Картера Збигнев Бжезинский полагает, что план уничтожения ядерного оружия — «это план готовности мира к ведению обычных войн. Поэтому я от него не в восторге». В докладе консультативного комитета, созданного бывшим министром обороны Ричардом Чейни и возглавленного бывшим министром ВВС Томасом Ридом, сделан, по существу, аналогичный вывод. Похоже, что и нынешняя администрация придерживается той же позиции¹. Но даже если кто-то и разделяет подобное мнение, необходимо отдавать себе отчет в том, что сдерживание обычных сил агрессии в долгосрочной перспективе чревато обменом ядерными ударами.

Мало кто знает, что государственный секретарь при президенте Эйзенхауэре Джон Фостер Даллес понял суть этой проблемы еще в середине 1950-х годов. В засекреченной докладной записке на имя президента (она была рассекречена лишь несколько лет тому назад) Даллес пошел еще дальше, заявив: «Атомная энергия — слишком мощная сила, чтобы какая-то одна страна могла использовать ее в военных целях». Поэтому он предложил «обобществить мощь термоядерного оружия для сдерживания агрессии» в результате передачи контроля над ядерными силами Совету Безопасности ООН, не обладающему правом вето².

Соображения Даллеса словно эхо прозвучали в недавних предложениях видных специалистов в области безопасности, хотя я сомневаюсь, что широкой общественности известны их взгляды. Они выражены в

¹ См.: *Fialks J. J., Kempf F. U. S. Welcomes Soviet Arms Plan, but Dismisses Pact as Propaganda* // *Wall Street Journal*. 1986. January 17; *Reed T. C., Wheeler M. O. The Role of Nuclear Weapons in the New World Order*. 1991. December; см. также сноску 1 на стр. 354.

² См.: *John Foster Dulles and the Diplomacy of the Cold War* / Ed. R. H. Immerman. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 47–48.

трех докладах и множестве незасекреченных, но и не распространявшихся средствами массовой информации заявлений.

Три этих доклада были опубликованы после 1990 года:

1. В 1991 году Комитет Национальной академии наук США подготовил доклад, подписанный бывшим председателем Комитета начальников штаба генералом Дэвидом Джонсом. В нем говорилось: «Ядерное оружие не должно служить никакой другой цели, кроме сдерживания... ядерного нападения со стороны других стран». Комитет пришел к выводу, что ядерные вооружения США и России могут быть сокращены до 1000–2000 боеголовок¹.
2. В весеннем выпуске журнала «Форин афферз» за 1993 год опубликована коллективная статья, в написании которой принимал участие еще один бывший председатель Комитета начальников штабов адмирал Уильям Кроу-младший. Он решил, что к 2000 году Соединенные Штаты и Россия смогут сократить стратегические ядерные силы до 1000–1500 боеголовок каждая. Позднее на основе этой статьи была написана книга, в которой добавлялось: «И даже 1000–1500 боеголовок не являются самым низким из возможных уровней к началу XXI века»².
3. В августе 1993 года генерал Эндрю Дж. Гудпастер, бывший главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе, опубликовал доклад, в котором было сказано, что пять ядерных государств способны значительно сократить свой ядерный арсенал, оставив себе не более 200 боеголовок каждое, а «окончательным решением проблемы мог бы стать нулевой уровень»³ (выделено в оригинале. — Р. М.).

Эти три доклада нельзя назвать неожиданными. За двадцать без малого лет все большее и большее число западных военных и гражданских экспертов в области безопасности выражало сомнения по поводу использования ядерного оружия в военных целях:

- К 1982 году пять из семи начальников Штаба английских вооруженных сил открыто заявили, что, если ядерное оружие начнут применять в соответствии с политикой НАТО, это неизбежно приведет к катастрофе. Лорд Льюис Маунтбеттен, начальник Штаба с 1959 по 1965 год, сказал за несколько месяцев до того, как

¹ См.: National Academy of Sciences: The Future of the U. S.—Soviet Nuclear Relationship. Washington (D. C.), 1991. P. 3.

² Bundy M., Crowe W.J., Jr., Drell S.O. Reducing Nuclear Danger: The Road away from the Brink. N. Y.: Council on Foreign Relations Press, 1993. P. 100.

³ Goodpaster A.J. Further Reins on Nuclear Arms: Next Steps by Nuclear Powers. Atlantic Council, Washington, D. C. 1993. August.

был убит, что произошло в 1979 году: «Будучи человеком военным, я не вижу смысла в использовании любого ядерного средства». Фельдмаршал лорд Карвер, начальник Генерального штаба с 1973 по 1976 год, писал в 1982 году, что он категорически против того, чтобы НАТО когда-либо начало использовать ядерное оружие¹.

- Генри Киссинджер, советник по национальной безопасности при президенте Никсоне и государственный секретарь, выступив в Брюсселе в 1979 году, объяснил, почему он уверен в том, что США никогда не обрушат первыми ядерный удар на Советский Союз независимо от ситуации: «Европейским союзникам США не нужно просить нас повторять наши стратегические принципы и говорить о том, чего мы, по всей вероятности, не намереваемся делать, а если даже и имеем это в виду, то никогда не осуществим. Ведь если мы совершим нападение, то рискуем погубить всю цивилизацию»².
- Адмирал Ноэл Гейлер, бывший командующий военно-воздушными, сухопутными и военно-морскими силами США в Тихом океане, заметил в 1981 году: «Никакого имеющего смысл применения нашим ядерным силам нет. Их единственное разумное использование — это сдерживание противника, если тот задумает вдруг пустить в ход свои ядерные силы»³.
- Бывший канцлер Западной Германии Гельмут Шмидт утверждал в своем интервью «Би-би-си» в 1987 году: «Гибкое реагирование [стратегия НАТО, предусматривающая использование ядерного оружия в ответ на неядерное нападение стран Варшавского договора] — это бессмыслица. Может быть, и не устаревшая, но бессмыслица... Появившаяся в 1950-х годах идея Запада о том, что мы должны быть готовы использовать ядерное оружие первыми, чтобы компенсировать наше отставание в обычных вооружениях, всегда казалась мне неубедительной»⁴.
- Первый министр обороны при президенте Никсоне Мелвин Лэйрд заявил газете «Вашингтон пост» 12 апреля 1982 года: «Полная ликвидация ядерного оружия во всем мире при соответствующей системе проверки отныне должна стать нашей целью... Это оружие... бесполезно для решения военных задач»⁵.
- Генерал Ларри Уэлч, занимавший когда-то пост начальника Штаба стратегической авиации, а затем возглавивший Штаб ВВС

¹ См.: *Zuckerman S. Nuclear Illusions and Reality*. N. Y.: Viking, 1982. P. 70; *Sunday Times*. London, 1982. February 21.

² *Kissinger H. NATO Defense and the Soviet Threat // Survival*. 1979. November–December. P. 266.

³ Цит. по: *Congressional Record*. 1981. July 1.

⁴ Радиоинтервью «Би-би-си» со Стюартом Саймоном. 1987. 16 июля.

⁵ *Washington Post*. 1982. April 12.

США, выразил ту же мысль следующими словами: «Идея ядерного сдерживания основывается на вере в то, что вы готовы совершить абсолютно иррациональный поступок»¹.

- В июле 1994 года начальник Штаба Космического командования США генерал Чарлз А. Хорнер сказал: «Ядерное оружие устарело. Я хочу полностью избавиться от него»².

В начале 1960-х годов я пришел к сходным выводам. В долгих частных разговорах сначала с президентом Кеннеди, а потом с президентом Джонсоном я рекомендовал им никогда и ни при каких обстоятельствах не использовать первыми ядерного оружия. Думаю, что они восприняли мои рекомендации³. Но ни они, ни я не могли обсуждать нашу позицию открыто, поскольку она противоречила господствующей политике НАТО.

Сегодня, когда роль ядерного оружия оценивается крайне неоднозначно, — достаточно вспомнить мнение администрации и высказывания Бжезинского и Рида, с одной стороны, и позиции Гудпастера, Лэйрда и Шмидта, с другой, — но существует всеобщее понимание того, что использование первыми ядерного оружия в борьбе с противником, также являющимся обладателем ядерных средств, приведет к катастрофе, не пора ли нам немедленно приступить к обсуждению альтернативных долгосрочных целей для пяти ядерных государств?

У нас есть на выбор три варианта:

1. По-прежнему придерживаться стратегии «расширенного сдерживания». Это будет означать сокращение Соединенными Штатами и Россией их ядерных средств примерно до 3500 стратегических ядерных боеголовок у каждой страны, то есть до тех уровней, о которых договорились президенты Буш и Ельцин;
2. Оставить минимум сил сдерживания, как рекомендует Комитет Национальной академии наук США. Эту идею поддерживают генерал Джонс и адмирал Кроу. В данном случае каждая из двух ведущих ядерных держав сохраняет не более 1000–2000 боеголовок;
3. Возвращение пяти ядерных государств, пока это практически возможно⁴, в неядерный мир, на чем настаивают и генерал Гудпастер, и я сам.

¹ Larry Welch to Adam Scheinman. 1994. March 21 [Ларри Уэлч — Адаму Шейнману. 1994. 21 марта].

² Boston Globe. 1994. July 16.

³ См.: *McNamara R.S. The Military Role of Nuclear Weapons // Foreign Affairs*. 1983. Fall.

⁴ Выражение «пока это практически возможно» нужно рассматривать как ссылку на необходимость создания защиты от «прорыва» или захвата оружия террористами. По мнению генерала Гудпастера и моему, уничтожение ядерного оружия должно осуществляться поэтапно.

Если мы решимся в корне изменить мышление, определявшее ядерную стратегию ядерных государств в течение четырех с лишним десятилетий, то, верю я, мы действительно сможем «загнать джинна в бутылку». Если же мы не сделаем этого, то сохранится значительный риск того, что XXI век станет свидетелем ядерной трагедии.

Андрей Сахаров сказал: «Снижение риска гибели человечества в ядерной войне является абсолютным приоритетом среди всех остальных соображений»¹. Он был прав.

---

¹ См.: Secretary Perry's statement to Stimson Center [Заявление министра Перри в Центре Стимсона].

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прежде всего хотелось бы выразить глубочайшую признательность всем гражданам и учреждениям, оказавшим мне неоценимую помощь в подготовке этой работы. И особенно — Брайану Ван-де-Марку.

Во время своего семилетнего пребывания на посту министра обороны я не вел никаких дневников и, покидая Пентагон, взял с собой одну лишь папку — со сверхсекретными докладными записками, составленными мною для президентов Кеннеди и Джонсона. Соответственно, я бы никогда не взялся за написание данной книги без помощи упомянутого выше Брайана — молодого профессора истории Академии военно-морских сил США в Аннаполисе, автора книги о Вьетнаме «В трясине» (*«Into the Quagmire»*), уже имевшего опыт подобной работы: достаточно сказать, что он помогал в свое время Ричарду Холбруку в подготовке автобиографии Кларка Клиффорда. Помимо всего прочего, его подключение к моей работе уже само по себе стало бы определенной, — естественно, в пределах человеческих возможностей, — гарантией того, что даже в тех случаях, когда память начнет подводить меня, я не погрешу против истины, поскольку в моем распоряжении будут точные данные, зафиксированные в письменных источниках или в магнитных записях. Должен отметить, Брайан отлично справился со своей задачей.

Но он сделал не только это, а значительно больше. Мы начали с того, что разбили семь лет, в течение которых я был непосредственно связан с Вьетнамом, на отдельные периоды. Для каждого из них он разыскал в президентских библиотеках Кеннеди и Джонсона, Архиве Министерства обороны США, Национальном архиве и других государственных и общественных учреждениях и организациях соответствующие документы. Этот материал был дополнен взятыми у разных лиц интервью, записями бесед и воспоминаний, ответами информантов на заданные в письменном виде вопросы, копиями статей из различных периодических изданий и книгами. Таким образом, благодаря неимоверной энергии Брайана у меня появился обширнейший «файл» — буквально сотни документов на каждый период. Опираясь на них, я писал первую версию каждой главы. Брайан просматривал ее на предмет выявления степени соответствия содержавшегося в ней материала исторической правде и одновременно вносил в нее что-то от себя — «для баланса» или уточнения сказанного мною. В общем, я не погрешу против истины, если скажу: без него мне бы не написать этой книги.

Большую помощь в подготовке текста оказывали мне и многие другие мои сограждане, проявлявшие всякий раз, когда я обращался к ним за содействием, неизменное великодушие и любезность.

Я благодарю всех, кто поделался со мной своими уже вышедшими из печати работами, в частности Раймона Обрака, Макджорджа Банди, Уильяма Банди, Розуэлла Гилпатрика, Николаса Каценбаха, контр-адмирала Юджина Керолла, отставного офицера военно-морских сил США Джина Р. Ла-Рока, Пола Уорнке и Адама Ярмолински.

Не могу также не выразить чувства признательности и моим многочисленным добровольным критикам, взявшим на себя труд прочитать самым внимательным образом всю рукопись целиком или какие-то ее разделы: Макджорджу Банди, Уильяму Банди, Дугласу Кэйтеру, Честеру Куперу, Бену Эйсмену, Клэйтону Фритчи, Дэвиду Гинсбургу, Мэрион и Вернону Гудинам, Филу Гоулдингу, Дэвиду Хэмбергу, Николасу Каценбаху, Эрнесту Мэю, Бланшу Муру,

Ричарду Нейштадту, Роберту Пастору, Уолтеру Пинкусу, отставному генерал-лейтенанту военно-воздушных сил США Роберту Персли, Эллиоту Ричардсону, Томасу Шеллингу, Артуру Шлезингеру-младшему, Полу Уорнке, Томасу Уиншпу и Адаму Ярмолински. Хотя не все их предложения были приняты, — должен заметить, некоторые из моих «рецензентов» выдвигали неприемлемые для меня альтернативные точки зрения или возражали против данных мною оценок, от которых я не собирался отказываться, — я учел (и высоко оценил) каждое из сделанных ими замечаний.

В общем, всех, кто пришел мне на помощь, не перечесать. И каждый из них помогал мне чем мог.

Например, Уильям Гиббонс и Джордж Херринг, двое известных ученых, специалистов по Вьетнаму, великодушно познакомили меня с рукописными экземплярами своих последних монографий еще до выхода их в свет. Никол Болл предоставил в мое распоряжение результаты своей работы, посвященной многочисленным жертвам войн XX века. Мартин Каплан содействовал налаживанию моей переписки с Раймоном Обраком. Бланш Мур помог мне переводами и фотографиями. Джон Ньюмен обратил мое внимание на ряд документов разведывательных служб.

Из четырех издательств, выразивших готовность выпустить мою книгу, я остановил свой выбор на «Рэндом-Хаусе», в первую очередь из-за Питера Осноса, возглавлявшего «Таймс бук», одно из его отделений. Питер оказался изумительным редактором, поражающим меня своей мудростью. Он с увлечением занялся моей книгой, стоило ей лишь попасть ему в руки, подталкивал меня, как только в этом возникала необходимость, — и подбадривал в тех случаях, когда я уже готов был бросить все. Этот человек вместе со своим помощником Джеффри Шендлером значительно улучшил структуру моей работы и придал большую плавность самому характеру повествования. С таким же энтузиазмом и столь же эффективно трудились и остальные члены коллектива, так или иначе сопричастные моей книге: редактор Сьюзан М.-С. Браун, художник-оформитель Наоми Оснос и служащие, непосредственно связанные с процессами печати и реализации уже «готовой продукции».

Я не делал ни одного шага, не посоветовавшись предварительно со своим литературным агентом Стерлингом Лордом, воодушевлявшим меня на всем протяжении моей «эпопеи» — с момента появления замысла книги и до выхода ее в свет.

Значительная помощь была мне оказана и со стороны Министерства обороны США. Алфред Голдберг, занимавшийся изучением истории данного ведомства, и его помощники Стюарт Рочестер, Лоуренс Каплан, Роналд Ланда и Стивен Рэрдэн прочитали рукопись, следя за тем, чтобы в нее не вкралось фактологических ошибок и чтобы содержащиеся в ней оценки имели действительно глубокое обоснование. Все они сделали немало по-настоящему ценных замечаний. «Док» Кук, уже много лет возглавлявший секретариат Пентагона, в рекордно короткий срок оформил мне пропуск и допуск к секретным материалам. Харолд Нили, начальник Архивного управления министерства, и Брайан Кинни и Сандра Мийер, сотрудники одного из подразделений этого отдела — Сектора исторических исследований и рассекречивания документов, предлагали мне то и дело различного рода услуги, от которых я, понятно, никогда не отказывался. Отдел истории Комитета начальников штабов, оформляя мой допуск к секретным материалам, делал это столь же быстро, как и секретариат Министерства обороны.

Четыре государственных служащих, несмотря на крайнюю загруженность текущими делами, сумели все же выкроить время, чтобы помочь мне добратся до находившихся в их юрисдикции секретных документов, составленных когда-то мною же самим и впоследствии переданных на хранение в Архив Пентагона и Национальный архив. Ими были Лес Эспин, занимавший когда-то пост министра обороны, государственный секретарь Уоррен Кристофер, советник по национальной безопасности Энтони Лейк и бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси. И я всем им выражаю свою искреннюю благодарность.

Особенно большую службу сослужили мне следующие материалы, ранее относившиеся к полужакрытым, секретным или даже сверхсекретным документам, а теперь, уже на законных основаниях, приводимых в моей книге, — впервые, кстати: «История КНШ и войны во Вьетнаме» Комитета начальников штабов и записи выступлений президента Кеннеди на заседаниях по Вьетнаму, проходивших в Белом доме осенью 1963 года, и телефонных разговоров президента Джонсона в 1963–1968 годах. Я благодарю генерала Джона Шаликашвили, Бёрка Маршалла и Гарри Мидлтона за организацию доступа к этим важным источникам.

Из тех, кто своевременно оказывал мне бесценную помощь, я хотел бы назвать также еще не упоминавшихся выше сотрудников некоторых учреждений или их подразделений: Чарлза Дэйли, Брэдли Джерратта, Сьюзен Форбс, Мэри Боулач, Стюарта Кьюли, Аллана Гудрича, Уильяма Джонсона, Джуну Пэйн, Мору Портер и Рона Уилена из Библиотеки Джона Фицджералда Кеннеди (Бостон, штат Массачусетс), Гарри Мидлтона, Реджайну Гринуэлл, Джона Уилсона, Клодию Андерсон, Джаки Демски, Джереми Дювала, Теда Гиттингера, Линду Хэнсон, Тину Хаустон, Мэри Нилл, Айрин Парра, Филипа Скотта и Дженнифер Уорнер из Библиотеки Линдона Бейнса Джонсона (Остин, штат Техас), Уильяма Злэни, Дэвида Хэмфри и Гленна Ла-Фэнтази из Отдела истории Государственного департамента, Винсента Демму из Центра военной истории Армии США, Уэйна Томпсона из Управления по изучению истории военно-воздушных сил США, Нэнси Менан и Дэвида Ван Тассела из Отдела хранения и раскрытия секретной информации Совета национальной безопасности, Джона Фоусетта и Эди Прайса из Отдела президентских библиотек Национального архива.

И в заключение несколько слов о мисс Джинне Мур, моем секретаре. Она безропотно работала, когда была в том нужда, и по ночам, и в уикенды, терпеливо перепечатывая бесчисленные черновые варианты, пока наконец в итоге наших совместных усилий весь текст не был приведен в надлежащий вид.

Приложения

ПЕРСОНАЛИИ

Ачесон Дин — в 1949—1953 гг. государственный секретарь в администрации Трумэна; в 1965—1968 гг., являясь членом так называемого «Совета мудрецов», консультировал президента Джонсона по Вьетнаму; влиятельное положение в американской элите, связанной с международной политикой, занимал вплоть до смерти (1971).

Банди Макджордж — профессор и декан Гарвардского университета; в 1961—1966 гг. советник по национальной безопасности в администрациях президентов Кеннеди и Джонсона; в 1966—1968 гг. внештатный советник Л.-Б. Джонсона и член «Совета мудрецов».

Банди Уильям П. — старший брат Макджорджа Банди (см. выше); занимая в администрации Кеннеди пост заместителя министра обороны по вопросам международной безопасности и в администрации Джонсона — заместителя государственного секретаря по проблемам Дальнего Востока, принимал активное участие в выработке политики США по отношению к Вьетнаму.

Банкер Элсуорт — американский бизнесмен и дипломат; в 1967—1973 гг., при президентах Джонсоне и Никсоне, посол США в Южном Вьетнаме.

Болл Джордж — в 1961—1966 гг. заместитель государственного секретаря в администрациях Кеннеди и Джонсона; советник правительства Франции; считал, что с точки зрения американских интересов Европа имеет для США несоизмеримо большее значение, чем Азия.

Брич Эрнест Р. — в 1946—1960 гг. исполнительный вице-президент «Форд мотор компании».

Брюс Дэвид К.-Э. — в 1960-х годах один из ведущих сотрудников внешнеполитического ведомства США; во время правления администраций Кеннеди и Джонсона посол США в Великобритании.

Вильсон Гарольд — лидер Лейбористской партии в 1963—1976 гг.; в 1964—1970 и 1974—1976 гг. премьер-министр Великобритании; в начале 1967 г. должен был выступить вместе с председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным в роли посредника на намечавшихся переговорах между США и Северным Вьетнамом, которые, однако, не состоялись.

Вэнс Сайрус Р. — в 1961—1962 гг. главный юрисконсульт Пентагона, в 1962—1964 гг. министр Армии, в 1964—1967 гг. заместитель министра обороны, в 1968 г. участник мирных переговоров в Париже; позже государственный секретарь в администрации Картера.

Гарриман У. Аверелл — при президенте Кеннеди помощник государственного секретаря по Дальнему Востоку и заместитель государственного секретаря по политическим вопросам, при президенте Джонсоне посол по особым поручениям; в 1962 г. возглавлял американскую делегацию на Женевской конференции по Лаосу, в 1968 г. вел в Париже переговоры о мире во Вьетнаме; поддерживал свержение Нго Динь Зьема.

Гилпатрик Розуэлл Л. — юрист с Уолл-стрит, в 1961—1964 гг. заместитель министра обороны в администрации Трумэна, весной 1961 г. возглавлял группу, занимавшуюся анализом политики США по отношению к Вьетнаму.

Голдберг Артур Дж. — в 1961—1962 гг. министр труда, в 1962—1965 гг. председатель Верховного Суда США, в 1965—1968 гг. представитель США в ООН; выступал за переговоры с Северным Вьетнамом.

Голдуотер Барри — сенатор-консерватор от шт. Арканзас; занимал крайне антикоммунистическую позицию; выступив кандидатом от республиканцев на президентских выборах 1964 г., потерпел жестокое поражение от своего соперника Линдона Джонсона; резко критиковал сокращение военных операций США во Вьетнаме.

Голль Шарль де — один из руководителей французского освободительного движения в годы Второй мировой войны, в послевоенные годы президент Франции; отстаивал нейтральный статус Вьетнама и выступал против расширения военного вмешательства США в конфликт на территории бывшего Индокитая.

Грин-младший Уоллес М. — командующий корпусом морской пехоты США в 1964—1965 гг.

Гудпастер Эндрю Дж. — военный советник президента Эйзенхауэра; при президенте Джонсоне член Комитета начальников штабов, позднее главнокомандующий силами союзников в Европе; летом 1965 г. провел исследование американских военных операций во Вьетнаме.

Джонсон Алексис Ю. — профессиональный дипломат, в 1964–1965 гг. заместитель Максуэлла Тэйлора, посла США в Южном Вьетнаме.

Джонсон Гарольд К. — в 1964–1968 гг. начальник штаба сухопутных сил (армии); на заседаниях военного руководства активно участвовал в диспутах по вопросам эффективности бомбардировок; выступал за стремительное наступление американских войск во Вьетнаме.

Джонсон Линдон Бейнс — 36-й президент США (1963–1969 гг.); занимая при Кеннеди пост вице-президента, выступал против военного переворота и свержения Нго Динь Зьема; став президентом, значительно расширил военное присутствие США во Вьетнаме; во внутренней политике проявил себя реформатором, однако его престиж как политика был подорван войной.

Дирксен Эверетт М. — сенатор-республиканец от шт. Иллинойс, в 1960-х годах возглавлял сенатское меньшинство, поддерживал политику администрации Джонсона во Вьетнаме.

Зукерт Юджин — министр ВВС США в 1961–1965 гг.

Карвер-младший Джордж А. — в 1960-х годах аналитик ЦРУ по проблемам Юго-Восточной Азии; во время войны во Вьетнаме консультант ведущих советников и членов «Совета мудрецов» по ситуации в этой стране.

Каценбах Николас де — в 1964–1965 гг. исполняющий обязанности министра юстиции, в 1966–1969 гг. заместитель государственного секретаря; после принятия Тонкинской резолюции отстаивал право президента Джонсона вводить войска во Вьетнам; видел в переговорах путь к завершению войны.

Кеннан Джордж Ф. — в конце 1940-х годов возглавлял Отдел политического планирования Государственного департамента; разработал стратегию сдерживания советской экспансии, положенную в годы «холодной войны» в основу западной доктрины безопасности; позднее, в 1952 г., посол США в Советском Союзе, в 1961–1963 гг. — в Югославии.

Кеннеди Джон Ф. (1917–1963) — 35-й президент США (1961–1963); руководил американской политикой в период резкого усиления партизанского движения в Южном Вьетнаме и постепенного краха режима Нго Динь Зьема; убит 22 ноября 1963 г., через три недели после гибели Нго Динь Зьема.

Кеннеди Роберт Ф. (1925–1968) — в 1961–1964 гг. министр юстиции, в 1965–1968 гг. сенатор-демократ от шт. Нью-Йорк; резко критиковал военное участие США во вьетнамском конфликте; убит в июне 1968 г. во время предвыборной президентской кампании.

Киссинджер Генри Ф. — профессор Гарвардского университета; во время переговоров с представителями Северного Вьетнама, проводившихся в 1967 г. в шт. Пенсильвания в рамках мирной инициативы, выступал в роли посредника; в 1973 г. участвовал в качестве советника по национальной безопасности при президенте Никсоне в проходивших в Париже переговорах о заключении мира, положивших конец вооруженному вторжению США во Вьетнам; в администрациях Никсона и Форда занимал пост государственного секретаря.

Клиффорд Кларк М. — судья из Вашингтона, советник президентов-демократов после Трумэна; в 1965–1967 гг., будучи внештатным советником президента и членом «Совета мудрецов», консультировал Л.-Б. Джонсона по Вьетнаму.

Колби Уильям И. — в 1959–1962 гг. возглавлял представительство ЦРУ в Сайгоне; став ведущим экспертом данного ведомства по Вьетнаму, руководил осуществлением программы борьбы с патризанским движением на юге этой страны; в администрациях Никсона и Форда директор ЦРУ.

Комер Роберт У. — в 1960–1965 гг. член Совета национальной безопасности, в 1965–1966 гг. помощник по особым поручениям президента Джонсона, в 1967–1968 гг. руководитель миротворческой программы в Южном Вьетнаме.

Коннели-младший Джон Б. — политический соратник Линдона Джонсона; в 1961–1962 гг. министр военно-морских сил в администрации Кеннеди, позже — губернатор шт. Техас и министр финансов в администрации Никсона.

Косыгин А.Н. — в 1964–1980 гг. председатель Совета министров СССР; в 1967 г. вместе с премьер-министром Великобритании Гарольдом Вильсоном выступил посредником в переговорах между США и Северным Вьетнамом; в июне 1967 г., во время своего пребывания в Глассборо (шт. Нью-Джерси), обсуждал с американскими официальными лицами вопросы ограничения стратегических вооружений.

Ли Куан Ю — премьер-министр Сингапура (1965—1990 гг.); поддерживал вторжение США во Вьетнам, считая его необходимым шагом по сдерживанию коммунистической экспансии в Юго-Восточной Азии.

Лимэй Кертис И. — в 1961—1965 гг. начальник штаба ВВС США; в 1968 г. участвовал в президентских выборах, соперничая с Джорджем Уоллесом в борьбе за пост вице-президента; выступал за неограниченные бомбардировки Северного Вьетнама.

Линь Бяо — китайский министр обороны во время войны во Вьетнаме; в своем выступлении в сентябре 1965 г. высказался в поддержку партизанских движений во всем третьем мире; погиб в загадочной авиакатастрофе в 1971 г.

Ловетт Роберт А. — в годы Второй мировой войны помощник министра обороны, ведавший ВВС, включая подразделение, в котором служил Макнамара; в 1947—1949 гг. заместитель государственного секретаря; в 1951—1953 гг., во время войны в Корее, министр обороны; советник президентов Кеннеди и Джонсона по вопросам национальной безопасности, в частности, по проблемам Вьетнама; в 1965—1968 гг. член «Совета мудрецов».

Лодж-младший Генри Кэбот — был сенатором-республиканцем и кандидатом в вице-президенты; в 1963—1964 и 1965—1967 гг. посол США в Южном Вьетнаме; сыграл ключевую роль в ликвидации режима Нго Динь Зьема.

Май Ван Бо — дипломатический представитель Северного Вьетнама в Париже в 1960-х годах; являлся «каналом связи» Ханоя с Соединенными Штатами во время различных переговорных инициатив, включая и инициативы Генри Киссинджера в 1967 г.

Макдональд Дэвид Л. — в 1963—1967 гг. начальник штаба ВМС; в 1964 г. отстаивал бомбардировки Северного Вьетнама, поддерживал ведение наземной войны силами США.

Макклой Джон Дж. — помощник военного министра при Ф.-Д. Рузвельте; президент Международного банка реконструкции и развития и верховный комиссар США в оккупированной Германии при Трумэне; будучи членом «Совета мудрецов», консультировал Л.-Б. Джонсона по Вьетнаму.

Маккон Джон А. — промышленник из Калифорнии; официальный представитель Комиссии по атомной энергии в администрации Эйзенхауэра; в 1961—1965 гг., при президентах Кеннеди и Джонсоне, директор ЦРУ.

Макнотон Джон Т. — в 1962—1964 гг. генеральный консул Пентагона, в 1964—1967 гг. заместитель министра обороны по вопросам международной безопасности; активно участвовал в формировании вьетнамской политики; его скептицизм в отношении войны со временем только усиливался.

Мао Цзэдун — лидер коммунистического Китая (1949—1976 гг.); во время вьетнамской войны оказывал Северному Вьетнаму политическую и военную помощь; вверг Китай в «культурную революцию» (1966—1977 гг.).

Маркович Эрбер — французский ученый, участник Пагуошских конференций; во время переговоров с представителями Северного Вьетнама, проводившихся в шт. Пенсильвания в рамках мирной инициативы, выступал вместе с Раймоном Обраком в роли посредника.

Мойерс Билл — политический соратник Линдона Джонсона в течение многих лет; при администрации Кеннеди официальный представитель Корпуса мира; в 1965—1966 гг. пресс-секретарь президента Джонсона.

Морзе Уэйн — сенатор от шт. Орегон (1943—1969 гг.); основной конгрессистский критик американского военного присутствия во Вьетнаме; один из тех двух членов Сената, которые проголосовали против Тонкинской резолюции.

Мурер Томас Х. — в 1964—1965 гг. командующий Тихоокеанским флотом США, позднее начальник штаба ВМС; составлял расписание корабельной программы ВМС США по сбору разведданных (подслушиванию) в Тонкинском заливе под кодовым названием «Де Сото».

Мэнсфилд Майк — сенатор-демократ от шт. Монтана (1945—1977 гг.), лидер сенатского большинства (1961—1977 гг.); сперва поддерживал Нго Динь Зьема, позднее стал выступать против войны.

Нго Динь Зьем — в 1955—1963 гг. глава южновьетнамского режима; в ноябре 1963 г. свергнут и убит в результате военного переворота, после чего в Южном Вьетнаме наступил длительный период политической нестабильности.

Нго Динь Нью — брат Нго Динь Зьема, глава южновьетнамских сил безопасности; преследование им буддистов, протестовавших против установившегося в Южном Вьетнаме режима, явилось одной из причин военного переворота, во время которого он так же, как и его брат, был убит.

Нгуен Зхал Во — во время войны Северного Вьетнама с Францией командующий Вооруженными силами Вьетминя; во время войны с Южным Вьетнамом и США министр обороны Северного Вьетнама; подчеркивал политическое и дипломатическое значение партизанского движения.

Нгуен Као Ки — родился в 1930 г., в 1964—1965 гг. командующий авиацией Южного Вьетнама, в 1965—1967 гг. премьер-министр и в 1967—1971 гг. вице-президент Южного Вьетнама; один из тех младших офицеров («младотурок»), которые пришли к власти после гибели Нго Динь Зьема.

Нгуен Кхань — родился в 1927 г.; ведущий участник военного переворота и свержения Нго Динь Зьема; в 1964—1967 гг. лидер Южного Вьетнама; вначале был противником американского вмешательства во вьетнамский конфликт, затем стал поддерживать военные действия США против Северного Вьетнама.

Нитце Пол Х. — в 1961—1963 гг. помощник министра обороны, в 1963—1967 гг. министр ВМС, в 1967—1969 гг. заместитель министра обороны; в 1965 г. поддерживал военную эскалацию США во Вьетнаме, но впоследствии усомнился в стратегической целесообразности американского вторжения в эту страну.

Нолтинг-младший Фредерик И. — профессиональный американский дипломат; в 1961—1963 гг. посол США в Южном Вьетнаме; являлся противником свержения режима Нго Динь Зьема

Нью (Мадам Нью) — жена Нго Динь Нью; отличалась несдержанностью в высказываниях; ее пламенные речи летом и осенью 1963 г. вызвали негодование у южновьетнамских буддистов и отдалили США от режима Нго Динь Зьема.

Обрак Раймон — французский левый социалист, участник движения Сопротивления, давний друг Хо Ши Мина; в июле — октябре 1967 г., во время переговоров с представителями Северного Вьетнама, проводившихся в шт. Пенсильвания в рамках мирной инициативы, выступал вместе с Эрбером Марковичем в роли посредника.

Палмер-младший Брюс Б. — в 1967 г. заместитель командующего американскими войсками в Южном Вьетнаме, в 1968—1973 гг. заместитель начальника штаба Армии; позднее выступил с критикой поэтапной военной стратегии США во Вьетнаме.

Раск Дин — в 1961—1969 гг. государственный секретарь в администрациях Кеннеди и Джонсона; выступал за активное вмешательство США во вьетнамский конфликт, полагая, что это может остановить коммунистическую агрессию.

Рассел-младший Ричард Б. — в 1933—1971 гг. сенатор-демократ от шт. Джорджия, в 1950—1960-х годах председатель сенатского Комитета по вооруженным силам; играл большую роль в принятии решений по военным вопросам; сомневался в целесообразности военного вторжения США во Вьетнам, однако после того, как война началась, выступил ее сторонником.

Резор Стэнли — в 1965—1971 гг. министр Армии.

Ростов Уолт У. — в 1961 г. член Совета национальной безопасности, в 1961—1966 гг. директор Отдела политического планирования Государственного департамента, в 1966—1969 гг. советник по национальной безопасности президента Джонсона; отстаивал усиление военных действий против Северного Вьетнама.

Стеннис Джон С. — во время вьетнамской войны сенатор-демократ от шт. Миссисипи и влиятельный член сенатского Комитета по вооруженным силам; выступал с резкой критикой ограничения военных действий США во Вьетнаме при президенте Джонсоне.

Стивенсон Эдлай И. III — в 1952 и 1955 гг. кандидат в президенты от демократов, в 1961—1965 гг. представитель США в ООН; незадолго до своей смерти в 1965 г. выступал за переговоры США с Северным Вьетнамом.

Сукарно — президент Республики Индонезия (1945—1967 гг.); проявленное им стремление к сближению с коммунистическим Китаем спровоцировало переворот осенью 1967 г., который привел к его свержению.

Термонд Стром — с 1954 г. сенатор-республиканец от шт. Южная Каролина; выступая с правых позиций, подвергал резкой критике действия администрации Джонсона и в особенности ее вьетнамскую политику; был сторонником неограниченного применения вооруженных сил во вьетнамской войне.

Томпсон Ллуэллин — профессиональный дипломат и ведущий советолог в 1960-х годах; во время кубинского ядерного кризиса и войны во Вьетнаме выступал в роли советника в администрациях Кеннеди и Джонсона по вопросам, связанным с политикой Советского Союза (в частности, с мотивацией предпринимавшихся им действий).

Томпсон Роберт, сэр — английский офицер; в 1950-х годах руководил антиповстанческими операциями в Малайе; с 1961 г. советник правительства США и командования американских вооруженных сил во Вьетнаме.

Торнтон Чарлз Б. («Текс») — в годы Второй мировой войны руководитель службы статистики и контроля армейской авиации США; организатор «команды вундеркиндов»; в ноябре 1945 г. договорился с руководством «Форд мотор» о предоставлении им работы в этой компании.

Тэйлор Максуэлл Д. — в 1961–1962 гг. военный советник президента Кеннеди, в 1962–1964 гг. председатель Комитета начальников штабов, в 1964–1965 гг. посол США в Южном Вьетнаме, в 1965–1968 гг. советник президента Джонсона по Вьетнаму.

Уилер Эрл Дж. («Бас») — в 1964–1970 гг. председатель Комитета начальников штабов; основной военный руководитель в Вашингтоне, непосредственно занимавшийся вьетнамской войной.

Уорнке Пол С. — юрист из Вашингтона; в 1966 г. главный юрисконсульт Министерства обороны; в 1967–1969 гг. заместитель министра обороны по вопросам международной безопасности.

У Тан — бирманский дипломат; в 1962–1971 гг. генеральный секретарь ООН; выступая за мирное разрешение вьетнамского конфликта, неоднократно пытался инициировать переговорный процесс.

Уэстморленд Уильям С. — в 1964–1968 гг. главнокомандующий американскими войсками во Вьетнаме, в 1968–1972 гг. начальник штаба Армии США; осуществляя руководство сухопутными войсками в первый период вьетнамской войны, отстаивал поэтапную стратегию с применением операций «найди и уничтожь».

Фам Ван Донг — наряду с Хо Ши Мином один из создателей Вьетминя — единого национального фронта Вьетнама; в 1949—1955 гг. заместитель премьер-министра Демократической Республики Вьетнам, в 1955—1976 гг. премьер-министр ДРВ, в 1976—1981 гг. премьер-министр правительства Социалистической Республики Вьетнам, с 1981 г. председатель Совета министров СРВ; во время войны во Вьетнаме часто выступал с дипломатическими заявлениями от имени официального Ханоя.

Фолл Бернард Б. — известный индокитайский ученый и комментатор родом из Франции; сначала одобрял политику США во Вьетнаме, но потом стал относиться к ней все критичнее и с растущим недоверием и скептицизмом; в 1967 г. убит в Южном Вьетнаме, где находился в качестве репортера.

Форд Генри II — внук основателя автомобильной компании Генри Форда; в 1945—1987 гг. председатель правления «Форд мотор компани»; после Второй мировой войны взял на работу Макнамару и других «вундеркиндов».

Форрестол Майкл В. — сын первого министра обороны США Джеймса В. Форрестола; в 1962—1965 гг. помощник У. Аверелла Гарримана и член Совета национальной безопасности; выступал за отстранение от власти братьев Нго в Южном Вьетнаме.

Фортас Эйб — юрист из Вашингтона; в 1965—1969 гг. председатель Верховного Суда США; член «кухонного» кабинета Л.-Б. Джонсона; выступал в качестве советника Джонсона по Вьетнаму и другим вопросам.

Фулбрайт Дж. Уильям — сенатор-демократ от шт. Арканзас; в 1945—1975 гг. председатель сенатского Комитета по международным отношениям; в 1964 г. активно проталкивал в Конгрессе Тонкинскую резолюцию; став впоследствии противником войны во Вьетнаме, устраивал слушания с критическими выступлениями против нее.

Харкинс Пол Д. — командующий американскими вооруженными силами во Вьетнаме в 1962—1964 гг.; противник военного переворота и свержения Нго Динь Зьема; не сомневался в успехе военных действий против Вьетконга.

Хелмс Ричард — в 1962—1965 гг. заместитель директора ЦРУ по планированию, в 1966—1973 гг. директор ЦРУ; советник президента по оценке политической и военной ситуации в Южном Вьетнаме и эффективности бомбардировок Северного Вьетнама.

Хилсмен-младший Роджер — в 1963—1964 гг. преемник Гарримана на посту помощника государственного секретаря по Дальнему Востоку; сыграл ключевую роль в организации заговора против Нго Динь Зьема.

Хо Ши Мин — коммунистический лидер национально-освободительного движения вьетнамского народа; в 1946—1954 гг. возглавлял вооруженную борьбу Вьетминя — единого национального фронта Вьетнама; с 1954 г. до своей смерти в 1969 г. руководил военными действиями Северного Вьетнама и Вьетконга против Южного Вьетнама и США.

Хрущев Н.С. — руководитель Советского Союза (1958—1964 гг.); поддерживал «национально-освободительные» войны в странах третьего мира; во время кубинского ядерного кризиса в октябре 1962 г. вступил в открытую конфронтацию с США.

Шарп-младший Грант У.С. — в 1964—1968 гг. командующий американскими вооруженными силами в Тихоокеанском регионе; отвечал за проведение воздушных операций США во время вьетнамской войны; неоднократно настаивал на повышении интенсивности бомбардировок Северного Вьетнама.

Шуп Дэвид М. — за участие в сражениях Второй мировой войны награжден медалью Почета; в 1959—1963 гг. занимал пост командующего морским корпусом США; после отставки стал одним из наиболее заметных критиков вьетнамской войны.

ЛИТЕРАТУРА

- Adler R.* Reckless Disregard: Westmoreland v. CBS et al.: Sharon v. Time. N. Y.: Knopf, 1986.
- The Air War in Indochina* / Eds R. Littauer, N. Uphoff / Boston: Beacon Press, 1972.
- Ball W.* The Past Has Another Pattern: Memoirs. N. Y. Norton, 1982.
- Berman L.* Lyndon Jonson's War: The Road to Stalemate in Vietnam. N. Y.: Norton, 1989.
- Berman L.* Planning a Tragedy: The Americanization of the War in Vietnam. N. Y.: Norton, 1982.
- Beschloss M.R.* The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960–1963. N. Y.: Harper Collins, 1991.
- Brewin B., Show S.* Vietnam on Trial. N. Y.: Atheneum, 1987.
- Califano J.A., Jr.* The Triumph and Tragedy of Lyndon Johnson: The White House Years. N. Y.: Simon & Shuster, 1991.
- Charlton M., Moncrieff A.* Many Reasons Why: The American Involvement in Vietnam. N. Y.: Hill & Wang, 1978.
- Clarke J.J.* United States Army in Vietnam. Washington: U. S. Army Center of Military History, 1988. Vol. 3: Advice and Support: The Final Years, 1965–1973.
- Clifford C., Holbrooke R.* Counsel to the President: A Memoir. N. Y.: Random House, 1991.
- Clodfelter M.* The Limits of Air Power: The American Bombing of North Vietnam. N. Y.: Free Press, 1989.
- Cooper Ch.L.* The Lost Crusade: America in Vietnam. N. Y.: Dodd, Mead, 1970.
- Enthoven A.C., Smith K.W.* How Much Is Enough? Shaping the Defense Program, 1961–1969. N. Y.: Harper & Row, 1971.
- Gelb L.H., Betts R.K.* The Irony of Vietnam: The System Worked. Washington: Brookings Institution, 1979.
- Gibbons W.C.* The U. S. Government and the Vietnam War: Executive and Legislative Roles and Relationships. Washington: U. S. Government Printing Office, 1985. Pt. 2: 1961–1964.
- Gibbons W.C.* The U. S. Government and the Vietnam War: Executive and Legislative Roles and Relationships. Washington: U. S. Government Printing Office, 1988. Pt. 3. January – July 1965.
- Gibbons W.C.* The U. S. Government and The Vietnam War: Executive and Legislative Roles and Relationships. Washington: U. S. Government Printing Office, 1994. Pt. 4. July 1965 – January 1968.
- Global Engagement: Cooperation and Security in the Twenty-first Century* / Ed. J.E. Nolan. Washington: Brookings Institution, 1994.
- Goulding P.G.* Confirm or Deny: Informing the People in National Security. N. Y.: Harper & Row, 1970.
- Graff H.F.* The Tuesday Cabinet: Deliberation and Decision on Peace and War Under Lyndon B. Johnson. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1970.
- Halberstam D.* The Best and the Brightest. N. Y.: Random House, 1972.
- Halberstam D.* The Making of a Quagmire. N. Y.: Random House, 1965.
- Hammer E.J.* A Death in November: America in Vietnam, 1963. N. Y.: Dutton, 1987.
- Hammond W.M.* United States Army in Vietnam, Public Affairs: the Military and the Media, 1962–1968. Washington: U. S. Army Center of Military History, 1988.

Herring G.C. America's Longest War: The United States and Vietnam, 1950–1975. 2nd ed. N. Y.: Knoph, 1986.

Herring G.C. LBJ and Vietnam: A Different Kind of War. Austin: University of Texas Press, 1994.

Hilsman R. To Move a Nation: The Politics of Foreign Policy in the Administration of John F. Kennedy. Garden City: Doubleday, 1967.

Hoopes T. The Limits of Intervention: An Inside Account of How the Johnson Policy of Escalation in Vietnam Was Reserved. N. Y.: McKay, 1969.

Isaacson W. Kissinger: A Biography. N. Y.: Simon & Schuster, 1992.

Johnson L.B. The Vantage Point: Perspectives on the Presidency, 1963–1969. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1971.

The Johnson Years: A Vietnam Roundtable / Ed. T. Gittinger. Austin: Lyndon Baines Johnsons Library, 1993.

Karnow S. Vietnam: A History. 2nd ed. N. Y.: Viking, 1991.

Kaufmann W.W. The McNamara Strategy. N. Y.: Harper & Row, 1964.

Kearns D. Lyndon Johnson and the American Dream. N. Y.: Harper & Row, 1976.

Kissinger H. Diplomacy. N. Y.: Simon & Schuster, 1994.

Kowet D. A Matter of Honor. N. Y.: Macmillan, 1984.

Kraslow D., Loory S.H. The Secret Search for Peace in Vietnam. N. Y.: Random House, 1968.

Krepinevich A.F., Jr. The Army and Vietnam. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

The Legacy of Vietnam / Ed. A. Lake. N. Y.: New York University Press, 1976.

Lewy G. American in Vietnam. N. Y.: Oxford University Press, 1978.

Marolda E.J., Fitzgerald O.P. The United States Navy and The Vietnam Conflict. Washington: Naval Historical Center, 1986. Vol. 2: From Military Assistance to Combat, 1959–1965.

McNamara R.S. The Essence of Security: Reflections in Office. N. Y.: Harper & Row, 1968.

Momyer W.M. Air Power in Three Wars. Washington: U. S. Government Printing Office, 1978.

Nolting F. From Trust to Tragedy: The Political Memoirs of Frederick Nolting, Kennedy's Ambassador to Diem's Vietnam. N. Y.: Praeger, 1988.

No More Vietnams? The War and the Future of American Foreign Policy / Ed. R.M. Pfeffer. N. Y.: Harper & Row, 1968.

Palmer B., Jr. The Twenty-five Year War: America's Military Role in Vietnam. Lexington: University Press of Kentucky, 1984.

The Pentagon Papers: The Defense Department History of United States of Decisionmaking on Vietnam: In 5 vol. / Ed. Senator Gravel. Boston: Beacon Press, 1971.

Perry M. Four Stars. Boston: Houghton Mifflin, 1989.

Reeves R. President Kennedy: Profile of Power. N. Y.: Simon & Schuster, 1993.

Reston J. Deadline: A Memoir. N. Y.: Random House, 1991.

Rostow W.W. The Diffusion of Power: An Essay in Resent History. N. Y.: Macmillan, 1972.

Rusk D., Rusk R. As I Say It. N. Y.: Norton, 1990.

Rust W.J. Kennedy in Vietnam. N. Y.: Scribner, 1985.

Schandler H.Y. The Unmaking of a President: Lyndon Johnson and Vietnam. Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1977.

Schlesinger A.M., Jr. Robert Kennedy and His Times. Boston: Houghton Mifflin, 1978.

Schlesinger A.M., Jr. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. Boston: Houghton Mifflin, 1965.

Schlight J. The United States Air Force in Southeast Asia, The War in South Vietnam: The Years of the Offensive, 1965–1968. Washington: Office of Air Force History, 1988.

The Secret Diplomacy of The Vietnam War: The Negotiating Volumes of The Pentagon Papers / Ed. G.C. Herring. Austin: University of Texas Press, 1983.

Shaplen R. The Lost Revolution: The U. S. in Vietnam. N. Y.: Harper & Row, 1965.

Shapley D. Promise and Power: The Life and Times of Robert McNamara. Boston: Little, Brown, 1993.

Sharp U.S.G. Strategy for Defeat: Vietnam in Retrospect. Novato: Presidio Press, 1978.

Sharp U.S.G., Westmorland W.C. Report on the War in Vietnam, 1964–1968. Washington: U. S. Government Printing Office, 1968.

Sheehan N.A Bright Shining Lie: John Poul Vann and America in Vietnam. N. Y.: Random House, 1988.

Shulimson J. U. S. Marines in Vietnam: An Expending War, 1966. Washington: U. S. Marine Corps History and Museum Division, 1982.

Shulimson J., Johnson C.M. U. S. Marines in Vietnam: The Landing and the Buildup, 1965. Washington: U. S. Marine Corps History and Museum Division, 1978.

Sorensen T.C. Kennedy. N. Y.: Harper & Row, 1965.

Taylor M.D. Swords and Plowshares. N. Y.: Norton, 1972.

Trewhitt H.L. McNamara. N. Y.: Harper & Row, 1971.

Ungar S.J. The Papers and the Papers: An Account of the Legal and Political Battle over the Pentagon Papers. N. Y.: Dutton 1972.

U. S. Congress. Senate. Committee on Armed Services. Air War Against North Vietnam: Hearings Before Preparedness Investigating Subcommittee. August 9–29. 1967. 90th Cong., 1st sess., 1967. Committee Print.

U. S. Department of State. Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Washington: U. S. Government Printing Office, 1988. Vol. 1: Vietnam, 1961; 1990. Vol. 2: Vietnam, 1962; 1991. Vol. 3: January – August 1963; 1991. Vol. 4: Vietnam, August – December 1963.

U. S. Department of State. Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Washington: U. S. Government Printing Office, 1992. Vol. 1: Vietnam, 1964.

VanDeMark B. Into the Quagmire: Lyndon Johnson and the Escalation of the Vietnam War. N. Y.: Oxford University Press, 1991.

The Vietnam Hearings / Introduction by J. William Fullbright. N. Y.: Vintage Books, 1966.

Westmorland W.C. A Soldier Reports. Garden City: Doubleday, 1976.

What Should We Tell Our Children About Vietnam? / Ed. B. McCloud. Norman: University of Oklahoma Press, 1989.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В ПОСТРАНИЧНЫХ ПРИМЕЧАНИЯХ

- CF. VN. — Country File. Vietnam
- CRS — Congressional research service
- Deployment — Deployment of Major U. S. Forces to Vietnam, July 1965
- Deptel — State Department telegram
- Embtel — Saigon Embassy telegram
- FRUS — Foreign Relations of the United States
- HJCS — History of the Joint Chiefs of Staff
- JCS — Joint Chiefs of Staff
- JFKL — John Fitzgerald Kennedy Library
- LBJL — Lyndon Baines Johnson Library
- MNF — Meeting Notes File
- NSC — National Security Council
- NSCH — National Security Council History
- NSCMF — NSC [National Security Council] Meetings File
- NSF — National Security File
- PNO — Program Number
- PP — Pentagon Papers: The Defence Department History of the United States Decisionmaking on Vietnam
- PPW — Papers of Poul Warnke
- PR — Presidential Recordings
- RSMP — Robert S. McNamara Papers
- PSRSM — Public Statements of Robert S. McNamara, Secretary of Defence
- Public Papers — Public Papers of the Presidents of the United States
- WB. VNMS — William Bandy. Vietnam Manuscript

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аверелл** *см.* Гарриман У. Аверелл
Адамс Сэм (Adams Sam) 261
Адлер Рената (Adler Renata) 380
Айк *см.* Эйзенхауэр Дуайт Дейвид
Амброуз С. (Ambrose S.) 16
Амхерст (Amherst) 274
Андерсон Клодия (Claudia Anderson) 366
Андерсон Роберт (Anderson Robert) 67
Ансара Майкл (Ansara Michael) 276
Апхофф Норман (Uphoff Norman) 380
Армстронг Нил (Armstrong Neil) 11
Арнольд Генри Х. Хэп (Arnold Henry H. Nap) 42, 45
Артур, король бриттов 10
Аста (Asta) 106
Ачесон Дин (Acheson Dean) 64, 219–221, 325, 333, 369
- Бадуркин В.** 357
Байроуд Генри А. (Byroade Henry A.) 253
Банди Билл (Bundy Bill) 132, 143, 166, 183, 205, 209, 210, 215–218, 220, 228, 229, 236, 286
Банди Макджордж (Bundy McGeorge) 7, 9, 14, 21, 60, 65, 67, 76, 83, 91, 92, 96, 99, 100, 112–114, 116–119, 124–126, 133, 135, 147, 151, 156, 159, 166, 167, 172, 173, 175, 176, 180–182, 187, 190–197, 202–204, 207, 210–212, 216–218, 245, 246, 255, 256, 286, 287, 294, 325, 329, 330, 360, 364, 369
Банди Уильям П. (Bundy William P.) 108, 150, 184, 209, 216, 219, 220, 235, 236, 245, 286, 287, 364, 369
Банди Харви Х. (Bundy Harvey H.) 132
Банкер Эллсуорт (Bunker Ellsworth) 302, 303, 328, 329, 369
Барт Дэн (Burt Dan) 261, 262
«Бас» *см.* Уилер Эрл Дж. «Бас»
Батч («Батч») *см.* Бланчард Уильям Г. «Батч»
Беннетт Гарри (Bennett Harry) 46
Берд *см.* Джонсон Берд
Берд Роберт (Byrd Robert) 304
Берке Арлей (Burke Arleigh) 199
Берман Ларри (Berman Larry) 380
Берн Дж.Э. (Byrne J.A.) 47
Берчинел Дэвид А. (Burchinal David A.) 159–161
Беттс Ричард К. (Betts Richard K.) 380
Бешлоос Майкл Р. (Beschloss Michael R.) 380
- Бжезинский Збигнев** (Brzezinski Zbigniew) 359, 362
Билл *см.* Банди Билл
Бланчард Уильям Г. «Батч» (Blanchard William H. «Butch») 121–122
Бо *см.* Май Ван Бо
Боб *см.* Макнамара Роберт Стрэйндж
Бобби *см.* Кеннеди Роберт Ф.
Бобби *см.* Макнамара Роберт Стрэйндж
Бойес Дэвид (Boies David) 262
Болл Джордж (Ball George) 24, 29, 84–85, 90–91, 126, 148, 156, 166, 180–182, 193, 196, 197, 203, 207, 210, 215–218, 227, 248, 325, 328, 360
Болл Никол (Ball Nicole) 365
Болл У. (Ball W.) 380
Боулач Мэри (Boluch Mary) 366
Боулен Чарлз «Чип» (Bohlen Charles «Chip») 65, 340
Брайан *см.* Ван-де-Марк Брайан
Браун Джордж С. (Brown George S.) 77, 199
Браун Сюзан М. С. (Brown Susan M. S.) 365
Браун Сэм (Brown Sam) 279
Браун Харолд (Brown Harold) 53
Брежнев Леонид Ильич 7
Бреслин Джимми (Breslin Jimmy) 324
Бринкли Дэвид (Brinkley David) 95, 118
Брич Эрнест Р. (Breech Ernest R.) 48, 174, 175, 369
Бруин Боб (Brewin Bob) 380
Брэдли Бен (Bradlee Ben) 89
Брэдли Омар (Bradley Omar) 219, 220, 325
Брюс Дэвид К. Э. (Bruce David K. E.) 272, 369
Бугас Джон (Bugas John) 46–49
Буш Джордж (Bush George) 168–169, 354, 359, 362
Бэббит (Babbitt) 19
Бяо Линь *см.* Линь Бяо
- Валенти Джек** (Valenti Jack) 247, 249, 250, 252, 281
Ван-де-Марк Брайан (VanDeMark Brian) 364, 382
Вашингтон Джордж (Washington George) 178, 323
Визнер Джером (Wiesner Jerome) 119, 266
Вильсон Вудро (Wilson Woodrow) 39, 172, 275

- Вильсон Гарольд (Wilson Harold) 271, 272, 297, 369, 372
- Винсент Джон Картер (Vincent John Carter) 65
- Во Нгуен Зиап (Vo Nguyen Giap) 226
- Волков Дмитрий 357
- Ву Ху Бинх (Vu Huu Binh) 253
- Вудс Джордж (Woods George) 331, 332
- Вулси Джеймс (Woolsey James) 366
- Вэнс Сай *см.* Вэнс Сайрус Р.
- Вэнс Сайрус Р. (Vance Cyrus) 53, 156, 158—159, 161, 227, 286, 297, 333, 370
- Ганди Мохандас Карамчанд (Gandhi Mohandas Karamchand) 324
- Гарднер Джон (Gardner John) 228, 229
- Гарриман У. Аверелл (Harriman W. Averell) 9, 29, 77, 84, 86, 91, 96, 99, 108, 218, 248, 249, 282, 319, 320, 370, 378, 379
- Гатри Джон (Guthrie John) 271
- Гейлер Ноэл (Gayler Noel) 361
- Гейсзингер Майк (Geissinger Mike)
- Гейтс Томас (Gates Thomas) 50, 67, 174
- Гелб Лесли Х. (Gelb Leslie H.) 300, 301, 380
- Генри *см.* Киссинджер Генри Ф.
- Гертер Кристиан (Herter Christian) 67, 69
- Гиббонс Уильям Конрад (Gibbons William Conrad) 158, 235, 250, 365, 380
- Гилпатрик Розуэлл Л. (Gilpatric Roswell L.) 55, 70—71, 74, 85, 92, 156, 219, 220, 364, 370
- Гинсбург Дэвид (Ginsburg David) 364
- Гитлер Адольф (Hitler Adolf) 43, 209
- Гиттингер Тед (Gittinger Ted) 256, 349, 366, 381
- Голбрейт Джон Кеннет (Galbraith John Kenneth) 50—52
- Голдберг Алфред (Goldberg Alfred) 365
- Голдберг Артур Дж. (Goldberg Arthur J.) 248, 249, 269, 370
- Голдуотер Барри М. (Goldwater Barry M.) 166, 170—174, 315, 370
- Голль Шарль де (Gaulle Charles de) 83, 86, 94, 142, 370
- Гордон Кермит (Gordon Kermit) 119
- Готтлиб Сэнфорд (Gottlieb Sanford) 239
- Гоулдинг Фил Дж. (Goulding Phil G.) 364, 380
- Графф Генри Ф. (Graff Henry F.) 214, 280
- Грибков Анатолий Иванович 357
- Грин М. (Greene M.) 28
- Грин-младший Уоллес М. (Greene Wallace M., Jr.) 143, 311, 370
- Гринштейн Фред И. (Greenstein Fred I.) 69
- Гринуэлл Реджайна (Greebwell Regina) 366
- Громыко Андрей Андреевич 356
- Гронуски Джон (Gronouski John) 270
- Грунинг Эрнест У. (Gruening Ernest W.) 165
- Грэйвел (Gravel) 381
- Гудин Вернон (Goodin Vernon) 364
- Гудин Мэрион (Goodin Marion) 364
- Гудпастер Энди *см.* Гудпастер Эндрю Дж.
- Гудпастер Эндрю Дж. (Goodpaster Andrew J.) 195, 199, 200, 213, 225, 360, 362, 370
- Гудрич Аллан (Goodrich Allan) 366
- Гульон Эдмунд (Gullion Edmund) 219
- Гэллап Джордж Хорас (Gallup George Horace) 196, 230
- Даллес Аллен (Dulles Allen) 252
- Даллес Джон Фостер (Dulles John Foster) 30, 59, 359
- Даффи Ред (Duffy Red) 121
- Даян Моше (Dayan Moshe) 78
- Девис-младший Джон Патон (Davies John Paton, Jr.) 65
- Дейч Монро (Deutsch Monroe) 41
- Демма Винсент (Demma Vincent) 366
- Демски Джаки (Demskey Jacquie) 366
- Де-Пуи Уильям И. (DePuy William E.) 234
- Джеки *см.* Кеннеди Джаклин
- Джексон Генри (Jackson Henry) 304
- Джерратт Брэдли (Gerratt Bradley) 366
- Джо *см.* Фуллер Джо
- Джонс Джим (Jones Jim) 320, 328, 362
- Джонсон Алекс *см.* Джонсон Алексис Ю.
- Джонсон Алексис Ю. (Johnson Alexis U.) 99, 151, 209, 371
- Джонсон Берд (Johnson Bird) 210, 222, 223, 248, 273, 274, 334
- Джонсон Гарольд К. (Johnson Harold K.) 176—177, 199, 200, 371
- Джонсон Дэвид (Johnson David) 360

- Джонсон Линдон Бейнс (Johnson Lyndon Baines) 7, 8, 11, 12, 14, 20–26, 29, 30, 35–37, 54, 55, 67, 84, 117, 119, 124, 126–136, 139–149, 151, 152, 154, 155, 158, 159, 161–224, 226–233, 235, 236, 238, 240, 242, 243, 245–257, 260–264, 266, 268–273, 278, 280–287, 290–294, 297–304, 308, 311, 312, 314–318, 320–326, 328–335, 349, 351, 362, 364, 366, 369–374, 376–378, 380–382
- Джонсон Люси (Johnson Luci) 248
- Джонсон Том (Johnson Tom) 303, 304, 317, 322
- Джонсон Уильям (Johnson William) 366
- Джонсон Чарлз М. (Johnson Charles M.) 382
- Джордж *см.* Болл Джордж
- Джордж *см.* Вудс Джордж
- Джордж *см.* Кеннан Джордж Ф.
- Диллон Дуг *см.* Диллон Дуглас
- Диллон Дуглас (Dillon Douglas) 67, 69, 96
- Дин *см.* Раск Дин
- Дин Арт *см.* Дин Артур
- Дин Артур (Dean Arthur) 219, 220, 252, 325
- Дирксен Эв *см.* Дирксен Эверетт М.
- Дирксен Эверетт М. (Dirksen Everett M.) 56, 195, 214, 221, 222, 371
- Добрынин Анатолий Федорович 245, 272, 356
- Докучаев Анатолий 357
- Дон *см.* Тран Ван Дон
- Донхем Дин Уоллес (Donham Dean Wallace) 43–44
- Д'Орланди Джованни (D'Orlandi Giovanni) 269
- Дрелл Сидни О. (Drell Sidney O.) 360
- Дэй Э. (Day A.) 9
- Дэйли Чарлз (Daly Charles) 366
- Дювал Джереми (Duval Jeremy) 366
- Евтушенко Евгений Александрович** 279
- Ельцин Борис Николаевич 354, 359, 362
- Зефира** (Zephyr) 223
- Зинчик** (Zinchuk) 270
- Зэни Уильям (Zlany William) 366
- Зукерман С. (Zuckerman S.) 361
- Зукерт Юджин (Zuckert Eugene) 227, 371
- Зьем *см.* Нго Динь Зьем
- Икзам Глен** (Exum Glen) 317
- Иммерман Ричард Х. (Immerman Richard H.) 69, 359
- Иоанн Павел II 382
- Исааксон Уолтер (Isaacson Walter) 221, 381
- Кайзер Эдгар** (Kaiser Edgar) 129
- Калифано-младший Джозеф Э. (Califano Joseph A., Jr.) 53, 128–129, 380
- Каплан Лоуренс (Kaplan Lawrence) 365
- Каплан Мартин (Kaplan Martin) 365
- Карвер-младший А. (Carver George A., Jr.) 284, 326, 361, 371
- Картер Джимми (Carter Jimmy) 333, 335, 347, 359, 370
- Кастро Фидель (Castro Fidel) 15, 60–61, 63, 66, 355, 356
- Катлер Ллойд (Cutler Lloyd) 129
- Каттенберг П. (Kattenberg P.) 28
- Кауфман Уильям У. (Kaufmann William W.) 381
- Каценбах Николас де (Katzenbach Nicholas de) 270, 284, 286, 302, 303, 320–322, 328, 329, 364, 371
- Кейзен Карл (Kaysen Carl) 14, 344, 358
- Кейс Клиффорд П. (Case Clifford P.) 164–165
- Кемпс Фредерик (Kemps Frederick) 359
- Кеннан Джордж Ф. (Kennan George F.) 23, 63, 65, 237, 340, 344, 371
- Кеннеди Джаклин (Kennedy Jacqueline) 39, 88, 120, 121, 277, 278
- Кеннеди Джек *см.* Кеннеди Джон Фицджералд
- Кеннеди Джеки *см.* Кеннеди Джаклин
- Кеннеди Джон Фицджералд (Kennedy John Fitzgerald) 7–20, 23–25, 27, 30, 35–39, 49–56, 59–74, 76–79, 81–97, 99–102, 105, 108, 110–127, 129–131, 178, 183, 186, 199, 219, 275, 302, 226, 337, 351, 355–358, 362, 364, 366, 369–374, 376, 377, 380–382
- Кеннеди Роберт Ф. (Kennedy Robert F.) 7, 12, 26, 29, 39, 49, 52, 78, 86, 95–96, 113, 119–120, 123, 125, 151, 154, 277–280, 301, 372
- Кеннеди Эдвард (Kennedy Edward) 11
- Кент Шерман (Kent Sherman) 179
- Кернс Дорис (Kearns Doris) 381

- Ки *см.* Нгуен Као Ки
Кинг-младший Мартин Лютер (King Martin Luter, Jr.) 200, 201
Кинни Брайан (Kinney Brian) 365
Киплинг Редьярд (Kipling Rudyard) 352
Киссинджер Генри Ф. (Kissinger Henry F.) 30, 124, 275, 276, 315—322, 344, 361, 372, 373, 381
Кистяkowski Джордж (Kistiakowsky George) 219, 220, 266, 325
Клайн Рэй С. (Cline Ray S.) 162
Кларк Джеффри Дж. (Clarke Jeffrey J.) 380
Клинтон Билл (Clinton Bill) 279, 345, 347
Клиффорд Кларк М. (Clifford Clark M.) 67—68, 242, 252, 322, 325, 329, 334, 364, 372, 380
Клодфелтер Марк (Clodfelter Mark) 380
Колби Уильям И. (Colby William E.) 90, 372
Колер Фой (Kohler Foy) 208
Комер Роберт У. (Komer Robert W.) 264, 282, 372
Конвей Джек (Conway Jack) 41
Коннелли-младший Джон Б. (Connally John B., Jr.) 53—55, 372
Косыгин Алексей Николаевич 7, 193, 271, 272, 298, 299, 369, 372
Коттрелл Стерлинг Дж. (Cottrell Sterling J.) 73
Ковет Дон (Kowet Don) 262, 381
Коулс Джон (Cowles John) 219, 220
Крайл Джордж III (Crile George III) 260—262
Краслоу Дэвид (Kraslow David) 381
Крепиневич-младший Эндрю Ф. (Krepinevich Andrew F.) 234, 381
Кристофер Уоррен (Christopher Warren) 323, 366
Кронкайт Уолтер (Cronkite Walter) 93, 118
Кроу-младший Уильям Дж. (Crowe William J., Jr.) 360, 362
Крузо Льюис (Crusoe Lewis) 48
Крулак-младший Виктор Х. (Krulak Victor H., Jr.) 90, 156
Крэйг Маргарет Маккинстри (Craig Margaret McKinstry) *см.* Макнамара
Маргарет Маккинстри
Кук (Cooke) 365
Купер Джон Шерман (Cooper John Sherman) 165
Купер Честер Л. (Cooper Chester L.) 203, 252, 253, 316, 318, 364, 380
Купер Чет (Cooper Chet) 270
Кушман (Cusman) 296
Кхань *см.* Нгуен Кхань
Кхем *см.* Тран Тхинь Кхем
Кьюли Стюарт (Culy Stuart) 366
Кэбот *см.* Лодж-младший Генри Кэбот
Кэйтер Дугласс (Cater Douglass) 228, 229, 364
Кэлб М. (Kalb M.) 197
Кэннон Говард (Cannon Howard) 304, 310
Кэннон Джеймс (Cannon James) 221, 267
Кэрноу Стэнли (Karnow Stanley) 381
Кэрролл Юджин (Eugene Eugene) 295, 296, 364
Кэти *см.* Макнамара Кэти
Ланда Роналд (Landa Ronald) 365
Лансдейл Эдвард (Lansdale Edward) 65
Ла-Рок Джин Р. (La Rocque Gene R.) 295, 296, 326, 364
Ларсон Артур (Larson Arthur) 219, 220, 325
Ла-Фантази Гленн (LaFantasie Glenn) 366
Ле Чанг (Le Chang) 271
Левандовски Януш (Lewandowski Janusz) 269, 270
Лейк Энтони (Lake Anthony) 347, 366, 381
Лемницер Лайман Л. (Lemnitzer Lyman L.) 73
Лес *см.* Гелб Лесли
Лернд Эдмунд П. (Learned Edmund P.) 43
Ли Куан Ю (Lee Kwan Yew) 337, 373
Лиленталь Дэвид (Lilienthal David) 280
Лимэй Кертис И. (LeMay Curtis E.) 143, 149, 373
Линдберг Чарлз Огастус (Lindbergh Charles Augustus) 46
Линдлей Э. К. (Lindley E. K.) 75
Линкольн Авраам (Lincoln Abraham) 121, 190, 323
Линь Бяо 237, 238, 373
Липпман Уолтер (Lippman Walter) 102, 251

- Литтауэр Рафаэл (Littauer Raphael) 380
- Ловетт Боб *см.* Ловетт Роберт А.
- Ловетт Роберт А. (Lovett Robert A.) 8, 10, 44, 50, 52, 219, 220, 325, 373
- Лодж-младший Генри Кэбот (Lodge Henry Cabot, Jr.) 29, 84, 87, 89–93, 95–97, 99–102, 107, 112–115, 117, 126, 130–131, 133–134, 139, 146, 149, 151, 231, 242, 244, 269, 270, 282, 285, 302, 325, 373
- Локк Джон (Locke John) 68
- Лорд Стерлинг (Lord Sterling) 365
- Лури Стьюарт Х. (Loory Stuart H.) 381
- Льюи Гуэнтер (Lewy Guenter) 381
- Льюис Синклер (Lewis Sinclair) 19
- Лэйд Мелвин (Laird Melvin) 221, 361, 362
- Любимова Елена Александровна 39
- Люси *см.* Джонсон Люси
- Люццо Виола (Liuzzo Viola) 201
- Магсайсай Рамон (Magsaysay Ramon) 65**
- Мадам Нью (Madame Nhu) 75, 84, 93, 107–108, 375
- Май Ван Бо (Mai Van Bo) 219, 316, 319–322, 373
- Майк *см.* Форрестол Майкл В.
- Мак *см.* Банди Макджордж
- Макартур Дуглас (MacArthur Douglas) 187
- Макгартт Лайонел (McGarr Lionel) 73–74
- Макгифферт Дэвид Э. (McGiffert David E.) 323
- Макгрюри Мэри (McGrory Mary) 239
- Макдональд Дэвид Л. (McDonald David L.) 199, 373
- Макдональд Дэйв *см.* Макдональд Дэвид Л.
- Маккарти Джозеф (McCarthy Joseph) 65
- Макклой Джек *см.* Макклой Джон Дж.
- Макклой Джон Дж. (McCloy John J.) 52, 220, 252, 255, 325, 373
- Макклоуд Билл (McCloud Bill) 382
- Маккон Джон А. (McCone John A.) 80, 83, 85, 92, 96–97, 113, 126, 133–134, 143, 153, 159, 179, 202, 203, 374
- Макнамара Крэйг (McNamara Craig) 26, 128, 279, 317
- Макнамара Кэти (McNamara Kathy) 274
- Макнамара Маргарет Маккинстри (McNamara Margaret McKinstry) 33, 38, 41, 43, 45–46, 49, 51–52, 78, 83, 120, 123, 128, 222, 239, 277–279, 301, 316, 317, 334, 336
- Макнамара Марджи (McNamara Margy) 201
- Макнамара Роберт Стрэйндж (McNamara Robert Strange) 7–16, 18–30, 46, 48, 49, 53–56, 61, 75, 78, 79, 82, 86, 88, 89, 99–101, 104, 106–108, 112, 117, 131, 132, 134–139, 141, 146–148, 151, 161, 173, 174, 176, 183–184, 191, 198, 201, 203, 204, 213, 217, 218, 223–225, 236, 239, 240, 242, 243, 246, 249, 250, 254, 257, 259, 263, 264, 267, 274, 282, 284, 291, 294–296, 300, 303, 309, 312, 313, 315, 316, 320, 328, 329, 332, 334, 342, 349, 362, 373, 378, 381, 382
- Макнотон Джон Т. (McNaughton John T.) 132, 184, 187, 195, 205–207, 236, 250, 270, 281, 284, 286, 300, 315, 374
- Макс *см.* Тэйлор Максуэлл Д.
- Манн Томас (Mann Thomas) 249
- Малиновский Родион Яковлевич 357
- Малхолланд Пейдж И. (Mulholland Paige E.) 209
- Манро Джон У. (Munro John U.) 277
- Мао Цзэдун 63, 116, 374
- Марджи, дочь Р.С. Макнамары *см.* Макнамара Марджи
- Марджи, жена Р.С. Макнамары *см.* Макнамара Маргарет Маккинстри
- Маркли Род (Markley Rod) 121
- Маркович Эрбер (Marcovich Herbert) 315–322, 374, 375
- Маролда Эдуард Дж. (Marolda Edward J.) 156–157, 381
- Мартин Эдвин У. (Martin Edwin W.) 73
- Маршалл Бёрк (Marshall Burke) 366
- Маршалл Вирджиния (Marshall Virginia) 49
- Маршалл Джордж К. (Marshall George C.) 42, 219
- Мастин Ллойд М. (Mustin Lloyd M.) 184
- Маунтбеттен Льюис (Mountbatten Louis) 360
- Мейс Майлс (Mace Myles) 44
- Менан Нэнси (Menan Nancy) 366
- Мерфи Боб (Murphy Bob) 325

- Мидлтон Гарри Дж. (Middleton Harry J.) 152, 303, 366
 Мидлтон Фрэнк (Middleton Frank) 174
 Мийер Сандра (Meagher Sandra) 365
 Миллер Джек (Miller Jack) 304
 Минь (Minh) 115
 Мистраль Габриэла (Mistral Gabriela) 278
 Митчелл Джон (Mitchell John) 301
 Мойерс Билл (Moyers Bill) 9, 130, 182, 197, 374
 Мойнэхэм Брайан (Moynaham Brian) 209
 Момьер Уильям М. (Momyer William M.) 296, 381
 Монкрифф Энтони (Moncrieff Anthony) 87, 166, 274, 380
 Монтень Мишель де (Montaigne Michel de) 62
 Морзе Уэйн (Morse Wayne) 146, 163—165, 238, 374
 Моррисон Норман Р. (Morrison Norman R.) 238, 239
 Мур Бланш (Moore Blanche) 364, 365
 Мур Джинна (Moore Jeanne) 296, 366
 Мурер Томас Х. (Moorer Thomas H.) 157, 311, 374
 Мэй Эрнест (May Ernest) 364
 Мэнсфилд Майк (Mansfield Mike) 75, 134—135, 168, 193, 214, 238, 374
 Мюрвиль Морис Кув де (Murville Maurice Couve de) 142
- Нейштадт Дик** (Neustadt Dick) *см.* Нейштадт Ричард
Нейштадт Ричард (Neustadt Richard) 275, 277, 365
 Немезида 20
Нго *см.* Нго Динь Зьем
Нго *см.* Нго Динь Нью
Нго Динь Зьем (Ngô Dinh Dikm) 29, 62, 65—66, 71, 74—76, 82—93, 95—96, 98—102, 104—109, 113—117, 124, 129, 132, 134, 338, 339, 370—372, 374, 375, 378, 379, 381
Нго Динь Нью (Ngô Dinh Nhu) 75, 83—84, 87—92, 96, 98, 102, 104, 106—110, 115—116, 375, 378
Нгуен Ван Тхиеу (Nguyen Van Thieu) 209, 241
Нгуен Зуй Чинь (Nguyen Duy Trinh) 271
Нгуен Зхал Во (Nguyen Giap Vo) 375
- Нгуен Као Ки** (Nguyen Cao Ky) 209, 241, 288, 375
Нгуен Кхань (Nguyen Khanh) 88, 140—143, 145, 146, 163, 173, 175, 179—180, 183, 375
Ник *см.* Каценбах Николас де
Никсон Ричард (Nixon Richard) 30, 36, 301, 345, 351, 361, 372
Нили Харолд (Neeley Harold) 365
Нилл Мэри (Knill Mary) 366
Нитце Пол Х. (Nitze Paul H.) 53, 227, 295, 375
Нолан Жанн Е. (Nolan Janne E.) 380
Нолтинг-младший Фредерик И. (Nolting Frederick E., Jr.) 83, 89—92, 375, 381
Норстэд Ларри (Norstad Larry) 199
Носаван Фуоми (Nosavan Phoumi) 68
Нью *см.* Мадам Нью
Нью *см.* Нго Динь Нью
Ньюмен Джон (Newman John) 365
- Обрак Раймон** (Aubrac Raymond) 315—319, 322, 364, 365, 374, 375
О'Доннелл Кенни (O'Donnell Kenny) 122
Олдрин Эдвин (Aldrin Edwin) 11
Оли *см.* Шарп Оли
Олсоп Джо (Alsop Joe) 260
Олсоп Стоарт (Alsop Stewart) 151
Олсоп Сьюсан (Alsop Susan) 260
Оношкович-Яцын А. 352
Оснос Наоми (Osnos Naomi) 365
Оснос Питер (Osnos Peter) 365
- Палмер-младший Брюс Б.** (Palmer Bruce B., Jr.) 137, 198, 235, 376, 381
Паркер Т. У. (Parker T. W.) 73
Парра Айрин (Parra Irene) 366
Пастор Роберт (Pastor Robert) 365
Паттон Джордж Смит (Patton George Smith) 149
Пелл Клейборн (Pell Claiborn) 168
Перри Марк (Perry Mark) 311, 381
Перри Уильям (Perry William) 354, 363
Персли Роберт (Pursley Robert) 365
Персонс Уилтон (Persons Wilton) 67
Пинкус Уолтер (Pincus Walter) 365
Пирсон Дрю (Pearson Drew) 78
Пирсон Лестер (Pearson Lester) 268
Плиев Исса Александрович 357

- Портер Мора (Porter Maura) 366
 Портер Уильям (Porter William) 264
 Прайс Эди (Price Edie) 366
 Пфеффер Ричард М. (Pfeffer Richard M.) 381
 Пэйн Джуна (Payne June) 366
 Райан Джон Д. (Ryan John D.) 266
 Райс Эдмунд (Rice Edmund) 28, 286
 Рапашки Адам (Rapacki Adam) 270
 Раск Дин (Rusk Dean) 9, 14, 18, 20, 58, 60, 65, 67, 68, 70–72, 76, 78, 80, 83, 85, 87–97, 99, 100, 102, 113–115, 117, 123, 125–127, 133–135, 139, 142, 143, 146, 147, 149, 158, 159, 161, 162, 164, 166–168, 172–175, 179–182, 185, 188, 190, 191, 196, 197, 202, 203, 205–207, 209, 210, 212, 215–218, 220, 224, 242, 243, 246–249, 251, 253, 269, 272, 273, 280–282, 284, 285, 294, 298, 299, 301–303, 312, 315–317, 320, 322, 323, 326, 328, 337, 376, 381
 Раск Ричард (Rusk Richard) 68, 280, 381
 Рассел-младший Ричард Б. (Russel Richard B., Jr.) 213, 251, 273, 376
 Раст Уильям Дж. (Rust William J.) 382
 Ратженс Джордж У. (Rathjens George W.) 358
 Резор Стэнли (Resor Stanley) 227, 317, 376
 Рейтер Уолтер (Reuther Walter) 41
 Рестон Джеймс Б. «Скотти» (Reston James B. «Scotty») 102, 301, 381
 Рестон Салли (Reston Sally) 301
 Риверо Горацио (Rivero Horacio) 296
 Ривс Ричард (Reeves Richard) 381
 Рид Томас К. (Reed Thomas C.) 359, 363
 Ризонер Гарри (Reasoner Harry) 103–104
 Ричардсон Джон (Richardson John) 106–107
 Ричардсон Эллиот (Richardson Elliot) 365
 Робертс Чарлз (Roberts Charles) 221
 Роз *см.* Гилпатрик Розуэлл
 Рокфеллер Нельсон (Rockefeller Nelson) 96
 Роннинг Честер А. (Ronning Chester A.) 268, 269
 Ростов Уолт У. (Rostow Walt W.) 9, 20–21, 23, 71–72, 256, 270, 282, 285, 286, 291, 299, 312, 319–322, 326, 328, 337, 376, 381
 Ростов Ю. (Rostow E.) 23
 Рочестер Стюарт (Rochester Stuart) 365
 Рузвельт Франклин Делано (Roosevelt Franklin Delano) 43, 172, 221, 228, 275, 333, 373
 Рузвельт-младший Франклин Д. (Roosevelt Franklin D., Jr.) 53–54
 Рэйберн Сэм (Rayburn Sam) 7, 54–55
 Рэрдэн Стивен (Rearden Steven) 365
 Сай *см.* Вэнс Сайрус Р.
 Саймингтон Стюарт (Symington Stuart) 55, 168, 304
 Саймон Стюарт (Simon Stuart) 361
 Салливан Билл (Sullivan Bill) 108
 Сандел Майкл (Sandel Michael) 343, 344
 Сарбейнс Пол С. (Sarbanes Paul S.) 168
 Саррис Л. (Sarris L.) 28
 Саттон (Sutton) 132
 Сахаров Андрей Дмитриевич 363
 Севареид Эрик (Sevareid Eric) 245
 Сервис Джон Стюарт (Service John Stewart) 65
 Сергеев А. 38
 Сиборн Дж. Блэр (Seaborn J. Blair) 149
 Сильвестер Артур (Sylvester Arthur) 55–56
 Скотт Филип (Scott Philip) 366
 Смит Бромли (Smith Bromley) 193, 252
 Смит К. Уэйн (Smith K. Wayne) 380
 Смит Маргарет Чейз (Smith Margaret Chase) 304
 Смит Х. М. (Smith H. M.) 79–80
 Сноу Эдгар (Snow Edgar) 116
 Соренсен Теодор К. (Sorensen Theodore C.) 9, 16, 382
 Спок Бенджамин (Spock Benjamin) 239
 Спроул Роберт Гордон (Sproul Robert Gordon) 41
 Сталин Иосиф Виссарионович 66
 Старберд Алфред Д. (Starbird Alfred D.) 267
 Стеннис Джон С. (Stennis John C.) 303–305, 311, 314, 315, 376
 Стивенсон Эдлай И. III (Stevenson Adlai E. III) 245, 248, 376
 Стимсон Генри (Stimson Henry) 124, 132
 Стокдейл Джеймс Бонд (Stockdale James Bond) 162
 Стокдейл Сибил Б. (Stockdale Sybil B.) 162

- Стоун Оливер (Stone Oliver) 199
 Стрэйндж (Strange), мать Р.С. Макна-
 мары 7
 Сукарно (Sukarno) 183, 237, 376
 Сухарто (Suharto) 237
 Сэлинджер Пьер (Salinger Pierre) 9, 113

 Такер Р. (Tucker R.) 22
 Тассел Дэвид Ван (Tassel David Van)
 366
 Тачмен Барбара (Tuchman Barbara) 125
 Термонд Стром (Thurmond Strom) 304,
 310, 376
 «Текс» см. Торнтон Чарлз Б. «Текс»
 Тито Иосип Броз (Tito Josip Broz) 66
 Томас Норман (Thomas Norman) 239,
 240
 Томас Эван (Thomas Evan) 221
 Томми см. Томпсон Лууэллин «Томми»
 Томпсон Лууэллин «Томми» (Thomp-
 son Llewellyn «Tommy») 65, 220, 272,
 340, 377
 Томпсон Роберт (Thompson Robert) 78,
 81, 140, 286, 377
 Томпсон Томми (Thompson Tommy)
 193, 197, 236, 241, 270, 272
 Томпсон Уэйн (Thompson Wayne) 366
 Торделла Луис (Tordella Louis) 162
 Торнтон Чарлз Б. «Текс» (Tornton Char-
 les B. «Tex») 44–46, 48, 377
 Тран Ван До (Tran Van Do) 282
 Тран Ван Дон (Tran Van Don) 75, 115–
 116
 Тран Ван Хуонг (Tram Van Huong) 115
 Тран Тхинь Кхьем (Tran Thien Khiem)
 88
 Треуитт Генри Л. (Trewitt Henry L.) 382
 Трумэн Гарри С. (Truman Harry S.) 25,
 64, 96, 148, 219–221, 332, 369, 370, 372,
 373
 Тхиеу см. Нгуен Ван Тхиеу
 Тэйлор Максвелл Д. (Taylor Maxwell D.)
 9, 11, 42, 59, 65, 71, 72, 76, 77, 80, 85,
 86, 89–91, 95, 96, 99–102, 107, 108,
 110, 112–114, 119, 120, 125, 141, 143,
 145, 146, 148, 151, 158, 159, 166, 167,
 173, 176–180, 183, 185–189, 192, 193,
 197, 199, 200, 203, 205, 206, 209, 210,
 215, 218, 225, 231, 236, 322, 325, 328,
 329, 371, 377, 382

 Уайт Х. (White H.) 170
 Уайтнинг А. (Whitening A.) 28
 Уилен Рон (Whealan Ron) 366
 Уилер Майкл О. (Wheeler Michael O.)
 359
 Уилер Эрл Дж. «Бас» (Wheeler Earl G.
 «Bus») 161–164, 179–180, 183–184, 187,
 195, 198, 199, 205, 206, 211, 225, 236,
 242, 244, 249, 250, 263, 267, 284–286,
 302–304, 311, 323, 326, 377
 Уилсон Джон (Wilson John) 366
 Уильямс Дж. Меннен (Williams G. Men-
 nen) 249
 Уиншип Томас (Winship Thomas) 365
 Уитмен Уолт (Whitman Walt) 126
 Уиттеккер Джим (Whittaker Jim) 278
 Уиттеккер Лу (Whittaker Lou) 278
 Унгер Санфорд Дж. (Ungar Sanford J.)
 300, 382
 Уокер Росс Дж. (Walker Ross G.) 43
 Уоллес Джордж (Wallace George) 200,
 201, 373
 Уолт см. Ростоу Уолт У.
 Уорнер Дженифер (Warner Jennifer)
 366
 Уорнке Пол С. (Warnke Paul C.) 132, 206,
 250, 282, 284–286, 364, 365, 377
 Уоррен Эрл (Warren Earl) 39
 У Тан 21, 204, 245, 248, 377
 Уткин Анатолий Иванович 7, 30
 Уэлч Ларри (Welch Larry) 361, 362
 Уэсти см. Уэстморленд Уильям К.
 Уэстморленд Уильям К. (Westmoreland
 William C.) 22, 149, 151, 173, 179, 183,
 186, 192, 193, 197–200, 202, 205, 206,
 210–213, 215, 216, 218, 224–227, 232–
 235, 240, 241, 243–246, 254, 257–264,
 282, 285, 286, 289–291, 296, 302, 303,
 328, 329, 333, 349, 377, 380, 382

 Фам Ван Донг (Pham Van Dong) 149,
 268, 269, 316–317, 378
 Фан Хуа Куат (Phan Huy Quat) 209
 Фелт Гарри (Felt Harry) 73–74, 114, 149
 Фиалкс Джон Дж. (Fialks John J.) 359
 Фицджералд Оскар П. (Fitzgerald Os-
 car P.) 156–157, 381
 Фолл Бернард Б. (Fall Bernard B.) 231, 378
 Форбс Сюзен (Forbes Suzanne) 366
 Форд Генри II (Ford Henry II) 9, 46–52,
 59, 121, 124, 127, 255, 278, 378

- Форд Генри-старший (Ford Henry Sr.) 46, 52, 378
 Форд Джералд (Ford Gerald) 221, 372
 Форд Харолд (Ford Harold) 184
 Форд Эдсел (Ford Edsel) 52
 Форрестал Джеймс В. (Forrestal James V.) 145, 332, 378
 Форрестал Майкл В. (Forrestal Michael V.) 29, 85–86, 99, 101, 115–116, 143, 378
 Фортас Эйб (Fortas Abe) 322, 325, 329, 378
 Фоулер Джо (Fowler Joe) 331, 332
 Фоусетт Джон (Fawcett John) 366
 Фригчи Клэйтон (Fritchey Clayton) 364
 Фрост Роберт (Frost Robert) 39
 Фрэнк Барни (Frank Barney) 276
 Фулбрайт Дж. Уильям (Fulbright J. William) 60, 111, 144, 164–165, 167–168, 238, 378, 382

Жакис Питер (Hackes Peter) 145
Халберстам Дэвид (Halberstam David) 102–103, 380
Хаммер Эллен Дж. (Hammer Ellen J.) 83, 380
Хантли Чет (Huntley Chet) 95, 118
Харвуд Ричард (Harwood Richard) 324
Харкинс Пол Д. (Harkins Paul D.) 79–82, 90–93, 99, 107, 109, 113–114, 133–134, 146, 149, 151, 378
Харпер Джон (Harper John) 128–129
Харрис (Harris) 230, 252, 303
Харрис Льюис (Harris Louis) 213, 273
Хаустон Тина (Houston Tina) 366
Хелмс Дик (Helms Dick) *см.* **Хелмс Ричард**
Хелмс Ричард (Helms Richard) 85, 156, 250, 261, 262, 284, 286, 295, 312, 313, 326, 378
Херрик Джон Дж. (Herrick John J.) 159–160, 164
Херринг Джордж К. (Herring George C.) 198, 208, 253, 254, 264, 265, 268, 365, 381, 382
Херст Пэтти (Hearst Patty) 317
Хиггинс Маргарет (Higgins Marguerite) 116
Хили Денис (Healey Denis) 68
Хилсмен-младший Роджер (Hilsman Roger, Jr.) 29, 84, 86, 89–91, 99, 101, 116, 379, 381

Хо см. **Хо Ши Мин**
Холбрук Ричард (Holbrooke Richard) 364, 380
Хони П. Дж. (Honey P. J.) 105–106
Хопкинс Джонс (Hopkins Johns) 204, 234, 317, 347, 381
Хорнер Чарлз А. (Horner Charles A.) 362
Хоффман Пол (Hoffman Paul) 219, 220, 325
Хо Ши Мин (Нф Chi Minh) 63, 64, 66, 116, 138, 176, 234, 235, 239, 244, 249, 252, 256, 258, 271, 284, 316, 375, 378, 379
Хрущев Никита Сергеевич 63, 125, 182, 355, 357, 379, 380
Хупс Таунсенд (Hoopes Townsend) 381
Хьюджес Х. Стюарт (Hughes H. Stuart) 239
Хэмберг Дэвид (Hamburg David) 364
Хэммонд Уильям М. (Hammond William M.) 380
Хэмфри Дэвид (Humphrey David) 366
Хэмфри Хьюберт (Humphrey Hubert) 54, 185, 249
Хэнсон Линда (Hanson Linda) 366

Чанг см. **Ле Чанг**
Чарлтон Майкл (Charlton Michael) 87, 166, 274, 380
Чатем (Chatham) 274
Чейни Ричард Б. (Cheney Richard B.) 168–169, 359
Черчилль Уинстон (Churchill Winston) 14, 350
Чет см. **Купер Честер Л.**
Чипс (Chips) 179
Чуковский Корней Иванович 126

Шаликашвили Джон (Shalikashvili John) 366
Шарп Оли (Sharp Oley) 202, 205, 206, 244, 250, 266
Шарп-младший У. С. Грант (Sharp U. S. Grant, Jr.) 149, 159–161, 180, 211, 379, 382
Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич 347
Шейнман Адам (Scheinman Adam) 362
Шеллинг Томас (Schelling Thomas) 365
Шендлер Герберт И. (Schandler Herbert Y.) 382
Шендлер Джефффри (Shandler Geoffrey) 365
Шепард Гарри (Sheppard Harry) 138–139

- Шихан Нейл (Sheehan Neil) 279, 280, 282
Шлайт Джон (Schlight John) 198, 382
Шлезингер-младший Артур М. (Schlesinger Arthur M., Jr.) 9, 116, 123, 280, 365, 382
Шлезингер-старший Артур М. (Schlesinger Arthur M., Sr.) 123
Шмидт Гельмут (Schmidt Helmut) 68, 361, 362
Шоу Сидни (Shaw Sydney) 380
Шрайвер Сарджент (Shriver Sargent) 49–50, 52
Шрайвер Юниса (Shriver Eunice) 275
Шуп Дэвид М. (Shoup David, Jr.) 199, 379
Шуп Дэйв *см.* Шуп Дэвид М.
Шьюлимсон Джек (Shulimsob Jack) 382
Шэплен Роберт (Shaplen Robert) 382
Шэпли Дебора (Shapley Deborah) 382
Эбан Абба (Eban Abba) 298
Эв *см.* Дирксен Эверетт М.
Эйбел И. (Abel E.) 197
Эйзенхауэр Джон С. Д. (Eisenhower John S. D.) 69
Эйзенхауэр Дуайт Дейвид (Eisenhower Dwight David) 9, 13, 25, 30, 42, 55, 59–61, 64–70, 94, 95, 129, 130, 174, 195–197, 213, 217, 219, 266, 359, 370, 374
Эйсмен Бен (Eisman Ben) 364
Элиот Томас Стернз (Eliot Thomas Stearns) 38
Элсберг Дэниел (Ellsberg Daniel) 301
Энтховен Элэйн К. (Enthoven Alain C.) 380
Эспин Лес (Aspin Les) 366
Эсхил 37
Ярмолински Адам (Yarmolinsky Adam) 19, 52, 145, 364, 365

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Австралия** 94
Австрия 102
Азиатский материк 22
Азия 19–20, 26, 62, 64, 106, 111, 135, 138, 145, 184, 197, 218, 230, 236, 240, 241, 290, 329, 337, 341, 369, *см. также* **Восточная Азия**; **Юго-Восточная Азия**
Айова, штат 304
Алабама 200, 201
Аламеда, штат **Калифорния** 41
Александрия, шт. **Вирджиния** 308
Аляска 165
Америка 11–17, 19, 20, 22–24, 26–29, 36, 37, 58, 62–65, 74, 83, 108, 137, 154, 170–173, 180–181, 192, 193, 235, 236, 238, 240, 253, 256, 264, 265, 273, 279, 292, 303, 313, 344, 355, 380–382, *см. также* **Соединенные Штаты Америки** (**США**)
Англия *см.* **Великобритания**
Аннаполис 364
Анн-Арбор 47, 49, 278
Аппалачия 221
Аризона 171, 174
Арканзас, штат 60, 370, 378
Армения 342
Аспен, гора 279
Аспен, город, шт. **Колорадо** 54, 247, 248, 317
Атлантик-Сити 174
Атлантический океан 46
Африка 137, 249
- Балканы** 349
Балтимор 43, 45, 234, 381
Батаан 199
Батанган 231
Беркли 8, 41–42, 274, 276, 277, 317
Берлин 65, 70, 72, 218, 338, *см. также* **Западный Берлин**
Бетесда 120
Бирма 64, 135, 253
Ближний Восток 137, 164, 293, 337, 338, 340, 342
Блумфилд-Хиллз 47
Бонн 146
Босния 348
Бостон, шт. **Массачусетс** 74, 116, 280, 311, 366, 380–382
Бразилия 343
Брюссель 361
Бурунди 342, 348
- Вайкики-Бич** 78
Вайоминг 83, 317
Ватерлоо 220
Варшава 270
Вашингтон, город 8, 10–12, 16, 18, 19, 22, 25–29, 36, 39, 45, 50–53, 60, 63, 64, 68, 71–73, 75–78, 80–83, 86, 88, 91, 93, 95, 96, 101, 105, 108, 110, 113–115, 117, 121, 126–128, 133, 134, 140, 141, 143, 145, 147, 149, 156, 157, 159, 165, 167, 168, 175, 188, 193, 194, 197, 198, 205, 209, 219, 223, 226, 233, 235, 237, 240, 242, 243, 245, 246, 248–250, 256, 260, 268–270, 272, 275, 277, 281, 293, 298, 306, 310, 315, 317–319, 339, 342, 345, 347, 350, 357, 360, 372, 377, 378, 380–382
Вашингтон, штат 304
Великий Титон 317
Великобритания 16–18, 44–45, 68, 70, 94, 271, 354, 369, 372
Венесуэла 21
Вирджиния, штат 308
Восток 240, 293, 337, 343, 345
Восточная Азия 75, 152
Восточная Европа 62–63, 218, 248
Восточное побережье [**США**] 121
Вьетнам 11, 12, 15, 18–30, 35–38, 63–84, 87, 88, 90, 91, 93–99, 101–103, 105, 109, 110, 114, 116–119, 124, 126, 129–132, 136–139, 141, 143–145, 147, 149, 151, 153–157, 166–168, 170–175, 177–178, 180, 185–186, 188, 191, 192, 194–207, 209, 211–217, 220, 223, 225–227, 230–232, 234–238, 241–247, 251, 253–264, 268, 270, 271, 273, 274, 278–282, 284, 285, 287–296, 299–304, 308, 310, 312–315, 325, 326, 327, 329, 330, 332, 333, 335, 337–342, 348–352, 364–366, 369–382, *см. также* **Демократическая Республика Вьетнам**; **Республика Вьетнам**; **Северный Вьетнам**; **Социалистическая Республика Вьетнам**; **Южный Вьетнам**
- Гавайи** 74, 76–80, 99, 117, 141
Гавана 355, 357
Газа 298
Гаити 342
Гарден-Сити 243, 286, 381, 382

- Германия 62, 172, 180, 220, 240, 307, 347, 373
Геттисберг 213
Гималаи 237
Глассборо, шт. Нью-Джерси 7, 372
Голанские высоты 298, 299
Гонконг 28, 286
Гонолулу 11, 77, 78, 80—82, 117, 118, 131, 149, 150, 159, 205—207
Гранд-Джанкшен 248
Греция 20, 293, 349
Гросс-Пойнт 47
Грузия 347, 348
Гуэ 141
- Далат 114
Даллас 119
Дальний Восток 13, 84, 96, 152, 191, 220, 268, 369, 370, 379
Дамаск 299
Дананг 197, 202, 205
Дейтон 45
Дельта (Вьетнам) 108—109
Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ) 21, 138, 176, 189, 209, 226, 232, 271, 318, 319, 378, *см. также* Северный Вьетнам
Детройт 10, 12, 46—47, 50, 54
Джакарта 237
Джексон-Хоул 317
Джорджия, штат 213, 376
Джорджтаун 50
Дирборн, штат Мичиган 46—47, 49
Долина Кувшинов 14
ДРВ *см.* Демократическая Республика Вьетнам
Дьенбьенфу 69, 170
- Европа 26, 43, 64, 70, 137, 172, 180, 197, 218, 219, 343, 359, 360, 369, 370, *см. также* Восточная Европа; Западная Европа
Египет 297—299
- Заир 348
Залив Свиней 14—15, 60, 116, 125
Запад 62—63, 70, 72, 94, 103, 106, 135, 142, 182, 240, 293, 314, 337, 343, 345, 351, 355, 361
Западная Вирджиния 54, 304
Западная Германия 48, 68, 361
- Западная Европа 13, 342, 343
Западное побережье (США) 40
Западный Берлин 63
- Израиль 78, 297—299
Иллинойс, штат 56, 371
Индия 13, 45, 102, 121, 123, 135, 236, 237, 240, 241, 249, 269, 337, 343
Индокитай 12, 20, 63—65, 68—70, 83, 138—139, 148, 151, 156, 166, 172, 180, 192, 198, 231, 299, 300, 337, 370, 380
Индонезия 64, 135, 182, 237, 241, 290, 337, 376
Инчхон (Чемульпо) 249
Иордан 298
Иордания 297—299
Ирак 169, 342, 345—348
Иран 333, 345, 346
Италия 16, 349
Ия-Дранг 243, 244
- Йемен 348
- Калифорния 26, 41, 43, 51, 138, 374
Камбоджа 68, 94, 135, 138, 143, 233, 243, 285, 290, 294, 305
Камелот 7, 9—10
Камранский залив 146
Камфа 266
Канада 269
Канзас 45
Карлайл-Бэрракс, шт. Пенсильвания 198
Кашмир 237, 348
Кейп *см.* Кейп-Код
Кейп-Код 85—86
Кельн 48
Кембридж (США) 43, 275
Кентукки 137, 165, 172, 235, 381
Кипр 293
Китай *см.* Китайская Народная Республика
Китайская Народная Республика (КНР) 13, 18, 20—21, 26, 28, 45, 63, 65—66, 95, 116, 121, 129—130, 134, 139—140, 143—145, 152, 156, 168, 172, 177, 182, 184, 187, 195, 196, 233, 236—238, 240, 241, 250, 255, 265, 287, 289—291, 294, 296, 297, 308, 309, 329, 337, 338, 343, 354, 358, 374, 376

- КНР *см.* Китайская Народная Республика
Колорадо, штат 247, 317
Колумбия, федеральный округ США 45, 80, 145, 339, 342, 347, 360
Конго 72, 83
Конкорд, шт. Нью-Хэмпшир 128
Корейский полуостров 333, 345
Корея 73, 103, 148, 149, 184, 187, 217, 219, 136, 240, 290, 373, *см. также* Северная Корея; Южная Корея
Косово 348, 349
Красная река 266, 296, 309
Куангтай 249
Куба 14—16, 60, 63, 65—66, 72, 125—126, 164, 338, 355—358
Кувейт 342, 347
Кхе-Санх 333
- Ламдонг** 114
Лаос 14, 20—21, 68—70, 87, 94, 96, 102, 135, 138—139, 143, 152—153, 177, 182, 187, 189, 207, 233, 249, 252, 265, 285, 290, 291, 294, 309
Латинская Америка 135, 137, 243, 249
Лексингтон 137, 235, 381
Лесото 348
Лиссабон 45
Лондон 45, 271, 272, 361
Лос-Анджелес 55
Лусон 199
- Македония** 348, 349
Малайзия 64, 78, 135, 182, 286
Малайя 95, 200, 377
Манхэттен 29
Марианские острова 121
Массачусетс 87, 120, 276, 366
Меконг 14, 141
Миннесота 43
Миссисипи, штат 223, 304, 376
Миссури, штат 55, 304
Мичиган 8, 46
Монреаль 330
Монтана, штат 134, 374
Монтгомери, шт. Алабама 200, 201
Москва 7, 13, 17, 20, 66, 138, 144, 208, 218, 245, 266, 270—272, 293, 355—357
Мэн, штат 304
Мэриленд 79, 168
Мюнхен 218
- Невада**, штат 304
Нигерия 123, 343
Новато 382
Новая Англия 128
Новая Зеландия 94
Норман 382
Нормандия 86
Нью-Дели 237
Нью-Джерси, штат 75, 164—165, 372, 382
Нью-Йорк, город 47, 50, 68, 83, 85—87, 103, 116, 163, 166, 170, 171, 173, 197, 207, 221, 237, 242, 243, 253, 262, 264, 274, 278, 280, 300, 303, 344, 360, 361, 380—382
Нью-Йорк, штат 97, 372
Ньюпорт, шт. Род-Айленд 88—89
Нью-Хэмпшир 128, 172
- Огайо** 45, 172
Оклахома, штат 172, 382
Окленд 8
Орегон, штат 146, 374
Орли 132
Остин, шт. Техас 208, 248, 253, 256, 268, 285, 366, 381, 382
- Пакистан** 94, 236, 237, 240, 241
Палм-Бич 51
Парагвай 123
Париж 77, 83, 131—132, 142, 207, 219, 280, 315—320, 322, 370, 372, 373
Пекин 20, 144—145, 152—153, 216, 236, 237, 251, 289
Пенсильвания, штат 198, 372, 374, 375
Перл-Харбор 43, 76
Персидский залив 168
Плайя-Хирон 16
Плейку 88, 193
Пномпень 237
Польша 269, 270
Потомак 120
Принстон 158, 344, 359, 382
- Рангун** 253
Раунд-Маунтейн, шт. Техас 248
РВ *см.* Республика Вьетнам
Ред-Уинг, шт. Миннесота 43
Рейнир 278
Республика Вьетнам 176, 181, 211, 232, *см. также* Южный Вьетнам
Республика Индонезия *см.* Индонезия

- Ривер-Рудж 47, 49
Род-Айленд 88
Роки 317
Россия 287, 329, 343, 354, 360, *см. также*
Советский Союз
Руанда 348
- Сайгон 11, 19, 20, 75–77, 84–91, 96, 98–101, 103–106, 109, 110, 112–115, 117, 124, 131, 132, 139, 141, 142, 146, 147, 150, 158, 170, 172, 175, 178, 180, 181, 185–188, 190–193, 199, 200, 205, 206, 209, 212, 215, 218, 221, 223–227, 231, 233, 234, 241, 242, 244, 245, 247, 249, 256, 269, 282, 283, 285, 302, 303, 333, 372
- Сан-Антонио, шт. Техас 321
Сан-Рафаэль 116
Сан-Франциско 7, 39–40, 43
Север *см.* Северный Вьетнам
Северная Корея 63, 156, 333, 358
Северный Вьетнам 20, 27, 29, 62, 66, 67, 76, 83, 87, 94, 105, 129, 131–133, 135, 137–143, 145, 146, 148–150, 152, 155–159, 161, 163, 164, 166, 167, 170, 171, 176–179, 181–188, 192–194, 196–200, 202, 204, 205, 207–209, 211, 212, 216, 217, 219, 224–226, 231–236, 240–242, 244, 245, 247–252, 256–260, 263–267, 269–272, 280, 282–287, 289–291, 294–297, 305–312, 314–316, 318, 319, 321, 322, 325, 327–329, 338, 339, 369, 370, 372–376, 378–380, 382, *см. также* Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ)
Селма 200, 201
Сент-Пол 128
Синайский перешеек 298
Сингапур 373
Сирия 297–299
Сизтл 278
Сноумасс 317
Советский Союз (СССР) 12–18, 21, 25, 26, 55, 62, 63, 65, 66, 96, 125, 130, 138, 143–145, 153, 156, 168, 172, 174, 193, 195, 196, 207, 209, 218, 233, 236, 237, 240, 243, 255, 265, 266, 272, 286, 288, 289, 291, 297–299, 308, 337, 338, 340, 342, 347, 355, 356, 358, 361, 362, 369, 371, 377, 379, *см. также* Россия
- Соединенные Штаты Америки (США) 8, 9, 12–18, 20–27, 30, 35–37, 39, 43, 46, 57–60, 62–64, 67–76, 78–80, 82–88, 90, 92–97, 102–109, 111–115, 117, 118, 124–126, 129–132, 134–159, 161–168, 170, 172, 174, 175, 176, 180, 181, 183, 184, 186–192, 194–203, 208–210, 212, 213, 217–220, 225–227, 230–233, 235, 237–242, 245, 248–250, 252, 256, 257, 260, 261, 263–266, 268–273, 275, 279, 281–283, 285–288, 290–292, 294–296, 298, 299, 302, 305, 310–316, 318, 319, 321, 323, 326, 327, 329, 331, 332, 337–339, 341–351, 354–362, 364, 365, 369–373, 375–382, *см. также* Америка
Сомали 342
Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) 157, 378
СРВ *см.* Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ)
СССР *см.* Советский Союз (СССР)
Стенфорд 274
Судан 342, 348
США *см.* Соединенные Штаты Америки (США)
- Таджикистан 342
Таиланд 20–21, 68, 94, 135, 139, 215, 266, 281, 291, 294
Тайвань 139, *см. также* Формоза
Тетонс 83
Техас 55, 243, 246–248, 285, 321, 366, 372, 381
Титон-Рендж 317
Тихий океан 45, 76, 78, 149, 202, 205, 250, 266, 285, 361
Тонкинский залив 21, 67, 148, 154–157, 159–160, 162–164, 166, 168, 214, 223, 374
Турция 16, 126, 293, 346, 349
- Филиппины 64–65, 94, 121, 199, 200, 249
Флорида 54
Формоза 164, *см. также* Тайвань
Форт-де-Русси 78
Форт-Левенуорт 140
Франция 18, 21, 43, 46, 63–64, 70, 94, 102, 106, 135, 142, 156, 354, 369, 370, 375, 378

Хайес-Редмонд 213

Хайфон 236, 265, 266, 286, 305, 308, 309, 318–320

Хайнис-Порт 11, 83, 85, 93, 118

Ханой 20, 83, 103, 106, 131, 146, 149, 150, 156–159, 166, 167, 176, 177, 179, 181, 182, 185–187, 189, 190, 193, 195, 196, 202, 204–205, 207, 208, 216, 217, 219, 226, 232, 236, 237, 242, 244, 245, 248, 251–253, 257, 265, 266, 268–270, 272, 282, 283, 286–289, 291, 295, 305, 306, 312, 315–321, 327, 373

Хикори-Хилл 123, 279

Хикэм 141

Хиросима 354

Центральная Америка 60

Центральное нагорье (Южный Вьетнам) 200, 202, 205

Чапаквиддик 11, 26

Чарлз 275

Чемульпо *см.* Инчхон (Чемульпо)

Чечня 342

Чу-Лай 231

Швейцария 102

Швеция 207

Шолон 115

Эверест 278

Энглвуд-Клиффс 214, 380

Юг (южные штаты США) 222, 302

Юг (Южный Вьетнам) *см.* Южный Вьетнам

Юго-Восточная Азия 20, 36, 62, 64, 65, 68–72, 78, 95, 103, 113, 125, 134–136, 145, 148, 150, 161, 162, 164, 165, 175, 176, 178–179, 183–184, 195, 196, 204, 210, 237, 238, 240, 255, 285, 287, 313, 326, 328, 340, 371, 373, 382

Югославия 66, 342, 347, 348, 371

Южная Каролина, штат 304, 376

Южная Корея 139, 249

Южно-Китайское море 197

Южный Вьетнам 20, 21, 23, 29, 62, 64–68, 70–76, 78–85, 87, 88, 91, 93–97, 100, 102–113, 116–118, 124, 125, 129–153, 155, 157, 158, 162, 163, 165, 167, 170, 175–181, 183–199, 201–211, 213–218, 220, 224–226, 232–237, 241–246, 249–253, 256–258, 260, 261, 263–268, 270–272, 281–297, 303, 305–312, 314, 321, 325, 327, 328, 337–339, 351, 369, 371–379, 382, *см. также* Республика Вьетнам

Ялу 358

Япония 13, 43, 62, 64, 135, 240, 338, 342, 343, 347

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агентство национальной безопасности (США) 158, 162
Академия военно-морских сил США (Аннаполис) 364
Акт о прерогативах в военной области 24
«АЛКОА» *см.* «Американская алюминевая корпорация»
«Американская алюминиевая корпорация» («АЛКОА») 128
Американская ассоциация адвокатов 171
Американский институт общественного мнения *см.* Институт Гэллага (Американский институт общественного мнения)
Американское сообщество издателей и журналистов 330
Антивоенное движение *см.* Движение сторонников мира
Арабо-израильская война *см.* Шестидневная война
Арлингтонское национальное кладбище 49, 120—121
Армагеддон 116
Архив меморандумов Совета национальной безопасности (США) 252
Архив Министерства обороны США 364, 366
Архив Пентагона *см.* Архив Министерства обороны США
Архивное управление Министерства обороны США 365
Ассоциация молодых христианок 43

Бактериологическое оружие 290
«Барьер» *см.* «Противофильтрационный барьер»
Белый дом 14, 17, 36, 39, 54, 67, 70—72, 86, 89—90, 110, 112, 115, 118—120, 123—124, 126, 128, 134, 141, 161, 195, 200, 202, 205, 208, 217, 222, 229, 239, 247—250, 274, 285, 296, 298—301, 303, 304, 315, 331, 334, 335, 366, 380, 382
Беркли *см.* Калифорнийский университет (Беркли)
Берлинский кризис 65
«Би-би-си» («BBC») 361
Библиотека Гарри С Трумэна 221
Библиотека Джона Фицджералда Кеннеди 68, 71, 86, 89—90, 92, 110, 112, 125—126, 152, 364, 366
Библиотека Джонсона *см.* Библиотека Линдона Бейнса Джонсона
Библиотека Дуайта Дейвида Эйзенхауэра 69
Библиотека Кеннеди *см.* Библиотека Джона Фицджералда Кеннеди
Библиотека Конгресса 282, 321
Библиотека Линдона Бейнса Джонсона 151—152, 187—188, 190, 191, 193—198, 202—207, 209—214, 217, 220, 224, 225, 227, 229, 231, 232, 246, 247, 249—252, 256, 259, 264, 270, 272, 281, 282, 284—287, 291, 295, 297, 303, 304, 308, 312, 317, 319—323, 328—330, 334, 349, 364, 366, 381
Блокада Кубы 16, 355
Боллинг, авиабаза 250
Бомбардировки Северного Вьетнама 21, 29, 67, 137, 138, 142, 143, 146, 148—150, 155, 159, 161—163, 166, 171, 175—179, 181, 183—188, 192—203, 205, 207—209, 212, 224—226, 230—233, 236, 240—257, 260, 264—273, 283, 285—287, 290, 291, 295, 303—312, 314, 316, 318—322, 325, 327—329, 339, 371, 373, 378—380, 382, *см. также* «Катящийся гром», Паузы в бомбардировках Северного Вьетнама; «Список девяноста четырех целей»
Буддисты 82, 83, 87, 93, 98, 105—107, 179, 193, 209, 281, 375
«Бумаги Пентагона» 301, 381, *см. также* «Документы Пентагона»
Бюро разведки и исследований (БРИ) при Государственном департаменте США 178

Варшавский договор *см.* Организация Варшавского договора
«Вашингтон иннинг стар» («Washington Evening Star») 56
«Вашингтон пост» («Washington Post») 78, 173, 196, 230, 252, 272, 273, 280, 323, 324, 348, 361
«Вашингтон стар» («Washington Star») 239
ВВС США *см.* Военно-воздушные силы США

- ВВС Южного Вьетнама *см.* Военно-воздушные силы Южного Вьетнама
- Великая депрессия 40, 221
- «Великое общество» 21, 193, 196, 221–223, 228, 335
- Верховный Суд США 39, 301, 370, 378
- «Вести “Си-би-эс”» 260, 261
- «Вечерние новости “Си-би-эс”» 262
- ВМС США *см.* Военно-морские силы США
- Военная академия США 149
- Военно-воздушные силы США 8, 13, 21, 43–45, 55, 57, 77, 120–122, 129, 143, 149, 159, 172, 177, 179, 198, 199, 248, 250, 266, 304, 335, 359, 361, 362, 365, 366, 371, 373, 381, 382, *см. также* Управление по изучению истории военно-воздушных сил США
- Военно-воздушные силы Южного Вьетнама 149, 209, 375
- Военное ведомство *см.* Министерство обороны США
- Военно-морские силы США 53–54, 57, 120, 149, 156–157, 161, 177, 179, 198, 199, 205, 275, 295, 296, 304, 311, 335, 361, 364, 372–375, 381, *см. также* Академия военно-морских сил США (Аннаполис); Министерство ВМС США
- Война за независимость в Северной Америке (1775–1783) 252
- Война сопротивления вьетнамского народа (1945–1954) 69
- Вооруженные силы Вьетконга 258
- Вооруженные силы Северного Вьетнама 210, 243, 258, 288
- Вооруженные силы СССР 357
- Вооруженные силы США 23, 24, 57, 60, 70, 111, 119, 126, 130, 131, 136, 137, 139, 166, 175, 197, 206, 211, 216, 217, 230, 232, 233, 249, 284, 288, 294, 296, 310, 357, 358, 377, 378
- Вооруженные силы Южного Вьетнама 216, 233
- [Восьмая] VIII воздушная армия США 44
- Вторая мировая война 8, 10, 39, 42, 44, 54, 59, 62, 63, 84, 86, 97, 121, 149, 171, 172, 180, 195, 197, 199, 218–220, 250, 300, 307, 322, 370, 373, 377–379
- «Вундеркинды» 47, 48, 377, 378
- Вьетконг 71, 79–81, 90, 95, 97, 98, 100, 103–108, 132–134, 141, 143, 144, 147, 149, 157, 163, 176, 176, 181, 185, 186, 188–190, 193, 194, 196, 200, 202, 204, 207, 208, 210–212, 216, 225, 226, 231–234, 236, 240, 242, 244, 249, 253, 257–259, 263, 264, 282, 283, 285, 288, 338, 378, 379, *см. также* Вооруженные силы Вьетконга; Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама
- Вьетминь 375, 378, 379
- Вьетнамская война 21, 28, 158, 208, 211, 235, 249, 250, 254, 268, 273, 279, 285, 287, 314, 327, 349, 376, 377, 379, 380, 382
- Вьетнамская народная армия 69
- Вьетнамский кризис 11
- Гарвард *см.* Гарвардский университет
- Гарвардская высшая школа управления торгово-промышленной деятельностью *см.* Гарвардская школа бизнеса
- Гарвардская школа бизнеса (Гарвардская высшая школа управления торгово-промышленной деятельностью) 8, 42–43, 45, 275
- Гарвардский колледж *см.* Гарвардский университет
- Гарвардский университет 24–25, 39, 43–46, 50, 59, 123–124, 219, 239, 258, 275–276, 277, 343, 369, 372, *см. также* Гарвардская школа бизнеса (Гарвардская высшая школа управления торгово-промышленной деятельностью); Школа Кеннеди при Гарвардском университете
- Генеральная Ассамблея ООН 269, 347
- Гибкое реагирование (стратегия НАТО) 361
- Ги-Лонг 74, 107–108
- «Голуби» 24, 88, 254, 279, 280
- Гонка вооружений 14–15
- Госдеп *см.* Государственный департамент США
- Госдепартамент *см.* Государственный департамент США

- Государственный департамент США 22, 28, 58, 60, 65, 71, 72, 80, 84, 86, 88, 92, 93, 95–97, 101, 102, 115, 123, 126, 139, 148, 158, 160, 166, 173, 175, 178, 180, 182, 206, 207, 213, 215, 236, 281, 282, 284, 293, 300, 301, 303, 319, 325, 382, *см. также* Бюро разведки и исследований (БРИ) при Государственном департаменте США; Отдел истории Государственного департамента США; Отдел политического планирования Государственного департамента США; Центральный архив Государственного департамента США
- Гражданская война в США 190, 192
- «Группа оценок военно-морских проблем Вьетнама» 295
- «Группа 77» 12
- Группа Томпсона 236, 241
- Д**
- Движение неприсоединения 12
- Движение сторонников мира 26, 238–240, 293, 317, 322–324, 327, 329
- Девяносто четыре цели *см.* «Список девяносто четырех целей»
- Декларация независимости 252
- Демократическая партия (США) 8, 36, 48, 121, 174
- Детант *см.* Разрядка международной напряженности (детант)
- «Де Сото» 155–159, 164, 166, 374
- «Дженерал моторс» 12, 48
- «Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности» 13
- Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере 102
- Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой 17
- Договор СНВ-1 354
- «Документы Пентагона» 208, 277, 284, 287, 293, 300, 301, 382, *см. также* «Бумаги Пентагона»
- Ж**
- Женевская конференция по Вьетнаму 218
- Женевская конференция по Лаосу 96, 370
- З**
- Закон об избирательных правах (1965 г.) 222, 223, 335
- Закон о гражданских правах (1964 г.) 166, 223, 335
- И**
- Изоляционизм 17
- Имперская политика США 14, 20, 24–25
- Индо-пакистанский конфликт 236–237, 241
- Институт Брукинга 346
- Институт военной истории Армии США (Карлайл-Бэрракс, шт. Пенсильвания) 198
- Институт Гэллага (Американский институт общественного мнения) 230
- Институт оборонного анализа при Министерстве обороны США 266
- Институт перспективных исследований (Принстон) 344
- Институт стратегического анализа 300
- Интервенционизм 12, 17
- Исполнительный комитет Совета национальной безопасности 148
- Исследовательская служба Конгресса 199, 200, 234
- Й**
- Йельский университет 28, 179
- К**
- Калифорнийский университет (Беркли) 8, 41–42, 275–277
- «Камелот» *см.* «Новый Камелот»
- Капитолийский холм 18, 228
- Карибский кризис 15–16, 18
- «Катящийся гром» 197–199, 241, 265, 283, 284, 286
- КНПП *см.* Комитет начальников штабов (Объединенный комитет начальников штабов, КНПП)
- Колледж имени Амхерста 274
- Колледж имени Чатема 274
- Колумбийский университет 29, 214
- Командование американскими войсками на Тихом океане 78, 205
- Комиссия по атомной энергии 280, 374
- Комитет Национальной академии наук США 360, 362

- Комитет начальников штабов (Объединенный комитет начальников штабов, КНШ) 13, 15, 16, 20, 59–61, 71, 74, 77, 82, 90, 95, 109, 110, 119, 136–140, 142, 143, 148, 150, 151, 156, 157, 159, 161, 163, 166, 170, 173, 176–179, 183–186, 188, 195, 197–200, 202, 205, 212, 215, 216, 225–227, 231, 232, 235, 236, 242, 246, 249–252, 254, 256, 260, 265, 267, 272, 284, 285, 293, 294, 297, 303, 304, 307, 310, 311, 314, 327, 350, 359, 360, 365, 366, 370, 377, *см. также* Объединенное агентство по проведению военных учений КНШ; Отдел истории Комитета начальников штабов; «Сигма II-64»; «Сигма II-65»
- Комитет по ассигнованиям, Палата представителей (США) 75–76, 139, *см. также* Подкомитет по ассигнованиям на оборону, Комитет по ассигнованиям, Палата представителей
- Комитет по ассигнованиям, Сенат *см.* Сенатский Комитет по ассигнованиям
- Комитет по вооруженным силам *см.* Сенатский Комитет по вооруженным силам
- Комитет Стенниса *см.* Подкомитет по расследованиям при сенатском Комитете по вооруженным силам
- Комитет-303 133, 156
- Коммунизм 63, 152, 178, 195, 230
- Коммунистическая партия Индонезии (КПИ) 237
- Коммунистическая партия США 40
- Конгресс США 13, 21, 24, 39, 53, 56, 58, 60, 67, 78, 99, 102, 111, 119, 139, 148–150, 154–155, 161–162, 164–169, 177, 186, 193, 194, 196, 199, 200, 203, 206, 214, 215, 220, 222, 224, 228, 238, 279, 280, 289, 304, 331, 340, 349, 378, 382, *см. также* Исследовательская служба Конгресса; Палата представителей Конгресса США; Сенат Конгресса США
- Корейская война 73, 128, 249–251, 358
- Корпус мира 374
- Корпус подготовки офицеров запаса 42
- Космическое командование США 362
- КПИ *см.* Коммунистическая партия Индонезии (КПИ)
- «Крайслер» 12
- «Красная звезда» 357
- Кремль 17, 182
- Кубинская проблема 15
- Кубинская революция 15
- Кубинский кризис *см.* Кубинский ядерный кризис (Кубинский «ракетный» кризис)
- Кубинский «ракетный» кризис *см.* Кубинский ядерный кризис (Кубинский «ракетный» кризис)
- Кубинский ядерный кризис (Кубинский «ракетный» кризис) 11, 65, 125–126, 145, 218, 298, 341, 350, 354–356, 358, 377, 379
- «Культурная революция» в Китае 13, 238, 289, 290, 374
- Лаосский кризис 67–68, 70
- Лейбористская партия (Великобритания) 369
- «Линия Макнамары» *см.* «Противофилтратционный барьер»
- Лондонский университет 105, *см. также* Школа восточных и африканских исследований при Лондонском университете
- «Лук» («Look») 219, 245
- Массачусетский технологический институт 25, 266
- МБР *см.* Межконтинентальные ядерные баллистические ракеты
- МБРР *см.* Международный банк реконструкции и развития
- Медицинская школа Гарварда 45
- Международная контрольная комиссия (МКК) по наблюдению за выполнением Женевских соглашений 104–105, 149, 269
- Международный банк реконструкции и развития (МБРР) 26, 29, 59, 123, 124, 175, 255, 260, 330–332, 342, 373
- Межконтинентальные ядерные баллистические ракеты (МБР) 13–14, 55–56
- Меморандум о национальной безопасности № 273 131, 136
- «Меморандум о национальной безопасности № 288» 294

- Министерство военно-морских сил США 296
- Министерство обороны США 8–10, 13, 16, 19, 39, 44, 51, 53, 56–59, 74, 85, 110, 111, 119–122, 124, 126, 148, 173, 175, 182–183, 213, 215, 239, 263, 286, 293, 301, 303, 308, 330, 331, 354, 364, 365, 377, 381, *см. также* Архив Министерства обороны США; Архивное управление Министерства обороны США; Пентагон; Разведывательное управление Министерства обороны США (РУМО)
- Министерство финансов США 8
- Министерство юстиции США 301
- «Миннеаполис стар» («Minneapolis Star») 219
- Мировой банк *см.* Международный банк реконструкции и развития (МБРР)
- Мировой революционный процесс 26
- Мичиганский университет 47
- «Младотурки» 375
- «Мудрецы» 47, 219–221, 252, 325, 326, 328–329, 369, 371–373
- НАТО** *см.* Организация Североатлантического договора (НАТО)
- Национальная академия наук США 360, 362, *см. также* Комитет Национальной академии наук США
- Национально-освободительные войны 63, 103, 135, 218, 379
- Национальный архив (США) 225, 236, 364, 366, *см. также* Отдел президентских библиотек Национального архива
- Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама 21, 23, 27, 189, 204, 207, 253, 271, 288, *см. также* Вьетконг
- Нейтрализация Юго-Восточной Азии 134–135
- Нейтрализация Южного Вьетнама 87, 94, 102–103, 129, 134, 136, 142, 371
- Неядерная война 59, 173, 359
- Нобелевская премия 279
- «Новый Камелот» 9–10, 24, 27
- «Новый курс» 221
- «Ноготки» 268, 269, 271
- «Нью-Йорк таймс» («The New York Times») 56, 102, 238, 269, 301, 303, 343
- «Нью-Йорк таймс мэгэзин» («The New York Times Magazine») 214, 279, 280
- Нью-Йоркский университет 274, 381
- «Нью рипаблик» («New Republic») 231
- «Ньюсуик» («Newsweek») 75, 88–89, 130, 221, 231, 232, 251, 280
- Объединенное агентство по проведению военных учений КНШ 178, *см. также* «Сигма II-64»; «Сигма II-65»**
- Объединенные вооруженные силы НАТО в Европе 359, 360**
- Объединенный генеральный штаб 115**
- Объединенный комитет начальников штабов *см.* Комитет начальников штабов**
- Овальный кабинет 29, 61, 122, 126, 211, 215**
- Ограничение испытаний ядерного оружия 17**
- ОГРМ *см.* Организация граждан за разумный мир**
- Оклахомский университет 382**
- Оксфордский университет (США) 381, 382**
- ООН *см.* Организация Объединенных Наций (ООН)**
- ОПЕК *см.* Организация стран – экспортеров нефти**
- Организация американских государств 348**
- Организация африканского единства (ОАЕ) 348**
- Организация Варшавского договора 357, 361**
- Организация граждан за разумный мир (ОГРМ) 239**
- Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) 64, 70–71, 73, 94, 164–165**
- Организация Объединенных Наций (ООН) 12, 17, 21, 204, 220, 245, 248, 338, 344–348, 370, 376, 377, *см. также* Генеральная Ассамблея ООН; Совет Безопасности ООН**
- Организация Североатлантического договора (НАТО) 13, 57, 59, 94, 126, 131, 293, 347, 359–362, *см. также* Гибкое реагирование (стратегия НАТО)**
- Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК) 12**

- Организация Центрального договора (СЕНТО) 13
- Отдел истории военно-воздушных сил, авиабаза Боллинг (Вашингтон) 250
- Отдел истории Государственного департамента США 366
- Отдел истории Комитета начальников штабов 143, 365
- Отдел истории Министерства обороны США 74, 143
- Отдел по особым оценкам ЦРУ 150
- Отдел политического планирования Государственного департамента США 371, 376
- Отдел президентских библиотек Национального архива 366
- Отдел системного анализа Министерства обороны США 25
- Отдел хранения и раскрытия секретной информации Совета национальной безопасности 366
- Пагуошские конференции 315, 374
- Палата представителей Конгресса США 21, 75–76, 138–139, 161, 165, 206, 238, 276, *см. также* Комитет по ассигнованиям, Палата представителей (США)
- «Пан-Америкэн клипшер» 45
- Папа Римский 106, 248
- Партизанская война в Южном Вьетнаме *см.* Партизанское движение в Южном Вьетнаме
- Партизанские движения 20, 64, 78, 84, 95, 182, 200, 217, 373, 377, *см. также* Партизанское движение в Южном Вьетнаме
- Партизанское движение в Южном Вьетнаме 20, 70, 71, 73, 78, 111, 129, 139, 141, 142, 146, 150, 151, 153, 156, 176–178, 181, 186, 189, 207, 217, 226, 231, 233–235, 241, 259, 261, 283, 294, 304, 305, 339, 371, 372, 375
- Патет-Лао 68, 182
- Паузы в бомбардировках Северного Вьетнама 207, 208, 212, 230, 236, 241–254, 256, 268–270, 272, 273, 314, 318, 320, 321
- «Пенсильвания» 315, 320–322, *см. также* «Формула Сан-Антонио».
- Пентагон 7, 9–10, 12–13, 25, 41, 50, 52, 55, 57–58, 60–61, 65, 73–74, 79, 104, 119–120, 123, 127–128, 145–147, 201, 204, 209, 210, 213, 231, 238, 239, 248, 254, 266, 268, 277, 284, 285, 287, 293, 296, 298, 315, 322–324, 331–333, 335, 365, 366, 369, 374, 381, 382, *см. также* «Бумаги Пентагона»; «Документы Пентагона»; Министерство обороны США
- Первая мировая война 39–40, 63, 125
- Перерыв в бомбардировках Северного Вьетнама *см.* Паузы в бомбардировках Северного Вьетнама
- План Маршалла 219
- «План 34А» (Программа тайных операций против Северного Вьетнама) 131, 146, 148, 155–159, 163–164, 167
- Подкомитет по ассигнованиям на оборону, Комитет по ассигнованиям, Палата представителей 138–139
- Подкомитет по расследованиям при сенатском Комитете по вооруженным силам (Комитет Стенниса; Подкомитет Стенниса; Подкомитет ЦРУ/РУМО Стенниса) 303–311, 314, 315, 382
- Подкомитет Стенниса *см.* Подкомитет по расследованиям при сенатском Комитете по вооруженным силам
- Подкомитет ЦРУ/РУМО Стенниса *см.* Подкомитет по расследованиям при сенатском Комитете по вооруженным силам
- «Подсолнух» 268, 271
- «Поларис» 13
- Политика сдерживания 185, 188, 237, 240, 345, 361, 362
- «Потомакская электроэнергетическая компания» 308
- Правление безопасности 179
- Правление национальных оценок 250
- Президентские библиотеки 364, 366, *см. также* Библиотека Гарри С. Трумэна; Библиотека Джона Фицджералда Кеннеди; Библиотека Дуайта Дейвида Эйзенхауэра; Библиотека Линдона Бейнса Джонсона
- Принстонский университет 382
- Программа тайных операций против Северного Вьетнама *см.* «План 34А»

- Промышленная ассоциация национальной безопасности 145
«Противофилтратционный барьер» 266, 267, 284
Пулитцеровская премия 9
- Радиологическое оружие** 290
Разведывательное управление Министерства обороны США (РУМО) 132, 178–180, 308
Разведывательный директорат ЦРУ 147
Развивающиеся страны 18, 237, 255, 330, 331, 342
Разрядка международной напряженности (детант) 15
Республиканская партия (США) 35–36, 47–48
РУМО *см.* Разведывательное управление Министерства обороны США (РУМО)
- «Санди мирпор» («Sunday Mirror») 209
«Санди таймс» («Sunday Times») 116, 361
«Санди шоу» («Sunday Show») 145
СБСЕ *см.* Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)
СЕАТО *см.* Организация договора Юго-Восточной Азии
Сенат Конгресса США 21, 134, 144, 150, 162, 165–167, 206, 214, 221, 237, 251, 267, 279, 292, 354, 374, 382, *см. также* Сенатская комиссия по иностранным делам; Сенатский Комитет по ассигнованиям; Сенатский Комитет по вооруженным силам; Сенатский Комитет по международным отношениям
Сенатский Комитет по ассигнованиям 139, 267
Сенатский Комитет по вооруженным силам 72, 158, 162–163, 165, 167, 174, 177, 213, 267, 303, 376, 382, *см. также* Подкомитет по расследованиям при сенатском Комитете по вооруженным силам
Сенатский Комитет по международным отношениям 23, 144, 158, 162–165, 168, 279, 378
«Си-би-эс» («CBS») 93, 261, 263, 400
«Си-би-эс репортс» («CBS reports») 103–104, 260
«Сигма II-64» 178
«Сигма II-65» 231
«Симбионистская армия освобождения» 317
«Скотт пэйпер» 50
Служба Харриса 230, 252, 303
СНБ *см.* Совет национальной безопасности (США)
СНВ-1 *см.* Договор СНВ-1
СНО *см.* Совет национальных оценок (СНО) при ЦРУ
Совет Безопасности ООН 169, 359
Совет министров СССР 369, 372
«Совет мудрецов» *см.* «Мудрецы»
Совет национальной безопасности (США) 14, 16, 23, 60, 71, 73, 85, 89, 110, 112, 125, 129, 142, 147, 148, 152, 155, 159, 161, 182, 190, 193–197, 202, 203, 209, 211, 217, 220, 231, 252, 285, 292, 366, 372, 376, 378, *см. также* Исполнительный комитет Совета национальной безопасности; Отдел хранения и раскрытия секретной информации Совета национальной безопасности
Совет национальных оценок (СНО) при ЦРУ 152–153, 178
Совет по международным отношениям 300, 344
Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) 279
Социалистический лагерь 25
«Список девяноста четырех целей» 176–177, 185
Средства массовой информации 19, 88, 214, 273, 279, 360
Стратегия сдерживания *см.* Политика сдерживания
«Студенты за демократическое общество» 276
Стэнфордский институт 302
- Тайные операции, проводимые ЦРУ или при его участии 60–61, 131, 133, 146–148, 155, 156, 175, *см. также* «План 34А» (Программа тайных операций против Северного Вьетнама)
Тан-Сон-Нат, авиабаза 76
Техасский университет 381, 382
«Ти-дабл-ю-эй» («TWA») 132

- Тихоокеанский флот США 73, 157, 374
Тонкинская резолюция 21, 154—155, 163—168, 193, 214, 223, 371, 374, 378
Третий мир 63, 66, 342, 343, 346, 373, 379
Третья мировая война 218
«Трибьюн» («Tribune») 219
«Тропа Хо Ши Мина» 138, 177, 234, 235, 244, 249, 252, 256, 258, 284
«Труд» 357
- Университет Джонса Хопкинса 204, 234, 316, 347, 381
Университет Дьюка 219
Управление по изучению истории военно-воздушных сил США 366
Управление по оказанию военной помощи Вьетнаму 80, 114, 156, 183, 211, 232, 234, 243, 260—262, 264
Уотергейт *см.* «Уотергейтское дело»
«Уотергейтское дело» (Уотергейт) 35—36
Уэст-Пойнт 84, 149
- «Файнаншл таймс» («Financial Times») 332
Федеральное бюро расследований (ФБР) 46, 317
ФБР *см.* Федеральное бюро расследований
«Фиат» 53
Фонд законности 261
Фонд международной помощи 331
Фонд Форда 255, 256
«Форд» *см.* «Форд мотор компани»
«Форд дивиджен» 48
«Форд мотор» («Ford Motor») *см.* «Форд мотор компани»
«Форд мотор компани» («Ford Motor Company») 7—10, 12, 19, 26, 46, 48—50, 52, 68, 121, 174, 369, 377, 378, *см. также* «Форд дивиджен»
«Форин афферс» («Foreign Affairs») 63, 358, 360, 362
«Формула Сан-Антонио» 321, *см. также* «Пенсильвания»
«Форчун» («Fortune») 8
- Химическое оружие 290
- «Холодная война» 36, 57, 64, 102, 172, 219, 220, 279, 299, 328, 337, 338, 342—347, 349, 352, 354, 358, 359, 371
Центр Вильсона (Вашингтон) 357
Центр военной истории Армии США 282, 339, 366, 380
Центр истории военно-морского флота США 381
Центр Стимсона 354, 363
Центральное разведывательное управление (ЦРУ) 15—16, 55, 60—61, 75, 80, 85, 87—88, 90—92, 97, 106, 112—115, 125, 131, 147—148, 150, 152, 155—156, 163, 178—180, 182, 184, 186, 205, 250, 259—262, 284, 286, 287, 295, 297, 298, 300, 308, 312, 314, 326, 339, 350, 356, 357, 366, 371, 372, 374, 378, *см. также* Отдел по особым оценкам ЦРУ; Разведывательный директорат ЦРУ; Совет национальных оценок (СНО) при ЦРУ; Тайные операции, проводимые ЦРУ или при его участии
Центральный архив Государственного департамента США 160, 236
ЦРУ *см.* Центральное разведывательное управление (ЦРУ)
- «Четыре пункта» 204, 268
«Чтение — основа всего» 336
- Шестидневная война 297—299
Шестой флот США 299
Школа бизнеса *см.* Гарвардская школа бизнеса (Гарвардская высшая школа управления торгово-промышленной деятельностью)
Школа восточных и африканских исследований при Лондонском университете 105
Школа Кеннеди при Гарвардском университете 275
Штаб английских вооруженных сил 360
- «Эн-би-си» («NBC») 95, 145
«Эндрюс», авиабаза 79, 120
- ЮПИ (UPI) *см.* Юнайтед Пресс Интернэшнл

«Юнайтед ауто уоркерс» («United Auto Workers») 41

Юнайтед Пресс Интернэшнл (United Press International) 13, 279

Ядерная война 16, 59, 138, 173, 184, 217, 363

Ядерная стратегия США 12–16, 59, 363

Ядерное оружие 12–19, 55, 57, 59, 125, 126, 138, 140, 171–174, 184, 195, 196, 217, 255, 290, 294, 353–355, 357–362

Ядерный конфликт 16–18

Ядерный удар 57, 59, 140, 174, 358, 359

«Ястребы» 23–24, 88, 273, 279, 303, 331

Макнамара Р.

Вглядываясь в прошлое: Трагедия и уроки Вьетнама/Пер. с англ. — М.: Ладомир, 2004. — 409 с., 32 с. ил.

ISBN 5-86218-433-3

Книгу Р. Макнамары, министра обороны США в годы вьетнамской трагедии, а позднее — президента Международного банка реконструкции и развития, отличает «эффект присутствия»: читатель словно бы участвует в проводившихся президентами Кеннеди и Джонсоном ночных совещаниях в Овальном кабинете, «приглашается» на заседания комиссий Конгресса США, «слышит» реплики спорящих военных в Пентагоне.

Автор с потрясающей искренностью описывает моральный подъем, заставивший его предпринять все возможное для победы в войне, и... нарастающую убежденность в том, что во Вьетнаме победить нельзя.

Это монолог после тридцатилетнего молчания, анализ свершившегося и несвершившегося, исповедь и вызов. Вызов прежде всего самому себе.

Роберт Стрэйндж Макнамара

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ

Трагедия и уроки Вьетнама

Редактор *Ю.Н. Маслов*

Корректор *Н.М. Соколова*

Компьютерная верстка *В.Г. Курочкин*

ИД № 02944 от 03.10.2000 г.

Подписано в печать 27.08.2004

Формат 60х90 ¹/₁₆. Гарнитура «Баскервиль»

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная

Усл. печ. л. 26,0 + вкладка 2,0. Тираж 2 000 экз.

Заказ № 5199

Научно-издательский центр «Ладомир»

124681, Москва, Заводская, 6а

Тел. (095) 537-98-33

E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

lomonosowbook@mtu-net.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 5-86218-433-3

9 785862 184334

Р. АРОН

МЕМУАРЫ: 50 ЛЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Эта книга — повествование о встрече, встрече жестокого Века и могучего Ума, жаждавшего познать его. Ее автор, французский философ и журналист-политолог, живя в 30-е годы в Германии, одним из первых разглядел в социально-политических процессах этой страны надвигающуюся всемирную катастрофу. С тех пор стремление понять политическую жизнь людей стало смыслом его существования. Тем, кто откроет книгу, предстоит насладиться «роскошью общения» с Ш. де Голлем, Ж.-П. Сартром и другими великими личностями, которых хорошо знал автор, этот «Монтень XX века», как его окрестили соотечественники.

У. ХАТТОН

МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

Книга посвящена анализу взаимоотношений между двумя главными центрами силы современного мира — США и Европейским Союзом. Автор доказывает, что в своем нынешнем виде американский подход к бизнесу, социальным проблемам, общественному договору и международным военно-политическим отношениям дискредитирует принципы либерализма и всю систему западных ценностей, угрожая стабильности глобальных процессов. Стать реальным противовесом Соединенным Штатам может только объединенная Европа, опирающаяся на свой богатый исторический опыт, прочные интеллектуальные и культурные традиции, растущую хозяйственную мощь.

Ф. ЗАКАРИЯ

Будущее свободы:

НЕЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В США И ЗА ИХ ПРЕДЕЛАМИ

Книга главного редактора американского журнала «Ньюсуик интернэшнл» Фарида Закарии стала заметным событием в мировой политологии и активно обсуждается зарубежными экспертами.

Автор считает, что на Западе получили распространение искаженные и дезориентирующие представления о содержании и смысле демократии. Налицо смешение процессов демократизации и либерализации, отождествление свободных выборов и справедливого политического устройства. Однако демократия характеризует лишь форму правления, а не глубинные черты социальной организации, и потому не является ни самоцелью, ни воплощением общественно-политического идеала. Демократическую систему правления нельзя считать абсолютным благом, она может быть и нелиберальной, вести к тирании большинства или служить укреплению власти авторитарных правителей. Стратегия навязывания демократии другим странам, взятая на вооружение правительством Соединенных Штатов, ошибочна и не способна гарантировать прогресс и свободу в современном мире.

Для политологов, социологов, историков, экономистов, специалистов в области международных отношений, а также широкой общественности.

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР»

ВЫШЛИ

Ж. КЕПЕЛЬ

Джихад:

Экспансия и закат исламизма

Последняя четверть 20-го столетия отмечена неожиданным для многих экспертов выходом на политическую арену радикальных движений, пытавшихся, черпая вдохновение в Коране и Сунне Пророка Мухаммада, создать в мусульманских странах «подлинно исламское» государство и объявлявших «джихад» своим противникам.

В книге не просто обрисована картина современного мусульманского мира. У читателя появляется реальная возможность понять изнутри (что очень важно!) одно из основных политико-религиозных явлений конца XX — начала XXI века.

С момента появления на прилавках книжных магазинов эта книга завоевала прочное первенство в «индексах цитирования» по данной теме. Энциклопедическое по охвату исследование Жилия Кепеля написано настолько увлекательно, что его жанр по праву можно охарактеризовать как «политический триллер».

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР»

готовит к изданию

В. ЕРЕМЕЕВ

СИМВОЛЫ И ЧИСЛА «КНИГИ ПЕРЕМЕН»

Монография посвящена исследованию «арифмосемиотики» (*сян шу чжи сюэ*) — математизированному учению о символах «Книги перемен» («И цзин»), являющейся одним из удивительных памятников китайской культуры. В книге реконструируются принципы, на основе которых создавалась арифмосемиотика и через призму которых она видится как высокоорганизованная мировоззренческая и методологическая система, не имевшая аналогов в древнем мире. Подробно рассматривается применение символики «Книги перемен» в отдельных сферах науки традиционного Китая — психологии, этике, астрономии, медицине и теории музыки.

Публикуются переводы с китайского канонической части «Книги перемен» и четырех комментариев к ней: «Си цы чжуань», «Шо гуа чжуань», «Сюй гуа чжуань» и «Цза гуа чжуань».

Издание адресовано всем, кто интересуется древнекитайской философией, историей и культурой.

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР»

готовит к изданию

КАРДИНАЛ-ГЕРЦОГ ДЕ РИШЕЛЬЁ

Политическое завещание,
или Принципы управления государством

Для русского читателя Арман Жан дю Плесси Ришельё (1585—1642) — в первую очередь персонаж «Трёх мушкетеров» Александра Дюма. Но с реальным историческим деятелем романый образ имеет очень мало общего. Каким в действительности был кардинал Ришельё? Полнее всего на этот вопрос отвечает его собственное «Политическое завещание», написанное для короля Людовика XIII. Это уникальное сочинение — плод изощренного ума и колоссального политического опыта — не может не поразить отечественного читателя. Ведь проблемы, над которыми бился и которые успешно решил автор — актуальнейшие для современной России: укрепление границ государства, реформа армии, возрождение флота, борьба с сепаратизмом гугенотов, колоссальные внешняя и внутренняя долги, изгнание с «хлебных» должностей льстецов и интриганов, искоренение коррупции и воровства, обуздание всевластия губернаторов, искоренение бедности, угрожавшей самому существованию государства и наконец поиск сплачивающей национальной идеи...

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР»
В СЕРИИ «РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
готовит к изданию

Д. РАНКУР-ЛАФЕРЬЕР

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПСИХОАНАЛИЗ

Дениэл Ранкур-Лаферьер — современный американский литературовед, русист. В его книгу вошли работы, посвященные самым известным русским писателям: Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Достоевскому, Льву Толстому, Солженицыну... Выводы западного ученого, опирающегося в своих исследованиях на методы классического и неклассического психоанализа (М. Кляйн, Д.-В. Винникот, Х. Кохут, М. Малер, Дж. Боулби и др.), могут кого-то шокировать и даже возмутить. Но вместе с тем они дают богатую пищу для размышлений, позволяют совершенно по-новому взглянуть на такие хрестоматийные литературные персонажи как Евгений Онегин, Татьяна Ларина, Пьер Безухов, гоголевские Шпонька и Хома Брут... В том включена и сенсационная биография «Лев Толстой на кушетке психоаналитика», рассказывающая о знаменитом писателе с совершенно неожиданной стороны.

В целом издание дает представление о том, как развивается на Западе психоаналитическое литературоведение. Книга чрезвычайно интересна не только тем, кто изучает различные аспекты сексуальности и эротики, пронизывающих русскую культуру, но и всем, кто хотел бы глубже понять известные художественные произведения.

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР»
В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»
готовит к изданию

С. ДЕ БОВУАР

Мандарины

«Мандарины» — один из самых знаменитых романов XX века, вершина творчества Симоны де Бовуар, известной писательницы, философа, «исключительной женщины, наложившей отпечаток на все наше время» (Ф. Миттеран).

События, описанные в книге, так или иначе связаны с крушением рожденных в годы Сопротивления надежд французской интеллигенции. Чтобы более полно представить послевоенную эпоху, автор вводит в повествование множество персонажей, главные из которых — писатели левых взглядов Анри Перрон и Робер Дюбрей (их прототипами стали А. Камю и Ж.-П. Сартр). Хотя основную интригу составляет ссора, а затем примирение этих двух незаурядных личностей, важное место в сюжете отведено и Анне, жене Дюбрея — в этом образе легко угадываются черты самой Симоны де Бовуар. Многие из того, о чем писательница поведала в своем лучшем, удостоенном Гонкуровской премии произведении, находит объяснение в женской судьбе как таковой и связано с положением женщины в современном государстве.

Роман, в течение нескольких десятилетий считавшийся настольной книгой западных интеллектуалов, наконец пришел и к русскому читателю.

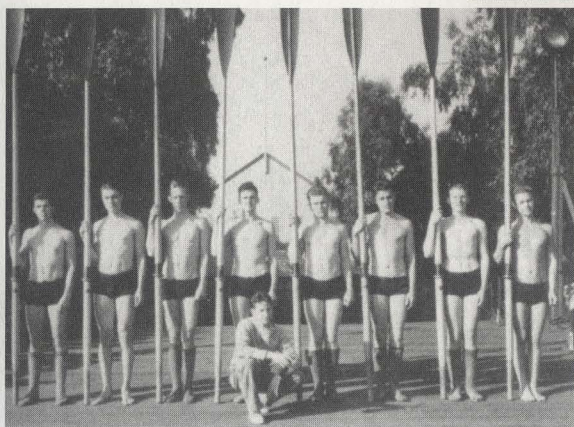
Любые книги «Ладомира»
можно заказать наложенным платежом
по адресу: 124681, Москва, Заводская, д. 6а, НИЦ «Ладомир».
Тел.: (095) 537-98-33;
тел. склада: (095) 533-84-77.

E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

Для получения бесплатного перспективного плана издательства
и бланка заказа вышлите по этому же адресу
маркированный конверт.

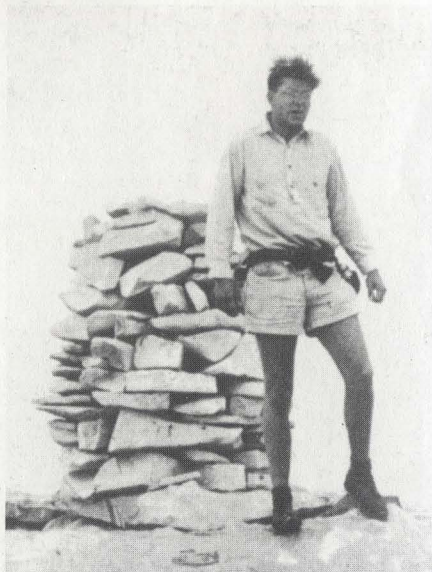
Ранние годы

1931 г. Я здесь — бойскаут-«орел». Участие в бойскаутском движении оказало огромное влияние на всю мою последующую жизнь: привило любовь к туризму — и поныне одному из наиболее страстных моих увлечений; заложило задатки лидера и, наряду с Церковью и родными, содействовало формированию совершенно определенных ценностных представлений.

1933 г. Крайний слева в команде гребцов — я, первокурсник Калифорнийского университета.

1937 г. На вершине горы Уитни (4418 м. над уровнем моря). Снимок сделан моим товарищем во время грозы, разразившейся, как только мы взобрались наверх. Из-за статического электричества, «разлившегося» в воздухе после очередного удара молнии, волосы у меня на голове буквально встали дыбом. Вновь я поднялся на Уитни лишь пятьдесят лет спустя. Незадолго до этого во время такой же грозы там погибло несколько альпинистов.

Вторая мировая война

В начале 1943 г. во время службы в качестве консультанта Министерства обороны (при вновь организованном Восьмом авиасоединении в Англии) мне присвоили звание капитана армейских ВВС.

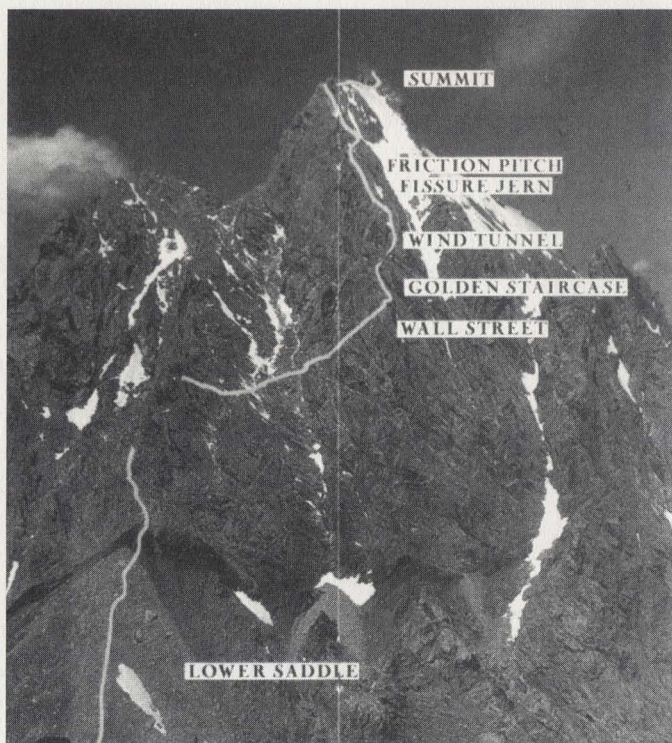
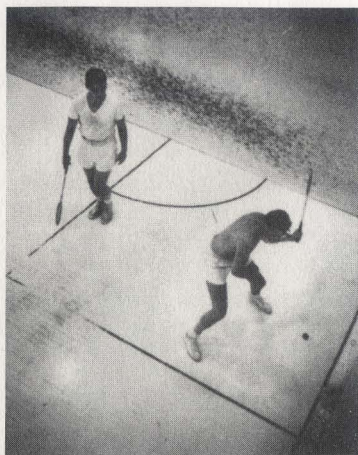
Эти двое на протяжении полутора лет моей службы за границей — в Великобритании, Индии, Китае и на Марианских островах — оставались в Кембридже. Из-за трудностей с бензином Марджи редко пользовалась машиной и с нашей годовалой дочкой обычно перемещалась на велосипеде.

1946 г. По завершении военной службы в звании полковника я был награжден орденом Почетного Легиона командующим ВВС генералом Хэпом Арнольдом.

Бывали и моменты для отдыха и игр

За семь лет работы в Пентагоне я и министр сельского хозяйства Орвилл Фримен провели примерно 2500 игр в сквош. Силы были равны: мы оба играли плохо, но с большим азартом.
(Фото из журнала «Лайф»)

Несколько раз во время летних отпусков я поднимался на вершину горы Великий Титон (4196 м. над уровнем моря) в Вайоминге вместе с семьей. Мы следовали по маршруту, обозначенному на фотографии. Эта вершина названа в честь моего друга и гида Глена Икзама, впервые покорившего ее в 1937 г.

(Фото из «Ол рид»)

Иногда Марджи и я совершали походы по диким уголкам Колорадо.

1981 г. Прах Марджи я похоронил в ее любимом месте, близ снежных вершин, в пустоши Марон-Белло, рядом с нашим домом в Аспене. По дороге на гору Сноумасс (высота — 4295 м.) я сломал руку. На фотографии — сын Крэйг оказывает мне первую помощь.

Parade

MRS. ROBERT McNAMARA:
WIFE OF A MAN
UNDER FIRE

by LLOYD SHEARER

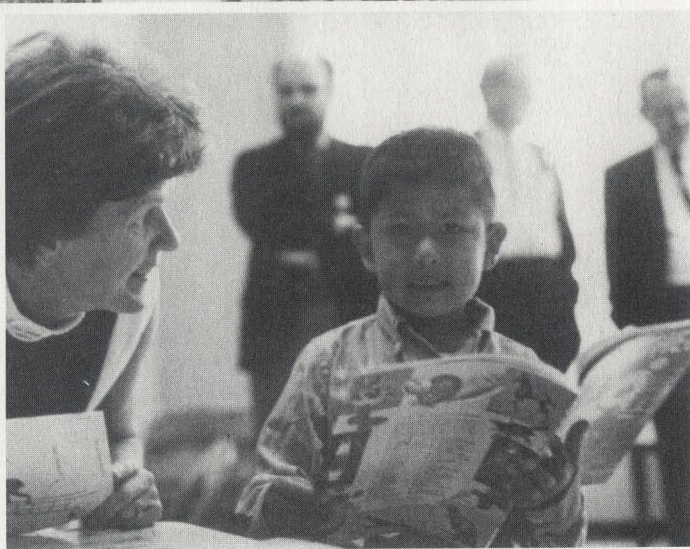

Февраль 1966 г. Марджи выступает в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе вместо леди Берд Джонсон.

(Фото из журнала «Парад»)

Программа Марджи «Чтение — основа всего»

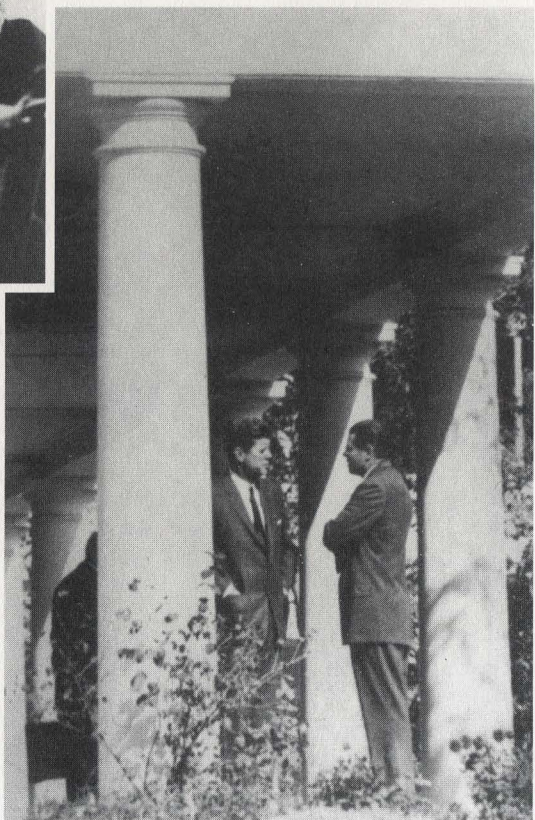

В 1966 г. Марджи занялась разработкой программы «Чтение — основа всего» для школьников пятых и шестых классов, отстающих в развитии и плохо умеющих читать. Программа ставила своей целью привить детям из неблагополучных и бедных семей интерес к чтению и научить их легко читать. Когда пятнадцать лет спустя Марджи умерла, 70 тыс. добровольцев, участвовавших в этой программе, стали распространять ежегодно 11 млн книг для трех миллионов детей. Организация «Чтение — основа всего» продолжает действовать и в наши дни под руководством Эн Ричардсон, жены бывшего министра юстиции Эллиота Ричардсона.

Дин Раск, Макс Тэйлор и я были частыми гостями президента.

(Фото из собрания Библиотеки Джона Ф. Кеннеди)

*25 ноября 1963 г. Похоронная процессия. Если 20 января 1961 г. — самый замечательный день моей жизни, то 25 ноября 1963 г. — самый печальный.
(Фото представлено Р. Кнудсеном)*

Новый президент

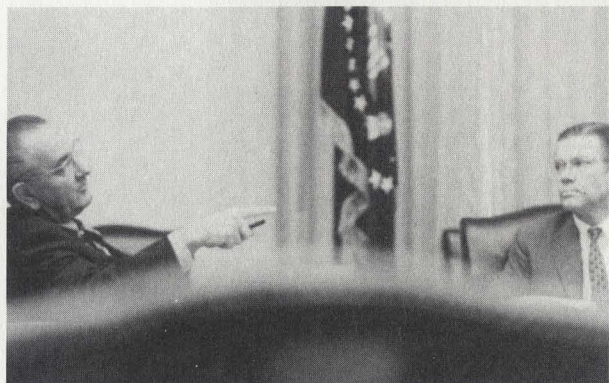
24 ноября 1963 г. Первые шаги Линдона Джонсона в качестве президента. Еще до переезда в Овальный кабинет, в апартаментах Старого дома правительства у него была встреча с Дином Раском, Джорджем Боллом, послом Лоджем и мной. Обсуждались проблемы Вьетнама. Указание президента было недвусмысленным: победить!

(Фото из собрания Библиотеки Линдона Б. Джонсона)

Южновьетнамская эпопея разворачивается...

Я его не убедил.
(Фото из собрания
Библиотеки Лин-
дона Б. Джонсона)

И он меня не убедил.
(Фото из собрания
Библиотеки Лин-
дона Б. Джонсона)

И в этом было мало радости.

(Фото из собрания Библиотеки Линдона Б. Джонсона)

Приятный сюрприз

Награждение ме-
далью Свободы.

Прекрасный подарок от леди
Берд.

*(Фото из собрания Библиотеки
Линдона Б. Джонсона)*

Сразу после моего ухода из Пентагона мы с Марджи отправились в Аспен, провели там месяц, катаясь на лыжах, и прервали отпуск ради нескольких встреч на Карибах. На обратном пути в аэропорту Майами — приятная неожиданность — мы встретились с Джеки Кеннеди.

В Международном банке реконструкции и развития

1968 г. Ежегодное заседание в Вашингтоне.

Сентябрь 1973 г., Кения. Каждый год в сентябре президент МБРР и управляющий Международным валютным фондом являются сопредседателями заседаний с участием министров финансов и руководителей крупнейших банков всего мира. В сентябре 1968 г., через шесть месяцев после моего ухода с поста министра обороны, я выдвинул пятилетнюю программу оказания банком технической и финансовой помощи развивающимся странам в двукратном размере. При всей ее спорности она все же была принята. На встрече в Найроби в 1973 г. я предложил не менее спорную программу поднятия уровня производительности труда, а следовательно, и доходов «абсолютно бедных», то есть нескольких сотен миллионов людей, живущих в нищете.

Любимая работа

Папа Иоанн Павел II проявил большой интерес к программе МБРР по ускорению экономического и социального развития стран «третьего мира». Он пригласил меня в Ватикан. Встреча была очень дружеской и содержательной: мы во многом сошлись во взглядах, и оба одобрили идею «планирования семьи».

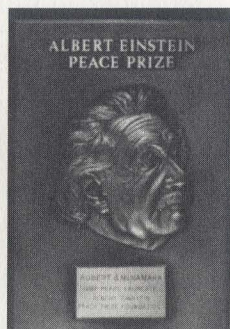

Апрель 1980 г. Я провел переговоры с Ден Сяопином о возвращении Китайской Народной Республики в МБРР. Между нами установились дружеские отношения. Ден объявил о своей цели — четырехкратном увеличении валового национального продукта Китая в период с 1980 по 2000 г. и распределении полученных доходов между всеми слоями китайского общества. Мало кто верил тогда в осуществление этой идеи. Но Ден сумел даже превзойти задуманное.

Недавние годы

В 1982 г. я был награжден Премией мира имени Эйнштейна за мои усилия по сокращению опасности ядерной войны.

1987 г. Получение почетной степени Оксфордского университета.
В дипломе было написано: «Он перековывает мечи на орала».

(Фото наверху из газеты «Гардиан»)

Март 1964 г. Президент Джонсон перед моим отбытием во Вьетнам сказал, что ему очень хочется видеть тысячи фотографий, на которых я приветствовал бы Кхяня, демонстрируя тем самым американскую поддержку Южного Вьетнама. К моему величайшему сожалению Линдон Джонсон своего добился.

(Фото из журнала «Лайф»)

Макс и я вновь отправились во Вьетнам.

(Фото из журнала «Лайф»)

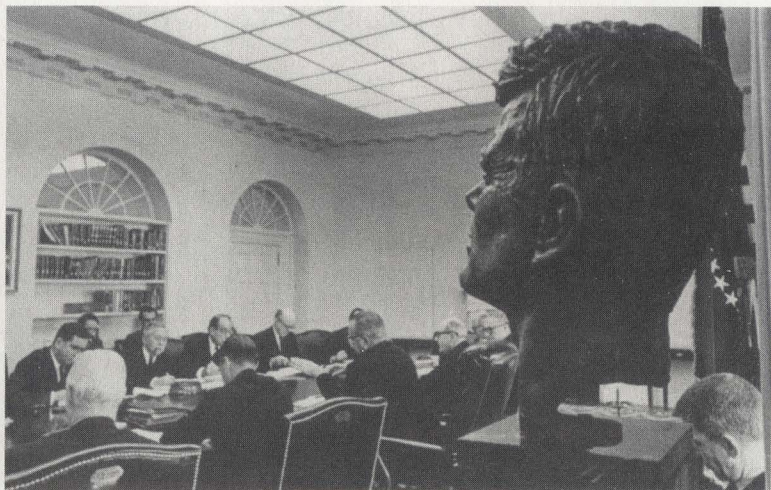

1966 г. Еще одно посещение Вьетнама, на этот раз с Генри Кэботом Лоджем-младшим, занимавшим два срока подряд пост посла США в Южном Вьетнаме.

(Фото из «Арми ньюз фичерс»)

Во время вьетнамского кризиса

Май 1967 г. На давно запланированной встрече Линдона Джонсона с премьер-министром Великобритании Гарольдом Вильсоном предполагалось обсудить ситуацию в мире. Однако главной темой переговоров стала возможность большой войны на Ближнем Востоке.

6 июня 1967 г. Мы собрались в Ситуационном зале, чтобы обсудить, как реагировать на послание советского премьер-министра Косыгина, полученное по «горячей линии». В нем, по сути, говорилось: если вам хочется войны, вы ее получите.

(Фото из собрания Библиотеки Линдона Б. Джонсона)

23 июня 1967 г. Встреча с Косыгиным в Глассборо. Президент Л.-Б. Джонсон попросил меня передать советскому лидеру, что, по нашему мнению, развертывание советской противоракетной системы нарушит ядерный баланс между НАТО и Организацией Варшавского договора. Мое заявление рассердило Косыгина, но через несколько лет привело все-таки к подписанию договоров по ПРО и ОСВ.

(Фото из собрания Библиотеки Линдона Б. Джонсона)

Производим и продаем автомобили

1946 г. «Вундеркинды»: об этой группе из десяти армейских офицеров написан целый ряд книг. Вместе мы стали работать в январе 1946 г., чтобы помочь Генри Форду II перестроить свою компанию. Судьбы здесь изображенных сложились по-разному: один был уволен, один ушел сам, двое покончили жизнь самоубийством, а остальные шестеро проработали на самых высоких руководящих постах «Форд моторс компани» в общей сложности более 150 лет.

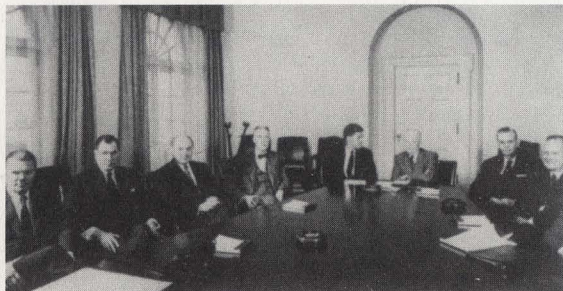
Пятидесятые годы

В середине 50-х гг., будучи генеральным директором «Форд дивижн», я вместе со своим заместителем и директором по реализации продвигал на рынок новые модели машин. Это были потрясающие годы, когда автомобильная промышленность усиленно искала новые пути развития. Не все наши начинания имели коммерческий успех. В 1956 г. журнал «Аутомотив Ньюс» писал: «В нынешнем сезоне «Шевроле» пытался продавать скорость, а Макнамара и «Форд» — безопасность. Похоже, публика предпочла скорость».

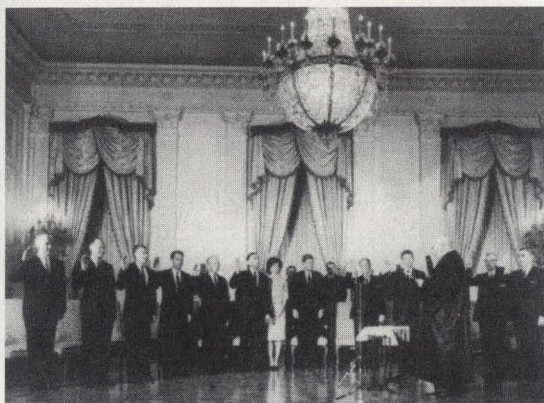
Октябрь 1960 г. После того, как совет директоров «Форд моторс компани» избрал меня президентом — первым за всю историю компании, который не принадлежал к семейству Фордов, — Генри Форд II объявил об этом прессе. Но через семь недель я покинул этот пост, чтобы стать министром обороны.

С Джоном Ф. Кеннеди

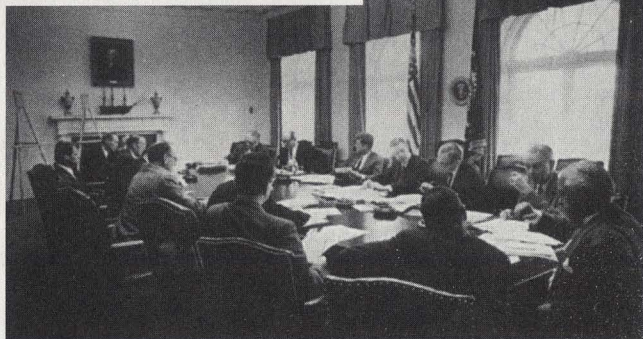
19 января 1961 г. Происходит передача власти. Президент Эйзенхауэр ввел нас в проблемы Юго-Восточной Азии на совещании, по поводу которого и по сей день ломаются копья.

(Фото из собрания Библиотеки Джона Ф. Кеннеди)

20 января 1961 г. Приведение к присяге кабинета Кеннеди. Самый великий день в моей жизни.

(Фото из собрания Библиотеки Джона Ф. Кеннеди)

Октябрь 1962 г. Заседание «Исполнительного комитета», представлявшего собой группу советников президента Кеннеди во время Кубинского ракетного кризиса. Мы и тогда полагали, что опасность весьма велика, но лишь совсем недавно узнали, что ситуация была просто угрожающей: мир стоял на грани ядерной катастрофы.

(Фото из собрания Библиотеки Джона Ф. Кеннеди)

Март 1961 г. Незадолго до фиаско в Заливе Свиней я встречался с президентом и вице-президентом.

*(Фото агентства АП — из собрания
«Всемирная фототека»)*

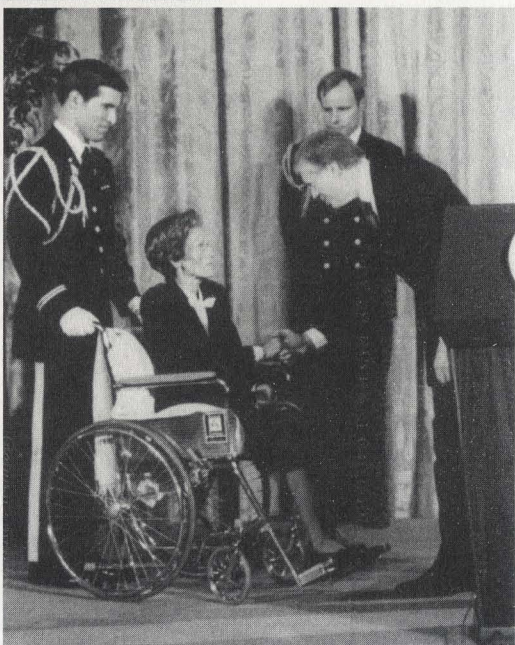
Бобби, к тому времени ближайший советник президента, был вездесущ.

Марджи была неутомимым организатором, и ей удалось привлечь многих своих друзей к участию и финансированию программы «Чтение — основа всего». Среди них были вице-президент Рокфеллер, Джон Ченслер и Тед Кеннеди.

16 января 1981 г. За семнадцать дней до кончины Марджи президент Картер вручил ей медаль Свободы — высшую награду страны для гражданских лиц.

(Фото из собрания Библиотеки Джимми Картера)

THE SECRETARY OF DEFENSE
WASHINGTON

February 23, 1968

Dear Mr. President

I cannot find words to express to you the feelings that lie in my heart.

Fifty-one months ago you asked me to serve in your cabinet. No other period in my life has brought so much struggle -- or so much satisfaction.

The struggle would have been infinitely greater and the satisfaction immeasurably less if I had not received your full support every step of the way.

No man could feel to be proud of service in an administration which has recorded the progress you have in the fields of civil rights, health, and education. One hundred years of

neglect can not be overcome overnight.
That you have pushed, dragged, and
cajoled the nation into basic reforms
from which my children and my
children's children will benefit for
decades to come. I know the price
you have paid, both personally and
politically. Every citizen of our land
is in your debt.

I will not say goodbye - you
know you have but to call and
I will respond.

Sincerely
RJR

Рукописный текст моего заявления об отставке. В нем я выразил глубокое уважение президенту Джонсону и восхищение им как человеком, груз ответственности которого вскоре оказался слишком тяжелым.

(Фото из собрания Библиотеки Джимми Картера)

29 февраля 1968 г. Участие президента в церемонии по случаю моего ухода из Пентагона было сопряжено с рядом осложнений, словно предвещавших дальнейшие трудности Джонсона. Из-за дождя вся церемония оказалась испорчена, фейерверки пришлось отменить, а лифт застрял между этажами, когда президент поднимался в мой кабинет. Представители спецслужб, оказавшись на грани истерики, предприняли срочные меры для освобождения президента и налаживания работы лифта.

(Фото из собрания Библиотеки Линдона Б. Джонсона)

Не можем найти выход

Май 1965 г. И мне и Сайрису Вэнсу было очень трудно приступить к обсуждению драматического решения, которое все-таки пришлось принять.

(Фото из собрания Библиотеки Линдона Б. Джонсона)

27 июня 1965 г. День судьбоносного решения президента о начале крупномасштабных сухопутных боевых действий в Юго-Восточной Азии.

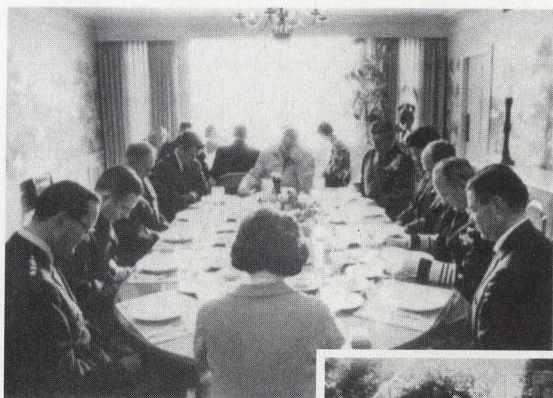
(Фото из собрания Библиотеки Линдона Б. Джонсона)

Бесконечные совещания

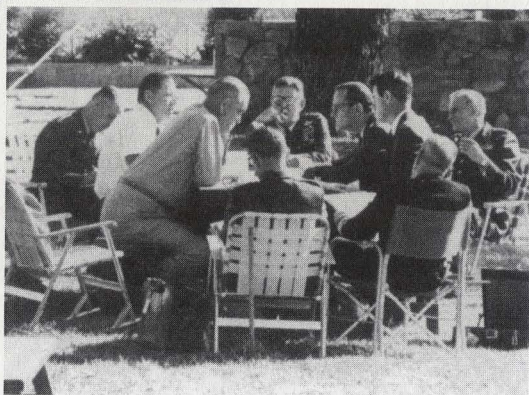

Февраль 1966 г. С Уэсти и Эрлом Уилером в Гонулулу.
(Фото из собрания Библиотеки Линдона Б. Джонсона)

С начальниками штабов
на ранчо в Техасе.

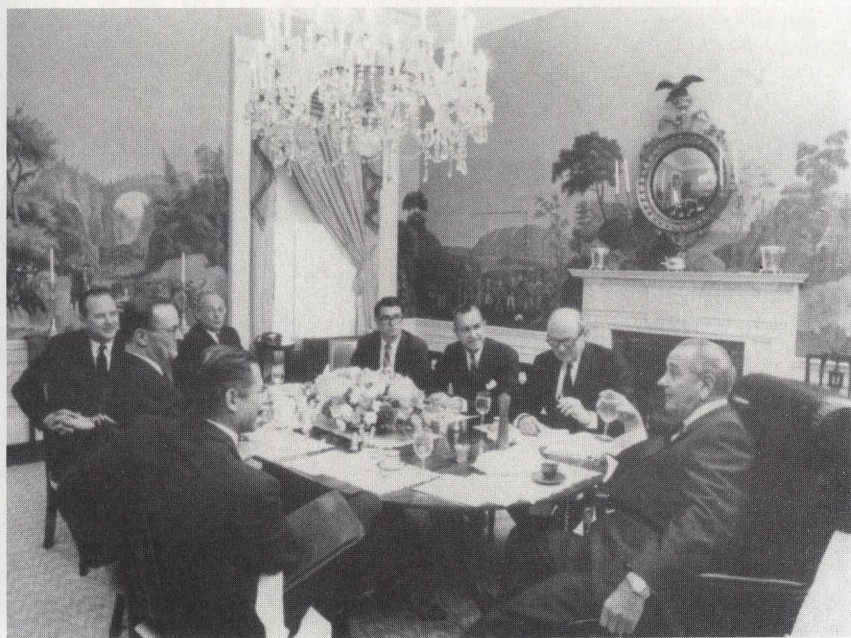
(Фото из собрания
Библиотеки Лин-
дона Б. Джонсона)

Март 1967 г. С Тхьеу и Ки на Гуаме.

22 ноября 1967 г. Ланч во вторник. Собравшиеся не знали, что тремя неделями ранее, 1 ноября, я подал президенту докладную записку, в которой утверждал, что мы не можем победить во Вьетнаме.

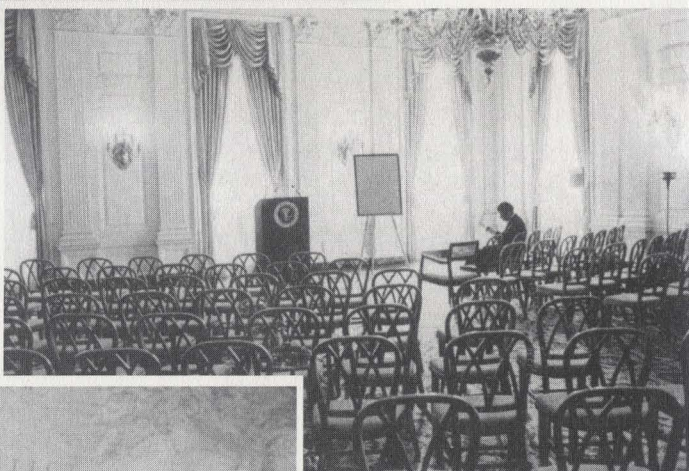
(Фото из собрания Библиотеки Линдона Б. Джонсона)

И бесконечные брифинги...

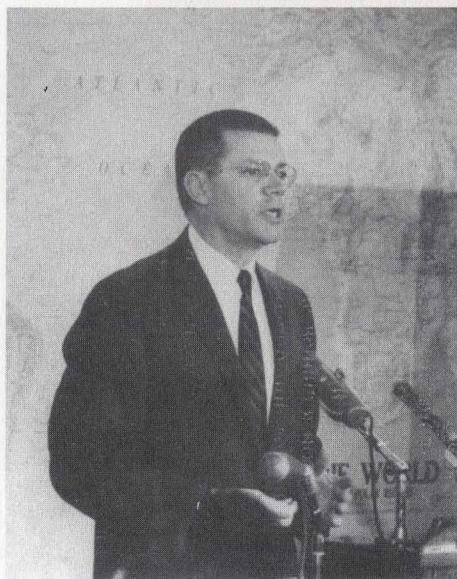

... для лидеров Конгресса
в зале заседаний кабинета.
(Фото из журнала
«Лайф»)

... для депутатов Палаты предста-
вителей и Сената в Восточном
кабинете Белого дома.

(Фото из собрания Библиотеки
Линдона Б. Джонсона)

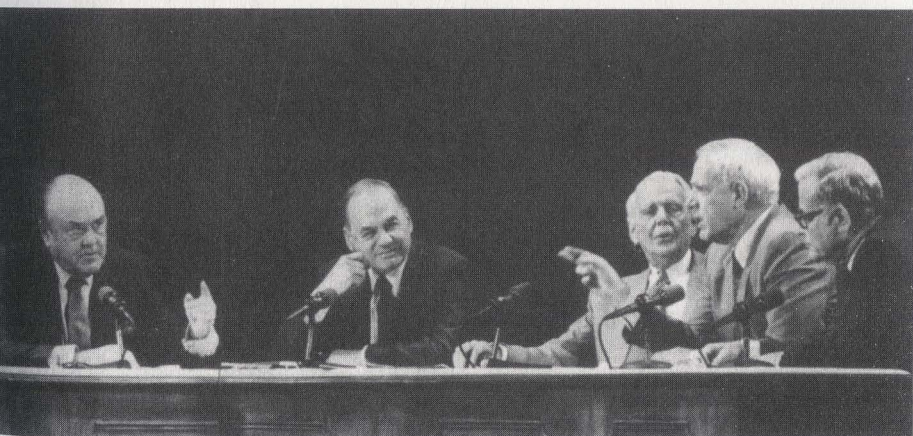

... и для прессы в Пентагоне.
(Фото из журнала «Лайф»)

1991 г. Выступление на конференции по глобальному развитию. Я пробыл на посту директора МБРР тринадцать лет и покинул его в 1981 г. После отставки — занялся такими волнующими проблемами, как уменьшение опасности ядерной войны, ускорение экономического и социального развития стран «третьего мира», поиск альтернативных путей решения внутригосударственных и межгосударственных конфликтов после окончания «холодной войны». Интересуют меня также вопросы поляризации и маргинализации нашего общества — «неспособности найти работу» растущего числа людей.

1987 г. Бывшие министры обороны США обсуждают проблемы оборонной политики.

Сегодня — на сколько хватает сил

Во время работы над рукописью я выкроил время для зимнего восхождения на вершину горы Хоумстейк (высота — 4 тыс. м. над уровнем моря) на линии континентального разлома в Колорадо. На пути к вершине стоит несколько домиков. Первые два из них я построил в память о Марджи, чтобы в них могли останавливаться туристы, посещающие этот лесной край. Мой спутник в походе — доктор Бен Эйземан, бывший вице-президент Американской коллегии хирургов. Нам обоим уже далеко за семьдесят. Но мы надеемся продолжать лыжные прогулки и восхождения на горы до конца наших дней!

СССР

Монголия

Китай

Северная Корея

Пекин

Пхеньян

Японское море

Сеул

Япония

Токио

Южная Корея

Шанхай

Восточный Пакистан

Демилитаризованная зона

Индия

Лаос

Северный Вьетнам

Ханой

Кантон

Тайбэй

Тайвань

Бирма

Рангун

Тайланд

Бангкок

Пномпень

Камбоджа

Южный Вьетнам

Сайгон

Сиамский залив

Бруней

Малайзия

Сингапур

Куала-Лумпур

Джакарта

Индонезия

Малаккский пролив

Тихий океан

Манила

Филиппины

Новая Гвинея

Индийский океан

Австралия

Километры

0 500 1000

Мили

0 500 1000

На экваторе

«Мы, члены администраций Кеннеди и Джонсона, участвуя в принятии решений по Вьетнаму, полагали, что действуем, руководствуясь национальными принципами и традициями. Наши решения вырабатывались в соответствии с этой системой ценностей.

Однако мы ошибались, чудовищно ошибались. И должны объяснить будущим поколениям, почему это произошло».

«Интересный и чрезвычайно искренний анализ ошибок, допущенных "лучшими и наиболее выдающимися" гражданскими и военными лидерами США в ходе войны во Вьетнаме. Эту книгу необходимо прочитать и взять на вооружение нынешним и будущим офицерам, чтобы избежать подобных ошибок в дальнейшем».

Роберт Э. Пёрсли (ВВС США)

«Возможно ли, чтобы кто-либо из власть имущих нашел в себе силы признать собственные ошибки и объяснить, почему он и его страна были неправы? Это делает Роберт Макнамара в своей смелой, честной и бросающей вызов книге».

Артур Шлезингер-мл.